

Результат многолетнего исследования А.Бузгалина и А.Колганова доказывает: Маркс не устарел. Книга показывает, что трудовая теория стоимости – это будущее, позволяющее понять те основные изменения капитализма, которые привели к гегемонии корпоративного капитала.

Самир Амин, президент Всемирного форума альтернатив

Это исследование, которое является одновременно и фундаментальным, ибо опирается на широчайший анализ материала и источников, и пионерным, ибо содержит массу оригинальных, новых идей, и спорным, ибо провоцирует на дискуссию по большинству вопросов.

Руслан Гринберг, чл.-корр. РАН, директор Института экономики РАН

Новое третье издание «Глобального капитала» будет интересно каждому, кто хочет понять современный капитализм. Опираясь на работы многих ученых разных стран мира, авторы предлагают уникальный и провокационный анализ, обновляющий марксистскую политэкономию, акцентируя ее диалектические основания.

Дэвид Котц, профессор Массачусетского университета, заслуженный профессор Шанхайского университета экономики и финансов

Книга отвечает вызовам и тех, кого интересует современная марксистская политэкономию и ее ответ неоклассике, и тех, кто ищет ответы на загадки глобализации. Особенно силен анализ глобального капитализма и его влияния на Россию. Рекомендую книгу всем, кто хочет критически понять современный капитализм.

Дэвид Лейн, почетный профессор Кембриджского университета, вице-президент Европейской социологической ассоциации

Три крупных вклада этой книги – это вклад в интеграцию современного марксизма с практикой альтерглобализма, выражение достижений российской теоретической мысли и анализ российской реальности.

Иммануил Валлерстайн, профессор Йельского университета

ISBN 978-5-9710-1632-8

9 785971 016328

ТОМ I

ГЛОБАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

А. Бузгалин, А. Колганов

ГЛОБАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

ТОМ I

МЕТОДОЛОГИЯ

ПО ТУ СТОРОНУ
ПОЗИТИВИЗМА, ПОСТМОДЕРНИЗМА
И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Маркс *re-loaded*

А. Бузгалин, А. Колганов

библиотека журнала «Альтернативы»

... 41 42 43 44 45 46 47 48 49 **50** 51 52 ...

«Размышляя о марксизме», 100-й выпуск

А.В. Бузгалин, А.И. Колганов

ГЛОБАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

ТОМ I

методология

*по ту сторону
позитивизма, постмодернизма
и экономического империализма*

Маркс *re-loaded*

Издание третье,
исправленное и существенно дополненное

URSS

Москва

ББК 65.02 65.5–97 87.6

Бузгалин Александр Владимирович
Колганов Андрей Иванович

Н54

Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Издание 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. – 640 с. (Размышляя о марксизме. № 100; Библиотека журнала «Альтернативы. № 50)

Двухтомная монография итожит сотни публикаций известных авторов, профессоров Московского государственного университета, чьи работы переведены на многие языки мира. Она критически наследует метод и теорию «Капитала» К.Маркса и раскрывает анатомию современной глобальной капиталистической экономики.

Первый том показывает, в чем сохранило актуальность, а в чем – устарело методологическое наследие К.Маркса. Авторы:

- дают конструктивную критику позитивизма и постмодернизма, а также «цивилизационного» подхода;
- раскрывают обновленный потенциал диалектической логики и социальной философии марксизма, в частности – марксистской теории Человека;
- доказывают, что обновлённая классическая политическая экономия снимает недостатки «economics'a»;
- предлагают «периодическую систему элементов» экономики, позволяющая определять основные параметры любой экономической системы в историческом и пространственном измерениях.
- формулируют теорию снятия социального отчуждения и развития позитивной свободы.

Для исследователей, преподавателей и студентов, работающих в области социальных наук, всех интересующихся теорий глобального социально-экономического развития.

Дизайн обложки и принципиальный макет: И. Бернштейн
Верстка: Т. Волохова, Е. Кудрявцев

ISBN 978-5-9710-1632-8

© ЛЕНАНД, 2014

© А.В. Бузгалин, А.И. Колганов, 2015

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете:
	http://URSS.ru
	Тел./факс (многоканальный): + 7 (499) 724 25 45
URSS	

оглавление

6	<i>предисловие к третьему изданию</i>	
15	<i>прелюдия</i> Социальная теория марксизма: в чем были правы и в чем ошибались Карл Маркс и его последователи	
	<i>глава 1</i> Реактуализация марксизма: российские дискуссии	17
	<i>глава 2</i> Реактуализация марксизма: старые вопросы и старые ответы остаются в определенной мере актуальными ..	32
	<i>глава 3</i> Реактуализация марксизма: новые ответы на новые вопросы.....	61
77	Возрождение методологии <i>предисловие к 1-му тому</i>	
84	<i>часть 1</i> Обновление диалектики: альтернативы позитивизму и постмодернизму в методологии XXI века	
	<i>глава 1</i> Диалектика: в поисках ответов на вызовы глобальных трансформаций XXI века	86
	<i>глава 2</i> Диалектика как адекватный метод исследования сложных социальных систем: к критике позитивизма и прагматизма	110
	<i>глава 3</i> Практика и Истина: диалектика как метод снятия наваждений в мире превратных форм	137
	<i>p.s.</i> Альтернативы деконструкции: блеск и нищета постмодернизма	161
209	<i>часть 2</i> Социальная философия марксизма: перезагрузка	
	<i>глава 1</i> Теория способа производства: классика и не только	211
	<i>глава 2</i> Инварианты всемирной истории: Отчуждение. Человек. Культура	236

глава 3	Социальная философия марксизма: снятие «цивилизационного подхода»?	262
p.s.	Социальная философия марксизма: понять Россию умом ..	293
317	часть 3 Методология политической экономии: реактуализация классики	
глава 1	Экономика как развитие исторически-конкретных экономических систем: структура и «периодическая система» элементов (к вопросу о структуризации и типологизации экономических систем)	319
глава 2	Economics как прошлое: к критике «экономического империализма»	348
глава 3	«Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела	396
p.s.	«Экономический империализм» и «политическая экономика»: причины и пределы экспансии	417
435	По ту сторону отчуждения: социальное творчество и свобода <i>послесловие к I тому</i>	
глава 1	В поисках «формулы» свободы	438
глава 2	Ассоциированное социальное творчество как сущность процесса социального освобождения	462
глава 3	Социальные революции: контрапункты социального освобождения, культуры и отчуждения	486
p.s.	Футуризм как снятие консерватизма: в поисках альтернатив мультикультурализму	513
531	<i>библиография</i>	
556	<i>указатель имен</i>	
569	<i>предметный указатель</i>	
633	<i>подробное оглавление</i>	

*Людам, нас создавшим:
нашим учителям –
Николаю Хессину и Эрнесту Манделу
и нашим родителям –
Нине и Владимиру Бузгалиным
Энергии и Ивану Колгановым*

предисловие к третьему изданию

Эта книга для авторов *необычно важна*. Несмотря на то что нами уже опубликовано не менее двух десятков монографий и учебных пособий, написание и представление на суд читателей нового издания «Глобального капитала» для нас – событие.

Во-первых, эта работа претендует на определенный шаг в деле решения архиважной задачи современного марксизма – создания пролегомен «Капитала» современной эпохи. Мы приняли вызов Раймона Арона, некогда упрекнувшего нашу школу в отсутствии «Капитала» XX века, и предлагаем вниманию читателей работу, призванную дать авторский ответ на вопрос о том, каким может быть метод исследования и теория товара, денег и капитала глобального капитализма. Эта задача, конечно же, чрезвычайно амбициозна, но у нас есть основание для того, чтобы браться за ее решение: мы стоим на плечах гигантов и потому можем их... нет, не превзойти, но развить. Это сделать тем проще и важнее, что задача целостного, системного обновления наследия К. Маркса и Ф. Энгельса решается кругом их последователей вот уже более века. Она решалась В.И. Лениным и Р. Люксембург, К. Каутским и Н. Бухариным, А. Богдановым и Л. Троцким, советскими и западными марксистами середины XX века, разнообразными нео-, пост- и аналитическими марксистами и ортодоксами последних десятилетий... Все они подарили миру огромное наследие, создав богатейший задел новой, целостной марксистской теории, адекватно отвечающей на мучительные вызовы современности.

Такой теории пока нет. И наша работа – авторы достаточно самокритичны – не более чем одна из попыток предложить пролегомены такой методологии и теории.

Мы хорошо знаем, что авторы, *так* ставящих задачу, подстерегает немало трудностей. Дело, в частности, в том, что весьма немногочисленные работы последних десятилетий, претендующие на переосмысление основных положений «Капитала», делятся на две неравные части: несколько фундаментальных трудов известнейших авторов (Э. Мандел, П. Суизи, И. Мессарош, Д. Харви и др.) и несколько десятков малоизвестных работ, не слишком глубоких по своему содержанию. И здесь у ученых, представляющих полупериферийную страну и отделенных от большей части современных авторов языковым и организационным барьерами, мало шансов оказаться в кругу серьезных исследователей. Гораздо вероятнее попасть в круг графоманов.

Удалось ли нам преодолеть эту «ловушку периферийности»? Смогли ли авторы в должной мере оказаться в контексте мировой марксистской мысли последних десятилетий? Должны честно ответить: если и смогли, то далеко не в полной мере. Все же наша работа велась по преимуществу в рамках русскоязычной мысли.

Но у нас есть и немалое преимущество по отношению к нашим зарубежным коллегам: нам в полной мере было доступно и авторами освоено малоизвестное за рубежом наследие советского критического марксизма, методологическое и теоретическое значение которого, мы уверены, соизмеримо с наследием зарубежной марксистской мысли. Кроме того, мы работали не одни: авторы этой книги являются лишь двумя из представителей сложившейся в нашем пространстве постсоветской школы критического марксизма.

Во-вторых, эта книга для нас важна и по чисто личным причинам: мы в ней итожим важнейший блок нашей работы последних десятилетий. Поэтому, наверное, неслучайно, что первое издание «Глобального капитала» вышло накануне нашего 50-летия, а это, третье, выходит к бо-летнему юбилею. Впрочем, дело, конечно же, не в круглых датах. Дело в том, что мы, еще студентами, поставили перед собой именно эту задачу – задачу исследования предпосылок рождения и роста «царства свободы», идущего на смену миру отчуждения. И если первые десятилетия мы посвятили преимущественно исследованию ростков нового общества и его экономики (промежуточным итогом этой работы стали наши докторские диссертации, защищенные накануне распада СССР, и подготовленные к изданию в 1991 году, но так и не увидевшие свет три монографии – «После рынка», «Политэкономия социализма, которого нет» и «Ключ к экономике 21 века»), то последующие годы мы работали преимущественно над исследованием анатомии позднего капитализма. Впрочем, об исследовании ростков «царства свободы» мы тоже не забывали, посвятив этому немало текстов, которые, как мы планируем, войдут в доработанном виде в 3-й том нашего «Глобального капитала».

Таким образом, данные тома стали для нас результатом долгих лет работы.

Наконец, *в-третьих*, данное – третье по счету – издание особо значимо для нас, ибо это не просто уточненное переиздание старой работы. «Глобальный капитал» 2014 года принципиально отличается от вышедшей 10 лет назад книги (издание 2007 года было аутентично изданию 2004 года).

Он впитал в себя много абсолютно новых разработок последних лет (включая такие принципиально важные для нас темы, как политэкономия симулякров, эксплуатация креативного работника, теория пере-накопления позднего капитализма) и обновленную версию ряда частей вышедшей в 2009 году книги «Пределы капитала». В результате

это издание более чем в два раза превышает по объему первый вариант книги и существенно богаче ее по проблематике.

* * *

Несколько слов об *источниках, предмете, методе и структуре нашей книги.*

«Глобальный капитал», и это явственно следует из названия книги, посвящен исследованию *системы производственных отношений современного капитализма.*

Естественно, что в силу этого книга носит по преимуществу *методолого-теоретический характер.* Авторы не ставили перед собой задачи анализа и обобщения всех необъятных массивов эмпирической информации, характеризующей функционирование современной мировой экономики. И дело здесь не столько в том, что такая задача в принципе не посильна для отдельных авторов, сколько в том, что нашими предшественниками уже была проделана большая работа по таким обобщениям. И мы стремились максимально использовать эти результаты наших предшественников, подходя к ним, естественно, с критических марксистских позиций. Сделать это было тем легче, что авторы в свое время написали большую работу по сравнительному анализу экономических систем и проблемам глобализации, результаты которой обновляли для себя регулярно, работая вместе со студентами школы магистров экономического факультета МГУ с данными мировой статистики в рамках регулярно читаемого нами курса экономической компаративистики. Тем не менее мы в ряде случаев (в Прелюдии ко II тому, в начале раздела, посвященного анализу специфики российского капитализма) включили значимые объемы статистической информации, призванные подтвердить некоторые исходные посылы нашей работы.

О *теоретических источниках*, на которые опирается наша книга, мы будем подробно размышлять в Прелюдии. Здесь же ограничимся очевидной констатацией: в своих исследованиях мы опирались прежде всего на *работы классических и современных марксистов* – рукописи и книги самого К. Маркса, работы Ф. Энгельса, В. Ленина, Р. Люксембург, Д. Лукача (который подверг переосмыслению и существенному развитию классический марксизм в области и онтологии общественного бытия, и анализа форм общественного сознания), А. Грамши (особенно для нас важна его теория гегемонии), Ж.-П. Сартра (в области проблем отчуждения, личности и т.п.). Все они будут присутствовать в книге в снятом виде (они «переварены», переработаны авторами, но отсылок к ним в книге будет немного).

Что же касается собственно предмета нашей книги (особенно второго – теоретического – тома), то при всей его прозрачности – производственные отношения позднего капитализма – здесь все же требуются некоторые важные уточнения.

Первое. Глобальный капитал – это не сущность некоего особого способа производства, и исследуемые в книге производственные отношения – не особый базис особой формации. Это те трансформации, которые производственные отношения капитализма претерпевают в процессе «заката» буржуазного способа производства. Соответственно, непосредственным предметом нашего исследования стали эти системные трансформации, то новое, что они вносят в содержание товара, денег, капитала, воспроизводства. Эти трансформации, как мы покажем ниже, носят системный характер и логично обуславливают одна другую: превращение рынка в тотальность, где господствуют сетевые структуры и симулякры, логично дополняется трансформацией денег в виртуальный фиктивный капитал, что приводит к формированию сложной системы отношений, подчиняющей капитал не только рабочую силу, но и личностные качества человека, и воспроизводящейся на основе стабильного перекапления капитала в глобальных масштабах, порождая систему глобальных проблем человечества.

Второе важное уточнение. Хотя непосредственный предмет нашего исследования – отношения позднего капитализма, авторы акцентируют и принципиальной значимости контекст бытия этой системы, а именно – «закат» «царства [экономической] необходимости», прехождение той метасистемы, в рамках которой происходит «закат» собственно капитализма. Вне этого контекста, как мы покажем в книге, невозможно понять природу и закономерности позднего капитализма.

Как несложно заметить, в основных пунктах предмет нашей работы воспроизводит предмет «Капитала». И это неслучайно: как мы уже сказали, авторы недвусмысленно поставили перед собой задачу изучения тех трансформаций, которые претерпели в сегодняшнем мире исследованные К. Марксом полтора столетия назад производственные отношения.

Несмотря на стремление к строгости, наша книга выросла довольно противоречивой. Именно *выросла* и именно *противоречивой*.

С одной стороны, исследование на протяжении всех двух томов ведется на основе *диалектического метода* и противоречия самого предмета являются объектом нашего самого пристального рассмотрения.

С другой стороны, самое бытие книги противоречиво. Она была задумана и создавалась как целостное системное исследование со строгой структурой, основанной на методе восхождения от абстрактного к конкретному. И в то же время она росла как растёт дерево. Причем дерево, за которым ухаживает излишне увлеченный различными экспериментами и не слишком аккуратный садовник. В результате какие-то ветви этого дерева-книги выросли до необычайных размеров, приобретя при этом не слишком аккуратный, а то и попросту лохматый вид. Какие-то ветви-разделы стали появляться только в момент завершения книги и оказались весьма слабенькими, но, как нам видится, ярко зеленеющими ростками. Иные, напротив, перестали быть предметом пристального

внимания авторов, захирели и остались небольшими полусохшими ответвлениями от основного тела книги. А еще к дереву-книге в некоторых случаях оказались «привиты» различные тексты, не относящиеся непосредственно к проблематике «Глобального капитала», но дополняющие строгий ход исследования или показывающие, как «работают» предлагаемые в книге методология и теория при решении некоторых важных проблем современности.

В результате структура нашего «Глобального капитала» оказалась построена на своеобразных контрапунктах логически выстроенного (в меру наших сил) исследования и дополняющих его прелюдий, постскриптов и отступлений. Сугубо критически относящийся к любой теоретической нестрогости исследователь, знакомясь с книгой, может поэтому опустить большую часть из этих «инклюзов» (хотя иные из них, как, например, Прелюдия ко II тому, играют принципиально важную для понимания содержания работы роль). И, наоборот, интересующийся прежде всего актуальными импликациями теоретических конструкций читатель может обратить внимание едва ли не в первую очередь на постскрипты, где, как правило, раскрываются некоторые важные для понимания актуальных проблем следствия нашего теоретического анализа (типичный пример – тексты о «цивилизационной» специфике нашего Отечества и об особенностях российских мутаций позднего капитализма).

В главном же, повторим, авторы стремились к максимальной прозрачности и логичности структуры книги. При этом, как заметит искушенный читатель, мы несколько «кокетничали» с гегелевскими триадами (подобно тому как К. Маркс, по его собственному признанию, «кокетничал» с гегелевской терминологией в начале своего «Капитала»), построив структуру каждого из томов как своего рода спирали «отрицания отрицания». В I томе: диалектика – ее снятие в социальной теории марксизма – их снятие в методологии политэкономии. Во II томе: трансформация «Бытия» капитализма (новое качество товара, денег, всеобщей формулы капитала) – трансформация его сущности (обновление теории эксплуатации, новое содержание подчинения труда и человека капиталу, изменения в процессе воспроизводства) – новое качество его проявлений (глобализация). Неслучайно, что все остающиеся за рамками этих триад разделы мы вынесли «за скобки» основного текста, поместив, как мы уже отметили, в постскрипты и т.п.

Если говорить о структуре книги в целом, то ее открывает пространное введение (*Прелюдия*), посвященное авторским ответам на непрерывно задаваемые вопросы о том, что и почему устарело, а что выдержало проверку временем в марксизме. Мы даем краткие вводные ответы на эти вопросы, подчеркивая, что классический марксизм остается актуален в той мере, в какой нынешняя система сохраняет родовые, сущностные черты (а в ряде случаев – в странах периферии – и формы) «кар-

ства необходимости» вообще и капитализма в частности, и требует своего развития и обновления в той мере, в какой изменились их содержание и формы. Мы подчеркиваем, что эти изменения в немалой степени уже исследованы марксистами и обращаемся к немаловажной для нас теме – краткому обзору основных течений и направлений в постсоветском марксизме.

Первый том, как и следует из его подзаголовка, посвящен «перезагрузке» марксистской методологии, и здесь авторы предлагают ряд самостоятельных разработок, важных как для понимания природы современного общества вообще, так и для проникновения в тонкости содержания книги в частности.

Второй том нашей книги раскрывает ключевые авторские разработки в области теории позднего капитализма.

Краткий анонс этих положений мы дадим в предисловиях к, соответственно, первому и второму томам.

Завершает нашу книгу раздел (*Финал*), призванный показать генезис в рамках переживающего период «заката» «царства необходимости» вообще и позднего капитализма, в частности ростков социального освобождения, тех общественных сил, которые, в своем развитии, смогут привести к снятию социального отчуждения. При этом авторы в этом венчающем первые два тома разделе постарались обратить максимальное внимание на те тенденции в области *практики* (альтерглобализм, новые социальные движения, сетевые революции), которые свидетельствуют о неумозрительности наших теоретических выводов о «закате» мира отчуждения.

Этот раздел для нас тем более важен, что он перекидывает мостик к следующему, *Третьему тому* нашей книги, который будет посвящен исследованию предпосылок и ростков «царства свободы» (и, в частности, теории социализма) и который авторы надеются завершить в следующем году.

* * *

Как мы уже заметили, эта книга создавалась на протяжении более чем полутора десятилетий. Первые ее фрагменты были нами опубликованы еще в конце 1990-х в серии статей и ряда глав коллективной монографии «Критический марксизм. Российские дискуссии». В дальнейшем, по мере появления новых разработок, они также публиковались в периодических изданиях, авторских и коллективных монографиях (преимущественно в серии «Библиотека журнала „Альтернативы“»). Большая часть из этих публикаций вошла в наши книги «Глобальный капитал» и «Пределы капитала».

В силу этих обстоятельств содержательно большая часть положений предлагаемой вниманию читателей книги уже была так или иначе ранее опубликована.

Однако!

При подготовке этих двух томов мы многое заново переписали, дополнительно аргументировали, дополнили. Кроме того, ряд разделов книги написан заново и публикуется впервые. И самое главное: перед вами, читатель, *первое целостное системное изложение нашего видения особенностей позднего капитализма*. И в этом, на наш взгляд, главное достоинство данной книги (о ее недостатках, мы надеемся, читатели не преминут нам сообщить, о чем мы их настоятельно просим).

Еще одна важная ремарка: наша книга написана *в соавторстве*. Это не означает, что все ее разделы писались нами «в четыре руки». Подавляющее большинство текстов рождалось из совместных обсуждений, результаты которых один из нас затем представлял в виде текста, который затем еще и еще раз обсуждался, правился, иногда заново переписывался одним из нас. Так рождались итоговые материалы, по поводу которых мы приходили к некоторому консенсусу.

Наконец, мы не можем не выразить наших *благодарностей* всем тем, кто на протяжении этих лет помогал готовить эту книгу.

Прежде всего это наши товарищи по редакционной коллегии журнала «Альтернативы»: д.ф.н. Л.А. Булавка, д.э.н. М.И. Воейков, д.и.н. Л.Г. Истягин, к.э.н. А.А. Сорокин, д.э.н. Э.Н. Рудык, д.ф.н. Б.Ф. Славин. Очень многое нам дали и уже ушедшие от нас товарищи по работе над журналом – крупнейший советский знаток зарубежного марксизма д.ф.н. М.Н. Грецкий, выдающийся философ культуры д.ф.н. Н.С. Злобин, теоретик и практик социально-освободительной борьбы народов Латинской Америки д.и.н. К.Л. Майданик.

Основные положения этой книги многократно, на протяжении 15 лет, обсуждались на заседаниях семинара постсоветской школы критического марксизма, работающего под эгидой 1-го зам. председателя Комитета по образованию Государственной Думы, нашего доброго старого друга д.ф.н. О.Н. Смолина. Участвующие в этом семинаре ведущие ученые Российской академии наук и университетов нашей страны своей взыскательной критикой и конструктивной помощью существенно способствовали нашему продвижению в работе над этим изданием.

Авторы выросли и сформировались как ученые в рамках кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, отмечающей в год издания книги свое 210-летие, и работающей в тесном диалоге с кафедрой Лаборатории. Этот коллектив, его руководители последних десятилетий (основатель университетской школы политэкономии Н.А. Цаголов, продолжатель его традиций В.В. Радаев, нынешний руководитель кафедры А.А. Пороховский, развивающий в наше непростое время основные достижения школы) сделали из нас исследователей, ориентированных на решение прежде всего фундаментальных теоретических задач, зародили и укрепили уважение и любовь к методологии. Очень многое дали нам и многочисленные диалоги

с учеными из различных научных и вузовских центров России, особенно в последние годы, нашими товарищами по Международной политэкономической ассоциации стран постсоветского пространства.

Значительные импульсы для нашей работы дали ведущиеся уже четверть века диалоги с нашими зарубежными коллегами в странах Западной и Восточной Европы, Северной и Южной Америк и Азии (прежде всего в Китае и Японии). Мы благодарны нашим друзьям – С. Амину, Е. Боуман, М. Бри, Г. Дубровской, Д. Котцу, Т. Краусу, Д. Лайбману, Р. Столяровой, Р. Стоуну, Ю. Танака и многим другим, коллегам из Академии марксизма и Бюро переводов Китая, нашим коллегам по Всемирной политэкономической ассоциации и Международной инициативе по продвижению политэкономики, Радикальной философской и политэкономической ассоциациям США, Левому форуму, сети журнала «Исторический материализм», всем тем общественным движениям, организациям и фондам, которые помогли нам активно освоить зарубежную общественную мысль и представить наши идеи на суд международной научной общности.

Наша книга была создана и благодаря помощи наших молодых коллег, представителей новых поколений школы критического марксизма и сочувствующей нашим идеям молодежи. Их труд помог авторам подобрать многие недостающие данные и источники, подготовить предметные и именной указатели, библиографию книги, провести корректорскую и многие другие работы, и мы с радостью выражаем благодарность Г. Аитовой, О. Барашковой, А. Горшкову, И. Готлибу, Д. Джабборову, Г. Комахину, О. Лемешонок, Л. Ожогойной, М. Павлову, Д. Хромову и многим, многим другим нашим молодым помощникам, а также студентам МГУ им. М. В. Ломоносова и других вузов, дискуссии с которыми способствовали рождению немалого числа идей этой книги.

Вообще авторы этой книги в огромной мере смогли ее создать благодаря тому, что в диалоге с ними работали их молодые коллеги, ученики. Лишь единицы из них выбрали путь критического марксизма, но, мы уверены, они могут стать выдающимися учеными, чьи работы войдут в золотой фонд науки. Мы благодарны им за взыскательную критику и надеемся, что в недалеком будущем они превзойдут своих учителей.

Добавим также, что мы писали «Глобальный капитал» не столько в тиши кабинетов (в точном смысле слова у нас их вообще нет), сколько в паузах постоянно ведущейся общественной деятельности. Движение и журнал «Альтернативы», сети «Образование для всех» и «Конгресс работников образования, науки и культуры», постоянные инициативы альтерглобалистов, информационная и иная помощь независимым левым организациям в России и за рубежом – все это было, есть и будет для нас не менее важно, чем научная и теоретическая работа. Более того, именно и исключительно благодаря включенности в практику социального творчества мы можем непосредственно, практически погружаться

в ткань отношений отчуждения и анализировать ее, исходя не только из некоторых чужих обобщений, но и базируясь на собственном опыте и опыте наших товарищей по борьбе за социальное освобождение.

Впрочем, в нашей жизни есть и место отдыху, который зачастую превращался в работу (что закономерно, ибо свободное время творческого человека – это время не столько ничегонеделания, сколько время свободной деятельности). Этот отдых-работа подарил нам немало замечательных дней и часов, и мы с благодарностью вспоминаем гостеприимных и доброжелательных работников отеля «Старый дуб» (Отрадное, Калининградская обл.), санатория «Гурзуфский» и кафе «Прибой» (Гурзуф, Крым), где нам так хорошо работалось.

А теперь о самых близких и самых главных наших помощниках, товарищах, вдохновителях, критиках. Эта книга родилась благодаря тому, что нас вырастили неравнодушными, коммунистическими людьми наши родители: Нина и Владимир Бугалины, Энергия и Иван Колгановы. Благодаря тому, что у истоков нашей работы стояли наши учителя – научный руководитель наших работ Николай Хессин и великий ученый и борец Эрнест Мандел.

И еще. Одному из авторов этой книги – Александру Бугалину – повезло встретить в своей жизни Людмилу Булавку – большого ученого и человека, с которым мне (эти строки пишутся только Бугалиным) талантливо жить, работать, творить.

И за это я безмерно ей благодарен.

* * *

Завершая наше пространное предисловие, сознаемся: эта книга рождалась трудно.

В архивах авторов – десятки вариантов различных версий тех или иных текстов, структур, концепций книги...

Мы и сейчас не удовлетворены состоянием многих из разделов двухтомника. Мы не успеваем включить в работу сотни уже подготовленных выписок из источников, важных пояснений и ремарок, связанных с вкладом наших предшественников и коллег; на полках шкафов пылятся десятки уже отобранных, но еще не прочитанных книг...

И все же по зрелом размышлении мы пришли к выводу, что надо где-то остановиться и представить коллегам некоторый результат, ибо «лучшее – враг хорошего».

Этот результат перед вами, уважаемый читатель, и мы, повторим, ждем ваших критических замечаний.

прелюдия Социальная теория
марксизма: в чем были правы
и в чем ошибались
Карл Маркс и его последователи¹

¹ Как известно, в музыке *прелюдия* – это, как правило, произведение, не имеющее строгой формы, в ряде случаев предшествующее более длинному, сложному и строго оформленному произведению; впрочем, прелюдия может быть и самостоятельным произведением. И еще одна ремарка: прелюдии по стилю в целом схожи с импровизацией. Именно такой является и наша прелюдия: отчасти введением, отчасти самостоятельным очерком, не имеющей строгой формы и включающей элементы своего рода «импровизаций» – размышлений на темы великих достижений и «провалов» классического марксизма, достижений и белых пятен марксизма современного.

Почти два века, прошедших с рождения Карла Маркса, ознаменовались рождением и... многократно объявлявшейся смертью научной школы и общественного течения, неслучайно названных по имени их основателя – марксизмом. Само это имя стало значимым, как, наверное, никакое другое в общественных науках: оно не оставляет безразличным никого. Марксизм ненавидят и едва ли не обожествляют. Его ниспровергают и им клянутся. Его критикуют, развивают и... регулярно объявляют окончательно умершим.

Между тем жизнь все чаще заставляет нас обращаться к методологии марксизма, критически анализировать ее потенциал, определяя (и подчас заново открывая старые истины) возможности эффективного использования классического наследия, отделяя их от устаревших положений, дополняя их опять же критически воспринимаемым багажом марксистских разработок постклассического периода (особенно второй половины XX – начала нынешнего века).

Критически осмысленный, рассматриваемый во всем богатстве противоречий его развития марксизм в новом веке становится едва ли не единственной целостной, имеющей более чем полуторавековую историю всемирного развития, методологией. Причина этого известна: современный, живой, творческий марксизм есть конкретно-всеобщее единство философско-методологических оснований и содержательной теоретической парадигмы практически всех общественных наук. Как методология марксизм соединяет в себе (1) социофилософский материализм, предполагающий обращение в общественных науках к исследованию не столько субъективного индивидуального поведения, сколько объективных общественных отношений и процессов и человека как их персонификации и субъекта, с одной стороны, и (2) диалектический, историко-системный подход, ориентированный на различие содержание и форм (в том числе – превратных), анализ не только функционально-количественных взаимосвязей, но и качественных исторически-конкретных трансформаций, – с другой.

Реактуализация этого наследия, превращение его современных версий в рабочий инструмент ученого и вместе с тем – поле исследований представляется нам одной из важнейших задач в области современной методологии.

глава 1 Реактуализация марксизма: российские дискуссии

На постсоветском пространстве вообще и в России в частности два десятилетия э(ин?)волюции, последовавшей за распадом СССР, ознаменовались господством (среди проправительственного истеблишмента) праволиберальных идей и жесткой политикой давления на марксизм и марксистские исследования. Имя и теория Маркса, которые в СССР официально насаждались, стали столь же официально изгоняться из образовательного процесса и теоретических дебатов. Однако в области общественной мысли на протяжении двух последних десятилетий также все больше назревало недовольство монопольным засильем праволиберальных идей и парадигм. Начиная с 2000-х годов и особенно в связи с мировым финансовым и экономическим кризисом, начавшимся в 2008 году, в России, как и во всем мире, стали все чаще обращаться к теории Карла Маркса как не только важной части истории общественной мысли, но и актуальному методолого-теоретическому ресурсу. Все чаще и чаще выходят работы, посвященные этому ученому и названной его именем научной школе¹. В результате начало XXI века стало периодом достаточно четкого самоопределения значительной части мыслящих обществоведов по отношению к Марксу.

МАРКСИЗМ: ДЕБАТЫ В РОССИИ 2000-Х

Первая группа, сформировавшаяся еще на рубеже 80–90-х годов прошлого века, – это *праволиберальные критики Маркса*. Они считают разработки Маркса не наукой, а идеологией, причем идеологией исключительно вредной – нацеленной на подавление демократии и свободы, на подчинение индивида тотальности, ниспровержение эффективной рыночной системы и замены ее утопической, умозрительно сконструированной и реакционной моделью всеобщего обобществления и т.п. В чистом виде это направление ныне редко обнаруживает себя в научной среде. Однако его «культуренная» версия, признающая за Марксом

¹ Начиная с 2000-х годов в России даже в центральных академических изданиях («Вопросы философии», «Вопросы экономики» и т.п.) стали регулярно публиковаться статьи по проблемам марксизма. Систематически они появляются и на страницах журнала «Свободная мысль». Школа критического марксизма представлена статьями, публикующимися едва ли не в каждом номере журнала «Альтернативы» вот уже 20 лет.

право на существование в виде некоторого раздела в области истории науки и даже полезного компонента некоторых исследований некоторых общественных процессов, вновь заявила о себе в последние годы в рамках течения, близкого к *социал-либерализму*. Это течение в основном представлено экономистами, которые отрицают фундаментальные политико-экономические идеи Маркса (трудовая теория стоимости, теория прибавочной стоимости и т.д.), едва ли не все политико-идеологические выводы из его теории, но *считают возможным использовать некоторые тезисы из области социальной философии*. Одной из наиболее ярко видимых отличительных черт этого течения является жесткая привязка теории Маркса к реалиям СССР как практике ее применения при явно отрицательном отношении к советской системе и явно позитивном – к модели Западного мира¹.

Несколько большими симпатиями к Марксу и его теоретическим разработкам характеризуется очень размытое течение, которое условно можно обозначить как *«реформистское»* или *«социал-демократическое»*, понимая под этим не идеологические штампы, а научную квалификацию: принципиальную ревизию основных положений Маркса. В этом ключе пишут В. Афанасьев, А. Вебер, А. Галкин, Ю. Красин, В. Медведев, Р. Медведев, Б. Орлов, Ю. Плетников, В. Толстых, Г. Цаголов и мн. др.² Едва ли не наиболее ярко отношение этого течения к марксизму (прежде всего его политэкономической составляющей) выражено в рецензии директора Института экономики РАН Р. Гринберга на первое издание книги авторов этого текста «Глобальный капитал»³. Что касается философской составляющей, то здесь одной из нашумевших работ стала книга академика Т. Ойзермана «Марксизм и утопизм» (М., 2003), в которой этот экс-идеолог марксизма-ленинизма повторил основные направления критики Маркса, типичные для теоретиков пра-

¹ *Гайдар Е., Мау В.* Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (либеральная апология) // Вопросы экономики. 2004. №№ 5–6; *Кудров В.* Современная научная оценка экономической теории Маркса–Энгельса–Ленина // Вопросы экономики. 2004. № 12; *Нуреев Р.* Исторические судьбы учения Карла Маркса // Вопросы экономики. 2007. № 9. Заметим, что если В. Кудров однозначно негативно относится к марксизму как апологии советского тоталитаризма, то Р. Нуреев стремится занять более взвешенную позицию.

² См., например: *Галкин А.А., Красин Ю.А.* Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития. М. 1998; *Галкин А.А., Красин Ю.А.* Россия: Quo vadis? М.: Институт социологии РАН, 2003; *Медведев В.А.* Перед вызовами постиндустриализма. М.: Альпина Паблишер, 2003; *Плетников Ю.К.* Материалистическое понимание истории и проблемы теории социализма. М.: Альфа-М, 2008; *Цаголов Г.* Модель для России. М.: Международные отношения, 2010.

³ См.: *Гринберг Р.* Возвращение политической экономии (о книге А. Бузглина и А. Колганова «Пределы капитала: методология и онтология») // Вопросы экономики. 2010. № 11.

вого крыла европейской социал-демократии. Эта книга вызвала в кругах российской философской общественности некоторую дискуссию¹, в которой доминировала в целом позитивная оценка книги, хотя была и леворадикальная критика этой работы. Последняя, к сожалению, во многом воспроизводила малопродуктивную ныне догматическую трактовку идей Маркса, позаимствованную из не лучших учебников советской поры – столь же старомодную, сколь и антимарксистские тезисы самого Ойзермана.

Если же говорить о названном нами «социал-демократическом» течении в российском марксизме в целом, то его представители не слишком отличаются от своих западных коллег. Они признают, во-первых, правоту некоторых положений Маркса применительно к реалиям XIX века и, во-вторых, поддерживают основные идеи продвижения в направлении большей социальной справедливости и гуманизации существующего общества. При этом фундаментальные выводы Маркса о «конце предыстории» и скачке человечества к «царству свободы» ими в большинстве своем либо замалчиваются, либо интерпретируются существенно иначе, чем Марксом (в виде идей постиндустриального общества и т.п.), либо прямо отрицаются. Это течение представлено главным образом специалистами в области социальной философии и политологами. Они стремятся к «позитивной конвергенции» основных достижений марксизма и либерализма в теории, элементов капиталистической системы и социализма – на практике. Характерной чертой этого течения 2000-х годов, отличающей его от «ревизионизма» столетней давности, является пристальное внимание к проблемам нового качества общественного развития в условиях генезиса постиндустриального общества.

Среди политико-экономических работ авторов, принадлежащих к течению, условно обозначенному нами как «социал-демократическое», и посвященных политико-экономическому наследию Маркса, хотелось бы отметить вышедшие в последние годы статьи Л. Гребнева и О. Ананьина, а также книгу А. Сорокина². Первая из статей посвящена обоснованию тезиса о неистребимости марксистской теории из постсоветской экономической науки, вторая – аргументации тезиса об актуальности не столько экономико-политических тезисов Маркса, посвященных судьбам классического капитализма, сколько его предвидения в отношении будущего мира, основанного на всеобщем творческом труде, мира, который ныне квалифицируется как общество знаний или пост-

¹ Обсуждение книги Т.И. Ойзермана «Марксизм и утопизм» // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 43–112.

² См.: Гребнев Л. «Мавр» возвращается? А он и не приходил... (к дискуссии о значимости научного наследия К. Маркса) // Вопросы экономики. 2004. № 9; Ананьин О. Карл Маркс и его «Капитал»: из девятнадцатого в двадцать первый век // Вопросы экономики. 2007. № 9; Сорокин А.В. Экономическая структура общества. М., 2004.

индустриальное общество. Что касается книги А. Сорокина, то это одна из наиболее развернутых попыток показать, как на базе исходных положений марксовой трудовой теории стоимости можно в конечном итоге перейти к анализу экономических феноменов, рассматриваемых в неоклассике. В конце, правда, автор ухитряется превратить марксизм в апологию капиталистического развития и классового мира.

Существует также весьма пестрый круг *левых интеллектуалов*, лишь отчасти относящих себя к последователям Маркса, но занимающих просоциалистические позиции. При всем различии представителей этого течения большинство из них остается в поле материалистического понимания истории и ищет пути движения к качественно иному, нежели нынешняя общественная система, миру будущего.

Среди философов это, в частности, относительно молодые интеллектуалы, тяготеющие к постмодернистской методологии вообще и постмодернистской интерпретации некоторых идей Маркса, в частности А. Пензин и другие представители группы «Что делать?»¹. Они в основном комментируют и развивают работы своих европейских гуру.

Имеется и весьма аморфная группа, к которой принадлежат авторы старшего поколения, вышедшие из критического марксизма советской эпохи, но ныне предпочитающие не связывать свои работы жестко с именем Маркса. Один из наиболее известных среди них – В.М. Межуев, реперными точками для которого является различение Маркса как критика политической экономии от ортодоксально-советских толкователей этого мыслителя, акцентировавших внимание на «трех источниках и трех составных частях марксизма» (философия, политическая экономия и научный социализм). Важным компонентом теоретических разработок этого автора является тезис о будущем обществе как прежде всего неэкономическом, лежащем в пространстве культуры².

Уже ушедший от нас К. Кантор работал в рамках известной традиции религиозно-гуманистического истолкования Маркса³.

Весьма многочисленна группа левых историков, в среде которых выделяются авторы, более близкие к теориям Бакунина и Кропоткина, нежели Маркса. Это В.В. Дамье (серия работ по истории анархизма), А.В. Шубин (автор серии работ, конструктивно-критически анализирующих опыт СССР и раскрывающих потенциал будущего общества, строящегося на основе отношений самоорганизации, горизонтальных

¹ См.: Пензин А. Катастрофы «реального капитализма» // Художественный журнал. 2011. № 81/82; Постсоветская «сингулярность»: несколько тезисов и историй вокруг одной проблемы // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 2.

² См.: Межуев В.М. Маркс против марксизма. М., 2007.

³ См.: Кантор К. М. Двойная спираль истории. Историософия проектизма. М., 2002.

сетевых взаимодействий и низовой демократии), Я. Леонтьев (жесткий критик сталинизма) и др¹.

Достаточно понятно, что в среде независимых левых интеллектуалов большую роль играют авторы, которых с некоторой долей условности можно отнести к политологам. Наиболее близок из них к марксизму Б. Кагарлицкий². Его работы носят в большинстве своем аналитический и публицистический характер, а специально посвященная Марксу и марксизму книга по своим акцентам, на наш взгляд, тяготеет к тому, что в середине прошлого века называлось еврокоммунизмом³. Есть ряд других авторов, работающих в жанре левой политической журналистики и политологического анализа, но их работы, как правило, мало затрагивают вопросы методологии.

Наконец, обратим внимание на довольно широкий круг экономистов, не акцентирующих своей приверженности политико-экономической теории Маркса, но работающих преимущественно в рамках этой методологии и тяготеющих к левым идеям в очень разной их интерпретации. Это Г. Гловели (знарок методологии и теорий Богданова и Валлерстайна и их последователь), С. Губанов (экономист, тяготеющий к государственническим идеям), М. Павлов, Ю. Павленко, Э. Соболев, И. Соболева и др. Некоторые из экономистов-теоретиков, выросших еще из советской школы критического марксизма, тяготеют к поиску интеграции классической политической экономии Маркса с неоклассикой (О. Ананьин, Л. Гребнев, Е. Красникова, А. Сорокин, К. Хубиев и др.), институционализмом (А. Московский), славянофильством (В. Волконский, В. Кульков и др.).⁴

Преимущественно в рамках воспроизведения теории самого Маркса расположено поле исследований, в которых делается попытка некоторой доработки этой теории применительно к реалиям новой эпохи, но без претензий на сколько-нибудь серьезную критику текстов самого Маркса⁵. В большинстве своем это исследования, в которых под разными

¹ См.: Шубин А. Социализм: золотой век теории. М., 2007.

² См., например: Кагарлицкий Б.Ю. Восстание среднего класса. М.: Ультра. Культура, 2003; Кагарлицкий Б.Ю. Политология революции. М.: Алгоритм, 2007; Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Эксмо, 2009; и др.

³ См.: Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2005.

⁴ См., например: Волконский В.А. Драма духовной истории: внеэкономические основания экономического кризиса. М.: Наука, 2002; Московский А.И. Институционализм: теория, основа принятия решений, метод критики // Вопросы экономики. 2009. № 3; Сорокин А.В. Теория общественного богатства. Основания микро- и макроэкономики. Учебник. М.: Экономика, 2009; Гловели Г.Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям. Самара: Алетейя, 2009.

⁵ См., в частности: Баллаев А. Читая Маркса. М., 2004; Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа 1920–1930-е гг. →

углами и в разных контекстах рассматриваются известные положения Маркса и его последователей и предлагаются некоторые авторские дополнения, часто связанные со спецификой советского и постсоветского социума. Большая часть этих авторов при этом тяготеет к левой социал-демократии. Они ищут пути интеграции позитивных достижений советской системы и теоретических предвидений этого течения, подчеркивают позитивные моменты китайской модели, несколько ее при этом идеализируя (В.Н. Шевченко, Б.П. Курашвили, В.Ж. Келле), но есть и более радикальные авторы (В.С. Семенов).

Особо хотелось бы выделить два весьма разнородных сообщества философов, в целом весьма близких к идейному наследию Маркса и его творческих последователей в СССР. Одно – исследователи наследия величайшего советского философа *Эвальда Ильенкова* (В. Лазуткин, Г.В. Лобастов, С.Н. Мареев, Е.В. Мареева, А.А. Сорокин и др.; особняком среди них стоит профессор Л.К. Науменко, более близкий по взглядам к постсоветской школе критического марксизма)¹. Другое – сообщество ученых, относящих себя к последователям и ученикам другого выдающегося советского марксиста, ученика и друга Д. Лукача – *Михаила Лифшица* (лидером этого сообщества является В.Г. Арсланов²). Среди авторов, работающих на стыке экономики, социологии, политики и культуры, обратим внимание на работы А. Баранова, А.А. Пригарина, Г. и Б. Ракитских, В. Хазанова, С. Черняховского, А.И. Шендрика³; среди историков – А.В. Гусева, С. Новикова, В. Логинова (крупнейшего в России исследователя жизни, деятельности, творчества В.И. Ленина), Д. Чуракова и др.⁴

← СПб., 2004; *Келле В.Ж.* Марксизм и постмодернизм // *Альтернативы*. 2006. № 3; *Клоцвог Ф.Н.* Социализм: теория, опыт, перспективы. М., 2008; *Котельников М.Е.* Основное противоречие марксизма: социально-философская экспликация. М., 2005; *Курашвили Б. П.* Новый социализм. К возрождению после катастрофы. М., 1997; *Семенов В.С.* Социализм и революции XXI века. Россия и мир. М., 2009; *Шевченко В.Н.* Советская модель социалистического общества: причины поражения // *Исторические судьбы социализма*. М., 2003; и др.

¹ *Лобастов Г.В.* Ильенков как философ // *Вопросы философии*. 2000. № 2; *Лобастов Г.В.* Философско-педагогические этюды. М.: Микрон-принт, 2003; *Мареев С.Н.* Встреча с философом Э. Ильенковым. Издание 2-е. М., 1997; *Науменко Л.К.* «Наше» и «мое». Диалектика гуманистического материализма. М., 2012.

² *Арсланов В. Г.* Постмодернизм и русский «третий путь». М., 2007.

³ *Хазанов В.Е.* Развитие левых идей: гуманистические направления. М., 2013; *Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В.* Методология марксизма и историческое поприще ее плодотворности. М.: Институт перспектив и проблем страны. 1998; *Черняховский С.Ф.* Противоречивость коммунистической оппозиции в современной России. М.: Изд-во МНЭПУ, 2003.

⁴ См., в частности: *Чураков Д.О.* Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России. 1917–1930 годы. М.: Вече, 2007; *Чураков Д.О.* Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М.: АИРО–XX, 1998; *Логинов В.Т.* →

Наконец, нельзя не отметить, что в нашем Отечестве сохраняется и течение *ортодоксальных последователей Маркса*, в лице одних представителей до сталинско-ждановской гротесковости, в лице других (прежде всего Р.И. Косолапов и Д.В. Джохадзе) – возвышающееся до адекватности классическому наследию самого Маркса. В большинстве случаев эти авторы воспроизводят основные положения советских стандартов середины прошлого века с добавлением новаций, главным образом касающихся критики – вполне обоснованной – современного капиталистического развития России и более или менее сильными сталинистскими тенденциями¹.

Если оставить в стороне тех авторов, кто либо догматически пытается воспроизводить положения самого Маркса, либо по сути дела отказывается от основных парадигмальных определенностей этого мыслителя, то окажется, что круг критических сторонников Маркса в России тоже весьма разнороден, хотя и имеет свои генетически общие *differentiae specificaе*.

В этом спектре выделяется *постсоветская школа критического марксизма*, к представителям которой относят себя и авторы этого текста.

ПОСТСОВЕТСКАЯ ШКОЛА КРИТИЧЕСКОГО МАРКСИЗМА

Взгляды представителей этого течения, при всех различиях его представителей, в некотором смысле перпендикулярны традиционной стратификации левых теоретиков. Мы заявляем себя как те, кто стремится к *диалектическому снятию-развитию методологии и теории Карла Маркса*. Мы критически относимся к социал-демократическому рефор-

← Неизвестный Ленин. М.: Эксмо, Алгоритм, 2010; Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // Отечественная история. 1996. № 1. С. 85–103; Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в первой половине 30-х годов // Политические партии России. Страницы истории. М., 2000.

¹ В данном случае хотелось бы назвать прежде всего работы Р.И. Косолапова (обратим внимание на серию его статей, опубликованных в конце 2007 – начале 2008 г. в «Экономической и философской газете») и сборники материалов конференций по проблемам марксизма, уже много лет выходящие под редакцией Д.В. Джохадзе. Весьма интересен один из них – «Марксизм и будущее цивилизации». М., 2006. См. также: Сапрыкин В.А. Антикоммунизм, оппортунизм, контрреволюция. М., 2007. Есть немало других авторов, принадлежащих к данному течению. Прежде всего это ученые, включенные в организацию «Российские ученые социалистической ориентации». Среди политико-экономов, тяготеющих к этому направлению, особо хотелось бы подчеркнуть важность работ В.Н. Черковца, Р.Т. Зяблюк и их коллег в серии книг «Капитал» и «economics», шесть выпусков которых вышли в Москве с 2002 по 2013 год.

мизму, но при этом акцентируем не только реактуализацию классических идей Маркса, но и их позитивное отрицание, критику и диалектическое развитие. Наша школа сформировалась вокруг трех проектов: журнала «Альтернативы» (он регулярно выходит с 1991 г.), профессорского семинара, работающего вот уже более 15 лет в диалоге с комитетом по образованию Государственной Думы, и созданного в 2007 г. интернет-института «Социализм–XXI».

Характеризуя наше направление мы хотели бы обратить внимание на серию вышедших в последнее десятилетие работ, многие авторы которых относят себя к постсоветской школе критического марксизма¹. В целом к этой серии принадлежат тексты более 20 известных отечественных философов, представляющих ряд институтов Российской академии наук, МГУ им. М.В.Ломоносова и многие другие научные центры².

¹ К этим работам относятся, в частности, такие книги, как «Критический марксизм: русские дискуссии» (М., 1999); «Критический марксизм: продолжение дискуссий» (М., 2001), «Социализм–XXI. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма» (М.: Культурная революция, 2009), «Марксизм: альтернативы XXI века (Дебаты постсоветской школы критического марксизма)» (М.: ЛЕНАНД, 2009), «Кто сегодня творит историю. Альтерглобализм и Россия» (М.: Культурная революция, 2010; второе – существенно переработанное издание – 2012), «Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин» (М.: ЛЕНАНД, 2011); «Капиталистическая реставрация и социалистические преобразования» (М.: Культурная революция, 2013) и др. Особенно в этом ряду хотелось бы выделить книгу «**Социализм–XXI...**», где сконцентрированы основные положения ключевых авторов, принадлежащих к нашему течению или близких к нему по духу. В последние годы вышли также книги: «СССР. Незавершенный проект» (под ред. А.В. Бузгалина. М.: УРСС, 2012), «Дорога к свободе: критический марксизм о теории и практике социального освобождения» (под ред. Б.Ф. Славина. М.: УРСС, 2013), «Либерализм и социализм: Запад и Россия. К 200-летию со дня рождения А.И. Герцена» (под ред. М.И. Воейкова. М.: УРСС, 2013), «Культура. Власть. Социализм: противоречия и вызовы культурных практик СССР. Луначарский и не только» (под ред. Л.А. Булавки, М.: УРСС, 2013), «Политэкономия провала: природа и последствия рыночных «реформ» в России» (под ред. А.И. Колганова, М.: УРСС, 2013) и др..

² Среди основных работ представителей нашей школы следует назвать также ряд **авторских публикаций**. Среди них: Предисловие и комментарии Г.А. Багатурия к работе «Маркс К., Энгельс Ф. Первая программа Союза коммунистов. Манифест коммунистической партии в контексте истории» (М., 2007); монографии Л.А. Булавки «Феномен советской культуры» (М., 2008), «Социалистический реализм. Превратности метода» (М., Культурная революция, 2007), «Нонконформизм» (М., 2002); М.И. Воейкова «Споры о социализме» (М., 2001), «Политико-экономические эссе» (М., 2004), «Предопределенность социально-экономической стратегии. Дилемма Ленина» (М.: ЛИБРОКОМ, 2009), «За критический марксизм: полемика с учеными» (М., 2011); Л.Г. Истягина «Пацифизм и социализм (в производстве)»; Б.Ф. Славина «Социализм и Россия» (М., 2004), «О социальном идеале Маркса» (М., 2004), «Идеология →

При этом наше течение далеко не однородно. Более того, не всех авторов упомянутых выше книг можно отнести к постсоветской школе критического марксизма. Некоторые из нас (Г.Г. Водолазов, С.С. Дзарасов, Р.С. Дзарасов и др.¹) акцентируют своеобычность позиции, предпочитают не использовать самоназваний, не причислять себя к какому-то особому направлению, течению, школе. Однако и они близки к нашей школе, ибо в их работах с большей или меньшей долей приближения сохраняются те границы теоретического поля, которые в принципе характерны для всех нас.

Говоря о *differentia specifica* нашего течения, следует подчеркнуть, что мы все базируемся на определенном наследии, которое и сделало нас теми, кто мы есть. И для нас в этом наследии прежде всего важен К. Маркс, на работах которого мы все выросли. В отличие от догматического советского (и не только) «марксизма» мы исходим из того, что критика К. Маркса и его сподвижников, развитие этого блока идей через их существенное обогащение и изменение в соответствии с изменяющейся реальностью и делает нас не просто марксистами, но марксистами

← возвращается» (М., 2009), «Марксизм: испытание будущим» (М., 2014); О.Н. Смолина «Излом: иное было дано? Проблемы революции, демократии и образовательной политики в социально-политическом процессе 90-х годов» (М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 2001) и др.

Кроме того, мы хотели бы подчеркнуть тесную связь наших современных исследований с работами тех наших коллег, с кем вместе мы начинали этот проект и кого уже нет с нами: крупнейшего советского и постсоветского знатока современного западного марксизма М.Н. Грецкого и выдающегося философа культуры Н.С. Злобина. См.: Богданов Б.В., Грецкий М.Н., Ярцев Б.К. Был ли у России выбор? М.: РАН, 1996; Грецкий М.Н. Неомарксизм и проблемы социологии культуры. М., 1980; Грецкий М.Н. Как защитить незащитимое? (Кое-что о трудах Александра Н. Яковлева) // Альтернативы. 1996. № 2; Злобин Н.С. Культура и общественный прогресс. М.: Наука, 1980; Злобин Н.С. Культурные смыслы науки. М.: Институт культурологии РАН, 1997. На границе нашей школы, частью принадлежа к ней, частью выходя за ее рамки, лежат работы Г.Г. Водолазова «Идеалы и идолы» (М.: Культурная революция, 2006) и «Уроки творчества, нравственности и свободы» (М.: РГГУ, 2010), С.С. Дзарасова («Капитал и экономический рост». М., 2004); В.М. Межуева («Маркс против марксизма». М., 2007) и др.

Кроме того, в различных регионах России также есть немало ученых, работающих в тесном диалоге с нашей школой: И. Абрамсон, Д. Воронин. И. Готлиб, В. Корняков, Н. Хлыстова, А. Штырбул и др.

¹ Кроме названных выше работ Г.Г. Водолазова здесь следует выделить принципиально значимые для современного российского марксизма работы С.С. и Р.С. Дзарасовых, написанные на стыке марксистской политической экономики и посткейнсианства. См.: Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовет Россию? М., 2012; Теория капитала и экономического роста / Под ред. С.С. Дзарасова. М.: Изд-во МГУ, 2004; Дзарасов Р.С., Новоженев Д.В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.: Едиториал УРСС, 2005.

стами *критическими*, не боящимися подвергать сомнению все, с чем они сталкиваются в своей общественно-теоретической практике.

Гораздо сложнее определить отношение различных критических последователей Маркса в России XXI века к наиболее известным последователям К. Маркса прошлого столетия. Одни из нас будут тяготеть к теоретическим работам В. Ульянова-Ленина, другие – Н. Бухарина, третьи – Л. Троцкого. Но ни один из нас не берет на веру в качестве догмы работы того или иного представителя из плеяды «постмарксовых» марксистов.

Есть, однако, круг ученых XX века, чьи труды стали едва ли не наиболее значимыми для нас. Это такие ученые, как Антонио Грамши, Дьердь Лукач, Михаил Лифшиц, Эвальд Ильенков, Жан-Поль Сартр, Эрих Фромм и многие другие представители творческого гуманистического марксизма (и не вполне марксизма) прошлого века. При этом почти все мы оказались достаточно далеки от аналитического марксизма, несколько ближе к школе «Праксиса», выборочно склонны к диалогу с левым постмодернизмом, в большинстве относясь к нему критически, но не критикански. Столь же ограниченным является наш диалог и с теоретиками западной социал-демократии.

Гораздо ближе нам работы теоретиков новых социальных движений, экосоциализма, левые исследователи постиндустриальных тенденций (В. Хауг¹) и глобальных проблем, современные ученые, близкие к троцкистской (Д. Бенсаид²) и еврокоммунистической (теоретики, кооперирующиеся с такими сетями и журналами, как Transform, Historical materialism, Science & Society) тенденциям. Перекликается наш подход и с разработками американского внепартийного марксизма 50–70-х гг. XX в. и некоторыми идеями Франкфуртской школы.

Что же касается основных положений, по которым мы спорим, размышляя о возможности и необходимости позитивной критики Маркса, то здесь все еще сложнее. И это неслучайно: *мы ищем новые решения старых и новых проблем*. Ищем по-разному, исходя из традиций и наследия разных наук и течений, еще не обретя окончательных общепринятых (хотя бы в своей среде) формул. Однако и здесь есть некоторые достаточно значимые инварианты.

Во-первых, мы в подавляющем большинстве последовательно исходим из положения Маркса о том, что капиталистическая система вообще (и, добавим, современный глобальный капитал в частности) – это историческиограниченная система. Она принесла человечеству и мно-

¹ Haug W.F. High-Tech-Kapitalismus. Analysen zu Produktionsweise, Arbeit, Sexualität, Krieg und Hegemonie, 2003; Haug W.F. Hightech-Kapitalismus in der großen Krise, 2012.

² Бенсаид Д. Маркс [Инструкция по применению], М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012.

гие достижения, и многие преступления, но чем далее, тем более она развивается по все более опасной и в конечном итоге тупиковой траектории, в общем и целом уже выполнив свою прогрессивную историческую миссию.

Во-вторых, мы считаем закономерным развитием Человечества, и в частности, России, по социалистической траектории, предполагающей качественный скачок на пути эмансипации человека от власти отчужденных общественных сил, и экономического, и внеэкономического принуждения, освобождения от власти и капитала, и неподконтрольной человеку политической власти. Социалистическая траектория развития (для авторов этого текста – более определенно: генезис коммунистического общества, для других авторов – менее жестко: прогресс реального гуманизма, социализма как мира культуры) в рамках нашего течения определяется как снятие и капитализма, и «царства необходимости» в целом.

Заметим в этой связи, что в России в среде критических последователей Маркса уже давно стало очевидным, что речь может и должна идти не об уничтожении, а о *снятии* прежних систем, т.е. об отрицании и одновременном наследовании их достижений, развитии прогрессивных тенденций. К последним относится прежде всего культура в самом широком смысле этого слова – от технологий до искусства; принципы «негативной свободы» (свободы «от» личной зависимости, политического диктата) и др.

Столь же общепринятым в нашем кругу является тезис о том, что общество будущего – это *снятие не только капитализма, но всех предшествующих отношений, основанных на социальном отчуждении*, включая рынок и товарный фетишизм, государство и иные формы политического отчуждения, сохраняющиеся формы личной зависимости и вновь развивающиеся имперские тенденции, религиозный фундаментализм и многие другие феномены, казалось бы, канувшие в Лету в прошлом столетии.

Существенно, что ученые, о которых здесь идет речь, отнюдь не *идеализируют*, подобно некоторым российским (и не только) ортодоксальным защитникам Маркса, «реальный социализм». При этом вопрос о природе этого общества является сугубо дискуссионным в нашей среде. Пожалуй, единственное, в чем мы солидарны, – это признание того, что, с одной стороны, эта система была первой столь масштабной попыткой продвижения к некапиталистическому обществу. С ее развитием связаны многие достижения человечества (а не только нашей страны) в социальной и культурной областях. С другой стороны, мы все подчеркиваем, что этот опыт был и глубоко трагичен. Во многих своих проявлениях и основах «реальный социализм» был далек от тех принципов даже начальной стадии «царства свободы», которые были не только предсказаны, но и обоснованы в социалистической теории (прежде всего речь

идет о социализме как системе социально более эффективной, демократичной и гуманной, нежели капиталистическая).

Что касается *конкретной оценки природы «реального социализма»*, то в кругу критических последователей Маркса в России, как и в мире, достаточно четко прослеживается три течения.

Первое – группа ученых, считающих, что при всех позитивных и культурных достижениях СССР и других стран «реального социализма» они по своей сути были системами, основанными на отчуждении большинства граждан от собственности и власти, и потому не могут быть квалифицированы как социализм (Г. Водолазов, М. Воейков, В. Межуев). При этом четких последователей Э. Мандела или Т. Клиффа среди известных теоретиков России найти сложно.

Вторая группа (А. Пригарин, Б. Славин) склоняется к тому, что при всех противоречиях, характерных для той системы, в ней господствовали отношения раннего социализма, что доказывается ссылками на действительные посткапиталистические социальные формы, ценности и мотивы человека, прогресс общественных форм образования, науки, культуры.

Наконец, один из авторов этого текста (А. Бугалин) предлагает и аргументирует гипотезу о «реальном социализме» как опережающей мутации процесса генезиса «царства свободы», где ростки нового мира (пространства-времени неотчужденных социальных и культурных форм) претерпели вследствие объективно неблагоприятных условий генезиса и субъективных деформаций («сталинщина») существенные бюрократические мутации.

В-третьих, для нас достаточно очевидно, что позитивно снимающий капитализм социум будет базироваться на преимущественно творческой деятельности, развиваясь прежде всего в пространстве креатосферы, сферы со-творчества. Здесь тоже, однако, есть существенные разногласия. Так, В. Межуев, будучи по генезису представителем марксистов-шестидесятников, прямо пишет, что социализм – это пространство культуры. Л. Булавка в данном случае говорит, развивая идеи К. Либкнехта («коммунизм = культура»), о новом коммунистическом обществе. Для М. Воейкова, Б. Славина, О. Смолина и др. речь идет о социализме как новом социальном строе. Для авторов этих строк ближе марксово понятие «царство свободы» (являющееся для нас синонимом коммунизма). При этом последняя группа авторов последовательно доказывает, что генезис «царства свободы» предполагает развитие посткапиталистических социально-экономических и социально-политических отношений, а В. Межуев считает, что последовательное проведение в жизнь принципов социальной рыночной экономики и правового государства есть достаточное основание для развития свободного времени и пространства культуры как мира свободного (посткапиталистического и постэкономического) бытия человека. В любом случае, однако, речь

идет о продвижении к миру, снимающему капитализм и преодолевающему узкие горизонты индустриальной системы, о «постиндустриальном социализме», если угодно.

При этом, однако, критические сторонники Маркса в России далеки от активно и справедливо критикуемой последние десятилетия на Западе идеи отождествления современной модели развития постиндустриальных тенденций в странах «золотого миллиарда», с одной стороны, и социализма будущего – с другой. Одна из причин такого «разведения» в том, что первые, на наш взгляд, идут в тупиковом направлении «общества пресыщения» и новой глобальной протоимперии; сверхзадача второго – качественно изменить траекторию развития новых технологий, отношений, институтов.

На этом основании практически все российские сторонники рассматриваемой нами версии диалектического развития идей Маркса показывают в своих работах, почему социалистическая траектория есть не только процесс развития личностных качеств, снятия различных форм социального отчуждения (прежде всего – но не только – эксплуатации), но и формирование таких необходимых для этого предпосылок, как основанная на приоритетных полномочиях гражданского общества демократия (с переходом к *базисной, низовой демократии, демократии участия*), безусловное соблюдение социальных и гражданских прав человека и т.п. И все это для представителей данного течения в России – лишь начало движения к новому, пока еще не ясному в деталях всестороннему самоуправлению открытых добровольных ассоциаций. Очевидным в нашей стране для последователей Маркса стало понимание того, что «строительство» социализма «сверху», при опоре на насилие – это путь в тупик.

В-четвертых, в некотором смысле критикуя преимущественно линейно-прогрессистскую модель Маркса, его российские ученики и критики доказывают: опыт XX века показал, что *движение по социалистической траектории есть долгий и нелинейный процесс* – процесс реформ и контрреформ, революций и контрреволюций, побед и поражений, успехов и отступлений, причем процесс *всемирный*, тесно взаимосвязанный во всех своих звеньях, *но одновременно и неравномерный*. В *разных областях социального пространства* (странах, регионах, международных сетях) *он протекает сопряженно, но различно*. Поэтому удел ближайшего времени – инициирование и поддержка первых ростков этого нового мира внутри прежней системы, развитие *переходных к социализму форм* в тех анклавах мирового сообщества (повторим: не только странах и регионах, но и в *сетях, мире культуры*), где сознательно ставятся задачи социалистического развития, борьба за иную – социально-, гуманистически-, экологически ориентированную, а перспективе – социалистически ориентированную – интеграцию. Подчеркнем: *разработка теории нелинейных социальных трансформаций и переходных*

отношений – одна из наиболее интересных и «продвинутых» сфер исследования российских критиков-наследников Маркса.

При всех этих общих посылках в рамках нашей школы имеются и *существенные расхождения по многим вопросам.*

Если начать с методологии, то одни из нас (в частности, авторы этого текста, Л. Булавка, Б. Славин) отчетливо делают акцент на диалектике, другие не забывают и о некотором позитивном вкладе постмодернизма, третьи не акцентируют своих методологических пристрастий, тяготея к позитивизму.

Мы различаемся и по степени радикальности нашей критики существующей капиталистической системы. Кто-то из близких нам ученых вообще не акцентирует проблемы снятия капитализма и предпочитает говорить о будущем как о «реальном гуманизме» (Г. Водолазов). Для других социализм – это развитие «пространства культуры» вплоть до превращения его в доминирующую сферу общественной жизни при некотором реформировании существующего типа экономической и политической систем, сохранении основ рынка и парламентской демократии (В. Межуев). Для третьих (в частности, авторов этого текста) – это качественно новый мир, путь к которому лежит через социальную революцию.

Наконец, заметим, что наша школа развивается и ее молодые представители несут свои новые идеи, о которых мы сможем с уверенностью говорить как о новом слове в марксизме лишь через некоторый период времени¹.

* * *

Суммируя, позволим себе краткий вывод: в России сложилось интеллектуальное течение, которое *делает акцент на понимании современной (в широком смысле слова, начиная с XX века) реальности как эпохи глобальных, качественных изменений в самих основах общественной жизни, создающих предпосылки для генезиса не только посткапиталистического, но и постиндустриального, постэкономического общества («царства свободы»)².*

¹ Работы ряда из них обобщены в монографии «Критический марксизм. Поколение next» (М., 2014).

² В последующих разделах книги мы многократно будем обращаться к проблематике генезиса постиндустриального общества. В данном случае, предваряя содержательный анализ, подчеркнем: для нас термин «постиндустриализм» означает не преимущественное развитие сферы услуг (трактовка Д. Белла и его коллег), в которой, в свою очередь, главенствующую роль играют финансовые спекуляции, посредничество и производство иных симулякров, а такой прогресс производительных сил, который приводит к потенциальной возможности и необходимости распространения массовой творческой деятельности (образования, науки и инженерного творчества, →

Такой подход позволяет нам рассмотреть современную социально-экономическую жизнь целостно, системно-диалектически, в контексте ее исторического развития. И важнейшей основой (но не догматическим канонем!) для такой работы служит классический марксизм.

И еще одна финальная ремарка. Многие из читателей, наверное, уже давно стремятся нам возразить, что многие из названных выше проблем давно и плодотворно развиваются многими исследователями, даже не помышляющими о марксизме.

Ответ наш будет удивительно прост: да, именно так и обстоит дело. И причина этого проста: подобно знаменитому герою Мольера, который всю жизнь говорил прозой, даже не помышляя об этом, *многие специалисты в области общественных наук вот уже более ста лет используют теорию и методологию марксизма, даже не зная, что те или иные положения, включенные в их научную деятельность, были выведены и доказаны Марксом, его коллегами и последователями*¹. Кто-то открывает велосипед заново (это типично для ряда немарксистских ученых Запада, большинство которых «Капитал» вообще не читали), кто-то просто забыл, чему его учили в молодости (последнее особенно типично для постсоветских ученых). Кто-то вообще никогда не задумывается, в рамках какой научной парадигмы он ведет свои исследования...

Но все они, так или иначе, реально работают в диалоге с марксизмом, даже если и не подозревают об этом. В принципе, это не так страшно, хотя бессознательное использование марксизма чревато упрощениями и вульгаризацией, а вот это уже губит науку. Посему хотелось бы, чтобы как можно больше ученых знали марксизм и сознательно применяли (или критиковали) его.

← культуры, здравоохранения, рекреации общества и природы) и, соответственно, постиндустриальных технологических укладов, что позволяет радикально повысить производительность труда и существенно сократить (до 20–30% занятых) круг работников, занятых репродуктивным индустриальным трудом при сохранении количества и росте качества продуктов материального производства.

¹ Отметим и еще одну «деталь»: марксистская теория есть плоть от плоти всей классической общественной теории и является важнейшим направлением ее критического развития. Поэтому, развивая марксизм, мы развиваем и классику, реактуализируя ее для XXI века.

глава 2 Реактуализация марксизма: старые вопросы и старые ответы остаются в определенной мере актуальными

Начало XXI века, как мы уже отметили, ознаменовалось в России и за ее пределами новой волной дискуссий вокруг идейного наследия Маркса и практической реализации его идей.

Причин этому несколько. Во-первых, и в нашем Отечестве, и в других странах нарастает разочарование в либеральной теории. Предсказания четвертьвековой давности – конца истории и идеологий, классового мира, всеобщего демократического процветания и торжества прав человека – явно не сбываются. США (и кое-кто в нашей стране) все больше мечтают о новой империи. Войны остаются правилом. Глобальные проблемы и не думают уходить в прошлое. И главное: люди мучительно ищут общественный идеал, который бы хоть немного отличался от людоведского: делайте деньги и конкурируйте!

И тут «вдруг» вспоминается Карл Маркс с его обоснованием возможности движения к миру, в котором «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». И еще с добавлением: свобода – это не только формальное право полунинейшей пенсионерки и олигарха проголосовать за того или иного пропиаренного кандидата, но и реальная экономическая и социально-политическая возможность развить и реализовать все заложенные в тебе таланты, обеспечить прогресс своих человеческих качеств в диалоге, а не конфликте с другими.

Как тут не задуматься: а реально ли это в XXI веке?

Но тут приходит скептик-либерал и говорит: «Хватит!»

Хватит кровавых экспериментов в духе Мао, Пол Пота, Сталина и Ко. Давайте жить как в «цивилизованном мире». А Маркс – это осколок прошлого, который интересен разве что с точки зрения истории социально-философской и экономической мысли.

Ну, насчет «вхождения в цивилизацию» – это мы уже знаем. Мы в России в нее уже вошли. Кому-то там действительно сытно и богато. Кому-то только сытно. Кому-то по-прежнему голодно. Но при этом большинству – неустойчиво. Неуютно. Жестко. Недушевно. Малокультурно. Зло. Нервно...

* * *

Впрочем, эмоции здесь ни при чем, и мы оставим их в стороне. Давайте посмотрим на традиционные аргументы антимарксистов, доказывающих, что Маркс почти во всем ошибся.

Воспроизведем традиционный перечень упреков, оговорившись: авторы впервые столкнулись с этой критикой в далеко не лучшем советском учебнике по критике буржуазных идей. Там было сказано, что западные марксологи критикуют марксизм за то-то и то-то. Будучи студентами, мы тогда удивились: неужели эта критика действительно столь плоска? Спустя тридцать лет, в постоянной полемике с антимарксистами в России, США и многих других стран мира, авторы убедились, что учебник был прав...

Итак, аргументы критиков марксизма.

По Марксу пролетариат должен был нищать, а он стал жить намного лучше. По Марксу пролетариат есть эксплуатируемый революционный класс, а на самом деле он поддерживает капиталистические системы. По Марксу производство должно было становиться все более концентрированным, а оно становится все более разнообразным и малый бизнес прогрессирует. По Марксу частная собственность должна быть уничтожена, а она везде процветает, захватывая все новые сферы. Классики предсказывали, что на смену капитализму должен был прийти социализм, причем революционным путем, а сами революции должны были свершиться в наиболее развитых странах; на самом же деле они произошли в странах слаборазвитых, где новые режимы продержались несколько десятков лет и рухнули. Ну, и, наконец, по Марксу социалистическое общество должно было дать рост свободы и благосостояния, а в СССР мы жили в стране ГУЛАГа и дефицита колбасы...¹

На первый взгляд, все эти упреки обоснованы. И действительно, в некоторой своей части они резонны. Для того чтобы отделить хулу от содержательной критики, разберемся с предпосылками анализа.

Начнем с жесткого тезиса: *вне реактуализации, в ее классическом виде теория Карла Маркса (но не весь марксизм как всемирное течение, которому уже более полутора столетий) сегодня имеет достаточно ограниченную, хотя и далеко не нулевую актуальность.* Реактуализация необходима, и она в значительной степени уже проведена марксистами. Здесь, правда, есть некий «нюанс»: реактуализация методологии и теории марксизма может разворачиваться только при условии:

(1) критики догматического марксизма прошлого века, превратившего работы Маркса в Библию, к тому же истолкованную инквизиторами для своих нужд;

(2) критики не менее догматического антимарксизма, построенного на принципе зряшного отрицания и пропагандистской хулы и служащего тем же политико-пропагандистским целям догматиков, только принадлежащих к противоположному лагерю;

¹ Такого рода подходы достаточно концентрированно выражены, например, в статье: Кудров В. К современной научной оценке экономической теории Маркса–Энгельса–Ленина // Вопросы экономики. 2004. № 12.

(3) учета той огромной работы по развитию идей Карла Маркса применительно к новым реалиям, что была проделана и продолжается и в мире, и в России.

Однако мы можем зафиксировать ряд аспектов актуальности работ самого Маркса, даже если мы на время абстрагируемся от развития идей марксизма на протяжении вот уже более 150 лет.

Маркс исследовал законы классического индустриального капитализма. Не так ли?

Марксистам (в отличие от их критиков) хорошо известно, что Карл Маркс не строил прогнозов и не создавал символов веры. Если кто-то из него сделал пародию на религию, то это уже не Маркс (насколько Маркс ответственен за последующие пародии на марксизм – тема особая; авторы не раз к ней обращались ранее и здесь не будут на этом останавливаться) ... Карл Маркс, его коллеги и последователи исследовали законы жизни общества и формулировали эти законы, при этом многократно предупреждая: социальные процессы отличны от природных. Здесь действует множество разных факторов. Исследователь может показать закономерности действия ряда из них и доказать, что именно эти факторы в некоторых определенных условиях действуют именно таким образом. Но не более того. Никаких «железных» законов Маркс не выводил.

Далее. В «*Капитале*» Маркс исследовал индустриальный классический капитализм и показал, что для него характерны некоторые социально-экономические закономерности. Давайте их рассмотрим, выясним, актуальны ли они сегодня¹, и тем самым («заодно») ответим на большую часть «критики» в адрес марксизма.

Начнем с **теории товарного производства** («рынка»), которую часто сводят исключительно к трудовой теории стоимости. Развивая идеи Смита и Рикардо (на что он сам прямо указывал), Маркс показал, что капиталистическая система в исходной своей определенности есть товарное производство. В основе последнего лежат обособленность производителей и общественное разделение труда. Соответственно, там, где производители будут обособлены, а разделение труда будет развиваться, будет (при прочих равных условиях) прогрессировать рынок. Там, где их будут ограничивать, рынок будет хиреть. Где здесь ошибка?

Далее, Маркс показал (и здесь, в отличие от предыдущего пункта², он существенно отличен от нынешних либеральных экономистов), что

¹ Актуальность марксизма для понимания современного капитализма показана в статье: Стоун Р. Почему марксизм жив? Потому что жив капитализм // Альтернативы. 1998. № 3.

² Д. Харви – один из наиболее известных и авторитетных западных ученых, придерживающихся марксистского метода, пишет об удивлении студентов, →

рынок – это исторически ограниченная система общественных отношений людей, а не некий «естественный» и вечный «механизм» взаимодействия максимизирующих свою полезность агентов и обмена информацией в экономике¹. В частности, он показал, где, когда и почему рынок возник; где, когда и почему (вследствие развития общественного регулирования – «контроля ассоциированных производителей за общественным производством» – раз; прогресса всеобщего творческого труда, создающего общественные блага, – два...) он будет снят новой системой организации хозяйства. Что здесь ошибочного?

Более того, Маркс доказал, что человек не всегда стремился и не всегда будет стремиться прежде всего к максимизации денег и минимизации труда. Вне рыночной системы, при господстве других общественных отношений человек ведет себя иначе. А вот в условиях господства рынка и капитала действительно человеческие качества, ценности, мотивы начинают подчиняться власти товаров и денег. Есть у тебя «Мерседес-600» – ты «крутой» (престижный, умный, талантливый) человек, нет – «лох» (не уважаем, не умен, не талантлив и т.п.). В соответствии со строгой рыночной меркой (измерением человеческих качеств в деньгах) работающий в деревне учитель-энтузиаст в миллионы раз менее эффективен, чем нувориш, а любой олигарх в тысячи раз талантливее нобелевского лауреата. Так рынок переворачивает с ног на голову человеческие отношения, наводя мороки товарного и денежного фетишизма². Прав ли

← когда они в процессе изучения «Капитала» узнают, что К. Маркс разделял понимание абстрактного рынка, данное А. Смитом (см.: Харви Д. Мне хотелось бы разобраться в том, что происходит сегодня, ведь мир изменился // Альтернативы. 2013. № 4).

² К проблеме критики рыночноцентричной модели мы подробнее обратимся во второй части.

² «...Таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей» (Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 82).

Что касается денежного фетишизма, то его проявления прекрасно отражены еще в античной и средневековой литературе:

«Золото! Металл

Сверкающий, красивый, драгоценный...

Тут золота довольно для того,

Чтоб сделать все чернейшее – белейшим,

Все гнусное – прекрасным, всякий грех –

Правдивостью, все низкое – высоким, трусливого – отважным храбрецом,

А старика – и молодым и свежим!»

(Шекспир, «Жизнь Тимона Афинского»)

→

Маркс в том, что именно так обстоит дело в условиях товарного производства?

Заставшие советские идеалы люди на протяжении постсоветских десятилетий убедились в справедливости закона, в соответствии с которым иная общественно-экономическая система рождает иные ценности и мотивы, иной тип человека. Брачные контракты, когда от жены (мужа) ждут прежде всего делового партнерства в области получения и использования дохода и собственности; ожидание смерти родителей (чтобы, наконец, получить их наследство); отношение к детям как к выгодному вложению капитала с целью обеспечения старости – все это казалось бредом для большинства наших сограждан еще двадцать–тридцать лет назад и все это стало нормой для большинства молодых (и не только) людей сейчас. Мы не оцениваем эти изменения. Мы только фиксируем: Маркс был прав, когда показал, как и почему это происходит.

Впрочем, Маркс показал и другое – то, что включаясь в неотчужденные отношения со-творчества и солидарности, люди обретают другие интересы и ценности. И это подтвердила практика, в частности опыт стран «реального социализма». Да, в СССР был ГУЛАГ. Но было и много чего другого. Были миллионы молодых людей, бредивших в 1960-е поэзией и космосом, физикой и открытием новых земель. Было нормальным полупрезрительное отношение к тем, для кого главное в жизни – деньги (авторы и сейчас знают, хотя бы по кругу наших товарищей, сотни людей, включенных в деятельность экологических организаций и профсоюзов, движение «Образование для всех» и правозащитные НПО, для которых главное в жизни – изменение к лучшему природы и общества в нашей стране, и не только. Это обычные люди. Но иная деятельность и иные отношения общения рождают у них другие – пострыночные ценности и мотивы).

Так ошибался ли Маркс, показав, что рынок, а не «естественная природа человека», рождает страсть к деньгам и что пострыночные отношения развивают другие ценности и мотивы, другой тип личности?

Прежде чем продолжить наш анализ достижений Маркса, заметим: *в «Капитале» впервые сформулированы многие тезисы, которые затем (и без отсылок к оригиналу) были включены в современные учебники*

← «Ведь нет у смертных ничего на свете,
Что хуже денег. Грода они
Крушат, из дому выгоняют граждан,
И учат благородные сердца
Бесстыдные поступки совершать,
И указуют людям, как злодейства
Творить, толкая их к делам безбожным»
(Софокл, «Антигона»)

Цит. по: Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 143.

«Economics» и др. работы, принадлежащие к *mainstream*’у. Так, знаменитое «уравнение Фишера», указывающее на определение количества денег в обращении, было задолго до него, точнее и более подробно обосновано в 3 главе I тома «Капитала». То же можно сказать об «открытом» Шумпетером стремлении предпринимателя к инновациям, на самом деле повторяющем в апологетической форме обоснованный Марксом в том же I томе «Капитала» вывод о стремлении капитала к научно-техническому прогрессу и иным средствам повышения производительности труда, что, как известно, является главным источником извлечения относительной прибавочной стоимости. Марксом же раскрыты многие компоненты теории прибыли и средней прибыли, которые он рассматривал как превратные формы, а нынешние теоретики воспроизводят как содержание рыночной экономики...

Но это не столь важно.

Важнее другое. Маркс доказал, что при прочих равных условиях (эта оговорка важна: экономика развивается не в безвоздушном пространстве; и политика, и идеология, и т.п. факторы могут тормозить или ускорять те или иные экономические процессы) развитие рынка ведет к дифференциации его агентов. Одни богатеют и превращаются в собственников капитала. Другие беднеют, лишаются собственности и превращаются в наемных работников, единственной предназначенной на продажу собственностью которых является их рабочая сила. В постсоветской России этот закон проявил себя во всей своей красе, превратив в течение едва ли десяти лет меньшинство из тех, кто начинал частный бизнес, в буржуа, большинство – в наемных работников.

Перейдем к одному из важнейших вопросов об *эксплуатации*. Здесь идет долгий, более века не прекращающийся спор между марксистами и представителями теории факторов производства (позднее – предельной производительности). Последние, как известно, доказывают, что прибыль создает сам по себе капитал, а не прибавочный труд наемного работника, безвозмездно присваиваемый собственником средств производства. Этот спор носит сугубо теоретический характер, и аргументы сторон весьма серьезны; этот текст посвящен другим проблемам и потому здесь мы откажемся от их воспроизведения. Но вот что характерно: на практике капиталисты, а не только наемные работники, взаимодействуя друг с другом, прекрасно отдают себе отчет в том, что их интересы фундаментально противоположны. Начинается все с того, что капитал всемерно стремится удлинить рабочий день, а рабочие его сократить, капитал стремится сократить заработную плату и увеличить прибыль, наемные рабочие – наоборот; дальше – больше: создав профсоюзы и политические организации (социал-демократические, впоследствии социалистические и коммунистические партии), класс наемных работников стал добиваться существенного перераспределения прибыли в свою пользу. Простейший пример этого – прогрессивный подоходный налог.

Так вот, там и в той мере, где экономическая и политическая борьба наемных работников и представляющих их общественно-политических структур активна и успешна, там и в этой мере происходит сокращение рабочего дня, увеличение зарплаты, ограничение доходов богатейшей части населения, рост социальных трансфертов и т.п. Как только и в той мере, в какой эта борьба ослабляется (а это было типично, например, для нашей страны первых после распада СССР двадцати лет), начинается обратный процесс. Последний, в частности, характеризовался тем, что в конце XX века многие страны столкнулись с процессом относительно (а в ряде случаев – например, в США 1990-хх гг. – и абсолютного) сокращения реальной заработной платы, социальных трансфертов и т.п.

В этом контексте будет уместно вспомнить про обнищание пролетариата. Эта идея принадлежит не Марксу. Маркс ее развил, показав закономерность относительного обнищания (когда прибавочная стоимость растет быстрее, чем заработная плата) и указав на закономерность: в условиях индустриального капитализма, при абстрагировании от социально-классовой борьбы пролетариата и других противодействующих факторов, не рассматриваемых в «Капитале», для капиталистической системы в целом характерна тенденция к и относительному, и абсолютному обнищанию пролетариата. То, как и почему эта тенденция в большинстве развитых стран себя исчерпала, марксисты показали более столетия назад, указав на возникшую более века назад и усилившуюся в дальнейшем систему противодействующих факторов, подробно описанных в любом толковом учебнике¹. О последнем обстоятельстве критики марксизма в большинстве либо не знают, либо «забывают» упомянуть. Но вот что важно: открытая Марксом закономерность увеличения богатства капитала за счет заработной платы наемных работников в условиях классической индустриальной капиталистической экономики действует. Ей могут противостоять и противостоят показанные теми же марксистами на основе работ того же Маркса другие закономерности. Переход к высоким технологиям и творческой деятельности, превращающим частичного работника, выполнявшего роль придатка станка или конвейера, в высокообразованного человека-креатора, – раз. Мощные волны антикапиталистической оппозиции (от профсоюзов и левых партий, народных фронтов и примеров «Мировой социалистической системы» до социальноориентированной активности

¹ О периоде абсолютного сокращения зарплаты в США см.: *Kotz D. M. Contemporary Capitalism and its Crises: Social Structure of Accumulation Theory for the Twenty-First Century*, edited volume with Terrence McDonough and Michael Reich, Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2010. О факторах, противодействующих ухудшению положения пролетариата, см.: *Курс политической экономии*. В 2-х т. Т. I. Под ред. Н. А. Цаголова. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Экономика, 1973. С. 277-280, 308–311.

тысяч неправительственных организаций, социальных движений и других институтов гражданского общества, защищающих гражданские и социальные права человека) – два... Перечень можно продолжить.

Важен вывод: благосостояние части мирового рабочего класса (в развитых и ряде развивающихся стран) за *полтора столетия, прошедших со времени написания «Капитала», действительно в среднем росло, хотя и медленнее, чем совокупное богатство капитала. Но росли доходы класса наемных работников не благодаря доброй воле и благородству буржуазии, а вследствие усиления роли антикапиталистических акторов, классовой и социальной борьбы, теория которой была развита (хотя и не открыта – об этом писал сам Маркс¹) марксистами.*

И еще одна важная «деталь»: в условиях господства типичных для неолиберального этапа позднего капитализма тенденций десоциализации и относительного ослабления давления на капитал со стороны наемных рабочих и их организаций *сократилась роль противодействующих закону капиталистического накопления факторов, и он вновь начал действовать*: реальная почасовая заработная плата наемных работников в развитых странах на протяжении последних 30-ти лет практически не росла, тогда как рост богатства в руках капитала продолжался и даже ускорился².

Кстати, о теории классовой борьбы. Маркс и его последователи отнюдь не считали ее универсальным объясняющим фактором человеческого развития. Таковую роль ей отвели догматики сталинских времен и поверившие их трактовке марксизма (и влюбившиеся именно в эту их трактовку) либеральные советологи и марксологи. Маркс же и творческие марксисты многократно показывали, что это – не более (но и не менее) чем особая закономерность взаимодействия основных форм социальной общности, характерная для тех обществ, где производственные отношения приводят к формированию четко выделенных крупных общественных сил, занимающих различное (в том числе – противоположное) место в общественно-экономической жизни. Такое социальное структурирование характерно не для всех обществ, а для так называемой «экономической общественной формации». Тот же Маркс немало писал об иной специфике азиатских обществ и даже нашей родной России³. Так что, пожалуйста, не надо оглуплять Маркса и марксистов.

¹ Борьба работников за достойные условия труда и его оплаты неоднократно отмечается К. Марксом как фактор, противодействующий ухудшению положения работников. См.: Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 292–293, 568–569, 655.

² Во втором томе книги мы еще вернемся к обстоятельному анализу этого феномена, а сейчас ограничимся лишь сноской на уже упоминавшуюся выше статью Д. Харви (см.: Харви Д. Мне хотелось бы разобраться в том, что происходит сегодня, ведь мир изменился // Альтернативы. 2013. № 4).

³ См. следующие работы К. Маркса: Письмо в редакцию «Отечественных записок»; Письмо В.И. Засулич; наброски ответа на письмо В.И. Засулич →

Перейдем к вопросу о *частной собственности*.

Первый том «Капитала» действительно заканчивается знаменитыми словами: «Бьет час капиталистической частной собственности... экспроприаторов экспроприируют». И действительно, марксисты подчеркивали, что суть их учения можно выразить тремя словами: «снятие частной собственности». Подчеркнем: *снятие*. Не уничтожение. Русский перевод прошлого века неслучайно исказил смысл марксовой идеи. Для Маркса – и в этом суть его диалектической методологии – любое общественное явление должно развить в полной мере свой прогрессивный потенциал и только тогда, исчерпав его, сняться в новом отношении. При этом «снятие» для диалектика – это всегда отрицание с удержанием положительного. Сие азбука марксизма, который показал, где, почему, в каких отношениях и до какого предела частная собственность была, есть и будет прогрессивным общественным отношением; где и почему она должна быть снята, подвергнута позитивной критике.

Как же Маркс видел это снятие?

Анализ классического индустриального капитализма показал, что для него характерно обобществление производства. Не просто концентрация и специализация, но обобществление – сложный процесс роста взаимозависимости отдельных технологических комплексов, разворачивающийся по мере прогресса общественного разделения труда. Этот прогресс приводит к тому, что, выражаясь современным языком, нерегулируемый, стихийный рынок, основанный на индивидуальной частной собственности, становится малоэффективен. И это в полной мере подтвердилось сначала в процессе развития ассоциированной собственности акционерных предприятий, затем в виде государственного ограничения и регулирования рынка.

Стало практикой капитализма и ассоциирование собственности в виде передачи части акций работникам предприятий, развития кооперативов¹, государственного сектора и т.п. О последнем заметим: он в развитых капиталистических странах много больше, чем принято думать.

← (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19) и фрагмент «Формы, предшествующие капиталистическому производству» из «Экономических рукописей 1857–1859 годов» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46, ч. 1).

¹ Анализ места и роли предприятий, находящихся в собственности работников, и кооперативов можно найти, в частности, в работах: Боуман Э., Стоун Р. Рабочая собственность (Мондрагонская модель): ловушка или путь в будущее? М.: Экономическая демократия, 1994; Колганов А. Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. Опыт развитых капиталистических государств. (Серия «Третий путь»). М.: Экономическая демократия, 1993; Рудык Э. Предприятия, управляемые трудом, в России: от формы к содержанию // Альтернативы. 2006. № 2; Он же. Трудящийся в управлении производством – творец или робот? (в лабиринтах современной советологии). М.: Наука, 1987. Подробнее см. далее (раздел 3.3).

Традиционная статистика учитывает только государственные фирмы, чья доля в ВВП развитых стран действительно невелика. Но в общественной собственности находятся в большинстве случаев и иные – наиболее ценные – ресурсы современного мира: значительная часть недр, природные заповедники, значительная часть земельного фонда (особенно крайне дорогого городского), культурные ценности и информационные богатства, значительная часть учреждений культуры, образования и науки.

Последнее особенно важно: в общественной собственности сегодня находится едва ли не большая часть наиболее близкой к будущему постиндустриальной экономики, где занят преимущественно креативный класс. Если мы посмотрим на наиболее близкую к марксову идеалу (из существующих в развитых странах) скандинавскую модель, то выяснится немало интересного. Например, в Финляндии практически все школы и большая часть университетов, большая часть учреждений здравоохранения и спорта, культуры и фундаментальной науки – все это общественный сектор, работающий на некоммерческих, т.е. нерыночных принципах. Более того, в этих странах через прогрессивный подоходный налог и другие каналы до половины прибыли капитала перераспределяется в пользу наемных работников¹.

Иными словами, в этих странах сделан целый ряд значимых шагов на пути к реализации той тенденции общественного развития, которую Карл Маркс выделил как возможный и закономерный путь прогресса. При этом Маркс не раз указывал, что на этом пути немало препятствий,

¹ Отнюдь не идеализируя т. н. «скандинавскую модель» (которую мы критиковали и критикуем за то, что она остановилась на полпути в процессе социализации и потому в стратегическом смысле стагнирует), отметим, что развивающиеся в ее русле экономики имеют высокие достижения в сфере не только социальной справедливости, но и экономической эффективности. Так, Финляндия занимает 4-е место в мире по значению глобального инвестиционного индекса, 6-е место – по уровню развитости институциональной среды, 1-е место – по благоприятности политической среды (по степени свободы слова – 1-е место, по политической стабильности и по эффективности работы государственных органов – 2-е место). По степени верховенства закона Финляндия также является первой в мире, по качеству работы бюрократического аппарата находится на 3-м месте в мире. По уровню развития человеческого потенциала Финляндия занимает 3-е место в мире (по уровню сдачи теста PISA и по количеству человек, поступивших в высшие учебные заведения, находится на 3-м месте, по количеству исследователей на миллион населения и по величине расходов на НИОКР в % от ВВП – на 2-м месте в мире). Финляндия занимает высокие позиции и по эффективности креативной деятельности – 17-е место, и по использованию имеющихся ресурсов в сфере накопления знаний и технологий – 4-е место (1-е место по состоянию развития кластеров и по уровню экспорта в сфере компьютерных технологий и коммуникаций).

что прогресс нелинеен и не идет сам по себе: там, где реализующие прогрессивные тенденции силы мощны, а реакционные слабы, он будет идти быстрее и эффективнее. Но возможна и обратная ситуация.

Марксисты всегда подчеркивали, что в истории есть объективные законы, но как именно, когда, какой ценой и какими методами, сколь скоро они реализуются – все это зависит от творящих историю людей. Так, с точки зрения Маркса переход от натурального хозяйства, крепостничества, абсолютной монархии, сословного неравенства и т.п. к рынку, наемному труду, демократии и соблюдению базовых прав человека есть историческая закономерность. Но он многократно писал и анализировал причины, по которым этот переход в одних странах произошел быстро, эффективно и еще в XVI веке, а в других не завершен и пятьсот лет спустя. Почему Англия заплатила за переход к капиталистической системе ценой огораживания, «кровавого законодательства», революций и войн; США – ценой войны против той же Англии за право строить капитализм, а не быть колонией, плюс гражданской войной Севера и Юга (самой кровопролитной в XIX веке) плюс рабством на половине своей территории...

А еще путь к капитализму – это колониализм. И Первая мировая война. И Вторая мировая война, которую Германия (напомним: ее экономика была основана преимущественно на частной собственности) начала против других капиталистических стран – Польши, Франции и Англии...

***Рынок «доказал» свою эффективность:
тезис о диалектическом единстве производительных сил
и производственных отношений устарел?***

Десятилетия господства так называемого «экономического империализма», переносящего модели функционирования рынка на все сферы общественной жизни¹, существенно модифицировали представления об обществе. Тезис о диалектическом единстве производительных сил и производственных отношений как об основе развития общества кажется устаревшим. Мы беремся показать всей нашей книгой, что это сугубо неверно. Наш подход предполагает критическое восстановление классического положения о ***диалектическом взаимодействии производительных сил и производственных отношений***. Последнее означает, что не только производительные силы, развиваясь, требуют рождения новых производственных отношений, но и то, что развитие производительных сил в рамках одной и той же формации происходит вследствие противоречий господствующих производственных отношений. Это развитие предполагает в том числе и их существенные изменения,

¹ Ниже мы специально посвятим один из подразделов книги анализу этого феномена.

например, описанный еще в «Капитале» переход от простой кооперации и мануфактуры к индустрии, от формального к реальному подчинению труда.

Существенно при этом, что *каждая исторически-конкретная система производственных отношений* в период своего прогресса (1) способствует большему или меньшему (в этом, в частности, мера ее прогрессивности) *стимулированию роста производительности труда* и (2) создает свои *особые формы развития производительных сил* (так, например, капитализм стимулирует прежде всего, рост вещного богатства и утилитарного потребления); эта же исторически-конкретная система производственных отношений (3) *задает границы и пределы* характерного для данного способа производства прогресса производительных сил.

Впрочем, это все лишь подзабытый классический марксизм.

Ключевым же вопросом современного марксизма в этом проблемном поле становится исследование *форм, потенциала и границ прогресса постиндустриальных технологий в условиях глобального капитализма*. И здесь мы доказываем, что этот новый тип производительных сил (и глобальные проблемы, с ним связанные) исчерпывает потенциал прогресса в рамках не только капитализма, но и всей экономической общественной формации («царства необходимости», предыстории), создавая возможность и необходимость перехода к новому типу общественного развития («царству свободы»).

С тезисом о диалектическом единстве конкретно-исторических производительных сил и производственных отношений прямо сопряжен акцент на исследовании **исторически ограниченных конкретных социально-экономических систем**. Такой подход позволяет, в частности, показать, что «рыночная экономика» является одной из таких систем, имеет содержательные пространственно-временные границы.

Сама постановка такой проблемы (согласитесь, достаточно важной в теоретическом – по меньшей мере – отношении) симптоматична¹. Ни один из учебников есопоміс (кроме предисловий, написанных в ряде из них экс-марксистами²) эту проблему вообще не видит. Между тем простейший анализ доли населения мира, производящего и потребляющего большую часть продукции посредством участия в товарных отношениях, показывает, что рынок стал господствующей экономической формой лишь... в середине XX века. Даже если мы посмотрим на долю мировой продукции, производимой посредством рыночных транзакций, то и здесь рыночная экономика окажется системой, которая только столетие назад стала господствующей в мировом масштабе.

¹ Ниже мы лишь тезисно обрисовываем спектр проблем, к которым авторы вернутся для более подробного исследования в завершающих разделах этого тома.

² См., например: Нуреев Р. М. Курс микроэкономики. М., 2002.

Еще более интересен вопрос о *наличии пострыночных* (т.е. более эффективных, нежели рынок) *отношений*. Если учесть, что результатом (который следует соизмерять с издержками, чтобы оценить эффективность) для экономики нового века все более становится развитие личностных качеств человека, то вопрос о наличии таких отношений станет не столь уж романтически-утопическим. Если посмотреть, какие отношения и ценности движут субъектами образования (а подавляющая его часть в Европе – некоммерческая), фундаментальной науки, подлинной культуры (не шоу-бизнеса), медицины, деятельности по рекреации социальной и природной среды и т.п., то окажется, что вопрос о пострыночных отношениях – это не интенция восстановления сталинского централизма, а по преимуществу проблема организации сознательного регулирования некоммерческих сетей в постиндустриальной сфере экономики. Не менее важна проблема преодоления узких рамок наемного труда как работы, где капитал подчиняет труд, и перехода к свободному труду, где работник (или их ассоциация, как это делается в научных и иных временных творческих коллективах, публичных университетах и т.п.) сам определяет параметры своей деятельности, ее результаты и т.п.

Все это делает марксистскую постановку проблемы *исторических границ товарного производства и капитала («рыночной экономики»)* весьма актуальной. Более того, в работах советских и постсоветских марксистов достаточно подробно раскрыты основные блоки этих отношений.

Далее. Марксизм, и прежде всего «Капитал», показывает *структуру производственных отношений особой экономической системы и дает глубинные характеристики системы производственных отношений т. н. «рыночной экономики», капитализма, сохраняющиеся актуальными в той мере, в какой «рынок» и капитализм не утратили свои differentiae specificae*¹.

Рассмотрим этот вопрос подробнее на примере логики и содержания «Капитала», дающего очень важные методолого-теоретические «подсказки» для анализа современных производственных отношений «рыночной экономики».

Для «рыночной экономики» это такие производственные отношения, как товар и деньги («способ координации»), капитал (отношения присвоения и отчуждения факторов производства), распределение дохода (заработная плата, прибыль), отношения воспроизводства.

Исторические качественные изменения систем производственных отношений в России дважды подтвердили правомерность такого структурирования. И в случае перехода от Российской империи к СССР, и в слу-

¹ А всемирный экономический кризис, начавшийся в 2008 г., показал, что родовая сущность капитализма при всех ее модификациях еще отнюдь не ушла в прошлое...

чае перехода от СССР к Российской Федерации качественному изменению подвергались именно эти блоки отношений:

- отношения координации [«планификация» – либерализация];
- отношения присвоения и отчуждения (собственности) [национализация – приватизация];
- отношения распределения и перераспределения дохода [уход от доходов из прибыли, ренты и т.п. и широкая система социальных трансфертов – возрождение капиталистической системы распределения доходов];
- отношения воспроизводства [переход к социалистическому накоплению и «экономике дефицита» – «стабилизация»].

Существенно, что «Капитал» – это еще и *исследование отношений собственности* как предпосылки и результата развертывания производственных отношений особой исторически-конкретной социально-экономической системы¹. Это исследование знаменательно тем, что оно позволяет показать исторически-конкретное и различное для разных эпох содержание тех или иных форм собственности. В частности, то, что частная собственность может быть формой самых разных по содержанию производственных отношений: от личной зависимости и рабства через «классическую» капиталистическую частную собственность к сложным формам социализации частной собственности. Последнее позволяет, например, показать сложную систему отношений, скрытых за формой частной собственности в современной России, где противоречиво соединены не только отношения наемного труда и пережитки личной зависимости, но и многие черты советского патернализма и мн. др. Точно так же сложно и различно может быть содержание государственной формы: от реально частного присвоения государственным чиновником (современная Россия) до действительно общенародного экономического присвоения (равно общедоступные социальные блага в скандинавских странах).

Продолжим наши размышления. Рассмотрение *«рынка» как формы особых производственных отношений*, а не только пространства трансакций вне отношений насилия, позволяет, в частности, раскрыть *связь отношений товарного производства с особыми технологическими укладами и надэкономическими факторами*, показать, какие материальные и постматериальные условия адекватны и способствуют развитию рынка,

¹ Этот методологический тезис был развит в рамках т. н. «цаголовской» школы политэкономии экономического факультета МГУ в 1960–1970-е годы (см.: Курс политической экономии. В 2-х т. Под ред. Н. А. Цаголова. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Экономика, 1973). Эти положения относительно недавно стали доступны и для англоязычного читателя благодаря блестящему тексту С. С. Дзарасова (см.: *Dzarusov S. Critical realism and Russian economics // Cambridge Journal of Economics. 2010. № 6*).

какие – нет и почему. Соответственно, марксистская теория позволяет вывести (а не просто постулировать) характеристики того, какой *особый тип личности* (поведения, мотивации, ценностей) формирует эта система, раскрыть анатомию товарного (денежного) фетишизма, развивающегося ныне в «рыночный фундаментализм».

Значимо и то, что методология «Капитала» позволяет показать, *где, как и почему, при каких условиях будут формироваться альтернативные рынку механизмы координации* (от бартера до сознательного регулирования), раскрыть природу денег как товара особого рода со всеми вытекающими отсюда следствиями и т.п.

Конечно же, наиболее важной в данном случае остается проблема актуальности *трудовой теории стоимости*. Повсеместное господство теории предельной полезности стало видимым основанием для отказа трудовой теории стоимости в теоретической и практической актуальности. Но так ли все здесь просто?

В последующих разделах книги авторы предложат развернутый ответ на этот вопрос, сейчас же лишь аннотируем методологический ключ к его решению. Начнем с того, что *трудовая теория стоимости* (и это специально подчеркивал сам Маркс) *является предельной, глубинной абстракцией*, а в соответствии с методом Маркса путь от нее до поверхности непосредственных экономических действий далек. Чтобы пройти этот путь, мы должны лишь начать с двойственного характера труда (трудовую теорию стоимости Маркса часто путают со сведением стоимости к объему трудозатрат, да еще и измеренных в рабочем времени – сие грубейшая ошибка). Далее мы двинемся к исследованию в 3 главе I тома «Капитала» феномена цены, спроса и предложения (да-да, это категории «Капитала»!), отклонений цен от стоимости; далее к исследованию превратных форм заработной платы и прибыли, средней прибыли и цены производства, рыночной стоимости и рыночной цены. И только так мы вплотную подойдем к тому, что далее и сделал маржинализм: к исследованию того, как именно движутся цены и как должны себя вести в этих условиях продавцы и покупатели с тем, чтобы максимизировать свой доход.

В рамках последней *функциональной* зависимости и создается объективная видимость того, что цены определяются предельной полезностью продуктов. И эта видимость неслучайна – это типичная превратная форма, когда «кажется то, что есть на самом деле». На самом деле цены изменяются под влиянием спроса и предложения. И это не только эмпирический факт. Это вывел на основе трудовой теории стоимости К. Маркс, сформулировав закон стоимости. На самом деле субъекту рынка необходимо руководствоваться в своих решениях о купле и продаже товаров соображениями, развиваемыми неоклассической теорией, ибо они правильно отображают механизмы *функционирования* рынка. И потому на самом деле создается *видимость* того, что в основе цены лежит предельная полезность блага.

Но вот *основы*-то рыночной системы другие. Неоклассику они по большому счету не интересуют: она не ищет (да и не может искать в силу своей внеисторичной методологии!) ответы на вопросы о границах рынка¹. Вот почему для того, чтобы понять закономерности *генезиса, развития и «заката» системы отношений товарного производства и обмена*, надо анализировать нечто иное, а именно – двойственный характер труда, лежащего в основе товара. Только этот анализ покажет, как, где и почему коллективный труд в рамках натурального хозяйства сменяется частным трудом обособленного производителя, действующего в условиях общественного разделения труда, а этот труд может смениться всеобщей творческой деятельностью homo креатора (homo creator).

Такова аннотация авторского видения проблемы соотношения трудовой теории стоимости и теории предельной полезности: первая показывает глубинные основы отношений товарного производства, исторические и теоретические границы этой системы, ее природу, тогда как вторая выводится из первой через сложную цепочку опосредований и указывает на фиктивное (как бы «наведенное») содержание действительно существующих превратных форм – определенных функциональных зависимостей в соотношении спроса, предложения и т.п.

Соответственно, марксова теория нужна «лишь» для того, чтобы исследовать природу и границы товарной экономики; для анализа функциональных зависимостей спроса и предложения она действительно не нужна. Изюминка, однако, заключается в том, что *нынешний рынок уже подошел к своим границам, и для того, чтобы понять, кто, как и почему действительно определяет не столько цены, сколько закономерности эволюции современного рынка, нужно анализировать прежде всего его сущность*. И вот здесь-то вновь оказывается востребован марксистский анализ проблем обособленности производителей (которая ограничивается, «подрывается» не только государством, но и «рыночной властью» ТНК), типа и природы новой сетевой модели разделения труда и мн. др.

Дополним эту тезу также и тем, что в рамках западного марксизма проблемы трудовой теории стоимости за эти полтора столетия стали предметом серьезных работ многих десятков известных ученых. Центральной в данном случае стала известная тема «противоречия» между

¹ В последние десятилетия развитие информационной революции, рост многообразия экономической жизни, развитие творческого содержания труда (человеческого и социального «капитала») и феномена «ограниченно-рационального» поведения, теоретико-методологическая критика микроэкономических оснований неоклассической теории и ряд других причин побудили экономистов, принадлежавших к mainstream'у, постепенно начать искать выходы за пределы прежней аксиоматики, что само по себе знаменательно. Разбор результатов этих поисков не входит в задачу данного текста, смысл которого, в частности, показать, что ответ «Капитала» на вопрос о теоретико-исторических границах товарных отношений не устарел.

I и III томами «Капитала». Напомним, что в первом томе Маркс пишет о цене как денежном выражении стоимости товара (овещненного в нем абстрактного общественного труда), тогда как в третьем – о цене производства (определяемой величиной издержек производства и средней прибыли), причем с точки зрения экономистов-математиков получается, что если средства производства учитывать не по стоимости, а по цене производства, то при расчете средней нормы прибыли либо сумма прибылей не равна сумме прибавочных стоимостей, либо сумма цен производства не равна сумме стоимостей. На эту тему написаны многие сотни работ и обзор этой полемики, равно как и многочисленных работ, указывающих на возможные коррекции трудовой теории стоимости или даже необходимость отказа от нее, не входит в круг наших задач, хотя, несомненно, был бы интересен для российского читателя, мало с ним знакомого. В данном случае лишь подчеркнем: на базе трудовой теории стоимости выросла немалая плеяда различных направлений экономической теории. Среди них есть и те, кто развивает идеи Маркса, продолжая использовать прежде всего диалектический метод, и те, кто опирается прежде всего на метаматематическое моделирование. Poleмика этих многочисленных направлений продолжается и дает весьма интересные результаты.

Не менее актуален и содержащийся в основном труде К. Маркса *анализ капитала как системы отношений отчуждения [работника от труда, его факторов и результата] и присвоения [труда, его факторов и результата]*. Это исследование позволяет раскрыть экономические основы ряда принципиально значимых социально-экономических феноменов. Среди них – закономерности эволюции подчинения труда капиталу и эволюции этого подчинения от формального к реальному и – далее – современным формам подчинения личностных качеств человека корпоративной «матрице».

На этой основе становится возможным раскрыть причины и условия обострения или, наоборот, смягчения противоречий между субъектами наемного труда и капиталистического присвоения (причем присвоения не только прибыли, но и условий производства, как физического капитала, так и институциональных предпосылок и даже «невещественных активов фирмы»). А это противоречие может вызывать самые различные интенции: от свершения социальных антикапиталистических революций, которых с 1917 года было более 20, до требований социального ограничения «рынка», (точнее – капитала) и нахождения компромиссов («социальное партнерство» и др.), позволяющих снять напряжение этих противоречий. Именно марксистская теория позволяет показать, как, где и почему наемные работники пойдут как класс на компромисс, а где и почему они перейдут к революционным действиям. Не правда ли, полезное (в том числе для представителей имущих страт) знание?

Позволяет марксова теория капитала показать и причины, равно как условия, роста/снижения социальной поляризации («относительного обнищания» пролетариата), в частности, обосновать вывод, что при прочих равных условиях *капитал стремится к относительному сокращению доли заработной платы во вновь созданной стоимости, что вне условий социального противодействия со стороны наемных работников ведет к росту социальной дифференциации, неравенства.*

Для наемных работников это вывод, указывающий на необходимость солидарных социально-экономических действий. Для собственников капитала – руководство к противоположному действию: если работники и их профсоюзы слабы, можно повышать продолжительность рабочей недели и интенсивность труда, снижать социальные гарантии и т.п. (что и происходит в последние годы в большинстве как развитых, так и развивающихся стран).

Этот вывод также достаточно подробно развит в многочисленных работах марксистов прошлого и нынешнего веков. На многочисленных фактах он обосновывается в широко известных работах Розы Люксембург¹, Э. Мандела² и мн. др. Последние данные на эту тему представлены в работах многих марксистскиориентированных ученых, работающих в диалоге с профсоюзами и многими международными НПО³.

Одним из наиболее интересных аспектов развития темы капитала как особого феномена стала серия работ по проблемам природы капитала и экономического роста (знаменитая дискуссия «Кембридж – Кембридж»⁴), для которой была характерна полемика представителей одного из интересных западных направлений, развивающих одновременно идеи Рикардо, Маркса и Кейнса, с одной стороны, неоклассиков с другой. В рамках работ представителей «английского Кембриджа» (восходящих к работам Дж. Робинсон, П. Сраффы, Дж. Харкорта и др.⁵),

¹ См.: *Luxemburg R. Einführung in die Nationalökonomie.* Berlin, 1925. P. 275–277. (Русское издание: *Люксембург Р.* Введение в политическую экономию. М., 1960).

² См.: *Mandel E. Late Capitalism.* London – New York: Verso. 1987. P. 150–153.

³ Многочисленные иллюстрации, характеризующие ситуацию последних лет нового века, можно найти в ежегоднике *Globalization of Resistance*, выходящем на нескольких языках мира.

⁴ О ходе этой дискуссии см., например: *Robinson J. History versus Equilibrium.* L.: 1974; *Rowthorn R. E. Neo-Classicism, Neo-Ricardianism and Marxism // New Left Review.* 1974. № 86. P. 63–87; *Hahn F. H. Revival of Political Economy: The Wrong Issues and the Wrong Argument // Economic Record* 51. 1975. P. 103–117. Детальный анализ этой дискуссии в русской экономической литературе содержится в: *Теория капитала и экономического роста / Под ред. С. С. Дзарасова.* М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 69–128.

⁵ См., например: *Harcourt J. Some Cambridge Controversies in the Theory of Capital.* Cambridge, 1972; *Robinson J. Keynes and Ricardo // Collected Economic Papers.* L.: 1979. Vol. 5; *Eichner A. Toward a New Economics. Essays in Post-*

в частности, была показана плодотворность использования трудовой теории стоимости и теории прибавочной стоимости для моделирования экономической динамики. На этой основе отечественными учеными была отмечена заведомая неплототворность «шоковой терапии» и неизбежность глубокого экономического кризиса в результате ее применения¹.

Многие открытые Марксом общественные законы сегодня не действуют. Почему?

Итак, классическая марксистская теория была и остается истинной как теория индустриальной капиталистической общественно-экономической системы периода ее «классики». Также весьма значимыми были и являются наброски Маркса по проблемам философии (особенно социально-политической), проблемам рождения нового общества и мн. др., но эти аспекты сейчас оставим в стороне.

Для нас важнее другое. В точном соответствии не только с методологией, но и с теорией марксизма мы можем и должны сказать: в той мере, в какой капиталистическая общественная система изменилась по сравнению с теми ее параметрами, которые исследовал Маркс, – в этой мере теоретические положения классического марксизма должны быть «неверны». Точнее, так: открытые Марксом законы должны в этой мере или не действовать, или действовать по-другому. Поэтому в современном мире, где развивается глобальная интеграция национальных рынков в мировую экономическую систему, пронизанную новыми противоречиями; где началась постиндустриальная (информационная, человеческая и т.п.) революция; где реальностью стали монополии и антимонопольная политика, государственное регулирование и социальные трансферты, соизмеримые с едва ли не третью валового национального продукта, – в этом мире в точном соответствии с методологией Маркса законы классического индустриального капитализма не должны и не могут действовать в том виде, в каком они описаны в «Капитале».

Так, факт полета самолета не отменяет правомерности закона всемирного тяготения (в соответствии с которым тело, если оно тяжелее воздуха, должно падать на землю), а подтверждает его. Самолет *не* падает на землю в строгом соответствии с этим законом, который можно

← Keynesian and Institutional Theory. L.: Basingstoke, 1985; *Sraffa P.* Production of Commodities by Means of Commodities: Prelude to a Critique of Economic Theory. Cambridge, 1960.

¹ *Дзарасов С. С.* Способен ли частный капитал модернизировать российскую экономику? // Вопросы экономики. 2005. № 4. С. 131–147; *Дзарасов С. С.* Куда Кейнс зовет Россию? М., 2012; *Дзарасов Р. С., Новожинов Д. В.* Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.: Едиториал УРСС, 2005.

было бы специально переформулировать для непонятливых: тело тяжелее воздуха будет стремиться упасть на землю с силой, равной его весу; но оно не упадет на землю, если этому будет противодействовать другая сила (в случае с самолетом – подъемная сила крыла). Так же и характерные для ряда десятилетий XX века процессы снижения социальной дифференциации не отменяли закона-тенденции относительного обнищания пролетариата, а предполагали действие других мощных процессов, вызвавших к жизни значительное перераспределение доходов от класса буржуазии к классу наемных рабочих.

То же можно сказать и о других закономерностях, открытых и обоснованных Марксом в «Капитале». И рост обобществления производства, и закон-тенденция нормы прибыли к понижению, и ряд других подвергаемых ныне критике закономерностей строго выводятся Марксом из некоторых предпосылок. Среди них важнейшие – действие закона стоимости (классический вид которого предполагает свободную, «совершенную» конкуренцию), закона прибавочной стоимости (классическое действие которого предполагает реальное подчинение труда капиталу и несовместимо с участием рабочих в управлении, прибылях, собственности, не говоря уже о прямом перераспределении части прибавочной стоимости в пользу трудящихся через такие механизмы, как прогрессивный подоходный налог и мн. др.) и рост органического строения капитала.

Последняя предпосылка особенно важна. Как мы уже отметили выше, Маркс исследовал капитализм, развивавшийся на базе индустриальных производительных сил, для которых как раз и был характерен относительно более быстрый рост массы применяемого «мертвого» (овещненного в машинах, сырье и т.п.) труда по сравнению с живым трудом. Попутно подчеркнем: у Маркса везде речь идет не о стоимостном, а об органическом строении капитала. Для последнего стоимостные измерители, взятые сами по себе, не адекватны; оно предполагает учет только таких изменений стоимостного строения, которые обусловлены изменениями технического строения, т.е. предполагают элиминирование процессов удешевления постоянного капитала и удорожания переменного¹.

Но это не главное. Главное в другом: переход к качественно иным технологиям, предполагающим человеческую, информационную и т.п. революции, рост значения творческой деятельности, «человеческих качеств» и т.п., естественно, привели к принципиальным изменениям не только в динамике, но и в природе и постоянного, и переменного

¹ «...Я называю стоимостное строение капитала, – поскольку оно определяется его техническим строением и отражает в себе изменения технического строения, – органическим строением капитала» (Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 626).

капитала. Все это в строгом соответствии с марксовой методологией диалектического единства производительных сил и производственных отношений должно было вызвать существенные изменения всех базовых закономерностей капитала как производственного отношения. Это и произошло в реальности, подтверждая, а не опровергая правоту марксистской теории. Эта связка совершенно банальна и ее многократно в том или ином виде воспроизвели десятки марксистов XX века, а авторы данной книги изучали ее в курсе политэкономии на первых курсах МГУ им. М.В. Ломоносова еще в начале 1970-х гг. И тогда любому студенту, пытавшемуся ничтоже сумняшеся утверждать, что в условиях капитализма второй половины XX века закономерности, показанные в «Капитале», действуют в чистом виде, ставили без всяких колебаний «неудовлетворительно» за полное непонимание теории и метода Маркса.

Еще важнее не забывать того, что *рубеж XIX–XX веков ознаменовался переходом капиталистической общественно-экономической системы в новую фазу – фазу самоотрицания, «подрыва» своих собственных основ*. Классическое состояние капитализма в развитых странах завершилось более столетия назад, сменившись длительной фазой **«заката»** – развития в недрах этой системы ростков нового качества общественно-экономической жизни¹.

Опять-таки в строгом соответствии с закономерностями «заката» исторически-конкретной системы этот процесс начался с привнесения в старую систему ростков новой, но в подчиненном, адаптированном для нужд старого, господствующего строя виде. Это «вливание крови молодых девушек» (ростков социализма) в тело стареющего капитализма происходило и происходит на протяжении вот уже более столетия. Процесс этот идет неравномерно, то усиливаясь (как, например, в 60-е гг. XX века), то ослабляясь (как в последние десятилетия того же столетия), но до конца он не исчезает и не исчезнет. К числу этих ростков нового ученые-марксисты еще столетие назад отнесли многочисленные формы сознательного регулирования рынка со стороны как крупнейших корпораций, так и государства; многочисленные формы частичного перераспределения доходов и социального регулирования; продвижения к бесплатному обеспечению граждан базовыми общественными благами (образование, здравоохранение, культура и т.п.). Добавим к этому развитие таких ростков «царства свободы» как мощная активность социальных движений и неправительственных организаций; наличие на протяжении всех этих десятилетий стран, стремившихся так или иначе развивать некапиталистические общественно-

¹ Основы теории самоотрицания капитализма на нисходящей стадии его эволюции содержатся прежде всего в работах по империализму В.И. Ульянова-Ленина. Мы ниже специально вернемся к этой теме.

экономические отношения и т.п. – и мы получим *мир, в котором закономерности классического капитализма просто не могут и не должны действовать* в прежнем виде (а какие-то не могут и не должны действовать *вообще*).

И еще одно следствие сказанного выше: там и тогда, где и когда законы Маркса оказываются адекватны для понимания реальности, мы можем говорить, что это общество, близкое по уровню развития к классическому индустриальному капитализму, подобному капитализму Великобритании позапрошлого века. И это не только теоретическая абстракция – это реалии для ряда стран в нынешнюю эпоху. Это, например, в значительной мере можно сказать о России эпохи «шоковой терапии», о многих секторах бедных стран третьего мира и т.п.

Можно ли на основании сказанного выше считать, что проблему критики классического марксизма можно считать снятой?

Отнюдь.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ XX ВЕКА ПРОИЗОШЛИ
В СЛАБОРАЗВИТЫХ СТРАНАХ И ЗАКОНЧИЛИСЬ
КРИЗИСОМ «РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА». ERGO?

Безусловно, многие десятилетия, прошедшие после смерти Маркса, показали, что многие положения Маркса требуют не только развития как устаревшие, но и прямой критики.

Что касается развития, то открытым остается вопрос, насколько десятки сильных и талантливых работ марксистов XX и начала нынешнего века (как отечественных, так и зарубежных), раскрывающих природу современного «позднего» капитализма, могут служить своего рода «„Капиталом“ XX века»...

Что же касается критики, то здесь пока что без ответа остался важнейший вопрос критиков классического марксизма: почему капитализм перешел в новую, постиндустриальную, «постклассическую» стадию, а не был свергнут победоносными социалистическими революциями, необходимость которых, на первый взгляд, Маркс выводил из противоречий именно классического индустриального капитализма?

Этот вопрос действительно принципиален и не имеет готового простого ответа.

Начнем с того, что идея неизбежной и победоносной революции, осуществляемой классом индустриальных наемных рабочих – это не столько классический марксизм, сколько его сталинская версия, растиражированная в учебниках 30–50-х годов прошлого столетия. Ни у самого Маркса, ни у Ленина, ни в сколько-нибудь «продвинутых» учебниках марксизма, вышедших в СССР начиная с 1960-х гг., таких утверждений не было. Классический марксизм действительно доказывал, что

индустриальный капитализм создает необходимые предпосылки для социалистической революции, и что ее субъектом является класс наемных рабочих. Но во всех работах классиков многократно подчеркивалось, что эта потенция превращается в действительность только тогда, когда складываются все необходимые социально-политические предпосылки¹.

Впрочем, для нас сейчас этот аспект является не самым главным. Важнее другое. На наш взгляд (и здесь авторы не оригинальны), *Маркс действительно был не прав в той мере, в какой размышлял не только о возможности, но и о необходимости социалистической революции как продукта классического индустриального капитализма*². Развитие методологии марксизма, особенно диалектики перехода от одной социально-экономической системы к другой, предполагает использование ряда сугубо марксистских, но не развитых самим Марксом, подходов, показывающих, почему утверждение о неизбежности социалистической революции в условиях индустриального капитализма неправомерно. Иными словами, в этом вопросе марксистская методология и теория может и должна быть использована для конструктивной критики некоторых поспешных выводов Маркса.

Начнем с подтвержденного опытом последнего столетия и достаточно известного (но часто «забываемого» критиками марксизма) тезиса о том, что смена социально-экономических систем осуществляется не как одномоментный акт скачка от одного развитого целого к другому развитому целому, а как длительный процесс «заката» одной системы и генезиса другой. Этот процесс длителен (занимает исторические периоды, большие, чем собственно зрелое, «классическое» состояние) и сугубо нелинеен. На протяжении всего этого периода перехода возможны и необходимы революции и контрреволюции, реформы и контрреформы. В рамках старой системы образуются переходные формы, включающие ростки нового качества общественного развития; в рамках возникающей новой обязательно сохраняются значимые элементы старой. При этом господствующими в обоих случаях становятся не «чистые», а переходные отношения и формы...

Эта диалектика перехода у самого Маркса «прописана» слабо, есть лишь некоторые наброски, свидетельствующие о том, что Маркс видел

¹ См., например, классическое определение революционной ситуации в работе: Ленин В.И. Крах II Интернационала // Ленин В.И. Полн. собр. соч. (5-е изд.). Т. 26. С. 218.

² Существует традиционный взгляд на эту проблему, согласно которому готовность индустриального капитализма к социалистической революции является само собой разумеющейся (см., например: Семенов В.С. Социализм и революции XXI века: Россия и мир. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 17–20). В то же время уже давно известна критика этой позиции (*Wright Mills Ch. The Marxists*. New York: Dell, 1962. P. 116).

эту проблему¹. Зато в работах марксистов XX века и последнего десятилетия об этом сказано немало. И не только сказано, но и доказано². Так, например, ленинское исследование империализма позволило ему прямо заявить: «Империализм вырос как развитие и продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу»³. И эти доказательства позволяют считать обоснованным вывод о том, что *марксистская теория способна объяснить те многочисленные зигзаги, которыми полна история XX века*. Но для этого надо вместе с марксистами последнего столетия пойти дальше Маркса и учесть все многообразие явлений периода нелинейной трансформации одной системы в другую.

Далее. Для анализа процесса рождения нового общества, называвшегося Марксом коммунизмом, по-видимому, можно и должно применить (естественно, критически) методологию исследования генезиса капитала, примененную самим Марксом. В частности, методологию перехода от формального к реальному подчинению труда капиталу. Эта методология представлена, в частности, исследованием развития капитала от форм простой кооперации к мануфактуре и фабрике⁴. На первых стадиях генезиса капитал развивается на технологическом базисе, характерном для предшествующей системы (феодализма) – на базе ручного труда – и остается в этом случае неустойчивым, относительно легко уступающим место реставрационным процессам, образованием. *На базе ручного труда, мануфактурных технологий, капитализм может как выиграть у феодализма (что произошло, например, в XVI веке в Нидерландах), а может и проиграть (как это произошло примерно в то же время в итальянских городах-государствах)*. Здесь подчинение труда капиталу если и возникает, то остается неустойчивым, формальным (созданным лишь формой – производственными отношениями), но не имеющим доста-

¹ Наиболее развернуто Маркс высказался по этому поводу в известной «Критике Готской программы» (см.: Маркс К. Замечания к программе германской рабочей партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. С. 18–19).

² Идея переходных отношений, развивающихся в рамках капитализма («неполная плановность»), была высказана и развита представителями университетской («цаголовской») школы политэкономии еще в 1960–1970-х годах. Подробнее об этом – в следующем разделе книги.

³ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 385.

⁴ Наиболее детально этот вопрос рассмотрен К. Марксом в экономической рукописи 1861–1863 годов, в главе 5 (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 48. С. 3–33).

точного технологического базиса. Лишь на базе машинного производства, индустриальных технологий капитализм побеждает окончательно (но тоже не везде и не сразу: вспомним хотя бы пример крепостных фабрик в России, да и всю нашу историю полуфеодалного полукапитализма позапрошлого века – века развитых индустриальных капиталистических экономик Запада).

Итак, на базе технологий (и прежде всего содержания труда), характерных для прежней системы (ручной труд для докапиталистических систем, индустриальный – для капитализма), новая система (соответственно, капитализм или социализм) может возникнуть, а может и не возникнуть. Революционный порыв может привести к победе, а может – к поражению. В случае победы начнется развитие новой системы на еще не адекватном для нее технологическом базисе, возникнет феномен, который можно назвать «опережающей мутацией». Это ситуация, когда общественные отношения несколько «забегают вперед» по отношению к материальному базису, содержанию труда. Если в этих условиях социальные силы созидания нового общества окажутся достаточно мощными, то новые отношения смогут обеспечить технологическую революцию и это закрепит победу нового строя. Если нет – опережающая мутация завершится регрессом и вырождением попыток создания нового общества. Для удобства дальнейшего анализа назовем «ранней» революцию, совершающуюся в условиях развитого (но не «позднего», «закатного») состояния старой системы и на базе адекватного для старой системы, но недостаточного для окончательной победы нового, уровня развития ее материально-технических предпосылок.

Парадоксом при этом является то (и это очень спорная гипотеза, которую мы выносим на обсуждение, не будучи сами в ней до конца уверены), что для совершения ранней революции, осуществляемой на стадии зрелого состояния «старой» системы, социально-политические предпосылки складываются легче и полнее, чем в условиях «заката» последней. При этом, однако, материально-технические и социально-экономические предпосылки ранней революции оказываются развиты слабее¹.

Причин для этой амбивалентности несколько.

¹ Ленин в свое время наметил такую постановку вопроса: «Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. <...> Для каждого, кто вдумывался в экономические предпосылки социалистической революции в Европе, не могло не быть ясно, что в Европе неизмеримо труднее начать, а у нас неизмеримо легче начать, но будет труднее продолжать, чем там, революцию» (*Ленин В.И.* Седьмой экстренный съезд РКП(б) 6–8 марта 1918 г. Политический отчет Центрального комитета 7 марта // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 5–6, 10).

Во-первых, противоречия старой системы в ее зрелом состоянии максимально «чисты», социальное противостояние обнажено. Система еще не породила внутри себя массу переходных отношений и «компенсаторов», смягчающих общественные конфликты.

В то же время «классическое» состояние системы еще не порождает новых общественных сил, способных формировать новые отношения. Как известно, буржуазную революцию совершали преимущественно не крепостные, а социальные силы, возникшие на обломках крепостничества – лично свободные представили «третьего сословия». Точно так же можно предположить (и это прямая критика классического марксизма), что главным субъектом социалистических преобразований должен стать новый субъект, вырастающий как продукт снятия экономической зависимости работника (наемного характера труда). Сейчас можно предположить, что это будут представители «креативного класса», не подчиненные непосредственно капиталу (укажем в качестве примера на значительную часть учителей, социальных работников и т.п. субъектов по преимуществу творческой деятельности, проявляющих в последние десятилетия очень большую социальную активность). Последнее отрицает тезис классического марксизма о революционной роли индустриального пролетариата.

Во-вторых, в рамках «классической» системы еще не сформировалась типичная для периода «заката» некая совокупность таких переходных отношений, которые «уводят» общественное развитие в сторону от «красной нити» исторического процесса. Переходные формы предотвращают (на более или менее долгое время) взрыв старой системы, создают некий «отводной канал», пространство для исторических зигзагов, порождая в итоге тупиковые, но временно полезные для старой системы квазиновые общественные отношения. В результате вместо социализации производства и собственности разворачивается экономика, в которой господствующее положение занимают гигантские акционерные капиталы; вместо свободного труда – формы «народного капитализма» и социального партнерства; вместо ассоциированного планирования – бюрократическое и потому малоэффективное государственное регулирование; вместо свободного и гармоничного развития личности – общество потребления (а теперь уже и пресыщения). Эти переходные рождения качественно нового общества, создавая пространство «обходов», в котором вполне могут развиваться и технологии, и благосостояние, но эти «обходы» в конечном счете ведут в тупик...

В то же время эти переходные отношения создают определенные социально-экономические и общественно-политические предпосылки для нового строя. Так, формирование гигантских акционерных обществ создает предпосылки для социализации, государственное регулирование – для демократического планирования, социальное партнерство – для освобождения труда и т.п.

В-третьих, период «заката» общественно-экономических систем рождает специфические, приспособленные к задачам выживания и развития прежней системы, пути развития технологий, прежде всего труда. Так, объективно создаваемая развитием индустрии необходимость перехода к преимущественно творческой деятельности в условиях позднего капитализма оборачивается приоритетным развитием того, что мы условно назвали «превратным (по существу – бесполезным) сектором» (подробнее о нем – во втором томе книги). В самом деле, для последних десятилетий характерно наиболее быстрое развитие таких сфер, как финансы, государственное и корпоративное управление, масс-культура и СМИ, военно-промышленный комплекс и т.п., где по преимуществу создаются бесполезные продукты, лишь косвенно способствующие прогрессу производительности труда и человеческих качеств. Вместо приоритета воспитателей и учителей, врачей и экологов, ученых и художников поздний капитализм формирует приоритеты финансистов и брокеров, охранников и «моделей», звезд шоу-бизнеса и рантье...

Кстати, в условиях позднего феодализма также формировался своеобразный превратный сектор – сфера производства непроектируемых предметов роскоши, огромная «сфера услуг» (растущие полчища слуг), непомерные военные расходы и т.п.¹

Кроме технологических зигзагов «закатные» траектории порождают и зигзаги социальные. В обществах, где *застаивается* старая система, господствующими становятся ценности и стимулы, характерные для «закатного» типа личности с его конформизмом, отторжением парадигм социального творчества (да и вообще прогресса), ориентацией на ценности бесполезного (превратного) сектора, а не социального обновление. В результате складываются мощные общественные противовесы интенциям рождения нового общества.

Тем самым *перед социальной революцией в поздних системах встает особая задача: вывести технологическое и социальное развитие из того тупика, в который его заводит процесс «заката» прежней системы, а граждан – из того тупика конформизма, в который их заводит застойный тип эволюции старой системы*. Если же революция совершается в обществе, где эти тупиковые траектории еще не господствуют, то задачи движения к новому обществу упрощаются...

Однако, этот параметр так же амбивалентен, как и два предыдущих. Уводя социальный и технологический прогресс в сторону, переживающая «закат» система тем не менее развивает производительные силы, повышает производительность труда и в этом смысле продвигает нас к новому обществу.

¹ Этот факт отражен, в частности, в книге: *Иноземцев В.Л. Очерки истории экономической общественной формации*. М.: Таурус Альфа, 1996.

В результате сказанного мы приходим к не слишком очевидному и несколько парадоксальному с точки зрения классического марксизма (но в нынешнем веке отнюдь не оригинальному) выводу: для успешной социалистической революции в идеале (который на практике, естественно, никогда в полной мере недостижим) необходимы следующие условия:

(1) высокий уровень производительности труда и технологического развития, достаточный для хотя бы формального освобождения труда, при относительно слабом развитии превратных форм этого прогресса (превратного сектора);

(2) развитие социальных сил освобождения, стоящих «по ту сторону» классического пролетариата при сохранении «прозрачности» социального противостояния и относительно слабом влиянии превратных ценностей и стимулов;

(3) формирование относительно «чистых», адекватных задачам саморазвития нового общества форм переходных отношений.

Иными словами, к социализму лучшего всего было бы идти в стране, где еще нет переразвитого «общества пресыщения», но уже есть высокий, не меньший чем в сегодняшних развитых странах, потенциал технологического и социального прогресса плюс налицо (само)организованный субъект общественного обновления, переполняемый социально-творческой энергией.

В реальной истории все было, есть и будет много сложнее. Так, в Российской империи начала XX века в результате ее внутренних противоречий, крайне обостренных Первой мировой войной, были налицо только предпосылки второго блока, да и то в крайне странном виде – в виде симбиоза нескольких миллионов солдат, матросов и рабочих, готовых отдать свои жизни ради снятия неимоверно тяжелых противоречий России 1917 года, и нескольких сотен тысяч (само)организованных большевиков и их союзников, действительно способных к сознательному социальному творчеству. В результате предпосылки первого и третьего блоков в нашей стране создавались ценой максимального напряжения нетехнологических и неэкономических факторов: массового насилия и массового энтузиазма. Неизбежное исчерпание потенциала сначала (к началу 1950-х гг.) первого, а затем (к концу 1960-х гг.) и второго вызвало неизбежный крах этой опережающей мутации.

Что касается современного состояния мира, то авторы видят только один, да и то несколько фантастический вариант комбинации условий, наиболее благоприятных для социалистической революции: (1) присутствует и играет одну из ведущих ролей в общественном развитии социально-творческий субъект – люди, хотя бы отчасти занятые социально-творческой деятельностью и в незначительной мере подчиненные стандартам общества пресыщения; (2) достаточно высок (близок к среднему для развитых стран) уровень технологического развития и производительности; (3) налицо достаточно сильная тенденция само-

организации и слабо развито подчинение труда капиталу; (4) большинство работников занято не в превратном секторе; (5) развиты переходные к посткапитализму формы. Эта система должна, однако, оставаться под внешней властью капитала, ибо иначе это будет уже готовый социализм.

На первый взгляд, системы, для которой были бы характерны хотя бы в значительной мере названные выше черты, нет и быть не может. И это действительно так, если мы говорим о некоторой *стране*. Однако современный мир – это мир глобализации, а не национальных государств. И потому мы можем поставить вопрос по-другому: *а нет ли в современном мире такого субъекта глобальных процессов, который был бы близок по своим основным параметрам к названной выше модели?*

На этот вопрос ответ найти уже несколько легче. Внимательный исследователь, знакомый с альтернативами современного мира, его уже, по-видимому, увидел: это сети новых социальных движений и неправительственных организаций¹. Для них и их членов в основном характерны названные выше черты, но они по-прежнему живут и действуют в мире, подчиненном глобальному капиталу. Именно против него они и могут совершить социальную революцию. Только это будет не столько национальная революция в виде штурма нового Зимнего дворца или казарм Монкада, в которых засели силы капитала, сколько *глобальная революция против правил тотальной гегемонии капитала*.

Естественно, это уже значительный отход (надеемся – шаг вперед) от классического марксизма. Но, повторим, было бы странно ожидать от марксиста того, чтобы он считал возможным видеть и тем более осуществлять ныне социальные преобразования в соответствии с канонами позапрошлого века...

¹ См.: Альтерглобализм: Теория и практика «антиглобалистского» движения / Под ред. А. В. Бузгалина М.: УРСС, 2003; Кто сегодня творит историю: альтерглобализм и Россия / Под ред. А. Бузгалина, Л. Ожогойной. М.: Культурная революция, 2010 (второе издание, переработанное и дополненное – 2012); Агитон К. Альтернативный глобализм. Новые мировые движения протеста. М.: Гилея, 2004. Подробнее эта тематика будет раскрыта в в следующем томе.

глава 3 Реактуализация марксизма: новые ответы на новые вопросы

Вернемся к проблеме, поставленной в начале этого раздела: *почему же развитие в XX веке пошло не по Марксу?* Почему социалистические революции совершились не в наиболее развитых странах, а там, где совершились, породили не только определенные достижения, но и монстров наподобие ГУЛАГа, в конечном итоге закончившись крахом порожденных ими систем? Почему господствующей стала траектория самореформирования капитализма?

Ответ на этот вопрос отчасти уже был дан выше. Карл Маркс и понимаемый только как наследие самого Маркса марксизм были и остаются ограниченными исследованием преимущественно классического состояния капитализма. Они не принимали (и не могли принять в силу исторической специфики) во внимание всей многосложной диалектики «заката» старых и рождения новых систем, сложностей их нелинейных трансформаций, хотя ряд предпосылок такого анализа (в частности, идея формального и реального подчинения труда капиталу) в этом наследии есть.

Однако этого мало. Главный новый параметр, привнесенный XX веком, – это постановка в повестку дня проблемы перехода не столько от капитализма к социализму (коммунизму как посткапиталистическому способу производства), сколько гораздо более масштабной трансформации – перехода от «царства необходимости» к «царству свободы», от метасистемы обществ, основанных на социальном отчуждении и приоритетном развитии материального производства, к пространству и времени социального развития, лежащего «по ту сторону» этого отчуждения и собственно материального производства.

Главными сегодня становятся глобальные проблемы,
А НЕ КЛАССОВАЯ БОРЬБА: «ПРОВАЛ» МАРКСИЗМА?

Итак, по мнению авторов, ключевое отличие современного марксизма (и большинства других социально-освободительных теорий XX–XXI веков) от марксизма классического состоит в том, что первый (не всегда осознанно) поставил во главу угла проблему принципиально более масштабную и сложную, нежели «только» вопрос смены капитализма новым общественным строем – уже названную выше проблему «заката» «царства необходимости» и рождения «царства свободы».

Для себя этот тезис (в гораздо более примитивной формулировке) авторы впервые открыли более тридцати лет назад, оканчивая первый

курс МГУ им. М.В. Ломоносова. Буквально через несколько дней, обратившись к Марксу, мы с радостью обнаружили, что это одно из ключевых положений, четко сформулированных как самим Марксом, так и его сподвижником Энгельсом¹. Несколько позднее мы с еще большей

¹ «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе... царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» (Маркс К. Капитал. Т. III / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25, ч. II. М: ИПЛ, 1962. С. 386–387). Другой аспект этой проблемы освещен Ф. Энгельсом: «Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь – в известном смысле окончательно – выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружавшие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных отношений, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей» (Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М: ИПЛ, 1961. С. 227).

радостью обнаружили эти тезисы в работах своих учителей – марксистов-шестидесятников в СССР. Получив доступ к зарубежным «диссидентским» изданиям мы (и уже без удивления – странно было бы думать, что западный марксизм не развивает этих идей) нашли и там некоторые исследования по этой проблематике¹.

Так вот, именно этот «нюанс» (проблема перехода «по ту сторону» материального производства, проблема глобальной трансформации всей «предыстории»), в большинстве случаев игнорировавшийся в примитивных марксистских текстах XX века (но, повторим, не самим Марксом и не творческим марксизмом), и позволяет объяснить большую часть специфических для начавшейся около столетия назад эпохи *глобальных проблем*.

Самим Марксом эта проблематика была только намечена, а ортодоксальным «марксизмом» сталинской поры в значительной мере проигнорирована. Как следствие антимарксизм, знакомый по преимуществу только с этими, самыми примитивными версиями критикуемой им теории, сделал вывод об еще одном «провале» марксизма.

Самое смешное, что в некотором, крайне ограниченном смысле, эта критика была правомерна: классический марксизм действительно основной акцент делал на исследовании развитого капиталистического способа производства, его социально-классовых противоречий, предпосылок и движущих сил его снятия. Исследование того проблемного поля, которое выдвинулось на первый план в XX веке, в работах Маркса и Энгельса было лишь намечено. Зато в XX веке оно неслучайно оказалось в центре внимания практически всех основных течений творческого

¹ О проблемах отчуждения и его снятия и в этом контексте – о проблеме перехода к «царству свободы» немало писалось и отечественными, и зарубежными исследователями, особенно в середине XX века. Во II томе нашей книге мы еще вернемся к этому вопросу. Сейчас же отметим круг работ, в которых прямо или косвенно рассматривается названная нами выше проблема: *Бойков В., Тощенко Ж.* Отчуждение: экономическое сознание в социологическом измерении // Диалог. 1990. № 13. С. 51–57; *Грецкий М.Н.* Марксисты Запада и развитие общества // Социальная философия в конце XX века. М., 1991. С. 169–171; *Огуцов А.П.* Отчуждение и человек: историко-философский очерк // Человек, творчество, наука. Философские проблемы. М., 1967. С. 41–82; *Ойзерман Т.И.* Проблемы отчуждения и буржуазная легенда о марксизме. М., 1965; Проблема отчуждения в современной теории культуры, этике и эстетике. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. С. 25–41; *Ollman B.* Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. Cambridge U.P., 1976; *Meszaros I.* Marx's Theory of Alienation. London: Merlin Press, 1970; *Marcuse H.* «The Realm of Freedom and the Realm of Necessity: A Reconsideration» and «Revolutionary Subject and Self-Government» with a discussion by Ernst Bloch // Praxis: a Philosophical Journal (Zagreb). № 5. 1969. P. 20–25, 326–329; *Klagge J.C.* Marx's Realms of «Freedom» and «Necessity» // Canadian Journal of Philosophy. № 16. December 1986. P. 769.

марксизма и – шире – демократической социалистической мысли. Можно утверждать, что именно *глобальная проблема нелинейного перехода из «царства необходимости» в «царство свободы» стала генетически-всеобщей основой большинства специфических новых разработок марксизма XX–XXI веков.*

Лишь несколько мозаичных иллюстраций к этому тезису.

Проблемное поле А. Грамши – темы гегемонии (категория, характеризующая одну из основных форм отчуждения и, одновременно, потенциал его снятия), проблемы роли интеллигенции и культуры, идеи свободной добровольной ассоциации – все это проблематика, существенно выходящая за традиционные рамки исследования капитала и пролетариата. Но в работах этого мыслителя тема глобального скачка к новому качеству общественного бытия, снимающего всю предысторию, только намечается¹.

Исследования Д. Лукача, особенно его работы по истории классового сознания и феноменологии общественного бытия², прямо выводят нас на проблемы отчуждения во всем многообразии его видов, характерных для «царства необходимости», а не только капитализма. Будущее общество все более позиционируется именно как снятие *всей* предыстории, что позволяет ученому сделать целый ряд интереснейших следствий для теории социализма, но это уже другая тема. Существенно, однако, что эта линия была затем активно развита в работах как советских (М. Лифшиц, Э. Ильенков и др.), так и западных ученых (И. Мессарош, Б. Оллман и др.)³. Косвенным ответвлением этого направления стали ученые, близкие к школе «Праксис» (также акцентировавшие недостаточность исследований в рамках проблемного поля классического марксизма)⁴.

¹ См. подробнее: *Грамши А. Избранные произведения*: ТТ. 1–3. М., 1957–1959; Грецкий М.Н. Антонио Грамши – политик и философ. М., 1991; *Илларионов О.В. Грамши и проблема историцизма* // Философские науки. 1991. № 1. С. 96–105; *Коломиец В.К. Грамши: Актуальное наследие* // Полис. 1997. № 4. С. 185–188; *Матвеев П.А. А. Грамши о «философии эпохи»*. По страницам «Тюремных тетрадей» // Философские науки. 1987. № 5. С. 57–66; *Пантин И.К. Проблема политического в концепции Антонио Грамши* // Философия и этика: Сб. науч. трудов к 70-летию академика А. А. Гусейнова. М.: Альфа, 2009. С. 312–325.

² См.: *Лукач Д. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике*. М.: Логос-Альтера, 2003; *Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены*. М.: Прогресс, 1991.

³ См.: *Ollman B. Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society*. Cambridge U.P., 1976; *Meszaros I. Marx's Theory of Alienation*. London: Merlin Press, 1970.

⁴ См.: *Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики*. М., 1963; *Он же. Деятельностная сущность человека как философский принцип* // Проблема человека в современной философии. М., 1969; *Он же. Введение в диалектику творчества (Серия «Философы России XX века»)*. СПб., 1997.

Тематика Франкфуртской школы непосредственно слабо пересекалась с рассматриваемыми нами фундаментальными социальными проблемами, но в своих гуманистических, освободительных интенциях ее представители тяготели к более широкому, нежели сугубо классовому, взгляду на проблему освобождения человека и общества. Впрочем, эти интенции вкупе с постепенным отказом от диалектики и переходом к анализу человеческих отношений преимущественно сквозь призму «коммуникативных» аспектов бытия увели их в сторону от проблем социальной эмансипации...¹

В отличие от них Ж.-П. Сартр и подавляющее большинство его последователей из круга марксистов проблемы гуманизма и свободы (причем свободы позитивной, не «свободы от», а свободы деятельного совместного преобразования мира) сделали непосредственным центром исследования. Они четко переместили акцент на проблематику принципиально более глобальную, нежели исследование собственно классического капитализма. Сходную тенденцию выразили и другие гуманистические направления в социальной философии и психологии (среди наиболее ярких примеров здесь – работы Г. Маркузе и Э. Фромма²). Интереснейшие работы по проблемам свободы, гуманизма, отчуждения появились в 1960–70-е гг. в СССР, Польше, Венгрии, ГДР и др. странах «Мировой социалистической системы».

Вообще, поставив в центр внимания проблемы человека и свободы, творческий марксизм середины XX века по сути дела (хотя и не всегда осознавая это теоретико-методологически) перенес акцент с экономико-политических вопросов анатомии капитализма и его кризиса на иные проблемы. Проблематика социальной эмансипации Человека и Природы стала центральной для левых теоретиков с этого периода, породивши широчайший спектр взаимопересечений гуманизма и социализма.

¹ Даже у Юргена Хабермаса, который отнюдь не чужается проблемы социального освобождения человека, перевод межличностных взаимодействий на жаргон «коммуникативного действия» лишь затуманивает содержание человеческих отношений, на которых может базироваться освобождение. См., например: Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2; Он же. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д.В. Складнева, послесл. Б.В. Маркова. СПб.: Наука, 2000; Он же. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992; Он же. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М.М. Беляева и др. М.: Весь мир, 2003; Он же. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Практис, 2010.

² См.: Маркузе Г. Одномерный человек. М.: «Refl-book», 1994; Он же. Эрос и цивилизация. Киев, 1995; Он же. Разум и революция. СПб.: «Владимир Даль», 2000; Он же. Критическая теория общества. М.: «АСТ», «Астрель», 2011; Он же. Конец Утопии // Логос. 2004. № 6; Он же. 33 тезиса // Альтернативы. 2007. № 2; Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990; Он же. Революция надежды. Санкт-Петербург АСТ, АСТ Москва, 2006.

Поставив в центр внимания всю совокупность параметров, угнетающих и поработочающих человека, марксизм смог адекватно ответить на вызовы основных глобальных проблем, этим угнетением рожденных. Так в круг внимания исследователей левого спектра оказались включены проблемы эмансипации женщин (левый феминизм), расового неравенства, взаимодействия «центра» и «периферии», миграции и мн. др.

Другой крупнейшей подвижкой стало привнесение в марксизм и теорию социализма экологической проблематики. И хотя постановка задачи «натурализации человека и гуманизации природы» относится еще к рукописям Маркса 1844 г., свою действительную актуальность этот блок проблем обрел лишь во второй половине XX века. Для этого были как мощнейшие эмпирические основания (обострение экологических проблем и превращение их в глобальные), так и теоретические предпосылки.

О последних несколько слов особо. Тема скачка «по ту сторону собственного материального производства» в качестве одной из главнейших своих проблем неслучайно выдвигает принципиальное изменение отношения общества и природы: последняя в процессе движения из «царства необходимости» в «царство свободы» должна превратиться из прежде всего предмета труда (ресурса материального производства) в прежде всего культурную ценность (биогеосфера как самоценное условие воспроизводства человеческой личности и общества в целом – ноосфера). Так в повестку дня альтернативного теоретического мышления вошел экосоциализм и различные вариации на темы решения проблем не просто сохранения, но возрождения Природы.

Подчеркнем: подавляющее большинство теоретиков левого спектра, работающих над проблемами экологии, гуманизма, феминизма и т.п., как правило, не акцентируют или даже не осознают содержательной связи их исследований с глобальным контекстом грандиозной трансформации, начало которой мы все переживаем вот уже столетие. Нелинейно и крайне противоречиво начавшийся скачок из «царства необходимости» в «царство свободы», а не только «закат» капитализма – вот глубинная основа и объективных, онтологических проблем снятия всех видов отчуждения Человека, Природы, Общества, и гносеологического акцента на этой проблематике.

В эту ложку гуманистически-экологического меда следует, однако, добавить изрядные порции современного неопозитивистского и постмодернистского дегтя. Конец прошлого и начало нынешнего веков ознаменовались кризисом не только стран «реального социализма», но и едва ли не всей марксистской теории. «Новые левые», постарев, потеряв в качестве достойного оппонента свое активное alter ego («мировое коммунистическое движение») и столкнувшись с бешеной атакой неолиберализма, в значительной части растерялись, а то и капитулировали под этим натиском. В результате с конца XX века стала активно разви-

ваться проповедь не только «заката» «больших нарративов», но и отхода значительной части (экс-?) марксистов от масштабной социальной тематики вообще.

Позитивистски-прагматический взгляд сделал постановку «абстрактной» проблемы социально-экономического и политико-идейного освобождения не только немодной, но и едва ли не ненаучной (в самом деле, результаты такого рода исследований плохо поддаются верификации...). Постмодернизм вообще объявил единственно достойными интеллектуала деконструкцию, десубъективацию, децентрацию и т.п., что, естественно, потребовало отказа от проблем поиска Истины, Добра и Красоты, а вместе с этим фактически запретило даже постановку проблемы гуманизма и свободы (последняя рассматривается постмодернизмом едва ли не единственно как свобода от Истины, а то и вообще контекста-содержания). В результате конец XX – начало XXI веков ознаменовались засильем не только в mainstream'e, но и в среде левых интеллектуалов либо узких позитивных исследований, либо постмодернистской критики...

Естественной реакцией большинства «традиционалистских» марксистских теоретиков (особенно в СССР и затем в странах СНГ) на произошедшие в XX веке теоретические сдвиги стала критика акцента на глобальной гуманистически-социоэкологической проблематике. Она вновь (как и во времена брежневизма) стала рассматриваться как едва ли не предательство интересов классовой борьбы наемных рабочих и ревизионизм.

В этой критике, заметим, есть и доля правды: *проблемное поле трансформации «царства необходимости» в «царство свободы» не может и не должно полностью вытеснить «традиционных» марксистских вопросов исследования анатомии позднего капитализма, его «заката», сил и путей формирования посткапиталистической общественной системы (социализма).*

Так перед марксизмом нового века встает целая серия задач, среди которых первоочередными, на наш взгляд, являются следующие. Во-первых, реабилитация во всей его полноте вопроса о глобальной трансформации «царства необходимости» в «царство свободы» как генетически-всеобщего основания всех проблем эмансипации Человека, Общества и Природы. Во-вторых, проблемы содержательного исследования природы, противоречий и путей снятия позднего капитализма. В-третьих, соединение этих двух проблемных областей в рамках единой теоретической парадигмы. В-четвертых, конструктивная критика узкого прагматизма и постмодернизма как по большому счету тупиковых методологий. Подчеркнем: единственно возможной позитивной основой для такой критики станет дальнейшее развитие марксистской методологии, превращающееся для левых теоретиков в одну из задач первостепенной важности.

ФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД НЕ ОБЪЯСНЯЕТ
«СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» И ЗИГЗАГОВ
СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ:
МАРКСИСТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ УСТАРЕЛА?

Среди фундаментальных социофилософских идей Маркса едва ли не наибольшей критике подвергался и подвергается формационный подход, который при этом, как правило, строится на «трех китах». Первый «кит» – сталинская «пятичленка» – трактовка всемирной истории как линейной смены пяти общественных формаций (первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической). Второй – утверждение, что развитие производительных сил приводит к смене общественно-экономических формаций, а базис определяет надстройку. Третий – однозначно-классовый подход к анализу любых общественных событий. Все три уже давно показали свою ограниченность и не составляет труда доказать, что они сугубо недостаточны для исследования социальной динамики. Но: они никогда не были характерны для марксизма как такового, если только не принимать за него ряд догматических учебников сталинской поры и изложения основ марксизма в работах наиболее примитивных антимарксистов¹.

Парадоксом, однако, является то, что большинство серьезных исследователей, которые вопреки внеисторической методологии позитивизма и постмодернизма все же берутся исследовать качественные изменения в экономической жизни, как правило, так или иначе, используют те или иные из этих упрощенных подходов. Наиболее часто – тезис об определяющем влиянии технологических изменений на экономику и институты² – тезис сам по себе справедливый, но требующий учета и обратных связей, о которых мы уже упоминали и еще напишем...

Между тем начиная с середины прошлого века и в России, и за рубежом в гуманистической философии истории марксизм сделал ряд важных новых акцентов.

Начнем с того, что для нашего течения характерно переосмысление ортодоксальных представлений о структуре общества (производительные силы, определяющие производственные отношения и базис, определяющий надстройку). Мы в полной мере унаследовали от творческого марксизма XX века признание активной роли национальных, полити-

¹ См.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. С. 113, 119–120, 123. Критика этих взглядов дана, в частности, в работе: *Бузгалин А.В.* «Анти-Поппер» (Социальное освобождение и его друзья). М., 2003.

² Это типично, в частности, для большинства исследователей генезиса постиндустриальной (информационной, знаниеинтенсивной и т. п.) экономики, начиная с Д. Белла, если не раньше...

ческих, социокультурных факторов, в основе своей определяемых «базисом», но оказывающих в те или иные периоды времени решающее воздействие на общественное развитие. Это прежде всего периоды радикальных трансформаций, когда базисная детерминация ослаблена старая система производственных отношений уже разрушена, а новая еще не сложилась. Постсоветская школа критического марксизма добавила к этому анализ причин и последствий возрастания роли этих факторов в период «заката» экономической общественной формации. Последнее, кстати, косвенно отражается в неслучайно возросшей ныне популярности «цивилизационного» подхода: выход на первый план не-базисных различий и конфликтов типичен для периода перехода «по ту сторону» материального производства, происходящего, однако, в превратных формах глобальной гегемонии капитала.

Именно этот процесс, как показано в наших исследованиях, создает видимость «столкновения цивилизаций»¹. За этой видимостью скрывается, однако, сущность, которая *существенно* отлична от видимости. Эта сущность – противоречия субъектов и объектов гегемонии глобального капитала, где первые монополизировали высокие технологии, институты экономического (ТНК, МВФ, ВТО...) и политического (НАТО и т.п.) господства, информационно-образовательные и масс-культурные каналы манипулирования, обрекая вторых (прежде всего беднейшие и относительно самостоятельные страны второго и третьего миров – от Югославии до Ирака, Ирана и т.п., включая в будущем, возможно, Россию) на поиск альтернатив в, по видимости (NB! именно видимости), единственно не монополизированных глобальным капиталом формах общественной жизни – в реакционно-добуржуазных формах фундаменталистских традиций, религии и т.п. Поскольку же господство первых имеет видимость доминирования западной цивилизации, а обособление вторых – борьбы за сохранение «традиционных ценностей» восточной, постольку названные противоречия и получают видимость окраску столкновения цивилизаций, за что и хватаются стремящиеся не различать сущность и явление исследователи-позитивисты.

В основе обозначенного выше метода решения проблемы «столкновения цивилизаций» лежит давно известное, но многими ныне «забытое» положение о наличии в марксизме *принципиально более сложной, нежели сталинская «пятичленка», теории периодизации общественного развития*².

¹ Эта весьма популярная идея была изложена в книге: *Huntington S.P. The Clash of Civilizations and The Remaking of World Order. New York: Simon&Shuster, 1996.*

² Можно отметить, по крайней мере, что К. Маркс писал о переходе от пред-истории человечества к его подлинной истории (*Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. →*

Здесь авторы предложили мультипространственную модель выделения и сравнения социально-экономических систем (о ней подробнее в одном из последующих текстов этой книги). Эта модель предполагает выделение сложной системы взаимосвязанных параметров, определяющих особенности генезиса, развития и «заката» этих систем, а также их трансформаций. Ключевым параметром среди них являются определяющие сущность каждой из систем отношения работника и собственника средств производства. Этот тезис университетской («цаголовской») школы, восходящий к работам Маркса, выделявшего периоды личной и вещной зависимости (отношения внеэкономического принуждения или капиталистической, «экономической» эксплуатации, предполагающей овещнение человеческих отношений), а также свободной индивидуальности.

Еще более важен для нас выделенный выше акцент на процессе перехода от эпохи господства материального производства и отчужденных экономических отношений («царства необходимости») к новому обществу, лежащему «по ту сторону» (К. Маркс) этих отношений («царству свободы»). Этот переход, внешние формы которого фиксируются теориями постиндустриального (информационного и т.п.) общества¹, является ключевым пунктом исследования всех современных процессов, так что мы можем сказать: *если классический марксизм вырос на базе исследования противоречий, пределов и объективно возможных путей снятия капитализма, то постсоветская школа критического марксизма вырастает на базе исследования противоречий, пределов и объективно возможных путей снятия мира отчуждения в целом («царства необходимости»)*².

Данный подход позволяет раскрыть характерное для «царства необходимости» **фундаментальное противоречие исторического процесса**. Одна сторона этой противоположности – господство в условиях «царства необходимости» системы отношений отчуждения, превращающих человека в марионетку объективных сил – разделения труда, личной зависимости, рынка, капитала и государства... Другая – творчество как родовое свойство человека. Именно творческая деятельность Общественного Человека в материальном производстве, культуре, общественной жизни изменяет этот мир по законам Истины, Добра и Красоты, обеспечивая

← М: ИПЛ, 1959. С. 8); о скачке из «царства необходимости» в «царство свободы» (Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25, ч. II. М: ИПЛ, 1962. С. 386–387), о переходе от личной зависимости к вещной зависимости, и от последней – к свободной индивидуальности.

¹ Подробнее анализ этой связи см. в: Бузгалин А.В. Постиндустриальное общество – тупиковая ветвь социального развития? // Вопросы философии. 2003. № 2.

² Следует отметить, что эта постановка проблемы содержится и в работах самого К. Маркса (особенно в его экономико-философских и экономических рукописях), и в работах ряда его последователей в XX веке.

технический, научный и культурный прогресс, осуществление социальных революций и реформ, позволяющих преодолеть рабство и крепостничество, колониализм и ужасы дикого капитализма, а в дальнейшем и саму капиталистическую систему...¹

Тем самым мы не только восстанавливаем и реаргументируем в полемике с постмодернизмом классический марксистский критерий прогресса – свободное всестороннее развитие личности, – но и показываем его актуальность. Этот критерий в современную эпоху становится не просто абстрактным социально-нравственным императивом, восходящим к Аристотелю и Канту, но и практически актуальным критерием экономико-социально-политических действий. В самом деле, переход к обществу, основанному на превращении творческой деятельности в главный «фактор», «ресурс» (авторы нарочито используют здесь прагматично-экономическую терминологию) развития, аналогичный по своей роли земле в добуржуазных системах и машине в капиталистической, автоматически вызывает необходимость в развитии креативного потенциала человека как «сверхзадаче» общественного развития. Другое дело, что глобальная гегемония капитала загоняет эту тенденцию в узкий коридор «общества потребления (пресыщения)» и «общества профессионалов», ведущий в итоге в тупик глобальных проблем.

Реакцией на эту угрожающую человеку тупиковость глобальных проблем становится постмодернистское безразличие к проблеме прогресса, скрывающее не просто признание, но и пассивное подчинение человека силам нынешней глобальной протоимперии, на откуп которой отдается право на навязывание своих критериев «прогресса» («цивилизovanности») методами экономической, политической, идеологической и масс-культурной экспансии².

В отличие от постмодернистской апологии пассивности постсоветская школа критического марксизма, развивая классические положения марк-

¹ См.: *Батищев Г.С.* Введение в диалектику творчества (Серия «Философы России XX века»). СПб., 1997; *Сэв Л.* Марксизм и теория личности / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1972.

² Отдавая дань политико-экономической специализации авторов, заметим, что, например, методология неоклассической экономической теории, восходя к философии позитивизма (а уж тем более постмодернизм) вообще отрицает прогресс, а реальная экономическая политика, основанная на неоклассических постулатах, в качестве критерия прогресса рассматривает меру приближения экономических систем к идеалу свободно-конкурентного рынка, основанного на частной собственности. Особенно явно это проявляется в неоклассических трактовках трансформаций в России, где «переход к рынку» есть самоцель, которая, по мнению авторов «шока без терапии», оправдывает любые средства (в том числе грандиозный регресс «человеческих качеств») без всяких дальнейших оговорок, в точном соответствии с буквой и духом Макиавелли–Сталина.

систской философии истории, подчеркивает **активно-созидательную роль Человека как творца общественных отношений**, способного на развертывание своих социально-творческих сил в период прогрессивных социальных революций и реформ (будь то Война за независимость в США или хрущевская оттепель в СССР). Однако современный марксизм, в отличие не только от догматических своих ответвлений, но даже и от классики, на первый план выносит проблему *границ активизма созидательно-творческой деятельности Человека, и ответственности пассивно-недеятельностного конформиста*, способствующего застою и/или регрессу. Подробнее эти проблемы мы рассмотрим в финальной части книги. Здесь же отметим только то, что на предельно абстрактном уровне решение проблемы границ социально-творческого активизма состоит в том, что *социально-творческое воздействие общественного субъекта на историю возможно и необходимо в той мере, в какой оно содействует снятию отчуждения и регрессу Человека*. Определение же этой меры – задача всякий раз конкретная, и решается она реальными общественно-культурными силами, для которых всегда стоит дилемма, за правильность решения которой несет персональную ответственность каждый субъект.

Такой подход непосредственно корреспондирует с акцентом современного марксизма на **нелинейности общественного развития**, возможности и типичности не только прогрессивно-поступательных реформ и революций, способствующих развитию человеческих качеств и росту производительности труда, но и реверсивных общественных процессов – контрреволюций и контрреформ. Такое попятное, *реверсивное течение исторического времени* становится особенно характерно тогда, когда прогрессивный активизм заходит слишком далеко (относительно объективных и субъективных предпосылок) в своих попытках продвижения к новому обществу и обратное колебание маятника исторического процесса вызывает мощные регрессивные изменения. Последнее, в частности, характерно для постсоветских трансформаций.

Более того, как мы уже отметили выше, современный марксизм, особенно отечественный, показал, что *в развитии общественных систем наиболее продолжительными и значимыми, а вместе с тем и наиболее сложными для исследования, являются не столько зрелые, развитые состояния, сколько длительные периоды возникновения и отмирания исторически-конкретных систем, связанные с образованием широкого круга переходных отношений, противоречиями революционных и контрреволюционных, реформаторских и контрреформаторских процессов*. При этом данные переходы подчиняются некоторым специфическим закономерностям (нелинейное течение социального времени, мозаичность, расколотость социального пространства, более высокая, чем в стабильных системах, роль неэкономических детерминант перехода, господство неформальных институтов и мн. др.).

Особенности таких трансформационных процессов наиболее подробно нами раскрываются на примере социально-экономических изменений в постсоветском пространстве¹. Здесь именно марксистская методология оказалась наиболее востребована в силу объективных особенностей трансформационных экономик², и именно здесь отечественным постсоветским критическим марксизмом достигнуто наибольшее продвижение. Неслучайно и то, что наиболее интересные результаты в развитии социально-экономической теории оказались связаны с исследованиями именно позднего капитализма, его специфических черт и противоречий на стадии развития постиндустриальных тенденций и глобализации, где, как мы постарались показать, происходит самоотрицание собственных основ рынка и капитала. Причем это самоотрицание, как и в эпоху империализма XX века, происходит в рамках прежней системы и служит ее укреплению.

В России восстанавливается капитализм.
Следовательно... марксизм показал
свою актуальность применительно к исследованию
постсоветских социумов?

Что же позволяет нам говорить об актуальности марксистской теории для России? Ответ на этот вопрос связан как с проблемами объяснения прошлого и настоящего, так и с исследованием объективных тенденций рождения возможного будущего.

Что касается прошлого, то известен тезис Грамши о том, что революция 1917 года произошла «не по «Капиталу»³. И это действительно так, если смотреть на проблему узко политико-экономически. Но объек-

¹ См. также: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Теория социально-экономических трансформаций. М., 2003.

² Неслучайно даже ортодоксальные либералы, исследуя фундаментальные вопросы трансформаций, оказались вынуждены обращаться к некоторым аспектам марксистской методологии – проблемам исторических и логических границ экономических систем, диалектике производительных сил и производственных отношений, исследованию отношений собственности и т.п. Так, содержащая ряд вполне разумных аргументов теза неолибералов о том, что реальный социализм погиб, т. к. не смог справиться с новой волной технологических изменений, в точности (и даже несколько вульгарно) воспроизводит ортодоксальный марксистский тезис о том, что старая система производственных отношений сменяется качественно новой тогда, когда она становится тормозом развития переросших ее производительных сил.

³ См. подробнее об этом тезисе Грамши: Грецкий М. Антонио Грамши // Альтернативы. 1995. № 3; Славин Б. «Философия практики» и революция глазами А. Грамши // Альтернативы. 2010. № 3; СССР. Незавершенный проект / Под ред. А. В. Бузгалина. М.: УРСС, 2012. С. 498–505.

тивно произошедшие в XX веке во многих слабо- и среднеразвитых странах антикапиталистические экономические изменения поставили проблему возможности *опережающего развития* и решения буржуазных задач (1) прогресса технологии создания позднеиндустриального уклада и перехода к постиндустриальному и (2) обеспечения материального благосостояния на уровне «общества потребления» для значимой части граждан, профессионального образования и т.д.¹

Ключ к решению выделенной выше теоретической проблемы отчасти дает методология марксизма, прежде всего теория формального и реального подчинения труда капиталу, о которой мы уже упоминали выше. В частности, мы уже отмечали, что сформировавшиеся «на вырост» производственные отношения капитализма при благоприятных социально-политических условиях (например, в Нидерландах с XVI века) могли обеспечить опережающее развитие технологий. И наоборот, при неблагоприятных условиях индустриальные технологии могли развиваться в феодальных формах (крепостные фабрики в России XIX века).

Отсюда гипотеза возможности развития при благоприятных условиях отношений формального освобождения труда на базе недостаточных для посткапиталистической системы технологических и культурных предпосылок. В СССР социальные и политические условия оказались неадекватны для решения задач опережающего развития, некапиталистические формы решения проблем (1) и (2) не были найдены (или были найдены лишь отчасти – в сферах образования, фундаментальной науки, культуры). Возможно ли нахождение этих форм в других странах в XXI веке – открытый вопрос.

В результате кризиса попыток создания посткапиталистического общества на неадекватной базе в нашей стране в точном соответствии с «Капиталом» реализовалась модель реверсивного движения к капиталистической системе производственных отношений².

¹ См.: Либерализм и социализм: Запад и Россия. К 200-летию со дня рождения А. И. Герцена / Под ред. М. И. Воейкова. М.: УРСС, 2013.

² Возможность такого реверсивного движения предвидел Л. Д. Троцкий: «Если, наоборот, правящую советскую касту низвергла бы буржуазная партия, она нашла бы немало готовых слуг среди нынешних бюрократов, администраторов, техников, директоров, партийных секретарей, вообще привилегированных верхов. Чистка государственного аппарата понадобилась бы, конечно, и в этом случае; но буржуазной реставрации пришлось бы, пожалуй, вычистить меньше народу, чем революционной партии. <...> Никак нельзя рассчитывать и на то, что бюрократия мирно и добровольно откажется от самой себя в пользу революционного равенства. ...На дальнейшей стадии она должна будет неминуемо искать для себя опоры в имущественных отношениях» (Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991. С. 209–210). В противоположность Троцкому, М.И. Воейков полагает, что капиталистическая система в СССР вообще не была преодолена: «...После революции в России получился буржуазный способ производства, и →

Это реверсивное движение («шоковая терапия»), однако, также происходило в неблагоприятных (по критериям теории товара, денег и капитала, представленной в «Капитале») условиях. В частности, для экс-СССР был характерен слом многих параметров системы общественного разделения труда (распад СССР и «Мировой социалистической системы»). В наших странах отсутствовали технологические предпосылки обособленности производителей (высокий уровень концентрации и специализации), не было массы свободных рациональных работников, готовых к наемному труду, и предпринимателей, способных вести капиталистический бизнес (пережитки патернализма, специфическая модель ценностей и поведения, существенное влияние криминальной среды и т.п.). Точно так же отсутствовали предпосылки для быстрого накопления капитала, способного поглотить столь большие материальные производственные ресурсы, каковые имелись в СССР.

В силу названных причин (в точном соответствии с «Капиталом») ускоренный переход к «рынку» в этих неадекватных (для развития капитализма) условиях не мог не привести и привел к мутациям капитализма, формированию того, что авторы образно назвали «капитализмом юрского периода»¹ и, как следствие, глубокому кризису. Все это было, повторим, неслучайно и предсказуемо, об этом еще накануне «реформ» писали марксисты, и в том числе – авторы этих строк².

Наконец, «Капитал» и последующие работы марксистов, исследующих прежде всего производственные отношения и отношения собственности, полезны и для понимания действительной анатомии современной российской экономики, где превратные формы камуфлируют действительное содержание экономических процессов. Названная методология позволяет выделять действительные товарные и капиталистические отношения присвоения, отчуждения, распределения в отличие от добуржуазных, мутантно-«социалистических» специфически-переходных отношений, скрывающихся за видимостными институциональными формами «рынка».

* * *

Итак, по мнению авторов, повторим, ключевое отличие современного марксизма (и большинства других социально-освободительных теорий XX – XXI веков) от марксизма классического состоит в том, что

← складывались буржуазные экономические отношения...» (Воейков М.И. За критический марксизм: полемика с учеными. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2011. С. 81).

¹ См.: Политэкономия провала: природа и последствия рыночных «реформ» в России / Под ред. А. И. Колганова. М.: УРСС, 2013.

² Авторы об этом писали, в частности, в своих статьях конца 1980-х – самого начала 1990-х гг., позднее включенных в книгу «Трагедия социализма» (М.: Экономическая демократия, 1992).

первый (не всегда осознанно) поставил во главу угла проблему принципиально более масштабную и сложную, нежели «только» вопрос смены капитализма новым общественным строем – уже названную выше проблему «заката» «царства необходимости» и рождения «царства свободы». И потому сейчас мы можем с полной уверенностью говорить о том, что *классический и современный марксизм, видящие мир как всемирно исторический процесс нелинейного «заката» отношений социального отчуждения и генезиса пространства-времени свободы, может и должен служить методологическим и теоретическим ключом к решению основных «проклятых вопросов» современности и будущего:*

- какая методология может служить ключом к исследованию позднего капитализма и глобальных социально-экономических трансформаций современности?
- какие границы существуют у развития (в пространстве и во времени) товарных отношений, денег и капитала («рынка») или же их не существует вообще?
- какова анатомия капитализма эпохи информационной революции, глобализации и зарождения протоимперии?

Ответы на эти и многие сопряженные с ними вопросы ищут и зарубежные, и отечественные марксисты, предлагая широкий спектр решений, среди которых и те, что читатель найдет в данной книге.

Возрождение методологии
предисловие к I тому

В предисловии к настоящему изданию мы уже отметили, что открывает нашу работу пространный методологический текст. Для всякого марксиста его структура достаточно очевидна: она воспроизводит старые традиции выделения основных блоков марксистской теории. В первой части акцент на диалектическом – основном для этой работы – методе. Во второй – на социофилософских проблемах, позволяющих раскрыть место и роль собственно производственных отношений в логике развертывания противоречий «царства необходимости» на стадии его «заката». В третьей – исследование методологических проблем собственно политэкономии. Выход «по ту сторону» философско-экономического поля исследования, являющегося доминирующим в нашей книге, стал предметом пространного постскриптума к I тому, что также неслучайно: в первых двух книгах «Глобального капитала» мы стремились по возможности не уходить в социальную-политическую проблематику, которая (наряду с экономической теорией социализма) станет предметом будущего III тома. В этом смысле постскриптум к I тому, посвященный проблемам социального освобождения, можно считать одновременно и прологом к будущему исследованию ростков «царства свободы».

Подчеркнем, что вынесенный в подзаголовок этого тома акцент на «перезагрузке» методологического наследия Маркса, для нас принципиально значим. В этом томе мы постарались показать, что именно, на наш взгляд, требует существенного развития и обновления в этой сфере марксистского наследия.

Во-первых, это **реактуализация и развитие диалектического метода**. Авторы, продолжая традиции критического советского марксизма, раскрывают ключевые положения *метода восхождения от абстрактного к конкретному и историко-генетического подхода*, обновляя и развивая наследие, которое в нашем пространстве все больше получает имя «ильенковского». Едва ли основным акцентом в этом разделе для нас стало включение в эту проблематику марксистской *теории практики*, понимаемой, в отличие от набора фактов, историко-конкретно и деятельностно. Такой подход к методологии социальных и, в частности, политико-экономических исследований позволил нам теоретически строго выстроить структуру второго тома, где мы, как уже было сказано в предисловии к данному изданию, применили историко-генетический метод, показывая, по мере восхождения от абстрактного к конкретному, как видоизменяется в условиях позднего капитализма природа товара, денег, капитала, отношений воспроизводства и т.д.

Эта реактуализация диалектического метода позволила нам дать конструктивную *критику постмодернизма и позитивизма*. Эта критика ориентирована на показ причин масштабного распространения этого «нарратива», отрицающего все и всяческие нарративы, а также на раскрытие тех последствий экспансии постмодернизма, которые становятся основанием для отказа от фундаментальных методолого-теоретических исследований, следствием чего, в свою очередь, становится тотальное распространение в общественных науках позитивизма, узкотемья и в конечном счете экономического империализма. На этой основе мы доказываем, что эти тренды оборачиваются не столько отрицанием «больших нарративов» вообще, сколько закреплением методологического индивидуализма и других атрибутов неолиберального тренда как якобы «естественной» основы социальных исследований.

Такая ситуация неслучайна: она стала следствием экспансии превратных форм, когда фетишизм товаров, денег и капитала «удваивается» вследствие развития мира симулякров (о причинах их экспансии, в свою очередь, во II томе). «Восстановление в правах» и *развитие теории превратных форм* мы считаем одним из важных наших методологических разработок.

Однако не только реактуализация методологического наследия марксизма прошлого и позапрошлого веков является задачей этого тома. Мы дополняем это наследие разработкой *диалектики трансформаций, генезиса и «заката» общественных систем, а также диалектикой сетевых структур и со-творчества*. В первом случае для нас самым важным и одновременно сложным был показ диалектики реверсивного социального движения, регресса, инволюции и раскрытие специфических противоречий, вызывающих нелинейность трансформаций. Эта методология в следующем томе будет непосредственно использована нами для исследования процесса «заката» капитализма и нелинейной диалектики э/инволюции товара, денег и капитала. Во втором – в раскрытии специфики диалектики сетевых структур – мы постарались показать специфику противоречий этих социальных образований, что также прямо «работает» в следующем томе, где мы раскрываем природу сетевого рынка, виртуальных денег, новых принципов социальной организации и структуризации позднего капитализма.

Во-вторых, предметом нашего исследования в этом томе стало ***критическое обновление социологического наследия марксизма*** или того, что в советские времена было принято называть «историческим материализмом». В последних двух словах скрыта двоякая инверсия: с одной стороны, сведение многообразного социологического наследия марксизма к лишь одному его аспекту – материалистическому пониманию истории, а этого последнего – к набору догматических положений сталинской версии «истмата»; с другой – совершенно справедливое выделение материализма как исходного пункта марксистской социальной

философии, что, в свою очередь, вполне обоснованно позволило одному из ведущих марксистских течений дать это имя – Historical Materialism – своему журналу и всей сети.

В этой сфере мы считали принципиально важным, с одной стороны, акцентировать многие исчезающие из внимания современных исследователей (в том числе – марксистов) существенные пункты предыдущего марксистского наследия, а с другой – развить это наследие, показав, как оно может «работать» при исследовании ряда современных проблем, и дополнив прежние разработки новыми результатами, полученными авторами в очных и заочных диалогах со своими коллегами.

В том, что касается первого, мы прежде всего подчеркнули несводимость марксистской периодизации истории к известной «пятичленке» и важность выделения системного качества мира [социального] отчуждения (в терминологии К. Маркса – предыстории, «царства [экономической] необходимости»), ибо «закат» капиталистического способа производства неслучайно исторически и логически совпадает с «закатом», прехождением «царства необходимости». Пересечение этих двух процессов будет постоянным контекстом исследования нами позднего капитализма. Этот контекст, к сожалению, крайне редко принимается во внимание марксистами, хотя, как увидит читатель из материалов II тома, этот контекст позволяет показать важнейшие параметры системы производственных отношений позднего капитализма.

Не менее значимым «напоминанием» о как правило «забываемом» наследии К. Маркса в области социальной философии является критическое развитие теории взаимодействия производительных сил и производственных отношений и, в частности, подчинения труда капиталу. С методологической точки зрения, как мы показываем в нашей книге, эта теория позволяет показать *не только прямую, но и обратную связь в этом взаимодействии и, в частности, социально-экономический механизм формирования особого типа производительных сил, стимулов и пределов их развития*. Эта методология позволила нам в дальнейшем раскрыть важные черты специфики производительных сил позднего капитализма и пределов этой системы.

Подчеркнем и еще один вопрос, рассматриваемый в этом томе. Это не часто акцентируемое даже «продвинутыми» марксистами *противоречие общественного бытия, в котором человек выступает одновременно и как творец истории, и как функция объективных отчужденных общественных сил*. Это противоречие, как мы доказываем в работе, лежит в основе исторического про/регресса и обуславливает основные черты марксистской теории человека. Системное представление социально-экономических основ последней также стало важным предметом нашего исследования, ибо конечный смысл всего нашего сочинения – это показ системы отношений социального отчуждения и предпосылок социального освобождения Человека.

Что же касается новых положений авторов, включенных в этот раздел I тома, то мы претендуем на разработку (естественно, как и во всех других случаях, в диалоге с нашими коллегами) совокупности оригинальных положений, характеризующих *социально-экономические трансформации*. Они продолжают и развивают наши разработки в области диалектики реверсивного движения и позволяют по новому взглянуть как на проблемы *теории добуржуазных общественных систем*, так и на вопросы *социопро странственного измерения общественного бытия*, не слишком активно разрабатывавшиеся в марксизме, но принципиально значимые для понимания контрапунктов глобализации.

Все эти классические и новые положения социальной философии марксизма позволили нам дать конструктивную *критику «цивилизационного подхода»* и показать, что ключевые проблемы современности, и в частности *выделение специфики российского социума*, находят свое адекватное объяснение и без использования этой методологии.

Третий, заключительный раздел этого тома посвящен проблемам *методологии политической экономии*.

Здесь авторы не только суммируют сказанное в первых двух разделах, но и предлагают ряд новых гипотез, которые мы в меру сил обосновываем в нашей книге.

В частности, мы претендуем на разработку *универсальной модели структуризации и типологизации социально-экономических систем*. Эта модель предлагает единую систему параметров, позволяющих показать структуру и основные свойства любой экономической системы (человека, предприятия, транснациональной корпорации, региона, национальной или международной макросистемы), а также ее «адрес» в многомерном социально-экономическом пространстве. Данная модель не постулируется, а выводится из анализа как объективных процессов радикальных трансформаций («словом» экономического бытия, обнажающих структуру системы), так и из обобщения существующих экономических теорий (в основу последнего, как несложно догадаться, кладется марксистская теория структуры экономической системы, в частности разработки в области логики «Капитала» и результаты исследований «цаголовской» школы политэкономии). Эта модель проверена нами на «работоспособность» в рамках их исследований в области сравнительного анализа экономических систем и используется в данной книге при исследовании производственных отношений позднего капитализма.

Продолжает наши размышления над проблемами методологии политэкономии развернутая *критика тотальной экспансии есопотис'а и являющегося его продолжением т. н. «экономического империализма»*. Мы раскрываем как причины массового распространения этого явления (прежде всего тотальность рынка, все более подчиняющего себе не только экономическую, но и все остальные сферы человеческой жизни), так и негативные последствия этой экспансии для развития экономи-

ческой теории и хозяйственной практики. Авторы доказывают, что в области теории «экономический империализм» приводит к редукции все более широкого круга социальных и гуманитарных исследований к узкофункциональному описанию механизмом взаимодействия различных акторов. В области практики – к укреплению рыночного фундаментализма.

Завершает раздел, посвященный методологии политэкономии, наша *критика существующей экономической теории как «рыночноцентричной»*, отождествляющей экономику вообще с одной из форм хозяйствования, наиболее типичных для современной экономики – рынком. Эта критика, на наш взгляд, важна не только сама по себе (хотя и этот аспект не надо сбрасывать со счетов, ибо он принципиально важен для развенчания довлеющего над экономистами рыночного фетишизма), но и как основание для переосмысления природы т. н. «провалов» рынка и государственного регулирования. Наш анализ позволяет показать, что в большинстве случаев это – не подлежащее минимизации «административное вмешательство в экономику», а ростки пострыночных экономических отношений, указывающих на начало самоотрицания капиталистической системы.

Завершает I том, как мы уже говорили, очерк *теории социального освобождения*. Он неслучаен, ибо показывает, что и почему может прийти на смену тому миру социального отчуждения, методологии исследования которого посвящен этот том. И как таковой он позволяет нам раскрыть важнейшие параметры как подлежащего снятию «царства необходимости», так и ростков приходящего ему на смену «царства свободы».

А теперь о самом главном. О том, почему мы сочли абсолютно необходимым предпослать нашему позитивному исследованию системы отношений позднего капитализма целый том, посвященный методологии – о важности *ренессанса методологии*.

Пристальное внимание к этой сфере социогуманитарных исследований является альфой и омегой всех дальнейших продвижений в этой сфере.

Причина этого столь же проста, сколь и неочевидна.

Она проста, ибо вне строгой системной методологии невозможно концептуальное обобщение и выявление природы тех качественных изменений, которые вот уже столетие переживает человечество.

Она неочевидна, ибо (1) замкнутость нынешних гуманитариев в пространстве узкоспециальных исследований и во многих случаях даже неосознаваемая плененность позитивизмом, разбавляемая (2) столь же неочевидной (особенно для экономистов) приверженностью к постмодернистской деконструкции любых «больших нарративов» приводят к тотальному отторжению любых серьезных методологических исследований. Проблемное поле методологии оказывается по определению не

существует для гуманитария-позитивиста, подобно тому как для исследователя средневековья был закрыт мир дальних звезд.

Первый – живущий в рыночноцентричном пространстве нынешнего академического супермаркета интеллеktуал – не обладает ни возможностью, ни необходимостью углубляться в исследования историко-логических каузальностей и глобальных трансформаций, ибо его жизнедеятельность лежит вне этих проблем и он не знает ни содержания, ни языка методологии.

И в этом он подобен второму – своему средневековому собрату, – жившему в мире религиозных догм геоцентричной модели вселенной, работавшему на заказ князей и церкви и не знавшему того, что такое телескоп.

Тем важнее сегодня нам всем начать прозревать, создавая телескопы и все более отдаваясь исследованию далеких созвездий методологии и фундаментальной теории.

часть I Обновление диалектики:
альтернативы позитивизму
и постмодернизму
в методологии XXI века

Обращение к диалектическому методу в этом разделе книги сугубо неслучайно. На наш взгляд, вне этой методологии невозможно адекватное теоретическое решение тех глобальных проблем, с которыми сталкивается чем дальше, тем больше мир в эпоху глобальных изменений, начавшихся в прошлом веке.

Рождение качественно новых технологий, в основе которых лежит изменение содержания труда (переход к доминированию творческой деятельности как главного «ресурса» и ценности развития) по своему масштабу сравнимое даже не с машинным переворотом, а с неолитической революцией.

Появление и развитие на протяжении не только XX, но и нового века масштабных, охватывающих во времена своего расцвета более трети населения Земли, некапиталистических общественных систем (от отдельных стран до «мировой системы социализма» и глобальных социальных сетей).

Нарастающая острота глобальных проблем, характеризующих не просто угрозы всему человечеству, но все большую исчерпанность той модели развития, которую марксизм более полутора веков назад назвал предысторией...

Все это эмпирически наблюдаемые качественные сдвиги, рожденные мощными внутренними противоречиями социума и рождающие новые его противоречия. Попытка закрыть глаза на эти качественные сдвиги, свести их к некоторому набору отдельных фактов или явлений, отобразить в игнорирующих качественные скачки формальных моделях, распылить и «деконструировать», превратив в набор рядоположенных «текстов» – все это проявления попыток спрятать голову в песок, укрыться от тех проблем, чей масштаб превышает потенциал господствующих ныне методологий позитивизма и постмодернизма. Боязнь диалектики как методологии, открывающей всю глубину и мощь вызовов нынешних трансформаций, вполне понятна. Но непростительна...

глава 1 Диалектика: в поисках ответов на вызовы глобальных трансформаций XXI века

Ознакомление с работами последних двух десятилетий в области методологии свидетельствует о том, что отказ от сознательного или даже бессознательного использования диалектического метода большинством ученых, работающих в области общественных наук, стал правилом. Неслучайно и то, что даже среди ученых, ориентированных на критическое переосмысление действительности, большинство отошло от диалектики как метода исследования. Остающиеся исключения (в частности, упомянутые нами в предыдущей части профессора Б. Славин, Л. Науменко, А. Сорокин, С. Мареев и их молодые коллеги) скорее подтверждают, чем опровергают общее правило. Примерно такова же ситуация за рубежом. В США и Западной Европе сохранилось не слишком много авторитетных исследователей, которые являются представителями или продолжателями диалектической школы 50–60-х годов прошлого века (К. Артур, П. Андерсон, К. Андерсон, Р. Дунаевская, И. Мессарош, Н. Лимнатис, С.-М. Михаил, Б. Оллман, Д. Харви и др.¹), есть исследователи-диалектики в Японии, Китае, Латинской Америке, Индии, в других странах и регионах...

Этот метод в полной мере характерен для постсоветской школы критического марксизма, наследующей достижения советских диалектиков-«шестидесятников»². Насколько нам известно, сходные взгляды харак-

¹ См., например: *Arthur Ch. The Dialectics of Labour*. Oxford: Blackwell, 1986; *Anderson K. Lenin, Hegel and Western Marxism: a Critical Study*. U. of Illinois, Urbana, 1995; *Anderson P. Considerations on Western Marxism*. London: NLB, 1976; *Bell J.R. Capitalism and the Dialectic. The Uno-Sekine Approach to Marxian Political Economy*. London: Pluto Press, 2009; *Dunayevskaya R. The power of negativity: selected writings on the dialectic in Hegel and Marx* Lexington Books, 2002; *Harvey D. The Limits to Capital*, Oxford, 1982; *Lenin reloaded*, N.Y., 2010; *Limnatis N. The dimensions of Hegel's dialectic* Continuum International Publishing Group, 2010; *Meszaros I. Philosophy, Ideology & Social Science*. Brighton: Wheatsheaf, 1986; *Sayers S. Reality and reason: dialectic and the theory of knowledge*. Oxford: Blackwell, 1985.

² Среди многочисленных работ представителей творческого советского марксизма нам, несколько субъективно, хотелось бы обратить внимание на прежде всего работы Э. Ильенкова (см.: *Ильенков Э.В. Диалектическая логика*. М., 1984; *Ильенков Э.В. Философия и культура*. М., 1991), прологом к которым стали тексты М. Розенталя (см.: *Розенталь М.М. Марксистский →*

терны для представителей критического реализма¹ и таких авторов как Б. Оллман², Д. Харви³, Т. Смит⁴. Впрочем, то, что исключения остаются, вселяет надежду на то, что линия преемственности между великим (без преувеличения) опытом развития диалектического метода творческим марксизмом в СССР и будущими поколениями не прервется. А это важно не столько для сохранения одной из школ мировой философии, сколько для адекватного познания тех качественных изменений, которые разворачиваются на наших глазах во всем мире вот уже около столетия.

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ «ЗАБВЕНИЯ» ДИАЛЕКТИКИ

Причины массового отхода от диалектики – обратная сторона медали широкого распространения современных разновидностей позитивизма и постмодернизма. Если практика «отказывается» от изменения основ господствующей системы, то и для изучающих ее интеллектуалов «дискурс» «больших нарративов» (авторы намеренно используют здесь постмодернистскую терминологию) оказывается излишним. Он не востребован практикой и, более того, этой практикой отторгается. Для этого есть и онтологические основания, и гносеологические причины.

Что касается первых, то встроенность большинства современных критически настроенных интеллектуалов в господствующую академическую среду обуславливает объективную необходимость соблюдать «правила игры» этой среды. Правила же эти в конечном счете подчинены господствующей ныне системе отношений глобальной гегемонии корпоративного капитала, сделавшей рынок тотальным и превратившей в капитал все – человеческие качества и творческий потенциал («человеческий капитал»), социальные связи и доверие («социальный капитал»), свободное время и культуру.

← диалектический метод. М., 1952), а также на книги В. Вазюлина (см.: *Вазюлин В.А. Логика «Капитала»*. М., 1968).

¹ *Bhaskar R. Dialectic: the pulse of freedom*. London: Verso, 1993; *Critical realism: essential readings*. Edited by Acher M. et al. London: Routledge, 1998.

² *Ollman B. Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1976; *Ollman B. Dance of the Dialectic: Steps in Marx's Method*. Urbana, IL: University of Illinois Press, 2003.

³ *Harvey D. The Limits to Capital*. Chicago: University of Chicago Press, 1982; *Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford and Cambridge, Mass: Blackwell, 1989.

⁴ *Smith T. The Logic of Marx's Capital, Replies to Hegelian Criticisms*. State University of New York Press, 1990; *Smith T. Technology and Capital in the Age of Lean Production: a Marxian Critique of the «New Economy»*. N.Y.: SUNY Press, 2000.

Именно специфические «правила игры», характерные для эпохи глобальной гегемонии капитала как особого этапа в развитии капиталистической системы, приводят к формированию некоторых глубинных предпосылок описанной выше ситуации. На протяжении последнего столетия, и особенно на рубеже XX–XXI веков, основные экономические и политические силы совместно со встроенными в эту систему интеллектуалами оказались прямо заинтересованы в решении практически актуальных проблем совсем иного рода – проблем повышения эффективности функционирования существующей системы. На это сформировался достаточно четкий социальный заказ. Корпоративно-организованный бизнес требовал и требует анализа механизмов максимизации прибыли, путей рыночной экспансии и обеспечения устойчивости этой системы. Отсюда, в частности, востребованность микро- и макроэкономических исследований (а не классической политической экономии с ее диалектическим методом восхождения от абстрактного к конкретному). Он требует исследования возможностей манипулирования покупателем и защиты прав собственности. Отсюда актуальность разработок в области маркетинга, PR'a, права и т. п. Примерно то же происходит в области социологии, политологии и в других социальных науках, где сугубо конкретные задачи, решаемые различными структурами, определяют соответствующие социальные заказы науке.

Соответственно, едва ли не единственно востребованной методологией оказывается совокупность приемов, позволяющих выработать научный аппарат для решения названных выше так называемых «практических» проблем (под практикой понимается чем дальше, тем больше лишь то, на что есть заказ со стороны тех, кто платит или имеет власть). Философы в этих условиях встают перед дилеммой: либо бросить вызов этому «империализму прагматики», либо принять его и дать «любомуудрое» обоснование этой ситуации. Подавляющее большинство выбирает второй вариант.

В этом случае диалектическая логика с ее целостно-системным мышлением оказывается слишком масштабным и слишком критичным по отношению к существующим правилам игры орудием для решения массы *таких* практических проблем. Подобно тому как космическая ракета единственно может обеспечить преодоление земного тяготения и выход за пределы Земли, но не годится для путешествия в соседний супермаркет (более того, опасна при запуске вне космодрома и чудовищно разрушительна при неумелом или во вред человеку нацеленном использовании), диалектика единственно адекватна для исследования процессов генезиса, развития и снятия социальных систем, проблем выхода за их пределы, их критического преодоления, но слишком масштабна для решения проблем функционирования конкретной фирмы. Более того, она может быть разрушительна (по итогам такого анализа) для этой фирмы, доказывая, что ее деятельность отнюдь не содействует общественному прогрессу.

Отсюда «излишность» диалектики для узких прагматических исследований. Так складывается первая предпосылка отторжения диалектики.

Эту тенденцию еще более усиливает развивающаяся в последние десятилетия ориентация на узкопрофессиональную модель работника-интеллектуала, востребованную именно корпоративными структурами современного общества. Формирующееся новое общество неслучайно называется не только постиндустриальным и информационным, но и «обществом профессионалов». Профессионал же, как элемент, встроенный в современную систему глобальной гегемонии корпоративного капитала и подчиненный ей (мы не рассматриваем здесь общий абстрактный смысл термина «профессионал»; мы говорим о винтике «общества профессионалов»), имеет свои особые правила жизнедеятельности. Это, в частности, подчинение «правилам игры» корпорации, в которой работает профессионал, подчинение «правилам игры» профессиональной группы (тоже своего рода корпорации) и т.п. Профессионал может быть и творцом (хотя и необязательно), но как профессионал он вынужден подчинять свое бытие творца своему социальному статусу «профессионала». Как таковой он живет и действует как не-субъект. Он «функция», качественно реализующая освоенные и принятые правила деятельности, а не творец, постоянно разрушающий существующие стереотипы и творящий новый мир (последнее разрушает существующие правила игры и потому – «не профессионально»). Вследствие этого «профессионал-не-субъект» оказывается самой логикой своего бытия нацелен на «позитивные», а не критически-диалектические подходы. Так формируется второе онтологическое основание отторжения диалектики.

Третье, и едва ли не самое главное основание отторжения диалектики, связано с нарастанием новых форм духовного отчуждения, свойственных эпохе глобальной гегемонии капитала с его механизмами тотального подчинения личности человека стереотипам массового потребления и масс-культуры, политико-идеологического манипулирования и т. п., с характерным для него вследствие этих причин массовым конформизмом. В такой общественной системе складывается *специфическая духовная атмосфера превратных форм общественного сознания, в которой оказываются востребованы адекватные теоретико-методологические решения, характеризующие эти «превратности», этот конформизм и рабство по отношению к манипулятивным структурам как норму* (вариант – объявляющие тотальную деконструкцию всего как бунт против этого рабства, как следствие своей неспособности-нежелания дать анализ причин и путей позитивного снятия этого рабства духа и Личности – левый постмодернизм¹). Так складываются предпо-

¹ Существует довольно распространенное мнение, что постмодернизм – это левое, оппозиционное интеллектуальное течение. В последующих текстах этой части книги мы покажем, что для этого есть некоторые основания: →

сылки общественной ориентации на отказ от «больших нарративов», игру с «симулякрами», деконструкцию¹...

Отсюда отторжение всего, что делается реальными агентами и «*всерьез*», *содержательно, экзистенциально, в мире реальных, социально нейтральных, ответственных людей и социальных групп*. Естественно, что для такого отторжения социально ненейтрального действия необходимо и отторжение «больших» нарративов, характеризующих системное качество «больших» образований – таких как капиталистическая система в целом или то, что К. Маркс и Ф. Энгельс называли «царством необходимости».

Между тем мир оказывается объективно поставлен перед вызовами глобальных проблем, в том числе связанных с началом качественных изменений в социальном бытии. Если мы признаем наличие *таких* проблем и *таких* изменений, то перед нами встает вопрос о том, как мы можем исследовать эти проблемы и эти процессы? Не является ли каждая из глобальных проблем объективным основанием для поиска «больших нарративов», позволяющих понять ее природу и на этой основе искать пути ее решения?

Не ставит ли процесс рождения качественно новых феноменов в современном мире вопрос о том, как происходит отрицание «старых» атрибутов *системы* и рождение новых качеств *новой системы*?

Если да, то мы оказываемся перед необходимостью сделать первый шаг к диалектике, исследуя ее когнитивный потенциал в мире позднего капитализма и рождающегося «общества знаний».

Ключ к решению этой проблемы достаточно очевиден: *если мы стоим перед собой проблему исследования закона рождения, развития и*

← Бодрийяр и Жемисон, Деррида и Жижек, Хардт и Негри – все они, при существенных различиях, могут быть отнесены к левому крылу интеллектуалов. Но все они в той или иной мере отрицательно относятся к диалектике, прежде всего потому, что она несет с собой потенциал конкретного, системного и – главное – позитивного отрицания как снятия-созидания мира активным и ассоциированным субъектом. Для постмодернизма же приоритетным является асистемная (построенная по принципу монад и основывающаяся на детерриализации и децентрации) деконструкция и десубъективация. Впрочем, обо всем этом подробнее ниже.

¹ Так, Ж. Деррида прямо говорит о задаче «...деконструировать все то, что связывает концепты и нормы научности с онтологией, с логоцентризмом, с фонологизмом. Это работа громадная и нескончаемая... Деконструировать оппозицию – значит сначала в определенный момент перевернуть иерархию. ...Как это видно в названных текстах и в «Белой мифологии» всякому пожелавшему ее прочесть, наиболее общим заглавием для всей проблемы было бы: кастрация и мимесис. Я могу здесь только отослать к этим анализам и к их последовательности. Концепт кастрации по существу неотделим в этом анализе от концепта рассеивания» (Деррида Ж. *Позиции*. М.: Академический Проект, 2007. С. 43, 50, 99, 107).

«заката» «больших» систем, то мы неизбежно встаем перед необходимостью использования системного диалектического метода.

И в той мере, в какой названные выше проблемы являются социальной реальностью и XXI века, в этой мере остается актуален классический диалектический метод. В этом смысле даже «классическая» материалистическая диалектика, глубоко чуждая догматическим версиям марксизма, сегодня может стать большим шагом вперед по сравнению с методологическим обскурантизмом, господствующим сегодня в философии и социальных науках и прикрываемым постмодернистской риторикой.

И все же наиболее важной и сложной задачей давно уже стало развитие диалектического метода. И хотя здесь, как мы уже самокритично заметили, продвижения в сравнении с достижениями 1960–1970-х гг. относительно невелики, все же укажем на ряд важных для методологии нового века позиций, ограничившись в этом тексте только нашими авторскими разработками.

НОВЫЕ ОТВЕТЫ НА ВЫЗОВЫ НОВЫХ ПРОБЛЕМ: ДИАЛЕКТИКА «ЗАКАТА» И ГЕНЕЗИСА СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Уже банальностью стал парадокс нынешней эпохи: все предшествующее столетие прошло под знаком развития системы, претендовавшей на снятие капитализма, но завершилось кризисом именно попыток создания посткапиталистического общества. Новый век принес новые проблемы – попытки рождения альтернатив капиталистической системе отчуждения не прекращаются. Ими полны Латинская Америка и новые социальные движения, ими продолжают грезить интеллектуалы... А «старая» система вместо того, чтобы обрести спокойствие, как казалось еще недавно дарованное ей «концом истории», оказалась пронизана глубокими противоречиями, грозящими не только продлить локальные войны и вопиющее неравенство (к этому вроде бы все уже «привыкли»), экономические и духовные кризисы, но и породить новую империю с неизбежно следующей за этим антиимперской борьбой, похоже уже начавшейся в XXI веке.

Так новый век реактуализирует проблему исследования «заката» одних систем и рождения других, проблематизирует вопросы реформ и революций, ставит в повестку дня проблемы нелинейности общественного развития. Все это новые (хотя и не абсолютно) вызовы, на которые уже начала отвечать диалектическая методология нового века.

В частности, авторами этого текста продолжена начатая их учителями разработка диалектики «заката» общественной системы. Суть этого «заката» вкратце может быть представлена как закономерное самоотрицание в рамках этой системы ее генетических основ (качества) и сущ-

ности вследствие развития внутри нее ростков новой системы. По-видимости парадоксом при этом является то, что последние вызываются к жизни потребностями самосохранения и развития прежнего строя, прогресс которого далее некоторой качественной черты невозможен вне самопродуцирования ростков новых качеств и сущностей.

Эта черта – *невозможность дальнейшего прогресса системы без внесения элементов новой – и знаменует собой начало «заката» некоторого общественного образования*, в частности капитализма. Первые шаги такой диалектики были показаны В.И. Лениным применительно к капитализму (тезис о подрыве товарного производства и генезисе элементов планомерности как свидетельство перехода к фазе «умирания» капитализма) и развиты в советской политической экономии (хотя и в несколько апологетической форме)¹. Мы не только хотим напомнить об этом прочно забытом тезисе, но и предлагаем его развитие, показывая, что такое снятие не сводится к подрыву исходного качества системы, а должно пройти по всей ее структуре, видоизменяя все основные блоки системы и порождая внутри нее сложную систему переходных отношений.

При этом «ренессанс» неолиберальной стратегии в капиталистических странах и нынешние тенденции движения к протоимперии помогли подтвердить тезис о *нелинейности развертывания этого подрыва*. Прогрессивные тенденции развития элементов сознательного регулирования, ограничения рынка и капитала со стороны общества и государства, про-

¹ Ленин сформулировал свою позицию так: «Империализм вырос как развитие и продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу» (*Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 385*).

Идея переходных производственных отношений, развивающихся в рамках капитализма («неполная планомерность») была высказана в «Курсе политической экономии» под ред. Н.А. Цаголова (Т. I. М.: Экономика, 1973. С. 26–27, 699, 738–740). Она разрабатывалась также в работах В. В. Куликова (см.: *Куликов В.В. О переходных формах в условиях капитализма // Вестник МГУ, Сер. Экономика. 1972. № 1; Он же. Становление социалистических производственных отношений: Очерки теории и методологии. М., 1978; Он же. Становление социализма и «обобществление производства на деле» (Препр. докл.) М.: ИЭ АН СССР, 1984) и С. Е. Янченко (*Янченко С.Е. Переходные формы производственных отношений. Минск, 1974*). Наша точка зрения была высказана в книге: *Бузгалин А., Колганов А., Шухтин А. Становление планомерной организации социалистического производства. Томск, 1985. Ч. 1*, а также в книге «Ленин online: 13 профессоров о В.И. Ульянове-Ленине / Под общ. ред. А.В. Бузгалина, Л.А. Булавки, П. Линке. М.: ЛЕНАНД, 2011.*

гресс социальной защиты и т. п. шаги по развитию элементов будущей системы внутри капитализма могут сменяться реверсивными движениями укрепления собственных основ старой системы. Именно таким реверсивным процессом и стали характерные для последних десятилетий феномены снижения регулирующей роли общества и государства, наступления на многие социальные и гуманитарные завоевания 60-х годов прошлого века. Все это позволяет говорить об усилении *нелинейности развития социальных систем на нисходящей стадии эволюции*¹. К сожалению, лишь недавно авторы ознакомились с зарубежными работами, анализирующими этот вопрос². Более того, *постоянные смены прогрессивных и регрессивных форм самоотрицания основ системы можно отнести к закономерностям, наиболее типичным именно для стадии «заката».*

Причины этого в принципе известны: генерируя и развивая элементы нового качества, «старая» система неизбежно подрывает свои собственные основы и тем самым обнажает пределы своей дальнейшей эволюции. Соответственно силы самосохранения этой системы инициируют реверсивный процесс свертывания ростков новой системы. Дойдя до определенной стадии, этот реверсивный процесс сталкивается с тем, что обеспечить самосохранение прежней системы невозможно, не вовлекая элементов новой системы; последние усиливаются, обнажают пределы старого и т.п.

Так, усиление государственного регулирования, социальной защиты, бесплатного образования, здравоохранения и т.п. ограничивает возможности развития частной собственности, капитала, которые достаточно активно выступают за свертывание таких интенций; борьба сторонников и противников развития посткапиталистических, социальных отношений в буржуазном обществе – один из простейших примеров нелинейности эволюции капитализма на «поздней» стадии его развития. Конец прошлого – начало нынешнего века ознаменовались нарастанием реверсивной линии «возврата» к рыночному саморегулированию, сокращением социальных ограничений капитала, что стало одной из причин невиданной экспансии наиболее паразитических форм последнего – финансовых спекуляций. Перенакопление капитала и мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г. и предсказывавшийся марксистами-диалектиками еще несколько лет назад, вновь обусловил востребованность ранее невиданного по своим масштабам государственного вмешательства в экономику...

¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Теория социально-экономических трансформаций. М., 2003.

² См.: Postone M. Time, Labor, and Social Domination. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; Postone M. Rethinking Marx in a Postmarxist World // Charles Camic (ed.), Reclaiming the Sociological Classics. Cambridge, Mass.: Blackwell Publishers, 1998.

Кроме того, в условиях «заката» системы (рассмотрим опять же пример социальных образований) *ослабляется базовая объективная детерминация ее эволюции и, как следствие, возрастает роль субъективного фактора, что еще более усиливает нелинейность процесса «заката»*¹.

Что же касается возникновения новых систем, то для этого процесса характерны не только нелинейность прогресса нового качества, но и *мульти-сценарность развития новой системы в условиях ее революционного генезиса*.

Качественный скачок есть по определению отрицание одного качества и рождение другого; для него характерны процессы и возникновения, и прехождения (что показал еще Гегель). И именно в силу этого временного «взаимоуничтожения» качеств старой и новой систем в момент революционного скачка особенно значимыми становятся флюктуации, зависимость отнюдь не только от предшествующего объективного развития системы². В условиях революции «старая» объективная детерминация процессов и явлений, поведения индивидов и сложных общественных субъектов (социальных движений, партий и т.п.) ослабевает или уже не действует. Новая же объективная детерминация только возникает, она еще не действует или по крайней мере слаба. Для социальной революции этот тезис связан с известным феноменом возрастания роли субъективного начала, но на наш взгляд последний есть лишь одно из

¹ «Империализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут стремления к господству, а не к свободе. Реакция по всей линии при всяких политических порядках, крайнее обострение противоречий и в этой области – результат этих тенденций», – писал В. И. Ленин (*Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. М.: Госполитиздат, 1962. С. 419*).

² Эти тезисы развиты в серии наших статей в журнале «Альтернативы» (см.: *Бузгалин А.В. Социальные революции: ассоциированное социальное творчество и культура // Альтернативы. 2005. № 1; Бузгалин А.В. Революция: взгляд через 90 лет // Альтернативы. 2007. № 3*). Положение о революции как периоде социальных бифуркаций аргументируется и раскрывается также в работах О.Н. Смолина (см.: *Смолин О.Н. Новейшая революция в России и перспективы социализма XXI века // Свободная мысль. 2007. № 10–11; Он же. Революция: опыт политико-ситуационного анализа // Альтернативы. 2005. № 1; Он же. Радикальная трансформация общества в СССР и России: к проблеме периодизации // Вопросы истории. 2005. № 12; Он же. Революция как катастрофа: (1990–1996 гг.) // Свѣтъ Отечества. Просветительский альманах. 1999*).

Эти положения были сформулированы нами, конечно же, не на пустом месте. В многочисленных работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, А. Грамши, Р. Люксембург и советских авторов, писавших по проблемам теории революции отнюдь не только апологетические тексты, содержатся немалые основания для названных выше выводов. См. подробнее: *Водолзгов Г.Г. Диалектика и революция: Методологические проблемы социальной революции. М.: Издательство Московского университета, 1975*.

проявлений более общей закономерности диалектического революционного скачка, кратко отмеченной выше.

На этой основе неявно принятая ранее в марксизме трактовка всякого революционного рождения новой социальной системы как явления однозначно прогрессивного, ведущего к появлению более эффективного и гуманного нового образования, нами подвергнута критическому переосмыслению. На наш взгляд, для этого процесса характерна упомянутая выше мультисценарность развития, показывающая где, когда и почему, при каких предпосылках и условиях, в результате революционного перехода наиболее вероятным станет либо собственно прогрессивное развитие новой системы, либо противоположная тенденция вырождения революции в свою противоположность, контрреволюционный возврат к старому качеству, либо рождение нового качества при недостаточных предпосылках, дальнейшая мутация прогрессивных тенденций, ведущая к кризису и контрреволюции при накоплении негативного потенциала внутри возникающего нового образования¹.

Эта мультисценарность, естественно, бросает вызов традиционной диалектике с характерным для нее линейным детерминизмом внутрисистемного развития. Диалектика мультисценарной эволюции, «заката», рождения и взаимоперехода систем – это еще только формирующееся новое поле нашей науки. Но оно не пусто. Десятки работ по проблемам диалектики социальных революций и контрреволюций, реформ и контрреформ, реверсивных исторических эволюций создали некоторые основы для методологических обобщений, над которыми работают многие ученые, в том числе и авторы этого текста, который, однако, не может вместить все интересующие нас вопросы.

Соответственно возникает и вариант диалектики тупикового развития старых и новых систем с возможной стагнацией в этом состоянии или его революционным (контрреволюционным) взрывом.

Анализ реверсивных социоисторических траекторий позволил показать некоторые черты диалектики регресса – сферы, ранее лежавшей

¹ Кстати, здесь мы можем и должны отдать должное постмодернизму. Для многих представителей его левого крыла характерно не полное отрицание каких-либо закономерностей эволюции, но «всего лишь» акцент на наличии многочисленных, более того, бесконечно открытых, не ограниченных и потому до конца (или вообще) не познаваемых вариантов развития. Этот акцент в свете всего сказанного выше, очевидно, неслучаен. Более того, на наш взгляд, именно этот аспект постмодернизма объективно обусловлен тем, что на нынешней стадии «заката» капиталистической системы становится скорее правилом, чем исключением упомянутая выше объективная мультивариантность (мультисценарность) процессов «заката» и рождения систем, их взаимоперехода. Этот объективный процесс и находит свое несколько мистифицированное и абсолютизированное отражение в постмодернизме.

вне непосредственного поля марксистских исследований. Опыт последнего столетия дал, однако, немало материала для такого анализа. Стадия «заката» системы может порождать парадоксальную ситуацию объективно неизбежных, но при этом столь же объективно несвоевременных, не имеющих достаточных предпосылок попыток революционного слома старого качества и рождения нового. И это касается не только примера революции в Российской империи. Весь период самоотрицания («заката») системы чреват такими попытками взрыва, который становится потенциально возможен с момента вхождения системы в эту стадию, но может произойти при разной степени вызревания предпосылок нового качества и при недостаточном уровне развития последних. Все это будет порождать регрессивные процессы, характеризующиеся попятным нарастанием старых форм и снижением роли ростков нового в рамках переживающей «закат» системы.

Все эти компоненты характеризуют *диалектику перехода одной системы в другую*. Социальная диалектика в лице лучших своих представителей еще в прошлом веке показала, что этот переход предполагает, во-первых, достаточно длительное существование и нелинейное нарастание элементов новой системы внутри старой и, во-вторых, достаточно долгое и нелинейное отмирание элементов старой системы внутри новой.

Эти положения ныне прочно забыты подавляющим большинством критиков диалектики, пеняющих нам за приверженность исключительно к революциям¹.

Между тем диалектическое отображение процессов трансформации одной системы в другую предполагает иные акценты. Ныне мы как некогда можем утверждать, что на всем протяжении первого процесса, в любой его момент может начаться революционный переход к новому качеству. На всем протяжении второго может возникнуть контрреволюционный возврат к прежней системе. Кроме того, *для обоих этапов – «заката» [старой системы] и становления [новой системы] типичным будет доминирование переходных отношений, а не «чистого» бытия той или иной системы.*

Эти идеи зарождались у социальных философов – еще в 60–70-е гг. XX века, но только ныне они получают и развернутое эмпирическое подтверждение, и гораздо более полное теоретическое развертывание

¹ Так, например, Карл Поппер сводит социальную революцию исключительно к политическому перевороту: «Социальная революция есть попытка хорошо сплоченного пролетариата завоевать полную политическую власть при твердом намерении не избегать насилия, если оно потребуется для достижения этой цели, и пресекать все попытки своих противников восстановить свое политическое влияние» (*Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. С. 175*).

и обоснование. Названные закономерности выводятся (а не постулируются) на основе анализа процесса «заката» капиталистической системы, «царства необходимости» в целом и первых попыток зарождения нового общества. Но, на наш взгляд, эти закономерности могут быть генерализованы и послужить в качестве гипотезы существования более общих закономерностей диалектики «заката», регресса, трансформаций.

Завершая эти короткие ремарки о диалектике «заката», повторим, что процессы нелинейного «заката» капиталистической системы и в особенности реверсивные асоциальные процессы, ведущие к деструкции прежних прогрессивных достижений, неизбежно породили господство (особенно в кругах прогрессивной интеллигенции) методологии постмодернизма как теории деконструкции.

Видимостное фиаско диалектики прогресса и характерное для периода «заката» вообще, а для его реверсивных стадий в особенности, широчайшее распространение превратных форм, – все это создало еще большие предпосылки для развития постмодернизма, создав атмосферу иррациональных смыслов и бессодержательностей (напомним: превратные формы – это формы, не только «отрекающиеся» от своего содержания, но и создающие видимость другого, в действительности несуществующего, содержания и смысла). Это объективное господство «бессодержательностей» не могло не породить философии «симулякров» и им подобных постмодернистских «концептов».

Для консервативной интеллигенции, *позитивно* воспринимающей реверсивное течение социального времени, наиболее типичной реакцией на указанные выше изменения становится философия антимодернизма. В России она сопровождается ростом влияния консерватизма, религиозной философии, почвенничества, имперскости¹, на Западе, и особенно в США, – философии либерал-консерватизма, доходящей также до апологии «демократической империи».

Впрочем, исследование этих материй не входит в задачи данного текста.

Для нас интереснее обратиться к еще одной – едва ли не самой интересной проблеме реактуализации диалектического метода – проблеме актуальности этой методологии для исследования тех новых реалий, которые в последнее время все чаще обозначают как «общество знаний»²

¹ Сошлемся в качестве примера на многочисленные работы Ю.М. Осипова, в которых подробно раскрывается эта позиция (см., например: *Осипов Ю.М. Империя Россия*, М. – Ростов-н-Д, 2005). Имперские мотивы постоянно звучат и в работах известного идеолога консервативно-популистского направления А.Г. Дугина (см., например: *Дугин А.Г. Основы геополитики. Часть 4. Геополитическое будущее России. Глава 3. Россия немыслима без Империи*. М.: Арктогея, 2000).

² О проблемах общества знаний см., например: *Общество знаний: проблемы генезиса в условиях экономического кризиса. Материалы научных →*

и которые авторы этого текста связывают с гораздо более фундаментальной подвижкой – нелинейным прогрессом творческой деятельности Человека как глубинной основой начавшихся еще в прошлом веке глобальных трансформаций.

Диалектика со-творчества

Ставя новые вопросы в области метода, мы прежде всего рассматриваем проблему универсальности самого диалектического метода. Последний, в противоположность приписываемым ему ныне недостаткам, принципиально *открыт*. Прежде всего он открыт во времени, ибо утверждает историческое развитие и смену качественно разнородных систем.

Несколько отвлекаясь, отметим: этой открытости нет у большинства критиков диалектики социального развития. Ее нет у такого антидиалектика как К. Поппер, чье «открытое общество» на самом деле оказывается абсолютно «закрыто» в историческом измерении¹. Этого нет у всех либеральных и неолиберальных адептов идеи «конца истории» а'ля Ф. Фукуяма². Этого нет и у сторонников цивилизационного подхода и идей «столкновения» цивилизаций, ибо их методология сводится либо к рядоположенному «позитивному» описанию черт разных цивилизаций, либо к более или менее явной апологии одной из них (в случае с Хантингтоном – «западной»; в случае с российскими почвенниками – православной или евразийской).

Но еще более важно то, что диалектический метод *открыт самокритике*.

Поэтому ниже авторы выдвигают гипотезу *исторической ограниченности поля (пространства и времени) применения классической (гегелевско-марксовской) диалектики как адекватной par excellence для исследования именно эпохи отчуждения*³. Для исследования новой, в историческом смысле только рождающейся реальности необходим обновленный диалектический метод.

Некоторые уже сейчас эмпирически наблюдаемые черты этой новой реальности хорошо известны по работам и зарубежных, и отечественных

← конференций / Под общ. ред. А. И. Колганова. М.: Культурная революция, 2009. (Библиотека журнала «Альтернативы». Т. 14).

¹ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992.

² См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.

³ Предложенное авторами позитивное решение этой проблемы подверг основательной критике Лев Константинович Науменко (Науменко Л. Незнакомый марксизм: новые вопросы и новые ответы. // Альтернативы. 2011. № 1. С. 186–188.

авторов¹. Мы, однако, хотели бы расставить некоторые важные акценты, правомерность которых была обоснована в называвшихся выше книгах.

Начнем с того, что рождающееся новое качество общественной жизни в своем исходном пункте связано прежде всего с возрастанием роли творческой деятельности вплоть до занятия ею в перспективе доминирующего положения. Разделяя и развивая деятельностный подход в философии социального развития, авторы и при анализе нового общества исходят из тезиса о *закономерности постепенного и нелинейного перехода от репродуктивного, разделенного труда человека к творческой деятельности-диалогу* как «предельной абстракции» в изменении качества общественного развития. Соответственно эта новая рождающаяся общественная структура по своему содержанию будет креатосферой – сферой со-творчества Человека как родового существа (Маркс, Лукач), осуществляемого в мире культуры (в диалоге с природой как частью последней) и лежащего «по ту сторону собственно материального производства» (Маркс).

По этому поводу одним из авторов этого текста было написано немало работ, в том числе социофилософского характера², поэтому здесь мы можем остановиться на вопросе собственно метода, кратко аргументировав гипотезу: как таковой *классический диалектический метод требует своего снятия для исследования процессов, лежащих в поле «царства свободы»*³.

Начнем с того, что методология исследования генезиса «царства свободы» – это не вопрос праздных рассуждений о далеком будущем, а актуальная проблема настоящего. «Закат» постмодернизма уже сейчас

¹ Хорошо известны работы таких западных авторов как Д. Белл, М. Кастельс, Э. Тоффлер и др. (см.: *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М., 2000; *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 1990; *Тоффлер Э.* Футуришок. М., 2004). В России за последние 10–15 лет также вышло немало работ на эту тему (см.: Социум XXI века / Под ред. А. И. Колганова. М., 1998; хорошо известны работы таких авторов, как В. Иноземцев, Ю. Яковец и др.). Авторская позиция по этому вопросу изложена в работе: *Бузгалин А.В.* По ту сторону «царства необходимости» (эскизы к концепции). М., 1998 и в уже упоминавшихся более поздних работах.

² См. например: *Бузгалин А.В.* Постиндустриальное общество – тупиковая ветвь социального развития? // Вопросы философии. 2003. № 2; *Булавка Л.А., Бузгалин А.В.* Бахтин: диалектика диалога versus метафизика постмодернизма // Вопросы философии. 2000. № 1.

³ Заметим: «классическая» диалектическая логика требует своего развития не только в этом направлении. Выше авторы отметили возможные дополнения и модификации, необходимые для развития диалектики «заката» и генезиса систем, их взаимоперехода. Кроме того, следует помнить и о том, что диалектический метод вообще нельзя использовать как догму: он требует творческого развития и модификации в соответствии с природой исследуемого объекта в каждом конкретном случае его применения.

ставит вызов: или возврат к *пост*плюралистическому господству государственных идеологий (фундаментализм и его alter ego в лице имперских идеологий защиты цивилизации от терроризма), или обновленная диалектика диалога, или *диа*-логика (логика диалога или полифонирования), предвестниками которой стали работы ряда советских ученых второй половины XX века¹.

Главным аргументом в пользу возможности развития новой логики диалога, («полифонирования» – Г. Батищев) является переход к исследованию принципиально новой реальности – креатосферы, мира со-творчества, где открытый диалог субъектов и их субъект-субъектные отношения становятся главным полем общественных отношений и, следовательно, главным предметом социального исследования. Более того, в этом мире сами социальные отношения (= деятельность) становятся полем диалога равноправных субъектов.

Здесь возникает важнейший вопрос: насколько принципиально новый объект исследования требует модификации *метода*? Требуется ли здесь поиск нового метода исследования этой реальности – метода, снимающего и тем самым развивающего традиционную диалектическую логику?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим на то, *как может «работать» диалектика в креатосфере* на примере исследования противоречий творческой деятельности².

Естественно, авторы отнюдь не претендуют на то, чтобы на нескольких страницах развить теорию творчества; да в этом и нет необходимости: они могут воспользоваться уже имеющимися разработками своих учителей (прежде всего выросшего из марксизма Г. Батищева и уже упоминавшихся его коллег³) и отослать читателя к ряду своих предшествующих работ. Но в данном тексте мы постараемся показать определенную *диа*-

¹ Понятия диалога, со-творчества, субъект-субъектных отношений раскрыты в работах М. Бахтина, Г. Батищева, В. Библера и др. (*Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1962; *Батищев Г.* Введение в диалектику творчества (Серия «Философы России XX века»). СПб., 1997; *Библер В.С.* Мышление как творчество. М., 1975).

² В определенной мере отношения со-творчества – это уже сегодняшняя реальность: «человеческая революция» и генезис «общества знаний», а также бурный рост различных форм социального творчества – от местного самоуправления до новых социальных движений (работы, характеризующие практику этих движений и обобщающие их опыт, мы уже называли ранее) – оказывается полем различных видов со-творчества. В этой мере оказываются актуальны и названные выше интенции поиска нового метода. В той мере, в какой мы остаемся в мире отчуждения, «старая» диалектическая логика во всей ее современной актуальности остается важнейшим рабочим инструментом любого социального исследования.

³ Предупреждаем читателя: без проникновения в творческую мастерскую марксизма 1960-х годов сказанное ниже будет малопонятно и малоинтересно.

лектическую систему противоречий творчества как деятельности-отношения (чего мы не встречали у своих учителей) и на этой основе вывести некоторые возможные направления развития диалектики в мире креатосферы.

При ближайшем рассмотрении творческая деятельность оказывается двойственна.

С одной стороны, это процесс создания нового, дотоле неизвестного феномена культуры (креатосферы) – статуи Венеры или конструкции и первого опытного образца станка ДиП¹, «Гамлета» или макаренковской коммуны. (В скобках заметим, что каждый из этих феноменов в мире творческой деятельности выступает как идеальное – в ильенковском смысле этой категории, – будучи в то же самое время и материальным объектом: статуя есть обработанный кусок мрамора, станок – средство производства, коммуна – материальное общественное отношение.)

Как таковая творческая деятельность всегда не просто конкретна, но индивидуальна (связана с одним-единственным, неповторимым персонализированным видом деятельности). Это не конкретный вид (отрасль) труда, осуществляемый в рамках общественного разделения труда, это всегда *уникально-индивидуальная деятельность* (хотя она, естественно, может принадлежать и зачастую принадлежит к некоторому классу общественной деятельности или даже – в мире отчуждения – к некоторой отрасли общественного производства – науке, искусству и т.п.).

Далее. В той мере, в какой творческая деятельность является уникально-индивидуальной, она оказывается неразделимо сращена с ее субъектом, субъектна по своей субстанции. Последнее не значит, что иной творец не может вновь воспроизвести некоторые феномены культуры; в науке, например, это возможно; но всякий раз это будет именно и вновь субъектно-определенная деятельность. Точно так же субъектность и индивидуальность уникальной творческой деятельности не отрицает того, что ее могут осуществлять широкие ассоциации индивидов, более того, ниже будет показано, что вторая сторона диалектического противоречия творчества состоит в том, что так или иначе ее всегда осуществляют именно такие открытые, «разомкнутые» ассоциации. Субъектность и персонифицированность творческой деятельности становится основой ее (1) неотчуждаемости (по своей природе творчество таково, что его параметры нельзя задать извне, эту деятельность невозможно подчинить внешним социальным нормам; и хотя можно подчинить, превратив в раба или крепостного, ее субъекта, это не изменит того, что в процессе деятельности творец как таковой будет свободен в той мере, в какой эта деятельность будет творчеством, а не принуди-

¹ Речь идет о токарных станках ДиП, которые были созданы в СССР и получили свое название от популярного в годы первых пятилеток лозунга «Догнать и Перегнать».

тельно-репродуктивным трудом) и (2) самомотивации (в той мере, в какой деятельность творца является творчеством он как таковой реализует свою родовую человеческую сущность – процесс свободного саморазвития своей личности, что и есть высший мотив подлинно человеческой деятельности; другое дело, что в мире отчуждения всякий творец всегда является и социальным субъектом и потому рабом денег, власти и т.п. внешних мотивов труда). Тем самым мы обосновываем два принципиально важных для последующего изложения тезиса: творческая деятельность предполагает господство неотчужденных общественных отношений и свободное развитие личности как свой второй (наряду с феноменами культуры) результат.

С другой стороны, творчество есть (как показали теоретики субъект-субъектных отношений, от М. Бахтина до Г. Батищева) непосредственно, в своей субстанции и своем процессировании как деятельности *общественное отношение, а именно: диалог [многих] субъектов*. В этом процессе деятельность и отношение непосредственно совпадают, ибо самое творчество определяется как со-творчество.

Так перед нами встает проблема определения нового понятия – диалога или (в категориальном пространстве Бахтина, Батищева, Библиера) субъект-субъектных отношений. В этом взаимодействии Человек рассматривает любую окружающую его реальность (природу, других людей) не как мертвый объект, подлежащий производительному или личному потреблению, а как самостоятельную *культурную ценность*¹. Если это феномен природы, то творец стремится найти в нем красоту или законы его жизни и эволюции, если это человек, то он рассматривается не как носитель некой данной социальной роли – царь или раб, миллионер или бомж, – а как потенциальный субъект иной [творческой] деятельности. И именно (и только) как такой субъект природа и человек могут быть интересны для творца, ибо только так они могут стать «соучастниками» его деятельности.

Отношение индивидов друг к другу как субъектов и рождает *диалог*, когда вы «снимаете» свое «я», погружаясь в Другого, принимая его логику, ценности, образ и цели действий и отрицая свои качества, в то время как ваш партнер по диалогу также снимает свое «я» и «оживляет» ваше. И именно в этом диалоге вы неотчужденно встречаетесь с другим человеком как особенной личностью, рождая дружбу и любовь, товарищество и солидарность. Но вместе с этим рождая и мощные противоречия (они и являются импульсом творчества), ибо в диалоге могут участвовать

¹ Понимание культуры как процесса, результата и исходного пункта творческой деятельности общественного Человека развито в работах Н. Злобина, В. Межуева и др. Этот смысл вкладывают в понятие «культура» и авторы, однако, чтобы избежать многозначности понятия «культура», авторы чаще используют категорию «*креатосфера*» – мир (сфера) культуры, со-творчества.

неповторимые, своеобразные, отрицающие друг друга личности (в противном случае они будут творчески безразличны друг к другу). Этот диалог принципиально не ограничен и не может быть ограничен двумя участниками. В пределе в таком «полифонировании» (термин Г. Батищева) может участвовать бесконечный (в пространстве и во времени) круг лиц – все те, кому «интересен» (для кого творчески продуктивен) этот процесс. В какой-то момент этот круг стабилизируется, становясь импульсом вашей деятельности, и вы (в вечном диалоге со всей культурой) кричите «эврика», найдя то новое, что и составляет тайну творчества.

При этом было бы наивно представлять себе этот диалог (полифонирование) в виде эдакого круга беседующих философов. Он может носить и носит не обязательно форму актуального («живого») спора-общения, протекая во многих случаях как распределение культурных ценностей, как бы «оживляющее» творцов (читая книгу или слушая музыку, вы вступаете в заочный диалог с их авторами, и когда Чайковский превращает пушкинскую «Пиковую даму» в оперу, а Эйнштейн подвергает критике законы Ньютона, они диалогизируют со своими сотворцами).

Здесь требуется некоторая пауза в нашем исследовании диалога. Давайте вспомним о поставленном несколькими страницами ранее вопросе: *меняет ли новый объект (отношения со-творчества) самое существо диалектического метода или же предполагает всего лишь некоторые модификации?*

С одной стороны, процесс со-творчества выше был описан в категориях «классической» диалектической логики (в частности, было использовано понятие диалектического противоречия) и авторы показали, что они вполне «работают» применительно и к этому новому объекту. С другой стороны, выше мы вплотную подошли к интереснейшей проблеме, позволяющей по-новому взглянуть на диалектический метод – проблеме диалога не только субъектов-личностей, но и *логик*. В приведенном выше анализе противоречия творчества это были логики деятельности конкретных субъектов. А что если поставить проблему шире, как проблему равноправного диалога, своего рода «со-творчества» двух (многих) разных логик двух (многих) различных систем? Каким может быть диалог (полифонирование) логик разных систем как новый (?) метод исследования мультисистемных и мультисценарных процессов?

У авторов пока нет готового ответа на этот вопрос, а имеющиеся гипотезы пока не имеют сколько-нибудь серьезной аргументации, поэтому в данном тексте мы ограничимся всего лишь постановкой проблемы, которая, однако, на наш взгляд, может помочь найти ключ к одной из самых сложных и интересных проблем методологии (особенно – методологии исследования социальных систем в условиях мира креатосферы).

Постепенное движение к доминированию творческой деятельности в современной социофилософской и методологической литературе редко

рассматривается как ключевая характеристика происходящих глобальных изменений. Гораздо чаще делаются другие акценты – на переходе к обществу знаний и сетевых структур. То, что современные авторы делают именно такой акцент, далеко неслучайно: в данном случае (как и во всех названных выше) они тяготеют к исследованию отчужденных форм общественного бытия. Эти формы ближе духу исследователя, некритически воспринимающего существующий мир как данность.

Диалектика в мире сетевых структур

В то же время следует признать, что названные выше характеристики новых форм социальной организации, во-первых, отражают пусть не самые существенные, но реально происходящие изменения. Во-вторых, они подчеркивают именно те черты новой реальности, которые получают наибольшее развитие в условиях современного позднего капитализма – мира, где торжествуют превратные формы и их симулякры.

Посему остановимся несколько подробнее на анализе этих реалий и проблемах их диалектического исследования.

Как мы уже мельком заметили в начале текста, «информационная» реальность создает некоторые вызовы для ее исследования при помощи аппарата «классической» материалистической диалектики, адекватной для работы со «старыми» материальными и идеальными объектами, для которых, как правило, была характерна адекватность содержания и форм, значения и знака. Все более широкое распространение новой реальности – живущих в информационной среде знаков и превратных социальных форм – обуславливает проблему необходимости развертывания новых методологических подходов. Последние «разворачивают» известную нам материалистическую диалектику в сторону анализа кажущегося внепространственным и вневременным бытия знаков. Эта видимость, однако, скрывает некую сущность, а именно то, что знаки могут исследоваться не только в своем отчужденном от реалий бытии (бытии ничего не обозначающих, но функционально взаимосвязанных «номад»), но и как некоторое отображение реально происходящих процессов – прежде всего названных выше процессов опережающего развития мира культуры.

Взятая в своем культурном контексте, информация приобретает вполне адекватный для диа-логики вид неких фиксаций (в виде феноменов культуры) результатов творческой деятельности. Эти феномены культуры (теория как «продукт» научной деятельности, симфония как «продукт» деятельности композитора, новые личностные качества человека как «продукт» деятельности-диалога учителя и ученика, сами эти деятельности и обогащающиеся в этом процессе их субъекты как феномены...) имеют гносеологический смысл только в контексте со-твор-

чества, опредмечивания творческой деятельности и распределмечивания ее результатов. Вне этого контекста они не существуют. Вне него существуют только информация и знаки как ее непосредственное бытие. Последние могут быть использованы только как одна из предметных форм общественно-деятельного бытия человека. Как таковые они по своему содержанию могут быть сравнены с деталями, из которых собирают, скажем, автомобиль. Работа со знаками как таковыми становится одной из разновидностей стандартного репродуктивного технологического процесса, аналогичного тому, что осуществляется, например, в рамках индустриального производства. Вводящий, считывающий и перерабатывающий *в рамках стандартных процедур* компьютерную информацию специалист в этом смысле мало отличается от рабочего, заворачивающего гайку на конвейере. Играющий в компьютерную «стрелялку» подросток так же далек от креатосферы, как и игравший в лапту деревенский мальчишка позапрошлого века.

Если же процедура становится нестандартной, если требуется соизидание новых культурных смыслов (хотя бы новых компьютерных программ), то мы возвращаемся в логику со-творчества, и претензии на абсолютную особость мира «номад» вновь оказываются мало обоснованными.

Другое дело, что *отчужденный от культурного содержания знак, живущий «в себе и для себя», может быть превращен философом в фетиш в случае, если этот философ «забывает» о существовании творческой деятельности, культуры и родовых качествах человека.*

Эта фетишизация, приводящая к подмене творчества профессиональным функционализмом, неслучайна и небезопасна. Она проистекает из отказа такого философа от творческой деятельности, что он делает незаметно для самого себя, как бы «забывая» об этом феномене. Его личностные качества творца постепенно отмирают, усыпленные мельтешением превратных форм и симулякров, в мир которых он незаметно для себя все более погружается как реальный социальный «актер». Он погружается в этот мир как марионетка стандартов «общества пресыщения» и как потребитель продуктов масс-культуры, как раб массмедийных знаков (не смыслов) и служащий университета, превращенного в супер-маркет по продаже симулирующих творческие результаты «информационных продуктов» ...¹

Для такого «актера» отказ от решения проблемы места и роли информации в бытии человека неслучаен. В любых философских школах, рассматривающих ее как самодостаточную, данная проблема просто

¹ Эти положения весьма ярко раскрыты, в частности, в уже упомянутой выше работе С. Жижкека, развивающего идеи Ж. Бодрийяра. Весьма содержательно об этом пишет также В. Кутырев, о работах которого будет сказано ниже.

не может существовать. В некотором смысле это тавтология: если реальность деконструирована и исследователь живет исключительно в мире номад, то ничего кроме них для него не существует. Теряя тем самым свою родовую сущность (в силу ее отчуждения от человека в «царстве необходимости»), такой интеллеktуал не может не уйти в мир симулякров творчества, в *мир знаков – этих теней культуры*.

Используя образы известной сказки Е. Шварца¹, мы можем сказать, что *материалистическая диалектика приходит в мир знаков и информационных продуктов для того, чтобы сказать: «Тень, знай свое место!»* Тем самым диалектика решает ряд принципиально неразрешимых в рамках иных логик проблем на пути исследования человеческого со-творчества.

Другое дело, что диалектика этого процесса, неслучайно получившая первые импульсы своего развития уже в 60-е годы XX века – период бурного расцвета в нашей стране и научного, и художественного, и социального творчества – в последние десятилетия оказалась в загоне и почти не развивалась. Последнее тоже неслучайно – объективное бытие эпохи глобальной гегемонии капитала характеризуется все большим развитием превратных форм творчества – финансовых спекуляций, масскультурного производства и т.п. Тем благороднее и важнее задача ученого, способного не крутиться в водовороте мутного омута превратных форм, а суметь вырваться из него, продолжив исследование новых реалей мира культуры, со-творчества.

Несколько в ином ключе может вестись поиск новых методологических разработок в сфере диалектики, связанных с развитием *сетевых* структур. Они открыты и подвижны, но это не означает отсутствия у них специфических качественных характеристик. И наоборот: они имеют свое системное качество, но это не делает их закрытыми.

Все дело в данном случае в том, что их системное качество выступает не в виде внешней границы, видимого пространственно-временного барьера, своего рода «забора», огораживающего пространство-время бытия системы. Их системное качество (как и у всяких иных диалектических систем) задается внутренней определенностью, противоречием в-себе-бытия и бытия-для-иного (вспомним «Науку логики» Гегеля), только это противоречие для сетевых образований может иметь несколько непривычный вид. *В-себе-бытие сети задается не столько «оди-*

¹ «Тень» – пьеса-сказка Евгения Шварца, написанная в 1938–1940 гг. Главный герой сказки – ученый Христиан, который умеет распоряжаться своей тенью таким образом, что она, отделяясь от него, начинает действовать самостоятельно. Однако тень использует эту возможность, чтобы взять верх над своим прежним хозяином. И лишь заклинание – «Тень, знай свое место!» – может заставить ее вновь подчиниться (см.: Шварц Е. Тень. Сказка в трех действиях. М.: 2001).

наковостью», сколько внутренним сродством элементов, их способностью взаимодействовать друг друга вплоть до образования целостности, того конкретно-всеобщего, что и делает некую совокупность взаимодействующих феноменов данной особенной сетью.

Системное качество сети лежит не столько во внешних свойствах элементов, сколько в способе их «сцепления»-взаимодействия, соединения в целостность. Изменение этого способа взаимодействия, принципов «взаимосцепления» приводит к распаду прежней сети и рождению новой – той, в которую, возможно, войдут и некоторые из прежних элементов, а также какие-то новые – все те, для кого окажется внутренне «родным», адекватным данный способ взаимодействия. Как таковые сетевые структуры могут интегрировать любые образования, которые оказываются способны дополнить их функционирование, продолжить их развитие, что делает иным определение границ и пределов таких систем, их системного качества.

Примеры таких «сцеплений», «сродств» и их изменений хорошо известны: от подвижных и гибких структур временных творческих коллективов, работающих над определенной проблемой (в этом случае не принадлежность к некоей узкой профессиональной группе-корпорации, а именно проблема становится системным качеством, «притягивающим» одних субъектов ее решения и «отторгающим» других) до новых социальных движений, постоянно меняющих свою конфигурацию и способы взаимодействия в процессе решения проблем создания альтернатив нынешней модели капиталистической глобализации.

Впрочем, при поверхностном взгляде исследователя, привыкшего к миру четко очерченных атомизированных или иерархически субординированных систем, сеть кажется абсолютно аморфной и потому без-системной, или еще точнее – внесистемной. Здесь срабатывает давно и хорошо известный гносеологический парадокс: столкнувшись с новым типом реальности не желающий (или не способный) осмыслить его исследователь объявляет данный мир либо не познаваемым, либо вообще не существующим. В нашем случае происходит то же самое: сталкиваясь с новым (сетевым) типом диалектических систем, воспринимающий все в прежней сетке координат исследователь спешит объявить сеть внесистемным образованием и возвести несистемность в абсолют (типичный пример – постмодернистская «децентрация» и «детерриализация» как универсумы новой нереальности симулякров).

На наш взгляд, никаких особых оснований для столь же радикального, сколь и банального отказа от диалектики и системности в мире сетей нет. Просвещенный читатель легко заметит, что фундаментальные характеристики качества, количества, меры и т. д. любой системы, данные еще Гегелем, вполне применимы и к анализу сетей, посему мы выше неслучайно использовали ряд категорий «Науки логики» для их описания.

Все сказанное выше позволяет если не доказать, то хотя бы показать, что сетевые образования, особенностями которых являются открытость, взаимодополнение как основной способ взаимодействия, гибкость и подвижность структур и новый тип «элементов» (ими, как правило, являются те же принципиально разомкнутые сети), «живут» не отрицая, но лишь несколько трансформируя привычные диалектические взаимодействия. Категориальный аппарат «классической» диалектической логики в основном остается применим и к этим объектам. Они так же познаваемы при помощи анализа системного качества и избирательного сродства, им так же присущи внутренние противоречия, в их «жизни» есть рождение и смерть, сущность и видимость...

Однако «наполнение» этих диалектических категорий при их использовании для исследования новой сетевой реальности будет несколько иным, нежели при исследовании прежних структур.

Сеть, конечно же, будет иметь системное качество, но оно, скорее всего, будет представлено не неким отдельным ее элементом (наподобие желудка или товара как «клеточки» капитализма), пусть и играющим роль генетически всеобщего элемента, а, возможно, принципом ее формирования, *проблемой*, объединяющей вступающих в сеть субъектов диалога и полифонирования. Точно так же и граница сети будет не внешним барьером (его-то как раз у принципиально открытой сети скорее всего быть не должно), а некими параметрами того диалога, который соединяет субъектов сети...

Немалые проблемы и новые аспекты откроет вопрос о правомерности традиционного двухполюсного видения реальности, характерного для «классической диалектики». Уже сейчас понятно, что у сетевых структур, скорее всего, нет двух ярко выраженных противоположных объектных сторон (типа двух товаров в акте обмена или двух классов в социальной борьбе). Однако авторы склонны предположить, что две противоположных определенности сети, отрицающие и взаимопорождающие друг друга, обуславливающие развитие этого феномена, есть и в случае исследования названных новых образований.

Еще более сложными станут базовые проблемы диалектики социальных сетевых структур. Здесь принципиально изменится понятие субъективных и объективных параметров развития. Скорее всего, они будут сняты в *субъектных* параметрах, особое «сродство» которых будет определять закономерности эволюции сети.

Не менее сложным окажется вопрос генезиса, «заката», взаимоперехода открытых социальных сетей, образуемых полифонично-связанными субъектами со-творчества...

Все сказанное пока остается не более чем анонсом будущих разработок, но анонсом, для которого есть некоторые основания. Так, продолжающиеся пока только шесть лет исследования новых социальных движений и сетей, все более активно проявляющих себя в современном мире, про-

водимые авторами и их коллегами, показывают, что основные из названных выше аспектов использования обновленного диалектического метода очень продуктивно «работают» при изучении этого объекта. Так что все сказанное выше, с одной стороны, – еще не до конца проверенные и разработанные гипотезы, но с другой – не умозрительные предположения.

Впрочем, авторам в этом тексте было важно не столько дать готовую картину новых параметров новой диалектики как продолжения и снятия диалектики «классической», сколько указать (хотя бы указать!) на возможность и важность такого продвижения в рамках непозитивистской и непостмодернистской методологии.

* * *

Таковы первые краткие наброски авторов, посвященные проблемам анализа некоторых возможных путей развития диалектического метода в условиях генезиса нового мира – мира «заката» старых социальных систем, мира генезиса со-творчества и сетевых структур. Однако эти новые процессы лишь рождаются, а господствующими пока что остаются «старые» проблемы исследования социума. И здесь остается актуальной даже «старая» классическая диалектическая методология, на задачи реактуализации и развития которой мы и хотели указать в этом тексте.

глава 2 Диалектика как адекватный метод исследования сложных социальных систем: к критике позитивизма и прагматизма

Наступившая на нас эпоха постмодерна с его акцентированным безразличием к «большим нарративам» и остракизмом по отношению к диалектике все еще господствует, но постепенно уходит в прошлое. После феномена «9.11», войн в Югославии и Ираке социальная жизнь все чаще говорит о рождении новых, протоимперских реалий, для которых все более необходимым окажется не интеллигентски-безразличный скептицизм, возведенный в абсолют, а старый добрый позитивизм. Авторам об этом не раз уже приходилось писать. Поэтому задавшись целью написать развернутый текст, посвященный апологии диалектического метода, авторы с самого начала выдвинули весьма жесткий тезис, который остался без сколько-нибудь подробного комментария: *если мы ставим перед собой проблему исследования законов рождения, развития и «заката» «больших» систем, мы неизбежно встаем перед необходимостью использования системного диалектического метода.*

Это положение подвергается критике не только со стороны постмодернизма. Едва ли не с начала прошлого века наиболее распространенной критикой материалистического диалектического метода остается сумма тезисов, базирующихся на «нарративах» позитивизма и прагматизма¹. В настоящее время они не только сохраняют прежние позиции,

¹ Начавшись с работ Огюста Конта и Дж. С. Милля, позитивизм прошел длинный путь развития к логическому позитивизму Карнапа, аналитической философии и неопозитивизму. И хотя идеи абсолютизации принципа верифицируемости были подвергнуты критике даже внутри этого направления еще в прошлом веке, последний остается, по сути дела, ключевым пунктом критики любых диалектических построений в общественных науках как не отвечающих критериям четкого фактологического обоснования с последующим «строгим» выводением следствий при помощи едва ли не исключительно математического, формально-логического аппарата. В общественных науках, особенно в близкой авторам экономической теории, позитивизм оказался вытеснен близким к нему прагматизмом (известным прежде всего по работам Пирса), который поставил во главу угла возможность практической реализации результатов исследовательской деятельности, используя методологию инструментализма Дж. Дьюи. Весьма показательна в этой связи приводимая в одной из самых удачных русскоязычных философских энциклопедий цитата Ч. Пирса: «...Если бы я стал входить в практические дела, то преимущества прагматизма при рассмотрении важных практических вопросов стали бы еще более очевидными. Но здесь прагматизм →

но и реактуализируются, что требует последовательной реактуализации диалектического метода.

Впрочем, заметим: большинство из современных исследователей в области общественных наук, вообще не задумываясь о методологии, в действительности используют именно позитивистские и прагматические подходы (мы специально покажем это в разделе о так называемом «экономическом империализме»). В этом они подобны известному мольеровскому герою, не знавшему, что он говорит прозой. Но в отличие от последней, поэзия требует неких знаний и талантов, как, впрочем, и хорошая, небезсознательная, проза. «Стихийно» стихи и романы получаются редко. Так же обстоит дело и с любой методологией, более сложной, нежели «бессознательный» позитивизм и прагматизм нынешних экономистов, социологов и т. п. Посему разговор обо всех этих методах необходим.

Диалектика как адекватный метод исследования сложных общественных систем: «Аксиомы диалектики»

При всем различии позитивизма и прагматизма, при всех вариациях различных ответвлений этих течений, сухой остаток их отношения к диалектике хорошо известен.

Начнем с наиболее известных критических замечаний в адрес диалектики.

Во-первых, диалектику часто сводят к довольно примитивной триаде «тезис–антитезис–синтез» и идее эволюции, делая на этом основании вывод, что она является частным случаем описания некоторых объектов, но не фундаментальным, универсальным методом науки¹. Эти утверждения не слишком для нас интересны, ибо свидетельствуют как о неадекватной интерпретации диалектической логики (упрощение, доводящее содержание этого метода до пустых банальностей о том, что это метод

← обычно применяется преуспевающими людьми. Фактически, род удачливых людей отличается от неудачливых главным образом именно этим» (цит. по: *Философская энциклопедия*. Т. 4. М., 1967. С. 338; Подробнее см.: *Moore E.C. American pragmatism: Peirce, James and Dewey*, N.Y., 1961; *Smith J.E. The spirit of American philosophy*. N. Y., 1963.

¹ Типичный пример здесь – К. Поппер: «Еще одна опасность, исходящая от диалектики, связана с ее туманностью. Она предельно облегчает применение диалектической интерпретации ко всякой разновидности развития и даже к тому, что не имеет никакого отношения к диалектике... Диалектика была представлена мною как некий способ описания событий – всего лишь один из возможных способов, не существенно важный, но иногда вполне пригодный» (цит. по: *Жаров Л.В., Золотухина Е.В., Кохановский В.П. Современная философия: Словарь и хрестоматия*. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С. 492).

изучения «эволюции»; эти обобщения напоминают трактовку математических методов как способа все сосчитать), так и о непонимании того, что она может и должна использоваться для исследования сложных системных закономерностей развития с акцентом на качественных изменениях, подобно тому как математические методы могут и должны использоваться для изучения количественных параметров тех или иных объектов.

Более значимо, на наш взгляд, то, что с точки зрения позитивизма диалектика, *во-вторых*, предполагает лишь некоторое умозрительное «выведение» одних категорий из других; она лишь интерпретирует (весьма специфическим образом) в принципе и до нее известную позитивную информацию. Приращения знаний диалектический метод дать не может. Кроме того, выведение категорий в диалектике осуществляется при помощи не строгих доказательств, а апелляции к диалектическим противоречиям, их разрешению и воспроизведению (снятию). Между тем с точки зрения оперирующего позитивно-прагматичным знанием исследователя, два прямо отрицающих друг друга тезиса не могут быть верны в одно и то же время и в одном и том же отношении. Они должны «хоть немножко» различаться. Иначе противоречия являются просто следствием некоторых инверсий в познавательном процессе. В реальности их быть не может.

В-третьих, диалектика не раскрывает содержательно, как именно осуществляется переход от одной категории к другой; она не доказывает, но утверждает, что есть некоторая схема («система категорий»), которая является истинной, а всякие отклонения от нее объявляет «зигзагами» (хотя на практике последние могут играть роль не меньшую, чем «столбовая дорога», «красная нить»). Как таковая диалектика игнорирует проблему конкретных механизмов, форм развития тех или иных процессов, ограничиваясь абстрактным постулированием того, что некий процесс, в принципе, рано или поздно, должен иметь место. Кроме того, при исследовании общественных процессов диалектический метод концентрируется на объективных отношениях, оставляя субъективному фактору роль некоторых «дополнительных обстоятельств», которые, однако, могут почему-то изменять весь ход истории. Соотношение же этих объективных и субъективных процессов никак строго не определяется. В результате диалектика не позволяет строго определить, как именно, где именно и когда именно (через 10 или 100, а может быть, и через 1000 лет) осуществится тот или иной процесс и насколько важно, когда именно он осуществится...

В-четвертых, диалектика не дает строгих доказательств, которые бы позволяли, опираясь на факты, делать строгие выводы, опять же четко верифицируемые при помощи фактов «Когда ни гипотезы, ни предпосылки теории не могут быть сопоставлены с реальным миром, то теория лишена всякого научного интереса... Подчинение наблюда-

емым и экспериментальным данным является золотым правилом, которое доминирует в любой научной дисциплине. Любая теория, если она не подтверждена опытом, очевидно, не имеет научной ценности и должна быть отвергнута¹. Диалектический метод, очевидно, предлагает иные, нежели ставшие едва ли не общепринятыми со времен Т. Куна, критерии истины, которые принято предъявлять к «добротной научной теории». Главные из них – непротиворечивость и внесение порядка, упрощающего видение процессов и явлений, а не умножение их сущностей – выглядят прямым отрицанием диалектического метода.

Эта критика столь же хорошо известна, сколь и контраргументы диалектиков. Позиция последних, однако, ныне крайне редко отображается в научной (и тем более научно-популярной) литературе по методологии. Кроме того, диалектический метод в XXI веке знаком в его сколько-нибудь полном объеме все более сужающемуся кругу ученых. Большинство же судит о нем по некоторым пересказам, сделанным к тому же теми, кто о диалектике знает лишь то, что этот метод предполагает наличие неких трех законов («перехода количества в качество», «единства и борьбы противоположностей», «отрицания отрицания») и выведение одной категории из другой чисто умозрительным путем. В ряде случаев диалектику прямо отождествляют со сталинистскими идеями (что-то вроде уже упоминавшегося «усиления классовой борьбы по мере построения социализма»).

Между тем диалектическая логика сложна и предполагает ее творческое освоение в единстве тех разработок, которые были сделаны как классической философией, в том числе Гегелем и Марксом, так и советской и западной школами диалектики XX века, о которых мы уже упомянули выше.

Изложение этих, ныне упорно забываемых, основ есть самый надежный и единственно верный путь ответа нашим критикам. Но эта задача неразрешима в рамках данного относительно короткого раздела. Поэтому ограничимся (играя в методологию «позитивных» доказательств) лишь краткими ремарками по поводу неких «аксиом» (они задают *differentia specifica* диалектики) и некоторых теорем этого метода. Доказательство последних станет одновременно и указанием на возможные контраргументы в адрес наших критиков (их аргументы авторы синтезировали на базе многочисленных работ явных и неявных сторонников позитивизма и прагматизма). Заметим также, что эти аксиомы и теоремы непосредственно применимы только к классу общественных систем, но можно подумывать и об их использовании в других областях.

К числу *аксиом диалектики* относятся положения, не то чтобы отвергаемые, но активно «забываемые» теми современными специалистами

¹ Алле М. Основные направления моей работы // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. V. Книга 1. М.: Мысль, 2004. С. 605.

в области общественных наук, кто ориентируется преимущественно на позитивные методы исследования (постмодернистский нигилизм мы в данном подразделе текста оставим в стороне). Повторим лишь некоторые из этих положений.

Первое: общественная жизнь может адекватно исследоваться лишь при помощи системного подхода. Мы его очень кратко обозначили выше, указав на то, что он предполагает выделение не только некоторых групп элементов и их связей, но и системных качеств, которые задают содержательно границы и пределы систем. При этом существенно, что качество системы несводимо к сумме качеств элементов («разница» и есть системное качество). Вследствие сказанного, сами эти системы отличаются друг от друга качественно (так, например, с социально-экономической точки зрения СССР и США – это системы, которые качественно отличны друг от друга; как следствие этого можно, в частности, утверждать, что качественно отличны и такие их базовые «элементы», как *homo soveticus* (хомо советикус) и *homo economicus*¹). Впрочем, с первым пунктом дело обстоит не так уж и скверно: часть позитивистов признает системный метод, хотя и отвергает диалектику. Дальше, однако, различия усиливаются.

Второе: общественные системы развиваются, изменяются во времени и в пространстве; они рождаются и умирают; в этом общественном развитии присутствуют как некоторые объективные, устойчивые, так и зависящие от общественных действий субъектов черты.

Третье: объективная реальность есть не просто совокупность некоторых феноменов, явлений (материальных и/или идеальных), но *общественная практика* – совокупность действий и отношений преследующих свои цели индивидов; совокупность предпосылок, результатов и субъектов этих действий.

Эти три аксиомы отнюдь не очевидны, и, более того, ряд философских школ (скажем, солипсизм) и методологических дискурсов (в частности, постмодернизм) их отрицает. Но большая часть исследователей-позитивистов скрепя сердце с ними во многом согласится, хотя и предложит массу оговорок, справедливо заподозрив в этих аксиомах «подкоп» под здание их методологии. Но у авторов нет иного выхода в данном случае, кроме как объявить эти положения аксиомами: доказывать все и вся у нас нет возможности.

Если же мы примем (пусть в качестве научного допущения), что названные положения действительно являются аксиомами, то, продолжая

¹ Обратим в этой связи внимание на работы А. Зиновьева, красиво, хотя и несколько гротесково, показавшего в многократно издававшейся книге «*Homo Sovieticus*» основные черты «человека советского» (см.: *Зиновьев А. Гомо советикус / Зиновьев А. Собр. соч. в 5 томах. Том 5. М.: Центрполиграф, 2000*).

аргументацию в пользу диалектики, мы сможем сформулировать и попытаться доказать ряд «теорем».

КОНСТРУКТИВНОСТЬ МЕТОДА ВОСХОЖДЕНИЯ
ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ:
ПЕРВАЯ ТЕОРЕМА ДИАЛЕКТИКИ

Теорема первая. Если объектом исследования является сложная и развивающаяся общественная система, имеющая свое пространственное и временное начало и конец, а задача исследования состоит в том, чтобы (а) выделить *специфические характеристики*, отличающие эту систему от любых других и (б) определить основные параметры ее бытия как *целого*, то (1) методы количественного моделирования могут использоваться лишь для решения относительно ограниченных задач изучения некоторых (преимущественно функциональных) связей и механизмов воспроизводства системы, а для ее исследования (2) адекватна иная методология, в частности метод восхождения от абстрактного к конкретному, предполагающий генетическое развертывание системы категорий, отображающих действительное развитие системы как процесс полагания и снятия ее противоречий¹.

(В скобках заметим: в той мере, в какой мы признаем возможность использования гегелевской модели диалектической логики, можно говорить о том, что в рамках сложной системы категорий, отражающих качество, количество, меру, сущность, явление и действительность некоторой системы, количественное моделирование будет уместно на втором, третьем, пятом и шестом шагах исследования.)

Доказательство пункта (1) этой теоремы выглядит едва ли не тавтологично. Оно сводится к выдвиганию тезиса о том, что большинство сложных общественных систем включает качественно разнородные элементы и их связи (а также их качественные трансформации в процессе развития). Для таких классов систем количественные методы моделирования являются недостаточно сложными и строгими и потому не могут адекватно отобразить наиболее значимые характеристики изучаемой системы. Иными словами, нам надо доказать, что, во-первых, имеются значимые для теории и практики параметры систем, не под-

¹ Марков метод восхождения от абстрактного к конкретному, наиболее полно отображенный и развитый в работах Э. Ильенкова (о его работах, последователях и оппонентах – ниже), лежал и в основе методологии политической экономии школы Н.А. Цаголова. Как показал С.С. Дзарасов (см.: *Dzharasov S. Critical realism and Russian economics // Cambridge Journal of Economics*. 2010. № 6), этот метод во многом сходен с идеями «критического реализма» – метода, развиваемого представителями английского Кембриджа.

дающиеся количественному отображению и, во-вторых, количественные методы моделирования не позволяют адекватно отразить закономерности взаимодействия и развития разнокачественных и/или претерпевающих качественные изменения объектов.

Первый тезис можно доказывать даже с помощью примеров. В самом деле, если мы можем выделить хотя бы один пример системы, чье развитие (включая генезис и «закат») и взаимодействие с другими системами не поддается количественному моделированию, значит, мы можем утверждать, что оно не общеприменимо. Если же мы покажем, что до настоящего времени вообще не созданы математические модели, адекватно отображающие генезис, развитие, «закат» и внешние взаимодействия таких сложных общественных систем, как, скажем, капиталистическая или иная, то мы окажемся еще ближе к искомому доказательству.

Возможно ли такое доказательство пусть решают читатели. Авторы уверены, что да. Но множить примеры в этом тексте мы не будем.

Пойдем дальше. Если мы поставим проблему некантифицируемости разнокачественных объектов, то мы можем ее несколько переформулировать, показав, что разнокачественность объектов «нарушает» незыблемые правила математического моделирования. Простейший пример может привести любой читатель. Вот первый попавшийся: если мы сложим $1 + 1$, то в соответствии с правилами математики в десятичной системе исчисления мы всякий раз должны получить два. Однако если мы сложим одно животное – голодную кошку и еще одно животное – не слишком ловкую мышку, – то мы получим в результате не два, а одно животное. Им будет сытая кошка.

Если же теперь посмотреть на сложные общественные системы, то здесь, в случае сведения исследования только к количественному моделированию, также окажется неизбежным либо чрезмерная симплификация объектов и их связей, сведение их к неким количественно отображаемым чертам, приводящим к потере их качественной специфики, либо необходимость перехода к иным методам их теоретического отображения. Конечно же, любая наука упрощает реальность. Но весь вопрос в мере такого упрощения. *Если для решения определенного круга задач оказывается возможным абстрагирование от качественной специфики объекта, то здесь вполне применимо количественное моделирование. Если нет – нужны другие методы.*

Банальный повтор того, что было сказано выше? Не совсем. За этим «повтором» скрыт акцент на важном, известном, но часто «забываемом» в общественных науках тезисе: *определение того, какие связи и параметры будут подлежать моделированию, какие условия будут признаны в качестве «области допустимых значений», а от каких модель будет отвлекаться (мы бы сказали строже – абстрагироваться), – все это исследователь определяет иным, нежели математическое моделирование, путем.* И путь этот – метод научных абстракций, в развитом виде –

метод восхождения от абстрактного к конкретному. Последний, а не собственно математические методы, позволяет исследователю (в том числе – ориентированному на использование количественных методов) ответить на вопрос, что будет моделироваться.

Ниже мы еще вернемся к вопросу о соотношении и взаимосвязи методов количественного моделирования и восхождения от абстрактного к конкретному, сейчас же зафиксируем, что мы выше если не доказали, то хотя бы показали, что для исследования сложных систем (прежде всего общественных), нужны и неколичественные методы, позволяющие отобразить качественную специфику и закономерности генезиса, развития и «заката» этих образований.

То, что для этого наиболее адекватен метод восхождения от абстрактного к конкретному, мы еще будем доказывать, а сейчас позволим себе маленькую иллюстрацию.

Так, например, для так называемой «рыночной экономики» (точнее, мы бы сказали, системы отношений товарного производства) характерно наличие частной собственности, основанной на собственном труде и на труде наемного работника; капитала и наемного труда и т.п.; эта система проходит разные стадии своего развития. Собственная специфика всех этих элементов и особенность этой системы как целого количественно не отображаемы (хотя, конечно же, отображаемы ее функциональные связи – механизмы ценообразования, взаимосвязи изменений разных макроэкономических параметров и т.п.) Одно из наиболее характерных свидетельств этой ограниченности – типичное для использующей функционально-математический подход неоклассической экономической теории неявное отождествление рыночной экономики и экономики вообще¹, а также сведение всех ее элементов и связей к тем или иным формам взаимодействия качественно однородных агентов – покупателей и продавцов.

Но если для исследования специфики сложных развивающихся общественных систем недостаточно использование методов, позволяющих оперировать с только однокачественными (квантифицируемыми) элементами и связями, то необходим метод, позволяющий показать специфику каждого из разнокачественных элементов, subordinировать их, выделить их действительное конкретное единство, показать их неквантифицируемые связи, отобразить устойчивые закономерности их раз-

¹ В типичном определении предмета экономической теории (его можно найти в любом учебнике т. н. еconomics) говорится, что это наука об эффективном использовании ограниченных ресурсов рациональным индивидом. При этом реально в этом учебнике дается всего лишь неоклассическая интерпретация некоторых функциональных связей, характерных для экономики развитой капиталистической страны (на примере США). Но текстуально же провозглашается исследование... экономики. Какой именно? вообще? рыночной? капиталистической? – так вопрос даже не ставится.

вития и т.п. А это и есть простейшая грубо-приближенная характеристика метода восхождения от абстрактного к конкретному, суть которого, повторим, состоит в отображении в виде системы категорий действительных процессов развития системы.

(Сделаем важную оговорку. Современные методы математического моделирования сложных процессов позволяют указать на наличие качественных переходов и каузальных связей. Как правило, это модели, в которых эти связи сводятся к моделированию необходимости, но не содержания этих переходов и связей, но не в этом суть. Суть в том, что выход математики за рамки чисто количественного моделирования есть в некотором роде выход за рамки... математики – в самом деле, кто может определить ее границы? – и потому есть не более чем один из способов формализации именно тех методов, о которых мы ведем речь в этом разделе, в частности метода восхождения от абстрактного к конкретному. Что же до отображения противоречий – этой «живой души диалектики», то, начиная с Ньютона, математика постоянно оперирует ими, только «скрывая» сие от просвещенной публики¹.)

Остаются «пустяки». Во-первых, показать, что развитие (в отличие от функционирования однокачественного объекта) предполагает качественные трансформации (Это сделать «легко» – выше мы постулировали данный тезис как аксиому.)

Во-вторых, доказать, что развитие есть «живое», «бытийствующее» противоречие.

Итак, перед нами стоит задача «восстановления в правах» **диалектического противоречия как ключа к пониманию закономерного хода генезиса, развития и «заката» системы.**

Последняя задача принципиально трудна, но она уже решена нашими учителями, поэтому в данном случае ограничимся лишь отсылкой к ряду хорошо известных текстов советского периода, где творческий марксизм показал, как именно осуществляется использование аппарата диалектических противоречий и почему именно оно плодотворно².

¹ Понятия бесконечности, предела, производных и мн. др. сугубо диалектичны. В самом деле, почему бы не описать предел как одновременную истинность двух прямо противоположных утверждений: некая функция $f(x)$ и равна, и не равна нулю.

² См.: Диалектическое противоречие. М., 1979.

Не удержимся от того, чтобы привести очень точный, на наш взгляд, отрывок из В. И. Ленина: «Развитие есть борьба противоположностей. Две основные (или две возможные, или две в истории наблюдающиеся) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей... <...> Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая – жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к →

От себя добавим лишь несколько штрихов.

Во-первых, пример: простейшее определение прямолинейного равномерного движения – это характеристика его как противоречия: так движется тело, про которое равно истинно можно утверждать, что оно и находится, и не находится в любой сколь угодно малый момент времени в любой сколь угодно малой точке пространства.

Во-вторых, поясним, хотя бы предельно кратко, наше понимание диалектического противоречия, чтобы противопоставить его господствующим ныне трактовкам противоречий как всего лишь двух отрицающих друг друга формально-логических постулатов («А» и «не-А»). В отличие от этого поверхностного взгляда, фиксирующего лишь антиномию (этот первый акт многоактной драмы «Диалектическое противоречие» – Г. Батищев), авторы хотели бы сделать акцент на *диалектических противоречиях* как единстве противоположных, отрицающих друг друга (и, в силу единства, самих себя) сторон предмета. Начинаясь с фиксации в виде антиномии, противоречие разворачивается в действительное, содержательное единство (тождество) и одновременно противоположность своих сторон, соединение которых возможно лишь в живом процессе разрешения противоречия¹. Разрешаясь, противоречие «снимается» в новом отношении (противоречии), где происходит отрицание, но и сохранение в генетическом преемнике прежнего отношения, и так далее, пока этот процесс развития (снятия) не доходит до предела, взрывающего *системное качество*, что вызывает *снятие* прежней системы. Это ее гибель, но вместе с тем и развитие в новое качество, рождение новой системы при «наследовании» прошлого.

Последний тезис требует особого внимания. Мы еще раз настаиваем на преодолении догматических версий марксизма, трактовавших отрицание как уничтожение. Современный марксизм, творчески восстанавливающий классические идеи, делает акцент на категории «снятие»², подчеркивает единство процессов отрицания и развития [в новое качество].

← уничтожению старого и возникновению нового» (Ленин В.И. К вопросу о диалектике // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 316–317).

¹ Строго говоря, диалектическое противоречие как категория наиболее точно раскрыто во II томе «Науки логики» Г.В.Ф. Гегеля. При этом классик диалектики показал развертывание того, что в XX веке обобщенно (и не точно) называется «противоречие» от взаимоотрицания бытия и ничто к развертыванию диалектики качества, количества, меры («бытие») к сущности (видимость, явление, действительность) и далее...

Соответственно, серьезное использование диалектического метода предполагает различие всех этих взаимодействий, часто не точно названных «видами противоречий».

² Снятие (Aufhebung) есть в первую очередь критическое наследование, развитие через отрицание и одновременно удержание. Поэтому никак нельзя согласиться со Славоем Жижекком, проводящим параллель между →

Напомним также азбуку классического марксизма тем, кто приписывает нам догмы разрушительства: диалектический метод предполагает необходимость исследовать не только революционные, качественные изменения, но и изменения *эволюционные*, проходящие без изменения качества, «внутри» некоторой системы. Исследование этого процесса реформирования как внутреннего самоотрицания, не приводящего (до поры до времени) к переходу в новое качество, анализ процесса накопления «взрывного потенциала» (если так можно выразиться) было и остается для диалектиков не менее важной исследовательской проблемой, чем анализ самого скачка.

Теперь зададимся вопросом: присущи ли сегодняшнему социальному бытию противоречия – не просто различия, но действительное единство противоположных моментов? Противоречивы ли сегодняшние процессы глобализации? Противоречивы ли интересы олигархов и сельских учителей в современной России? Нет ли противоречий между благосостоянием шведов и нарастанием волны самоубийств в этой благополучной стране? Между прогрессом общества потребления и нарастанием наркомании?

Мы нарочито указываем на «наивные», поверхностные примеры противоречий современного мира. Все они – не более чем популярная иллюстрация, где противоречия предстают в своей внешней ипостаси – как парадоксы, конфликты, разносторонние тенденции в эволюции очевидно взаимосвязанных сторон.

Действительная тайна сущностных противоречий всякой социальной системы лежит гораздо глубже и не так проста. Укажем лишь на один, наиболее известный и вместе с тем особенно важный пример – исходное противоречие системы отношений товарного производства, представляющих на поверхности в виде всем хорошо известного феномена «рынок».

Один полюс этой системы – обособленность производителей. Рынок живет и развивается только в той мере, в какой каждый из его агентов действует как частный экономический агент, независимый от других, хозяйствующий за свой счет в интересах максимизации своего дохода (прибыли). И эту аксиому признают и монетаристы, и марксисты. Там, где начинается ограничение или подрыв обособленного, частного хозяйствования, там рынок заканчивается.

Другой полюс – общественное разделение труда. Всякий производитель товара действует, ориентируясь не на свои, а на общественные потребности, на потребности других агентов. Он связан с ними тысячами связей, которые тем интенсивнее, чем больше развито общественное разделение труда. Каждый агент рынка зависит от тысяч других, зависит

← гегелевским «снятием» и категорией «вычитание» у Бадью (см.: *Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011 С. 372*). Снятие – это никак не вычитание.

от общества и работает на общество. Там, где кончается общественное разделение труда, заканчивается и рынок; его заменяет натуральное хозяйство.

Самое сложное состоит в том, чтобы показать, как на практике одновременно оказываются истинными оба тезиса. Как реальные производители действуют в этой атмосфере всеобщей зависимости и одновременно полной обособленности. Теоретически соединение этих противоположностей выглядит игрой извращенного (вследствие диалектичности мышления) сознания.

Но практика доказывает, что каждый агент рынка, далекий от политико-экономических и тем более философско-методологических знаний, понимает, что значит для него это противоречие. Он знает, что от качества и цены его товара, от его способности угадать конъюнктуру, от его выигрыша или проигрыша в процессе конкуренции – от этого зависит его жизнь. Для него противоречие обособленности и взаимосвязанности рыночных агентов каждое утро предстает в новом облике новой конъюнктуры. И он знает, как разрешить это противоречие. Для этого надо «всего лишь» суметь подешевле купить и подороже продать товар.

Так глубинное противоречие рынка, а отнюдь не мифический врожденный эгоизм человека, обуславливает:

- особый тип личности, характерный для товарного производства (экономический человек, ориентированный на минимизацию труда и максимизацию стоимостного дохода);
- особый тип взаимодействия людей (конкуренция);
- особые критерии прогресса (их хорошо знает каждый либерал, даже тот, что отрицает в постмодернистском энтузиазме «нарратив» прогресса; проверить это, как мы уже писали в одном из своих текстов, просто: попробуйте национализировать его третий автомобиль, и он тут же обзовет вас врагом того самого прогресса, которого, по его мнению, нет...).

На этом же примере можно проиллюстрировать актуальность акцента именно на противоречиях как источнике развития. Противоречие, характеризующее исходный пункт развития товарных отношений, задает тем самым историко-логический предел для развития данной системы.

Теоретически этот предел может быть сформулирован достаточно строго именно благодаря этому противоречию – исходному импульсу жизненности рынка. Всякий шаг «по ту сторону» обособленности производителей сокращает жизненные силы рынка, и это очень хорошо знают не только теоретики, но и все про-рыночные политики. Именно поэтому они с таким энтузиазмом борются против общественного и государственного ограничения и регулирования рынка, развития экономики солидарности и т. п. феноменов. Точно так же съедает жизненную силу рынка сокращение общественного разделения труда. За примерами далеко ходить не надо: вынужденное сворачивание последнего в России

начала 1990-х тут же обернулось деградацией рынка, развитием бартера и даже натурального хозяйства¹.

Отсюда важнейшие вызовы современности: что означало разворачивавшееся на протяжении XX века ограничение обособленности производителей со стороны общества, приведшее к господствующей ныне модели социально-регулируемого рынка? Что означает идущее ныне восстановление этой обособленности, сокращение общественных рамок рынка? Диалектический взгляд позволяет сказать, что в первом случае шел процесс самоотрицания рынка внутри остающегося по своим основам товарным производства. Во втором – реверсивное движение восстановления собственных основ товарного производства, характерное для периода неолиберализма.

Метод исследования развития системы через качественные трансформации и снятие противоречий и в теории, и в практике и есть **метод восхождения от абстрактного к конкретному** – от исходной абстракции («клеточки»)², в которой в потенции «спрятана» вся система (как дуб в желуде), до конкретного, которым является не результат («конечный пункт»), а *вся система в ее становлении и развитии*³.

Кстати, заметим: на каждом «витке» этого исследования, где мы совершили очередной шаг к новой, более конкретной характеристике системы и «зафиксировали» ее, перед нами встает необходимость отображения ее функциональных (абстрагированных от качественных трансформаций, развития) связей и сопоставления этой функциональной модели с практикой. Вот здесь всякий раз могут и должны «включаться» *методы математического моделирования* (в скобках самокритично за-

¹ Доля бартера в продажах в России выросла с 1992 по 1998 год с 6 % до 51 % (см.: *Аукционек С. Бартер в российской промышленности // Вопросы экономики. 1998. № 2. С. 51–52; Russian Economic Barometer. 1999. Vol. 8. № 2. P. 76*).

² Диалектика развития «клеточки» в систему была точно и красиво раскрыта нашим учителем, профессором Н.В. Хессиным еще в начале 60-х гг. (см.: *Хессин Н.В. Вопросы теории товара и стоимости в «Капитале» К. Маркса. М., 1964; Он же. Понятие «клеточка» и его методологическое значение // Вопросы экономики. 1964. № 7*). «Экономическая клеточка, – пишет Н.В. Хессин, – это простейшая экономическая форма, содержащая в зародыше все основные черты и противоречия данного способа производства. Из нее развивается вся многообразная система производственных отношений. Она играет роль: 1) исходного пункта в развитии данного способа производства, 2) основы, из которой развиваются и на которой покоятся все остальные, более сложные виды отношений, 3) постоянно воспроизводимого результата, следствия данной системы отношений, 4) всеобщей формы отношений между людьми в данном обществе» (*Хессин Н.В. Вопросы теории товара и стоимости в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. С. 12*).

³ Подробнее об этом см.: *Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1984; Науменко Л.К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1969.*

метим: одна из болезней ученых, использующих диалектический метод, – неумение и/или нежелание осуществлять такое «включение»). Простейшие примеры такого «включения» математики – количественная определенность простой формы стоимости; формула количества денег в обращении, количественная определенность сущностного для капитализма противоречия капитала и наемного труда (норма прибавочной стоимости) и его проявления (норма прибыли как превратная форма, камуфлирующая отношение создания стоимости наемным трудом, а не всем капиталом)¹ и т.п. модели функционирования товарной экономики на определенной, фиксируемой в очередной главе или отделе «Капитала», стадии ее развития, отображенной соответствующим уровнем теоретического восхождения от абстрактного к конкретному.

В этом смысле мы можем сказать, что математическое моделирование может быть одним из важнейших слагаемых теоретической картины развития и функционирования системы. *Каждому уровню восхождения от абстрактного к конкретному могут соответствовать все более и более сложные математические модели функционирования системы* (каждая новая из них будет «снимать», усложняя, двигаясь по спирали, предыдущую). Аксиоматику же, «область допустимых значений» и основные параметры этих моделей будут задавать качественно определенные результаты очередного «витка» восхождения от абстрактного к конкретному (сначала – формула простого товарного обмена; затем – «снимающая» ее формула количества денег в обращении и т.д.).

В то же время любая попытка получить конкретное знание исключительно путем моделирования функциональных взаимодействий особого объекта даст ограниченное понимание некоторых зависимостей, остающихся адекватным отображением объективных процессов только в той мере, в какой в системе не происходит каких-либо значимых изменений, в какой она зафиксирована на определенном историческом и логическом этапе своей эволюции, на определенном этапе восхождения от абстрактного к конкретному.

Повторим эту неочевидную связку несколько иначе: определенное логическое и историческое состояние системы может быть отражено в виде модели функциональных связей, и эта модель будет более или менее (в зависимости от ее качества) адекватно отражать некоторые черты функционирования системы на названном этапе. Так, формула « x товара А = y товара В» адекватно отражает количественную сторону простейшего состояния товарного отношения – случайного обмена двух товаров. Но она неадекватна даже для ближайшего исторического и логического шага – перехода к товарно-денежным отношениям. Здесь

¹ См.: Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 59–69, 130–134, 223–232; Маркс К. Капитал. Т. III. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25, ч. I. С. 48–79.

уже потребуется как минимум формула количества денег в обращении и так далее.

В этой теоретической связке, кстати, скрыт ключ к решению проблемы взаимодействия диалектической логики и математического моделирования. Последнее оказывается востребовано всякий раз, как мы переходим на новый виток исследования, к новому уровню продвижения от абстрактного к конкретному. Но оно оказывается всякий раз ограничено этим уровнем: логическое и историческое развитие системы превращает «старые» модели в неадекватные, ибо принципиально изменяется природа связей и элементов, которые ранее моделировались.

Более того, «устаревание», неадекватность практическим вызовам некоего господствующего круга моделей, указывает, на наш взгляд, на то, что моделируемая система сделала новый шаг в своей эволюции. Для того чтобы отобразить этот шаг, потребны первоначально не новые формальные математические модели, а новые содержательные исследования, продвигающие нас на новый этап логического восхождения и отражающие эволюцию самой практики. По мере того, как это содержательное продвижение становится реальностью и мы получаем новое содержательное знание о системе, можно использовать это знание для формулирования новых условий новых моделей и начинать формальное моделирование нового состояния системы.

Альтернативой применению метода восхождения от абстрактного к конкретному для сложных социальных систем может быть только использование чисто описательных (позитивных) методов, характеризующих отдельные элементы системы и их отдельные связи. Но в этом случае не удастся решить поставленные выше задачи, ибо азы системного подхода, повторим, указывают на то, что для сложных объектов их системное качество не равно сумме качеств элементов.

Вот почему материалистическая диалектика оказывается применима прежде всего для решения названных выше классов задач, сложность которых такова, что их невозможно сколько-нибудь адекватно решить только при помощи относительно простого (улавливающего лишь количественные процессы) метода математического моделирования или позитивного описания отдельных феноменов.

Диалектика предлагает в этом случае уже упомянутый выше метод восхождения от абстрактного к конкретному. Исходным пунктом и важнейшей предпосылкой его использования (отнимающей у исследователя едва ли не большую часть времени и сил) является анализ и систематизация (синтетическое обобщение) эмпирически фиксируемых представлений о предмете. Существенно, однако, что это выявление отдельных («абстрактных») эмпирически фиксируемых характеристик должно быть всякий раз соотносено с исследованием целого – всей системы, ибо иначе мы получим ложные характеристики системы, не сможем

выявить действительную связь, место, природу фиксируемых эмпирических характеристик¹.

На этой основе (и только на базе работы с практикой) исследователь в конечном итоге выделяет «предельную абстракцию». Это простейшее (и, как будет замечено далее, исторически первое) состояние системы, из которого она рождается, ее «клеточка» и задает ее границы, а вместе с тем и простейшую характеристику («наличное бытие») ее системного качества.

Именно так, скажем, К. Маркс определяет системное качество того, что сейчас принято называть «рыночной экономикой». Для него это – товар. Он берет то *наличное бытие* (но не придуманную абстрактную категорию!) этой системы², которое является (опять же на практике!) его всеобщностью (в мире рынка нет ничего, что бы не было товаром), но в то же время не принадлежит ни к какой другой системе (товар не

¹ Очень точно об этом пишет Э.В. Ильенков: «В науке дело ведь не обстоит так (хотя такое очень часто и случается), будто мы сначала бездумно аналитически разлагаем целое, а потом стараемся опять собрать исходное целое из этих разрозненных частей; такой способ „анализа“ и последующего „синтеза“ больше подходит ребенку, ломающему игрушку без надежды снова „сделать, как было“, чем теоретику.

Теоретический анализ с самого начала производится с осторожностью – чтобы не разорвать связи между отдельными элементами исследуемого целого, а, как раз наоборот, выявить их, проследить. Неосторожный же анализ (утративший образ целого как свою исходную предпосылку и цель) всегда рискует разрознить предмет на такие составные части, которые для этого целого совершенно неспецифичны и из которых поэтому снова собрать целое невозможно, так же как невозможно, разрезав тело на куски, снова склеить их в живое тело.

Каждая порознь взятая абстракция, выделяемая путем анализа, должна сама по себе („в себе и для себя“ – в своих определениях) быть по существу конкретной. Конкретность целого в ней не должна гаснуть и устраниваться. Наоборот, именно эта конкретность в ней и должна находить свое простое, свое всеобщее выражение.

Таковы именно все абстракции „Капитала“, начиная с простейшего – с абстрактнейшего – определения всей совокупности общественных отношений, называемой капитализмом, вплоть до самых конкретных форм этих отношений, выступающих на поверхности явлений и потому только и фиксируемых сознанием эмпирика.

Эмпирик, в отличие от автора „Капитала“, и эти конкретные формы отношений, вроде прибыли, процента, дифференциальной ренты и тому подобных категорий, фиксирует столь же абстрактно, т. е. не постигая и не отражая в определениях их внутреннего членения, их состава, а тем самым – и неверно» (Ильенков Э.В. *Философия и культура*. М., 1991. С. 291–292).

² «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как „огромное скопление товаров“, а отдельный товар – как элементарная форма этого богатства» (Маркс К. *Капитал*. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 23. С. 43).

есть бытие, черта натурального или планового хозяйства). И как таковой товар есть единство «бытия» и «ничто» (Гегель). И далее из этого эмпирически достоверного качества, отображаемого в категории «товар», действительно теоретически выводится необходимость обмена двух товаров (простая форма стоимости), после чего это теоретическое знание сопрягается с практикой – действительными фактами того, что товар не существует вне обмена – и на этой основе делается новый шаг в диалектическом выведении категорий. От товара и формы стоимости Маркс, отображая развитие системы отношений товарного производства, переходит к деньгам и далее капиталу, его развитию, воспроизводству, функционированию и т.д. При этом каждый шаг этого диалектического восхождения сопровождается обязательным «сопоставлением» теории с практикой – действительным процессом развертывания системы «рыночная экономика». Так складывается *контрапункт теории и проверки практикой каждого шага как важнейшая черта, более того, атрибут, материалистической диалектической логики*¹.

Дает ли такое развертывание категорий некоторое новое знание по сравнению с тем, что без того известно каждому экономисту? Да, дает. Но это не столько знание о том, как выгоднее продать свой товар здесь и сейчас, сколько знание о том, как и почему, через какие этапы и в каком направлении развивается «рыночная экономика»; какие условия и почему благоприятны для ее возникновения (юридическая независимость индивидов, развитое общественное разделение труда, отсутствие внешних ограничений на перемещение работников и продуктов их труда); при каких она обретет адекватный технический базис (массовое индустриальное производство и потребление); когда, в какой мере и при каких условиях одна из ее основных общественных сил – класс наемных рабочих – будет содействовать развитию своей противоположности – капитала, а когда и почему – нет и т.п.

¹ «Способ восхождения от абстрактного к конкретному – это и есть способ научно-теоретической *переработки данных* созерцания и представления в понятия, способ движения мысли от одного фактически фиксируемого явления (в его строго абстрактном, определенном выражении) к другому фактически данному явлению (опять же в его строго абстрактном, определенном выражении).

Это ни в коем случае не чисто формальная процедура, совершаемая над готовыми «абстракциями», не «классификация», не «систематизация» и не «дедуктивное выведение» их. Это осмысление эмпирических данных фактов, явлений, совершающееся последовательно и методически. Ибо понять, т.е. отразить в понятии ту или иную сферу явлений, – значит поставить эти явления в надлежащую связь, проследить объективно необходимые взаимоотношения, взаимозависимости между ними» (Ильенков Э.В. *Философия и культура*. М., 1991. С. 290–291. Курсив наш. – А.Б., А.К.).

Диалектическое видение «рыночной экономики» позволит поставить и ряд других проблем, которые вообще не видны тем, кто не вооружен таким специфическим «телескопом», как диалектика. Простейший пример – проблема развития таких внутренних параметров рынка, которые обуславливают необходимость развития пострыночных отношений, ростки которых нелинейно развиваются в мире вот уже более ста лет в таких формах, как бесплатное общедоступное образование и сознательное регулирование макроэкономической динамики; модифицирующее рынком формируемые пропорции и рыночные стимулы социально ориентированное перераспределение и обществом устанавливаемые едва ли не во всех экономиках цены на важнейшие товары (например, минимальная заработная плата – цена важнейшего товара последнего столетия – товара «рабочая сила» и мн. др.)

Но мы увлеклись. Наша тема – позитивная критика позитивизма, и для того, чтобы ее продолжить, обратимся ко второй теореме диалектики (она нам, кстати, поможет продолжить и ответ на вопрос, какое именно новое теоретическое знание о товарном мире дает использование диалектического метода).

Историческое и логическое:

возможность выделения «красной нити» истории.

Вторая теорема диалектики

Теорема два. Реальный исторический процесс всегда отличен от некоторых теоретически (на основе метода восхождения от абстрактного к конкретному) построенных моделей развития общества, но диалектическая логика позволяет определить некоторые принципиальные критерии, отличающие «зигзаги» истории от ее красной нити.

Доказательство этой теоремы уже дано в названных нами выше работах классиков диалектической логики (в частности, Э.В. Ильенкова), к работам которых авторы отсылают читателя. Здесь же ограничимся лишь краткими пояснениями, указывающими на тот путь, пройдя по которому можно освоить доказательства этой теоремы.

Начнем с критики господствующего ныне внеисторического подхода к общественной жизни. В настоящее время вновь получили широчайшее распространение идеи «естественности» тех или иных исторически особенных типов общественных отношений или характеристик личности (будь то постулат либерализма об эгоистической природе человека или идеи славянофильства о богоизбранности российской цивилизации). Они трактуются как вечные, не имеющие исторических границ, что однозначно противоречит историческим фактам и делает критику этих идей важнейшей задачей марксистов. Последнее требует для своей

реализации новых аргументов и подходов, вырабатываемых нашим направлением¹.

В любом случае, уже сама постановка вопроса о том, что социальная система имеет свои исторические и логические границы и предел развития, дает очень многое для исследования практики.

Этот тезис уже был нами аргументирован выше, сейчас же хотелось бы проиллюстрировать его актуальность при помощи все того же элементарного примера с рыночной экономикой (выбор этого примера неслучаен: «экономический империализм» и рыночный фундаментализм стали едва ли не доминирующими среди представителей современной общественной науки).

Давайте зададим себе «наивный» вопрос, диктуемый логикой исследования: а когда рынок стал господствующим в мире экономическим способом координации?

Ответ на него столь же очевиден, сколь и неожидан (для тех, кто привык считать его «естественным» экономическим механизмом): рынок (как экономическая система, обслуживающая большую часть транзакций большей части человечества) окончательно победил только в... конце XIX – начале XX века. До этого же человечество много столетий мучительно пыталось перейти к рынку и капиталу, заплатив за это ценой кровопролитнейших революций и войн (чего стоит хотя бы самая кровавая война XIX века – между Севером и Югом в США, да и Первую мировую войну явно не большевики развязали), колониального угнетения и т.п. (В скобках заметим: такое, основанное на позитивизме, течение общественной мысли, как экономическая неоклассика (т. н. *economics*) вообще «видит» только развитые системы, а то и вообще исключительно американскую экономику, оставляя на долю особых дисциплин, лежащих «по ту сторону» собственно экономической теории, – компаративистики и экономики развития – хозяйственную жизнь $\frac{4}{5}$ человечества.) В результате оказывается, что нынешний экономический *mainstream* изучает отнюдь не экономику вообще (что он неявно провозглашает своим именем), а очень узкий (с точки зрения истории) пласт экономической жизни некоторых стран последнего полувека. Так что исторический подход может дать много неожиданных выводов. Но это лишь простейший аспект поставленной в начале этого раздела проблемы.

Более важно в данном случае напомнить, что диалектический метод предполагает акцент на принципе диалектического единства исторического и логического, когда система теоретических категорий формируется в процессе «отслеживания» объективного процесса генезиса, развития и «заката» самой материальной системы. Последнее может

¹ Поскольку, как уже было сказано, в данном тесте мы ограничиваемся лишь авторской трактовкой, укажем на одну из наших работ: Бузгалин А.В. «Анти-Поппер» (Социальное освобождение и его друзья). М., 2003.

быть сделано методом движения от практики к теории и обратно исследователем, погруженным в практику. При этом закономерные, неслучайные исторические этапы развития системы будут эмпирическими основаниями для выделения теоретических абстракций, а логическая структура развитого целого отразит в своих основных пунктах историю его генезиса.

Вот как это положение комментирует Э.В. Ильенков: «На чем же основывается – в объективном смысле – эта способность логического анализа настоящего давать историческое по существу понимание этого настоящего. А через него – прошлого, т.е. реального генезиса, породившего это настоящее? Естественно, что данная особенность логического развития понятий, способа **восхождения от абстрактного к конкретному** может быть объяснена и объективно оправдана лишь в том случае, если допустить, что само настоящее (т.е. исторически высшая фаза развития конкретного) в самом себе – в своем развитии – содержит свое прошлое и обнаруживает его в каком-то измененном, „снятом“ виде»¹. Противоположную точку зрения, ссылаясь на метод «Капитала», высказывал В.П. Шкредов². Из западных марксистов на ту же позицию позднее встал К. Артур. Согласно его пониманию, марксово исследование товара в «Капитале» не имеет отношения к процессу исторического становления капитализма, потому что только при капитализме товарное производство достигает всеобщности, и только такое товарное производство есть предмет исследования в «Капитале»³. На основании верного тезиса, что диалектическое исследование системы покоится на изучении только тех явлений, которые находятся в границах (в том числе – исторических) именно данной системы, эти марксисты почему-то вообще отказываются ставить вопрос о том, в каком отношении зрелая система находится к своим историческим предпосылкам и как теоретическое знание о зрелой системе позволяет понять ее исторические предпосылки.

¹ Ильенков Э.В. *Философия и культура*. М., 1991. С. 301–302.

² «Поскольку сразу и непосредственно невозможно научно отразить предмет в качестве конкретного целого (системы), единства многообразного, доказательство осуществляется путем последовательного прохождения через внутренне необходимые ступени, соответствующие объективным связям между экономическими отношениями и процессами в пределах единого и исторически уже созревшего капиталистического способа производства. <...> Для доказательства в теоретической системе не требуется и обращения к историческим предпосылкам возникновения данного способа производства, поскольку они есть продукты разложения предшествующей исторической формации и как таковые не воспроизводятся в условиях нового способа производства» (Шкредов В.П. *Экономика и право*. 2-е изд. М.: Экономика, 1990. Гл. 6, § 1. Доступ к электронной версии по ссылке: http://www.situation.ru/app/j_art_711.htm).

³ Arthur Ch. *The New Dialectic and Marx's Capital*. Leiden–Boston: Brill, 2002. P. 27–37.

Существенно, что критерием «отсечения» исторических случайностей (зигзагов) и отображения теоретически значимых процессов служит практика функционирования зрелой системы – воспроизведение ставшим целым основных компонентов своего генезиса. Если некоторый феномен генезиса воспроизводится ставшей системой – значит он теоретически закономерен, если нет – это чисто исторический феномен, «зигзаг». И обратно: исторический процесс развертывания системы служит теоретически осмысленным эмпирическим основанием для логического структурирования целого на основе восхождения от абстрактного к конкретному¹. Эти тезисы в принципе хорошо известны уже более 100 лет², но

¹ Очень точно это положение высказано Э.В. Ильенковым: «Без принципа историзма само восхождение от абстрактного к конкретному лишается ориентира и критерия, становится неясно, какое же именно понятие надо логически развить раньше, а какое позже, какое считать абстрактным, а какое более конкретным.

Здесь задачу решить может только непосредственное эмпирически-историческое исследование, опирающееся на «логические» соображения. История и показывает, что стоимость (т.е. товар и деньги) не только может, но и должна в ходе восхождения от абстрактного к конкретному быть понята раньше, чем капитал. Они в истории реально существовали гораздо раньше, нежели вообще появился хоть какой-то намек на специфически капиталистическое развитие, – существовали как частные и побочные формы других, ныне отживших свое формаций» (*Ильенков Э.В. Философия и культура*. М., 1991. С. 303; эти положения развиты в монографии: *Мареев С.Н. Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса*. М.: Наука, 1984).

² По поводу этих положений более полувека назад началась достаточно жесткая полемика, восходящая к попыткам Л. Альтюссера показать, что марксово исследование «антиисторично» на том лишь основании, что оно не воспроизводит все богатство исторического процесса со всеми его зигзагами. Но марксов метод тем и отличается от эмпиризма, что не описывает, а теоретически обобщает практику = историю. «Капитал» – это не история, но и не «антиистория». Это логика, закономерность истории. Отрицая эту сторону марксовой логики и акцентируя логико-аналитический аспект, Альтюссер и большая часть аналитического марксизма по сути смыкается с позитивизмом в своем отказе от возможности выделять законы, логику истории.

Подчеркнем: в 60-е – 70-е годы XX века в СССР шла весьма содержательная и острая дискуссия о соотношении исторического и логического. Представленная выше позиция была характерна для уже упоминавшихся Э. Ильенкова и Н. Хессина (в дополнение к названному укажем такие работы нашего учителя, как: *Хессин Н.В.* В.И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М: МГУ, 1968; *Он же.* Об историко-генетическом подходе к исследованию системы производственных отношений социализма // *Экономические науки*. 1975. № 6). Им противостояли подходы В. Вазюлина, К. Тронева, В. Шкредова и некоторых других авторов, стремившихся доказать, что «Капитал» К. Маркса, как и вообще метод восхождения от абстрактного к конкретному, есть исключительно логическое исследование →

ныне они «забываются» и потому актуализирована задача «охраны» диалектики – и от забвения, и от целенаправленного вытеснения.

После этих комментариев мы можем сформулировать достаточно жесткое утверждение: никакая другая из известных ныне научных методологий вообще не «работает» с проблемами закономерности исторического процесса, не позволяет выделить красную нить истории.

Из лежащих вне материалистической диалектики методов единственно цивилизационный подход претендует на выделение некоторых закономерностей исторического процесса (NB! Именно процесса, а не прогресса, у которого есть своя единая логика). Но этот подход либо позитивистски характеризует каждую из цивилизаций как рядоположенную с другими «здесь и сейчас» и описывает набор ее свойств в стиле додарвиновских классификаторов биологических видов, либо привносит (как, например, Шпенглер или отечественные постмарксистские сторонники цивилизационного подхода, как, например, В. Келле, о котором мы писали выше) элементы диалектики, описывая цивилизации как рождающиеся и умирающие системы.

Что же касается позитивизма как такового, то его сторонники, капитулируя перед сложностью предмета, объявляют общественную эволюцию принципиально а-закономерным, стихийным процессом, который в принципе не может иметь никакой логики. Красная нить истории объявляется несуществующей. И в этом они подобны тем не имевшим телескопа и не знавшим простейших законов астрономии обывателям, которые просто не в состоянии были поверить в то, что звезды над их головой подобны Солнцу, а не являются просто «светлячками». *Диалектика – это тот инструмент, который позволяет увидеть закономерность там, где позитивизм ее не видит, она позволяет открыть (на основе выделения общих законов движения) те «небесные тела» (новые общественные связи, отношения и т.п.), которые не видны «невооруженным» (диалектическим методом, этим «телескопом» социальных наук) глазом.*

Приведенная выше аналогия, конечно же, доказательством не является. Доказательством может являться лишь такое исследование, которое не только выделит некоторые закономерности (красную нить), но и докажет в процессе общественной практики, что сознательное действие на основе этих познанных закономерностей приводит к некоторым позитивным результатам.

← зрелой системы (см.: Шкрядов В.П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса М.: Издательство Московского Университета, 1973; Тронев К.П. О предмете и содержании первого отдела I тома «Капитала» К. Маркса // Российский экономический журнал. 2007. № 9–10; Он же. К вопросу об абстрактном и конкретном в политической экономии // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 1972. № 4. С. 10–24).

Не претендуя на многое, укажем только на один наиболее известный пример такого исследования – «Капитал». Его автор показал, что *законом развития товара является его превращение в деньги, а деньги будут стремиться к самовозрастанию, превращению в капитал, а капитал потребует для своего прогресса индустриальные производительные силы и мировое социально-экономическое пространство; что, далее, развиваемые капиталом технологии и экономические отношения приведут к интернационализации хозяйства и все большему развитию «всеобщего труда» (того, что мы сейчас называем глобализацией и постиндустриальным обществом). И так будет везде и всегда, где внешние условия не станут абсолютно непреодолимым препятствием для развертывания внутреннего закона развития товарной экономики.*

Безусловно, эта закономерность развития товарной экономики далеко не везде и не всегда реализуется в «чистом» виде.

Но это касается любого закона, примененного к практике.

Есть «закон», в соответствии с которым из желудя обязательно вырастет дуб. Но он «действует» только при условии, что желудь попадет в благоприятную среду. Закон всемирного тяготения вообще «не действует» в случае с самолетом: это тело тяжелее воздуха, но в большинстве случаев почему-то не падает на землю. И происходит это не потому, что Ньютон не закон открыл, а просто описал падение данного конкретного яблока с данной конкретной яблони на данный конкретный предмет (шутят, что им была голова гениального ученого), а потому, что в мире действует масса различных законов плюс субъективный фактор. И пока не были открыты законы аэродинамики, объясняющие, как и почему самолет полетит, он не летел. Впрочем, и после того, как теоретически было доказано, что самолет должен лететь, далеко не все из этих аппаратов следуют велениям данного доказательства. Но означает ли это неистинность законов Ньютона и аэродинамики?

Вернувшись к диалектике общественных процессов, мы должны отметить, что здесь ситуация еще более сложна. Не всякий «самолет» капитализма будет успешно «летать»: его могут халтурно построить, у него могут быть скверные пилоты, он может попасть в ураган мировых общественных катаклизмов и т.п. Но это не отменит общего закона: если появилось товарное производство, то при благоприятных внешних условиях (каких именно – тоже, кстати, показано марксизмом) оно породит систему денежных отношений, а затем – капиталистический способ производства. Не более того. Но и не менее.

Впрочем, в диалектической логике есть хорошо известные критерии, показывающие, как отличать закономерные процессы от случайных. Если теоретическое выведение категорий, *на каждом шаге восхождения сопряженное с практикой, проверяемое практикой*, приводит к результатам, которые воспроизводятся во всех исторических случаях и являются неотъемлемым (устойчиво воспроизводимым) элементом развитого

целого, значит эти категории неслучайны, а их система адекватно отображает основные внутренние закономерности данной системы на данном этапе ее развития. Но не более того.

Так, «Капитал» Маркса не дает никакого универсального знания об истории человечества. Он дает относительно истинное (соответствующее уровню развития науки позапрошлого века; так же как законы Ньютона относительно истинны, ибо их скорректировали законы, открытые Эйнштейном; родился ли уже политэкономический «Эйнштейн», корректирующий законы «Капитала», мы еще не знаем) представление о внутренних законах становления и развития капиталистического способа производства. Но не о законах развития мира. И не о том, как именно устроена экономика России или Китая. И не о том, когда именно и как именно в России или Китае будет «построен» капитализм (точно так же как закон Ома не дает представления о том, сколь удачно будет работать электромотор, собранный в Урюпинске и используемый на заводе в Бангладеш). Но «Капитал» доказывает, что внутренние законы товарного производства будут требовать генезиса капитала и всякий, кто это не принимает во внимание, заплатит за это в полной мере¹.

Впрочем, знание законов генезиса и развития товарных отношений позволило марксистам достаточно строго доказать накануне распада СССР, что развитие отношений товарного производства (либерализация) неизбежно потребует развития капитала и наемного труда (приватизацию), которая приведет к становлению примитивной (по критерию постиндустриальной эпохи) модели зависимого капитализма с господством крупнейших корпоративных структур; что эта экономическая модель, в свою очередь, будет постоянно подталкивать политический процесс в сторону все большего авторитаризма. Тогда же мы писали и о том, что субъективный фактор может противостоять этой объективной логике при определенных обстоятельствах (о них мы также немало написали²).

¹ Выступая в Китае, один из авторов этой книги (А. В. Бузгалин) специально подчеркивал эту мысль. В Поднебесной любят повторять слова Дэн Сяопина: не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей (неважно, социалистический или нет по своей природе тот или иной экономический механизм, важно, чтобы он был эффективен). Так они оправдывают все более широкое развитие рынка. Опираясь на диалектику развития товарных отношений, я предупреждал китайских коллег: рынок – не кошка. Это скорее тигр, который съест своего хозяина, если тот выпустит его из клетки. Если Китай даст свободу развертыванию товарных отношений, то они, в силу внутренней логики своего развития, породят капитализм, а этот «тигр» неизбежно будет стремиться «съесть» интенции социалистического развития, провозглашаемые руководством этой страны.

² Посвященные различным аспектам этой проблемы тексты наших статей и выступлений конца 1980-х – 1991 годов были позднее опубликованы в книге «Трагедия социализма» (М., 1993).

В связи с этим заметим: диалектический метод часто обвиняют в релятивизме и одновременно – в претензии на знание «истины в последней инстанции». Оставим на совести критиков диалектики это плоское противоречие: им многократно объяснялось (в том числе – в отечественной философской литературе 1960–1970-х годов¹), что диалектический метод – это не спекуляция с относительностью истинности, сводящая все к банальностям: с одной стороны, данное утверждение истинно, а с другой – ложно. Такой взгляд на диалектику сродни «знанию» обывателя о том, что такое теория относительности: ну как же, все относительно, скажет он, вспомнив о трех волосинках на голове в отличие от трех волосинок в супе, и будет счастлив.

Системность и относительность истины для диалектика есть утверждение о том, что (1) истинное знание о развивающейся системе возможно только как адекватное, практикой подтверждаемое отображение закономерных процессов ее развития и что (2) это знание относительно истинно – истинно в той мере, в какой оно применено к данному состоянию данной системы на данном исторически-конкретном этапе ее развития. И речь здесь идет не об особенном описании особого типа рыночной экономики (продолжим обращение к нашему примеру), а о знании, характеризующем именно систему отношений товарного производства (но не экономики вообще!), рассматриваемой на определенном историческом и логическом этапе ее развития. И потому знание о рынке эпохи простого товарообмена неадекватно для понимания всей много-сложности капитализма. Но столь же верно и обратное: без знания о том, что есть простая форма стоимости, невозможно понять природу денег, не поняв сущности и функций денег, нельзя понять природу капитала и тайну его взаимодействия с наемным трудом и т.д.

Здесь, конечно же, встает проблема: как далеко надо уходить в историю, чтобы понять феномены современности: к истокам капитализма? «царства необходимости»? куда-то еще? Эта проблема имеет свое принципиальное решение: «глубина погружения» в историю зависит от масштаба той проблемы, которую мы хотим решить. Так, если мы хотим понять, как модифицировались в современных условиях общие основания товарного производства, нам придется взять максимально большой исторический «телескоп», обратившись к закономерностям развития товарного производства в целом. Если же нас волнует проблема модификации антимонопольной политики, то мы сможем ограничиться более близким горизонтом – последним столетием и т.п.

Здесь нас, однако, подстерегает хорошо известная проблема «методологической гордыни» субъекта, претендующего на то, что он адек-

¹ Укажем в этой связи на еще одну книгу Э. Ильенкова: «Об идолах и идеалах». К счастью, эта уже давно ставшая библиографической редкостью работа недавно была переиздана (Киев, 2006).

ватно отобразил законы общественного развития и теперь может смело и однозначно давать рекомендации практике.

Так возникает сонм далеко непростых проблем, в том числе специфическая для сложных развивающихся общественных систем проблема – проблема неоднозначности теоретических моделей и многообразия практик. Еще более сложной окажется проблема исследования практик мира, в котором господствуют превратные формы, наводящие морочки на живущих в нем индивидов, прячущие содержание и создающие иллюзорное бытие, в котором «кажется то, что есть на самом деле» (К. Маркс).

Но к этим вопросам мы обратимся в следующем тексте, а пока подведем некоторые промежуточные итоги.

* * *

Как мы уже заметили, диалектический подход позволяет дать *отражение действительности в виде развивающейся системы категорий*, которые лишь в своей совокупности дают истинное представление о развивающейся практике.

Так актуализируется классическое наследие материалистической диалектики. Оно восстанавливает возможность и необходимость поставить и решить *ряд вопросов, принципиально «закрытых» для недиалектического исследования*. Отметим лишь некоторые из них:

Как происходит смена качественно различных общественных систем в реальной истории и как ее трактовать в теории? Является ли этот переход всегда социальной революцией хотя бы уже потому, что он носит характер качественного скачка (независимо от того, какие политические формы он принимает)?

Когда (исторически и логически) капиталистическая система стала господствующей в мировом масштабе, какие этапы она проходит в своем развитии? (Очевидный для марксистов и регулярно «забываемый» неолибералами, позитивистами и постмодернистами вопрос...)

Каковы специфически исторические черты господствующего ныне типа личности – homo oeconomicus, которого современный позитивизм трактует как «естественное» состояние человека? (Для марксиста ответ на этот вопрос уже давно дан, но для позитивизма он вообще не стоит, ибо для последнего не характерна историческая трактовка личности и общества.)

Каково историческое место отношений отчуждения в общественном развитии и могут ли они быть сняты, а если да, то опять же когда и как?

Существует ли предел развития капиталистической системы (в терминологии неоклассических экономистов – «рынка») и если да, то где и каков он (исторически и логически)? Возможны ли посткапиталистические (пострыночные) материальные общественные отношения и если да, то что они такое?

* * *

Все это вопросы даже не современной, а классической диалектики социальных процессов, усиленно «забываемые» современной социальной наукой. И хотя наиболее важной и сложной задачей является *развитие диалектического метода* (некоторые возможные шаги в этом направлении авторы обрисовали выше), даже «классическая» материалистическая диалектика, глубоко чуждая догматическим версиям марксизма, сегодня может стать большим шагом вперед по сравнению с методологическим обскурантизмом, господствующим сегодня в философии и социальных науках и прикрываемым постмодернистской риторикой или отсылкой к исключительно «позитивным» исследованиям.

глава 3 Практика и Истина: диалектика как метод снятия наваждений в мире превратных форм

Диалектический метод исследования, как мы отметили в предыдущих текстах, вот уже долгое время отторгается большинством исследователей социальных проблем как в нашем Отечестве, так и в других странах. Одна из причин этого – типичная для большинства современных методологов установка на необходимость четкой верификации теоретических положений, их прямого сопряжения с фактами, а также нацеленность на создание практически-действенных, подлежащих прямому практическому использованию теорий.

На первый взгляд, диалектическая логика не решает ни одной из поставленных выше задач.

Но это только на первый взгляд. Как мы постарались показать в предыдущем тексте (п. 1.2), метод восхождения от абстрактного к конкретному, сопрягая каждый шаг теоретического познания с практикой, соотнося систему категорий с практикой, позволяет выделить закономерность исторического процесса развития сложных социальных систем, красную нить истории, ориентируя субъекта общественной деятельности на реализацию этих познаваемых закономерностей развития, *прогресса*.

Именно здесь и возникает отмеченная нами ранее и регулярно повторяемая всеми критиками диалектики тема «методологической гордыни» диалектиков, которые якобы претендуют на то, что они адекватно отображали законы общественного развития и теперь могут смело и однозначно давать рекомендации практике.

Помимо общих соображений (доказавший наличие некоего закона теоретик даже в области естественных наук не будет претендовать на то, что построенный на его основе достаточно сложный агрегат немедленно и эффективно заработает: между в принципе истинной теоретической моделью космического полета Циолковского и полетом первой космической ракеты лежали десятки неудачных попыток выйти в космос), здесь нас подстерегает и специфическая для сложных развивающихся общественных систем проблема – проблема неоднозначности теоретических моделей и многообразия практик.

КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ: ПРАКТИКА VERSUS ФАКТЫ

Для того чтобы прояснить наше понимание соотношения теории и практики, сформулируем очередную теорему (для читателя, ознако-

мившегося с предыдущим разделом, это будет **теорема три**). Она гласит: *для исторически развивающихся сложных общественных систем, формирующихся вследствие активно-творческой деятельности социального субъекта, воспроизводимость эмпирически достоверных результатов, адекватных теоретически полученным выводам, сама по себе не может служить критерием истинности теоретической модели. Им может быть только общественная практика общественного субъекта.*

Эта теорема звучит до чрезвычайности странно, если не нелепо для любого исследователя-позитивиста: она (даже если признать в первом приближении ее правомерность) *как бы* указывает на то, что научное знание о таких системах вообще невозможно.

Аргумент заметим: последнее представление имеет довольно широкое распространение. Его, естественно, рассматривают не как следствие из названной теоремы, а как эмпирически известный феномен. Очень многие мыслители, столкнувшись с малой эффективностью позитивных и/или математических методов моделирования сложных общественных систем, попросту капитулируют. Они либо вообще отказываются от научного исследования общества и уходят в области религиозных, беллетристических и т.п. «дискурсов»; либо выбирают постмодернистский отказ от Истины; либо вообще объявляют «излишним» любое исследование сложных систем как целого.

Однако диалектика позволяет найти выход из этой ситуации. Он в принципе известен, хотя и не привычен для математика или исследователя-позитивиста, подобно тому как непривычны были и остаются идеи Эйнштейна для тех, кто овладел только основами классической физической теории.

Следствие из третьей теоремы гласит: критерием истины (и, следовательно, научной состоятельности теоретических диалектических построений) является не воспроизводимость эмпирически достоверных результатов, адекватных теоретически полученным выводам, *как таковая*, а нечто большее. **Критерием истины является возможность использования полученного знания для осуществления общественно-практической деятельности**¹, которая будет (1) адекватна объективным закономерностям развития (устойчиво воспроизводимым закономерностям исторического процесса, «большим» фактам), взятым в их исторической динамике, направленности) и потому будет активно воздействовать на исторический процесс («малые факты»), исходя из познанных закономерностей его динамики; последнее (3) предполагает

¹ «...Обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос» (Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. С. 1-2.).

постоянную корректировку и теории, и практики в их непрерывном диалоге, ибо отображение теорией «больших фактов», послужившее изменению реалий, приведет к изменению «малых фактов» и либо подтвердит правоту теории, приведя на практике к теоретически предсказанным результатам, либо (если эти результаты окажутся принципиально иными) поставит проблему, что было ошибочным: теория или деятельность по ее применению?

И здесь нет ничего абсолютно специфически-марксистского. В естественных науках провал эксперимента так же ставит вопрос о том, где закралась ошибка: в теоретических выкладках или в том, как был проведен эксперимент. В последнем случае это может быть вопрос о том, правильно ли выбрали исходные материалы и оборудование, не изменились ли внешние параметры, не вмешались ли неблагоприятные субъективные факторы (нерадивый лаборант или слишком спешащий вовремя сдать отчет начальник...).

Специфика диалектического метода познания общественных систем состоит в чем-то гораздо более сложном: в признании того, что практика общественного человека может приводить и приводит к образованию новых общественных объектов, обладающих новыми, требующими нового цикла познания, закономерностями.

В этом смысле диалектика снимает и позитивизм, и прагматизм. Для первого важна только верификация. Практика как общественно-активное изменение бытия субъектом как проблема не существует. Практика внешняя для субъекта и пассивна. Для прагматизма, напротив, существует только выгода субъекта: можно знание приспособить для своей пользы (например, получения прибыли) – оно истинно, нельзя – ложно.

Материалистическая диалектика не отрицает верификации, но соединяет ее с исторически изменяющейся вследствие общественной деятельности человека практикой, что позволяет преодолеть ловушку неизменности изучаемых законов. Если для физики очевидна неизменность закона Ома, то для социальных наук, признающих историзм своего предмета, принципиально важно понимание качественной изменчивости самого общественного бытия, причем изменчивости вследствие действий Человека общественного.

Точно так же материалистическая диалектика не отрицает проблемы использования теоретических результатов в практике, но, в отличие от прагматизма, она ставит эту проблему не как утилитарно-ограниченную, не как проблему выгоды для определенного ограниченного субъекта (отдельного предпринимателя или даже общественного класса – будь то буржуазия или пролетариат), а как проблему практики Общественного Человека, человека как родового существа (Маркс, Лукач). В этом случае только и появляется возможность отделить «малые факты», исторически-ограниченные формы общественного бытия, его видимость (прежде

всего – *превратные формы*) от «больших фактов» исторического прогресса, его закономерностей (лежащих на уровне сущности, содержания). Утилитарная выгода локальных субъектов и логика деятельности «родового человека» – вот та практика, которая неизбежно различает превратные формы общественного бытия, используемые прагматизмом, и его закономерно-содержательную сторону, познаваемую и используемую субъектом исторического творчества. Другое дело, что в конкретных исторических условиях роль такого субъекта берет на себя тот или иной общественный слой; в частности, в условиях «заката» докапиталистических обществ и рождения буржуазных эту миссию на себя брало т. н. «третье сословие»).

(В скобках заметим: если для метафизического марксизма неслучайно критерий истины лежит в русле верификации, а проблема революционной общественной практики, как правило, выносится за скобки теоретической работы, то для радикально-прагматичного марксизма, наоборот, выгода локального субъекта, становясь критерием истины, служит оправданием крайнего субъективизма вплоть до бланкизма или сталинизма.)

Таково отношение к проблеме теории и практики в материалистической диалектике. Здесь процесс продвижения к истине (позволим себе образное сравнение) подобен использованию некой карты постоянно меняющейся местности путешественником, который при этом знает некоторые закономерности процессов, вызывающих подвижки исследуемого им пространства.

Общественные системы столь сложны и многообразны (в них действуют, накладываясь друг на друга, законы самых различных сфер человеческой жизни плюс закономерности, свойственные для биосферы, плюс субъективный фактор), что любая теоретическая «карта» лишь относительно помогает в продвижении по этой «территории». Но чем точнее эта карта и чем полнее знание о законах, изменяющих местность, тем легче идти путешественнику. И обратно: чем активнее путешественник исследует территорию, тем точнее карта. Так же и с познанием социальных процессов: *чем более изучены общественные связи в их целостности и взаимосвязи, тем более эффективна общественная практика. И обратно: чем активнее социально-практическая деятельность общественного познающего субъекта, тем полнее наше знание о социальных процессах.*

При этом получить некое однозначное, используемое наподобие инструкции к стиральной машине, знание о названных выше классах сложных систем вообще нельзя. Они слишком сложны и динамичны. Правила математики и позитивного исследования здесь «не работают» так же, как не работают «правила» Ньютона в области квантовой физики. Здесь «работает» только названная выше модель постоянной взаимной коррекции-развития теории и практики.

Как именно «устроена» эта модель в принципе известно из классических работ по проблемам метода восхождения от абстрактного к конкретному, диалектического соотношения исторического и логического и т.п. Очень коротко и потому предельно упрощенно мы упомянули об этой модели выше (впрочем, читатель, критикующий диалектику, мы уверены, хорошо знаком с фундаментальными исследованиями по диалектической логике – от «Науки логики» Гегеля до «Диалектической логики» Ильенкова и потому не нуждается в наших разъяснениях).

А теперь еще одно следствие из приведенных выше соображений: *использование для описания названных выше классов систем теоретических диалектических моделей будет всегда приводить к неоднозначным результатам, существенно зависящим от внешних факторов (взаимодействия данной системы с другими) и субъективных параметров (деятельности общественного субъекта)*. Это следствие еще более усиливает ощущение ненаучности названных выше методологических построений. Однако это не так: это просто другой класс систем с другими критериями истинности знаний о них.

Когда-то «здравый смысл», на который очень любят ссылаться критики диалектики, отказывался понимать феномен бесконечно больших и бесконечно малых величин. С точки зрения арифметика здесь нет «точных» понятий (нет числа, равного такой величине, следовательно, для арифметики эта величина – нонсенс). Точно так же для сложных развивающихся социальных систем нет «фактов» (чисел), есть процессы практики (неопределенные, бесконечные открытые «величины»). Конкретное эмпирическое «значение» (набор фактов) одной и той же по своей природе практики может быть принципиально различным; более того, одно и то же «значение» (набор фактов) может характеризовать совершенно различные (иногда качественно противоположные) практики. Критерием истины при исследовании диалектических систем становятся всякий раз различные *конкретно-всеобщие соединения фактов в систему, имеющую особое системное качество, соединение, образующее конкретно-всеобщее единство*¹.

¹ Понятие конкретно-всеобщего в марксизме точно и полно раскрыто Э.В. Ильенковым в его критике как позитивистского акцента на выделении внешне общих, «одинаковых» признаков объектов, так и гегелевского подхода, отославшего всеобщее в сферу идеального. В отличие от Л. Альтюссера (см.: Альтюссер Л. За Маркса. М., 2006. С. 261–276), Э.В. Ильенков показал всеобщее как реальную, материальную, конкретную связь, единство элементов системы, создаваемую их отношениями, вырастающими из единого генетического основания. Для пояснения этой, ныне мало кому известной, мысли приведем несколько ключевых положений Ильенкова:

«... Между тем это и есть пункт, в котором обозначаются две несовместимые позиции в логике, в том числе и в понимании „общего“ («всеобщего»), – позиция диалектики и законченно-формальное понимание проблемы →

И это не абсолютный релятивизм, а строгий критерий: если в объективной реальности сложилось *конкретно-всеобщее единство феноменов практики*, которые адекватно описываются совокупностью теоретических представлений об этой практике, то данные научные построения верны. Точнее, они верны в той мере, в какой они практике соответствуют (а это соответствие всегда будет неполным; так, даже в механике любые испытания, скажем, нового самолета всегда потребуют коррекции теоретической модели).

Здесь мы «*между прочим*» находим ответ и на известное критическое замечание о том, что диалектический метод выведения категорий сам по себе не показывает механизма перехода от одной категории к другой. Это замечание справедливо, но только при условии, что исследователь-диалектик остается исключительно в пространстве чистой логики. Если же он *материалистически* исследует *практику*, то, получив теоретическую картину противоречия новой категории, он находит одновременно

← „общего“, не желающее впускать в логику идею развития, органически – и по существу, и по происхождению – связанную с понятием субстанции, т.е. принципа генетической общности явлений, представляющихся на первый взгляд совершенно разнородными (поскольку абстрактно-общих „признаков“ между ними обнаружить не удастся). Враждебное – чтобы не сказать раздраженно-злое – отношение лидеров неопозитивизма к этой почтенной категории объясняется именно этим обстоятельством» (Ильенков Э.В. *Философия и культура*. М., 1991. С. 323).

«Что «общего» у работодателя и работополучателя? У потребления и производства?»

Совершенно ясно, что конкретно-эмпирически-очевидное существо их связи, объединяющей различные явления (индивиды) в некоторое «одно», в общее «множество», полагается и выражается отнюдь не в абстрактно-общем для них признаке, не в том определении, которое одинаково свойственно и тому и другому. Это единство (или «общность») создается скорее тем «признаком», которым один индивид обладает, а другой – нет. И это отсутствие известного признака привязывает одного индивида к другому гораздо крепче, чем одинаковое наличие его у обоих... Это прежде всего – та закономерная связь двух (или более) особенностей индивидов, которая превращает в моменты одного и того же конкретного, реального – а отнюдь не только номинального – единства, которое гораздо резоннее представлять в виде некоторой совокупности различных особенных моментов, нежели как неопределенное «множество» безразличных друг к другу «единиц» («атомарных фактов» и т.п.). Всеобщее выступает тут как закон или принцип связи таких деталей в составе некоторого целого, «*тотальности*», как предпочитал выражаться вслед за Гегелем К. Маркс» (Ильенков Э.В. *Философия и культура*. М., 1991. С. 325). «Всеобщее» заключает, воплощает в себе «все богатство частных» не как «идея», а как вполне реальное особенное явление, имеющее тенденцию стать всеобщим и развивающее «из себя» – силой своих внутренних противоречий – другие столь же реальные явления, другие «особенные» формы действительного движения» (Ильенков Э.В. *Философия и культура*. М., 1991. С. 38).

и некое абстрактно-теоретическое представление о том, как именно это противоречие может быть (но не обязательно будет) снято в новой категории. Дальнейшее продвижение по дороге познания диалектика-материалиста состоит в том, что он обращается к практике, к действительному историческому процессу развития системы и ищет там подтверждение или опровержение своей теоретической гипотезы. И если на практике этот переход осуществляется так, как этого «требует» логика снятия противоречий, то это означает правомерность данного теоретического шага. Если же нет, исследователь должен возвращаться к своему теоретическому исследованию и искать в нем ошибки.

Кстати, наличие теоретической гипотезы в данном случае становится важнейшим инструментом для того, чтобы понять, что именно и как именно нужно и можно искать в практике, подобно тому как единственно при помощи телескопа и математических расчетов можно искать на небе новую, еще не открытую звезду.

Впрочем, здесь возможен и известный вариант, когда ошибка может состоять не в теоретической модели, а в неверно выбранном поле явлений и свидетельств жизни: это может быть «не та практика» (практика, относящаяся к другому классу предметов или явлений, нежели тот, что мы исследуем) или не так увиденная практика (наиболее типичный здесь пример – mirage превратных форм, которые иной исследователь принимает за содержание действительных процессов). Так возникает новый импульс исследований (этот процесс подобен бесконечным экспериментам естествоиспытателей, у которых не удается очередной опыт, а причина этого неизвестна: то ли теория не верна, то ли не учтены какие-то внешние влияния, то ли лаборант уснул не вовремя...).

В результате перед нами открылась последняя и самая сложная проблема: понять, *что такое общественная практика в отличие от набора фактов*. Опять-таки не будем пытаться в нескольких строках открывать заново велосипед: эта категория давно и достаточно полно раскрыта творческим марксизмом и в СССР¹, и за рубежом (школа «праксис» середины прошлого века хорошо известна). Укажем лишь на то, что практика есть не факт (факты) в их «в-себе» и «для-себя-бытии», а деятельность общественного субъекта, изменяющего общественные реалии в соответствии с теми или иными более или менее истинными представлениями о ней.

Так, например, у великих мыслителей Ренессанса и Просвещения были некие (в основе своей до сих пор актуальные, особенно для России нового века) представления о том, почему общественная система, основанная на внеэкономическом принуждении, личной зависимости,

¹ На наш взгляд, наиболее точно эта проблема раскрыта в уже упоминавшейся книге Д. Лукача «К онтологии общественного бытия. Прологомены» (М., 1991).

сословно-социальном неравенстве устарела и должна уступить место новому обществу, в центре которого будет стоять лично свободный индивид. И эта теоретическая модель доказала свою истинность в чреде буржуазных преобразований в Европе и Америке.

При этом, однако, в большинстве стран Азии и Африки ситуация сложилась несколько иначе (хотя и там товарное производство, деньги, капитал и даже по преимуществу рациональный экономический человек пробили себе дорогу сквозь тьму «обстоятельств»). И это потребовало существенных коррекций в теории – коррекций, которые до сих пор так и не завершены.

В этом пункте мы вновь сталкиваемся с проблемой «гносеологической гордыни» познающего реальность и преобразующего ее диалектика. И критика этой гордыни, ставшая особенно активной после распада СССР, как правило, указывает на факт поражения «социалистического проекта» как главное свидетельство неправомерности диалектико-материалистических теоретических конструкций и «экспериментов» по их практическому воплощению. Ответы на эту критику могут быть разными, и большая часть из них хорошо известна, хотя и активно замалчивается.

Так, авторы уже не раз писали, что «реальный социализм» в СССР и других странах т. н. «Мировой социалистической системы» был неизбежной мутацией общеисторической линии генезиса «царства свободы»¹, а его кризис, предсказывавшийся критическим марксизмом (известна критика советской практики Розой Люксембург, Антонио Грамши, Львом Троцким; последний незадолго до того, как его убили, прямо предсказал грядущую трансформацию власти бюрократии во власть капитала²), был неизбежен. Именно диалектико-материалистические критерии выделения «логики» истории в отличие от ее зигзагов позволили нам показать, почему и в какой мере наша практика неизбежно включала в себя элементы продвижения по пути к «царству свободы», почему и в какой мере – их мутации.

И в этом мы принципиально были и остаемся отличны и от догматического (сталинско-сусловского) марксизма с его пародией на диалектику, и от позитивистски-прагматичного антикоммунизма: и те и другие доказывали, что СССР – именно социалистическая (в терминологии советологов – «коммунистическая») система. Первые – потому, что так велела догма. Вторые – потому, что об этом свидетельствовали факты – факты самоназвания этой системы. Отличить же видимость, превратные формы, «наведенные» как морок на нашу реальность политико-пропа-

¹ См. об этом в уже упоминавшейся книге А.В. Бузгалина «Ренессанс социализма» (М., 2003).

² Это, в частности, отмечается в его не раз издававшейся в последние 15 лет на русском языке книге «Преданная революция» (одно из последних изданий: *Троцкий Л.Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет?* М., 2011).

гандистской машиной, от содержания действительной общественной практики, для которой были характерны не более чем ростки нового общества и деформации социалистических отношений, ни те, ни другие не могут.

Что же до фундаментального прогноза марксизма о тенденции снятия частной собственности, рынка и необходимости свободного всестороннего развития личности, то они-то как раз в главном подтверждаются практикой последних эпох¹. Подтверждаются даже такие теоретические положения, как тенденция относительного обнищания пролетариата, которую применительно к последнему столетию мы бы уточнили следующим образом: при прочих равных условиях тенденция к социальной поляризации тем сильнее, чем больше в обществе развиваются собственно капиталистические начала; и, напротив, чем слабее капиталистические начала и сильнее социальное ограничение капитала (ростки социализма), тем менее проявляет себя тенденция к социальной поляризации.

Последний пример, кстати, показывает отличие практики как конкретно-всеобщего от суммы внешне, формально собранных воедино фактов. С точки зрения фактов как таковых в XX веке закон-тенденция роста относительного обнищания пролетариата не действовал, ибо разрыв доходов беднейших и богатейших групп населения сокращался. С точки зрения практики ситуация была иной.

Столкнувшийся с фактом снижения социальной поляризации исследователь-диалектик, в отличие от своего собрата-прагматика, воспринял это противоречие не просто как свидетельство неправомерности теории (а с тем, что старая теоретическая формула уже недостаточна, диалектик согласился сразу же), но как теоретико-практическую *проблему*. Диалектик задал вопрос: почему противоречие наемного труда и капитала не вызывает более роста поляризации? Теория капиталистического способа производства открывала два возможных ответа на этот вопрос. Первый: капитал и наемный труд качественно изменили свою природу. Второй: в рамках этой системы появились процессы, отрицающие ее собственную внутреннюю логику.

Поставив проблему *так*, критический марксизм обратился к исследованию практики и нашел, что там на самом деле происходит развитие процессов, отрицающих внутреннюю логику капитала: под влиянием мощных тенденций социализации, порожденных достаточно подробно исследованными марксизмом противоречиями капитализма, в XX веке начался процесс существенного перераспределения общественного богатства (социал-демократическая политика социальных трансфертов, прогрессивный подоходный налог, «социалистическая» по своей природе

¹ Авторская аргументация данного тезиса дана в упомянутой выше книге А.В. Бузгалина «Анти-Поппер» (Социальное освобождение и его друзья)» (М., 2003).

модель бесплатного общедоступного образования и здравоохранения и т.п.¹). Кроме того, под влиянием развития всеобщего творческого труда (процесс, опять же теоретически выведенный Марксом) капитал и наемный труд действительно стали несколько изменять свою природу. Так, обратившись к практике (целостно, в историческом контексте, с учетом качественных трансформаций понятием и обобщенным фактам), марксизм смог сделать один из шагов от «Капитала» позапрошлого века к «Капиталу» современной эпохи.

Существенно, что *многообразии практик и теорий в общественной жизни особенно типично для периодов трансформаций* – эпох становления новой системы и отмирания старой. В этот период объективная социальная детерминация общественных процессов ослабевает (старые уже, а новые еще слабо влияют на человека и его деятельность), что приводит к росту влияния субъективных параметров и многообразию возможных сценариев эволюции. В периоды же «стабильности» складывается большая однозначность и практик, и теорий (как правило, представляющих основные социальные силы данной системы).

«Но где же здесь истина? Где же позитивное знание? Где однозначность науки?» – спросит ученый-позитивист и... будет прав в своих сомнениях.

Той наукой и истинности, к которой он привык, здесь нет и быть не может. И потому для него здесь вообще нет науки. Так же как в области бесконечно больших и малых величин нет науки для того, кто не хочет знать ничего, кроме арифметики: ведь названные величины нельзя ни

¹ Эту, уже упоминавшуюся нами в предыдущих текстах книги, связку, кстати, можно найти даже в «умных» советских учебниках, например, в уже упоминавшемся «Курсе политической экономии», написанном коллективом ученых кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Н.А. Цаголова еще в первой половине 1960-х годов и затем неоднократно дорабатывавшемся. В этой связи остается только удивляться тому упорству, с каким иные из нынешних критиков марксизма вновь и вновь ломятся в открытую дверь, пытаясь доказать, что марксизм устарел на основании того, что в середине XX века росло благосостояние наемных работников развитых стран. Этот плоский прагматизм, некритическое воспроизведение некоторых односторонне выделенных фактов – довольно типичный пример тех угроз, которые могут подстерегать исследователя-позитивиста. В отечественной литературе такую «критику» марксизма несколько лет назад вновь воспроизвел В. Кудров, продолжая не лучшие традиции пропагандистов-антимарксистов 90-х годов и наиболее примитивных советологов 60–70-х (см.: Кудров В. К современной научной оценке экономической теории Маркса-Энгельса-Ленина (десять пунктов для размышления) // Вопросы экономики. 2004. № 12). А.В. Бузгалин специально показал ограниченность подхода профессора Кудрова в своей статье «Еще раз к критике ортодоксального антимарксизма в социально-экономической теории» (Альтернативы. 2005. № 4. С. 30–41).

складывать, ни вычитать, ни делить, ни умножать друг на друга. Но здесь есть наука для диалектика-обществоведа, ибо здесь есть строгие методы выведения категорий путем восхождения от абстрактного к конкретному при постоянном соотнесении теоретико-логического процесса с исторической практикой во всем ее многообразии и целостности. И если в результате главенствующей, наиболее часто воспроизводимой на протяжении десятилетий (а то и столетий) практикой окажется именно то, что было предсказано теоретически, то можно будет признать эту теорию истинной в той мере, в какой она подтверждена данной практикой.

Еще раз подчеркнем в заключение: диалектический метод гораздо сложнее, чем любой набор позитивных «инструкций». Более того, и он сам, и его результаты никогда не могут быть применены шаблонно. Стандартно действующий по раз и навсегда заданному алгоритму «профессионал» использовать диалектический метод не может в принципе. *Диалектика «закрыта» для нетворческого мышления и практики.* Она всегда требует творческого соотнесения уже имеющейся и всегда не завершенной, не до конца истинной, только в определенной мере доказанной теории с постоянно изменяющейся, всегда уже (или еще) не совсем такой, как в теории, практикой. И потому применяющий на практике диалектику общественный субъект должен всякий раз быть (а) *творческим практиком*, понимающим всякий раз в какой мере (всегда не «100%-ной») эта теория применима в данном конкретном случае и одновременно (б) *творцом-теоретиком*, корректирующим и развивающим теорию, исходя из данной ему [всегда новой] практики.

И поскольку *общественная практика (в отличие от взаимодействий, изучаемых естественными науками) постоянно обновляется*, всегда иная, постольку и теоретик-диалектик должен всякий раз соотносить свои разработки с изменчивой общественной практикой, включаясь в нее как не-посторонний-социально-творческий-субъект и только на этой основе делая теоретические выводы.

Вот почему мы выше сделали вывод, что такое творчески-деятельное, общественно-включенное для теоретика и креативно-теоретически-ориентированное для практика бытие невозможно для современного профессионала-позитивиста, который в большинстве своем нацелен на профессионально-грамотное совершенствование инструкций, которые затем будут *точно* применяться.

В качестве небольшого отступления заметим: великие практики, реализующие интересы не только труда, но и капитала, всегда достаточно диалектичны. Они улавливают качественные изменения мира и строят свою деятельность вопреки старому позитивному знанию, ориентируя себя на решение принципиально невозможных задач (чего стоит, практика «Майкрософт», решающего в принципе невозможную в рамках рыночной экономики задачу создания системы почти полной

монополизации всеобщей всемирной и самой востребованной новой технологии – программного обеспечения).

Последняя причина дополняет ту совокупность моментов, которые и вызывают к жизни господство методологии позитивизма и прагматизма, а именно – доминирование в современном обществе «дискурсов», далеких от социально-творческого преобразования мира и характерных для профессионала-конформиста. Это касается и тех, кто в сегодняшнем мире в принципе должен быть заинтересован в поиске альтернатив, и тех, кто озабочен развитием и укреплением основ капитала. Первые ныне в большинстве своем далеки от поиска «больших нарративов», не ориентированы на формирование качественных альтернатив капиталу. Свою оппозиционность они сводят к развитию т. н. «мультикультурализма», скрывающего приспособление к тотальной власти рынка и капитала¹.

Вторые еще менее креативны. Капитал становится все менее творческой в социальном отношении силой, тяготея к профессионализму и сохранению существующих форм в экономике («рыночный фундаментализм»), консерватизму в политике, неталантливости в культуре (неслучайность господства масс-культуры). Отсюда и недиалектичность, узкий прагматизм, а то и тотальный постмодернистский негативизм большинства теоретиков современной эпохи. Диалектика вредна конформистам, она им мешает жить².

Господствующая же ныне социальная система активно этот конформизм насаждает...

В своей критике позитивизма и прагматизма авторы, однако, увлекшись, «забыли» о позитивной стороне этой методологии, отмечая ее лишь попутно и как-то мельком. Сейчас самое время исправить эту оплошность.

Дело в том, что для значительной части ученых, активно использовавших диалектический метод (в том числе, будем самокритичны, и для авторов этого текста) была характерна довольно опасная болезнь пренебрежения исследованием практики при чрезмерном увлечении конструированием диалектических систем категорий – своеобразной «игрой в бисер», оторванной от реалий и потому чреватой фундаментальными ошибками.

Причин для этого много.

Одни из них были объективны – в рамках советской системы с ее подменой практики идеологизированными догмами, честный исследователь масштабных социальных процессов попросту прятался в голое

¹ Хорошая критика этой позиции дана С. Жижекком (см.: *Жижек С. 13 опытов о Ленине*. М.: «Ад Маргинем», 2003. С. 23 и др.).

² «Диалектика вредна конформистам» – так назвал А.В. Бузгалин один из разделов своей книги «Ренессанс социализма» (М., 2003).

теоретическое конструирование, ибо это была едва ли не единственная ниша, где он мог работать легально и не лгать. И эта причина во многом извиняет абстрактность теоретических работ диалектиков советской поры.

Другая причина – уже не извинительная – это стремление противопоставить себя узкопрагматическим работам как господствующей тенденции новейшего времени вкупе с привычкой к методологии абстрактного конструирования категорий, инерция мышления и способностей. В результате отрицание позитивизма и прагматизма у нас зачастую становилось зряшным, внешним.

Действительное диалектическое исследование должно и может быть безусловно практичным (но не прагматичным), что известно со времен Маркса и активно повторялось авторами на протяжении всего этого текста. И исходный пункт исследования, и каждый его новый логический этап в восхождении от абстрактного к конкретному начинается и заканчивается для материалиста-диалектика исследованием монбланов фактов, в которых мы ищем сначала предельную абстракцию, задающую границы и качество исследуемой нами системы, а затем подтверждение или опровержение (чаще всего – коррекцию) очередного шага в теоретическом восхождении к конкретному. И в этом наша работа сродни тому, что делает аккуратный, не ангажированный на апологетику господствующей системы (будь то «развитой социализм» или поздний капитализм) ученый-позитивист.

Более того, *значительная часть позитивных исследований недиалектиков может лечь и ложится в основу построения диалектических систем категорий*. При этом, однако, нарочито повторимся: наша задача не просто анализ и систематизация разрозненных фактов, но их *критическое осмысление как элементов практики*, причем не самих по себе, но в контексте и во взаимосопоставлении этой практики и теории (системы категорий). Вот почему диалектика не только воспроизводит, но и отрицает позитивизм. В то же время отрывающимся зачастую от эмпирии диалектикам надо помнить и противоположную тезу: *диалектика должна не только отрицать, но и воспроизводить достижения позитивных исследований*.

Итак, диалектический метод позволяет не только выделять функциональные закономерности (поддающиеся математическому моделированию, которое в своих развитых версиях весьма диалектично...), но и *сущностные противоречия*, позволяя различать «то, что кажется» [обывателю и его ученому апологету] и то, «что есть на самом деле», а также показывать их взаимопереход.

Тем самым этот метод позволяет сделать акцент на вопросах *основ, сущности, причин и следствий* тех или иных процессов, задавая вопросы не только о том, как, например, устроены процессы глобализации, но и какими противоречиями они вызваны. Он позволяет различить объек-

тивную необходимость развития глобальных постиндустриальных технологий и диалога культур – с одной стороны, и их исторические, антагонистические формы (неолиберальная экономическая политика, «столкновение цивилизаций» и т.п.) – с другой.

Здесь мы вплотную подходим к уже не раз ставившейся выше проблеме превратных форм как господствующих в современном мире социальных феноменов. Одна из важнейших и актуальнейших задач диалектического исследования как раз и состоит в различении этих форм и действительного содержания, за ними скрытого. При этом любой нормальный позитивист, естественно, задаст диалектику вопрос: а откуда вы, собственно, взяли, что здесь есть некое превращение? Смотрите на факты и не мудрствуйте лукаво.

Для того чтобы ответить на эту очень распространенную критику, потребуется чуть подробнее рассмотреть названную выше проблему.

ДИАЛЕКТИКА: КАК УВИДЕТЬ СОДЕРЖАНИЕ В МИРЕ МОРОКОВ И ПРЕВРАТНЫХ ФОРМ

Выделение превратных форм, создающих видимость иного, чем действительное, содержания – это одна из наиболее сложных и трудно воспринимаемых проблем использования диалектического метода¹. Более

¹Проблеме превращенных (авторы предпочитают иной перевод на русский язык слова *verwandelte* – превратных) форм в философии, в том числе советской, уделялось мало внимания. Ее затрагивали ученики лидера Алма-Атинской школы Ж.М. Абдильдина. В настоящее время среди работ на эту тему сколько-нибудь известны только тексты Мераба Мамардашвили – весьма противоречивого ученого, начинавшего работать в СССР и ставшего «гуру» диссидентствующей позднесоветской и постсоветской гуманитарной интеллигенции. В тексте «Превращенные формы. О необходимости иррациональных выражений» он весьма многословно и несколько неопределенно, но в целом в марксистском духе обозначает некоторые параметры феномена «превращенная форма» следующим образом: «Сам термин «превращенная форма» (*verwandelte Form*) был в свое время введен еще Марксом в научный и философский оборот. Он прилагался к некоторым характеристикам строения и способа функционирования сложных систем связей (или того, что Маркс называл «органическими» или «диалектически-расчлененными целостностями») и позволял исследовать видимые зависимости и парадоксальные эффекты, выступающие на поверхности целого в качестве того, что тем не менее является «...формой его действительности, или, точнее, формой его действительного существования» (*Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 26, ч. III. С. 507*).

...Подобная форма существования, – продолжает М. Мамардашвили, – есть продукт превращения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определенном ее уровне и скрывающего их фактический характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями. Эти последние, являясь →

того, это тот аспект, который не часто способны реализовывать в своих исследованиях даже те, кто стремится сознательно использовать диалектический метод. Причина этого как в сложности самой методологии, так и в боязни исследователей отказаться от привычки следовать «здоровому смыслу». В условиях, «здоровосмысленно-обывательской» практики рынка, «общества потребления» и «общества профессионалов» для того, чтобы заявлять: действительные содержательные процессы протекают совсем не так, как это видится подавляющему большинству «актеров» социального процесса, исследователь должен обладать немалым мужеством, способностью преодолеть укоренившуюся в обществе (в том числе, в научном сообществе) боязнь «плыть против течения». Это особенно сложно в мире, где все факты общественного бытия вопиют, что «плывущий против течения» ученый неправ, что все обстоит именно так, как видит обыватель, а не так, как показывает диалектическое исследование, различающее содержание и превратные формы.

В самом деле, ведь каждому хорошо известно из непосредственно го опыта, что Земля – плоская, а Солнце вращается вокруг Земли. Не верите, что это очевидно? А вот каких-то пятьсот лет назад (а в России так и сто лет назад) подавляющее большинство жителей было уверено, что дело обстоит именно так. Почему? Да потому, что их каждодневная практика – практика крестьянина, ведшего по преимуществу натуральное хозяйство – доказывала это ежедневно и ежечасно. И попытки Коперника и Галилея доказать нечто противоположное оставались и остаются втуне для тех, кто живет в плоском мире локальной общинной жизни.

← продуктом и отложением превращенности действия связей системы, в то же время самостоятельно бытийствуют в ней в виде отдельного, качественно цельного явления, «предмета» наряду с другими. В этой «бытийственности» и состоит проблема превращенной формы, которая видимым (и практически достоверным) образом представляется конечной точкой отсчета при анализе свойств функционирования системы в целом... Если подобная объективная видимость разрешается в системе связей, восстанавливаемых и прослеживаемых методом восхождения от абстрактного к конкретному, то мы имеем дело с содержательным исследованием превращенной формы, выводящим их как необходимую форму «...проявления существенных отношений» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 547) в условиях, когда последние накладываются одно на другое и подвергаются искажению». Чуть ниже М. Мамардашвили продолжает: «Превращенные объекты обла- дают особым рода существованием, несводимым к субъективным фикциям и иллюзиям сознания. Но они существуют не в том же смысле, в каком существуют так называемые „истинные“ объекты науки; речь идет скорее о существовании, подобном существованию условных и неизбежных фикций и символов» (см.: Мамардашвили М. Превращенные формы. О необходимости иррациональных выражений // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. Доступ к электронной версии текста по ссылке: www.philosophy.ru/library/mmk/forms.html).

А теперь попробуем рассмотреть эту проблему чуть подробнее. Само имя этих форм говорит о том, что они что-то «превращают» [в нечто иное]. Другой перевод – «превратные формы» – еще жестче: это формы, которые есть нечто иное, чем действительность, нечто превратное, как бы «наведенное» (подобно мороку, который в сказке наводит колдун). Смысл этой категории диалектической логики состоит в том, что в определенных социальных условиях содержание общественных процессов таково, что оно объективно и неизбежно являет себя на поверхности в виде феноменов (этих самых преврат[щен]ных форм), создающих видимость иного, чем действительное, содержание. Эти предварительные ремарки позволяют нам дать первый намек на возможное определение: превратные формы – это феномены («факты») мира отчуждения, отношения которого «выворачивают наизнанку», «переворачивают вверх тормашками» действительную общественную практику.

Примеры таких форм хорошо известны из «Капитала» К. Маркса. Это прежде всего феномен товарного, денежного фетишизма, создающего видимость того, что товар и деньги есть высшая ценность человеческого сообщества и нечто, определяющее жизнь человека¹. Весь мир товарных отношений доказывает, что это именно так, хотя на самом деле деньги и товары – это не более чем одна из специфических исторически ограниченных форм экономического богатства.

Другая категория – заработная плата. Она неслучайно создает видимость того, что это – плата за труд. Между тем труд – это процесс, который сам по себе не продается и не покупается. Продается и покупается товар «рабочая сила», стоимость которого принципиально отлична (меньше), чем та стоимость, которую создает труд наемного работника. Точно так же превратной формой является категория «прибыль», которая в марксистской системе категорий создает опять-таки объективную видимость того, что «избыток» (прибавочная стоимость) создается всем

¹ Здесь следует сразу сделать оговорку: даже в мире отчуждения далеко не все эмпирически данные феномены могут трактоваться как формы и не все формы являются превратными. Так, восхождение от абстрактного к конкретному вначале фиксирует в качестве предельной абстракции бытие системы, имеющее как свое наличное бытие (то, что непосредственно дано в практике), так и внутреннюю противоположность в-себе-бытия и бытия-для-иного. Поэтому, строго говоря, товар – этот факт практики рыночной системы – есть не форма, а наличное бытие этой системы. Другое дело – товарный фетишизм. Это уже феномен превращения товара (наличного бытия системы) в социальный фетиш – превратную форму общественной жизни. Почему эта превратная форма нашла свое место в I томе «Капитала» – весьма интересный вопрос. Но это уже тонкости, которые интересны едва ли не исключительно для узкого круга специалистов по логике «Капитала». Почему, когда и как содержание обретает именно превратные формы, мы рассмотрим чуть ниже.

капиталом, а не только трудом наемного работника, рабочая сила которого покупается за часть капитала («переменный капитал»).

Впрочем, эти примеры говорят что-то только тем, кто хорошо знаком с марксистской политико-экономической теорией. Ниже мы приведем другой, более простой пример. Представим себе базарную площадь, на которой танцует барыню косолапый медведь и ряженая баба. Доверчивый крестьянин удивляется тому, что медведь танцует лучше бабы и радостно хлопает в ладоши. Чуть более внимательный и менее пьяный посетитель базара, однако, заметит, что медведь-то на самом деле не медведь, а мужик, напавший на себя шкуру этого зверя; а вот баба, напротив, наряженный в цветастое платье медведь, которого научили танцевать под дудку. И в первом, и во втором случае перед нами простейшие примеры превратных форм. Неискушенным посетителям базара *кажется то, что есть на самом деле* (заметим: последнее также есть одно из определений превратной формы: она существует там и тогда, где и когда кажется то, что есть на самом деле). Кажется, что хорошо танцует медведь. И в рамках базарного мира все так и есть: тот, кто надел медвежью шкуру, действительно хорошо танцует. Отсюда «наведенное» содержание – медведи танцуют лучше баб; мужики счастливы и платят деньги. Но эта правда базарного мира есть не более чем видимость, превратная форма («настоящее», не наведенное содержание состоит в том, что человек танцует лучше медведя, хотя факты базарной жизни доказывают обратное).

Этот простейший пример указывает на первый серьезный шаг в понимании природы превратных форм: в той мере, в какой мы остаемся в рамках общественных процессов, вызвавших к жизни эти превратные формы (на базаре – в нашем примере), «наведенное» содержание остается единственно реальным. Это содержание имеет весьма специфическую природу. Оно существует не как таковое, не как содержание некоторого реального феномена (мужик и медведь, танцующие на площади), а только как следствие доминирования превратных форм. «Нормальная» связь между содержанием (оно первично) и формой (она вторична, хотя и оказывает на первое обратное влияние) в случае с превратными формами и «наведенным» содержанием «переворачивается»; последнее не просто порождается формой, оно порождается *единственно* формой и вне этого порождения не существует (медведь танцует лучше бабы только потому, что это видимость, «наведенная» на зрителей костюмами, надетыми на мужика и зверя). Само же это «наведение», вызывающее переворачивание действительного содержания, порождено той системой, в которой единственно и живет эта форма и это содержание – системой базарного представления.

Эмпирические феномены, факты базарной жизни доказывают только одно: есть формы, которые выглядят «обычными» (танцуют обычная баба и обычный медведь), есть содержание, подтверждаемое фактами (хорошо танцующий медведь и плохо танцующая баба), есть законо-

мерности их соотношения (медведь танцует лучше бабы). Проникнуть в то, что здесь произошло превращение, переворачивание действительного содержания и «наведение» видимостного, порожденного господством превратных форм, можно только одним путем – путем диалектического исследования парадокса (медведь танцует лучше бабы). Это исследование предполагает рассмотрение данного парадокса не как факта, который подлежит фиксации (прагматизм), или, в лучшем случае, обобщению, выделяющему некоторые функциональные связи (позитивизм, математическое моделирование), а как открытой проблемы, которую предстоит «разложить по полочкам».

Начать этот процесс исследования следует с того, что признать факт не догмой, а формой, которая может переворачивать (а может и адекватно отображать – исследователю предстоит еще в этом разобраться) некоторое содержание. Далее следует исследовать, какое именно содержание скрыто за данной формой. Для этого необходимо понять, что кажущееся содержание (баба танцует плохо, медведь – хорошо) может быть ложно. Ложно оно или нет, можно понять только при условии системного *историко-логического подхода*, который покажет границы той системы, в рамках которой единственно и существуют данные превратные формы и «наведенное» содержание.

Так, вне системы «базар» артист, снявший медвежью шкуру, конечно же, умеет плясать лучше медведя, а избавившийся от тряпок зверь мечтает побегать в лесу, а не мучиться, изображая танец. Точно так же рабочая сила не была товаром, не продавалась и не порождала превратной формы заработной платы в условиях некапиталистической экономики.

Поэтому, введя понятие качественных (исторических и теоретических) границ системы, ее системного качества, мы, выводя некоторый феномен за границы той системы, в которой он имеет исключительно превратную форму, можем показать, как данный феномен «снимает» с себя тот «морок», который «наводит» на него создающая превратные формы система. При этом, правда, следует иметь в виду, что выходя за рамки данной системы мы попадем в рамки другой системы, где, скорее всего, так же будут царить превратные формы и мы вместо одного морока получим другой. Впрочем, сравнение этих мороков может показать, что это именно превратные формы и ничто иное.

Доказательством же того, что исследователь показал именно превратность форм, раскрыл действительное содержание, которое скрыто за наведенным содержанием, может быть только общественная практика, которая снимает мороки, революционизируя действительность и очищая ее от превратных форм.

Здесь, однако, следует еще раз вернуться к сделанной выше в примечании оговорке: даже в мире отчуждения далеко не все эмпирически данные феномены есть формы и далеко не все формы являются превратными. *Почему, как и когда возникают превратные формы?*

Самое интересное, что в известных нам работах по диалектической логике этот вопрос не рассматривается специально. В этой связи можем предложить лишь некоторую гипотезу ответа на этот вопрос.

В самом общем виде причиной возникновения превратных форм являются отношения отчуждения, которые делают мир объективных общественных отношений неподвластным индивиду, «закрытым» для него, господствующим над ним. В результате субъект в этой системе оказывается в итоге марионеткой неких внешних, над ним стоящих и ему не понятных общественных сил (только включенный в практику социального творчества, «плывущий против течения» субъект обретает способность познавать эти силы и противостоять им). Господство отчуждения – это необходимое, но не достаточное условие превращенности (превратности) форм.

Чтобы найти достаточное условие, нужно сделать еще один шаг. Диалектическая система и отражающие ее категории, как мы уже отметили, в своем развитии проходит ряд этапов. В самом грубом приближении это этапы становления, развития на собственной основе вплоть до достижения системой зрелости и «заката» (в «Науке логики» Гегеля некоторой параллелью им могут быть «Бытие» и «Сущность»; «заката» у Гегеля нет: в III книге у него появляется субъективный дух¹). Для первого этапа становления системы характерна адекватность внутри-себя-бытия и наличного бытия (то, что можно с некоторым упрощением назвать содержанием и формой), ибо здесь система отчужденных отношений, возникая в борьбе против «старой», регрессивной системы, является тем общественным образованием, где общественные формы должны давать и дают простор для развития производительных сил, человека (к проблеме возможной непрогрессивности, мутирующей от рождения и потому и в исходном пункте имеющей превратные формы системы мы еще вернемся). Такое прогрессивное развитие системы невозможно, если формы не адекватны содержанию хотя бы относительно: форма всегда несколько «изменяет» содержание. Более того, задачи прогресса общественная система может решать только при помощи адекватной ее природе активной преобразовательной деятельности общественного субъекта. Человеческое общество устроено так, что новую общественную систему всегда творит некий социальный субъект, делающий это более или менее сознательно, но – главное – в общем и целом адекватно объективным законам становления этой новой системы. Это еще одна причина объективной необходимости хотя бы относительно адекватных содержанию форм проявления общественных связей, в которые включен революционизирующий общественную практику субъект.

При этом, однако, те системы, в которых господствуют отношения отчуждения, с момента своего рождения содержат в себе определенную

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 2005.

фетишизацию объективных процессов. Эта фетишизация является, как уже было отмечено, предпосылкой возникновения превратных форм, но не ими как таковыми. Разница здесь в нюансах, но существенных. Фетишизм (наиболее известный пример – товарный фетишизм) характеризует «всего лишь» систему общественных отношений, в которых внешние объективные силы (например, товары) господствуют над человеком. Здесь есть элемент превратности, характерный для всего мира отчуждения в целом: человек, творец истории, в этом мире выступает как марионетка внешних объективных сил. Но сами отношения здесь могут иметь адекватные, а не превратные формы (пример – форма стоимости). И лишь затем «обычные», адекватные отчужденному (от человека как творца истории) содержанию формы начинают превращаться в превратные – искажающие даже это, отчужденное, но действительное содержание и создающие видимость наличия иного, «наведенного» содержания.

Так, например, над действительным содержанием специфического для капитализма отношения экономического отчуждения – создания прибавочной стоимости наемным трудом и присвоения ее капиталом – на стадии зрелости этой системы (ее воспроизводства на собственной основе) «надстраиваются» превратные формы заработной платы и прибыли, создающие видимость иного содержания – создания трудом зарплаты, а капиталом – прибыли.

На стадии же достижения системой своей зрелости, и особенно на стадии «заката», она начинает активно генерировать именно превратные формы, которые становятся важнейшим средством самосохранения системы, механизмом торможения прогресса (с момента достижения зрелости прогресс ведет к скорейшей гибели системы, ее переходу в новое качество). Они канализируют субъектную деятельность в русло «защиты» существующего общественного образования. В этом смысле мы можем сказать, что *превратными являются те формы, которые способствуют самосохранению ставших реакционными отчужденных общественных отношений, создают видимость продолжающейся прогрессивности системы*, формируют «наведенное» содержание, указывающее на то, что эта система (объективно! Здесь кажется то, что есть на самом деле) является как бы прогрессивной и тем самым направляют деятельность общественных субъектов (индивидов, социальных и политических сил, их идеологов и даже теоретиков-интеллектуалов) в русло превратных целей и действий, служащих не скорейшему разрушению системы (т.е. прогрессу), а ее самосохранению (т.е. регрессу). *Превратные формы тем самым выступают как своего рода «социальный рефлекс» самосохранения социальной системы*, вступившей в стадию зрелости.

В этом описании авторы невольно представили объективные процессы как некоего демиурга, едва ли не сознательно выбирающего себе те или иные формы. Так нам было проще изложить гипотезу, сделать

ее более понятной. В действительности объективная связь форм и содержания является несколько иной: *в той мере, в какой общественная система находится на восходящей стадии своего развития, в ней общественные отношения способствуют прогрессу производительных сил, человека и т.п. и потому производят формы, адекватные своему содержанию. Адекватность форм, их непреходимость является важным фактором успешности социального прогресса системы.* И, напротив, в той мере, в какой общественные отношения становятся регрессивными (т.е. тормозят рост общественной производительности труда и развитие человеческих качеств или уводят его со «столбовой дороги», отклоняют от оптимальной траектории прогресса, критерием которого, повторим, является мера свободного всестороннего развития личности), они неизбежно вызывают к жизни именно превратные формы.

Если в первом случае объективный процесс становления системы в силу некоторых обстоятельств породит неадекватные, превратные общественные формы, то система «сбьется с пути», уйдет со «столбовой дороги», мутирует (типичный пример – генезис мутантных форм социализма в СССР, о чем мы многократно писали ранее).

Во втором случае, на этапе «заката», действует обратная связь: в той мере, в какой система под воздействием прогрессивных общественных сил будет развиваться по оптимальной траектории, то есть идти прямо и непосредственно к новому обществу, отыскивая путь скорейшего и наименее болезненного самотрансформирования в новое качество, в этой мере и на стадии «заката» для нее будет характерно наименьшее развитие превратных форм. Если же она будет в силу своей объективной внутренней логики и при помощи консервативных общественных сил стремиться к самосохранению, то она будет генерировать все более и более сложные и масштабные превратные формы, выступающие своего рода самозащитой умирающей системы. Превратные формы тем самым выступают в качестве одного из важных механизмов, помогающих камуфлировать процесс ее «заката», противостоять субъектной деятельности по разрушению старой системы, гасящих эту деятельность и, напротив, интенсифицирующих субъектную деятельность по самосохранению старой системы.

Как именно действует этот «рефлекс» самосохранения социальной системы, как здесь сопрягаются объективное и субъективное начала – интереснейший вопрос, который пока останется без ответа.

Превратные формы, развиваясь преимущественно в период, когда система обретает зрелость и начинает воспроизводиться на собственной основе, а также, особенно бурно, в период «заката», обретают тем самым относительно независимые от содержания, внутренних законов генезиса и развития механизмы своего функционирования и взаимодействия. Эти относительно самостоятельные превратные формы устойчиво воспроизводятся, функционируют по «правилам», отличным от механизмов

содержания (типичный пример – механизмы формирования и движение средней прибыли в отличие от закона прибавочной стоимости). Эти отличные от законов, характеризующих сущность системы, механизмы воспроизводства превратных форм еще более закрепляют относительную самостоятельность последних.

Здесь на первый план выходит проблема соотношения и взаимосвязи законов жизнедеятельности мира содержания и адекватных ему форм с миром превратных форм и «наведенных» ими содержаний. Готового решения этой проблемы у авторов сейчас нет, но есть текст по проблемам «Капитала», в котором один из авторов¹ показал основные закономерности превращения содержательных законов товарного производства в закономерности мира превратных форм. О его методологическом обобщении пока говорить рано.

Формирование этих механизмов происходит по мере превращения общественных форм в тормоз развития производительных сил и человека. Достигнув стадии зрелости, устойчивого воспроизводства на собственной, адекватной ей основе («Основание» в логике Гегеля), система общественных отношений генерирует определенные формы этого воспроизводства. Подчиняясь логике дальнейшего прогресса, эти формы должны далее начать разрушать свое содержание, генерируя элементы новой системы. Эту объективную логику дальнейшего развития системы по пути ее самотрансформации в новую и реализуют те общественные силы, которые заинтересованы в снятии данной системы.

Так, в условиях капитализма наемные работники как субъект снятия капитала объективно заинтересованы в том, чтобы начать изменять отношения эксплуатации, трансформировать отношения извлечения прибавочной стоимости и подчинения труда капиталу с тем, чтобы в перспективе снять их, заменив отношениями присвоения прибавочного труда обществом и свободным трудом. Эту траекторию и начали реализовывать парижские коммунары революционным путем, европейские социал-демократы – реформистским, эволюционным. Но даже если взять пример последних, то они, неслучайно используя в первый период своей активности (XX век) марксизм, действовали в соответствии с логикой внутренних, содержательных законов капитализма, а не его превратных форм. Они начали практику частичного перераспределения прибавочной стоимости в пользу наемных работников (прогрессивный подоходный налог и т.п.), смягчения формального и реального подчинения труда капиталу (участие работников в управлении, регулирование условий труда и т.п.), противодействия закону-тенденции абсолютного и относительного обнищания наемных работников (социальное обеспечение, регулирование минимальной заработной платы, пособия по безработице и общественные работы...).

¹ В данном случае – А.В. Бузгалин.

В противоположность этой логике, объективный интерес самосохранения капиталистической системы, меж- и внутриотраслевая конкуренция капиталов, их стремление к максимизации прибыли вели к формированию механизмов выравнивания нормы прибыли и формирования цены производства, развитию торгового и ссудного капитала, акционерных и иных форм, способствующих дальнейшему саморазвитию капитала... Так капитал как сила, заинтересованная в самосохранении «старой» системы, стал объективно генерировать все более и более сложные превратные формы и механизмы их воспроизводства. Поскольку они возникали как механизмы самозащиты капитала, механизмы их воспроизводства должны были обеспечивать результаты, отличные (в чем-то – противоположные) по своей направленности (здесь речь идет только о векторе эволюции капитализма) тем, что генерируют сущностные процессы.

Если последние должны были способствовать и способствовали ограничению присвоения прибавочной стоимости и подчинения труда, «подрывали» свои же собственные основы, то первые, опять же объективно, были направлены в *противоположную сущностным процессам сторону* – в сторону все более активного присвоения все больших количеств прибавочного труда, все более сложного и разностороннего подчинения труда.

Именно эту объективную тенденцию самосохранения системы и обеспечивали (и обеспечивают) все более сложные механизмы функционирования превратных форм (заметим, несколько отвлекаясь: именно на решение задачи изучения и развития этих механизмов функционирования превратных форм неслучайно нацелена и политическая экономия капитала – т. н. economics).

Поскольку же эти механизмы, как мы показали несколько выше, направлены в сторону, противоположную сущностным законам развития (самоотрицания, снятия) капитала, постольку механизмы функционирования превратных форм не только отрываются от сущностных законов, но и действуют в противоположном направлении, создавая объективную видимость того, что капиталистическая система устроена совсем иначе и функционирует по совсем иным законам, нежели те, что были выведены на содержательном уровне; что, соответственно, любая деятельность, продиктованная адекватным отображением сущностных законов (например, социал-реформизм или тем более социалистическая революционность) неадекватна практически данным механизмам функционирования этой системы, идет вразрез с требованиями и жизни (а она предстает на этом этапе развития системы преимущественно в виде превратных форм), и науки (той политэкономии капитала, которая адекватно – и в этом смысле научно – отображает действительно существующие механизмы функционирования превратных форм при помощи позитивных методов)...

...Сказанное выше, однако, – это не более чем некоторые первые наброски, гипотезы, которыми авторы рискнули поделиться с читателем для того, чтобы показать, как, скорее всего, устроен господствующий ныне мир превратных форм и как диалектика позволяет избавиться от мороков жизни, где «кажется то, что есть на самом деле», а действительное содержание скрыто от субъекта, не владеющего диалектическим медом исследования превратных форм.

* * *

Завершая наши размышления, несколько провокационно названные «ре-актуализацией диалектики», мы хотели бы еще раз подчеркнуть: этот небольшой текст не претендует на роль нового слова в диалектической логике. Наша задача была прежде всего в другом: показать актуальность и плодотворность диалектического метода, возможные проблемы и перспективы его применения к исследованию существующей реальности, наметить некоторые направления развития диалектики, некоторые новые черты этого метода, развивающегося вместе с тем миром, для исследования которого он рожден.

p.s. Альтернативы деконструкции: блеск и нищета постмодернизма

Постмодернизм стал модной методологической установкой в последние десятилетия XX века, и с той поры остается, несмотря на многочисленную критику в его адрес, *de facto* господствующей парадигмой, отрицающей все и всяческие парадигмы. Мировая «мода» на постмодернизм породила в России широкий круг работ, посвященных этой проблеме – от небольших, но очень содержательных брошюр до грандиозных энциклопедий, не содержащих ни одной сноски на источники. Более того, в последние десятилетия мало какая статья или монография, посвященная методологическим и мировоззренческим проблемам, а также проблемам философии культуры, не обходится без постмодернистских аллюзий¹.

¹ В конце XX – начале XXI веков на русский язык были переведены основные работы Ж. Дерриды, Ж. Делеза, Ф. Гваттари и других столпов постмодернизма (см.: *Деррида Ж. О грамматологии* / Пер. с фр. М., 2000; *Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна*. СПб., 1998; *Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия?* СПб., 1998). Вышло множество комментаторских работ, в том числе характеризующих основные принципы и природу постмодернизма. В их ряду хотелось бы выделить содержательную и методически очень удачную брошюру В.А. Кутырева «Философия постмодернизма» (Нижегород, 2006). Далеко не во всем соглашаясь с автором в трактовке глубинных основ постмодернизма (которые этот автор сводит к развитию информационного общества с его виртуальной реальностью), мы во многом согласимся с кратко данными в этой небольшой книге трактовками основных постмодернистских понятий и используем ряд положений автора ниже. Кроме того, в этой работе дан и неплохой очерк истории проблемы. Весьма интересны также аналитико-обзорные работы (Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. Постмодерн как ситуация философствования. СПб.: Алетейя, 2003).

Несколько особняком стоит теоретическая работа В.Г. Арсланова «Постмодернизм и русский «третий путь». Tertium datur российской культуры XX века» (М., 2007). Этот автор, ученик Лифшица, существенно отличен от «обычных» позитивистски-постмодернистских современных ученых. Он одновременно и критикует постмодернизм, и ищет его «рациональное зерно», справедливо показывая неслучайность этого течения, его укорененность в реалиях постмодерна. При этом, однако, он как-то неопределенно и неакцентированно бродит вокруг идеи: если реалии таковы, что они порождают «ложное сознание», то, следовательно, необходимо понять, как и кто может изменить и эти реалии, и это сознание, возрождая в новом качестве Истину, Добро и Красоту... Марксистская критика постмодернизма достаточно развита в Европе (см., например: *Jameson F. Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism*. VERSO. London-NY, 1991; *Callinicos A. Against Postmodernism. A Marxist Critique*. L., 1989).

При этом само содержание работ, делающих реверансы в сторону постмодернизма и щеголяющих некоторыми его терминами, остается в основном традиционно-позитивистским. Это касается не только работ российских авторов, в большинстве своем отстающих на десятилетие-два от Запада в том, что касается модных тем и «дискурсов», но и работ иных из известных западных постмодернистов нового тысячелетия. Типичный пример – на шумевшие на Западе книги М. Хардта и А. Негри «Империя» и «Множество»¹, в которых немало постмодернистских аллюзий, но основное содержание, при всей его бессистемности, следует отнести скорее к позитивистской традиции. Эти авторы нечто утверждают, аргументируют, предлагают (даже позитивную программу), указывают на постмодернистски-размытый, но все же *определяемый* ими субъект этих действий (*multitude*) и в конечном счете становятся носителями нового «большого нарратива». Все это делает их книги методологически неполностью постмодернистскими.

Нельзя пройти и мимо того, что – и мы это уже отметили в начале этой части – *на Западе постмодернизм* (особенно таких авторов, как Бодрийяр и Жемисон, Деррида и Жижек, Хардт и Негри) *принято относить к левым интеллектуальным течениям*. Иные из постмодернистов начинали свою научную деятельность с диалогов с марксизмом, другие, напротив, обратились к нему уже после того, как стали известными теоретиками постмодернизма (наиболее яркий пример здесь – книга Ж. Дерриды «Призраки Маркса»). Третьи принадлежат к левой немарксистской традиции (Хардт и Негри). Четвертые были и остаются левыми (наиболее яркий пример – Жижек с его едва ли не скандальными книгами «13 опытов о Ленине», «Размышления в красном цвете» и др.)...

Наличие критически настроенных левых теоретиков-постмодернистов, выступающих как раз с позиций достаточно радикального отрицания существующей системы, выглядит, по видимости, парадоксом. Но это внешний парадокс: сочетание левой общественно-политической позиции с постмодернистской методологией приводит к тому, что, с одной стороны, эти ученые, вследствие своей критичной общественной позиции, справедливо выявляют многие негативные черты современной системы (господство симулякров и т.п.), лежащие в основе постмодернистской методологии, и подвергают эти черты заслуженной критике. С другой стороны, в силу господства постмодернистской методологии, они не предлагают системной альтернативы, конструктивной модели снятия критикуемой ими общественной системы. В большинстве своем эти ученые привержены не столько идеям конструктивной критики

¹ См.: Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004; Они же. Множество. М., 2006. Критический анализ этих работ можно найти, в частности, в дискуссии, опубликованной в журнале «Альтернативы» (2005, № 4), где представлена и авторская позиция по основным вопросам, поднимаемым Хардтом и Негри.

существующего мира, сколько его абстрактной деконструкции, предполагающей уход ученого в мир нереальностей, текстов, писаний, детерриализованных «номад» и т.п.

Впрочем, реальная позиция конкретных ученых всегда оказывается много сложнее, нежели абстрактные черты некоторого течения. К тому же каждый из авторов, относимых к этому направлению, как правило, стремится всячески подчеркнуть свою неповторимость и оригинальность и максимально неопределенно и не акцентировано сформулировать свою позицию, ведя постоянную игру с читателем, пытающимся понять, что же тот или иной автор все-таки хочет сказать, и постоянно себя опровергая. Сие можно обозначить как «*принцип самонеопределяемости*» и это один из атрибутов постмодернизма. Вот почему ниже будет дана критика некоторых инвариантов постмодернизма с попыткой всякий раз привязать их к хоть сколько-нибудь зафиксированному реперным точкам этого размытого течения. И если, прочтя эту критику, последователь Бодрийера или Делеза, Жижека или Дерриды скажет (перефразируем знаменитые слова Маркса): «Если это постмодернизм, то я не постмодернист», – мы будем считать, что достигли цели.

И это не постмодернистский выверт диалектика. Просто, если последователи данного течения подтвердят, что им и их учителям не по пути с развитием деконструкции, десубъективации, детерриализации и т.п. подходами, и акцентированно подчеркнут, что общественные науки должны от всего этого отказаться, а Бузгалин и Колганов всего лишь неправильно поняли интенции постмодернизма, то мы с радостью признаем себя невеждами, принесем публичные извинения и предложим совместно развивать методологию, в которой есть процесс созидания («конструкции») категорий, активные субъекты (и в онтологическом, и в гносеологическом их бытии), системность, развитие и прогресс...

Неслучайность постмодернизма

И все же постмодернизм как таковой, при всех его модификациях, есть наиболее типичная методология начала XXI в., а распространившаяся как эпидемия мода на постмодернизм сугубо неслучайна. *Это течение порождено принципиальными изменениями, объективно происходящими в современном мире*, становящемся глобальным и существенно изменяющимся по сравнению с классическим индустриальным капитализмом с его свободной конкуренцией, соединенными в фабричные коллективы наемными рабочими и парламентской демократией. Им на смену идут¹:

¹ Приводимые ниже тезисы будут подробнее раскрыты во втором томе данной книги.

1) информационные технологии, переносящие большую часть общественной практики в мир виртуальных знаков, распространяющие на все сферы жизни сетевые принципы организации, превращающие человека в продолжение компьютера и заменяющие личность на ее информационное обозначение;

2) новый тип рынка – тотальное, порождающее «рыночный фундаментализм» (термин миллиардера Дж. Сороса) подчинение человека и его бытия превратным формам труда и его результатов¹. Эти властвующие над людьми формы тотального рынка хорошо известны. Это порожденные рекламой и масс-культурой стандарты, вкусы, «бренды» имитирующие товары. В результате человек становится не просто *покупателем*, но покупателем *этикеток* (кто из нас не обращал внимание на то, как выбирают, скажем, одежду «продвинутые» агенты рынка: они смотрят не столько на само изделие, сколько на «лэйбл», пришитый к подкладке...). Этот рынок проникает во все поры жизни человека – от рождения и до смерти, от любви и до войны...

3) новый тип капитала, господствующей формой которого становится не просто фиктивный, но виртуальный (как сказал бы Ж. Деррида – прозрачный) финансовый рынок, а основным институтом – транснациональная корпорация, превращающаяся в своего рода «матрицу», рабом которой становится каждый ее член. Этот капитал подчиняет себе все и вся: личность человека и свободное время, культуру и нравственность – всю жизнь человека без остатка он превращает в свою функцию, выступая в качестве некоего ризоматического монстра-вампира (авторы в данном случае нарочито используют постмодернистский язык);

4) пандемия насилия²; вытеснение демократии и идеологического плюрализма политико-идейным и массмедийным манипулированием³;

¹ Этот глобальный рынок с его видимостным «плюрализмом» и действительным всеобщим утилитаризмом (= культурной унификацией), скрываясь за маской «мультикультурализма», создает мощные онтологические предпосылки постмодернистского безразличия. С. Жижек прав, когда замечает: «Мультикультурализм в общепринятом смысле этого слова полностью соответствует логике глобального рынка» (*Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., 2003. С. 23*).

² «Нужно ли напоминать еще и об интернациональных войнах, гражданских интернациональных войнах, об экономических войнах, о национальных войнах, о войнах национальных меньшинств, о разгуле расизма и ксенофобии, об этнических столкновениях, культурных и религиозных конфликтах, раздирающих сегодня так называемую демократическую Европу и мир? Возвратились целые полки призраков, армии всех эпох, скрытые под архаическими симптомами постмодерной парамилитаризации и сверхвооружения (информатика, спутниковая разведка, ядерная угроза и т.д.)» (*Деррида Ж. Призраки Маркса. М.: 2006. С. 120*).

³ Ж. Деррида в этой связи отмечает: «...трудно не заметить, что три места, три формы и три способности культуры, которые мы только что обозначили →

трансформация культуры в ее рыночную имитацию, превратную форму – масс-культуру; подмена свободного времени (времени развития творчески-деятельностных качеств человека) временем досуга¹;

5) сумма суммарум этих трансформаций – приоритетное развитие тех сфер, где не производится ни материальных продуктов, ни человеческих качеств, ни феноменов культуры – «превратного сектора» – сектора фиктивных благ, которые «принято считать» как бы полезными и которые действительно полезны только для воспроизводства фиктивных благ тотального рынка, виртуального финансового капитала, политико-идеологических и массмедийных манипуляций, масс-культуры и людей, искренне верящих в реальность этого мира призраков и фантомов...

Именно эти изменения и стали *онтологическим* основанием генезиса и упрочения постмодернизма, сделав объективно востребованной именно эту методологию. В то же время логика развития методологии «в себе и для себя» так же вплотную подвела к необходимости некоего нового течения: крайне ограниченные в своем фундаментально-объясняющем потенциале позитивизм и прагматизм во всех их разновидностях, традиционный марксизм и т.п. «большие нарративы» XX века во многом исчерпали себя в новом мире.

Комментарий к первому блоку причин нам хотелось бы построить на основе рассмотрения ключевых понятий постмодернизма. При всем своем сугубо негативном отношении к любым сколько-нибудь четко очерченным философским школам и парадигмам постмодернизм довольно быстро обрел некий набор типичных для его приверженцев понятий и подходов («дискурсов»), с которыми вполне можно работать как с некой определенностью.

Исходный пункт постмодернизма.

СТРАХ ПЕРЕД РЕАЛЬНОСТЬЮ:

симулякр, или Как бы методология как бы исследований

Начать нам хотелось бы с феномена «симулякр» как ключевого для постмодернистской методологии. Этот термин принципиален, ибо он фиксирует настроенность этого течения на оперирование исключительно в пространстве искусственно созданных форм, с самого начала

← (политически маркированный курс «политического класса», медийный дискурс и дискурс интеллектуальный, научный или академический), спаяны воедино – невиданным прежде образом – общими для всех них механизмами, также неразрывно связанными между собой. ...эти механизмы взаимодействуют и соперничают друг с другом, постоянно стремясь к точке наибольшей силы, чтобы обеспечить гегемонию или империализм...» (Там же. С. 82.)

¹ См. об этом: Jameson F. Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism. VERSO. London-NY, 1991. P. 276–277.

ориентированных на симулирование, а не адекватное отображение реальности. Более того, как отмечает, например, Томас С. Рэй, симулякр делает неразличимыми *a*-жизнь (*a*-life) и жизнь, *a*-реальность и реальность¹.

То, что это именно установка, подтверждают не столько тексты постмодернистов, сколько реалии постмодернистской эпохи.

Позволим себе только два примера.

Первый – из области обыденной жизни. Регулярно общаясь с молодежью, легко заметить, что в их языке все более устойчиво доминирующее место занимает «неопределенный артикль» *как бы*. Он неслучаен, ибо выражает едва ли не врожденную неуверенность современного молодого человека в том, что он говорит, в том, что он видит, слышит и, главное, делает.

Второй пример – названное выше развитие новых аспектов жизнедеятельности капитала, связанное с опережающим развитием превратного сектора – таких сфер, как финансовые спекуляции и военное производство, масс-культура и вызывающее *пресыщение* сверхразвитие утилитарного потребления, политическое и духовное манипулирование человеком и т.п. продукты современного капитала. Все они рождают особый мир симулятивного, призрачного, рождающего наваждения (если использовать образ, предложенный Ж. Деррида²) бытия. Каждая из этих сфер полна «симулякрами»³. Финансовые спекуляции на мировых рынках валют и т.п. симулируют реальные инвестиции в развитие материального производства или культуры. Маркетинг создает симулякры полезных человеку благ и действительных потребностей⁴. Это бытие «наведено» на людей капиталом так, как злой колдун наводит морок. В результате этого у людей формируются «наведенные» потребности – «оторваться с „Фантой“», «запесовать мегахит», использовать для передвижения крайне неудобный в городских условиях гигантский «Хаммер» или «Роллс-Ройс»⁵, голосовать за политиков, вызвавших глубочайший

¹ См.: *Sim S. The Routledge Companion to Postmodernism. London, NY, 2004. P. 6.*

² Ж. Деррида неслучайно пишет именно о «всевозможных формах наваждения, которое... организует те формы, которые господствуют в сегодняшнем дискурсе». И чуть ниже: «Гегемония всегда организует репрессии, а значит, подтверждает наличие наваждений» (*Деррида Ж. Призраки Маркса. М., 2006. С. 56*).

³ «Мы теперь живем не реальностью, а гиперреальностью: обозначаемое заменено знаками» (*Харт К. Постмодернизм. М.: «Гранд-Фаир», 2006. С. 45*).

⁴ «...отношения между предметом и его символом-образом переворачиваются: не образ репрезентирует продукт, а скорее продукт репрезентирует образ» (*Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., 2003. С. 157*).

⁵ В результате, перефразируя работы С. Жижека и упоминаемого им Дж. Рифкина, мы можем сказать, что в современном мире человек покупает не →

кризис, искренне интересоваться тем, какая из «попсух» находится на каком месте в «горячей десятке», а то и «написать черной икрой по капоту белого Мерседеса «Жизнь удалась!»» (цитата из выступления профессора, депутата Государственной Думы от правящей партии на встрече со студентами одного из престижных московских вузов). Конечно же, мир еще не до конца перешел в мир симулякров, но тенденция, улавливаемая постмодернизмом, очевидна: сфера «наведенных» потребностей и деятельностей, их производящих и удовлетворяющих, растет грандиозными темпами.

В результате вообще присущий товарному производству фетишизм¹ получаем новое качество, достигая апогея: *фетишем становится даже не товар как псевдосубъект, а его знак*. То же касается денег, которые удваивают свой отрыв от золотой основы – электронные деньги как знак бумажного заместителя золота². И в этом мире вынуждены жить даже те, кто не имеет никакого отношения к методологии постмодер-

← столько товары и услуги, сколько продукты рекламы, симулякры, причем даже сам процесс потребления превращается в символический товар (ужин в престижном ресторане, релаксация в символически-«крутом» клубе...). Приведем в подтверждение еще один пассаж Жижека, цитирующего известного автора: «Так, Кристофер Ишервуд выразил эту нереальность американской повседневной жизни в своем описании комнаты мотеля: «Американские мотели нереальны! Они специально сделаны так, чтобы быть нереальными... Европейцы ненавидят нас за то, что мы ушли в мир, созданный рекламой, подобно отшельникам, уединяющимся в пещерах для созерцания» (Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., 2003. С. 197).

¹ Ф. Джеймисон мир симулякров прямо связывает с обществом, где меновая стоимость генерализирует все общественное бытие (*Jameson F. Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism*. VERSO. London-NY, 1991. P. 18).

² «Это, конечно, заставляет нас полностью пересмотреть традиционную марксистскую проблему «овеществления» и «товарного фетишизма», поскольку эта проблема по-прежнему основывается на представлении о фетише как о целостном объекте, неизменное присутствие которого маскирует его социальную опосредованность. Парадоксальным образом фетишизм достигает пика своего развития именно тогда, когда сам фетиш «дематериализуется», превращается в изменчивую «бесплотную» виртуальную сущность; денежный фетишизм достигает своей кульминации с переходом денег к электронной форме, когда исчезнут последние следы их материальности – электронные деньги представляют собой третью форму после «настоящих» денег, которые олицетворяют собственную стоимость (золото, серебро), и бумажных денег, которые, хотя и являются «всего лишь знаком», лишенным внутренне присущей ему стоимости, все еще существуют в материальной форме. И только на том этапе, когда деньги станут виртуальной точкой референции, они примут форму нерушимого призрачного присутствия» (Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., 2003. С. 162–163). Авторы также специально акцентируют виртуальность как отличительную черту денег капитализма новой эпохи, что подробнее будет раскрыто во втором томе этой книги.

низма и не любит постмодернистское искусство¹. В культуре эти наваждения еще более значимы. Они стирают грань... и ее отражения, превращая реальность в воплощение телевизионных образов (то, что не показали по ТВ, не существует), стирая грань культуры и антикультуры, превращая все в коллапс «всякого-любого»².

Этот аспект – развитие искусственно вызываемого пресыщения, псевдодеятельностей и псевдоценностей – достаточно подробно раскрыт в работах Ж. Бодрийяра, который – не будем отрицать действительных заслуг – активно критикует эти проявления «объективного постмодернизма». Но неслучайным парадоксом при этом является то, что он не подвергает систематической критике постмодернистскую методологию. И как таковой Бодрийяр остается в плену тех гносеологических «симулякров», онтологические эманации которых он критикует. Пожалуй, глубже в критике этих феноменов идет более далекий от постмодернизма автор – Джеймисон, указывающий на объективную укорененность этого постмодернистского дискурса. С его точки зрения постмодернизм – это попытка теоретически отобразить специфическую логику культурного производства эпохи позднего капитализма³.

¹ «Я постарался провести различие между постмодернизмом и постмодерном, и, если взглянуть с достаточного расстояния, станет ясно, что между ними существует четкая граница. В конце концов, сегодня есть много тех, кто не любит постмодернистское искусство, отвергает постмодернистское отношение к культуре и обществу. Тем не менее, нравится им это или нет, они живут в мире массмедиа, виртуальных денег и гиперреальной рекламы» (Харт К. Постмодернизм. М.: Гранд-Фаир, 2006. С. 45).

² «Интересно, что А. Кроузер проводит параллель между телевидением и постмодернистской ситуацией, говоря, что не телевидение сегодня является отражением жизни, а жизнь есть отражение телевидения: «...телевидение усугубляет эту становящуюся коллажностью сознания, создает эффект привыкания к совмещению несовместимого. Все годится и все сочетается. Высокая классика и рекламный ролик. Своеобразный триумф феномена «всякого-любого». Коллажность, фрагментарность сознания и культуры, игра смыслами, образами становится нормой. Все не просто имеет право на существование, а мирно уживается рядом друг с другом, не сливаясь, однако, в единое целое, оставаясь самостоятельными фрагментами... Лиотар пишет, что эклектизм есть «нулевая ступень всеобщей культуры наших дней...». И дальше: «Эклектицизм творениям легко найти себе публику» (Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. Постмодерн как ситуация философствования. СПб.: Алетея, 2003. С. 96–97, 98).

³ См. Jameson F. Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism. VERSO. London-NY, 1991. P. 400. Как мы уже отметили, критика постмодернизма дана также в работах А. Каллиникоса, а также Е.Вуда и Дж. Фостера (см.: Callinicos A. Against Postmodernism. A Marxist Critique. L., 1989; Wood E., Foster J. In Defense of History. Marxism and the Postmodern Agenda. N.Y., 1997).

Сохранение постмодернистской методологии даже у тех авторов, для которых характерен критический «дискурс» по отношению к симулирующей жизни капиталистической среде, заставляет нас искать *гносеологические и субъектные* причины постмодернистской увлеченности симулякрами.

Начнем с того, что в духовной сфере, в рамках «философского дискурса» это симулятивное бытие невольно уводит теоретика в сферы оперирования знаками, исследования текстов и решения преимущественно семиотических проблем. Семиотическая среда становится самодостаточной, что подметили еще советские критики этих интенций, ставших особенно популярными в последней трети XX века (к вопросам гносеологических корней постмодернизма, герменевтики и семиотики мы еще вернемся). В последние годы *тенденция превращения бытия в «шум»*, едва ли не мешающий симулякрам жить в своем собственном мире, представлена в наиболее ярком виде в книге «Шум бытия» Ж. Делеза. Но уход от общественной практики и представление ее как «шума» – достаточно общая для постмодернизма тенденция.

Эта тенденция неслучайно стала столь популярна именно в последние десятилетия. На наш взгляд, она порождена трансформациями, происходящими в самом общественном бытии. В данном случае, на наш взгляд, наиболее значима *экспансия превратных форм*¹. Эти формы не просто отличны от своего содержания. Они содержат в себе способность к «превращению» их действительного содержания в иллюзорное, «наведенное», принципиально отличное от действительного. Если использовать простейший и потому очень грубый образ, то в качестве примера превратной формы можно представить медведя, наряженного в человеческое платье и танцующего «Барыню». Форма – человеческая. Видимостное, наведенное содержание – козлапая баба. Действительное содержание – дрессированный, но опасный хищник.

Превратные формы возникают как следствие специфических содержательных противоречий, не позволяющих им проявлять себя в мире отчуждения в адекватном их природе виде. В результате превратные формы «отрекаются» (образное выражение Маркса) от своего содержания.

В определенном смысле можно утверждать, что Марксова теория превратных форм предвосхищает постмодернистскую любовь к симулякрам. Но есть и важные нюансы. Для Маркса и последующих марксистов эти формы имеют вполне рациональное материальное происхождение. Более того, *превратные формы, в отличие от симулякров, не самодостаточны, вторичны. Их производность*, то, что они «переворачивают» содержание и есть их *differentia specifica*, состоящая в том, что они

¹ Точнее, Маркса следовало бы перевести иначе – превратных форм; В.А. Кутырев использует остроумное написание для этого термина – преврат(шен)ные формы.

(1) имеют некое содержание и (2) выворачивают его «наизнанку», создавая тем самым (3) видимость другого содержания. Их наличие и тем более доминирование указывает на противоречия системы, особенно активно развивающиеся в период ее «заката». В марксизме превратные формы *выводятся* из анализа действительного содержания предмета. Его диалектическое исследование показывает как, почему и в какой мере эти формы проникают в действительность, как, почему и в каких условиях они могут быть сняты и т.п. Постмодернизм, напротив, не только (1) фиксирует симулякры как самодостаточные, но и (2) принципиально отрицает какую-либо их укорененность в бытии, подвергая последнее *деконструкции* (о ней ниже).

Экспансия превратных форм стала особенно значимой именно в последние десятилетия, что, как мы отметили выше, связано с приоритетным развитием сектора, который авторы неслучайно назвали «превратным». Сама по себе фиксация не особенно нова: западные критически мыслящие ученые уже не раз указывали на все эти феномены. Но вот в чем проблема: критикующие финансовые спекуляции и общество потребления, массмедиа и масс-культуру западные авторы, как правило, не делают тех методологических выводов, которые, на наш взгляд, прямо вытекают из такого анализа причин постмодернистского увлечения «симулякрами». А выводы эти довольно очевидны: *если восприятие мира через призму «номад» (неукорененных в бытии, детерминированных феноменов) есть продукт объективного доминирования превратных форм, то...*

...то исследователь должен понять их вторичность по отношению к действительно протекающим объективным процессам. Понять, что эти симулякры – объективный феномен общественной жизни (в том числе – духовной жизни) позднего капитализма, что они имеют специфическое социокультурное отражение в философских текстах постмодернистов, но вполне могут быть подвергнуты и практической (изменяющей общественное бытие), и теоретическо-методологической (объясняющей причины и природу этих превращений) критике.

Поняв эту вторичность и причины ее появления, исследователь вполне логично приходит к *проблеме действительного содержания, лежащего в основе столь бурного развития превратных форм, порождающих мир симулякров.* И более того – к вопросу о том, каковы противоречия, вызывающие это превращение содержания.

Так *последовательная критика мира симулякров неизбежно ведет к диалектико-материалистической трактовке реальности,* ибо именно диалектический метод предполагает и полагает принципиальность не только различения, но и исследования противоречивой взаимосвязи содержания и формы. Именно этот метод требует исследовать причины образования тех или иных форм, в том числе превратных – тех,

что могут радикально изменять *представление* субъекта о содержании практически данного ему бытия.

Достаточно логично задать вопрос: а откуда исследователь может знать, что тот или иной феномен (например, мечта «оторваться с Фантой») есть превратная форма, имеющая некоторое отличное от «наведенного», *действительное* содержание?

Начнем с упомянутого примера. Для экономиста достаточно понятно, что содержание названного «симулякра» состоит отнюдь не в том, что эта водица помогает почувствовать себя счастливым («оторваться»), а в том, что корпорация «Кока-кола» заинтересована в увеличении продаж этого напитка молодежи и ищет альтернативы другим симулякрам («поколение Пепси» и т.п.), внедряемым другими ТНК.

Этот пример указывает на хорошо известный методологам *критерий превратности формы*: им всякий раз является практика, особенно ясно проявляющая свою критическую природу в моменты радикальных сдвигов в общественном бытии человека. В момент, когда человек выходит из практики, в которой господствуют симулякры (например, вырывается из мегаполиса в горы), он понимает действительную цену всех этих «кол» и тянется к роднику... В момент, когда медведь, попав в лес, избавляется от платья и перестает плясать под дудку дрессировщика, он становится красивым, опасным и сильным зверем, любоваться которым в природной среде не менее приятно, чем смеяться над его косолапием на базаре...

Революционируя практику, подвергая стабильно воспроизводимые институты и нормы действительному, критическому отрицанию, мы скидываем со всех явлений их наведенные маски, мы расколдовываем мир, освобождаем его от мифов и мороков, наведенных на него поздним капитализмом, снимаем с человека очки, навешанные на него обществом потребления и масс-культурой, и открываем для него возможность видеть действительные ценности культуры и человека в его неотчужденно-творческом бытии, а не кривые зеркала «симулякров»...

А'ргорос заметим: включенные в конструктивно-творческую, социально-ответственную деятельность люди – сельский учитель или активист социального движения – весьма далеки в своей жизни от мира симулякров. Их практика разбивает окружающие обывателя кривые зеркала и мороки. Последние им не нужны в их жизни, работе, общении. Нужны же «симулякры» именно и прежде всего исключенному из общественно-преобразовательной практики, абсолютно эгоцентричному интеллектуалу, занятому по преимуществу саморефлексией, *психо-[патологическим]-само-анализом-себя-и-не-любящего-его-мира-как-продолжения-себя-любимого*, отсюда, кстати, и готовность этого интеллектуала к самоубийству, ибо жить в мире отчуждения, в этом не-любящем-тебя-мире – мире «носорогов» [Ионеско] – тонко чувствующий человек может либо действительно (хотя бы теоретически) изменяя этот мир, либо смиряясь с ним,

превращаясь в обычного обывателя-«носорога». Тот же, кто не способен на первое, но и не хочет «оносорожиться», вынужденно выбирает *a*-жизнь, уходя во внепространство самоустранений и суицидов...

БЕГСТВО ОТ СИСТЕМНОСТИ.

ДЕТЕРРИАЛИЗАЦИЯ И ДЕЦЕНТРАЦИЯ:

КАК БЫ МЕТОДОЛОГИЯ ВЫНУЖДЕНА ОТКАЗАТЬСЯ
ОТ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ И СТРУКТУРИРОВАНИЯ
И ИСКАТЬ ЩЕЛИ НЕ-БЫТИЯ

Здесь мы «попутно» сталкиваемся с двумя другими атрибутами постмодернизма – *детерриализацией и децентрацией*¹. Развивая идеи детерриализации Ж. Деррида неслучайно вводит феномен «щели»². Это некое вне-бытие, вне-время, вне-пространство. Это некий «зазор», в который проваливается ушедшее от модерна, но никуда не пришедшее (точнее, *не-желавшее-никуда-прийти* в эпоху Ж. Деррида) бытие. Это «зазор», в котором прячется от необходимости развивать знание и творить красоту импотирующий экс-творец-постмодернист. В этой щели *как бы* живут (кто сытно и спокойно, кто заканчивая самоубийством) *как бы* субъекты *как бы* философии. Живут благодаря (1) как бы бытию в мире не реальный, а (2) знаков, оторвавшихся даже не от содержания, а от (3) превратных форм, которые (4) искажают действительное содержание жизни и (5) создают видимость другого содержания, (6) наведенного

¹ «Здесь нет больше ни времени, ни места» (Деррида Ж. Эссе об имени. СПб.: Алетейя, 1998. С. 48). Для Ж. Деррида детерминация раскрывается при помощи взятого у Платона имени «Хора» (см. там же, с. 143).

² См.: Деррида Ж. Указ. соч. С. 155–156. Вот небольшой типичный отрывок, посвященный этой «щели»: «Все выглядит так, как если бы – и это «как если бы» очень здесь для нас важно – разлом данной пропасти заявлял о себе глухо и подпольно, заранее подготавливая и распространяя свои симулякры и бесконечно умножающиеся вглубь образы: серию мифических вымыслов, вложенных одни в другие» (Там же. С. 167). В. Арсланов цитирует еще один типичный отрывок: «дойдя до середины цикла, речь о хоре кажется все еще открытой, между чувственным и умопостигаемым, не принадлежащей ни тому, ни другому, а, следовательно, ни космосу как чувственному богу, ни умопостигаемому богу, – пространству с виду пустому, несмотря на то, что оно конечно же не пустота. Но разве она уже не названа зияющей дырой, пропастью или щелью? И разве не начиная с этой щели «в» ней, может состояться и иметь место расслоение между чувственным и умопостигаемым или даже между телом и душой? Не будем слишком близко приближать эту щель, называемую хорой, к такому хаосу, который к тому же открывает зияние пропасти. Не станем подгонять под нее антропоморфическую форму и пафос ужаса. Но не для того, чтобы установить на ее месте безопасную опору...» (Деррида Ж. Хора // Социологос постмодернизма. М., 1996. С. 139).

теми самыми знаками-симулякрами, с которых мы начали раскручивать всю цепочку в этой длинной фразе.

Все эти шесть (как минимум) превращений-перевертываний значимы для *присутствия* (боимся даже слова «бытие») в *щели*. Они позволяют как бы соблюдать правила «краев» (реального бытия, пусть даже его превратных форм) и в то же время «детерриализировать» их, убежать от них в щель, показывая фигу в кармане (любимое занятие интеллектуалов-критиков-бытия). Эти интеллектуалы «по краям» вполне соблюдают правила: не забывают получать гонорары, не пренебрегают шопингом, слушаются полицию, но, забившись в щель своего как бы научного письма («Наука» и «Искусство») в щели не выживают – им там темно и душно; да их туда и не зовет никто), эти *a*-субъектные интеллектуалы отводят душу, детерриализируя и деконструируя [естественно, только как бы понарошку, оставаясь в щели иероглифов для элиты предназначенного письма] тот мир, который им вроде бы где-то как-то как бы не нравится...

В этой связи нам кажется неправомерной попытка В.Г. Арсланова найти в этой «щели» намек то ли на «золотую середину», то ли на диалектическое единство противоположностей или уже тем более диалог различно-единых субъектов (отношения между людьми, где единственно существуют любовь, дружба, товарищество и т.п.). Действительное отношение *между* возможно только там и тогда, где и когда есть не только полноценные стороны отношения (субъекты, способные любить или дружить), но и само их отношение, природа которого раскрыта в соизмеримости с критериями Истины, Добра и Красоты. В «щели», да и «посередине» нет ни отношения, ни его субъектов. В ней есть только бегство от проблемы, депроблематизация бытия через бегство от него. В щели нет даже различия.

Арсланов прав, когда констатирует: это грустный итог. Но он глубоко неправ, пытаясь найти здесь выход на многогранность проблемы материального, тем более в его соотношении с идеальным¹. В этой великой проблеме нужны прямо противоположные постмодернизму решения: сложная системная определенность многогранных взаимоотношений небезразличных друг другу сторон. И эту определенность философия вполне способна дать, свидетельство чему (даже если мы на время абстрагируемся от классики) хотя бы блестящие диалоги М. Лифшица и Э. Ильенкова.

Вот почему В.Л. Кутырев абсолютно прав, когда подчеркивает, что для постмодернизма отрыв от «земли» («терры») принципиально значим, ибо создает предпосылки для концептуализации симулякров. Для постмодернизма вопросом жизни и смерти является отказ от наличия «почвы»,

¹ См.: Арсланов В.Г. Постмодернизм и русский «третий путь». М., 2007. С. 563–579.

от анализа оснований, от понимания того, что есть феномен *обоснованности*, неслучайности, *закономерности* тех или иных явлений. Отказ от оснований (в диалектической логике Гегеля – атрибута содержания) создает предпосылки для отказа от содержания, без чего повисает в воздухе вся проблема превратных форм.

Децентрация доверяет эту логику, приводя к отказу от какой-либо субординации феноменов.

Причины этого отказа от анализа оснований, от различения содержаний и форм имеют несколько иную природу, чем апелляция к симулякрам, хотя укоренены они в том же современном бытии – бытии позднего капитализма. Но в данном случае мы имеем дело не только с феноменами превратных форм, но и с наследием позитивистского анализа функциональных связей и факторного анализа, в которых все явления различаются лишь по своим количественным параметрам. Особенно явно эта методология проявляется в современной экономической, социологической и т.п. теории.

Однако постмодернизм идет еще дальше – идея отсутствия качественных различий, границ, историко-логических соподчиненностей доводится им до своего предела – до тезиса об отсутствии «центрации», «терриализации» вообще. В результате то, что ранее, в философии модерна, представало как структурированная система элементов, в постмодернизме превращается в «*ризому*» или лабиринт. Эта доведенная до абсурда методология бессистемности до конца так и не была принята в практике общественных наук, призванных решать хоть сколько-нибудь конкретные задачи. В то же время неакцентированность системности стала весьма характерна для науки последних десятилетий¹.

Впрочем, здесь есть важный нюанс. Он состоит в том, что современная общественная, экономическая, технологическая среда в настоящее время все более становится организована как *изменчивая совокупность подвижных, гибких сетей*. В этом смысле можно и должно говорить о *снятии (но не деконструкции) прежних линейно-иерархических или атомизированных типов структуризации социумов*. Постмодернизм, однако, идет в другом направлении. Отталкиваясь от объективных изменений социальной материи, он превращает ее в неструктурированное ничто, некую фантазмагорию внеэлементных не-связей – *ризому*, в лабиринт без входа и выхода.

¹ Весьма типичными в этом отношении являются почти все учебники по экономической теории, основанные на неоклассическом синтезе и восходящие к «Economics» П. Самуэльсона. Их предмет не имеет четких границ (это и экономика вообще, и рыночная экономика, и – что является реальным предметом – североамериканская модель рыночной экономики второй половины XX века). Принципы и критерии структуризации этих работ строго не задаются. И даже слово «система» используется едва ли не случайно.

Такая методология оказывается, как мы уже отметили, мало пригодна для позитивных исследований. Но она оказывается весьма адекватна для философского *необобщения* частных, локальных, невзаимосвязанных позитивных исследований, каждое из которых живет и хочет жить само по себе, принципиально отторгая актуальность поиска целостной картины, указывающей на место тех или иных частных позитивных разработок, закономерностей их возникновения и прехождения. Логика плюрализма, доведенного до полного безразличия, и «ризомного», «лабиринтного» представления нового знания становится все более распространена в общественных науках, где неструктурированные потоки сознания, не имеющего сколько-нибудь определенного предмета, становятся все более модными и популярными. Они приходят из так называемой эстетики и распространяются на многие сферы социального знания.

Эта ситуация прямо связана и с еще одним феноменом: все большим развитием в науке, образовании, художественной культуре узкого профессионализма, процессов коммерциализации, «очаствивания» этих сфер. В результате наиболее востребованным оказывается *частное производство узкопрофессиональным интеллектуалом знаков тех товаров, которые симулируют реальные ценности*.

Здесь принципиально важны все аспекты.

Во-первых, узкий профессионализм вырывает творца из мира культуры, создавая предпосылки для *трансформации творческой деятельности по формированию новых феноменов культуры в репродуктивный труд по профессиональному применению известных технологий к относительно новым предметам*. Именно такими являются в большинстве своем современные западные работы в области социологии, экономики и т.п.: известная модель применяется к новому объекту или на основе известных принципов строится модель неких процессов. Именно так устроено производство «шедевров» масс-культуры, будь то очередной голливудский блокбастер или попсовый мегахит. Именно так все чаще оказываются устроены университеты – эти супермаркеты по продаже информации и т.д.¹

Во-вторых, такое производство теряет атрибуты творчества: открытый диалог творца со всем миром культуры, который принципиально открыт каждому; всеобщность и личностность творческой деятельности; гармоничное развитие субъекта этой деятельности и прогресс культурных ценностей как «продукты» творчества и т.п.

¹ Последнее превращение остроумно и точно характеризует В. Кутырев (см.: *Кутырев В.А. Философия постмодернизма*. Н. Новгород, 2006. С. 32), пишущий вслед за своими зарубежными коллегами, что университеты в этих условиях превращаются в супер (мини-, мега-) маркеты по продаже даже не знаний, а их симулякров. И в этом смысле методология децентрации оказывается вполне прагматична.

В этой трансформации скрыт глубокий резон. Рынок и капитал стремятся подчинить себе творчество. Но оно по определению есть всеобщая (а не частная) и открытая (а не обособленная) деятельность, т.е. то, что неподчиняемо рынку и капиталу. Так перед последними встает задача как-то так переделать творчество, чтобы оно могло быть утилизировано рынком и капиталом. Для этого его надо свести к симулированию творчества. *Эта симуляция и происходит при превращении творца в профессионала, культуры – в информацию, нового творческого результата – в как бы новизну симулякра.*

В результате собственно творчество оказывается минимизировано и развивается «по ту сторону» рынка и капитала (в среде странных, преимущественно не на деньги ориентированных и вне рынка живущих творцов: поэтов и ученых, учителей и художников той же России или Индии...). Рынок же и капитал затем не только присваивают, но и подчиняют своей логике эти продукты творчества, превращая товары-симулякры все произведения культуры и даже личности их творцов (*Мощарт, превращенный в бренд – это такое же преступление, как фашистский костер из книг*).

Теряя атрибуты творчества (всеобщность, открытость, личностность), т.е. переставая быть всеобщим творческим трудом, профессиональная деятельность может быть превращена в частную. Тотальный рынок и корпоративный капитал с восторгом превращают эту возможность в необходимость, делая действительностью процессы приватизации (в широком смысле – всестороннего «очастнивания») и коммерциализации («орыночничивания») науки, искусства, образования и т.п. В этой связи постмодернистская деконструкция, равно как и позитивистский отказ от генерирования обобщений, предстает, помимо всего прочего, как реакция узкого специалиста-профессионала («одномерного» [Маркузе], частного специалиста-не-творца, производимого капиталом) на свою собственную неспособность к творчеству как к диалогу неотчужденных целостных Личностей. Замечу: частно-одиночный профессионал не способен к этому не в силу его индивидуальных свойств, а вследствие подчинения тотальной гегемонии капитала.

В-третьих, процессы коммерциализации и очастнивания превращенной в узкий профессионализм экс-творческой деятельности¹ создают

¹ Характерна следующая теза Ж.-Ф. Лиотара, апеллирующего к Хабермасу: «Старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования (Bildung) разума и даже от самой личности, устаревает и будет выходить из употребления. Такое отношение поставщиков и пользователей знания к самому знанию стремится и будет стремиться перенять форму отношения, которое производители и потребители товаров имеют с этими последними, т.е. стоимостную форму (forme valeur). Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих этих →

все необходимые предпосылки для производства на этих фабриках прагматизированных образования, науки и масс-культуры даже не товаров, а их симулякров – превратных форм знаний, культуры, творчества, приспособленных к потребностям современного тотального рынка.

Отказ от поиска Истины.

КОНЦЕПТЫ ВМЕСТО «БОЛЬШИХ НАРРАТИВОВ»

Философским оформлением этой прагматичной (при всей кажущейся отвлеченности) децентрации становится оперирование не с теориями, парадигмами или школами, а с «**концептами**». На место имеющей некий вектор и энергию телеологичной концепции ставится нечто а-энергичное, безразлично-равнодушно-плюрально-нейтральное¹. Выдвижение ставшего ныне крайне популярным, пожалуй даже модным, словечка «концепт» оказывается на самом деле концептуально. Оно несет мощный а-энергетический заряд абсолютной негации, разрушения какого-либо системного знания.

Не-методология «концептов» имеет четкий вектор: она позволяет продолжить атаку на любую системность и телеологичность, противопоставить этот философский «дискурс» всему и всем, где и кто занимает неравнодушно-практическую, творчески-преобразовательную позицию,

← случаях, чтобы быть обмененным. Оно перестает быть самоцелью и теряет свою «потребительскую стоимость» (Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. С. 18; *Habermas J. Erkenntnis und Interesse. Frankfurt a/M., 1968*).

¹ «Концепт нетелесен, хотя он воплощается или осуществляется в телах. Но он принципиально не совпадает с тем состоянием вещей, в котором осуществляется. Он лишен пространственно-временных координат и имеет лишь интенсивные ординаты. В нем нет энергии, а есть только интенсивности, он анергетичен (энергия – это не интенсивность, а способ ее развертывания и уничтожения в экстенсивном состоянии вещей). Концепт – это событие, а не сущность и не вещь. Он есть некое чистое Событие, некая эгость, некая целостность – например, событие Другого или событие лица (когда лицо само берется как концепт). Или же птица как событие. ...Концепт определяется как нераздельность конечного числа разнородных составляющих, пробегаемой некоторой точкой в состоянии абсолютного творения с бесконечной скоростью... Он реален без актуальности, идеален без абстрактности... У него нет референции; он автореферентен, будучи творим, но одновременно сам полагает себя и свой объект. В его конструировании объединяются относительное и абсолютное... Концепт – это конфигурация, констелляция некоторого будущего события... Всякий раз выделять событие из живых существ – такова задача философии, когда она создает концепты и целостности» (Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998. С. 32. См. также: Кутырев В.А. Философия постмодернизма. Н. Новгород, 2006. С. 25).

в первую очередь – диалектике¹, далее – историзму, подразумевающему энергию развития², и т. д.

Для субъектов, имеющих такую позицию, «концепты» и «децентрации» окажутся не только бесполезны, но и вредны, точно так же как для методологов, живущих в мире конформного приспособления к среде, где главное – **выгодно продать симулякр**, – вредны любые системные, целостные, тем более диалектические представления о реальности.

Сказанное наводит нас на еще более «злую» мысль: а не обусловлена ли (конечно же, отчасти, не будем впадать в вульгарный социологизм) столь большая популярность постмодернизма в нынешней академической среде тем, что последняя постепенно эволюционирует к превращению в среду профессионально-десубъективированного производства и продажи симулякров столь же десубъективированному покупателю? Нынешнему университету-супермаркету все больше нужны не субъекты особенной деятельности, а стандартные профессионалы, производящие продукты (точнее – товары), научную, культурную, образовательную значимость которых оценивает... рынок. Вот почему нам кажется уместным вопрос: а не в развитии ли формальных критериев оценки интеллектуалов (количество публикаций, количество студентов, выбравших курс и т.п.) кроется один из может быть не самых важных, но и не нулевых по своему значению факторов широкого распространения методологии постмодернистского безразличия к содержанию, к фундаментально-концептуальным основаниям? Отныне не важно, что ты преподаешь (продаешь?), важно сколько и почему ты продал...

И еще один момент: при таком типе существования интеллектуал вынужден на практике отказываться от своей субъектности³. Субъект-

¹ В этой связи весьма примечательна даваемая Аленом Бадью характеристика метода Делеза: «Подлинный философский метод должен полностью воспрещать себе всякий раздел смысла Бытия с помощью категориальных распределений, любое приближение к его движению с помощью предварительных формальных расчленений, сколь бы тонки они ни были. Следует мыслить однозначность Бытия и неоднозначность сущностей «вместе» (поскольку вторая является лишь имманентным продуктом первой) без посредничества пород или видов, типов или ярлыков: словом, без категорий, без отвлеченностей. Метод Делеза, стало быть, – это метод, отказывающийся от посредничеств. Поэтому-то он существенно антидиалектичен» (Бадью А. Делез. Шум бытия. М.: Logosaltere. 1998. С. 47).

² «Лиотар совершенно прав, когда говорит, что его нельзя сравнивать с традиционным представлением о прошлом, настоящем и будущем, которое всецело является порождением «современной», то есть модернистской мысли, привыкшей все культурные и исторические феномены ставить в историческую перспективу» (Постмодерн как ситуация философствования. СПб.: Алетейя, 2003. С. 60).

³ Весьма симптоматична в этой связи позиция М. Фуко, который не только стремится к десубъективированию философии и культуры, к отказу от →

ность – атрибут творца, того, кто сам определяет цель своей деятельности, кто сам формирует среду для диалога (со-творчества), кто сам решает, какие социальные и индивидуальные ценности формируют внешние условия его деятельности. Превращение университета в супермакет, а интеллектуала – в «менеджера по продажам» лишает экс-творца всех его субъектных качеств. И тогда к нему приходит философ-постмодернист и говорит: «Не волнуйся; be cool. Это не твоя проблема утери тобой творческой субъектности. Это общее состояние. Это новая эпоха: ныне субъектность деконструирована. Это не ты продаешь банальности вместо созидания новых знаний: это мир стал лабиринтом симулякров...»

Естественно, что наш пассивный интеллектуал, стремящийся как можно скорее забыть о своей бурной студенческой молодости (если, конечно, она у него вообще была бурной) и как можно лучше обустроить свой пятикомнатный домик в тихом университетском городке, с благодарностью принимает это утешение. А пастыри постмодернизма не только утешают благодарного интеллектуала, но и превращают интеллектуального торговца симулякрами в «героя нашего времени», создавая неисчерпаемый источник для расширенного воспроизводства своих идей и укоренения постмодернизма в интеллектуальной среде.

Однако не все так печально в нашем мире. Образование, наука и культура так устроены, что жить вне творчества они не могут. И капитал для своего роста нуждается не только в симулякрах, но и в действительных инновациях. Да и Учитель, Ученый, Художник, как правило, не способны к полному творческому самоубийству. В результате в школе и университете, академическом институте или временном творческом коллективе,

← поиска истины как сферы властных отношений (см.: Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996; Он же. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. Статьи и интервью 1970–1984. М., 2005.), но и принципиально отвергает «...попытки упрятать присущие этим формам условия духовности внутри некоторых социальных форм. Идея классового подхода, партийного, принадлежность к общественной группе, школе, посвящение, подготовка аналитика и т. п. – все это имеет прямое отношение к требованию формирования субъекта для получения доступа к истине, но мыслится в социальных понятиях, в организационных терминах» (Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007. С. 44). Для Фуко же есть только один вопрос – «вопрос о цене, которую должен уплатить субъект за то, чтобы сказать правду, и вопрос о том, какое обратное действие на субъекта оказывает то обстоятельство, что он сказал, мог сказать и сказал правду о себе самом» (Там же. С. 45). В конечном итоге окажется, что любое стремление к истине есть стремление ее навязать, воля к власти; истина станет сферой властных отношений; субъект же уйдет в область самопсихоанализа, перестав быть социокультурным субъектом. «Я» Фуко уйдет не только из сферы практики, но и из сферы мышления в сферу письма, которое это «Я»... уничтожит (см.: Харп К. Постмодернизм. М., 2006. С. 39).

в мансарде художника (настоящие художники, как хорошо известно, живут исключительно в мансардах!) или в студии музыканта живут настоящее творчество и иные альтернативные названным процессы.

В университетах (в одних меньше, в других больше) сохраняют, а иногда и поддерживают круг исследователей, занятых именно «большими нарративами» и увлекающих ими странных студентов, готовых плыть против течения и искать истину, несмотря на провозглашенное постмодернизмом ее отсутствие. В академической среде и маленьких ВТК находятся творцы новых фундаментальных теорий и мир раньше или позже понимает, как он был неправ, не обращая внимания на их творческую деятельность. Художник создает феномены культуры, которые вопреки рынку становятся всеобщим достоянием, и рынок затем вдогонку несет за ними, стремясь компенсировать опоздание пошлыми восторгами высоких цен.

Впрочем, альтернативы среде, формирующей постмодернизм, мы пока оставим в стороне.

Достаточно закономерно, что неизбежным и логичным следствием не-методологических дискурсов постмодернизма становится *отрицание «больших нарративов»* – новое обозначение концептуального безразличия, имеющего свое идейное оформление в лозунге «деидеологизации», известном нашим соотечественникам еще по горбачевской эпохе.

Впрочем, здесь все не так просто. Появившись примерно в период кризиса и социал-демократической, и советской систем (символическими точками отсчета здесь можно считать «Пражскую весну» и «Парижский май» 1968 года), отказ от больших нарративов неслучайно стал едва ли не монополюно господствующей парадигмой в конце 80-х гг. прошлого века – в период распада так называемой «Мировой социалистической системы» и прозвучавшего на весь мир лозунга «конца истории»¹. Именно в эти десятилетия возникло неслучайное ощущение «конца» мощных, имеющих историческую традицию и идеологическое оформление идейных течений, имеющих достаточно разработанные методолого-философские основания.

Почему?

Как минимум по двум причинам.

Первая выглядит очевидной: вместе с берлинской стеной рухнула поддерживавшаяся едва ли не третью интеллектуалов мира марксистская философская, методологическая, идеологическая парадигма².

¹ Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.

² Рухнула ли она окончательно – это большой вопрос. Она действительно потеряла большую часть своих сторонников, но в то же время освободилась от огромного дискредитировавшего ее балласта и получила новые импульсы развития. «Большой нарратив» марксизма в новом столетии продолжает →

Вторая причина едва ли не анекдотична. Если верить склонной к симулякрам постмодернистской саморефлексии, то получается, что *вместе с якобы рухнувшей марксистской парадигмой как бы рухнули и все остальные общественно-научные парадигмы, существовавшие как таковые только потому, что они противопоставляли себя марксизму*. Постмодернизм «доказал», что сами по себе немарксистские общественно-научные парадигмы оказались (опять же по их собственному мнению!)... ничем. И постмодернисты с радостью это подтвердили, провозгласив конец больших нарративов, ибо в глубине души подозревали, что на протяжении всего XX века таковыми их теории и не были.

Самое смешное, что здесь мы будем вынуждены поспорить с этими интеллектуальными самоубийцами. Позитивизм, прагматизм и их производные были и остаются «большими нарративами», в методологическом поле которых живет по-прежнему большая часть ученых, работающих в сфере общественных наук. Если говорить о социальных парадигмах, то и либерализм в его современной американской протоимперской или, в лучшем случае, европейской социал-либеральной разновидности остается «большим нарративом». Именно они определяют реальные социополитические и идеологические ценности значительной части интеллектуалов. Покончив раз и навсегда со всеми большими нарративами и проведя полную деконструкцию всего экзистенциального мира, интеллектуалы – мы готовы спорить – забудут обо всех этих установках, если кто-нибудь вздумает выйти за рамки «большого нарратива» по имени «неприкосновенность частной собственности», или покусится на их гонорар...

Впрочем, это уже иной «дискурс».

Есть, однако, и другой тип постмодерниста – интеллектуал, выросший из критически-левой среды и отрицающий «большие нарративы» по иным причинам. Главным образом, это сознательное или бессознательное разочарование [после коллапса Советского Союза] в большом нарративе «социализм». И это разочарование было столь значимым и столь глубоким, что пережившие его интеллектуалы оказались не способны более к обретению какого-либо нового нарратива. Это *их собственное теоретико-методологическое бесплодие востребовало, однако, некое «фундаментальное» основание, создающее предпосылки для интеллектуального самооправдания их собственной пустоты*. Легко догадаться, что самым «мощным» обоснованием собственного отказа

← развиваться и весьма интенсивно. Мы не раз высказывали свою позицию по этому мнению в печати (см: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Нужен ли нам либеральный марксизм? // Вопросы экономики. 2004. № 7; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Политическая экономия постсоветского марксизма // Вопросы экономики. 2005. № 9; Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Капитал» в XXI веке: pro et contra // Вопросы экономики. 2007. № 9) и в начале этой книги, как заметил читатель, вновь постарались доказать актуальность постоянно обновляемого марксизма.

от какой-либо сознательно выбранной и отстаиваемой в теории (а желательна еще и на практике, в каждодневной жизни) парадигмы выступает тезис о смерти парадигм и «больших» теорий вообще.

Кое-кто из левых интеллектуалов выбрал эту дорогу уже давно – за пару десятилетий до распада СССР. Зачастую, как мы уже отметили, это происходило под влиянием событий 1968 года – «Парижского мая», «Пражской весны» и прямо противоположного им по вектору акта ввода советских войск в Чехословакию.

Так или иначе, среди разочаровавшихся в активизме и возможностях социального творчества интеллектуалов особую популярность стал приобретать не-нарратив, который можно обозначить в стиле книги Ж. Деррида как «*золы угасший прах*»¹. И этот не-нарратив оказался столь созвучен самосознанию социофилософской среды, что превратился даже не в парадигму, а в претендующую на абсолютную монополию установку *единственно современной не-методологии не-исследований*. Она жестко навязывается интеллектуальному сообществу с однозначным отторжением всякого иного подхода как априори устаревшего, нестильного, достойного «деконструкции».

Тотальная капитуляция постмодернизма.

Деконструкция как сущность

КАК БЫ МЕТОДОЛОГИИ НЕ-СУЩЕСТВЕННОГО

Впрочем, *деконструкция* – это не только следствие иных атрибутов постмодернизма, но и исходная установка данного течения, хорошо известная прежде всего по работам Жюлья Делеза и Жака Деррида. «Шум бытия» первого; «Грамматология», «Письмо и различие» второго² стали едва ли не культовыми работами постмодернистов. Любопытно, что

¹ Деррида Ж. Золы угасший прах. СПб., 2002.

² См.: Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. М.: Ad Margenem, 2000; Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с фр. СПб.: Академический проект, 2000. Вот что говорит о грамматологии и деконструкции сам Ж. Деррида: «Грамматология должна деконструировать все то, что связывает концепты и нормы научности с онтологией, с логоцентризмом, с фонологизмом. Это работа громадная и нескончаемая... Деконструировать оппозицию – значит сначала в определенный момент перевернуть иерархию. ...Как это видно в названных текстах и в «Белой мифологии» всякому пожелавшему ее прочесть, наиболее общим заглавием для всей проблемы было бы: кастрация и мимесис. Я могу здесь только отослать к этим анализам и к их последовательности. Концепт кастрации по существу неотделим в этом анализе от концепта рассеивания. ...Мне тогда хотелось бы у вас спросить, каково вводимое вами соотношение между рассеиванием и влечением к смерти. – Соотношение самое необходимое» (Деррида Ж. *Позиции*. М.: Академический Проект. 2007. С. 43, 50, 99, 107).

этот термин остается принципиально неопределенным¹. К нему ведет бесконечный процесс различения всего от всего, который пройдет через абсолютную разрозненность бытия и взаимобезразличия его осколков², «шумов», и завершится деконструкцией³, торжеством бессмысленного текста⁴.

Отказ даже от *попыток* изменить мир, от практики вызвал поначалу любовь к текстам как миру не-практики⁵, затем к толкованиям и

¹ Некоторая попытка его определения есть у К. Харта: «Деконструкция – производный от Destruktion Хайдеггера термин Дерриды, указывающий на способы формирования дискурса из ряда более ранних дискурсов и вскрывающий наличие разного рода совмещений и сглаживаний. Не будучи ни методологией, ни набором тезисов, деконструкция для ее использования не может быть изолирована. Не исходит она и просто из внешнего по отношению к тексту, как в случае с традиционной «критикой». Скорее уж она кроется в шероховатостях текста и улавливается бдительным читателем. Возникающий из текста намек на деконструкцию фиксируется читателем и порождает модель двойного утверждения («да, да»). Деконструкция выполняется многими способами, хотя ряд прочтений Дерриды считаются образцовыми. См. «Аптеку Платона» (*Derrida J. Plato's Pharmacy*) в его «Рассеивании» (*Dessimation*, 1981), «Подпись события контекст» (*Signature Event Context*) в «На полях философии» (*Margins of Philosophy*, 1982), а также «Грамматология» (*On Grammatology*, 1976) и «Из духа» (*On Spirit*, 1989)» (*Харт К. Постмодернизм. М., 2006. С. 239–240*).

² Обратим внимание на приводимую В.Г. Арслановым цитату Делеза: «... в бесконечном движении убывающего от копии к копии подобия мы достигаем той точки, где все сущностно меняется, сама копия превращается в симулякр, где наконец подобие, духовная имитация, уступает место повторению» (*Делез Ж. различие и повторение. СПб., 1998. С. 162; см. также: Арсланов В.Г. Постмодернизм и русский «третий путь». М., 2007. С. 10*).

³ См. *Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000*. Примерно в том же русле лежит и мысль Ж. Деррида с его идеей «прививок», приводящих к мутации (это уже наш термин – см.: *Бузгалин А.В., Колганов А.И. Мутантный капитализм как продукт полураспада мутантного социализма // Вопросы экономики. 2000. № 6. С. 102–113*) первоначальных теорий.

⁴ Характерно в этом отношении высказанное Ж. Деррида в Москве мнение о своих собственных текстах: «... другие читатели, люди, не подготовленные к чтению, по крайней мере, не являющиеся знатоками Гуссерля или Ницше, те, что читают мои тексты, скажем так, по-варварски, наивно, более восприимчивы к трепетанию плоти текста, к тому текстовому воздействию, которое в конечном счете связано с телом, телом читателя или же моим телом; они извлекают некий ценный для себя опыт из этого бес-смысленного текста или из этой микроструктурности смысла...» (*Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М.: РИК «Культура», 1993. С. 180*).

⁵ «Рисуя общую логику постмодернистского философско-эстетического дискурса, Ролан Барт обозначил ее в названии одной из своих самых известных статей: «От произведения к тексту» (*Тереценко Н.А., Шатунова Т.М. Постмодерн как ситуация философствования. СПб.: Алетейя, 2003. С. 126*); →

размышлениям о многообразии пониманий не-практики, текстов¹ (отсюда герменевтика), их структур (структурная лингвистика и другие науки о языках²). Далее уже и язык объявляется нечто, существующим вне общений, изображений и топологических схем³. Отсюда уже прямая дорога к деконструкции всего, даже пониманий; сведение всего к письму и смерти «Я».

Наиболее жесткое проявление деконструкции – эпатирующее стремление Делеза к тому, что мы бы назвали «охулением» всех предшественников-философов, стало установкой деконструкции как не отрицания и даже не разрушения, а хулы. Причем хулы иезуитской, осуществляемой путем выворачивания наизнанку собственных смыслов автора. Над предшественниками осуществляется не просто насилие: их искусственно, при помощи интеллектуальной *симуляции*, превращают в соучастников возвращающе-деконструирующей игры. Делез инициирует не просто насилие над содержанием. Он вовлекает и насилуемого предшественника, и читателя-современника в интеллектуальный разврат, симулирующий активное соучастие насилуемого в этом процессе и через это превращающий объект насилия (предшествующую философию) в такого же развратника-симулянта, как и подвергающий эту философию атаке постмодернист.

Постмодернистская деконструкция – это именно насильственное вовлечение и предшественников, и современников, и будущих читателей

← «В наши дни произведение исполняет один лишь критик – как палач исполняет приговор» (*Барт Р.* От произведения к тексту // *Избранные работы: Семиотика. Поэтика* / Пер. с фр. М.: Прогресс, Универс, 1994. С. 421–422).

¹ «Рассуждая о судьбе философии в эпоху постсовременности, Зигмунд Бауман отмечал, что философской парадигмой, наиболее адекватной этой эпохе, является герменевтика как философия понимания, пытающаяся переводить некоторую культурную реальность с языка одной культуры на язык другой. Бауман даже говорит, что герменевтика ведет за собой ситуацию» (*Тереженко Н.А., Шатунова Т.М.* Постмодерн как ситуация философствования. СПб.: Алетейя, 2003. С. 49; *Бауман З.* Философские связи и влечения постмодернистской социологии // *Вопросы социологии.* 1992. № 2. С. 15).

² «Научное знание – это вид дискурса. Поэтому можно сказать, что на протяжении сорока лет так называемые передовые науки и техники имеют дело с языком: фонология и лингвистические теории, проблемы коммуникации и кибернетика, современные алгебры и информатика, вычислительные машины и их языки, проблемы языковых переводов и исследование совместимости машинных языков, проблемы сохранения в памяти и банки данных, телематика и разработка “мыслящих” терминалов, парадоксологии – вот явные свидетельства и список этот не исчерпан» (*Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. С. 15–16).

³ «...нужно перестать подчинять язык и имя в языке (впрочем, находится ли имя, имя собственное или имя истинное в языке, и что означает такое включение?) какому бы то ни было обобщению, изображению или топологической схеме» (*Деррида Ж.* Кроме имени. М., 1993. С. 101).

в насилии-разврат, только интеллектуальный. Но от этого еще более грязный.

Не верите? Прочитайте внимательно широко цитируемый отрывок Делеза (его неслучайно воспроизводит не раз упоминавшийся В. Кутырев, но последний не делает столь жестких выводов, сколь мы): «В то время меня не покидало ощущение, – признается Делез в своем отношении к предшественникам, – что история философии – это некий вид извращенного совокупления или, что тоже самое, непорочного зачатия и тогда я вообразил себя подходящим к автору сзади и дарующим ему ребенка, но так, чтобы это был именно его ребенок, который притом оказался бы еще чудовищем. Очень важно, чтобы ребенок был его, поскольку необходимо, чтобы автор в самом деле говорил то, что я его заставляю говорить»¹.

Интенции Делеза – это *насилие*, ибо все содержание философии подвергается разрушению. Разрушается онтология и гносеология. Истина и системное знание. Субъект и объективная реальность (первый заменяется симулирующим действие игроком-актером, вторая – бессмысловым нечто, равнозначным чепухе – *нонсенсом*).

Более того, это именно насильственное вовлечение в интеллектуальный разврат, ибо в цитируемом отрывке есть и еще один чудовищный аспект деконструкции: стремление не просто насильственно, но и противоестественным образом («сзади» – симулируя соединение) заставить предшественника самого как бы породить как бы своего ребенка (опять симулякры) в результате (NB!) насилия-надругательства и с тем, чтобы этот ребенок стал смертью родителя – чудовищем, деконструирующим породившую его теорию («усатая Джоконда» – пример Делеза).

В результате все достижения человеческой мысли в этой процедуре деконструкции превращаются в гнусности интеллектуального импотента, симулирующего философствование в силу неспособности к продуцированию знания. Символично в этой связи и стремление значительной части художников-постмодернистов к эстетической деконструкции с патологическим тяготением ко всяческой грязи, разврату и т.п. Они как бы низводят высшую тему искусства – Любовь – до пошлости извращений или банальности мастурбации (Деррида), патологически боясь этого чувства в его культурно-гуманистическом величии вследствие своей неспособности Любить, так как же как их философствующий собрат патологически боится поиска истины вследствие своей неспособности Познать.

Так *постмодернизм*, стремясь «деконструировать» талант своих прародителей, обнажает свою собственную **не-талантливость**.

¹ Кутырев В.А. Философия постмодернизма. Н.-Н., 2006. С. 22.

СНЯТИЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА:
ПОЗИТИВНОСТЬ ДИАЛЕКТИКИ КАК АЛЬТЕРНАТИВЫ
ТОТАЛЬНОМУ КОНТРОЛЮ И ТОТАЛЬНОМУ БЕЗРАЗЛИЧИЮ

Постмодернизм как Alter Ego сталинизма

В кратком введении к нашей книге мы акцентировали очевидную, но подчас «забываемую» максиму современной эпохи: наш мир объективно поставлен перед вызовами глобальных проблем, в том числе связанных с началом *качественных* изменений в социальном бытии. Если мы признаем наличие *таких* проблем и *таких* изменений, то перед нами встает вопрос о том, как мы можем исследовать эти проблемы и эти процессы? Не является ли каждая из глобальных проблем объективным основанием для поиска «больших нарративов», позволяющих понять ее природу и на этой основе искать пути ее решения?

Не ставит ли процесс рождения качественно новых феноменов в современном мире вопрос о том, как происходит отрицание «старых» атрибутов *системы* и рождение новых качеств *новой системы*?

Если да, то мы оказываемся перед необходимостью сделать первый шаг к диалектике: *представить мир как познаваемую субъектом объективную социальную реальность, а саму реальность – как совокупность исторически развивающихся систем, имеющих некоторое начало и некоторый конец в своей эволюции*¹.

В этой фразе содержится как минимум три атаки на современную методологию. Рассмотрим их подробнее, обращая особое внимание на те *новые аспекты, которые привносит в понимание данных проблем позитивная критика, снятие методологии постмодернизма*, предполагающее наследование достижений последнего (акцентированная выше критика постмодернизма для автора-диалектика отнюдь не означает стремления выбросить его на «свалку истории». Это, скорее, интенции постмодернизма по отношению к диалектике; мы же считаем необходимым понять, почему и как возникло это неслучайное течение общественной мысли и «снять» его, а не подвергать хуле; и радикальность критики в этом случае есть залог поиска позитива).

¹ Такая постановка проблемы еще двадцать лет назад выглядела едва ли не банальностью и ее можно было найти в любом серьезном учебнике философии или даже в предисловии, посвященном методу общественных наук, к любому серьезному учебнику по социальным наукам (в качестве примера отошлем читателя к одному из лучших советских учебников по политической экономии. См.: Курс политической экономии. Под ред. Н.А. Цаголова. Т. I. М., 1973). Ныне такая постановка превратилась в малознакомую молодому поколению методологов гипотезу. Отсюда и необходимость некоторого повторения азов «старой» советской школы творческого марксизма.

Первая – представление общества как познаваемой объективной реальности. Эту тему мы оставим в стороне: в одном тексте невозможно доказывать правомерность всех фундаментальных положений философии. Продолжим анализ исходя из того, что хотя бы часть наших читателей согласилась с первой тезой. Тех, кто с ней не согласен, оставим «по ту сторону» наших дебатов: они могут продолжать жить в мире непознаваемых не-реальностей¹.

При этом, однако, заметим: снятие постмодернистской деконструкции реальности в «нонсенсах» имеет по меньшей мере один важный новый позитивный смысл. Это постановка проблемы новой реальности, которую привносит в нашу жизнь генезис информационного общества и его современные превратные формы, надстраивающие над собой еще и мир «симулякров» – «симулирующих» реальность знаков превратных форм². Простейший пример – рекламный слоган «Запелсуй мегахит!», являющийся симулякром бренда «Пепси-кола», который сам по себе есть всего лишь превратная форма не слишком хорошо утоляющего жажду и мало полезного, но «раскрученного» напитка, прошедшего через процесс «превращений» полезного продукта в бренд.

Эта реальность симулякров действительно «плохо» познаваема в рамках ортодоксальной материалистической диалектики, адекватной для работы со «старыми» материальными и идеальными объектами, для которых, как правило, была характерна адекватность содержания и форм, знака и значения. Все более широкое распространение новой реальности – знаков, живущих в информационной среде и все более отрывающихся от своих значений, а также превратных социальных форм, создает объективную необходимость развертывания новых методологических подходов, развивающих известную нам диалектическую логику. И к этому вопросу мы еще вернемся.

Вторая атака – тезис о том, что социальное бытие системно, что оно есть совокупность взаимодействующих систем. Эта банальность прошлого (если не позапрошлого) века в нынешнем столетии вновь стала гипотезой, требующей доказательства.

Последнее далеко не так просто, как может показаться на первый взгляд. Особенно оно затруднительно в рамках текста, посвященного в принципе иной проблеме. Тем не менее позволим себе несколько ремарок.

¹ Заметим, что для подавляющего большинства постмодернистов эта ориентация на мир симулякров заканчивается, как только встает вопрос об их гонорарах: здесь уже никто из них не захочет оказаться в постмодернистской реальности, где за вашу работу вам может быть заплатят может быть деньги, а может быть деконструируют смысл вашего текста и превратят его в нетекст, за который вы (не?) получите некий симулякр денег...

² Эта тема интересно развита в книге С. Жижека с едва ли не эпатазирующим современным серьезного ученого названием «13 опытов о Ленине» (М., 2003).

Если мы признаем наличие в изучаемом нами некотором объекте определенных элементов и связей, то полпути к доказательству правомерности системного метода уже пройдено. Другое дело, что постмодернизм именно это и отрицает. Но тут он вступает в полемику не столько с «большими нарративами» сколько с любой позитивной наукой вообще. Поэтому полемику по данному вопросу мы оставим позитивистам и пойдем дальше. Дальше же появится едва ли не самая сложная проблема: выделение того системного качества, которое не сводимо (NB!) к сумме качеств ее элементов и делает систему системой, а не россыпью феноменов¹.

Последнее требует некоторого комментария. Системное качество, качество целостности, непосредственно связано с понятием границы и предела (развития) системы. Наиболее явственно оно проявляется себя в случае исторически, органически развивающихся систем. Раз возникнув, оно – подобно клеточке – задает границы и предел развития некоторой системы, порождая все богатство ее элементов и соединяя их в одно целое. Это качество развивается, обогащается, видоизменяется, но всякий раз остается самим собой. Так, из желудя проклевывается маленький росток, на нем появляются отростки и листья, постепенно формируются ствол и ветви, вырастает огромный дуб, на котором только свинья не увидит желудей. И росток, и ствол, и ветви, и листья – все они совсем не похожи на желудь, но они компоненты единой системы (дерева «дуб»), системно-генетическим качеством, генетически всеобщей характеристикой которого и является желудь. Более того, именно системное качество (принадлежность к вырастающему из желудя дереву «дуб») делает внешне непохожие друг друга элементы (листья, ветви, ствол...) компонентами одной системы и – самое главное – позволяет понять *differentia specifica* и каждого из этих элементов, и системы «дуб».

Для постмодерниста последние две проблемы не существуют (для него нет задачи выявления природы системы и ее элементов), ибо для него не существует подлежащего исследованию феномена «дуб». Для него может быть есть (а может быть и нет...) проблема деконструкции текста, в котором присутствует знак, являющийся симулякром некоторого конструкта, получившего в рамках нарратива «ботаника» имя «дуб»...

Впрочем, системное качество – категория, присущая и неорганическим системам. Но для нас сейчас важно не это. Для нас важен был акцент на системном качестве, на что современная методология, как правило, «забывает» обратить внимание. Между тем именно здесь лежит ключ к доказательству тезиса о правомерности и плодотворности системного метода даже в том крайне примитивном виде, который представлен выше. Всякий раз, когда мы сталкиваемся с рождением нового

¹ Неслучайно величайший диалектик XIX века Г.В.Ф. Гегель свою «Науку логики» начинает именно с качества (это первый раздел первого тома его трехтомного труда).

качества общественного бытия, перед нами встает вопрос: что именно изменяется? Какого масштаба изменения происходят? Сколь широкий круг общественных феноменов они затрагивают (каково их социопространственное измерение)? Сколь далеко они заходят в историческую ткань (сколь значимы их социовременные параметры)? Сама постановка этих вопросов ставит нас перед проблемой границ и пределов того социального устройства, в котором мы живем. Посему сама по себе постановка вопроса о том, происходят или нет изменения и сколь они радикальны, заставляет нас использовать системный метод, даже если мы об этом не знаем.

Впрочем, постмодернистская критика системности имеет свои содержательные основания в характерном для многих догматических приверженцев «больших нарративов» стремлении к чрезмерной симплификации системного метода. Типичное для иных из них (особенно для представителей догматически-сталинского «марксизма-ленинизма») стремление объяснить все сложнейшие проблемы онтологии и гносеологии при помощи нескольких сведенных в простейшую систему догм (типа «трех законов диалектики» и «классовой борьбы») не могло не породить обратной реакции – отрицания сколько-нибудь строгих системных детерминаций, каузальностей, социоисторических закономерностей и т.п. вообще. Так неслучайно возникла идея «овердетерминизма», всеобщей связи всего со всем, где принципиально невозможно ни выделение наиболее значимых детерминант, ни утверждение о том, что круг выявленных детерминант является исчерпывающим.

Сама по себе постановка этой проблемы (наиболее типичная для упомянутых выше представителей экс/постмарксистского крыла постмодернистов) весьма ценна, хотя и направлена на борьбу не с системно-диалектическим подходом, а с его злейшим врагом – догматическим формализмом. Впрочем, и диалектическая логика оказывается «не без греха» в рамках этого проблемного поля. Следуя гегелевской традиции развертывания системы категорий на основе восхождения от абстрактного к конкретному, традиционная диалектическая логика всегда неявно подразумевала, что объектом ее исследования является некая единая, обладающая одним системным качеством реальность. Проблематика взаимодействия разнокачественных систем, системы и подсистемы (метасистемы), сетевых и ризомных структур не то чтобы игнорировалась, но лежала на периферии диалектических исследований позапрошлого и прошлого веков. Между тем в последние десятилетия именно эта проблематика неслучайно выходит на первый план. И в этом смысле постмодернистская критика системности указывает на действительно открытое поле исследования. Но она, во-первых, не правомерна в своем полном отрицании системности: исследование обладающих единым системным качеством образований было, есть и будет актуально. Во-вторых, требование признания «овердетерминизма» само по себе мало-

продуктивно (если не считать продуктивным переход от этого акцента к признанию права жизни только за деконструкцией – ход, типичный для последовательного постмодернизма) и не избавляет ученого, все-таки признающего наличие у теории способности адекватно познать и отобразить закономерности мира, от выработки методологии работы с мультисистемными, сетевыми и т.п. образованиями, все более типичными для нового века.

Третья атака связана с признанием факта эволюции систем во времени и в пространстве. Введение социовременного и социопро пространственного измерения ставит вопрос о границах общественной системы в плоскость пределов ее эволюции, а постановка проблемы пределов эволюции неизбежно вводит параметр развития, включая проблемы генезиса системы, ее эволюции на собственной основе и ее «заката» там и тогда, где и когда она достигает своих пределов. Еще один шаг – и мы поставим проблему *смены систем*, отмирания «старой» системы и рождения «новой», а вслед за этим – вопрос об источниках этого развития и подойдем вплотную к собственно диалектике.

Впрочем, здесь следует сделать одну оговорку. Диалектика в сознании некоторых ее критиков оказалась тождественна практике «р-р-революционного» отрицания сталинизирующими политиками XX века всех компонентов существующего бытия под флагом диалектики, практике репрессий под флагом обострения классовых противоречий и т.п. Для любого профессионала, впрочем, достаточно понятно, что никакой прямой связи между диалектикой и *такой* практикой нет.

Диалектика действительно видит мир в развитии, видит это развитие как живое противоречие, утверждает, что в своем развитии всякая система приходит к своему завершению. Но суть этого отрицания выражается категорией *снятие* – отрицание, которое одновременно является наследованием предшествующей системы и развитием ее потенциала. Именно так ставил вопрос еще Гегель. Именно так ставил и ставит вопрос марксизм, когда он говорил и говорит о снятии, а не уничтожении частной собственности (в русский язык неслучайно вкралась «ошибка» переводчика, заменившего одну категорию другой: сталинская модель была ориентирована именно на уничтожение, «зряшное отрицание» предшествующей системы).

* * *

Парадоксом в этом смысле выглядит едва ли не совпадение сталинизма и постмодернизма. Адресация последнего к *деконструкции* и *десубъективации* симптоматична. Именно этими терминами, на наш взгляд, можно наиболее точно обозначить *практику* сталинизма, где и когда человеческое бытие подвергалось полной деконструкции и десубъективации. «Деконструкции» – при помощи репрессий. «Десубъективации» – путем насаждения политических механизмов, лишаящих индивида

реальных гражданских прав, путем подмены человека неким *внеличностным «актером»* всех общественных процессов – Иосифом Сталиным как *симулякром социального творчества масс*.

В этом смысле мы можем назвать сталинизм «практическим постмодернизмом».

И это предвосхищение постмодернистской методологии сталинской практикой неслучайно: в обоих случаях основой стало реальное вытеснение человека-субъекта некими внешними, абсолютно чуждыми человеку-субъекту силами. В случае сталинизма – тоталитарной политической системой, в случае современной системы как социального основания постмодернизма – тотальной властью рынка и глобальной гегемонией капитала.

Любопытно, конечно, задать вопрос: почему официальной методолого-философской доктриной, развивавшейся под эгидой сталинской системы, был «диамат» – крайне примитивизированная версия диалектики и материализма, а не некие новые конструкции, предвосхищающие нынешний постмодернизм? Подробный анализ этой проблемы уведет нас слишком далеко от нашего предмета, поэтому ограничимся лишь двумя соображениями.

Первое. Рассматриваемая нами эпоха принципиально несводима к сталинской политической диктатуре. Последняя паразитировала на реальном социальном творчестве – сугубо субъектной практике творения нового мира путем снятия старых отношений¹. Именно эта живая струя, выраженная и в социальной практике СССР, и в советской культуре, стала одной из важнейших причин сохранения сталинизмом диалектики как официальной философской доктрины при выхолащивании ее содержания и развития примитивно-превратных форм (от «трех законов диалектики» до «обострения классово-борьбы по мере продвижения к социализму»).

Второе соображение: сталинские мутации должны были сохранять формальное «средство» с научным социализмом, ибо только оно делало эту систему легитимной. Дав научную модель снятия капитализма и – шире – «царства необходимости» – марксизм сыграл сам с собой злую шутку. Став первым развернутым теоретическим доказательством необходимости и возможности рождения нового, социалистического общества, *марксизм превратился в генетически-всеобщую основу всех социалистических теорий и, что еще важнее, практик*. Отныне любая социалистическая доктрина и ее практическое воплощение оказались вынуждены соотносить себя с марксизмом и позиционировать себя как его развитие, уточнение, спецификацию. Они делали и делают это на протяжении вот уже более ста лет во всех случаях, даже тогда, когда

¹ Авторы эту тему подробнее развивают в книге «Сталин и распад СССР» (М., 2003).

эти практики становятся прямо противоположны базовым положениям марксистской теории, ибо только марксизм как единственно строгая теория нового мира придает им легитимность в мире тех, кто ищет социалистические альтернативы нынешнему общественному мироустройству. Это же произошло и с диалектикой как базовой методологией марксизма.

Но в той мере, в какой тоталитарная власть могла избавляться от материалистической диалектики, подменяя ее правилами формального отрицания (симулированием диалектического снятия) и десубъективизации (симулированием материализма), она это делала. В официальных учебниках противоречия сводились к негации дурной стороны. Человек как социальный субъект подменялся «массами» – этим симулякром субъектности. На место теоретической открытости и самокритики парадигм (еще одна ныне забытая черта марксистской диалектики) пришла единственная парадигма, один-единственный «большой нарратив», догматизированный в соответствующих текстах вожда.

Заметим в этой связи: сталинизм предугадал новейшие тенденции в эволюции западной философской методологии. Постепенное развитие того, что мы, в отличие от многочисленных описателей «империи», назвали «протоимперией» (процесс ее рождения еще не завершен и может быть остановлен), бросает вызов постмодернистскому безразличию¹. Возникает новая тенденция: доведения постмодернистской методологии до абсурдной завершенности в социальной, экономической и политической практике.

Отрицание больших нарративов заканчивается тем, что само это отрицание превращается в единственный нарратив (язык не поворачивается назвать его большим), который отторгает интеллектуалов от какой-либо социокультурной и идейной позиции, а гражданам, превращенным в аморфные массы нарождающейся империи, отводит роль внефилософского не-субъекта.

Интенции деконструкции обретают материальное бытие и превращаются в интенции практической деконструкции – прямого и косвен-

¹ В данном случае авторы используют термин протоимперия в смысле зарождения (процесс еще не завершен) именно имперских порядков с их будущей метрополией (на эту роль претендует сверхгосударство США, сравненное с большей частью глобальных игроков – от транснациональных корпораций до МВФ, ВТО и НАТО) и реколонизируемыми странами периферии. Этот взгляд принципиально отличен от особенно модного в настоящее время среди части заигрывающих с постмодернизмом левых Запады подхода М. Хардта и А. Негри и других левых теоретиков, более или менее близких постмодернизму, но при этом ищущих альтернативы [прото]империи. Впрочем, те же Хардт и Негри по сути дела сводят империю к некоей аморфной массе глобализованных сетей, снимая проблему борьбы против вполне осязаемых и очень активных конкретных институтов капитала. Критический анализ этих работ можно найти, в частности, в упоминавшейся выше публикации в журнале «Альтернативы» (2005, № 4).

ного насилия, разрушающего остатки гуманного общественного бытия при помощи рыночного, политического, идейного манипулирования, подкрепленного прямым насилием против тех, кто пытается найти хоть какой-то иной «большой нарратив» на практике.

Впрочем, и здесь мы не оставим в стороне поиск позитива в концептах постмодернизма. Применительно к рассматривавшейся выше теме они будут связаны с акцентированием проблемы «умирания», засыпания системы, что мы ниже обозначим как актуализацию проблемы «заката» социальной системы. Именно эта часть диалектики – исследование противоречий и диссонансов «заката» – была наименее развита ранее. Именно она требует наибольшего развития сейчас – в период «заката» господствующих ныне отношений, на что и указывает, причем вполне позитивно, провозглашаемый постмодернизмом даже не «закат», но само-де-конструкция философии, методологии, науки, культуры – далее везде...

Впрочем, мы увлеклись. Вернемся к проблемам обоснования диалектики как метода, адекватного познанию социальной реальности. Мы остановились на следующем: *если мы ставим перед собой проблему исследования законов рождения, развития и «заката» «больших» систем, мы неизбежно встаем перед необходимостью использования системного диалектического метода.*

И в той мере, в какой названные выше проблемы являются социальной реальностью и XXI века, в этой мере остается актуален классический диалектический метод. В этом смысле даже «классическая» материалистическая диалектика, глубоко чуждая догматическим версиям марксизма, *сегодня может стать большим шагом вперед по сравнению с методологическим обскурантизмом, господствующим сегодня в философии и социальных науках и прикрываемым постмодернистской риторикой.*

И все же наиболее важной и сложной задачей, как мы отметили, становится *развитие диалектического метода.*

Диалектика: критика как основание для альтернатив

Заметим: теоретическая критика интенций деконструкции на самом деле бессмысленна. Они не поддаются теоретической критике. Они могут и должны быть вытеснены, так же как и теоретики, обосновывавшие инквизицию или гебельсовское сжигание книг. Но вытеснены интеллектуально, а не политико-идеологически.

Другое дело, что теоретик, стремящийся к преодолению этого извращенного насилия над философией и – шире – культурой, должен понять, почему это возникло и получило столь широкое распространение, почему талантливые, в значительной массе критически настроенные по отношению к миру отчуждения мыслители оказались авторами едва ли не самых страшных в своей пропаганде крайнего отчуждения теорий.

Эта инверсия, в разной степени характерная для разных постмодернистов (Бодрийяр, например, заражен ей в меньшей степени, чем Делез

и Деррида, Хардт и Негри – в еще меньшей степени, а особенно популярный в последнее время среди левых теоретиков Жижек по сути от нее вообще далек), неслучайна, что мы уже показали выше.

В своем крайнем виде она оказалась порождена одним из наиболее жестких *противоречий отчужденного духовного мира второй половины XX века*. Это противоречие между страхом достижения *реального* разрушающего активизма «больших нарративов», породивших *преступления либерализма* (ужас Хиросимы и Нагасаки, многие десятки миллионов жертв «локальных» войн – все это практика либерального «большого нарратива»), *фашизма, сталинизма*, – с одной стороны; тупиком жизни вне социальной позиции, жизни сытого конформиста – с другой. *Модерн снабжал обывателя иллюзиями о возможности благополучия, постмодерн предлагает иллюзии как реальность*¹.

Выходов из этого противоречия может быть несколько. Один из них характерен для «вялых» постмодернистов, подчинившихся логике университетских супермакетов (о них мы писали выше). Другой – для тех, кто некритично остается в плену старых нарративов и ныне с легкостью скатывается к апологии имперскости или иного «нарратива» столетней давности.

Если же искать новые решения, не сводящиеся к банальному принятию одной из названных выше позиций, то их может быть только два. Одно – поиск принципиально открытых для диалога новых больших теорий (о нем – ниже). Другое – *капитуляция*. Капитуляция перед неспособностью быть субъектом ни в философии, ни в жизни. Капитуляция, разрушающая до основания все, в том числе самого себя. Субъекта-то нет, следовательно, и автора постмодернистских текстов нет. Как субъекта. Есть текст, безразличный к не-автору, и не-автор, безразличный к своему *не-бытию-в-тексте*.

С сожалением приходится констатировать: самоубийство Делеза в этом контексте оказывается весьма симптоматично, равно как и самоубийственный по сути стиль жизни многих других (хорошо, что не всех...) «гуру» постмодернизма, выбравших путь капитуляции перед неспособ-

¹ «Переключаться в дневное время с канала на канал – значит встречаться с ангелами и вампирами, пришельцами и киборгами, убеждающими в скором конце света проповедниками и, казалось бы, с образованными гостями ток-шоу, со всей серьезностью обсуждающими предсказания Нострадамуса. Постмодерн можно определить как то, что явилось миру, когда мы перестали верить в модерн, когда порядок и здравый смысл, моральное совершенство и просвещенность перестали быть общими для всех нас высшими ценностями. Мы осознали, что модерн, возможно, снабжал нас иллюзиями по поводу того, чего может достичь человек, однако он же оберегал от многих религиозных и политических кошмаров... что эпоха постмодерна может предложить нам все, что предлагал модерн, но без его абстракций, несбыточных общественных идеалов и морализаторства» (Харт К. Постмодернизм. М., 2006. С. 34–35).

ностью что-либо изменить в мире отчуждения при невозможности принять его. *Тотальная капитуляция* – вот в конечном счете причина той самой извращенной деконструкции, о которой мы писали.

С этим тесно связаны *гносеологические причины бурного распространения постмодернизма*. Среди них прежде всего «дряклость» *прежних парадигм*, их неспособность дать адекватный ответ на вызовы новой эпохи. На первый взгляд, простым решением этой проблемы кажется поиск новых больших теорий, но он оказался «непопулярен» во второй половине (и особенно в конце) прошлого века. Причины здесь были уже не столько гносеологические, сколько социальные, лежащие в основаниях той духовной атмосферы, которая породила Делеза, Дерриду, Фуко и К^о.

Впрочем, любовь к абсолютной деконструкции и бытию исключительно в мире симулякров продержалась недолго. Собственно постмодернизм стал порождать некие попытки выхода на старую дорогу позитивизма («*трансмодернизм*», «*грамматология*» и т.п.)...

Между тем крот истории тем временем вырыл большую ловушку для постмодернизма вообще, породив на практике новый «*большой нарратив*» – *имперскую политику современных глобальных игроков*, которым чем дальше, тем больше будет нужна и новая имперская идеология, и подводящая под нее теоретические основания («*большой нарратив*») философия¹. Симулякры, впрочем, останутся: трансформация глобальной неолиберальной практики в практику протоимперии не уничтожает мир превратных форм. Но об этом мы уже писали.

* * *

Прежде чем перейти в плоскость поиска альтернатив философии и методологии постмодернизма, подчеркнем, что они были подвергнуты выше критике по нескольким фундаментальным причинам.

Первая – эта философия *разрушает и культуру, и философию не только настоящего, но и прошлого*, оставляя человека безоружным и одиноким перед лицом мира отчуждения. Человек, оказавшийся вне культуры и вне истории, не может быть человеком. И в этом смысле философия *постмодернизма разрывает с гуманизмом* как идейным (а тем более практическим) «дискурсом». Впрочем, она этого и не скрывает, но тем проще сделать вывод: *всем тем, кто не может и не хочет отказываться от гуманизма, с постмодернизмом не по пути*.

Вторая причина касается соотношения философии постмодернизма и господствующих отношений отчуждения. Практически все атрибуты постмодернизма являют собой по сути дела символы *капитуляции современного интеллектуала перед вызовами новых превратных форм отчужденного бытия человека в условиях тотального господства рынка и глобальной*

¹ Бузгалин А.В. Постмодернизм устарел // Вопросы философии. 2004. № 2.

гегемонии капитала. Эту связь мы постарались показать выше, равно как и ограниченность постмодернистской критики существующей системы в работах представителей левого крыла этого течения. Отсюда достаточно важный вывод: для интеллектуала, который ищет самооправдания своему приспособлению к миру симулякров, постмодернизм адекватен, и всякая критика этого небольшого не-нарратива для них принципиально невозможна, ибо предполагает разрушение всего их жизненного уклада.

Для тех же, кто ищет альтернативы отношениям отчуждения, постмодернистская методология выведения мира идей из поля практики принципиально неплодотворна. Теоретический и практический критик мира отчуждения может решить поставленные им задачи только тогда, когда он не просто возмущается превратными, симулирующее человеческое бытие формами современного мира, не просто фиксирует (возможно, с негодованием) де-конструктивную природу современного мира, но и исследует *основания и причины* такого положения дел; ищет его *системные характеристики, границы и пределы*; стремится определить потенциального и реального субъекта, способного изменить существующую систему и начать решать проблемы, принципиально «закрытые» для постмодернизма: проблемы социального освобождения, развития науки, культуры, образования, т.е. человека как субъекта творчества в мире культуры, социальной жизни¹. Как известно, для постмодернизма все эти понятия (Человек как родовое существо, субъект, со-творчество, культура, социальное освобождение) находятся под запретом и должны быть исключены из интеллектуального оборота.

¹ Интересно в этой связи, что заигрывающий с постмодернизмом С. Жижек все же ставит как ключевую проблему поиска природы свободы и других фундаментальных понятий, адресуясь при этом к В.И. Ленину и В. Беньямину как первоисточникам: «...куда более важно то, каким образом сегодня, быть может впервые в истории человечества, наш повседневный опыт (био-генетика, экология, киберпространство и виртуальный мир) вынуждает всех нас столкнуться с основными философскими вопросами о природе свободы, человеческой идентичности и т.д. Возвращаясь к Ленину, его «Государство и революция» в точности соответствует этому разрушительному опыту 1914 года...» (*Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., 2003. С. 8*); «Сегодня как никогда более актуальны слова Вальтера Беньямина о том, что недостаточно просто задать вопрос о том, что та или иная теория (или искусство) говорит о своем отношении к социальной борьбе, – нужно также задать вопрос о том, какую роль она на самом деле играет в этой борьбе» (Там же. С. 19). Любопытно, что и ищущий в постмодернизме рациональное зерно В. Арсланов в самом конце своей книги все же обращает внимание и на проблему активного отношения к действительности: «Если опыт «активного отношения к действительности», приведшего к поражениям, что выше иных побед, будет усвоен, то можно смело ввязываться в бой, воссоздавая глубокий сократовский смысл формулы: дело наше правое...» (*Арсланов В. Г. Цит. соч. С. 632*).

Поэтому *интеллектуал сегодня стоит перед выбором: или признание (практическое или хотя бы теоретическое) названных выше интенций субъектности, гуманизма, преодоления отчуждения, или постмодернистский обштейнционизм.*

Сознательно или бессознательно каждый из нас сегодня делает этот выбор, за исключением разве тех, кто предпочитает оставаться в мире позитивных частных работ, отстраняя себя и от больших нарративов, и от проблемы их отсутствия.

Третья причина нашей критики постмодернизма – его *нефутуристичность*. Постмодернизм оказывается неплодотворен не только в сфере познания природы отношений отчуждения, господствующих в современном мире, но и для (NB!) поиска путей снятия (не зряшного отрицания!) этих отношений. Для такого взгляда в будущее необходимо как минимум показать историко-теоретические границы и пределы развития нынешнего мира в его исторической динамике, ибо без этого мы никогда не поймем, что именно мы отрицаем, где, когда и почему это отрицание может стать конструктивным, ибо для него разовьются достаточные предпосылки, а старый мир достигнет своих пределов. Легко понять, что решение такой задачи возможно лишь при условии исследования системного качества, содержания, форм (в том числе – превратных) мира отчуждения, равно как и возможного социального субъекта будущей практики снятия этого мира, чему и посвящена как настоящая книга, так и большая часть предшествующих публикаций авторов¹.

Любое другое отрицание превращается либо в зряшную деконструктивную хулу, либо в капитуляцию перед силами деконструкции. В первом случае весь пар отрицания уходит в свисток недовольного, но бездейственного интеллектуала, генерирующего неконструктивные, нетеоретические, неидеологические «тексты». Во втором случае узаконивается отсутствие не только пара, но и свистка².

Впрочем, об этом мы уже писали.

Диалектика: альтернативы как снятие критики

А теперь к проблеме *альтернатив*.

Наши размышления мы построим по принципу снятия логики развертывания основных атрибутов постмодернистского небольшого не-нарратива. Эта логика присутствует несмотря на запрет на ее существование со стороны самих постмодернистов, и выше мы ее неявно развернули. Напомним ее основные компоненты: в исходном пункте – замена ре-

¹ См., в частности, уже упоминавшиеся книги «Глобальный капитал» и «Ренессанс социализма».

² «В нашем мире ничегонеделанье не является пустым, оно уже обладает значением – это значит говорить „да“ существующим властным отношениям» (Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., 2003. С. 57).

альности (и материальной, и духовной) симулякрами. Работа с ними возможна лишь в мире не-концепций, концептов. Этот мир принципиально не может быть структурирован (иначе в нем на место концептов придут теоретические концепции, а симулякры будут вытеснены исследованием превратных форм и их содержания) и потому носит характер ризомы или лабиринта без входа и выхода. Как таковой он не только отторгает поиск истины, но и принципиально лежит вне сложно организованного, системного, концептуального знания и предполагает отрицание «больших нарративов». Наконец, для того, чтобы такая не-философия, имеющая дело с не-реальностью и не-знанием, была узаконена, остается только один путь – путь узаконения «не» в качестве не частицы, а подлежащего, превращение ее в краеугольный камень нового не-направления не-мысли. Так конструкция постмодернизма завершается принципом де-конструкции.

Проще всего было бы построить альтернативы этой не-логике по принципу возврата к классике, в которой есть материя, есть сознание, и есть вечный вопрос о том, что из них первично. Есть разные парадигмы и споры между ними. Есть системное знание и поиск истины. Есть субъект познания и его вечная мука от неспособности завершить свою творческую деятельность.

Самое смешное, что такая альтернатива столь же правильна, сколь и мало конструктивна. Она позволяет выйти из постмодернистского тупика только «задним ходом», а пятиться придется долго: на этом попятном пути нам придется проследовать через такие «промежуточные станции», как структурализм и все разновидности позитивизма... Да и сам постмодернизм, как мы уже отметили, несколько сдвинулся в сторону все более популярной ныне игры в пространстве языков, текстов, знаков и иных «номад» (впрочем, этой моде уже не одно десятилетие), растет она из структурной лингвистики середины прошлого века).

К тому же постмодернисты справедливо подметили, что нынешний мир (мы бы сказали – поздний капитализм) по своей природе неклассичен (мы бы сказали – постклассичен; в чем именно состоит смысл этого «пост-», авторы постарались показать выше).

Следовательно, нужен путь вперед, но путь не формальной альтернативы, а *снятия*, своего рода отрицания отрицания, подобного пути Ренессанса к новой реальности через диалектическое снятие средневековья при дважды снятом (и в средневековье, и в новой эпохе) античном мире.

Так и нам предстоит пройти дорогу двойного отрицания-воскрешения классики. Эта дорога покажет (1) как классика была подвергнута отрицанию постмодернизмом и (2) как может быть снят, а не просто отринут постмодернизм и (3) реактуализирована [новая] классика. Первое мы в меру сил показали выше. Второе предполагает понимание и преодоление (но не зряшную псевдотеоретическую деконструкцию) причин,

породивших и порождающих постмодернизм. Эту проблему мы также постарались решить выше. Теперь перед нами встает последняя и самая трудная задача: бережного воскрешения-снятия классики на основе не только отрицания, но и критического использования достижений (да-да – и достижений) заканчивающейся эпохи постмодерна, подобно тому как Возрождение воскрешало через снятие античность и отрицало (с сохранением достижений) феодальный мир.

Но это уже предмет другого текста.

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ КОНСТРУКТЫ
«ИМПЕРИИ» И «МНОЖЕСТВА»
КАК СИМУЛЯКРЫ ПРОТИВОРЕЧИЙ НОВОЙ ЭПОХИ
(ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ К ТЕКСТУ О ПОСТМОДЕРНИЗМЕ)

В качестве анонсированного заключения к нашим размышлениям о постмодернизме мы неслучайно публикуем наши размышления по поводу книг А. Негри и М. Хардта «Империя» и «Множество»¹. *Они оказались очень популярны на Западе, в России получили гораздо меньший резонанс, но тем не менее в условиях нынешнего повального игнорирования любой теории, оппозиционной неолиберальному mainstream'у, определенное внимание они привлекли, и это уже само по себе знаменательный факт. Еще более интересны эти книги как современный образец попытки синтеза марксизма и постмодернизма левыми интеллектуалами.*

Последняя из двух книг авторов, пожалуй, наиболее интересна, ибо более актуальна и нацелена на поиск альтернатив господствующей силе современности – Империи. Поэтому речь ниже пойдет прежде всего о «Множестве». Однако эта диалогия неразрывна по содержанию и едина по методологии, и потому многие наши пассажи будут адресованы обоим работам.

Что прежде всего привлекает в них?

Для нас это жестко-критический взгляд на сегодняшний мир как антигуманный и требующий своего изменения. При этом, в отличие от морализаторских абстрактно-благопожелательных работ, авторы «Империи» и особенно «Множества» стремятся показать против чего («империи») и кто («множество») будет бороться. Книги эти несомненно левые, оппозиционные и теоретические, претендующие на новое слово в альтернативной теории.

¹ Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ. под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Праксис, 2004; Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006.

Не менее привлекательна и ориентация на анализ тех новых явлений, которые, несомненно, происходят и с глобальной экономико-политической системой, и с теми социально-политическими движениями, которые стремятся ее изменить. В этом смысле работы Негри и Хардта несомненно антидогматичны и современны.

Привлекает, наконец, и эрудиция авторов, серьезность проделанной работы, логичность (во всяком случае, в рамках авторской парадигмы) выводов.

А дальше начинаются вопросы, сомнения и прямая полемика.

Новое слово в марксизме? (Несколько слов о методологии)

Любую оппозиционную теоретическую работу и донныне в большинстве случаев сопоставляют с марксистским наследием. И это неслучайно, ибо другой столь же масштабной теории, предлагающей философские, социально-экономические, идейно-политические альтернативы нынешнему *mainstream*'у, как не было, так и нет.

В этой связи было довольно предсказуемо, что многие зарубежные авторитеты поспешат назвать эти книги новым словом в марксизме. Дело, однако, обстоит существенно иначе. Дело не только в том, что авторы не вполне марксисты. Это в итоге не так важно. Можно быть марксистом, можно не быть марксистом, можно быть марксистом в некоторых аспектах, примерно так, как два эти автора, которые что-то берут из марксизма, но в главном – постмодернисты. И здесь можно было бы поставить точку и посмотреть, насколько постмодернистская парадигма (господствующая ныне среди как левых, так и правых теоретиков) позволяет Хардту и Негри решить поставленные в книгах проблемы.

Здесь, однако, есть некоторая «закавыка»: дело в том, что сочетание марксизма и постмодернизма мешает авторам в теоретическом исследовании. Почему это так? Потому, что марксизм представляет собой комплексную обществоведческую концепцию, а постмодернизм – нет. И поэтому, когда мы пользуемся марксизмом лишь наполовину, то постмодернизм вторую половину компенсировать не может. Как это проявилось в книгах?

Ну, во-первых, как относятся авторы к марксистскому методу? Что касается диалектического метода, то им авторы не владеют, хотя им одновременно присуще диалектическое чутье (этого у них не отнять) и местами они его с блеском демонстрируют. Сознательно же применять диалектику они не умеют. Их книги не снимают диалектику, а игнорируют и отторгают ее. Книги написаны для тех, кому диалектика, как метод исследования, либо не знакома, либо они отказались от ее использования, т.к. это ведет к выводам (как теоретическим, так и практическим), слишком неприятным для них. Мы в свое время в предисловии к книге «Ренессанс социализма» (М., 2003) писали, что диалектика вредна конформистам. Как правило, этот метод отторгается тогда, когда возни-

кает желание выключить себя из реального общественного процесса, из серьезных преобразовательных действий, направленных на более или менее целенаправленное изменение этого мира.

В отношении А. Негри, прошедшего через тернии оппозиционной борьбы, этот упрек, возможно, несправедлив, но мы говорим о звучании книг, а не о биографии авторов.

Что касается философии истории, то эти авторы демонстрируют здесь типичный постмодернистский коллаж: если мы будем внимательно следить за самим текстом, то увидим, что авторы самым хаотическим образом прибегают к юридической, геополитической, этнологической, социально-политической, культурологической, экономической аргументации вне всякой связи со ступенями анализа. В любой точке можно применять любой аргумент. Такой «метод» делает их книги приятно читаемыми, создает ощущение аргументированности (на каждый тезис находится какое-нибудь подтверждение – где экономическое, где юридическое...), но сколько-нибудь целостной историко-философской методологией здесь не пахнет. О ней авторы, скорее всего, вообще не задумываются.

Действительная методологическая основа книги – это своего рода формальный постмодернизм или постмодернизм как формальное обобщение. В отличие от тех эпигонов постмодернизма, которые просто что-то перечисляют, Негри и Хардт предлагают некоторую концепцию, в которой, в силу их «левизны» и обобщений, присутствуют теоретические выводы, корреспондирующие с известными реальными процессами (то, что они пишут об Империи, о глобализме, о сетевом обществе).

В этой связи неслучайно, что авторы то и дело находятся в решительном разладе с фактом. И даже не в том дело, что какие-то их позиции противоречат, на наш взгляд, каким-то фактам, а дело в том, что они к фактам почти не прибегают. Место фактов у них занимают готовые мнения, свои или чужие. Для книг очень характерно обильное цитирование постмодернистской философской литературы, а именно цитирование произведений таких авторов как Фридрих Джемисон, Мишель Фуко, Гваттари, Делез. Но при этом совсем не цитируются такие постмодернисты, как, скажем, Деррида. А Бодрийяр игнорируется вообще, нет такого, не существует.

При этом авторы иногда называют себя марксистами и коммунистами, а если так себя позиционировать, то будьте любезны соответствовать.

Впрочем, еще раз повторим: критика состоит не в том, что эти работы не марксистские (в данном случае мы хотим это только уточнить), а в том, что методологически они «никакие», даже не постмодернистские в точном смысле слова, скорее просто игнорирующие какой-либо целостный метод, как и подавляющее большинство нынешних работ в области социальной теории. Это нормально. Обычно. Привычно. Только вот «нового слова» не только в марксизме, но и вообще в методологии социально-философских исследований, нет.

Империя. Модное слово или реальность? И если реальность, то какая?

Первая книга авторов называется «Империя», и в ней утверждается, что нынешний мир стал единой, неделимой на национальные государства системой, для которой характерны новый тип деятельности (доминирование сферы услуг и т.п. хорошо известные характеристики постиндустриального производства), институтов (корпорации, стершие национальные границы и границы между различными видами деятельности, рабочим и свободным временем и т.п.), общественной организации (подчинение всех сфер общественной жизни аморфной и безликой «империи»).

При этом авторы некоторые реально существующие тенденции квалифицируют то как генезис нового качества, то как уже свершившееся качественное изменение. В большинстве случаев, однако, изложение опирается не более чем на тенденции в странах «золотого миллиарда». Но при этом налицо явное стремление выдать одну из существующих тенденций за достигнутый результат.

Вот таких забеганий вперед в книге очень много. Подведение столь скороспелого фундамента аргументации под имперские тенденции и ведет к тому, что сами эти имперские тенденции определяются довольно расплывчато.

Понимание Империи, как ни странно, в книгах изложено хуже всего. Самые неопределенные, самые расплывчатые, туманные формулировки касаются того, что же такое Империя сейчас. Именно там, где авторы берутся описывать структуры и отношения этой Империи, они полностью переходят на постмодернистский жаргон, который заменяет им понятия и позволяет лишь догадываться, что они имеют в виду.

Что же можно уловить содержательного в их концепции Империи? Очень интересно в книге показано исчерпание империалистической модели мирового господства капитала; проделан неплохой анализ исторических условий возникновения империализма и причин его замены «империей». Что касается самой «империи», то в основном это негативные определения, связанные с раскрытием того, чем же эта империя отличается от империализма, а именно: теряется роль национального суверенитета, возрастает роль других общественных структур, например, таких как транснациональные корпорации. В то же самое время они полагают, что регулирующая роль государства никуда не исчезает, просто она перераспределяется между другими социальными институтами, что власть приобретает расплывчатый сетевой характер, что она не имеет никакой точки концентрации, некоего единого управляющего концентрирующего центра. Власть «алокальна», как они любят выражаться, она не представляет собой власть некоего наднационального правительства, а скорее представляет некий консенсус многих контролирующих субъектов. Кстати, они пытаются обосновать такой сетевой и расплывчатый характер власти и контроля в Империи изменением

самого содержания этого контроля. Они его определяют термином перехода от дисциплинарного общества к обществу контроля. Хардт и Негри утверждают, что в нынешнем информационном пространстве кооперация людей становится их собственным делом, а не определяется капиталом.

Как мы уже заметили, здесь выделены некоторые реальные (и уже давно известные по работам второй половины XX века – от Д. Белла до М. Кастельса) тенденции возникающего информационного глобального общества.

Но, во-первых, как мы уже отметили, эти тенденции выдаются за достигнутый результат. Во-вторых, даже если рассматривать эти тенденции сами по себе, то и здесь наблюдается резкое отторжение реальных параметров существующей системы. Некая «внесистемная» методология приводит к тому, что у авторов в принципе не дается анатомия существующей системы. Более того, дается как бы «невяная» установка на то, что анализировать экономическую и социальную структуру, реальные каналы власти, процессы противоречивого сращения сверхгосударств и ТНК вообще не нужно, ибо... невозможно: структур нет. Есть неопределенная аморфная империя. Она в целом ведет неопределенную (главным образом информационную) войну против «множества» (что это такое, в первой книге также четко определить нельзя – такова методологическая установка – скорее всего, некая совокупность людей, деятельностей, сознаний как объектов эксплуатации и контроля).

В этом подходе есть два аспекта. Первый, истинный, хотя и изложенный довольно поверхностно: в мире сложилась глобальная гегемония капитала, система тотальной власти, тотального отчуждения человека во всех сферах деятельности. Идея, вообще-то, давно известная в западном и отечественном марксизме. Истоки этого взгляда – работы Лукача, серия работ 60-х гг. по отчуждению у нас и на Западе и др.

Подчеркнем: в мире ныне действительно происходит всеобщее подчинение различных процессов жизнедеятельности человека капиталистической форме. Более того, изменяется сама эта форма. Капиталистическая система универсально подчиняет себе все сферы деятельности, снимая внешние различия между трудом уборщицы и трудом индустриального рабочего, профессора и производителя порнофильмов. Происходит *формальное* стирание этих различий. За этим скрывается соответствующее изменение природы капитала и наемного труда. Возможны два варианта ответа на этот вопрос.

Первый вариант предлагают Хардт и Негри: природу капитала и наемного труда исследовать не нужно. Есть некая неопределенная власть, которой противостоит некое неопределенное *multitude* (множество).

Второй вариант ответа: нужно исследовать содержание, противоречия, механизмы и пути развития этих реальностей, в частности той гегемонии капитала, «контроля», о которых они пишут. И уже существует

масса интересных работ с анализом известных фактов, раскрывающих природу этой власти.

Между тем Хардт и Негри, если и говорят о них, то на уровне не анализа, а скорее констатации. Да, они называют факты, которые, более или менее известны, но вопрос в том, как в этих условиях изменилась природа, сущность системы. Недостаточно констатировать феномен и объявить его массовым. Есть различные духовные, материальные, политические и прочие формы подчинения *разных* слоев работников *разным* типам капитала. Оно (подчинение) по-разному устроено, и на эту тему написано большое количество работ. Здесь нужен сложный системный анализ, которого, однако, Хардт и Негри не проводят и не хотят проводить, ибо такова их методологическая установка.

Да, существует тенденция подрыва регулирующего влияния национальных государств и возрастания роли ТНК. Но чем дальше, тем больше и теоретики, и практики говорят не об абстрактной сетевой империи, а о достаточно конкретном сращивании некоторых сверхгосударств (типа США) с транснациональными институтами (от ТНК до НАТО) и образовании на этой основе некоторой пока еще протоимперии. Она, конечно же, отлична, от империй прошлых столетий, вобрала в себя достижения эпохи глобализации, использует механизмы информационного подчинения, манипулирования человеком, но это отнюдь не некая аморфная и безликая сеть.

Да, возникает сетевой контроль, но этот сетевой контроль в книгах почти никак не раскрывается, не анализируется. А за ним стоит вовсе не таинственный, непознаваемый субъект. Субъект «контроля» известен: глобальный капитал формирует довольно четкую воспроизводящуюся, замкнутую структуру – *корпоративно-государственную номенклатуру*. Ее вполне можно выделить по принципу концентрации в руках пучка властных полномочий в экономической, политической, идейной и культурной сферах. Есть механизмы этой власти, они описаны.

Точно так же известно, что есть довольно четкая структура субъектов *противодействия гегемонии капитала*. Да, структура социального развития стала очень сложной (но это стало известно еще 50 лет назад, до Маркузе и Горца). Из этой структуры выделяются различные слои, которые по-разному определяют и понимают свою оппозицию, по-разному действуют, по-разному представлены. Но при этом они все связаны в достаточно целостную, хотя и очень сложную, противоречивую систему, и все это довольно известные вещи.

«Множество»: *есть ли альтернатива империи, и если да, то какая?*

А теперь добавим в эту бочку критического дегтя медовую ложку похвалы. Во второй работе – «Множество» – авторами сделаны некоторые шаги к более конкретному пониманию тех изменений, которые про-

изошли в оппозиции на протяжении последних десяти лет. Так называемое «антиглобалистское» движение (его сторонники называют себя «альтерглобалисты» – сторонники иной, социально, гуманистически ориентированной интеграции снизу), став всемирным, ознаменовало новый тип общественной организации. В работах, анализирующих эти новые социальные движения¹, было показано, что с конца XX века типичной формой оппозиции стали новые социальные движения, организованные как многообразные, открытые, самоуправляемые сети.

Multitude – это идея, верно отражающая тот факт, что глобальная власть капитала в потенции втягивает в свою орбиту всех и все становятся объектами эксплуатации (даже если они непосредственно не являются капиталистическими наемными рабочими). Этот факт распространяется не только на непосредственное производство, но и практически на все остальные сферы жизни общества. Именно отсюда возникает возможность объединения всяческих разнообразных слоев и социальных групп в борьбе против капитала, в противостоянии его глобальной власти. И объединяет их не классовая общность (или далеко не только классовая общность), не их принадлежность к народу и т.п., а сетевой принцип организации.

И все же эта идея не раскрывает другую сторону проблемы противостояния глобальному капиталу: а способен ли такой субъект на самостоятельное историческое творчество, и если способен, то в какой мере и в каких пределах? Практика показывает, что реальная способность к историческому творчеству существует пока в довольно узких, локальных рамках, а там, где она все же выходит на глобальный уровень, она сводится только к самому факту возникновения сетевой координации локальных инициатив и пока только для демонстрации совместного неприятия глобальной власти капитала.

М. Хардт и А. Негри эту тенденцию заметили и отобразили. Правда, между реальной сложной системой новых социальных движений (НСД) и неопределенной идеей «множества» дистанция огромного размера. И это дистанция не в пользу наших авторов: об НСД и альтерглобализме написаны интереснейшие работы, обобщающие практику жизнедеятельности этих новых общественных сил, весьма подробно анализирующие их системное качество, противоречия, структуру. Эти исследования на своем фоне делают идею аморфного «множества» довольно бессодержательной.

Так, в современном альтерглобалистском движении есть понимание интересов и возможностей крестьянского движения в Латинской Америке, профсоюзов промышленных рабочих в развитых странах и в Третьем

¹ На русском языке см., например: Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского» движения / Под ред. А. В. Бузгалина. М.: УРСС, 2003; Кто творит историю – 2. М.: ЛЕНАНД, 2012.

мире, интересов безработных, интеллектуалов и т.п. Есть анализ противоречий между этими слоями, сложная структура которых отнюдь не может и не должна определяться как *multitude*. Нужно этот анализ развивать и углублять, а не «отменять» методологической установкой на игнорирование системного исследования и диалектики. Более того, нужен анализ не только внешней структуры, а анализ содержания, форм исторического развития, пространственной дивергенции, к стати, вполне «локальной», а не «алокальной».

То же касается и идеи преодолевающей суверенитет «демократии множества» – здесь в зародышевом виде содержатся некоторые попытки абстрактного выражения новых принципов жизнедеятельности НСД – демократии участия, консенсусной демократии, самоуправления, базисной демократии и т.п. Но обобщить эти формы вне системного, различающего содержание и сложно структурированные формы, использующего историко-логический подход исследования нельзя. Этот подход, однако, принципиально закрыт для Хардта и Негри... ими же самими. В результате хотелось бы посоветовать читателям другие работы, в которых эти обобщения уже проделаны (например, публикации на многих языках мира, включая русский, ежегодника «Глобализация сопротивления»).

Точно так же необходимо развивать исследование сложившейся ныне тотальной системы отчуждения во всех ее формах: отчуждения от труда, от его результатов, от контроля за этими результатами, от своей собственной деятельности как общественной, от самого себя как от субъекта, который действует по законам, навязанным ему извне, и т.п.

Нужно четко уяснить себе уровень исторического развития того явления, которое исследуется – уяснить, в какой мере новый тип социальной общности (*multitude*) стал уже реальностью, а в какой остается проектом. И, соответственно, необходимо обратиться к анализу необходимых предпосылок реализации этого проекта. Конечно, основная негативная предпосылка уже развивается на наших глазах (на чем М. Хардт и А. Негри концентрируют внимание) – это общее подчинение глобальной власти капитала, и, соответственно, общее противостояние ему. Но и с этой точки зрения различные социально-профессиональные группы подчинены механизму эксплуатации глобального капитала неодинаковым образом и в разной мере.

Позитивная же предпосылка нового характера общности, формирующей контрсубъекта – это новый характер деятельности преимущественно в нематериальном производстве. Концепция *multitude* также вполне справедливо ссылается именно на это. Отмечается, что этот новый характер деятельности приобретает ведущее значение и проникает едва ли не во все иные виды деятельности. Но остался «за кадром» тот факт, что этот процесс захватил пока меньшую часть общественного производства, и его затронутый им субъект количественно весьма ограничен.

Более того, значительная часть людей, затронутых изменением характера деятельности, вовсе не представляет собой «передовой отряд» антикапиталистического сопротивления. И опять встает вопрос (упущенный нашими авторами) об изучении конкретных условий и их исторической эволюции, которые приведут к формированию практически действенного субъекта альтернативной системы социальной общности.

Почему «Империя» и «Множество» оказались столь популярны

Подытожим. Работы Хардта и Негри выделяют в принципе действительно существующие (и в большинстве своем известные) тенденции и процессы усиления власти капитала над человеком и изменения природы этой власти, формирования новых оппозиционных сил. И это прекрасно.

Вопрос в другом: как они их интерпретируют и к каким выводам подталкивает эта интерпретация. Именно здесь лежат наши разногласия.

Капитализм как глобальная система к началу XXI века породил очень сложную структуру гегемонии, подчинения всех личностных качеств человека на всем пространстве земного шара. Понять ее во всей ее сложности трудно, но необходимо. Для этого, однако, нужна грандиозная системная работа – и по исследованию, и по изучению результатов исследования. Такая работа к тому же приведет к конкретным выводам о том, какие экономические, политические и идейные силы, где и как они осуществляют подавление различных слоев нынешнего общества. И этот вывод покажет, кто, почему и как будет бороться с этой властью, причем не аморфно-безликой империей, а вполне конкретными экономическими и политическими институтами.

Большинству нынешних слегка фрондирующих интеллектуалов не нужны ни такое сложное исследование, ни такое системное знание, ни – особенно – такие конкретные выводы.

Вот почему, когда приходит ученый, который утверждает, что все это и не нужно, ему говорят «огромное спасибо, ты нас спас». Есть империя как контроль; точка. Все вообще подвергается эксплуатации анонимной сетевой властью капитала; точка. Альтернатива этому также аморфна и неопределенна, это – *multitude*, точка. Обобщенное название явлениям дано. Проблемы сняты.

Такой взгляд становится на удивление адекватен современному интеллигенту с его фрагментарным, постмодернистским видением мира, априорным отторжением сложного, системного, развивающегося, исторически-заостренного знания.

Западный интеллигент мечтал о такой работе, которая позволила бы ему понять этот мир в целом, понять так, чтобы его обрывочные сведения об этом мире уложились в единую корзину, все равно в каком порядке, только чтобы можно было легко перетрясать; дала бы возможность почувствовать себя практически все знающим, не утруждаясь

сложной системой представления об этом мире, его противоречиях, открытости, развитии.

Вот в конечном счете почему эта книга была так радостно воспринята всеми, кто сидит в привилегированных колледжах и никогда ничего не делает (или иногда поделывает кое-что в свое удовольствие) для решения задач социального освобождения Человека. У таких «интеллектуалов» вызывают восторг как раз те недостатки «Империи» и «Множества», о которых мы пишем, а не их несомненные достоинства.

Но у тех, кто активно действует на общественном поприще, она вызвала противоречивое впечатление. С одной стороны, она достаточно верно схватила некоторые тенденции современности на абстрактно-философском уровне. С другой – она предоставляет возможность закрыться на этом абстрактно-философском уровне восприятия действительности, как в скорлупе.

часть 2 Социальная философия
марксизма: перезагрузка

Распад «Мировой социалистической системы» и последовавшие за этим существенные изменения не только в отечественной, но и мировой общественной мысли превратили т. н. «цивилизационный подход» в *как бы* общепринятую *как бы* методологию *как бы* философии общественно-исторических процессов. Выделенные *как бы* существенны: постмодернистская деконструкция захватила философию истории не меньше, чем другие сферы общественнознания, и большинство нынешних авторов вообще не акцентирует какую-либо методологию, равно как и предметное поле исследования. В качестве альтернативы постмодернистским «текстам» в рамках «основного течения» выступают разве что претендующие на позитивную верификацию математизированные модели тех или иных конкретных общественных (реже – исторических) феноменов. Концептуализация исторических процессов, выделение чего-либо, напоминающего закономерности исторического процесса, ныне *как бы* «устарело»...

Такова объективная видимость положения дел в нашей науке. Однако есть и нечто иное: лежащие в глубине общественного [само]сознания эпохи сохранение и переосмысление марксистского наследия вообще и марксистской социальной философии, философии исторического процесса, в частности¹.

Именно этому творческому наследованию-переосмыслению посвящены наши размышления в этой части книги.

¹ Весьма символичным в этом плане является издание журнала с говорящим названием «Исторический материализм», о значимости которого говорит хотя бы факт его включения в международную рейтинговую систему Web of Science.

глава 1 Теория способа производства: классика и не только

Марксистская философия истории, как правило, противопоставляется господствующему ныне цивилизационному подходу как теория формаций, якобы объясняющая все историческое развитие материальными, экономическими причинами и подгоняющая исторический процесс под шаблон нескольких сменяющих друг друга способов производства. В отличие от последнего, цивилизационный подход делает акцент на духовных и культурных параметрах и исследует собственное многообразие каждого человеческого сообщества. Соответственно, в дополнении чрезмерной «материалистичности», «утилитаризма» марксизма, его догматической схематичности и универсализма «духовностью» и стремлением к отражению своеобразия разных социумов цивилизационного подхода видится многими учеными (в частности, упомянутыми выше профессорами, вышедшими из марксистской традиции) путь синтеза формационного и цивилизационного подходов.

На наш взгляд, этот подход не столько ориентирует на синтез двух подходов, сколько примитивизирует и огрубляет марксизм. Причем не только упрощает, но и искажает эту теорию (сразу оговоримся: здесь речь идет о работах основной массы сторонников «цивилизационного подхода», а не о тех ученых, кто действительно хорошо и тонко знает марксизм).

Впрочем, названная выше («грубая») трактовка марксизма неслучайна. Иные учебники по так называемому «Историческому материализму», недалеко ушедшие от «Краткого курса истории ВКП(б)», действительно очень огрубляли марксизм, превращая его философию истории в «пятичленку», весьма похожую на названную выше пародию. Но для серьезной полемики этот резон не годится, ибо всегда существовали и другие работы марксистов (от А. Грамши и Д. Лукача к М. Лифшицу, Э. Ильенкову, В. Келле, М. Ковальзону, Г. Батищеву, И. Мессарошу, Б. Олману, А. Шаффу, Ф. Текеи, Л. Сэву, Н. Злобину, В. Межуеву и мн. др. авторам, чьи работы мы уже упоминали выше), раскрывавшие действительную полноту марксистской философии истории.

Здесь не место для ее сколько-нибудь полного воспроизведения, но некоторые вопросы, указывающие на действительное соотношение марксизма и «цивилизационных концептов», мы не можем не выделить.

МАРКСИЗМ КАК КРИТИКА
ОДНОСТОРОННЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА:
ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ, ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
И «НАДСТРОЙКИ»

Начнем с того, что, во-первых, и классический, и – особенно – современный (в том числе советский и постсоветский) *марксизм гораздо богаче, нежели цивилизационный подход, рассматривает материальные факторы общественного развития*. Для большинства из сторонников последнего экономиста оказывается тождественна рынку, который в этом случае неизбежно оказывается вечным и внеисторическим инвариантом хозяйственной жизни, универсальной «цивилизационной ценностью» (именно так о нем писал даже такой тонкий и знающий марксизм сторонник цивилизационного подхода достаточно редко встречается анализ специфичности экономических отношений, характерных для тех или иных цивилизаций. На особенностях экономических систем добуржуазных обществ больше обращают внимание именно марксисты. Неслучайно, что в их среде шел и продолжается спор о т. н. «азиатском способе производства» и т.п.

Здесь будет уместно напоминание некоторых базовых (но ныне все чаще игнорируемых или как бы «забываемых») тезисов *марксистской теории общественной формации и способа производства*.

Производительные силы всякого общества для марксиста это всегда единство *овещненного* (средства производства) и *живого* (человек) *труда*. Практическое единство этих факторов (выделение которых полностью заимствовано у марксизма, в частности неоклассической экономической теорией) в виде особенного технологического процесса, предполагающего особый тип взаимодействия общества и природы, и есть производительные силы. Тем самым марксизм в исходном пункте предполагает выделение таких (по неведению или небрежности считающихся в большинстве случаев достижением современной немарксистской общественной мысли) аспектов исторического процесса, как смена технологических укладов (в том числе выделение индустриального, до- и постиндустриального укладов, в терминологии марксистов – производительных сил, основанных на ручном, машинном и всеобщем творческом труде), особая роль науки и культуры в развитии производительных сил, особые типы отношения Человека к природе (аспекты, лежащие в основе экологической проблематики), исторически-специфические типы и границы применения техники, социально-экономические отношения, стимулирующие (в одних аспектах) и тормозящие (в других) прогресс производительных сил, и в частности рост производительности труда и т.п.

Производственные отношения в марксистской теории – это, опять же, не только и не столько формы собственности, классовая борьба (последняя, строго говоря, вообще относится к социальным формам проявления противоречий производственных отношений), а (1) системы (т.е. образования, имеющие определенную структуру, системное качество и т.п.) многообразных объективных отношений по поводу (2) производства «в широком смысле слова» (т.е. в единстве обмена, распределения и потребления благ). Эти системы объективно существуют как (3) исторически-конкретные, т.е. имеющие начало и конец, (4) развивающиеся, т.е. возникающие, достигающие зрелого («классического») вида и переходящие, умирающие. Соответственно, это развитие систем производственных отношений есть процесс их *взаимодействия* с (5) производительными силами, а также (6) правовыми институтами, политической и идеологической «надстройкой» и т.п.

Все сказанное выше принципиально отличает марксизм от, как правило, весьма одностороннего описания материально-технической базы и хозяйственного уклада того или иного социума в рамках «цивилизационного подхода», где, как правило, выделяются лишь некоторые рядоположенные признаки факторов и институтов производства и обмена.

Если говорить о *взаимодействии производительных сил и производственных отношений*, то первые (а важнейшей из производительных сил всякого общества является, напомним, человек) лишь в общем и целом детерминируют прогресс последних.

Так, для феодальной системы, предполагающей личную зависимость (рабство, крепостничество и т.п.) адекватен ручной труд, а индустриальные производительные силы будут слишком развиты, и потому она сможет существовать на этой базе лишь как временная (несколько десятков, сотня лет) флуктуация, а затем уйдет в прошлое. Для капиталистической системы, напротив, ручной труд – недостаточно развитая система, и она может возникать на базе ручного или мануфактурного производства, но устойчиво развиваться будет только на базе машинного производства.

Не менее важно и обратное влияние производственных отношений на развитие производительных сил. Первые в рамках определенного способа производства формируют социальный тип производительных сил, детерминируя темп, меру, пределы их прогресса.

В рамках капитализма, например, производственные отношения этой системы формируют (1) специфику производительных сил (сначала формальное, а затем и реальное подчинение труда капиталу), (2) особый тип общественного богатства (доминирование вещного богатства, в развитии виде – общества потребления), (3) специфические стимулы повышения производительности труда (извлечение избыточной и относительной прибавочной стоимости), (4) специфические ограничения их развития и т.п.

Сказанное позволяет зафиксировать весьма важное следствие: для «царства экономической необходимости» характерна общая закономерность, в принципе известная в марксизме, но услышанная нами в наиболее четком виде в совершенно неожиданном месте – на одном из семинаров журнала «Альтернативы» в Уфе. Тогда наш коллега Р. Рахимов подчеркнул, что *известный нам путь развития производительных сил – это отнюдь не оптимальная (с точки зрения внутренних законов развития последних) траектория, а специфический для мира общественной экономической формации (в частности, капитализма) путь, где не только производительные силы рождают новые производственные отношения, но и определенные производственные отношения (в частности, капитал) формируют особый конкретный облик производительных сил, материального производства. Причем это обратное воздействие отчужденных социально-экономических форм является (особенно на стадии «заката» способа производства) и деформирующим оптимальные возможности развития производительных сил.*

Эта закономерность, в частности проявляет себя в полной мере в процессе «заката» общественной экономической формации, когда развитие производительных сил пошло по пути создания технологий, адекватных для саморазвития глобальной гегемонии корпоративного капитала, о чем мы еще не раз будем размышлять ниже, в том числе во II томе книги.

Все сказанное выше в общем и целом есть ничто иное, как азбука марксизма. Ее надо помнить, но она недостаточна, ибо *современный марксизм существенно развил эти представления.* В частности, он показал, что названные взаимосвязи характерны преимущественно для развитого, «классического» состояния способа производства, тогда как в реальной истории доминируют переходные состояния – генезиса и «заката» этих систем – для которых характерны особые закономерности (мы об этом уже писали в Прелюдии к нашей книге и I части этого тома, и поэтому здесь развивать данный тезис не будем).

Что касается *социальной структуры общества*, то классический марксизм, унаследовав от французского либерализма теорию классовой борьбы, никогда не сводил все социальные взаимодействия к противостоянию классов. Что же касается современного марксизма, генетически всеобщим основанием которого является исследование процесса снятия «царства необходимости» (пространства-времени социального отчуждения), а не только капитализма, то он принципиально многопланово анализирует систему социального структурирования современного общества. Как мы подробнее покажем во II томе на примере позднего капитализма, производственные отношения формируют не весь облик общества, а лишь основные социальные страты (разные в исторически различных типах обществ, при капитализме это прежде всего классы) и основные, базисные параметры их взаимодействия, равно как и эконо-

мические основы, содержание политической системы – то, какой общественной страте (классу) принадлежит реальная власть в том или ином социуме и т.д.

При этом, специально повторим, наличие *обратного влияния социальных интересов и политики на экономику относится к аксиомам марксизма*. В рамках нашей парадигмы давно и достаточно четко показано почему, как, в какой мере и что в социально-политической жизни детерминируют производственные отношения, равно как и то, почему, как, когда и в какой мере социальные интересы и политика оказывают *обратное* (в некоторых условиях – решающее) влияние на экономические процессы (последнее, как мы писали выше, особенно типично для трансформационных состояний).

Все сказанное выше – не более чем некоторые «реперные точки» марксистской теории способа производства, хорошо известные в прошлом любому грамотному студенту советского университета. Но даже эти азы, как правило, игнорируются критиками марксизма и, что греха таить, мало используются современными марксистами...

Во-вторых, марксизм отвергает односторонний экономический детерминизм и акцентирует наличие не только прямой (материально-технической и социально-экономической) детерминации, но и обратного влияния нематериальных, «духовных» параметров (их принято относить к кругу «цивилизационных») на социально-экономическое развитие и материально-технической базис. Более того, марксизм показывает, где, когда, как и почему в обществе доминирует первое или второе.

Начнем с самого большого пункта – *идеологии*. Она в марксизме рассматривалась всегда как результат духовного производства¹, продукт интересов господствующего класса, *выдаваемый* в антагонистических системах, где идеология по определению есть превратная форма общественного сознания, за некие вечные и «естественные» духовные ценности. Соответственно, эти базисные детерминанты при посредстве идеологии определяют и базисные ценности, мотивы и стимулы деятельности и поведения человека в различных обществах.

Именно их зачастую выдают сторонники цивилизационного подхода за якобы «естественные» духовные «скрепы» цивилизаций.

Между тем историкам хорошо известно, что в условиях племенного строя нормой и для Европы, и для Азии, и для жившей тогда своим изолированным миром Америки был приоритет интересов социума над интересами личности, причем первые выступали в форме некой вечной, естественной и нерушимой традиции, освященной тысячелетиями предшествующей эволюции. В добуржуазных обществах (и в Европе, и в Азии, и в матушке-России) абсолютно «естественными» и казавши-

¹ См. работу, специально рассматривающую эту проблему: Духовное производство / Под ред. В.И. Толстых. М., 1984.

мися тогда вечными социальными и духовными нормами были и словесное неравенство, и крепостничество, включая право дворянина продать, купить, избить (а то и убить) своего холопа и т.п.¹ В условиях рынка качество жизни и азиаты, и европейцы, и россияне измеряют деньгами...

Наша философская школа всегда (и чем далее – тем более развернуто, конкретно) показывала общество как совокупность сложных взаимодействий. При этом, однако, марксизм действительно предлагает концептуальные основы структурирования общества, выделяя способ производства и находящиеся в диалектическом взаимодействии с ним сферы политики и общественного сознания. При этом в условиях стабильной развитой общественной системы (такой, как, например, исследованный К. Марксом индустриальный капитализм) материальные параметры служат основой, определяющей «надстройку», тогда как в периоды трансформаций (и это уже разработки современного марксизма, о которых мы писали в I части) политико-идеологические и другие «надстроечные» факторы могут решающим образом влиять на выбор одной из объективно возможных траекторий э(ин)волюции, темп и направленность трансформаций, обуславливая скорость и «цену» реформ и контрреформ, революций и контрреволюций.

Поэтому тезис об игнорировании марксизмом неэкономических параметров общественного развития попросту ошибочен. И в классических (от «политологических» текстов Маркса и Энгельса до всего комплекса работ Ленина и Люксембург), и в современных работах марксистов подчеркивается активная роль политико-идеологических факторов исторического развития. Причем в марксизме достаточно четко показывается, как, где, когда и почему на первый план выходит базисная детерминация (это, как правило, характерно для стабильных развитых систем), а где – обратное воздействие «надстройки на базис (оно, повторим, особенно значимо на трансформационных «перекрестках» истории).

Как мы сказали выше, постсоветская школа критического марксизма добавила к этому анализ причин и последствий возрастания роли неэкономических факторов в период «заката» экономической общественной формации. Последнее, кстати, косвенно отражается в неслучайно возросшей ныне популярности «цивилизационного» подхода: выход на первый план небазисных различий и конфликтов типичен для периода пере-

¹ Что отражено в русской классической литературе в самых разных проявлениях. Иногда – прямых и заостренных, как в знаменитом некрасовском «Кому на Руси жить хорошо?» (*Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо / Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем в 15 томах. Том. 5. М.: Наука, 1982*), иногда – обращенных в прошлое (*Пушкин А.С. Капитанская дочка / Собр. соч. в 6 томах. Том 4. М., 1969*) иногда – в настоящее, современное писателю (*Тургенев И. Муму. М.: Гослитиздат, 1961*)...

хода «по ту сторону» материального производства, происходящего, однако, в превратных формах глобальной гегемонии капитала.

Так что в этом пункте марксизм не нуждается в дополнении цивилизационным подходом, хотя (как и во всех других случаях) сохраняет немало белых пятен и нуждается в развитии.

Но даже эти короткие ремарки указывают на то, что, *в-третьих, многообразие социумов, характерных для истории человечества во всей его пространственно-временной конкретности, никогда не сводилось марксизмом к пресловутым пяти способам производства* и, соответственно, пяти формациям. Марксизм (если только рассматривать его не как старый учебник обществоведения для средней школы, а как совокупность многих школ, резвившихся за последние полтора века во всем мире) не только раскрыл, но и обосновал правомерность *многомерной историко-пространственной классификации социумов*. Это и социумы с разными типами производительных сил, и разные способы производства (в узком смысле слова – системы производственных отношений), и разные общественно-политические, идеолого-культурные и религиозные системы.

В классическом марксизме, как мы отметили еще в Прелюдии к нашей книге, выделены не только названные самим автором «Капитала» способы производства (первобытнообщинный, азиатский, античный, феодальный, капиталистический), но большие эпохи, отличающиеся по базовым критериям.

Это периодизация, в основу которой положен *критерий господства/снятия материального производства и отношений отчуждения*. Этот критерий позволяет выделить две больших эпохи: (1) «царство необходимости» образующее «экономическую общественную формацию», эпоху «предыстории» и (2) «царство свободы», лежащее «по ту сторону собственно материального производства», в пространстве времени «истории»¹.

Названную выше развивает и уточняет *периодизация, основанная на выделении разных типов присвоения/отчуждения, связи работника и собственника – важнейшего (в терминологии «университетской» школы политэкономии – основного) производственного отношения всякой экономической системы*². В этом случае К. Маркс выделяет отношения

¹ Как мы отметили в Прелюдии к книге, авторы это фундаментальное деление положили в основу своей научной работы еще в студенческие годы (начало 1970-х). В 1990-е годы его сделал предметом своего анализа В.Л. Иноземцев См.: *Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации*. М., 1995; Он же. *За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире*. М., 1998; *Он же. Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции*. М., 1999 и др.).

² Выделение т. н. «исходного» и «основного» производственных отношений является одной из наиболее известных разработок школы политэкономов →

личной зависимости (они типичны для рабства, крепостничества, «поголовного рабства» в мирах азиатских деспотий – отношений, где собственник ключевых материальных условий производства присваивает все качества человека и, как следствие, создаваемый им прибавочный продукт), *вещной зависимости* (купля продажи рабочей силы человека как товара, вещи, определяющие основное производственное отношение и тем самым способ эксплуатации капитализма) и *свободной индивидуальности* (отношения, характерные для пространства-времени «царства свободы»).

Более того, в марксистских работах (с разной полнотой для разных социумов) было показано, как и почему в мире складывались в одних случаях относительно устойчивые социумы-тотальности (именно эти образования, характерные прежде всего для т. н. «азиатского способа производства», часто обозначают как «восточные цивилизации»), в других – национальные государства (а это уже продукт товарного производства и, позднее, капитализма), в третьих же – трансформационных (особенно при нелинейной и долговременной смене способов производства) – господствовали крайне неустойчивые материальные общественные отношения и формы духовного производства.

С этими непростыми вопросами следует разобраться специально.

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» МАРКСИЗМА: ДОБУРЖУАЗНЫЕ СПОСОБЫ ПРОИЗВОДСТВА

К числу наиболее жестких критических аргументов, показывающих ограниченность (а то и вообще неадекватность) формационного подхода как методологии исследования закономерностей исторического процесса, относится указание на принципиальное отличие друг от друга различных добуржуазных обществ, своеобразии которых столь велико, что не позволяет использовать для их исследования формационный подход, описывающий (по мнению этих критиков) лишь европейский путь развития, да и то очень грубо.

Однако давайте посмотрим на марксистские исследования добуржуазных способов производства. Подчеркнем: не на работы единственно

← экономического факультета МГУ. В 1960–1970-е годы эти положения были выдвинуты и аргументированы в работах Н.А. Цаголова, В.Н. Черковца, Н.В. Хессина, В.В. Куликова и др. авторов. Мы также немало сил отдали анализу этих проблем в своих работах 1980-х годов, в частности написанных тогда кандидатских и докторских диссертациях (см.: Бузгалин А., Колганов А. Планомерность в системе экономических отношений социализма. М., 1983; Бузгалин А. Взаимосвязь противоречий коренных производственных отношений социализма // Вопросы экономики. 1986. № 10; Бузгалин А. В поисках путей к «царству свободы» // Общественные науки и современность. 1989. № 5).

Карла Маркса, а на 150 лет исследований добуржуазных систем общественного производства, исследований, проводившихся с позиций марксистской методологии и теории.

Здесь всякому грамотному марксисту на ум приходит прежде всего долгая международная дискуссия о т. н. «азиатском способе производства», шедшая в среде марксистов особенно интенсивно в середине XX века и не прекращающаяся до сих пор¹. На наш взгляд, несмотря на ее неза-

¹ Подчеркнем: тезис о т. н. «азиатском способе производства» никак не отрицает продуктивности марксистской методологии решения проблем философии истории, с чем согласны в своем большинстве представляющие марксистскую сторону участники дискуссии на эту тему (о западных дискуссиях см., в частности: *Lawrence K. The Asiatic mode of production: sources, development and critique in the writings of Karl Marx, Assen: Van Gorcum, 1975; McFarlane B., Cooper S., Jaksic M. The Asiatic Mode of Production – A New Phoenix // Journal of Contemporary Asia № 35 (4). 2005. P. 499–536*).

Эта точка зрения господствовала и среди ученых СССР, где дискуссия о т. н. «азиатском способе производства» шла достаточно активно, но как бы на периферии общественной мысли, хотя для критически мыслящих марксистов она была одним из наиболее значимых вопросов философии истории и политической экономии. Тезисы о наличии «поголовного рабства», азиатской деспотии (интегрирующей в синкретичном единстве экономическое, политическое и духовное подчинение индивида иерархически организованной тотальности-государству), «рентного способа эксплуатации», принципиальной несводимости добуржуазного Востока к лекалам добуржуазного Запада активно обсуждались в СССР (эти дискуссии хорошо освещены в ряде работ Р.М. Нурева, который предложил авторскую версию обобщения этих положений и даже поддержал широко распространенную на Западе – и, на наш взгляд, малодоказательную, базирующуюся на внешней, как у ежа и половой щетки, абстрактной общности – идею о наличии прямой параллели между азиатскими деспотиями и строем СССР; см.: *Нурев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе: Дониш, 1989; Он же. Азиатский способ производства как экономическая система // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М.: Наука, 1993; Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб., 2011 и др.*

Данная дискуссия активно велась и в странах «Мировой социалистической системы» (укажем на работу: *Текеи Ф. К теории общественных формаций. Проблемы анализа общественных форм в теоретическом наследии К. Маркса. М., 1975*). Есть немало работ (к сожалению, мало нам мало знакомых), посвященных специфике добуржуазных систем и их трансформации в капитализм, и у зарубежных марксистов.

В постсоветской России эта дискуссия была продолжена (см.: *Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М., 2008*). Более того, она нашла несколько неожиданное продолжение в гипотезе о существовании двух матриц национальных экономик (аналогия западного и азиатского способов производства). Эта гипотеза развивается в работах таких авторов, как: Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999; *Она же. Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. →*

вершенность, она все же дала определенные результаты, значимые для марксистской теории добуржуазных обществ.

Среди них, в частности, выводы о (1) сращенности различных форм общественных отношений (производственные отношения, формы насилия и неэкономического принуждения, социальные взаимодействия, государство) на ранних этапах развития общественно-экономической формации; (2) сильной детерминации форм социально-экономической организации производительными силами, которые, в свою очередь, на ранних этапах развития были жестко зависимы от особенностей природной среды, что едва ли не наиболее ярко проявило себя в условиях систем, основанных на ирригационном земледелии; (3) высокой степени устойчивости, инерционности таких систем и т.п. Неслучайно, что эти выводы сделаны многими сторонниками и марксизма, и цивилизационного подхода: и те, и другие базируются на одних и тех же, по большому счету, исторических источниках. Но объяснение причин и закономерностей этих феноменов, выводы для будущего у сторонников разных подходов существенно различаются.

В рамках марксистской теории можно показать, что феномен (1) фиксируется как закономерность раннего этапа развития социально-экономической формации. С точки зрения историко-генетического подхода такой синкретизм будущих многообразных форм есть норма, а не исключение. Так, молодой побег есть синкретичное единство будущего многообразия элементов дерева (в ростке яблони еще нет ни ствола, ни листьев, ни плодов, которые появятся позже, но от этого этот росток не перестает быть яблоней). Ранний капитализм не содержит в себе сложных производных форм капитала, но это капитализм. Подобно этому и ранние общества в синкретичном, слитом в единый феномен, содержат в себе формы будущей сложной структуры обществ. В результате азиат-

← М., 2004; *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000. На наш взгляд, выделение этих «матриц», так же как и параллели азиатского способа производства и советской плановой экономики, базируются на, как уже было отмечено, не более чем внешнем сходстве, связанном главным образом с наличием единой государственной бюрократии, выполняющей определенные хозяйственные функции, и отсутствием товарного хозяйства. Такие абстрактные обобщения мало что дают науке. Другое дело, что в социально-экономической системе СССР, действительно, было немало черт сохранявшихся от Российской империи добуржуазных отношений (от натурального хозяйства и рудиментов общины до элементов внеэкономического принуждения и позднефеодальной иерархии). Подчеркнем: спор об этих исторических аспектах сугубо актуален, ибо выводит на современные проблемы выбора путей развития нашей страны и ее экономики (см.: *Шевченко В.Н.* Модернизация российского общества или особый путь развития? // Современное государство, социум, человек: российская специфика. М.: ИФ РАН, 2010. С. 102–154).

ская деспотия становится синкретичной формой и производственных отношений (преимущественно основанный на традиции способ координации, базирующийся тем не менее на общественном разделении и кооперации труда, присвоение прибавочного продукта государством-державой и личная зависимость работника от этого же субъекта, который одновременно выступает и в роли протонадстройкой). Точно так же на этом этапе в общественном сознании, неизбежно имеющем господствующую форму религии, синкретично сращены образование, наука, искусство, мораль и собственно религия. Таким образом специфические черты азиатских деспотий получают вполне рациональное историко-материалистическое диалектическое (в частности, акцентирующее специфику генезиса) объяснение, не требующее апелляций к трансцендентальным, вытекающим то ли из неких непознаваемых религиозных оснований, в которые можно «только верить», то ли к особенностям «крови» (последнее делает, в частности, В.Д. Соловей¹).

Феномен (2) в этом случае также теоретически квалифицируется не как некий вечно-значимый «географический фактор», а как особенность генезиса производительных сил добуржуазных обществ, которые на доиндустриальной стадии действительно в значительной степени зависят от особенностей природной среды. Особенно эта зависимость велика в условиях, когда для общества еще недоступны ни железные орудия труда, ни запряженная лошадью или быками повозка, ни водяная или ветряная мельница... Соответственно, на этом уровне развития производительных сил значимый прибавочный продукт может быть получен лишь на базе общественно-организованного ирригационного земледелия, технология которого едва ли не решающим образом определяет все основные формы общественной организации этих обществ.

Эта ситуация рождает, как мы уже отметили, феномен (3) – крайне инерционную общественную систему, в которой традиции, охраняющие единство социума, оказываются главным атрибутом и социально-экономической организации, и религии, превращаясь в атрибут «восточной цивилизации», ригидность которой, в частности, стала одной из базисных причин того, что страны, принадлежащие к этому типу социумов, «опоздали» к «старту» массового капиталистического развития в Западной Европе и США, превратившись в итоге в мир «периферии».

Сказанное – лишь краткий набор иллюстраций, показывающих, как марксистский подход помогает раскрыть причины и следствия специфических форм развития тех или иных социумов. Для этого необходим «всего лишь» историко-генетический подход, акцентирующий специфику разных стадий генезиса и эволюции общественно-экономической

¹ Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М.: Русский мир, 2008; Критика этой позиции дана в статье: Бузгалин А.В. «Русский вопрос»: марксистский анализ // Альтернативы. 2013. № 2.

формации и исследующий диалектику прямой и обратной детерминации взаимодействия производительных сил и производственных отношений, базиса и социополитических, а также лежащих в сфере духовного производства и культуры отношений.

И все же, будем самокритичны, в области теории добуржуазных социально-экономических систем мы не найдем столь же целостную и стройную картину, как в «Капитале», раскрывающем анатомию классического капитализма. Но мы найдем очень важные характеристики инвариантов и специфических особенностей добуржуазных способов производства, существенно отличных от простейших схем сталинского истмата с его «пятичленкой».

Прежде чем приступить к поневоле краткой характеристике-напоминанию основных закономерностей этих способов производства, позволим себе методологическую ремарку. В общественных науках многие авторы, абсолютизирующие позитивистскую методологию, часто следуют правилу «искать там, где фонарь, а не там, где потерял»: они исследуют только прежде всего те феномены, где имеются некоторые достоверные данные. Те же сферы, где данные непосредственно недоступны или где их поиск и интерпретация сопряжены с немалыми методологическими и теоретическими затруднениями, эти исследователи предпочитают обходить своим вниманием. Так, в экономической теории современного капитализма это приводит к тому, что все процессы, о которых нельзя найти статистические данные, просто считаются несуществующими. В истории добуржуазных обществ происходит нечто подобное: поскольку подавляющее большинство источников описывает войны, [прото] политические и идеологические феномены и концентрирует свое внимание на представителях элиты, постольку и история предстает как по преимуществу история войн, династических интриг и религиозных процессов¹.

Однако есть и другая история. Ей посвящено гораздо меньше работ, а в тех, что написаны, прослеживается сильное влияние (причем подчас

¹ В этом ряду встречаются, однако, и существенно иные работы. В них история культуры становится столь точным и богатым источником для понимания жизни общества в целом, что они дают представление и о социально-экономической системе того или иного добуржуазного общества гораздо более точное и цельное, нежели иные работы историков-экономистов. Одна из таких замечательных работ, показывающих конкретно-всеобщую специфику феодальной Европы и – во многом – вообще социального пространства-времени добуржуазного мира – монография А.Я. Гуревича «Категории средневековой культуры» (М., 1984). В ней автор, в частности, весьма доказательно показал специфику фрагментированного и локализованного социального пространства и кругового социального времени, составляющих одну из базовых *differentia specifica* воспроизводства добуржуазных социально-экономических систем.

стихийное, неосознанное) марксистской методологии. Это *история производительных сил и производственных отношений*. И вот эта история позволяет выделить ряд существенных моментов, доказывающих правомерность и конструктивность марксистской философии истории.

Расширим приведенный выше перечень выводов, которые мы сделали на основе обобщения дискуссий о т. н. «азиатском способе производства», и предложим читателю авторское видение проблемы.

Во-первых, марксистская методология (и это важно!) позволяет акцентировать достаточно четко выделяемые историками *инварианты, характерные для качественно различных стадий развития производительных сил и производственных отношений: черты первобытнообщинного способа производства, инварианты добуржуазных антагонистических систем и капитализма*.

В доклассовых обществах (первобытнообщинный способ производства) производительные силы – это везде (в Европе и в Азии, в Австралии и в Америке):

- синкретичность собственно социальных производительных сил и природных сил человека и, соответственно, определяющая зависимость человека от природы;

- отсутствие общественного разделения труда;
- присваивающий тип хозяйства (охота, собирательство...);
- каменные орудия труда...

Производственные отношения в этих сообществах характеризуются тем, что, как уже было замечено, они синкретично, неразделимо сращены с остальными общественными отношениями, и в них господствуют дарообмен (а рынок, кажущийся вечным и естественным, отсутствует), примитивный коллективизм, уравнительное распределение и т.п. Воспроизводство в основном зависит от природного цикла, а заметный прогресс наблюдается лишь на протяжении многих тысячелетий.

«Надстройка» этих миров также синкретична, и в ее рамках сплетены вместе идеология, культура, религия и т.д. и т.п.

Приходящие на смену первобытнообщинному способу производства *социально-экономические системы, основанные на личной зависимости*, имеют несомненную значимую специфику в разных социовременных и социопространственных сферах своего бытия. Более того, они очень долго и нелинейно вырастают из бесконечно-длительного и очень прочно держащего человека патриархального мира родовых общин и – позднее – племен и их союзов. Столь же долго и нелинейно они трансформируются в капиталистическую систему.

Авторы этих строк хорошо знакомы с тем, что отличает экономику Древнего Египта, Римской империи или Китая династии Цинь друг от друга и от западноевропейской общественно-экономической системы средневековья, равно как и то, что все эти общества многоукладны. Но это нормально для любого способа производства, и в наибольшей степени

– для добуржуазных систем. Последнее важно подчеркнуть: *в добуржуазных системах принципиально велика зависимость от природной среды всей системы производства: и производительных сил, и обусловливаемых ими производственных отношений.*

Более того, даже такой великий уравнитель всех и всяческих особенностей, как капитализм, в реальных условиях также был существенно различен в разных пространственно-временных условиях: в Нидерландах XVI века и США XX в., в Китае начала XXI в. и России конца XIX в. Но точно так же, как все национально-исторические особенности капитализма не отменяют методологической и теоретической плодотворности абстракции «рыночная экономика» (в марксистской интерпретации ее место занимает во многом иная, гораздо более строгая система категорий, характеризующих капиталистический способ производства), точно так же могут быть выделены и закономерности производительных сил и производственных отношений постпервобытной, но добуржуазной системы.

У этой системы пока еще нет единого общепризнанного в марксизме имени. Более того, идет спор о том, можно ли всю эту эпоху отнести к разным фазам и пространственным проявлениям одного способа производства, или необходимо выделение нескольких систем. Все это, несомненно, большой «провал» марксистской философии истории. Но эта наша общая недоработка не отменяет того, что мы можем выделить и значимые *differentiae specificaе* этой экономической системы, которую мы склонны считать единым способом производства, проходящим различные фазы своего развития и имеющим существенные пространственные вариации, во многом задаваемые спецификой природной среды как одной из главных детерминант производительных сил на доиндустриальной фазе их развития.

Возьмем в данном случае в качестве объекта исследования экономики, существовавшие в Европе и Азии с момента окончательного упрочения государства и до момента буржуазных революций.

Производительные силы этих систем будут характеризоваться:

- переходом к производящему хозяйству, обеспечивающему в общем и целом независимое от природы создание материальных благ;
- наличием общественного разделения труда и основных отраслей общественного производства, в частности выделением умственного труда и духовного производства;
- устойчивым производством в массовом масштабе прибавочного продукта;
- господством ручного труда, включающего развитое и систематическое производство орудий труда, превращающееся в особую отрасль;
- господством металлических орудий труда;
- массовым использованием механизмов (от простейших – рычаг, ворот, колесо, повозка, до более сложных – мельница и т.д.);

- наличием инфраструктуры: деревни и города, дороги, средства связи и т.п.

Соответственно, производственные отношения, сохраняя свою сращенность с волевыми отношениями, также практически везде будут воспроизводить некоторые инварианты:

- господство натурального хозяйства при фрагментарном, то затухающем, то растущем развитии рынка на периферии экономической жизни и массовом использовании насилия (войны, междоусобицы и т.п.) как способа обмена деятельностью, особенно типичного для межгосударственных взаимодействий;

- выделение отношений присвоения и отчуждения в форме частной, государственной и производных форм собственности (их соотношение существенно разнится для разных этапов развития разных сообществ, но об этом позднее);

- устойчивое присвоение прибавочного продукта слоем собственников на основе отношений личной зависимости (всеобщая зависимость от государства-деспотии, рабство, крепостничество и т.п.); воспроизводство на этой основе социального неравенства;

- возникновение больших общественных групп, устойчиво различающихся по своему положению в общественном производстве и месту в системе разделения труда, отношениях присвоения (лица, стоящие вне отношений личной зависимости, являющиеся ее субъектами или объектами), способах и величине получаемого дохода (прото-классов);

- наличие экономического роста, для которого, однако, характерны чрезвычайно низкие (по современным понятиям) темпы; принципиальная нестабильность экономического роста, приводящего, однако, к итоговому прогрессу, заметному, однако, лишь на протяжении многих сотен (но уже не десятков тысяч, как в первобытном мире) лет...

Выделение этих инвариантов само по себе имеет очень большое методологическое и теоретическое значение. Оно доказывает, что:

- существуют специфические и устойчиво воспроизводимые на протяжении столетий (если не тысячелетий) технологии и отношения общественного производства и потребления, обмена деятельностью, присвоения и отчуждения общественного богатства и его распределения (и перераспределения), характерные для обществ, основанных на личной зависимости;

- основанные на личной зависимости системы долго (тысячелетиями) рождаются в борьбе с родоплеменным строем и опять же долго (но уже «всего лишь» столетия) уходят, высвобождая место капиталистическому строю, причем оба процесса трансформаций идут нелинейно и мучительно, сопровождаясь войнами, революциями и т.д. и т.п.;

- наличие у этих систем устойчиво воспроизводимых качественных отличий от рынка и капитала является достаточным свидетельством

того, что не только рынок и капитал есть способы «цивилизованной экономической организации».

Во-вторых, методология марксистской философии истории и, в частности, выделение категорий производительных сил, производственных отношений и т.п., взаимодействующих в рамках единой системы общественного воспроизводства, дает ключ к решению вопроса о том, **какой именно является система общественно-экономических отношений в добуржуазных обществах эпохи металла и государств**. Был ли это один способ производства, имеющий различные формы в разных исторических и пространственных координатах, или их было несколько и т.п. Иными словами, мы можем, основываясь на данной методологии, показать, чем именно определяются различия внутри этих инвариантов. Почему в одних добуржуазных обществах развивались преимущественно частные формы хозяйствования и присвоения, а в других они имели форму относительно целостных деспотий? Почему столь непростыми оказались траектории развития добуржуазных систем и в Европе, и в Азии: и там, и там не раз формировались экономические структуры, казалось бы, вплотную подходящие к рождению буржуазной общественно-экономической системы (чего стоит хотя бы развитие торговли, денежной системы, орудий труда и инфраструктуры в Древнем Риме или Китае династии Цзинь), однако переход к капиталистической системе так и не совершался...

По этому поводу в работах марксистских историков, политэкономов и социальных философов написано немало содержательных текстов, сформировались определенные школы и т.п., на что мы уже указывали выше. Однако однозначного и четкого решения этой проблемы в современном марксизме пока нет.

Но!

Отсутствие решения не означает неправомерность методологии: в рамках цивилизационного подхода также нет общепринятого ответа на эти вопросы, а разброс позиций гораздо шире, чем в марксизме, однако никто не считает это доказательством неприменимости данной парадигмы.

И главное: у нас есть категориальный аппарат и методология, позволяющая исследовать материальное производство, его технологии и общественные отношения, его социополитические и духовные рефлексии и обратное воздействие последних на производство, и этим мы отличны от сторонников цивилизационного подхода, для подавляющего большинства из которых есть только один способ «цивилизованной» экономической организации – «вечный» и «естественный» рынок.

В отличие от этих авторов, мы можем раскрыть содержательные отличительные черты этой системы. О специфике производительных сил, способа координации и воспроизводства мы уже писали. Уточним главное: содержание основного производственного отношения (отноше-

ния, определяющего специфику присвоения/отчуждения) этого способа производства. Им вслед за Марксом можно считать *личную зависимость*. Это отношение, в котором синкретично едины, с одной стороны, производственное отношение создания и присвоения прибавочного продукта собственником не только средств производства, но и самого лично зависимого работника, а с другой – внеэкономическое, основанное на насилии, подчинение человека иерархии власти. Это может быть протоформа «всеобщего рабства» в азиатской деспотии, или основанное на частной собственности рабовладение античных государств, или частично снимающая личную зависимость форма крепостничества. Да, они существенно отличны друг от друга и локализованы в разных социумах, но широко использовавший рабовладение капитализм на юге США в первой половине позапрошлого века также мало похож на скандинавский социал-демократический строй конца XX столетия, однако в своей сущности они остаются не более чем различными моделями разных стадий развития одного – капиталистического – способа производства...

В-третьих, в рамках марксистской традиции специально акцентируется, что *в условиях добуржуазных систем, причем не только доклассовых, общественные отношения во многом остаются синкретичными и лишь постепенно, по мере их развития, нелинейно дивергируют*.

Отсюда, кстати, и столь типичный для сторонников цивилизационного подхода интерес к прежде всего добуржуазным системам, где экономика, политика, идеология и религия сращены и в их непосредственном бытии, данном историку по преимуществу в форме текстов, описывающих жизнь «надстройки» (властных отношений, религии...). Во многом в силу этого добуржуазные системы предстают перед нами как прежде всего неэкономические. Последнее становится немалым основанием того, что именно при обращении к добуржуазным формам оказывается столь популярен «цивилизационный» подход. Это касается, кстати, и проблем современного глобального сообщества, где *историческое различие сообществ (и личностей) мира «периферии», живущих в добуржуазном времени, и тех, кто уже давно воспроизводятся в социальном времени позднего капитализма («центра»), выдается за различие цивилизаций*.

Этот кунштюк неслучаен: на поверхности явлений здесь наиболее значимо именно различие «восточной» религии и «западной» экономики. Но в сущности различие иное. Это различие, с одной стороны, характерного для во многом все еще добуржуазной «периферии» синкретичного единства всех общественных отношений (внешней формой чего выступают черты «исламской цивилизации», наиболее ярко проявляющие себя в религии) и, с другой стороны, типичного для позднекапиталистического «центра» доминирования экономических рыночно-капиталистических отношений (в частности, «рыночного фундаментализма»), которое выдается за черты «западной цивилизации». В первом случае

выделяется специфика наиболее важных для эпохи личной зависимости клановых, семейных, этических параметров; во втором – наиболее важных для капиталистической формации экономических (частная собственность и денежный фетишизм, обуславливающие основные черты homo economicus) и политических (демократия, права личности) параметров.

Сказанное позволяет сделать важные методологические выводы. Обозначим те из них, что будут особенно важны для последующих размышлений.

Так, в добуржуазном мире собственно производственные отношения первоначально сращены с отношениями насилия, и собственно экономические процессы отчуждения и присвоения благ, их правовые, политические и т.п. формы, идеология и т.п. лишь постепенно выделяются как особые, обособленные сферы общественного бытия. Поэтому мы в полной мере отдаем себе отчет в том, что категория «способ производства», равно как и категории производственных отношений и производительных сил и т.д. наиболее полно могут быть раскрыты как теоретическое отображение их наиболее развитого состояния, которого они достигают только в рамках буржуазного способа производства. Однако подобно тому как категория товара, абстрагированная Марксом (и Маршаллом, и др.) на основе исследования развитого капитализма, может использоваться для анализа рынка в добуржуазных системах, так же и категория «способ производства», выделенная на основе исследования развитого состояния общественно-экономической формации (капитализма), может использоваться для анализа добуржуазных систем.

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» МАРКСИЗМА:

СОЦИОПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИИ

Классический марксизм многократно и отчасти справедливо критиковался за якобы пренебрежительное отношение к проблемам социального пространства, исследуя прежде всего социовременной аспект. Эта критика была справедлива в том смысле, что в работах самого Маркса этому вопросу действительно уделялось крайне мало внимания, а в работах его последователей (прежде всего В. Ульянова-Ленина и Р. Люксембург¹) исследование социопро пространственных проблем (империализма, колониализма, милитаризма, войн и др.) проводилось в традицион-

¹ См.: Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27; Ленин В.И. Тетради по империализму // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 28; Люксембург Р. Накопление капитала. Т. I и II. М.–Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934; Люксембург Р. Введение в политическую экономию. М.: Соцэкгиз, 1960.

ном марксистском ключе, не акцентируя своеобычности ракурса. Отсюда большие претензии со стороны сторонников даже не столько цивилизационного подхода, сколько мир-системного анализа¹. Однако в последние десятилетия положение существенно изменилось, в частности, в связи с появлением серии работ выдающегося марксиста-географа Дэвида Харви².

Не углубляясь в эту крайне интересную новую сферу исследования, ограничимся в данном тексте только одним аспектом, показывающим, сколь эффективно может использоваться для анализа социопространственных взаимодействий исследовавшаяся выше методология социальной философии марксизма.

Рассмотрим под этим углом зрения *проблему соотношения «центра» и «периферии»*³.

¹ Исходным пунктом для этих размышлений должны стать, на наш взгляд, работы В.И. Ленина и Розы Люксембург, а не только И. Валлерстайна и его коллег по мир-системному анализу, о чем мы писали подробнее в наших разделах книги «Ленин online: 13 профессоров о В.И. Ульянове-Ленине» (М.: ЛЕНАНД, 2011. См. также: Бузгалин А.В. Роза Люксембург: ответы на вызовы времени // Альтернативы. 2012. № 2; Колганов А.И. Роза Люксембург и проблема своевременности социалистической революции в России: современные рефлексии // Альтернативы. 2012. № 2; Воейков М.И. Роза Люксембург как политэконом и революционер // Альтернативы. 2012. № 2). Весьма содержательные соображения на тему соотношения марксизма и мир-системного подхода высказаны в работах Г.Д. Гловели (см. Гловели Г.Д. История экономических учений. М.: Юрайт, 2013), Г. Хакимова (Хакимов Г. Марксистские основания мир-системной методологии: неосмитианский марксизм или новый исторический материализм? // Критический марксизм. Поколение пехт. М.: ЛЕНАНД, 2014) и А. Гравера (Гравер А. Попытки исследовательской адаптации неомарксизма И. Валлерстайна // Критический марксизм. Поколение пехт. М.: ЛЕНАНД, 2014). Во II томе нашей книги мы еще вернемся к этой проблеме.

Подчеркнем, что в ряде случаев соединение методолого-теоретических подходов марксизма и мир-системного анализа дает интересные результаты при анализе проблем отсталости «периферийных» экономических систем. Один из конкретных примеров такого успешного синтеза – развернутый доклад Р.С. Дзарасова о природе экономической отсталости «национально-ориентированных» капиталистических систем «периферии» (см.: Дзарасов Р.С. Национальный капитализм: развитие или насаждение отсталости? // Альтернативы. 2013. № 1, 2, 3).

² См.: Harvey D. The Urbanization of Capital: Studies in the History and Theory of Capitalist Urbanization. Baltimore, 1985; Harvey D. Spaces of Capital: Towards a Critical Geography. Edinburgh; Routledge North America, 2001; Harvey D. Spaces of Global Capitalism: A Theory of Uneven Geographical Development. London, 2006; Harvey D. The Political Economy of Public Space // Low S., Smith N. (eds). The Politics of Public Space. Routledge, New York, 2005, p. 17–34.

³ Сами по себе термины «центра» и «периферии» следует считать скорее образами, нежели категориями. Однако в контексте теорий мир-системного →

Использование предложенной нами выше методологии позволяет показать (и это отнюдь не открытие авторов), что «центром» на переломных этапах истории, как правило, становились и становятся те социумы (государства, империи...), где наиболее последовательно и в наиболее «чистом» виде складывается новая, наиболее прогрессивная на данном уровне общественного развития, социальная система.

Так было в случаях с генезисом первых государств, становившихся «центрами» общинно-племенного мира. Так произошло и в истории генезиса капитализма: те социумы, где новая рыночно-капиталистическая система победила быстро, решительно, революционно (Нидерланды, Великобритания, США), и стали «центром». Те, где был законсервирован (в том числе вследствие колониальной экспансии нового «центра») добуржуазный порядок вещей, превратились в периферию.

Данный текст – не место для подробного анализа этой проблемы. Мы, напомним, заняты критическим анализом потенциала цивилизационного подхода. Однако еще одну ремарку авторы все же себе позволят.

Современная эпоха, как известно, озаменовалась бурным «вторичным» (если не «третичным»), исторически явно запаздывающим генезисом буржуазных отношений на «периферии». Он резко интенсифицирован глобализацией и неизбежно воспроизводит массу переходных отношений, сохраняющих значимые черты общинных, патриархальных, феодально-клановых форм. Последние, естественно, вступают в жесткие противоречия с господствующей системой давно сформировавшихся, «закатных» капиталистических отношений в странах «центра». Более того, само воспроизводство «центра» и «периферии» есть не более чем следствие сильно запаздывающего развертывания буржуазной системы в экс-колониальных и иных странах.

Внешне эти противоречия выглядят действительно как «конфликт цивилизаций», ибо пережитки добуржуазных отношений оказываются наиболее прочны именно в таких сферах как личностные, семейные (клановые), религиозные и т.п. отношения. Более того, эти сферы, в силу своей относительной самостоятельности, обладают гораздо большей инерционностью: человек и стереотипы его поведения меняются гораздо медленнее, нежели технологии и экономические институты.

← анализа они приобретают достаточно определенное содержание, правда, существенно различающееся у Э. Валлерстайна (*Wallerstain I. World-system analysis. An Introduction. Durham, 2004; Wallerstain I. The Capitalist World Economy. Cambridge, 1979*), А. Гюндер-Франка (*Frank A. Dependent Accumulation and Underdevelopment. L., 1994*) и др. авторов, тяготеющих к этому подходу. Применительно к современному мировому хозяйству мы ниже будем использовать эти понятия преимущественно как обозначение видимости национальных социально-экономических систем, являющихся субъектами («центр») и объектами («периферия») гегемонии глобального корпоративного капитала.

Причины этого хорошо известны и объяснены в марксизме еще более полувека назад в связи с анализом проблем генезиса капиталистического способа производства в колониальных и полуколониальных странах в работах по проблемам «периферийного капитализма» и т.п. (мы к этому вопросу еще вернемся в последней части данного текста). Более того, в силу низкого уровня развития технологий и большей зависимости этих сообществ от природно-климатических и географических условий, а также мощного наследия *сотен тысяч лет* предшествующего развития кровнородственных связей – в силу этих причин *собственно экономические параметры играют в добуржуазных системах не столь значительную (как в условиях капитализма) роль*. На этом основании авторы берут на себя смелость сформулировать определенную закономерность: *чем меньше нынешний социум ушел от добуржуазных отношений, тем более значимы для его жизни внеэкономические (так называемые «цивилизационные») параметры*. Неслучайно поэтому активное вступление стран «периферии» на мировую арену столь обострило внимание к так называемым «междивилизационным» различиям.

*Вследствие этих же причин в странах «периферии», в полном соответствии с марксистской теорией, добуржуазные черты **духовного производства** сохраняются гораздо дольше, чем черты добуржуазной экономической организации.*

Кстати, в Европе традиции сословного неравенства и феодальной политической организации, церковный клерикализм и феодальная приниженность женщин – все эти традиции добуржуазной социодуховной жизни – также сохранялись столетиями после победы капиталистических экономических отношений. Позволим себе в этой связи только один простой вопрос: почему мы удивляемся, что в некоторых мусульманских странах, где капитализм победил едва ли полвека назад, женщины ходят в чадре, если в Англии женщины получили избирательные права только три столетия спустя после победы буржуазной революции? Более того, в поведении, скажем, испанских крестьян XIX века какой-нибудь наш нынешний славянофил нашел бы гораздо больше «исконных» евразийских черт (общинности, приверженности к семейным ценностям, религиозности и т.п.), нежели в современном жителе Ярославля, не говоря уже о Москве, где живут все те же русские, только гораздо более включенные в систему капиталистических отношений и потому гораздо более приверженные «ценностям западной цивилизации» (о специфике России – в следующем тексте постскриптума).

Так что *большая часть «специфических черт» современных восточных и европейской цивилизаций оказывается обусловлена уровнем и историческими условиями перехода от той или иной формы добуржуазных социальных отношений к той или иной форме буржуазных (напомним: о различиях западноевропейского, китайского, индийского, арабского и т.п. типов добуржуазных отношений мы уже рассуждали выше).*

В результате в современном глобальном социуме экономические отношения оказались универсализированы и унифицированы гораздо сильнее, нежели духовные (в частности, религиозные), семейно-брачные и т.п. сферы.

Это и стало причиной того, что перед исследователем-позитивистом сложилась достаточно простая картина: экономика у стран примерно одинаковая – рыночная, а духовная жизнь – разная. Следовательно, рынок – это универсальная цивилизационная ценность, а главные различия социумов лежат где? – правильно, в области духовной организации, религий, традиций. Вот вам и обоснование «цивилизационного подхода».

Продолжим наш анализ инвариантов цивилизационного подхода и их потенциала в деле решения фундаментальных проблем философии истории. Рассмотрим весьма типичный и уже упомянутый выше акцент на *многообразии цивилизаций*. В принципе, эта черта могла бы расцениваться как сугубо позитивное стремление к адекватному отображению особенностей *каждого* социума (и эта задача действительно чрезвычайно важна для *социолога* и *историка*), если бы не одно «но». Дело в том, что в этом случае из проблемного поля исключается ключевой для социальной философии вопрос о выделении некоторых **закономерностей в общественном развитии человечества**, теоретически истинных и практически достоверных обобщений. Причем не по принципу абстрактной общности ежа и половой щетки, а **на основе выделения конкретных, развивающихся системных качеств различных социумов в их взаимосвязи, противоречиях, рожденьях-смертях-взаимодействиях**.

Эта методология оказывается «закрыта» для большинства сторонников цивилизационного подхода. Акцент на многообразии и своеобразности цивилизаций превращается в самодостаточный. Главным для большинства авторов становится не столько обоснование некоторых критериев выделения особенных цивилизаций и/или их систематизация, сколько позитивное описание каждой из них (с подспудным желанием едва ли не большинства таких авторов доказать, что моя цивилизация – американская, российская, китайская... – лучше всех). К числу общих закономерностей относится в лучшем случае констатация того, что цивилизации возникают, достигают расцвета и переживают период «заката» (Тойнби, Шпенглер), да и это характерно далеко не для всех авторов (мы, например, что-то не встречали работ русофилов, в которых бы рассматривался вопрос о возможном будущем «закате» русской цивилизации).

Как следствие этого, в рамках цивилизационного подхода неявно признается право каждого из авторов на свой субъективный взгляд. Едва ли не каждый из них самостоятельно и оригинально решает, какие цивилизации могут быть выделены, каковы критерии их выделения, соответственно, сколько цивилизаций знает всемирная история. В результате для сторонников цивилизационного подхода характерна не

слишком углубленная разработка методологических, концептуальных вопросов, они *относительно мало обеспокоены выработкой общей модели философии истории* (вплоть до игнорирования этого вопроса или его полного отрицания в современных постмодернистских версиях этого подхода).

В результате сознательного или бессознательного использования большинством сторонников цивилизационного подхода *методологии позитивизма* получается широкий набор разрозненных конкретных социоисторических обобщений особенностей тех или иных обществ. В случае использования *методологии постмодернизма* не получается даже этого: на место позитивных, эмпирически выверенных конструкций приходят детерриализованные концепты и симулякры, в которых исчезают даже абстрактные критерии цивилизованности, даже обоснование преимуществ «цивилизованных» сообществ перед «нецивилизованными», и остается лишь деконструкция любых социофилософских метатеорий, продолженная в лучшем случае (у Дерриды, Бодрийяра и других левых теоретиков постмодернизма, о которых – в одном из следующих текстов) критикой существующей буржуазной «цивилизации».

В обоих случаях (и позитивистского, и постмодернистского подхода), однако, исчезают теоретически обоснованные основания не только для выделения *закономерностей* общественно-исторического развития, не только для *системного* взгляда на историю человечества, но и (как следствие этого) для выделения некоторой *красной нити истории, прогресса, его критериев*. А это, в свою очередь, оборачивается либо консерватизмом, либо отстраненностью социального философа от общественной практики.

В первом случае обосновывается необходимость возврата к истокам и коренным ценностям «своей» цивилизации».

Во втором случае формируется асоциальная позиция конформиста: если для *цивилизационного подхода возможен уход от проблем прогресса* и его критериев, то для него не может стоять как практически-актуальная и задача субъективного содействия (противодействия) последнему. Для таких интеллектуалов всякий социум, всякая цивилизация по-своему хороши и по-своему плохи. Прогресс – искусственно созданный и эмпирически не верифицируемый «большой нарратив», от которого можно и должно отказаться. Точка.

В результате сторонниками «цивилизационного подхода» воспроизводится та или иная версия неявной апологии *status quo*, о которой мы писали ранее как об объективном основании распространения этого подхода.

Впрочем, наряду с преимущественно западным историко-философским позитивизмом и постмодернизмом существует еще и третий вариант, о котором мы упоминали выше: преимущественно *российское богоискательство и богостроительство*. В этом случае некая «циви-

лизационная» концепция философии истории выстраивается, но выстраивается теологически. В результате, как правило, появляется не столько обобщение практики с выводами о наличии некоторых закономерностей развития исторического процесса, сколько идеалистическая конструкция, призванная доказать богоизбранность одной из цивилизаций (у наших соотечественников, естественно, российской; вариант – евразийской¹).

В наиболее радикальном виде этот взгляд служит философским основанием державно-националистических идеологий: от мягкого славянофильства до прямого черносотенства. К сожалению, аналоги такой методологии можно найти в работах ученых очень многих стран как «центра», так и «периферии».

Для первых – интеллектуалов развитых стран с типичными для них отношениями рыночного фундаментализма и гегемонии корпоративного капитала – характерно стремление насаждать повсюду «ценности цивилизованных государств» (социально-экономический и политико-идеологический стандарт этой самой глобальной гегемонии)². Для вторых, особенно ученых тех социумов, в которых в настоящий момент осуществляются реверсивные инволюционные трансформации (в частности, реставрация многих элементов докапиталистических отношений), типичны акценты на религиозных стандартах их «цивилизации», за которыми во многих случаях скрывается апология процессов возрождения личной зависимости, а также синкретично-религиозных форм общественного сознания и социально-семейных отношений (т. н. «религиозный фундаментализм»), т. е. элементов базиса и надстройки азиатской модели позднего феодализма.

В любом случае цивилизационный подход оказывается в стороне от проблематики поиска путей социального освобождения, анализа объективно обусловленных путей снятия социального отчуждения³.

¹ *Осинов Ю.М.* Империя Россия, М. – Ростов-н-Д, 2005; *Дугин А.Г.* Основы евразийства. М., 2002; Он же. Проект «Евразия». М., 2004 и др.

² *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1999; *Madden Th.* Empires of trust: how Rome built and America is building a New world. Plume, 2009.

³ Следует оговориться, что целый ряд левых теоретиков и практиков, работающих над проблемами диалога культур как альтернативы «столкновению цивилизаций», как правило, далеки в своей методологии и от марксизма, и от той или иной версии цивилизационного подхода. Они работают в поле скорее социологическом и антропологическом, нежели философском. Но и для них характерно тяготение к добуржуазным формам общественной организации и бытия индивида. Правда (и это важно!) они ищут в прошлом неотчужденные, противостоявшие господствующим социальные формы – как правило, те или иные институты локального коллективизма и подлинной культуры (подробнее об этом, в частности, в работах Л. Габриэля (см., например, работы *Leo Gabriel*: «Central America: the rebellion of cultures» (1985), «Alternatives to Neoliberalism in Latin America» (1991), «The Global Incorporation →

Прежде чем перейти к исследованию этого – едва ли не самого главного в социальной философии марксизма – проблемного поля, напомним в очередной раз очевидное, но невероятно часто «забываемое» положение: *марксистская социальная философия далеко не сводится к формационному подходу*. В ней есть масса других принципиально значимых разработок.

В особенности важно, повторим, то, что в марксизме независимо от (и во многом до) работ сторонников «цивилизационного подхода» было обосновано (именно *обосновано*, а не постулировано, как в работах названного направления) выделение некоторых инвариантов всемирной истории.

← and the Resistance against Neoliberalism in Latin America» (1997), «The politics of self reliance – Latin American proposals for a new democracy» (2005)). Кроме «западной» версии левого крыла сторонников цивилизационного подхода есть сходные тенденции и в левом исламизме (см.: *Джемаль Г. Освобождение ислама*. Умма, 2004; *Он же. Революция пророков*. М.: Ультра. Культура, 2003; *Исламская интеллектуальная инициатива в XX веке / Под общей редакцией Г. Джемалья*. Умма, 2005), и среди социалистически-ориентированных сторонников цивилизационного подхода в России (*Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация*. Т. 1. М., 2002).

глава 2 Инварианты всемирной истории: Отчуждение. Человек. Культура

Наиболее полное развитие эти положения получили в XX веке в работах Д. Лукача, М. Лифшица, Ж.-П. Сартра, Э. Ильенкова и мн. др., которые раскрыли богатейший потенциал марксистской теории Отчуждения, Человека и Культуры

РЕАКТУАЛИЗИРУЯ НАСЛЕДИЕ «ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ»: СОЦИАЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ

В Прелюдии к нашей книге мы показали, что ключ к пониманию постсоветской школы критического марксизма лежит в исследовании проблемы снятия не только капиталистического способа производства, но и всей системы отношений предыстории или, в иных словах – «царства экономической необходимости». Этот контекст принципиально значим и для понимания специфики социально-экономических отношений позднего капитализма, которые мы по преимуществу будем исследовать в следующем томе. Поэтому обратим самое пристальное внимание на категорию «отчуждение», опираясь на широко известные положения гегелевско-марксистской традиции и исследований марксистов второй половины XX века, которые немало внимания уделили именно проблеме отчуждения. Пришедшая на смену эпохе «шестидесятников» пора постмодернизма и ренессанса позитивизма (в том числе – экономического империализма, о котором в следующем тексте), по видимости, отодвинула эту проблему на обочину социальных исследований, но практика – великий мотиватор научных исследований – заставляет нас вновь и вновь возвращаться к анализу этого фундаментального понятия марксистской философии истории и социально-экономической теории.

Такой практикой стала прежде всего многоаспектная, направленная именно против отчуждения во всем многообразии его проявлений, борьба тысяч социальных движений и общественных организаций, левых политических структур, активизировавшаяся в последние десятилетия. Подчеркнем: она была направлена не только на преодоление экономической эксплуатации наемных работников, но и на снятие всех форм технологического, экономического, социального, политического, культурного и т.п. отчуждения.

Наряду с онтологическими есть и гносеологические причины реактуализации проблемы отчуждения: исследование глобальной геге-

монии капитала – важнейшей проблемы современной социально-экономической (и не только) теории – предполагает, как мы покажем во II томе, постоянное обращение к этому понятию.

По всем этим причинам авторы считают важным подробнее остановиться на его рассмотрении, опираясь на широко известные положения гегелевско-марксистской традиции исследования феномена «отчуждение».

Поскольку категория «отчуждение» имеет особо важное значение для нашей работы, позволим себе кратко напомнить основные вехи ее исследования в XX веке¹.

Следует подчеркнуть: марксисты долго шли к «открытию» этой категории. В начале 1920-х годов Д. Лукач в «Истории и классовом сознании» (1923), ссылаясь на некоторые отрывки «Капитала» К. Маркса, особенно на раздел о фетишизме, вводит термин «овеществление» (*Vergdinglichung, Versachlichung*), чтобы описать феномен того, каким образом трудовая деятельность противостоит людям. Позже, в связи с возросшим интересом к этой категории среди левых Запада в 1960-е годы, Лукач во французском издании работы указывает на неправомерность такого отождествления.

Новый интерес к феномену отчуждения возник в связи с появлением у зарубежных ученых в начале 1930-х гг. возможности широко ознакомиться с Экономико-философскими рукописями К. Маркса 1844 года².

Однако пиком марксистских исследований проблемы отчуждения за рубежом стали 1960–1970-е годы, когда в США и Европе вышли книги Б. Оллмана, И. Мессароша и др. Широко представлен анализ этой категории и в зарубежных работах, посвященных проблеме человека и общим вопросам социальной философии К. Маркса³. Для русскоязычного читателя важными явлениями стали переводы книг Л. Сэва⁴ и Ф. Текеи⁵. В последующем интерес к этой категории в зарубежном марксизме угасает, но не исчезает, о чем свидетельствуют, в частности, упомянутые

¹ Наш обзор западной литературы по проблемам отчуждения и оригинальная авторская трактовка этого понятия, во многом разделяемая авторами, содержится в названных выше статьях М. Мусто (*Мусто М. Отчуждение: критический пересмотр концепции // Альтернативы. 2013. № 3*) и Ш. Сейерса (*Сейерс Ш. Отчуждение как критическая концепция // Альтернативы. 2014. № 3*). Подчеркнем, что в основных моментах мы разделяем их позиции.

² Подробнее см.: *Мусто М. Указ. соч.*

³ См.: *Althusser L. For Marx. London: Allen Lane, 1969; Fromm E. Marx's Concept of Man. New York: Frederick Ungar, 1963; Lukács G. The Young Hegel. London: Merlin Press, 1975; Plamenatz J. Karl Marx's Philosophy of Man. Oxford: Clarendon Press, 1975; Tucker R. C. Philosophy and Myth in Karl Marx. Cambridge: Cambridge University, 1961. Подробнее см.: Сейерс Ш. Указ. соч.*

⁴ См.: *Сэв Л. Марксизм и теория личности. М.: Прогресс, 1972.*

⁵ См.: *Текеи Ф. К теории общественных формаций. Проблемы анализа общественных форм в теоретическом наследии К. Маркса. М., 1975.*

выше работы М. Мусто и Ш. Сейерса, в которых дается анализ широкого круга таких исследований.

В СССР в 1960–70-е гг. также пробуждается интерес к исследованию проблем отчуждения, публикуется русский перевод ранних произведений К. Маркса, выходят работы Г.С. Батищева, Ю.Н. Давыдова, Э.В. Ильенкова и др.¹

В середине XX века интерес к категории «отчуждение» был характерен и для немарксистских течений или течений, лежащих на границах марксизма. Об этом размышляют М. Хайдеггер², Ж.-П. Сартр³, Г. Маркузе⁴ и другие идеологи «Парижского мая» и «Пражской весны», различные представители Франкфуртской школы⁵. Эти течения и авторы, однако, либо рассматривают категорию «отчуждение» на исключительно философском уровне (Хайдеггер), либо, как представители франкфуртской школы и особенно Г. Маркузе и К^о, как феномен, лежащий преимущественно вне сферы социально-экономических противоречий⁶.

Впрочем, рост экономики симулякров вновь возвратил интерес к проблемному полю отношений экономического отчуждения. Наиболее известным здесь стал образ спектакля (Г. Дебор), чья функция есть «конкретное производство отчуждения» в обществе, где «быть» вырождается уже не столько в «иметь», сколько в «казаться», что приводит к превращению отчуждения в волнующее переживание, новый «опиум народа»,

¹ Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997; Давыдов Ю.Н. Труд и свобода. М., 1962; Он же. Бегство от свободы. М., 1978; Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. Из русскоязычных изданий, дающих неплохой обзор работ по этой теме, назовем монографию И.С. Нарского «Отчуждение и труд. По страницам произведений К. Маркса» (М., 1983) и коллективную работу: Кузьминов Я.И., Набиуллина Э.С., Радаев В.В., Субботина Т.П. Отчуждение труда. История и современность. М., 1989, содержащую неплохую библиографию и исторический очерк по проблеме. Парадоксом при этом является то, что ряд авторов этой – весьма содержательной и важной для своего времени – работы в последующем стали активными акторами «негативной конвергенции», добавив к неразрушенным формам отчуждения «реального социализма» жестоко brutальные отношения отчуждения, характерные для периферийного типа позднего капитализма.

² Heidegger M. Being and Time, San Francisco: Harper, 1962 (русский перевод: Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997).

³ Sartre J.P. Critique de la raison dialectique. Paris, 1968.

⁴ Marcuse H. On the Philosophical Foundation of the Concept of Labor in Economics. Telos 16 (Summer, 1973); Marcuse H. Eros and Civilization, Boston: Beacon Press, 1966 (русский перевод: Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995); Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.

⁵ См., в частности: Horkheimer M., Adorno Th. Dialectic of Enlightenment. New York: Seabury Press, 1972.

⁶ Так, Маркузе доказывает, что труд всегда был и будет отчужденным, а человеческая эмансипация может быть достигнута лишь через отмену труда и утверждение либидо и игры в общественных отношениях.

уводя их все дальше от их собственных желаний и реального существования¹. О сходных аспектах отчуждения пишет и Ж. Бодрийяр².

Завершим небольшой экскурс в историю исследования понятия «отчуждение» и обратимся к его собственному содержанию.

В рамках марксистской традиции принято различать немецкие термины опредмечивание (*Vergegenständlichung*), экстракция, или эстериоризация (*Entäußerung*), овещнение (*Verdinglichung*, *Versachlichung*), наделение внешним бытием (*Veräußerlichung*), овеществление (*Versachlichung*), обособленность, изоляция (*Äußerlichkeit*), отчуждение в юридически-правовом смысле (*Veräußerung*) и собственно отчуждение (*Entfremdung*)³. Для нас в этом перечне особо значимы понятия, означающие (1) собственно отчуждение [*Entfremdung*], (2) овещнение [*Verdinglichung*, *Versachlichung*], на русский язык это слово, как правило, переводится как «овеществление», что на наш взгляд неточно: речь идет о господстве не «вещества», а «вещи» в философском смысле этой категории⁴, и (3) опредмечивание [*Vergegenständlichung*]. Оставим последнее выражение «по ту сторону» нашего анализа, ибо, как мы покажем в дальнейшем, в этом случае речь идет об атрибуте всякой человеческой деятельности. Нас же интересуют общественные отношения, в пространстве и времени которых труд, его средства, результаты, субъект и сами общественные отношения становятся чужды Человеку в его бытии родового существа (Маркс, Лукач). При таком понимании отчуждения становится понятно, что первый термин уместен в наибольшей степени как обозначение «отчуждения вообще», независимо от его конкретно-исторического вида, тогда как второй («овещнение») становится важнейшей чертой специфически-исторического вида отчуждения, присущего отношениям товарного производства, капитализма.

При таком подходе исчезает мучающая многих марксистов и радующая многих их критиков тема «отхода» позднего Маркса от использо-

¹ *Debord G. The Society of the Spectacle*, Canberra: Hobgoblin 2002 (русский перевод: Дебор Г. Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М.: Логос, 1999). См. также: Мусто М. Указ. соч., с. 17.

² См.: *Baudrillard J. For a Critique of the Political Economy of the Sign*. Telos Press Publishing, 1981 (русский перевод: Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007); *Baudrillard J. The Consumer Society*. London: Sage, 1998 (русский перевод: Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, 2006).

³ Подробнее см.: Кузьминов Я.И., Набиуллина Э.С., Радаев В.В., Субботина Т.П. Отчуждение труда: история и современность. М.: Экономика, 1989. С. 88, 89; Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 121; Нарский И.С. Проблема противоречия в диалектической логике. М.: Издательство Московского университета, 1969. С. 31.

⁴ Батищев Г.С. Деятельная сущность человека как философский принцип // Проблемы человека в современной философии. М.: Наука, 1969. С. 120.

вания категории «отчуждение»¹. На этом «основании» построены многочисленные рассуждения о якобы произошедшем отказе «позднего» Маркса, писавшего исключительно о фетишизме товара, денег и капитала плюс эксплуатации и делающего на этом основании выводы о важности классовой борьбы и т. д. вплоть до «экспроприации экспроприаторов», от «молодого» Маркса, писавшего о снятии любого отчуждения и потому большего гуманиста, нежели «поздний» Маркс².

На наш взгляд, эти рассуждения, построенные преимущественно на анализе терминов, не выдерживают серьезной критики³.

Во-первых, Маркс, безусловно, развивался как теоретик и методолог и потому уделял в разные периоды своего творчества большее внимание тем или иным аспектам проблемы социального освобождения, исследованию которой он посвятил всю свою жизнь. Но это не главное.

Главное состоит в том, что, во-вторых, с содержательной точки зрения категория «отчуждение» (и соответствующий ей немецкий термин *Entfremdung*), предельно генерализованная и потому не отражающая специфики того или иного исторически-конкретного, особого вида отношений отчуждения, была бы неадекватна для анализа именно товарных, капиталистических отношений. Она была нужна и использовалась Марксом тогда, когда он, действительно молодой, начинающий исследователь нащупывал основные аспекты исследования продвижения к будущему коммунизму (позднее и он, и Энгельс, будут больше использовать категорию «царство свободы») и размышлял над предельно общими проблемами, адекватными для исследования системного качества всего мира предыстории, но не достаточных для исследования собственно капита-

¹ «Проанализировав употребление Гегелем и Марксом этих терминов, Э.В. Ильенков приходит к выводу, что именно *Entfremdung* является термином, который у Маркса означает особое социальное отношение, по выражению Ильенкова, «превращение продукта труда в растущее тело капитала», в которое перерастает простая потеря чего-либо (тоже «отчуждение», но в обыденном смысле слова)» (см. *Ильенков Э.В. Философия и культура*. М., 1991. С. 141–146); «Крупнейший знаток логики „Капитала“, Э.В. Ильенков утверждал, что «категория “отчуждения” – в ее четко дифференцированной форме – как “*Entäusserung*”, “*Entfremdung*”, “*Veräusserung*” и т.д. – входит в арсенал понятий... выражающих теоретические позиции зрелого, “позднего” Маркса – Маркса как автора “Капитала”, и эти позиции без нее поняты правильно быть не могут». Но приведенные им цитаты из «Капитала» не содержат слова *Entfremdung* в смысле общественного отношения между работником и внешними силами» (см.: *Ильенков Э.В. Философия и культура*. М., 1991. С. 145–147).

² См. подробнее: *Шачин С.В. Марксова идея отчуждения и ее восприятие в традиции западного марксизма // Критический марксизм: поколение пехт. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию*. М., 2014

³ Этот же вывод делает на основе обзора зарубежных дискуссий Ш. Сейерс (см. *Сейерс Ш. Отчуждение как критическая концепция // Альтернативы*. 2014. № 3).

лизма. Впрочем, и в «Капитале», как мы уже писали в предыдущем томе, Маркс не забывает об этом генеральном контексте, посвящая проблеме «перехода от царства необходимости к царству свободы» поистине гениальный текст в конце III тома. Кроме того, и в подготовительных рукописях к «Капиталу», и в самом «Капитале» Маркс использует широкий круг терминов, близких по содержанию к понятию «отчуждение» (прежде всего понятие превратных форм, овещнения, более сложные конструкции, обозначающие существование социально-экономических феноменов «вне индивидов и независимо от них»¹.

В-третьих, и тоже принципиально важно, марксизм не исчерпывается работами только Маркса. Начиная с Д. Лукача через Ж.-П. Сартра и Франкфуртскую школу к критическому марксизму советских ученых-«шестидесятников»² и полемизировавших с франкфуртцами более близких к классическому марксизму таких их западных коллег, как Б. Оллман, И. Мессарош, А. Шафф. Подчеркнем: наследие традиции «шестидесятников» (и отечественных, и зарубежных) позволяет показать, что категория «отчуждения», как более общая, не может и не должна вытеснять проблемы собственно эксплуатации. Это принципиально важно, ибо показывает, что, в частности, при капитализме общая атмосфера отчуждения, охватывающая и наемных рабочих, и буржуазию (на чем акцентирует внимание, например, Ж.-П. Сартр), и промежуточные слои, и даже «лиц свободных профессий», не снимает, но усиливает систему отношений эксплуатации. То же касается, как мы покажем ниже, и отношений гегемонии корпоративного капитала, характерных для современного этапа позднего капитализма.

Сказанное позволяет раскрыть отчуждение как мир, в котором существенные силы человека как родового существа, осуществляющего преобразование природы и общества в соответствии с познанными законами их развития, стали чуждыми для подавляющего большинства членов общества. Они как бы «присвоены» господствующей социальной системой и лежащими на ее поверхности превратными формами, имеющими видимость института, вещи (типичный пример – деньги как вещь, подчиняющая себе человека) или иной внешней для Личности человека формы.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, Ч. II. С. 383–384, 391, 397; Т. 26. Ч. III. С. 507, 513, 519, 529; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 101.

² В своей работе «Советский марксизм», посвященной исследованию по преимуществу советских учебников, Г. Маркузе «не заметил» работ иных авторов, чьи идеи были весьма близки западному неомарксизму; «забывает» упомянуть о наличии этих работ и Б. Кагарлицкий, описывающий работу Г. Маркузе (Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, Эксмо, 2005. С. 77–78), которому это гораздо менее простиительно, чем его западному собрату, для которого, возможно, технически были недоступны эти книги, на наличие и важность которых мы не раз указывали Б.Ю. Кагарлицкому.

Собственные качества и способности Человека – творца истории (цели и средства, процесс и плоды его деятельности, его чувства и отношения к другим людям) превращаются в мир внешних, чуждых, неподвластных человеку и непознаваемых им социальных сил. Эти социальные силы – разделение труда и отношения эксплуатации, государство и традиция, денежный фетишизм и религия – как бы присваивают человеческие качества и тем самым превращают Человека-творца в функцию и раба данных внеличных сил.

В рамках «царства необходимости» (предыстории) отчуждение развивается как не только политико-экономический, но и общесоциальный феномен¹. *От человека оказываются отчуждены его родовая сущность как творца, следствием чего становится социально-экономическое, политическое (государство, партии...), духовное (идеология, религия...) и т.д. отчуждение.*

В социально-экономической – являющейся непосредственным предметом нашего исследования – сфере от человека отчужден труд, его цели, средства и продукт².

Примеры этого многостороннего отчуждения хорошо известны. Для нас, в данном случае, наиболее важна капиталистическая форма этого процесса, где работник, продавая свою рабочую силу, отчуждает свой труд, его цели и формы организации; средства и продукт его труда так же принадлежат капиталу, как и рабочая сила работника. В условиях добуржуазных систем, основанных на личной зависимости, собственнику средств производства принадлежат не только средства и продукт труда, не только рабочая сила, но и личность человека, являющегося рабом частного лица или азиатской деспотии, крепостным или иным лично зависимым лицом.

Результатом (и предпосылкой) каждого нового витка воспроизводства отчуждения становится *самоотчуждение* человека: жизнь, в которой индивид сам себя воспринимает как функцию внешнего мира (с туповатой гордостью говоря: «Я – миллионер», «Я – министр» или с горькой самоиронией сознавая себя люмпеном), а изменение своего функционального статуса (карьера, переход на новую ступень материального обогащения) воспринимается им как самоцель.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 33.

² «Отчуждение [Entäusserung] рабочего в его продукте имеет не только то значение, что его труд становится предметом, приобретает внешнее существование, но еще и то значение, что его труд существует вне его, независимо от него, как нечто чужое для него, и что этот труд становится противостоящей ему самостоятельной силой; что жизнь, сообщенная им предмету, выступает против него как враждебная и чуждая» (Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года; Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 42. С. 88–89; См. также: Ollman B. Alienation. New York: Cambridge University Press, 1971, С. 136–152).

Данный мир – мир отчуждения – именно *как бы* передает человеческие качества внешним социальным силам (например, кусочку бумаги с водяными знаками). Как бы – именно потому, что на самом деле этот мир кривых социальных зеркал создан самими людьми в силу главным образом объективных причин.

Но в силу тех же самых причин только уродливые фигурки зазеркалья и их кривлянья (делание денег, карьеры и т.п. как самоцель) воспринимаются нами как единственно реальный и естественный мир (вспомните, читатель, на удивление точный образ сказки о голом короле).

Более того, в мире отчуждения мы, как правило, не можем жить и развиваться вне этих отчужденных социальных механизмов – разделения труда и эксплуатации, рынка и государства...

Повторим: мы сами своей жизнью создаем эту видимость творения социального распорядка и самой истории не людьми, а внешними силами, но иначе мы не могли бы жить и развиваться в эпоху *предыстории*¹.

Здесь важны два уточнения.

Первое. Отчуждение – это видимостная характеристика *предыстории*. Видимостная в гегелевском смысле этой категории: напомним, в гегелевской «Логике» видимость есть то, с чего начинается сущность системы, качество, количество и мера которой уже даны. Сущность же *предыстории* – в тех социальных противоречиях (исторически развивающихся от традиции, господствовавшей в древнем мире, до гегемонии транснационального корпоративного капитала), которые и отчуждают, «отнимают» у Человека его качество творца истории.

Второе уточнение. Отчуждению всегда противостоит социальное творчество – актуальная способность Человека непосредственно творить историю (подробнее об этом – ниже). В силу этого для *предыстории* всегда характерна определенная *мера отчуждения*. Власть этого мира никогда не была абсолютной.

Мир отчуждения, в котором общественные и социальные отношения не подвластны человеку, не познаны им, господствуют над ним, не может не порождать и порождает целый мир превратных форм. В нем (повторим наши разъяснения из первой части этого тома) человеческие отношения как бы надевают костюм отношений между институтами, между вещами. В добуржуазных обществах человек не может вступить в отношения с другим человеком, иначе как участвуя в традиционном сообществе (например, таком, как община), подчиняясь иерархии азиатской деспотии,

¹ В этой диалектике – ключ к критике теорий открытого общества, особенно – идей К. Поппера, по сути родоначальника и одного из наиболее сильных представителей этого течения, ополчающегося прежде всего на историцизм гуманистов вообще и марксистов в частности (см.: *Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992*).

опосредуясь отношениями внеэкономической зависимости¹ (надеяв на себя «костюм» раба или рабовладельца, аристократа или крепостного).

В любом случае внешние формы, привязанные к так называемой системе «внеэкономических» отношений, иерархии и традиции, оказываются господствующими, и они создают видимость (объективную видимость!) того, что человек на самом деле есть раб этих форм. Между тем действительное содержание истории состоит именно в том, что *люди* сами, посредством своих общественных отношений в процессе материального производства создают эти превратные формы. Точно так же в мире товарных отношений фетишизм вещей, товаров, денег знаменует господство системы отношений, в которой именно вещи, являющиеся «социальными иероглифами» (такие, как товары и деньги), вытесняют человеческие отношения и ценности, замещают их, создают объективную видимость того, что именно эти субституты (товар, деньги) и есть общественное богатство и ценность.

При этом как в первом случае (в добуржуазных обществах), так и во втором (рынок, буржуазные отношения) эта объективная видимость на самом деле является неслучайной; она действительна. Это ситуация, при которой, как в свое время сказал Маркс, *кажется то, что есть на самом деле*.

Кажется потому, что эти формы *превратны*; потому, что за ними скрыты действительные сущностные процессы созидания людьми своих общественных отношений, производства материальных продуктов². Однако нам неслучайно кажется *то, что есть на самом деле*: по-другому в условиях «царства необходимости» и мира отчуждения люди не могут вступать в отношения друг с другом. Более того, всякая превратная форма производит мнимое содержание, принципиально отличное от действительного.

Таковы принципиально важные ремарки, касающиеся проблемы отчуждения и превратных форм. Они нам окажутся очень полезны при анализе в следующем томе отношений глобальной гегемонии капитала, и не только.

Однако, прежде чем идти дальше в нашем исследовании, зафиксируем еще один важный тезис: отношения отчуждения, господствуя в пространстве-времени «царства необходимости», всегда бытийствовали в противоречивом единстве со своим Alter Ego – отношениями **разотчуждения**. Последнее понятие, введенное в научный оборот и раскрытое

¹ Эти формы сохраняются и после победы буржуазного строя, а также в условиях «реального социализма».

² Здесь и ниже авторы намеренно кратко повторяют свои размышления о феномене превратных форм, развивавшиеся выше, ибо сия материя мало знакома современному читателю и мы не надеемся, что он будет удерживать в памяти все нюансы методологии постсоветской школы критического марксизма на протяжении чтения всех разделов (если он вообще будет читать их все) этой немалой и непростой работы.

в работах Л.А. Булавки¹, показывает наличие деятельного субъектного бытия Человека как творца Истории и Культуры в процессе субъект-субъектного диалога и соответствующих (неотчужденных) общественных отношений.

Этот анализ позволяет нам содержательно раскрыть противоречия бытия Человека в предыстории, показав, что это (наряду с темой социального освобождения, культуры и т.п.) суть один из важнейших аспектов современного марксизма.

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ПРЕДЫСТОРИИ

Итак, *Человек* – это едва ли не центральная проблема для марксизма XX века². Ей посвящены сильнейшие работы Д. Лукача, Ж.-П. Сартра, Э. Фромма, Л. Сэва, а также Г. Батищева, Э. Ильенкова, Р. Косолапова³ и мн. др. Так что акцент на этой проблеме характерен отнюдь не только для цивилизационного подхода. *Понимание человека как деятельного, социально-творческого субъекта – генетически исходное положение социальной философии марксизма*⁴.

¹ «Разотчуждение – это вид деятельности, связанный со снятием той или иной формы отчуждения, который фиксируется не просто в виде вещи (готового результата), а в таком феномене, который, с одной стороны, является той же самой вещью (готовым результатом), а с другой – несет в себе развернутую логику ее сотворения. ...понятие разотчуждение предполагает не только его результат – новое общественное отношение, но взятый в единстве с самим процессом его сотворения» (Булавка Л.А. Советская культура как идеальное СССР // Культура. Власть. Социализм. Противоречия и вызовы культурных практик СССР. М.: ЛЕНАНД, 2013, С. 125).

² Прежде чем выделить ключевые аспекты марксистской теории человека, отметим: марксизм – это живая и активно развивающаяся теория. Сводить марксизм исключительно к работам самого Маркса ничуть не более правомерно, чем сводить, скажем, неоклассику к книге А. Маршалла или цивилизационный подход к работам исключительно А. Тойнби.

³ Кроме упомянутых выше работ назовем еще одну важную с этой точки зрения коллективную монографию советской поры: С чего начинается личность / Под общ. ред. Р.И. Косолапова. М.: Политиздат, 1984.

⁴ Как писал Д. Лукач: «Внутренняя дифференциация всего общества постоянно побуждает или даже вынуждает отдельных его членов к принятию альтернативных решений в их кажущемся бесконечном множестве, а в социальном плане порождает основы того процесса, в ходе которого человек — если употребить принятое выражение — становится личностью, индивидуальностью» (Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены / Пер. с нем. Общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарского и М.А. Хевеши. М.: Прогресс, 1991. С. 89). Советские авторы также немало писали об этом. Укажем в этой связи еще раз на некоторые названные выше книги: «С чего начинается личность» (М., 1984) и «Проблема человека в современной философии» (М., 1969).

Исследование так называемой «родовой сущности человека», начатое Карлом Марксом, было продолжено Дьердем Лукачем (прежде всего в его «Онтологии общественного бытия») и широким кругом марксистов второй половины XX – начала нынешнего века. Генетическая сущность человека, его предельно абстрактная и вместе с тем предельно общая характеристика (генетически-всеобщая определенность – в категориальном аппарате Эвальда Ильенкова¹) – это не просто трудовое происхождение *Homo sapiens*. Это еще и *бытие человека как субъекта социальной творческой деятельности, творца не только материально-вещественного богатства, но и культуры и – главное – истории.*

И именно эта «родовая сущность» оказывается отчуждена от человека в условиях «царства необходимости» (в других формулировках Маркса – «предыстории») в силу неразвитости как производительной силы труда, так и социальных отношений, культуры. ***Противоречие человека как творца истории и раба внешних для него природных (во все убывающей степени) и социальных (во все возрастающей степени) сил*** – вот исходный пункт развертывания марксистской социо-философской концепции². Кое-что из этой философской парадигмы явно и неявно (в России, в частности, через Бердяева и других экс-марксистов³) инкорпорировал в себя цивилизационный подход. Последний, естественно, интерпретировал эти положения весьма своеобразным образом, трансформировав их в соответствии с имманентно присущей этому подходу тягой к религиозной догматике в духе вечных норм че-

¹ Ильенков Э.В. *Философия и культура*. М., 1991. С. 38.

² Укажем в этой связи на развитие и сопряжение с политическими выводами В.И. Лениным закона основательности исторического действия. Этот закон был открыт еще Марксом, но у Ульянова-Ленина он оказался частью его систематического подхода к процессу творения истории. Вот как звучит полностью текст, в рамках которого сформулирован этот закон: «По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем. Народник же всегда рассуждал о населении вообще и о трудящемся населении в частности как об объекте тех или других более или менее разумных мероприятий, как о материале, подлежащем направлению на тот или иной путь, и никогда не смотрел на различные классы населения как на самостоятельных исторических деятелей при данном пути, никогда не ставил вопроса о тех условиях данного пути, которые могут развивать (или, наоборот, парализовать) самостоятельную и сознательную деятельность этих творцов истории» (*Ленин В.И. От какого наследства мы отказываемся? / Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 539–540*).

³ Мотивы социально-творческого потенциала человека, но в преимущественно религиозно-идеалистическом «дискурсе», можно найти, в частности, в работах: *Бердяев Н. Судьба России*. М.: Наука, 1990; *Булгаков С. От марксизма к идеализму: сб. статей (1896–1903)*. СПб., 1904; *Франк С. Духовные основы общества*. М.: Республика, 1992.

ловеческого, «цивилизованного» бытия. При этом, однако, были утеряны несколько «нюансов».

Начнем с того, что, **во-первых**, в марксистской теории проблема Человека всегда принципиально рассматривается как *междисциплинарная*. В марксизме нет и не может быть «отдельной» экономической, социологической и т.п. теории человека. Плодотворным может быть только абстрагирование из этой целостной теории некоторых аспектов, важных для экономических, социологических и т.п. исследований. Но это абстрагирование должно всякий раз (1) исходить из целостной междисциплинарной теории и (2) возвращаться к ней, (3) соотноситься с ней на всех ступенях исследования.

Во-вторых, в рамках этой теории понятие Человек неслучайно пишется с большой буквы, ибо его личностное развитие позиционируется как *высший критерий прогресса* и, соответственно, высшая мера эффективности, позволяющая сравнивать между собой различные общественные (и, в частности, экономические) системы¹.

В-третьих, в марксизме показывается, что *в разных общественно-экономических системах Человек качественно различен по своему социально-экономическому бытию*. Соответственно, принципиально различны цели и мотивы деятельности, социально-экономические нормы поведения человека и, следовательно, социально-экономическая природа этого актора².

Так, в условиях добуржуазных систем человек, как правило, был либо субъектом, либо объектом внеэкономического принуждения, стремился к воспроизведению традиционного типа и объема деятельности, а максимизацию денег считал аморальным занятием.

В условиях рыночной экономики рождается тот самый экономический человек, который сторонникам универсализма западных цивилизационных ценностей видится «естественным», хотя на самом деле этот тип личности и соответствующие ему системы ценностей и мотивов стали господствующими в мире едва ли сто лет назад: до этого большинст-

¹ Свободное гармоничное развитие личности как высший критерий прогресса рассматривает долгая теоретико-идейная традиция, идущая от гуманистов Ренессанса (Дж. Пико делла Мирандола) и европейского Просвещения к марксизму («свободное развитие каждого как условие свободного развития всех»), и далее гуманизму Э. Фромма, Ж.-П. Сартра, и далее к работам Н. Чомски начала XXI века.

² Напомним в этой связи об исходном пункте марксистского выделения основных крупных исторических этапов человеческого развития, исходя из социально-экономического качества человека: личная зависимость (добробуржуазные системы и типичный для них лично зависимый индивид – раб частного лица или государственной деспотии, крепостной, вассал, подданный...), вещная зависимость (человек как функция рынка, товарного и денежного фетишизма), свободная индивидуальность.

во людей производило и потребляло под влиянием не рыночно-капиталистических, а совершенно других интенций.

Более того, в настоящее время все более активно развиваются другие типы личности (так, в частности, для субъекта творческой деятельности труд становится ценностью, а не тягостью)...

В-четвертых, с точки зрения марксизма, в условиях «экономической общественной формации» (К. Маркс) человек включен в большие социально-экономические структуры (классы, страты и т.п.), которые, в свою очередь, также существенно детерминируют тип его поведения, ценности и мотивы и, главное, социально-экономические интересы.

В частности, в рамках капиталистической экономической системы существенно различны объективные интересы человека, (1) являющегося субъектом индустриального наемного труда в стране третьего мира, (2) занятого творческой деятельностью в общественном (public) университете Западной Европы, (3) собственника миллиардного состояния.

Посему социальная природа человека различна. И эти различия диктуются как минимум тем, (1) в рамках какой особой экономической системы он осуществляет свою жизнедеятельность и тем, (2) к какому социально-экономическому слою (в частности, классу) он принадлежит.

Соответственно, **в-пятых**, проблема рациональности человеческого поведения в общественных науках (и, в частности, в экономической теории) с точки зрения марксизма должна стоять не столько как вопрос *большой или меньшей* рациональности, сколько как проблема *особенного конкретно-исторического типа рациональности*. Мы исходим из того, что **существуют качественно различные типы рационального поведения человека**.

И потому для нас главным является вопрос не о том, насколько рационален человек, а о том, как он рационален, что и почему он максимизирует (соблюдение чести и традиций, денежный доход, благо Родины, справедливость и солидарность, творческую деятельность, самореализацию и свободное время...), что и почему он минимизирует и т.д. Для нас принципиально важно, как и почему он совершает те или иные *поступки* в своей *общественно-исторической практике*, как и в какой мере его поведение детерминировано той или иной исторически специфической системой экономических отношений (добуржуазной, капиталистической...), как и почему он самоопределяет себя, поддерживая или отвергая эко-социо-гуманитарные реформы, иницируя (поддерживая) или нет революции (в том числе – антифеодальные, например, Войну за независимость в Северной Америке) и т.п.

Последнее вплотную подводит нас к суммирующему все предыдущие **важнейшему тезису марксистской теории Человека**. Им является – намеренно повторим этот часто «забываемый» оппонентами пункт – *понимание человека как не только продукта производительных сил и объективных общественных отношений (производственных прежде всего),*

но и как творца истории. Это две противоположных и единых в рамках «общественной экономической формации» ипостаси бытия человека. Последнее означает (опять же намеренно повторим), что в мире «царства необходимости» человек является, с одной стороны, продуктом господствующих общественных детерминант, и как таковой он на протяжении всей существующей истории, как правило, был и остается подчинен отношениям отчуждения, прежде всего социально-экономического. С другой стороны, Человек был и остается активным субъектом созидания форм и институтов общественной жизни, в частности экономики.

В первой своей ипостаси он, будучи конформистом, следует заданным извне нормам и правилам поведения (в частности экономического) и покорно стремится быть послушным рабом патриция или крепостным помещика в добуржуазной системе; максимизировать свой денежный доход в условиях рынка; делать карьеру в партийно-государственных структурах в условиях общества советского типа и т.д. и т.п.

При этом марксизм всегда подчеркивал, что мера отчуждения (и, напротив, освобождения) изменяется в процессе исторического развития. Что субъект рынка, в отличие от патриархального крестьянина, может свободно выбирать сферу деятельности и, соответственно, структуру потребляемых благ («естественно», в пределах своего бюджета), что наемный рабочий, в отличие от раба или крепостного, юридически свободен и имеет более широкий круг прав и т.д. Этот контрапункт социально-экономического (плюс политического духовного и т.п.) отчуждения и освобождения составляет одно из ключевых противоречий исторического процесса, и это азбука марксизма.

В своей второй ипостаси – социального творца – Человек 400–300–200 лет назад становился субъектом свершения буржуазных реформ и революций; 100 лет назад – борцом за 8-часовой рабочий день и женское равноправие; 50 лет назад – за бесплатное школьное образование, гарантированную минимальную заработную плату и прогрессивный подоходный налог... Как таковой, человек создавал новые институты и способствовал формированию новых производственных и иных общественных отношений.

Именно эта сторона марксистской теории – *деятельностный подход*, понимание человека как творца истории – принципиально важна, и именно о ней принято умалчивать...

Итак, *не отказ от родовых черт человека, но развертывание их в многосложное богатство исторически и социально-конкретных типов личности – вот что такое марксистская теория личности.* Цивилизационный же подход, в той мере, в какой он акцентирует главным образом некие якобы универсальные и вечные ценности «цивилизованной» личности, оказывается в этом вопросе гораздо беднее, проще марксистской философии истории. По сути дела, он выдает типичные в (1) *настоящее время для* (2) *западного мира* тип личности и систему ценностей

за некий универсум, «теряя» и историзм, и социальные различия и противоречия, и многомерность человека как экономического, социального, политического, культурного и т.п. субъекта.

Впрочем, это касается лишь одного из течений в цивилизационном подходе. Многие наиболее известные сторонники последнего не только признают, но и изучают многообразие культурно-религиозных типов личности, и даже признают неправомерной трактовку ценностей тех или иных цивилизаций как более «цивилизованных» (да простят нас читатели за этот неизбежный стилистический огрех), чем иные. Именно это течение упрекает марксизм за редукционизм и сведение критериев прогресса к соображениям выгоды пролетариата.

Но здесь сторонники «цивилизационного подхода» осуществляют не более чем уже не раз нами упомянутую инверсию: на место марксизма в очередной раз ставится отрывок из сталинско-условских догматов. И классический марксизм самого Маркса, и последующий гуманистический творческий марксизм показал, что мерой прогресса является человек во всем богатстве его личностных качеств, освобождающийся от гнета социального отчуждения. Маркс и Энгельс сформулировали это в знаменитом афоризме «Манифеста коммунистической партии»: «Свободное развитие каждого как условие свободного развития всех». В замечаниях на проект программы РСДРП В.И. Ульянов-Ленин уточнил эту формулу, акцентировав задачу не только достижения благосостояния, но и «свободного всестороннего развития личности» (подчеркнем: именно эта формула вошла в дальнейшем во все «умные» учебники истмата и даже «научного коммунизма».

Таков, суммируем, контрапункт марксистской теории Человека, в которой выделяются как специфические для конкретных социумов и социальных страт этих социумов черты, так и инварианты его общественно-исторического бытия, прежде всего противоречие Человека как, с одной стороны, «раба» отчуждения, а с другой – творца Истории и Культуры.

Последнее – бытие человека как деятельностного субъекта, творца – открывает новый аспект проблемы инвариантов исторического процесса и якобы необходимого дополнения марксизма «цивилизационным подходом» – вопрос о феномене Культуры и его Alter Ego – религии.

Культура как пространство-время свободы и как рефлексия отчуждения: прогрессор и конформист

Популяризаторы цивилизационного подхода в этом случае любят говорить о том, что их подход позволяет показать, чем любой китаец отличается от любого европейца или русского, в отличие от марксизма, показывающего, чем пролетарий отличается от капиталиста, и они оба – от крепостного и феодала. Для объяснения «отличий китаец от европейца», с точки зрения сторонников «цивилизационного подхода», по-

вторым, принципиально важны сферы религии и (в меньшей степени) культуры.

Почему? Да потому, что именно в этих сферах, с одной стороны, налицо существенные различия разных «цивилизаций» в рамках одной и той же общественно-экономической системы (очевидно, что сословное неравенство и личная зависимость имеют существенно различные формы религиозного сознания в средневековых Китае, Иране, Англии...). С другой стороны, в случае с религией едва ли не очевидно наличие некоторых инвариантов (как минимум – общности) форм общественного сознания одного и того же социума на разных этапах его общественного развития (христианские заповеди выглядят одинаковыми и в древнем Риме, и в средневековой Европе, и в условиях современного позднекапиталистического «Запада»; то же касается мусульманства, буддизма и т.п.). Именно здесь лежат главные аргументы в пользу необходимости дополнения марксизма цивилизационным подходом, ибо первый, как кажется, не может объяснить названный выше двоякого феномена.

Однако, как мы покажем ниже, в марксистской теории достаточно развиты и эти аспекты.

Для того чтобы вывести эти положения, нам необходимо вернуться к анонсированной выше теме – *марксистской теории культуры*.

Начнем с пояснений к уже предложенным выше характеристикам этого крайне непростого феномена, над определением которого мировая общественная мысль бьется не одно столетие.

Поскольку авторы, как уже было подчеркнуто, являются сознательными продолжателями (и критиками) тренда советского критического марксизма, постольку мы можем, опираясь на плечи наших учителей, зафиксировать: культура как инвариант исторического развития включает *идеализации* (в ильенковской трактовке понятия «идеальное») не только науки и искусства, но и материального производства, социальных институтов и т.п. достижений человечества. Их идеальное, *культурное* бытие как результатов [со-]творчества и исходных пунктов распремечивания, т.е. нового творческого процесса, принципиально отлично от их бытия в социальной сфере, где они бытийствуют как особые механизмы отчуждения, имеющие специфические формационные обличья.

В культуре же, в этом времени-пространстве со-творчества, все его продукты-предпосылки становятся инвариантами человеческой истории, *смыслами*, а не социальноотчужденными институтами. Ими становятся даже идеализации механизмов отчуждения: государство и рынок, суд и капитал... Как феномены культуры это – достижения человечества, которые останутся навечно в его культурном пространстве. В мире культуры — это феномены, подлежащие распремечиванию, и только. В мире социальных отношений они предстают не только как средства развития общества на определенной стадии его эволюции, но и как механизмы социального отчуждения, угнетения. Будучи звеном общественного

прогресса, со временем они становятся тормозом развития и должны быть сняты, подвергнуты и теоретическому, и практическому отрицанию (приведем только один пример: для ученого рабство – предмет для изучения; для социального актора – объект борьбы).

Суммируем: в рамках нашей парадигмы культура по своему определению есть, с одной стороны, мир свободного времени и свободной деятельности, всеобщего творческого труда Человека¹. Как таковая она бытийствует вне социального отчуждения: формулы математического анализа и поэмы Низами не подчиняются ни законам рынка, ни власти политиков. В этой своей ипостаси культура [как творческая деятельность, ее субъект и результат] всегда индивидуальна и одновременно всеобща² и, как таковая, всегда окрашена в уникальные цвета того мира, в котором живет ее творец.

С другой стороны, в мире отчуждения культура детерминирована общественными отношениями, подчинена интересам господствующих социальных сил, зависима от деспота, рынка, идеолога... Как таковая культура каждого социума всегда исторически-конкретна и специфична.

В этом своем последнем качестве культура трансформируется в духовное производство – социальноотчужденную сферу общественного сознания. И этом своем бытии, как духовное производство, она оказывается сращена с исторически-конкретными формами идеологии, религии и других сфер духовного отчуждения.

¹ «Свободное время – это тоже время общественного производства, но такого, которое неотделимо от производства человеком самого себя как общественного существа. С такой точки зрения это время жизни человека не как рабочей силы или простой функции от той или иной технологической или социальной системы, но как свободной индивидуальности, имеющей в своем распоряжении все богатство культуры и реализующей в процессе труда свои дарования, таланты и способности» (Межуев В.М. Свобода как время и пространство культуры / Межуев В. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб., 2011. С. 176).

Этот подход к пониманию культуры был широко распространен в критическом советском марксизме: «Речь поэтому идет о преодолении противоположности между обществом и личностью, характерной для предьстории человечества, т.е. о снятии отчуждения (отчужденных форм социальности) и соответственно прекращении действия исчерпавшей себя формационной логики исторического процесса, знаменующим начало перехода к подлинной истории — к тому будущему, в котором, по удачному выражению К. Либкнехта, «не будет иной истории человечества, кроме истории культуры». И именно такое будущее К. Маркс называл коммунизмом» (Злобин Н.С. Коммунизм как культура // Альтернативы. 1995. № 1. С. 24).

² См. об этом: Бузгалин А.В. По ту сторону отчуждения. Социальное творчество и свобода // Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения / Под общ. ред. Б.Ф. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 80–168. (Библиотека журнала «Альтернативы»); Бузгалин А.В. Коммунизм как практический вызов: к критике Славоя Жижека // Там же. С. 635–674.

Эта марксистская методология, позволяет, в частности, показать и объяснить, почему те или иные религиозно-культурные традиции возникли, а потом ушли в прошлое или оказались устойчивыми. Так, в марксизме есть достаточно развернутые объяснения причин развития язычества и конфунцианства, ислама и христианства (с последующим выделением католичества, православия, протестантизма и т.п.), атеизма и новой волны религиозного фундаментализма XXI века. Эти объяснения апеллируют и к противоречиям социальной материи, и к собственным закономерностям развития культур и религий.

Эти объяснения, конечно же, не исчерпывающи: где-то они развернуты достаточно подробно, где-то лишь намечены. Но они есть и, что особенно важно, марксистская методология и теория содержит достаточный потенциал для дальнейшего научного продвижения в этих направлениях. Причина этого в том, что они опираются на продуманную и целостную парадигму (картину) социально-исторического развития. Картину опять-таки постоянно развивающуюся и многообразную, включающую массу школ и течений, но относительно целостную, чего не скажешь о сугубо мозаичном цивилизационном подходе, где у каждого автора свой набор цивилизаций, и даже их количество варьируется от 8 культур у О. Шпенглера и 10 культурно-исторических типов у Н. Данилевского до 21 цивилизации у А. Тойнби. Их перечень¹ свидетельствует о, по сути дела, сведении проблемы к перечню и описанию специфики самых крупных, устойчивых и относительно независимых государственных образований, существовавших на протяжении последних тысячелетий на нашей планете, указывая на господство того самого методологического позитивизма, о котором мы не устаем говорить как о бегстве от проблем поиска конкретно-всеобщего диалектического единства в многообразии всемирной истории.

В этом смысле, как это ни парадоксально звучит, *марксизм точнее, конкретнее², чем собственно цивилизационный подход, объясняет при-*

¹ Тойнби выделяет 21 цивилизацию: египетская, андская, древнекитайская, минойская, шумерская, майянская, сирийская, индская, хеттская, эллинская, западная, дальневосточная (в Корее и Японии), православная христианская (основная) (в Византии и на Балканах), православная христианская, дальневосточная (основная), иранская, арабская, индуистская, мексиканская, юкатанская, вавилонская; Шпенглер выделяет в мировой истории восемь культур, достигших зрелости: египетская, индийская, вавилонская, китайская, «магическая» (арабо-византийская), «аполлоновская» (греко-римская), «фаустовская» (западноевропейская) культура и культура майи; Данилевский насчитывает 10 культурно-исторических типов: египетский, китайский, ассиро-вавилонско-финикийский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, новосемитический (или арабийский) и германо-романский (или европейский). Согласно Данилевскому, Россия со славянством в скором времени должны были образовать новый культурно-исторический тип.

² Напомним, что конкретное в рамках диалектической логики понимается не как совокупность фактов, а как противоречивое единство многообразного, →

чины возникновения, распространения и упадка определенных социумов (так называемых «цивилизаций») в тех или иных пространственно-временных рамках.

Отчасти это происходит еще и потому, что собственно цивилизационный подход вообще редко обращается к методологии каузальности, к поиску причин, закономерностей, сущностей, предпочитая описание конкретных исторических процессов при минимальной их генерализации на основе признаков, очевидных для обыденного сознания («здравого смысла»). Последнее неслучайно: эта школа, как мы только что подчеркнули, в целом тесно взаимосвязана с господствующей уже много более столетия методологией позитивизма, превращающей историческую науку в лучшем случае в описание и некоторую систематизацию фактов и событий, в худшем – в «рассказывание историй».

Впрочем, российские сторонники цивилизационного подхода здесь сильно отличаются от своих западных собратьев, тяготея не просто к описаниям, но и к обобщениям. Другое дело, что эти обобщения, как правило, являются внерациональными, апеллирующими к трансцендентальным, а не рациональным основаниям, к вере, но не знанию (тем интереснее, отметим вновь, упомянутые выше работы В.Ж. Келле как сторонника скорее материалистического, социально-материалистического взгляда на историю).

Сказанное позволяет нам утверждать: «дополнять» марксистскую философию истории некими заимствованиями из *методологии* цивилизационного подхода просто бессмысленно, ибо последний уже и беднее марксизма даже на том поле, который первый считает своей «вотчиной» – на поле анализа культурно-религиозных типов обществ.

Что же касается собственно материального производства (производительных сил и производственных отношений), то здесь марксистская методология исследования способов производства наиболее ярко проявляет свой потенциал, что мы показали выше.

Другое дело, что *марксистская философия истории, и собственно историческая наука в первую очередь, не может и не должна развиваться вне диалога с авторами и работами, выполненными в рамках явной или неявной «цивилизационной» методологии.* У многих из этих авторов есть масса ценного исторического материала, первичных обобщений, наблюдений, оценок. Более того, у них есть очень важное для марксизма не критическое воспроизведение превратных форм общественного [само] сознания мира отчуждения. Сказанное – не ошибка и не казуистика. Марксизм, стремясь критически осмыслить мир превратных форм и найти их действительное содержание, нуждается для анализа в материале, содержащем пусть не критическое, но добросовестное описание

← целое, которое есть не только результат развития, но результат вкуче с его становлением (Гегель).

и систематизацию этих форм an sich. Не начав с анализа этих обобщений превратных форм социальноотчужденных практик, марксизм не сможет идти дальше – к проникновению в сущность этих практик, к критическому поиску их действительного содержания. Посему для нас важно и теоретическое самосознание этого превратного мира, даже если оно не видит своей превратности. Увидеть последнее – уже *наша* задача.

В этом смысле для марксизма эти работы есть крайне важный эмпирико-теоретический материал для изучения самосознания отчужденного мира. Лучшие из сторонников цивилизационного подхода тщательно, честно и искренне описывают существовавшие когда-то и существующие ныне *социальные миражи* (религиозные, национальные и т.п.), что очень важно для марксиста. Важно, ибо эти миражи реально существовали в истории и существуют поныне (вряд ли кто-то будет спорить, что, например, религиозные догмы и мифы были остаются реальными фактами духовного производства и общественного сознания), и мы на этой основе можем и должны объяснять, что именно, почему и как привело к их возникновению. Еще важнее для марксиста то, как сторонники цивилизационного подхода обосновывают реальность этих миражей и мороков, ибо это указывает на то мнимое содержание, которое создается мороками и тем самым позволяет лучше понять механизмы, «переворачивающие» наизнанку общественное бытие и сознание в социумах, где господствует отчуждение.

Вернемся к феномену культуры. В названном выше смысле, как мир принципиально неограниченного, открытого пространства-времени со-творчества индивидов, развития «родовой сущности Человека» (или, иными словами, развития человека как родового существа) социально-творческая деятельность Человека, культура и есть конкретно-всеобщий инвариант, «скрепа» человеческой истории как единого процесса. Повторим: именно единого и именно процесса.

Проявлением этой глубинной конкретной всеобщности, «родовой сущности» могут быть и являются все многообразные исторические и социопространственные формы человеческих сообществ. Причем именно это их противоречивое многообразие и делает их содержательно-, активно-единым процессом [развития]. И именно этот инвариант (социально-творческая родовая сущность человека, развертывающаяся в мире культуры в противоречивом взаимодействии с миром социального отчуждения) и задает, в итоге, как *содержание*, так и *критерий социального прогресса*. Они в данном случае не постулируются как нравственный императив, а *выводятся* из анализа объективного процесса развития глубинно-, содержательно-всеобщих черт Человека и человеческого социума, что и делает данный критерий прогресса нравственным императивом, но не наоборот. Только в этом случае *социум рассматривается как некоторая метасистема, включающая как свои подсистемы отдельные формации и другие структурные элементы*.

Другое дело, что эти инварианты (черты социума как метасистемы) в конкретной истории всех существовавших до настоящего времени обществ присутствовали и в ближайшем обозримом будущем будут присутствовать и развиваться только в и посредством бытия в рамках различных, исторически ограниченных конкретных общественных систем. Систем, образующих общественно-экономические формации, их особые типы и т.п. Систем, которые будут возникать, развиваться и умирать. Образовывать устойчивые социумы и переходные формы. Порождать прогрессивные и регрессивные течения исторического времени. Сложно взаимодействовать в социальном пространстве и т.п.

При этом *мир культуры и мир конкретных социумов* (основанных на отношениях отчуждения и тенденциях разотчуждения) *всегда были и в ближайшее время будут едины, но едины крайне противоречиво*. Отношения отчуждения на протяжении всемирной истории не столько развивали, сколько душили и уродовали культуру и родовую сущность человека, но в условиях «царства необходимости» это, к сожалению, неизбежно.

Мы – человечество – только в последнее время подбираемся к тому уровню развития, на котором станет возможно более-менее полная реализация «родовой сущности человека». Пока что мы по большому счету по-прежнему находимся в пространстве «предыстории». Наши производительные силы, наши человеческие качества еще столь слабо развиты, что мы с огромным трудом и только в потенции можем обеспечить условия для постоянной творческой деятельности как главной сферы активности всем членам общества... Удел ближайшего будущего – и мы об этом не раз писали выше – преимущественно формальное (касающееся только социальной формы) освобождение человечества. Другое дело, что и такое освобождение есть, во-первых, гигантский и по масштабам, и по сложности общественный сдвиг, и, во-вторых, оно обеспечит значительное ускорение процесса реального освобождения человека (развитие массовой общедоступной творческой деятельности как главного средства культурного прогресса и роста производительности труда).

Если же не забегать в будущее, а смотреть на настоящее («предысторию»), то предложенные выше размышления об ее инвариантах позволяют, на наш взгляд, сформулировать нечто вроде **закона-тенденции большей, чем у экономико-политических отношений, инерционности таких сфер, как социальный тип личности (ценности, мотивы и т.п. человека), семейные отношения, общественное сознание и т.п.** Эти сферы более инерционны и в условиях радикальных социальных трансформаций, как правило (речь идет о законе-тенденции), изменяются медленнее.

Отсюда первое следствие названного выше закона-тенденции: *личностные параметры большинства членов общества в условиях радикальных общественных трансформаций «запаздывают» в переходе к новому*

качеству по сравнению с изменениями экономики, социальной структуры, политической системы.

В противоположность этому пассивно-конформному большинству меньшинство социально-творческих прогрессоров (термин А. и Б. Стругацких) в периоды качественных социальных трансформаций (революций и даже реформ) опережает социальные изменения, забегая вперед реального тока социального времени. В результате они оказываются в трагической пустоте безвременья в условиях победы ими же вызванных, но для них недостаточно продвинутых в будущее, изменений. Это второе следствие сформулированного выше закона-тенденции.

Этот лаг и создает у человека, находящегося в пространстве-времени социальных трансформаций (в том числе у нас, людей XX–XXI веков), объективную иллюзию неизменности, стабильности этих сфер. Но это не неизменность. Это «всего лишь» более медленное движение, и это запаздывание на несколько десятков, а то и сотен лет трансформаций в этих сферах создает для отдельного поколения людей ощущение их неизменности. Особенно ярко это запаздывание проявляет себя, как мы уже отметили, в тех социумах и в те исторические отрезки времени, где и когда наблюдается реверсивный ход истории (мир начала этого века дает тому массу примеров).

Несколько кратких комментариев.

Собственно запаздывание этих сфер обусловлено тем, что в период радикальных трансформаций (особенно социальных революций) происходящий взрыв социального творчества приводит к резкому скачку от старой системы отчуждения к возникающему в результате этого творчества состоянию частичного социального освобождения субъекта. Творящие историю люди на время [революционного взрыва] вырываются из плена отчуждения. Это «опьянение свободой» (кстати, отсюда знаменитое: «революция – праздник угнетенных») приводит к ощущению рождения нового человека, слома всех старых форм отчуждения. И в некоторой степени это – истина революционных периодов. В революции человек, становясь социальным творцом, обретает свою родовую сущность, становится сильнее, умнее, талантливее (но, оставаясь Хамом, становится стократ опаснее, ибо его хамство уже не сдерживается внешними правилами отчужденного мира). Эти причины рождают и хорошо известный феномен забегания революций слишком далеко (по сравнению с объективными возможностями общественных изменений)¹.

Революционное социальное творчество, однако, может вызывать и вызывает существенные, качественные изменения в социально-эконо-

¹ Подробнее об этом феномене в авторских разделах книги «Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения» (М., 2013).

мических отношениях общества и политической системе в тех случаях, когда этого требует прогресс производительных сил – самого динамичного фактора в структуре общества. Неизбежное последующее угасание социально-творческого потенциала («энтузиазма») вызывает достаточно сильную реверсивную волну возврата «человеческих качеств» достаточно близко к исходному состоянию, что и порождает зафиксированный нами выше лаг, *запаздывание, разрыв в развитии социального типа личности и общественного сознания – с одной стороны, социально-экономических и политических изменений – с другой.*

Нечто похожее происходит и в условиях реформ (в последнем случае масштаб изменений и инерции существенно меньше), а также (с противоположным знаком) контрреволюций и контрреформ.

Примеров такого «возврата» к конформизму (мещански-пассивному бытию) после периодов социально-революционного (или хотя бы реформационного) всплеска или, напротив, инерции прежней системы ценностей в периоды контрреволюций или контрреформ известна масса. Во Франции XIX века – «ренессанс» конформизма после мая 1968 г. В СССР – известная проблема «омещанивания» общества в период нэпа¹ или феномен «застой», для которого был характерен возврат общественного сознания большинства советских граждан к мещанскому стандарту после скачка энтузиазма, который произошел в период «хрущевской оттепели» с ее взрывообразным научно-техническим прогрессом, культурным всплеском и даже некоторыми изменениями в общественно-политической сфере². Еще один пример – обратный – резкий скачок после распада СССР к капиталистической системе экономических отношений («шоковая» либерализация и приватизация), вызвавший казалось бы окончательное торжество либеральных ценностей. Очень скоро, однако, выяснилось, что инерция многих черт *homo soveticus* (причем больше консервативных, чем прогрессивных) – весьма значимое явление, оказывающее существ-

¹ Этот феномен очень точно описан в рассказе А.Н. Толстого «Гадюка». Главная героиня, вышедшая из семьи купца второй гильдии, волей революционных обстоятельств становится бойцом красноармейского кавалерийского эскадрона, а после окончания Гражданской войны – служащей в одном из учреждений, где и развивается ее конфликт с советским мещанством. Трагедия этого конфликта – смертная тоска героя Октябрьской революции и Гражданской войны Ольги Зотовой – в условиях реверсивного возрождения мещанства в условиях нэпа. (см.: *Толстой А.Н. Гадюка // Толстой А.Н. Собрание сочинений в десяти томах. Том четвертый. Повести и рассказы. М., 1958. С. 180–221.*)

² См.: СССР. «Застой». Материалы конференции 5–6 ноября 2008 г. / Под ред. Р. Крумма и Л. Булавки. М.: Культурная революция, 2009; «Застой». Дисконтенты СССР / Под ред. Л. Булавки и Р. Крумма. М.: ТЕИС, Культурная революция, 2010; «Застой». Потенциал СССР накануне распада / Под общей ред. Л. Булавки и Р. Крумма. М.: Культурная революция, 2011.

венное влияние на нынешнюю общественную жизнь, являющееся одной из причин мощной державно-консервативной, религиозно-почвеннической волны в России.

Эта трансформация социального творчества в конформизм в пост-преобразовательный период и становится одной из важных причин названного выше феномена «запаздывания» трансформаций в сферах общественного сознания и стереотипов поведения.

Есть для этого и другие причины – от «завязанности» кровнородственных отношений на биологические основы человеческого бытия до инварианта конформизма как формы персонификации практически всех форм отчуждения (человек как послушный и смиренный «раб» истории, внешних для него общественных сил). В этом смысле мы можем говорить о конформизме как противоположном культуре инварианте «царства необходимости» (как метасистемы по отношению к отдельным формациям)¹. При этом, в отличие от инварианта подлинной культуры, отчужденное бытие конформиста «намертво» сращено с особой, исторически-конкретной социальной формой, сохраняя инвариантным лишь самую пассивность (социальную а-креативность) индивида, его превращенность в не-субъекта не-истории.

Последнее можно считать инвариантным (для разных формаций) определением **конформизма**. К этому же кругу можно в качестве гипотезы отнести и те инварианты духовного производства, в которых и благодаря которым формируется духовный конформизм, *смирение*. Опять же в качестве гипотезы авторы считают возможным отнести к этому кругу, в частности, **религию** как «опиум народа», форму (1) *отчужденного* (2) *общественного* сознания в отличие от веры как сознательного (1) выбора (2) индивида.

Напомним в этой связи когда-то общеизвестные, а ныне все более забываемые слова Маркса: «Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа. <...> Критика сбросила с цепей украшавшие их фальшивые цветы — не для того, чтобы человечество продолжало носить эти цепи в их форме, лишенной всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком. Критика религии освобождает человека от иллюзий, чтобы он мыслил, действовал, строил свою действительность как освободившийся от иллюзий, как ставший разумным человек; чтобы он вращался вокруг себя самого и своего действительного солнца. Религия

¹ Блестящая иллюстрация этой связи – ставший для нескольких поколений хрестоматийным роман Аркадия и Бориса Стругацких «Трудно быть богом», написанный на излете «оттепели» и впервые опубликованный в 1964 году.

есть лишь иллюзорное солнце, движущееся вокруг человека до тех пор, пока он не начинает двигаться вокруг себя самого»¹.

То же, но жестче и акцентированнее, подчеркнул и В.И. Ленин: «Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия – род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь»².

Мы неслучайно привели в основном тексте эти слова. Они важны прежде всего не критикой религии, а определением ее корней и природы, выведением феномена *смирения* и отказа от социального творчества из самой природы отношений отчуждения, характерных для всей эпохи «царства необходимости».

В этом контексте вдвойне неслучайно то, что религия как наиболее значимая и исторически господствующая форма духовного конформизма кладется в основу «цивилизационного подхода», вообще отличающегося отрицанием активной роли человека как социально-творческого субъекта.

Впрочем, инвариант конформизма не абсолютен, как и его противоположность – качество человека как творца истории.

Для них характерно *противоречие инвариантов общественного развития*. С одной стороны – отчуждение (конформизм) и отчужденное общественное сознание (духовное смирение). С другой – социально-творческая деятельность человека, культура. Персонификацией первого становится не-субъект не-истории (в обществах нового времени – мещанин); второго – культурно- и социально-творческая личность (на языке Струацких – прогрессор).

Господство первого полюса в условиях «предыстории» человечества делает инерцию в эволюции отчужденных форм личностного бытия, доминирование конформизма и смирения *закономерностью*. Наличие второго – как фактора активного, но не доминирующего, а всего лишь периодически прорывающего (революции), теснящего (реформы) господство отчуждения – делает эту закономерность *тенденцией*.

¹ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение (конец 1843 – январь 1844 г.) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. С. 415.

² Ленин В.И. Социализм и религия / Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12, С. 147.

Соотношение названных двух сторон в конечном счете определяет меру инерции отчужденных форм личностного бытия. Соответственно, лишь переход «по ту сторону» предыстории может снять действие этого закона-тенденции, превратив конформизм в подчиненную (и отмирающую) сторону в этом взаимодействии.

Так наш анализ вплотную подводит нас к еще одной фундаментальной проблеме марксизма – проблеме социального освобождения.

Но она станет предметом нашего специального рассмотрения лишь в Послесловии ко всему тому. Сейчас же нам предстоит специально остановиться на проблемах позитивной критики, снятия «цивилизационного подхода» с тем, чтобы в конце концов дать наш ответ на постоянно адресуемый марксистам вопрос: как, оставаясь в рамках нашей парадигмы, объяснить кажущиеся «вечными» и «естественными» отличия представителей различных «цивилизаций»: китайца от американца или немца от русского?

глава 3 Социальная философия марксизма: снятие «цивилизационного подхода»?

Поводом для написания первоначального варианта этого текста, заключающего вторую часть I тома книги, стало обращение одного из наших заочных учителей – профессора В.Ж. Келле – с предложением открытой полемики о потенциале марксизма и цивилизационного подхода в решении некоторых фундаментальных социофилософских проблем¹. Позднее, в 2012 году, на методологическом семинаре нашей школы, регулярно работающем с конца 1990-х, состоялось обсуждение доклада профессора В.М. Межуева о специфике взгляда историков и философов на исторический процесс. Еще позже на этом же семинаре был обсужден первоначальный вариант представляемого сейчас читателю текста.

Прежде всего, несколько слов о его специфике.

О СПЕЦИФИКЕ И ПРИЧИНАХ НЫНЕШНЕГО ГОСПОДСТВА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

Мы не ставили перед собой задачу систематизации и обобщения бесконечного многообразия работ, написанных по проблемам цивилизаций, соотношения марксистского и цивилизационного подходов, Запада и Востока и т.п., хотя нам не раз приходилось обращаться к данным проблемам, и авторы давно знакомы с широким кругом работ как отечественных, так и зарубежных ученых по этим вопросам². Эта многолетняя работа позволила выделить во всем бесконечном многообразии взглядов на феномен цивилизаций несколько устойчиво повторяющихся инвариантов.

Начнем с того, что в большинстве работ присутствует *двойное понимание категории «цивилизация»* (на это не раз указывал, в частности, В.М. Межуев).

¹ Позиция самого В.Ж. Келле была изложена существенно раньше. См.: Цивилизация. Культура. Личность / Под ред. В. Ж. Келле. М., 1999. Гл. 2 и 3.

² Упомянем лишь наиболее известные работы: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991; *Тойнби А.Дж.* Постигание истории / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991; *Шпенглер О.* Закат Европы. Новосибирск: Наука, 1993; *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. Оригинальный обзор основных подходов к данной проблеме дан, в частности, в книге: *Ионов И.Н., Хачатурян В.М.* Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб.: Алетейя, 2002.

В первом случае под ней понимается все то, что не есть «варварство», все, что есть результат развития человеческого сообщества, включая в этот круг достижения технологий, экономики (в частности, рынок), политики (в частности, демократию и права человека) и т.п. Несложно заметить, что в данном случае неявно за образец берется система достижений т. н. «западных» стран, хотя в последние десятилетия Интернет и рынок в Китае и Японии развиты не намного меньше, чем в США и Западной Европе.

Второй вариант акцентирует многообразие цивилизаций. Соответственно, искомая категория определяется как совокупность атрибутов, устойчиво отличающих некоторый социум на протяжении долгого исторического периода от других. Как правило, эти атрибуты лежат в плоскости устойчивых, слабо изменяющихся природно-климатических, географических, *духовных* (с практически повсеместным акцентом на *религии*) «матриц». «Скрепками» каждой особенной цивилизации становится особое единство природной среды обитания, географического пространства и обусловленного этим духовного «генотипа» («кода»)¹.

В работах многих авторов в том или ином контексте оба смысла понятия «цивилизация» перекрещиваются и тем или иным специфическим образом переходят друг в друга (так, у В.Ж. Келле, с одной стороны, подчеркивается своеобразие российской цивилизации, с другой – рынок, демократия и права человека являются атрибутами всякой цивилизации...).

Еще одним устойчивым трендом в работах «цивилизационников» является, в отличие от марксистов, *принципиально широкий разброс мнений по всем ключевым вопросам* – начиная с определения самой базовой категории («цивилизация») и заканчивая перечнем цивилизаций, который варьирует от двух («Запад» и «Восток») до многих десятков. Также существенно различаются те сферы, которые служат главными «скрепками» цивилизаций: у одних это природно-климатический фактор, у других – географический («речные» и «морские» цивилизации), у третьих – религия (таких большинство), у четвертых – та или иная комбинация вышеперечисленных и т.д.

Продолжим наш анализ ключевых черт цивилизационного подхода. Для большинства авторов, принадлежащих к этому направлению, типичным является феномен, который мы с некоторой толикой иронии можем назвать «*историческим идеализмом*». Ирония здесь, конечно, не главное,

¹ Заметим: как правило, неопределяемые и не имеющие устоявшегося социо-философского содержания термины «матрица», «код», «генотип» (см.: Драгунский Д.В., Цымбурский В.Л. Генотип европейской цивилизации // Полис. 1991. № 1) весьма типичны для сторонников цивилизационного подхода; в работах российских сторонников этого подхода часто присутствуют также апелляции к трансцендентальным, религиозным феноменам. В частности, применительно к российской цивилизации очень часто цитируются знаменитые строки Ф.И. Тютчева: «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить, / У ней особенная стать, / В Россию можно только верить...»

но в ряде случаев у сторонников цивилизационного подхода (особенно в современной России) философия истории превращается в своего рода трагикомическую пародию на пресловутый «истмат» из учебника по философии сталинской поры, только на место все определяющих базиса и классового подхода приходят религия и «духовная матрица». Наличие таких упрощающих все и вся работ не есть, однако, основание для пренебрежительного отношения к этой парадигме: в семье не без урода, и уж нам, марксистам, здесь следует быть сугубо самокритичными, ибо таких догматиков, как были (и отчасти сохраняются) в нашей среде, поискать.

Поэтому нам представляется принципиально важным серьезно отнестись к проблеме соотношения материалистического и идеалистического взглядов на историю. Последний, как известно, лежит в основании тех работ по истории философии, авторы которых духовно-религиозные «скрепы» рассматривают не только как критерий для выделения цивилизаций, но и как основу социоисторической специфики и эволюции (рождения, расцвета и «заката») тех или иных социумов. К этому вопросу мы не раз будем обращаться ниже, что неслучайно: в его основе работы таких мэтров данной парадигмы, как Николай Бердяев¹ и др.

¹ «Культура связана с культом, она из религиозного культа развивается, она есть результат дифференциации культа, разворачивания его содержания в разные стороны. Философская мысль, научное познание, архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия, мораль — все заключено органически целостно в церковном культе, в форме, еще не развернутой и не дифференцированной. ... Всякая культура (даже материальная культура) есть культура духа; всякая культура имеет духовную основу — она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями. Но в самой культуре обнаруживается тенденция к разложению своих религиозных и духовных основ, к низвержению своей символики. И культура античная, и культура западно-европейская переходит чрез процесс «просвещения», которое порывает с религиозными истинами культуры и разлагает символику культуры. В этом обнаруживается роковая диалектика культуры. Культуре свойственно, на известной стадии своего пути, как бы сомневаться в своих основах и разлагать эти основы. Она сама готовит себе гибель, отделяясь от своих жизненных истоков. Культура духовно истощает себя, рассеивает свою энергию. Из стадии «органической» она переходит в стадию «критическую» (Бердяев Н. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 166). В этой пространной тезе Н. Бердяев и прав, и не прав. Мы не скажем ничего нового, если вслед за Марксом повторим, что религия есть синкретичная форма всех форм общественного сознания на ранних стадиях развития человеческого общества. И в этом смысле повторяющий Маркса (с работами которого он был хорошо знаком) Н. Бердяев прав. Но он не прав, когда утверждает, что культура сама готовит себе гибель, когда отрывается от религии. Отнюдь. Уже культурные практики Возрождения подрывают это утверждение. Как пишет Л. Булавка — автор ряда статей, посвященных сравнительному анализу Ренессанса и Советской культуры, — индивид Возрождения, «выделившись» из понятия «Бог» как единственной и абсолютной субстанции бытия, сделал первый шаг в мир культуры, →

Наконец, цивилизационный взгляд оказывается тесно сопряжен с проблемой снятия философского дискурса в осмыслении истории как сферы схоластического теоретизирования, лежащего «по ту сторону» позитивной исторической науки. В некоторых случаях проблема может камуфлироваться через уход от строгого категориального анализа в область неких понятных здравому смыслу, но весьма неопределенных с теоретической точки зрения и потому не подлежащих ни теоретическому доказательству, ни научной критике слов-образов (типичный пример – Тойнби, апеллирующий к неким «вызовам», способность ответа на которые предопределяет, по мнению этого автора, прогресс или регресс той или иной цивилизации¹).

Для нас в данном случае важно подчеркнуть лишь один аспект: выделение особых, всякий раз своеобразных цивилизаций, у каждой из которых есть свои неповторимые закономерности бытия и исторической эволюции, есть первый и очень важный шаг к тому, чтобы в дальнейшем сказать: история есть всякий раз неповторимый процесс и потому всякая попытка выделения некоторых устойчивых, повторяющихся, т.е. закономерных взаимосвязей в истории – суть утопия и не-наука. Последнее и будет уходом от по сути любой философии истории, если под последней не понимать исключительно любомудрствование философов как способ их для-себя и в-себе-бытия...

Впрочем, кажущийся альтернативой этому банальный эмпиризм в данном случае еще менее интересен, а к полемике с умным позитивизмом мы уже обращались выше.

← чтобы уже в нем в полной мере обрести свою субъектность». (См.: Булавка Л.А. Советская культура и Ренессанс: социофилософский анализ // Фундаментальные проблемы культурологии. Том 6: Культурное наследие: от прошлого – к будущему. М.-СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009. С. 250). Это субъектное бытие индивида открыло новые горизонты культуры, что подтверждает не только Ренессанс, но в еще большей степени – Советская культура. И суть этой новизны как для Ренессанса, так и для советской эпохи – «взрывообразный, революционный характер развертывания творческой энергии общественного субъекта, обусловленный его мощными преобразовательными интенциями» (Там же. С. 252).

¹ Как пишет А. Тойнби, говорить о развитии либо упадке цивилизации можно в зависимости от того, смогло ли общество ответить на стоящие перед ним вызовы: «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию. Традиционное мнение, согласно которому благоприятные климатические и географические условия, безусловно, способствуют общественному развитию, оказывается неверным. Наоборот, исторические примеры показывают, что слишком хорошие условия, как правило, поощряют возврат к природе, прекращение всякого роста» (Тойнби А. Дж. Постигание истории / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991).

Сейчас же вернемся к проблемам цивилизационного подхода и посмотрим на *причины* столь широкого *распространения этой методологии в настоящее время*.

Начнем, как всегда, с предварительных ремарок.

В XX веке «цивилизационный подход» всегда был широко распространен в философских исследованиях исторического процесса, хотя, безусловно, присутствовали всплески массового увлечения марксизмом и другими альтернативными философскими доктринами в период социалистических революций начала века и в 1960-е гг., а также все более широко распространявшийся позитивистский взгляд, сторонники которого вообще не видят смысла в философском взгляде на историю. Распад СССР и «Мировой социалистической системы» сделал любые альтернативы цивилизационному взгляду, казалось бы, вообще маргинальными. Однако (и это существенно!) многие принадлежащие к mainstream'у исследователи философских проблем истории использовали и используют отличный от цивилизационного марксистский подход как бы контрабандно, не зная или просто не задумываясь о том, какова их методологическая база и откуда они позаимствовали те или иные, кажущиеся им вечными, положения (последнее, в частности, характерно для многих социологов, неявно опирающихся на марксистские разработки в области социального структурирования, детерминации поведения индивидов и др.).

На постсоветском пространстве отказ большинства социальных философов от марксистской парадигмы очень быстро обернулся торжеством цивилизационного подхода (свято место пусто не бывает!) как неявно господствующей методологии философии истории. Эта трансформация прошла как бы сама собой, чему есть немало причин как объективного, так и субъективного свойства. О последних мы рассуждать не будем. Что же касается объективных причин, то к ним следует отнести прошедшее в 1990-е годы прошлого века радикальное изменение общественной практики, того, что несколько старомодно можно было бы назвать «общественным бытием». Распад «Мировой системы социализма» неслучайно сделал столь модными теории «конца истории» и «столкновения цивилизаций». Подобно брендам Coca-Cola или Hugo Boss, вытеснившим на пространстве экс-СССР квас и «Москвичку», они заполнили опустевшую нишу, став квазиметодологией для многих «интеллектуалов» в сфере общественных наук, став адекватной методологией для их идеологий. Прежде всего это относится к сторонникам праволиберального тезиса о «конце истории». По-видимости уйдя в прошлое вместе со слыхнувшей еще в конце XX века модой на работы Фукуямы, этот взгляд остался весьма широко распространен среди тех обществоведов (особенно не являющихся прежде всего философами), кто продолжает считать капиталистическую модель общественной организации (трактуемую ими как «западная цивилизация») оптимальным из возможных воплощений принципов цивилизованного бытия вообще, системой «общечеловечес-

ких ценностей», к которым относятся частная собственность, рынок, многопартийность, гражданские права и т.п.

Другая ветвь сторонников «цивилизационного подхода» представлена теми философами и методологами, для кого цивилизационный подход стал основанием выделения многообразия исторических процессов и попыткой объяснения несводимости новейшей истории к незавершенности экспансии «универсальных (мы бы сказали – капиталистических) цивилизационных норм». В одних случаях (Хантингтон и К^о) на этой базе возникли различные вариации на темы столкновения цивилизаций. В других (Лео Габриэль и многие другие представители альтерглобализма, и не только¹) развивается альтернативная идея диалога цивилизаций. В-третьих (это типично для таких российских авторов, как Ю.М. Осипов, С.Г. Кара-Мурза, Н.А. Нарочницкая и др.²), строятся теории относительной независимости и самоценности особых неповторимых цивилизаций, которым предначертан особый, не повторяющий дорогу «запада», путь.

Наконец, в нашем Отечестве присутствует и круг ученых, для которых цивилизационный подход стал следствием их столкновения с феноменом, который можно назвать «провалами» марксизма, который они в большинстве своем считают преимущественно «западной» теорией (к числу последних относится, в частности, профессор Келле, о работах которого мы уже упоминали; в этом же ключе работает профессор В.Н. Шевченко и другие исследователи³).

Так в чем же причина столь широкого распространения идей цивилизационного подхода?

Начнем с анализа наиболее широко распространенного в mainstream'e общественных наук «западнического» взгляда на феномен «цивилизации».

На наш взгляд, ключ к ответу на этот вопрос лежит в понимании того, что эти цивилизационные «концепты» (этот постмодернистский

¹ См.: Политика самостоятельности. Мультикультурные автономии в Латинской Америке и в других регионах мира. М., 2008; а также: *Степаняц М.Т.* Политкультурность: глобальный и российский аспекты / Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты. М., 2005; *Толстых В.И.* Будущее цивилизации в диалоге культур // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты. М., 2005.

² *Осипов Ю.М.* Постигание России. М., 2005; *Кара-Мурза С.Г.* Что происходит с Россией? Куда нас ведут? Куда нас приведут? Вопросы и ответы. М.: «Былина», 1993; *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003.

³ См.: *Шевченко В.Н., Соколова Р.И., Спиридонова В.И.* Российское государство: опыт философского прочтения. М.: Прогресс-Традиция, 2012; *Шевченко В.Н.* Вектор развития российской цивилизации и политические стратегии власти / Политические стратегии российского государства как философская проблема. М.: ИФ РАН, 2011; *Спиридонова В.И.* Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. М.: ИФ РАН, 2008 и др.

термин точнее, нежели иные, отражает в данном случае суть дела) стали превратными формами нового общественного [само] сознания [философствующего сообщества], объективно порожденными новой реальностью. Эта реальность ознаменовалась едва ли не полной одномерностью социального бытия, в котором восторжествовала глобальная гегемония капитала (скрытая под вывесками неолиберализма и однополярного мира), пронизанная глубинными проблемами, рассекшими мировое сообщество прежде всего по оси Север–Юг.

Эти формы возникли, повторим, закономерно.

С точки зрения такого социального «актора» (опять же здесь данный постмодернистский термин неслучаен) как глобальный капитал, в 1990-е годы прошлого века история действительно завершилась. *Завершилась история прогрессивного развития капитала. Он prima facie подчинил себе все. И – как ему объективно казалось вплоть до недавнего времени – окончательно и навсегда.*

Точно так же в концепте такого «симулякра» (как бы реалии) как мировая геополитика никакого другого основания, кроме особых цивилизационных (или – уже – национально-государственных) интересов у явно обостряющихся мировых столкновений быть не могло, ибо неслучайный концепт «конца истории» и [как бы] окончательное господство такого актора как глобальный капитал накладывали жесткий запрет на поиск социально-экономических процессов, альтернативных названной гегемонии. Все альтернативы были объявлены несуществующими, ибо... они действительно почти не существовали: победа неолиберальной глобализации казалась окончательной.

Но эти формы были именно *превратны*. Они как бы выворачивали наизнанку реальность, выдавая видимость за единственно возможную реальность и создавая иллюзию наличия иного, «наведенного» (как морок, который колдун насылает на зачарованный город) содержания. Действительным содержанием глобального изменения, действительно имевшего место в конце XX века, был кризис первой, величественной, но мутантной и с большой вероятностью обреченной на поражение попытки радикального ускорения исторического прогресса.

В 1917 году мы сделали практикой слова поэта «Клячу истории загоним!»:

Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.

Клячу истории загоним.

Левой!

Левой!

Левой!

Эй, синембузые!

Рейте!

За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
стулены острые кили?!
Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!¹

«Коммуне не быть покоренной, Левой!» – это был мощный вихрь социального времени XX века.

Многообразные левые силы во всем мире (а отнюдь не только в СССР) стремились найти пути разрешения глобальных проблем человечества, вызванных борьбой за социальное освобождение, начавшейся трансформацией предшествующей системы отношений общества и природы, экономики и социума, человека и культуры в новую общественную организацию.

Этот вихрь был и созидателен, и разрушителен. Он порождал деформации освободительных тенденций, обрачивавшиеся ГУЛАГами, и он возносил в космос Гагариных; он рождал жертвы и героев, оптимистические трагедии революций и пессимистические победы масштабных социальных реформ...

Этот процесс трансформации начался неслучайно и идет с конца позапрошлого века, порождая объективные противоречия попыток рождения нового и борьбы за сохранение старого.

Он идет через череду мировых войн и глобальных катаклизмов.

Через серию кровавых контрреволюций, фашистских и полуфашистских диктатур (Япония, Италия, Испания, Германия, Португалия, масса стран Латинской Америки и мн. др.).

Через геноцид и уничтожение многих десятков миллионов человек в войнах за сохранение колониального господства (Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Алжир, ЮАР и мн. др.).

Через атомную бомбардировку мирных жителей в Хиросиме и Нагасаки...

Через череду попыток (в конечном итоге неудачных, но давших миру бесценный опыт позитивных и негативных уроков первых революций) снятия этой системы и продвижения к социализму: Франция в 1871 и 1968 гг., Россия в 1917-м, Германия и Венгрия в 1919-м; десятки национально-освободительных революций, многие из которых несли в себе социалистические

¹ Маяковский В.В. Левый марш (*Матросам*) // Маяковский В.В. Собр. соч. в 12 томах. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 185.

слагаемые, в 1930–1960-х; революции и начальные попытки строительства социализма в Китае и Вьетнаме, начало социалистических преобразований на Кубе, в Чили 1971 года и т.д. При этом мы нарочито оставляем в стороне страны Восточной Европы второй половины XX века, где социалистические шаги делались при активном содействии со стороны СССР.

Процесс поиска нового общества продолжается и в нынешнем веке: стремление к созданию новой общественной системы вновь дало себя знать в Венесуэле, Боливии, ряде других стран, в практиках новых социальных движений.

Вся эта историческая *реальность* скрыта, однако, под мощным куполом накрывшего мир рыночного фундаментализма и тотального массмедийного манипулирования, скрыта мороком, создаваемым властью транснациональных корпораций, протоимперий (типа США), наднациональных экономико-военно-политических институтов (типа НАТО) и других глобальных игроков. Этот морок невозможно распознать, если вы не обладаете «вооруженным» [силой научной абстракции] взглядом. Подобно тому как человек, не пользующийся микроскопом, не видит бактерий и не может понять причины многих болезней, так и мы не видим причин многих «болезней» современного бытия. Нам кажется, что мы живем в мире, где в общем и целом господствует честная конкуренция на рынках, где побеждают те, у кого товары лучше и дешевле. Где работники получают достойное вознаграждение за их труд и бедным является только лентяй или неумеха, а честно работающий гражданин принадлежит к среднему классу и имеет достойную и достижимую цель жизни: дом, машину (или две), обеспечение собственной старости и хорошего образования для детей. Где государства защищают инвалидов и стариков и стоят на страже общенациональных интересов. Где на выборах побеждают те партии, которые поддержаны большинством граждан... Конечно, везде есть свои проблемы, но они в общем и целом вполне разрешимы в рамках устоявшейся модели «цивилизованного общества» с его социально ограниченной рыночной экономикой, парламентской демократией и идейным плюрализмом.

Единственное, что мешает этому, в общем и целом неплохо организованному сообществу, так это независимые ни от кого, «естественные» цивилизационные различия народов. Эти различия (столь же «естественно») могут порождать как конфликты (их инициаторами, опять же «естественно», всегда выступают «нецивилизованные» народы Юга), так и более спокойные пути взаимодействия (а их предлагают, «естественно», цивилизованные страны Севера).

Именно *такую* картину мира активно формирует победившая в конце прошлого века система отношений рыночного фундаментализма, глобальной гегемонии капитала и тотального политико-идеологического манипулирования и именно ее формируют хантингтоны и К°. И человеку, который включен только в эту практику – практику зарабатывания

денег с тем, чтобы пойти в супермаркет, посмотреть телевизор, поспать, снова пойти на работу и в супермаркет – иная картина просто не дана. Поверить в то, что существует другой мир, *такой* человек не может, ибо в общественном бытии он для него... отсутствует. Здесь все то, что нельзя купить и продать, превратить в частную собственность и источник получения денежного дохода, должно быть либо вычеркнуто из жизни, либо низведено до товара и/или капитала. *Рынок и капитал активно и целеустремленно или выдавливают все те практики, которые не вмещаются в мир порождаемых ими превратных форм, или превращают их в разновидность товара и/или капитала – это общий закон капитализма.*

Современная глобальная гегемония капитала, однако, преуспевает в этом особенно сильно. Она превращает свободное время – в досуг, а досуг – в товар; вдохновение творца – в профессионализм, а профессионализм – в «интеллектуальный капитал»; образованность, воспитанность, любовь, дружбу – в выгодные инвестиции в свое будущее развитие, а это опять же капитал («человеческий»); солидарность – в доверие, а доверие вновь в капитал (на сей раз «социальный»); знание и истину – в информацию, а информацию – в объект частной собственности и потому опять же капитал («интеллектуальный»); культуру – в шоу-бизнес; природу и социальную ответственность – в «экстерналии», а их – в издержки...

Содержание и формы этих трансформаций мы исследуем во втором томе нашей книги, а сейчас подчеркнем: нечто подобное происходит и в сфере общественного сознания (здесь правильнее было бы сказать – «духовном производстве»¹), где господствует система активного масс-медийного манипулирования, которая мощно глушит любые ростки альтернативного миропонимания.

Интеллектуальный собрат «рядового» представителя среднего класса оказывается в точно таком же положении. Он включен в массовое духовное производство стандартных духовных ценностей как единственную общественную практику. Его действительным индивидуальным интересом является обеспечение его индивидуального (семейного) благополучия и стабильности социума, к которому он принадлежит. Последнее сугубо неслучайно: эта стабильность, безопасность – одно из важнейших условий для его индивидуального благополучия (отсюда, кстати, искренний национал-государственный патриотизм). Альтернативное общественное бытие ему знакомо лишь в качестве суммы негативных примеров из практик «реального социализма» (для граждан России они перемешаны с ностальгией по могучей советской цивилизации-державе) и отрывочной информации о некоторых выходах «экстремистских» лиц или группировок, не считающихся с правилами цивилизованного бытия.

¹ Об этой категории марксизма подробнее см. в книге «Духовное производство» (под ред. В.И. Толстых. М., 1984).

В результате человек, в общем и целом удовлетворенный этим «цивилизованным» общественным бытием (а большинство пишущих на темы философии истории западных интеллектуалов вполне им удовлетворены), объективно оказывается глух и слеп по отношению к миру глубинных социально-экономических, общественно-политических и культурно-идеологических противоречий. Он их не может и не хочет слышать и видеть.

Более того, «рядовой», не включенный в альтернативные практики, ученый совершенно честно, но лишь непосредственно (не различая содержание и формы, сущность и видимость) и позитивно (мы бы добавили – и потому *некритически*) исследующий этот мир, имеет все основания искренне утверждать: опыт, практика свидетельствуют о том, что ничего такого, что бы не было товаром и капиталом, в социальной жизни нет. И это точная информация: тотальный рынок, гегемония капитала, политико-идеологическое и массмедийное манипулирование всякую иную реальность из обыденной жизни *почти* выдавили.

Другое дело, что на самом деле существуют не только эти превратные формы, не только мороки превратного мира товаров и капиталов, но и их действительное содержание, которое особенно жестко дает о себе знать в периоды кризисов и социальных сдвигов, разрушающих виртуальные замки финансового капитала и разгоняющих мороки «государства всеобщего благоденствия». Именно тогда становится особенно очевидна существующая и в «обычное» время практика жизни и деятельности всех тех, кто говорят: *Another World Is Possible!*, *World Is Not for Sale!*, *Оссуру!* («Другой мир возможен!», «Мир не товар!», «Оккупируй!»). В той мере, в какой сторонники и инициаторы этих практик остаются в сфере исторического идеализма и ориентированы на коррекцию общественного сознания и культур, они остаются в пространстве исторического идеализма и говорят о *диалоге цивилизаций*. В той мере, в какой они включены в практики экономической, социальной и политической борьбы, они обращаются к проблемам снятия глобальной гегемонии капитала, а это уже поле марксистской философии истории.

Впрочем, ученый-обыватель в большинстве своем от этих практик бежит как от огня, а если жизнь его с ними сталкивает, то он стремится как можно скорее спрятать голову в песок, объявив Октябрьскую революцию «заговором большевиков», Всемирные социальные форумы – сборищем «луддитов нового века», а мировой экономической кризис – «изменением конъюнктуры».

Если же противоречия этого *как бы* цивилизованного бытия обрушиваются (в ряде случаев буквально – как башни ЦМТ в Нью-Йорке) на его голову, то он выступает с единственно органичных для него позиций перехода от «оружия критики к критике оружием» всех «нецивилизованных» сил. Примеры Югославии, Ирака, Ливии, Афганистана и др. доказывают, что для этой «критики» нет границ: крылатые ракеты есть

универсальное средство внедрения норм «цивилизации» не только в Азии и в Африке, но и в Европе.

Все это не публицистические преувеличения. Это квалификация рефлексий самосознания большей части не только рядовых граждан, но и интеллектуального сообщества (в том числе – философского) «цивилизованных» стран и, отчасти, России. Эта модель общественного сознания, повторим, неслучайна: она является объективным следствием того общественного бытия, которое господствует в мире.

Реакцией на эти гегемонистские практики и методологии становится стремление уйти от них в иной мир. И если тотальная гегемония глобального капитала объявляется атрибутом «западной цивилизации», то вполне закономерным становится стремление и социального практика, и его интеллектуального коллеги противопоставить ему иные цивилизационные устои и предложить своему социуму иной – не «западный» путь. Так рождается вполне закономерное пространство идей «восточных», «евразийских», «русской» и иных цивилизаций. Сторонники этих идей становятся тем более популярны, чем более экспансия глобального капитала стремится распространиться на те социальные пространства, которые последний считает «периферией», и граждане которых не хотят смириться с этой участью. Типичной альтернативой в данном случае становится поиск альтернатив в том прошлом, где и когда данные общества не были подчинены этой гегемонии. Так возникает несущий мощный консервативный дискурс акцент на стабильности, самоценности и т.п. особых социумов-цивилизаций, которые должны быть сохранены в своей самобытности. В нашей стране этот тренд оборачивается развитием идей «русской» (возможны варианты: евразийской, советской...) цивилизации, для которой, с точки зрения этих авторов, характерны такие отличные от «запада» атрибуты как «державность», «соборность», «духовность» и т.п. (к анализу этой проблемы мы вернемся в постскриптуме ко второй части).

Но – нарочито повторим этот тезис – *в мире есть и иные практики – те, где хотя бы частично снимается господство социального отчуждения. И потому есть и иное идейно-культурное бытие.* И иные философские взгляды тех, кто занят рефлексией и саморефлексией в рамках этого бытия. Находясь в силу этой включенности в альтернативную практику во многом вне поля, подчиняющего человека глобальной гегемонии капитала, нам удастся оказаться вне власти мороков и увидеть то, что скрыто от взора индивидов, не способных к критическому взгляду на современное общественное бытие.

Эти альтернативные общественные практики многообразны. И критические взгляды на существующее общественное бытие и господствующее общественное сознание различны. Авторы этого текста не претендуют на «истину в последней инстанции». Мы всего лишь стремимся показать, как выглядит с точки зрения школы критического марксизма (стоящей в силу включенности в альтернативные практики вне власти манипуля-

тивных систем) тот цивилизационный подход, который оказался инкорпорирован современной идеолого-политической системой как адекватная ей модель философского самосознания.

Оставим в стороне полемику с авторами, считающими, что всемирная история – это тот предмет, где какие-либо обобщения неуместны, и задача ученого (в данном случае именно и исключительно историка) состоит не в поиске неких общих объясняющих концептов и/или «универсальных закономерностей» бытия (то ли формаций, то ли цивилизаций), а в добросовестном изучении и описании исторических процессов. Этот позитивный взгляд на историю столь же важен, сколь и ограничен (во всяком случае, с точки зрения социального философа), и рассмотрим критику формационного подхода с позиций философии цивилизаций.

«ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ» ОСНОВАНИЯ
ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА:
К ВОПРОСУ О «СВОЕОБЫЧНОСТИ» РЕЛИГИЙ
И «УНИВЕРСАЛИЗМЕ» РЫНКА

Прежде всего напомним: цивилизационный подход гораздо менее гомогенен, нежели марксизм, и представлен спектром принципиально различных подходов. Мы не хотим повторять весьма удачный, хотя и поневоле краткий анализ основных работ, принадлежащих к этому течению, данный в работах В.Ж. Келле, и потому ограничимся выделением лишь некоторых инвариантов, отбросив «грубый», «вульгарный» вариант этой методологии (в последнем случае имеются в виду авторы, волевым образом сводящие все проблемы общественного бытия к противостоянию единственно-подлинной – Европейской – цивилизации и всех остальных нецивилизированных народов; с такими... авторами надо спорить на политических ристалищах, а не в академических пространствах).

Философские инварианты работ, лежащих в общем и целом в русле цивилизационного подхода, выделить, как мы уже заметили, сложнее. Тем не менее постараемся поработать в этом направлении, предлагая сразу же авторскую версию критики этих положений.

Начнем, пожалуй, с того, что основным полем исследования, поиска и выделения особенных черт различных социумов в рамках цивилизационного подхода становятся либо (1) природно-климатические и пространственные различия, либо (2) сферы духовной жизни, причем не столько культуры или идеологии, сколько **религии** (запомним этот неслучайный акцент). Проблемы общественного технологического развития и смены технологических укладов, различных типов экономических систем, социально классового устройства и т.п. в рамках цивилизационного подхода разрабатываются в гораздо меньшей степени.

О первом течении сторонников цивилизационного подхода – ниже. Рассмотрим прежде всего акцент на религии как, пожалуй что, господствующий в настоящее время среди философов истории.

Он говорит о тяготении большинства таких теоретиков к философскому (в данном случае – социофилософскому) идеализму, вплоть до прямо теологического толкования социальных процессов и истории (последнее особенно характерно для российских авторов – Н. Бердяева, С. Булгакова, Н. Данилевского). Так в споре с этим подходом мы упираемся в так называемый «основной вопрос философии» и все те дебаты, которые с этим связаны. Кроме того, следует иметь в виду, что есть и философы-материалисты, тяготеющие к цивилизационному подходу. Поэтому оставим в данном тексте вопрос о материализме или идеализме (этот спор принципиально важен, но слишком сложен, чтобы комментировать его в нескольких попутных ремарках; тем более что мы уже не раз высказывались по этому поводу¹) и рассмотрим иной вопрос: чем обусловлен для большинства сторонников цивилизационного подхода столь мощный акцент на том или ином типе религии как главном детерминанте определенной цивилизации.

Эта неслучайность связана не только с упомянутым выше философским идеализмом. Здесь важно и то, что на уровне социально-идейном большинство сторонников цивилизационного подхода очевидно тяготеет к **консерватизму**. Последнее опять же неслучайно: для большинства «цивилизационников» характерно общее стремление к выделению инвариантов истории, факторов, стабилизирующих общество, по сути дела – замораживающих социальный прогресс (который ими либо отрицается, либо камуфлируется). И здесь религия становится той сферой общественной жизни, где как нельзя удачнее находятся все алкаемые сторонниками цивилизационного подхода характеристики социума. Она малоизменчива, стабильна, консервативна.

Акцент сторонников «цивилизационного подхода» на религии обусловлен еще и тем, что она отвечает методологической установке «искать там, где светло»: это легко наблюдаемый (т.е. удовлетворяющий позитивистскому критерию верификации) критерий историко-пространственной типологизации социумов. Далее. Религия принадлежит к духовной сфере общественного бытия и потому по видимости отвечает задаче исследования прежде всего человека. И самое главное: она унифицирует людей, снимает не только противоречия, но даже различия внутри тех или иных социумов, представляя всех китайцев как конфуцианцев, жителей Центральной Азии – как мусульман, граждан «Запада» – как носителей «протестантского духа» и т.п., «абстрагируясь» от исторически различных типов личности и ценностей, социальных противоречий, политико-идеологической борьбы и даже культурных инвариантов.

¹ См.: Бузгалин А.В. Ренессанс социализма. М.: Едиториал УРСС, 2003; Колганов А.И. Что такое социализм? Марксистская версия. М.: Либроком, 2012.

Наконец, в последние десятилетия в связи с «исчезновением» социалистического блока как видимой антитезы «цивилизованного» мира религиозные различия стали прекрасным основанием для постепенного формирования облика нового врага в лице исламских фундаменталистов. В России это нашло выражение в зеркально отраженном славянофильстве – аналогичном западничеству по методологии, но противоположном по знаку (славянофилы, как известно, объявляют «западную цивилизацию» антитезой подлинно нравственным обществам. Последнее – довольно типичное явление в среде российских (и не только) сторонников цивилизационного подхода»¹.

Так у большинства из этих авторов религиозная сфера становится едва ли не ключевой областью для построения философии истории.

Между тем религия не является *универсальной* основой выделения ни инвариантов социальной эволюции, ни особенных типов общества. Основные причины этого хорошо известны.

Первая. *Религия – это отнюдь не общеисторическая характеристика общества.* Ее социальная роль и влияние принципиально различны на разных этапах исторического развития социумов. Важным социальным детерминантом религия является лишь в *добуржуазных* обществах, а также в тех *современных социумах, где наблюдаются реверсивные потоки исторического времени* (в этом, повторим, одна из причин любви к ней со стороны консерваторов). Она затрагивает лишь сферу общественного сознания, и то далеко не полностью. Более того, даже в этой сфере она играет в разных обществах совершенно различную роль: от определяющей до малозначительной. Первое характерно, например, для средневековой Европы. Один из примеров второго – Китай, где на протяжении большей части его истории система духовного производства характеризовалась преимущественно иными детерминантами. Точно так же современная система духовного производства в США формируется главным образом массмедийными и масс-культурными, а не религиозными механизмами.

Вторая причина. Религия оставляет в стороне важнейшие характеристики, показывающие *специфику* того или иного социума, особенно в его исторической динамике (последнее весьма симптоматично: современные сторонники «цивилизационного подхода», особенно российские², вообще стараются по возможности абстрагироваться от исторического развития...). Вне поля исследования в этом случае оказываются как раз все те

¹ См., например: *Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. *Он же.* Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: УРСС, 1999.

² См., например: *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003; *Осипов Ю.М.* Империя Россия, М. – Ростов-н-Д, 2005; *Он же.* Постигание России. М., 2005.

области общественной жизни, которые указывают на проблемы прогресса: от технологий и экономических отношений до социальной структуризации, форм общественно-субъектного бытия и деятельности Человека.

Третья причина. Религия, как мы уже заметили, существенно влияет на различия социумов преимущественно в эпоху личной зависимости и малосущественна для различения обществ позднего капитализма. Здесь уместно еще раз вспомнить, что вообще для сторонников цивилизационного подхода характерно внимание к прежде всего добуржуазным эпохам, опора на преимущественно добуржуазные авторитеты (Конфуций, Коран, Библия), консервативным политико-идеологическим течениям (последнее, напомним, наиболее характерно для России) и т.п. Последнее неслучайно: именно в добуржуазных социумах, где роль кровнородственных связей, традиций, религии существенно выше, а роль социально-экономических и политико-идеологических отношений ниже, чем в буржуазных, наиболее выпуклы т. н. «цивилизационные» различия. Соответственно, именно различия в таких сферах как религия, традиции и т.п. задают особенность тех или иных пространственных моделей добуржуазных социумов. В этом их отличие от капиталистических систем, чьи особенности задаются уровнем развития (развивающиеся, новые индустриальные, развитые страны), моделями («шведская», «североамериканская» и т.д.) и т.п. Иными словами, здесь фиксируются различия прежде всего в технико-экономической (доиндустриальные, индустриальные, постиндустриальные), социально-экономической (мера регулирования, социальной защиты) и политико-идеологической (доминирование левых или правых партий, идей солидарности или индивидуализма) сферах.

Что же касается марксизма, то он отнюдь не игнорирует религиозные различия социумов и роль этой сферы в общественном бытии (особенно добуржуазных обществ), но мы и не абсолютизируем ее роль. Более того, в марксизме развита теория религии как изначально синкретичной формы общественного сознания, претерпевшей серьезные трансформации своей сущности, а не только форм и видов на протяжении человеческого развития. В отличие от цивилизационного подхода, марксизм дал очень конкретную, многогранную социальную теорию религии, включающую анализ причин ее появления, выделения различных типов религий, этапов их трансформаций, форм взаимодействий и т.п.¹

Марксизм закономерности истории выводит на основе комплексного анализа всех сфер общественной жизни в их взаимосвязи и развертывании от простой синкретичной структуры в начале человеческой истории

¹ См.: Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1976; Яблоков И.Н. Социология религии. М., 1979; Угринович Д.М. Введение в религиоведение. М., 1985; Угринович Д.М. Психология религии. М., 1986; Попова М.А. Критика психологической апологии религии. М., 1972; Тажуризина З.А. Творческая сущность атеизма. М., 1981.

ко все более и более сложной и разветвленной, распадающейся в процессе исторического развития на отдельные, все более дифференцирующиеся, относительно самостоятельные сферы общественного бытия. Для марксизма человеческая история не одномерна. Она подобна могучему дереву, растущему из единого семени (генезиса деятельного социального человека) и становящемуся единым сложным организмом со множеством подсистем и элементов. Отдельные части этого организма имеют разную динамику и разные судьбы. Одни мощно и быстро тянутся вверх, другие эволюционируют вкривь и вкось, третьи отмирают...

При этом историко-пространственная типологизация социумов в марксизме строится не на основе некоего единственного критерия, а на основе комплексного, постоянно усложняющегося по мере развития общества исследования сложной взаимосвязи всех основных пластов и сфер общественной жизни. Какие-то из них лежат в основе и играют роль основных детерминант, какие-то оказывают преимущественно обратное воздействие на первые...

Но мы опять увлеклись марксизмом, а в этом разделе мы рассматриваем основные инварианты цивилизационного подхода.

Еще одним типичным признаком *цивилизационного подхода является неакцентирование социально-экономических различий социумов*. Оно сопряжено с тем, что многие из тяготеющих к этому подходу авторов трактуют данные пласты общественной жизни как некие вечные инварианты любого человеческого сообщества.

Наиболее актуальным здесь является подход к рынку как общецивилизационному феномену. Аргументы в пользу этого взгляда хорошо известны: рынок обеспечивает наиболее эффективный способ взаимодействия производителей в условиях разделения труда, позволяет автоматически измерять затраты и результаты, поддерживать сбалансированность в экономике, создавать стимулы для максимально полного использования трудового и предпринимательского потенциала человека. Наконец, как заметил, в частности, В.Ж. Келле, воспроизводя аксиомы сторонников австрийской школы, «ничего лучше человечество не придумало».

Контраргументы также хорошо известны, но мы все же напомним их, ибо многие положения марксизма нынче стали забываться даже теми, кто был среди их разработчиков.

Во-первых, рынок – это не более чем форма исторически определенной системы общественных экономических отношений. Эта система становится господствующей (охватывает большую часть транзакций человечества, когда большая часть жителей Земли начинает получать средства производства и предметы потребления через рынок и производить свою продукцию на рынок) только в середине XX века (в Китае, России – только в конце XX века). Даже в Западной Европе система отношений товарного производства становится основным способом экономической координации только с XVI–XVIII веков. До этого люди произ-

водили продукцию, получали продукцию и обменивались деятельностью преимущественно в рамках общинного натурального хозяйства или через систему внеэкономического принуждения (от регулярных податей до междоусобиц феодалов и войн как главного средства международного обмена). До Нового времени рыночные трансакции играли заметную роль лишь в некоторых социумах в некоторые периоды времени. И это неслучайно: для развития отношений товарного производства и обмена необходимы достаточно развитые предпосылки, главной из которых является высокий уровень развития человека (он должен хотя бы уметь читать, писать и считать, не говоря уже о главном – высвобождении индивида из-под власти различных форм личной зависимости и превращении в частное экономическое лицо). И так, *более 90% своей истории даже в классовом обществе экономика была по преимуществу не рыночной*. Рынок стал одной из особенных, порожденных долгим историческим развитием специфических социальных форм организации производства с исторической точки зрения совсем недавно.

Во-вторых, тезис о том, что человечество не знает лучшего, чем рынок, экономического механизма, уже давно и всесторонне подвергается критике. Дело в том, что альтернативой рынку был и остается не только советский опыт, в котором тоже далеко не все следует подвергать хуле. Уже XX век породил многообразные *пострыночные формы экономической координации*, доказавшие, что во многих сферах (в областях так называемых «провалов рынка») они гораздо лучше решают проблемы социального развития, нежели рыночный механизм. Масштабные структурные сдвиги, образование, здравоохранение, фундаментальная наука и подлинное искусство, рекреация природы и общества – все эти сферы уже сейчас развиваются преимущественно на нерыночных основах, а это главные компоненты экономики будущего (мы еще вернемся к этой теме в третьей части книги).

Кроме того, было бы наивным ожидать, что переход к пострыночной экономической координации произойдет в виде одномоментного позитивного скачка. Если к торжеству товарных отношений человечество шло столетиями, переживая многократные периоды наступления и отката рыночных форм, если этот генезис предполагал доминирование переходных форм (например, бартера или денежной формы феодальной ренты), то логично предположить, что *генезис пострыночных отношений так же будет долгим и нелинейным, так же предполагающим господство переходных отношений* (сознательное индикативное регулирование и программирование производства, ставшее в XX веке правилом для всех развитых рыночных экономик – одно из таких отношений).

В-третьих, рынок – это далеко не социально-нейтральный механизм. Он предполагает и формирует особый социальный тип личности и отчужденных человеческих отношений. Это уже охарактеризованный нами «экономический человек», основные личностные черты которого

(прежде всего превращение денег в главное мерило ценности Человека) и способы человеческих взаимоотношений (конкуренция, товарный фетишизм и овещнение человеческих отношений как основные способы взаимодействия индивидов) осуждала большая часть мировой культуры: от Тимона Афинского через Уильяма Шекспира к Льву Толстому, Антуану Экзюпери и Марку Твену. Но дело в данном случае не в осуждении и не в том, что у рынка есть «некоторые недостатки». Дело в констатации факта: товарные отношения – это не общецивилизационный механизм, а *особенная система общественных отношений, формирующая в развитом состоянии особый тип личности, ее ценностей и мотивов*, а также политических и идеологических взаимодействий людей, культуры.

О последней скажем особо, ибо рынок активно стремится превратить в товар и культуру, в частности, духовные ценности. Сие неслучайно: таков внутренний закон его развития – постоянная экспансия, как экстенсивная («вширь»), так и интенсивная («вглубь»), во все пласты общественной жизни).

Не будем забывать также, что своей всеобщности товарное производство достигает только тогда, когда товаром становится главный ресурс и продукт развития всякой экономики, ее главная производительная сила – рабочая сила человека. А это уже отношения наемного труда и капитала, т.е. капиталистический способ производства, капиталистическая социальная структура, буржуазный парламентаризм, соответствующая идеология и т.п. черты буржуазной общественно-экономической формации, которую сторонники цивилизационного подхода предпочитают считать особой – западной – цивилизацией, а отнюдь не общецивилизационным инвариантом.

Наконец, обратим внимание на общеизвестный факт: своего наиболее развитого вида система отношений товарного производства и обмена достигла в условиях Западной Европы и США, но затем очень быстро подчинила себе экс-колонии и иную периферию (где до этого были законсервированы добуржуазные общественные отношения), превратив японцев и китайцев, латиноамериканцев и русских, активно включенных в капиталистическую систему общественных отношений, в людей, ставящих деньги превыше любых религиозных и иных специфических для них «цивилизационных» ценностей. *Капиталистический способ производства активно «съедает» добуржуазные формы общественной жизни и, как следствие, он «съедает» то, что кажется цивилизационной спецификой.*

В одних случаях эта трансформация зашла далеко и от добуржуазных отношений, религиозного влияния осталось очень мало (как, например, в Западной Европе, где отличия по преимуществу католической Франции от по преимуществу протестантской Германии мало влияют на большую часть параметров жизни населения, являющегося к тому же в большинстве

своем далеком от какой бы то ни было религии вообще; они слабы даже в Японии – стране, которая еще сто пятьдесят лет назад была феодальной).

В других случаях, там, где переход к капитализму только начинается (где – как в ряде стран экваториальной Африки – по первому разу, а где – как, скажем, в России или Китае – и по второму-третьему-десятому), влияние добуржуазных отношений и религиозных традиций велико. В последнем случае та или иная «цивилизационная» специфика (традиции общинного коллективизма и державности, ориентации на внеэкономическое принуждение и патриархальные семейно-брачные отношения, акцентированность религиозных норм) действительно существенно влияет на все сферы общественной жизни. Товарно-капиталистические отношения, буржуазная общественно-экономическая формация в этих странах еще только рождается, и рождается по историческим меркам на удивление быстро, за считанные десятилетия, хотя и *нелинейно* (так, в настоящее время в ряде стран Азии, а отчасти и в России, наблюдается реверсивный процесс рефеодализации). Генезис капитализма и в новом веке идет мучительно, в крови и конфликтах, вполне закономерно обладая существенной спецификой в разных социумах. И это закономерность: и в Западной Европе, и в США первоначальное накопление капитала было более чем кровавым и гораздо более длительным, чем в, скажем, Китае последних десятилетий. И феодальные традиции (инквизиция, сословное неравенство, абсолютизм и т.п.) там сохранялись и влияли на общественные процессы столетиями, тогда как в современном Китае они отмирают прямо на глазах: за несколько десятилетий деньги и в Китае превратились в высшую ценность едва ли не для большинства граждан.

Вот только вопрос: это влияние особой «цивилизации» или особой модели добуржуазных социальных отношений? И спор здесь не о словах. Ключевая общественно-политическая практическая проблема в данном случае – сохранение или снятие тех или иных особенностей в тех или иных социумах.

Марксистский подход в данном случае позволяет, *во-первых*, *отделить* зерна от плевел: *пережитки подлежащих снятию добуржуазных социальных отношений* (личная зависимость, внеэкономическое принуждение, сословное неравенство, социальное неравенство полов, народностей и т.п., сращенность религии с образованием и культурой, господство церкви в духовной жизни) *от требующих сохранения и развития достижений особенных культур, являющихся частью мировой культуры человечества* (особенные язык, искусство). Другое дело, что на практике это разделение принципиально сложно (в самом деле, хиджаб – это часть культуры или институт социального неравенства полов?), но возможно и необходимо¹.

¹ Наш подход к решению данной проблемы представлен в заключительном разделе этого тома (см. также: Культура: поиски будущего. Навигация – Маяковский / Под ред. Л.А. Булавки-Бузгалиной. М.: КомКнига, 2014).

Во-вторых, целостное социоисторическое видение проблемы позволяет формулировать *критерии прогрессивности и регрессивности* тех или иных параметров той или иной «цивилизации» и/или «цивилизации» в целом. Эти критерии будут принципиально сложны, в них будут диалектически перекрещиваться параметры социального развития и культуры, соотнесение различных общественных формаций, стадий их развития и общеисторических тенденций...

Так, *культура* исторически более ранней системы (скажем, полуфеодального социума одной из стран периферии) может быть исторически более прогрессивной, нежели отчужденные формы духовного производства («масс-культура») более поздней (например, капиталистического общества современных США) и потому сохранение в этой периферийной стране национальной культуры и противодействие нашествию голливудских блокбастеров будет прогрессивно. Не менее прогрессивной стала бы экспансия различных национальных культур (включая и собственные североамериканские) в США и вытеснение из духовной среды этой страны масс-культурных симулякров.

Другой пример – институты социальной защиты, 8-часового рабочего дня, прогрессивного подоходного налога, защиты гражданских и социальных прав при помощи НПО и т.п. В нашем понимании это атрибуты не «западной цивилизации», а прогрессивных преобразований, нацеленных на ограничение эксплуатации и отчуждения, необходимых для *всех* стран и народов. Соответственно, содействие развитию этих, кажущихся в иных регионах чуждыми, «европейских» норм и снятие «своеобычных» правил кланового патернализма и внеэкономического принуждения в той или иной из стран периферии станет не экспансией чуждой цивилизации, а инвариантом социального прогресса.

Цивилизационный подход эти проблемы решает принципиально иначе.

Либо (1) постулируется, что каждая цивилизация своеобразна и у каждой – свои ценности; либо (2) утверждается, что есть некие всеобщие нормы «цивилизации» (стандарты позднего капитализма), а все остальные социальные институты суть знамения варварства, подлежащее принудительному замещению принципами «цивилизованного» бытия.

В первом случае рождается некая смесь из мультикультуралистского безразличия (в том числе – к угнетенным социальным слоям: беднякам, подчиненным клановому деспотизму; женщинам, занимающим подчиненное положение в семье...) и констатации некоего предустановленного (кем? провидением? или НАТО?) «конфликта цивилизаций», замаскированного под объективистски-позитивную констатацию «естественных», и потому непреодолимых, цивилизационных различий.

Во втором возникает необходимое и достаточное теоретико-методологическое оправдание для экспансии неolibеральной модели глобализации и неокOLONиализма, с одной стороны; для являющегося реакцией на угрозу такой экспансии консервативного фундаментализма – с другой.

Об этих проблемах написано немало¹, и мы не будем здесь углубляться в их анализ. Авторам эти тезисы в данном случае были важны только для того, чтобы показать: существуют серьезные объективные основания утверждать, что *соотношение цивилизационного подхода и марксистской социальной философии есть не только академический спор, но и столкновение теоретико-методологических парадигм, адекватных для принципиально различных социо- и геополитических линий – неолиберальной глобализации, превращающейся в протоимперскую гегемонию (и ее Alter Ego – националистического консерватизма, а то и фундаментализма) – с одной стороны; альтерглобализма – с другой.*

Впрочем, и в нашем Отечестве, и за рубежом есть и иные представители цивилизационного подхода, чьи методология и теория не только стоят во многом особняком, но и предлагают в некоторых аспектах плодотворную версию цивилизационного подхода. Мы имеем в виду работы авторов социал-демократической направленности. В качестве примера таковых рассмотрим уже упоминавшийся текст В.Ж. Келле.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ ИНТЕГРАЦИИ МАРКСИЗМА И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

Если оставить в стороне все то, что роднит таких авторов с другими представителями данного философского течения (а роднит его не так уж мало: один из наиболее ярких и педалируемых им аспектов – трактовка рынка, государства, религии и т.п. как универсальных цивилизационных механизмов; не забывают они подчеркнуть и то, что цивилизационный подход делает акцент на устойчивости, целостности, стабильности социумов), то останется несколько важных особенностей. Они важны вдвойне потому, что в чем-то стихийно воспроизводятся не столько философами, сколько социологами, политологами и идеологами, близкими к европейской социал-демократии.

К числу важнейших таких особенностей относится, *во-первых*, акцент на социокультурных критериях выделения и исследования цивилизаций. Этот идущий от марксизма социальный дискурс, вытесняющий религиозные доминанты, безусловно, заслуживает поддержки. Равно как и стремление к углубленному исследованию социокультурных общественных

¹ См.: *Амин С.* Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира / Пер. Ш. Нагиб, С.М. Кастальский. М.: Европа, 2007; *Утар Ф.* Социализм для XXI века. Синтетический взгляд как основа для размышлений // *Альтернативы.* № 2. 2007; *Он же.* Альтернативы неолиберальной модели // *Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского» движения* / Под ред. А.В. Бугалина. М., 2003; *Хомский Н.* Прибыль важнее людей: неолиберализм и мировой порядок / Пер с англ. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002 и др.

систем. Более того, в марксизме, при всей его многомерности, социокультурная типологизация и периодизация были разработаны гораздо слабее, нежели социально-экономическая.

Выполнение этого недостатка марксизма и «крен» в сторону социокультурных проблем можно было бы только приветствовать, если бы не один «нюанс»: для такой работы совсем не обязательна методология цивилизационного подхода. Нужна же она может быть только в том случае, если у этих авторов (как, например, у В.Ж. Келле) *социокультурные типы обществ оказываются в основном независимы от социально-экономических*. Последние либо остаются «по ту сторону» анализа, либо объявляются – как уже упомянутый рынок – цивилизационными инвариантами. Вот с этим уже необходимо спорить.

Прежде всего *следует различить культуру как действительный инвариант общественно-исторического развития и духовное производство*. Мы уже упоминали об этом выше, но сейчас эту тему следует прокомментировать дополнительно, ибо именно духовное производство – специфически историческое производство отчужденных форм общественного сознания – с его особенными формами религий, идеологий, отчужденных норм и правил поведения и т.п. и анализируется, как правило, в рамках цивилизационного подхода. В отличие от духовного производства *культура есть неотчужденный диалог творцов, распределяющих и опредмечивающих феномены культуры. Как такое со-творчество, при всем многообразии ее особенных национальных и исторических форм, культура всегда всемирна и – если так можно выразиться – всеисторична*. Гомер и Конфуций, Петрарка и Низами, Борхес и Толстой, Шекспир и Рабиндранат Тагор, Евклид и Авиценна, Ломоносов и Коперник – все они в своем культурном измерении и национальны, и всемирны, ибо они принадлежат всему человечеству во всей его истории, хотя и порождены особыми социопространственными и социовременными структурами. Они часть индивидуальной культуры каждого по-настоящему интеллигентного араба и китайца, русского и англичанина...

Иное дело духовное производство. Оно-то как раз является плотью от плоти различных социальных систем и их историко-пространственных моделей. Они различны для добуржуазных социумов и социумов капиталистических, для трансформационных и стабильных общественных систем, для различных историко-пространственных моделей капитализма и феодализма. Посему историко-пространственная типологизация систем духовного производства не может быть проведена достаточно строго вне марксистской философии истории.

Вот только вопрос: захотят ли это признать даже наиболее тонкие сторонники цивилизационного подхода? Если да, то по вопросу о социокультурных инвариантах и особенностях различных обществ авторы могут согласиться с ними. И это согласие будет очень важным, ибо оно позволит сделать акцент на действительной универсальности, всемирнос-

ти и «всеисторичности» («вечности») *подлинной культуры*. При этом, правда, останется неясно, при чем здесь цивилизационный подход... Впрочем, эту тему мы уже затронули выше.

Во-вторых, особенностью цивилизационного подхода у таких авторов является то, что они не оставляют в стороне и такой аспект философии истории, как *социальное структурирование различных обществ*. То, что иные из них приписывают марксизму акцент исключительно на классовой борьбе, мы оставим в стороне: эта убогая критика, традиционно игнорирующая весь многосложный багаж марксизма за исключением нескольких политологических работ самого Маркса, нам не интересна...

В данном случае важнее другое: показ того, что *вне анализа социальных противоречий, различий и взаимодействий философия истории оказывается ущербна*. У сторонников цивилизационного подхода, видящих эти проблемы, много общего с марксизмом, за исключением опять же «нюансов». Среди таких различий едва ли не главные – акцент первых на интегративных функциях государства и права, на классовой солидарности и социальном партнерстве. Сие в некоторой мере совпадает с марксистской теорией классовых взаимоотношений, государства и права, но именно в некоторой. Марксизм утверждает, что государство есть продукт взаимодействия классов, но при этом подчеркивает: в антагонистических обществах они борются друг с другом! (еще раз повторим: классовая борьба не исчерпывает марксистской философии истории, но является ее важным слагаемым). Далее: государство осуществляет свои функции как правило через господство одного класса над другим, и только в последние десятилетия и только в некоторых странах – через попытку их примирения (т. н. «социальное государство», которого не было во времена Маркса и которое именно так – как попытку частично-го компромисса – трактует марксизм последнего полувека)¹.

¹ Названную выше особенность трактовки цивилизационного подхода в работе В.Ж. Келле можно было бы только приветствовать, если бы не одно «но»: в этом случае большое удивление вызывает утверждение В.Ж. Келле, что марксизм якобы считает несущественными политико-правовые механизмы обеспечения демократии, прав человека и т.п. Последнее можно было бы считать странностью крупного ученого, если бы не широкое распространение среди его коллег именно такой интерпретации марксизма.

Здесь требуются уточнения. Прежде всего в акцентировке вопроса, что значит «существенными»? В каком смысле? В смысле сущности, определяющей природу общества? Тогда Келле прав. Но, похоже, он говорит об ином – о значимости этих институтов для социального прогресса, ибо в качестве подтверждения своей тезы он отсылает читателя к... опыту СССР. Неужели, уважаемый коллега, вы и вправду считаете, что в СССР была воплощена в жизнь марксистская теория отмирающего государства и развивающейся в народное самоуправление базисной демократии? И как ваши высказывания о якобы характерном для марксизма акценте на несущественности →

Так что, соглашаясь со сторонниками названного подхода в том, что государство есть и механизм согласования классовых интересов, мы не можем понять только одного: почему эта собственно марксистская трактовка должна быть искусственно исключена из марксистской парадигмы, где она давно и органично присутствует? Почему она должна быть отнесена к чертам «цивилизации» и трактоваться как свидетельство неполноты марксистской теории?

Ответ у наших оппонентов на эти возражения на самом деле есть. Он состоит в том, что, в-третьих, они трактуют «цивилизацию» как некий особый концепт и одновременно некую особую практику, нацеленные на обеспечение единения, устойчивости существования общества, на сохранение его инвариантов. И в этом, по их мнению, отличие цивилизационного подхода от марксизма, который несет с собой и теоретический, и практический критический заряд, заряд развития, а значит и изменения, причем не только эволюционного, но и качественного (революционного).

В последнем наши оппоненты отчасти правы. Марксизм, действительно, в своей сущности революционно-преобразователен. Но – и об этом часто «забывают» упомянуть наши критики, – марксизм, в отличие от сталинско-полпотовских практик (а такого рода практик хватает и у тех, кто нес и несет миру «цивилизацию» при помощи ядерных бомбардировок, напалма, крылатых ракет и т.п. методов обеспечения стабильности и гуманизма; эти методы давно и успешно применяются едва ли не главным институтом поддержания современной «цивилизации» – НАТО), всегда выступал за позитивную критику; не зряшное отрицание, но *снятие*. Последнее касается и рынка, и частной собственности, и остальных компонент современной «цивилизации»: марксизм всегда говорил об их *снятии*, а не уничтожении. Так что здесь опять не понятно, какие именно игнорируемые марксизмом «скрепы цивилизации» можно найти при помощи цивилизационного подхода?

Впрочем, гораздо больше мы не согласны, как ни странно, с другим: с тем, что некоторые компоненты социал-демократической модели европейского капитализма (социально регулируемый рынок, развитое гражданское общество, социальное партнерство, приоритет свободного развития личности), т.е. сугубо конкретного, исторически и пространственно

← демократических институтов согласуются с сотнями положений Маркса, Энгельса, Ленина, Лукача и т.д. и т.п., с позицией подавляющего большинства западных марксистов, с программами практически всех коммунистических партий Европы, и не только? Ведь во всех этих источниках обеспечение максимально последовательной системы демократических прав и свобод всегда выставлялось и выставляется в качестве программы-минимум... Эти вопросы мы, опять же, адресуем не только профессору Келле, но и всем тем, кто считает СССР адекватным воплощением основных положений марксистской теории.

очень ограниченного общественного устройства, в работах «западников» неявно выдаются за... общецивилизационные ценности.

Это могло бы вызвать всего лишь недоумение, если бы не очевидность (и, к сожалению, неоригинальность) резонов для такого подхода. Дело в том, что подавляющему большинству европейских социал-демократов и их сторонников по всему миру кажется, что ничего лучше человечество не создало и в ближайшей исторической перспективе создать не сможет. И потому им хочется, чтобы эти параметры были достигнуты всеми странами. И еще – чтобы на этом развитие остановилось. Дальше обеспеченному интеллектуалу идти не хочется, да и *страшно*. Ибо дальше возможны и необходимы качественные изменения существующего миропорядка...

В этом ответе причудливо соединены два очень разных начала. С одной стороны – сугубо научные, теоретически и практически обоснованные выводы о том, что такое (назовем его «социал-демократическим») общественное устройство действительно было бы объективно *прогрессивным шагом вперед для большинства нынешних социумов* (включая и азиатские страны, и нашу родную Россию). С другой – неоригинальный повтор идей социал-демократии, пытающейся именно свой стандарт выдать за универсальную ценность некой «цивилизации вообще».

Последнее отнюдь не безобидный методологический «огрех». В этом стремлении нынешние радетели этих вполне прогрессивных (хотя и исторически весьма ограниченных) институтов *методологически* ничем не отличаются ни от европейских инквизиторов, ни от исламских фундаменталистов, ни от сталинских парт-полит-пропагандистов, ни от натовских «демократизаторов»: для всех них характерно стремление выдать свои экономико-политико-идеологические интенции за универсальные цивилизационные ценности.

Другое дело, что *содержательно* ценности, выдаваемые социал-демократами за универсальные, *принципиально* отличны от «ценностей» фундаментализма или натовских ястребов, ибо они на данный исторический момент, *временно*, действительно *прогрессивны*, и за них стоит бороться в большинстве стран мира. Но при чем здесь цивилизационный подход? Императивы социальных и гражданских прав человека и т.п. – это всего лишь старая добрая программа-минимум революционных марксистов, и программа-максимум марксистов социал-демократического толка, характеризующая задачи реформирования одной из многих социально-экономических систем (капитализма) на одной из стадий его эволюции (а именно – в период «заката»). Если же уйти от социально-политической практики, то окажется, что *все инварианты того, что эти ученые называют «цивилизацией»* (намеренно повторим!), – *это не более чем исторически долго вызревавшие элементы относительно прогрессивной (социал-демократической) модели позднего капитализма*.

Во всяком случае, так они уже давно были «позиционированы» марксизмом. Можно, конечно, предложить их новую интерпретацию, но для

чего? Что это даст социальной философии? Разве что *новый вариант фукуямовского «конца истории»*, только в данном случае в несколько иной трактовке и с более глубоким обоснованием: социал-демократическая модель выступит как некий инвариант-идеал всей человеческой истории, к которому человечество шло и идет, постепенно накапливая и развивая эволюционным путем его различные элементы. Среди последних рынок и его социальные ограничения, верховенство права и демократия, классовые компромиссы и социальное партнерство... И все это при многообразии «цивилизационных» особенностей, их развитии и сохранении.

И это главное, что нам может сказать цивилизационный подход «западнического» типа?

Но это не ново. Это уже более столетия пропагандируется выросшими из марксизма социал-демократами Западной Европы, и для дальнейшей пропаганды этого совсем не нужна особая методология цивилизационного подхода.

Другое дело, что сторонники «цивилизационного подхода» консервативного типа (в частности, русские, исламские и др.) именно с этими положениями ведут активную полемику. Соглашаясь в большинстве случаев с необходимостью социального ограничения и регулирования рынка и вообще мало отличаясь от европейских социал-демократов в области экономики, консерваторы принципиально иначе видят ценности политического и духовного производства. Для них идеалом цивилизации (русской, евразийской, исламской) является лежащая в историческом прошлом этих народов модель просвещенного авторитаризма и государственного патернализма, приоритет религиозных форм культуры, образования, морали и т.п.

Существенно, что мы в этой консервативной критике социал-демократических норм (а это спор далеко не чисто академический!) видим не только реакционно-ностальгический тренд, но и некоторые позитивные моменты. Последние возникают вследствие все большего движения социал-демократических интеллектуалов (и их политических собратьев) в тупики постмодернистского безразличия, деконструкции и десубъективизации, что закономерно приводит к постепенной деградации гуманистических ценностей, нравственных норм и других атрибутов прогресса Человека, подменяя их набором абстрактных правил и правовым фетишизмом. Последнее оборачивается дегуманизацией, ибо культурное безразличие и социальный формализм подрывают систему нравственных норм, ценностей и целей, задающих критерий прогресса Человека как родового существа. В результате консерваторы, как это ни парадоксально, оказываются правы в своей критике многих интенций западной социал-демократии как по существу аморальных (стоящих вне моральных норм не в консервативном, а в «вечном», связанном с родовой сущностью человека» смысле) и а-культурных (мультикультурализм, масс-культура

и иные процессы, разрушающие культуру Человека). И в этом смысле мультикультуралистское безразличие к хиджабу и однополым бракам есть не более чем две стороны одной медали – отказа от старого доброго критерия социального прогресса, в центре которого – социальное освобождение и гармоничное развитие человека. Отсюда парадокс: некоторые императивы консерваторов в сфере культуры (не хиджаб и паранджа, а нравственное осуждение меньшинств, если практика последних идет в аморальном направлении) оказываются более созвучны вызовам будущего разотчуждения, нежели западные манифестации нравственного безразличия.

Впрочем, мы опять увлеклись.

Вернемся к проблемам соотношения цивилизационного подхода и марксизма, обратившись к проблемам самокритики последнего.

Так в чем же возможная *ценность цивилизационного подхода* и каковы «провалы» марксизма, если они вообще есть?

Выше мы уже не раз подчеркивали, что историческое наполнение работ сторонников цивилизационного подхода, их первичные систематизации и обобщения, наблюдения и рефлексии дают для философа истории крайне богатую пищу для ума и основания для исследований.

Однако наиболее важным и интересным в работах сторонников цивилизационного подхода нам представляется попытка *выделить в общественном развитии человечества некие инварианты, устойчивые эволюционные тренды – то, что не претерпевает качественных, революционных трансформаций на протяжении всей человеческой истории, то, что делает его Человечеством как целым, причем именно с большой буквы, с акцентом на гуманизме и Человеке как родовом существе, на тех общественных «скрепах», которые помогают эволюции и укреплению этой линии общественного развития.*

Эти инварианты и «скрепы» совершенно справедливо ищутся прежде всего в социокультурной жизни человечества (почему – чуть ниже). При этом наиболее интересен тот поиск, который ведется не в области формально общих признаков тех или иных социумов (что типично для большинства сторонников «цивилизационного подхода»), а в сфере тех достаточно глубинных процессов, скрытых за особенными, исторически и социопространственно внешне различными формами обществ, что действительно соединяют историю в (1) единый (2) процесс (здесь важны и первый, и второй акценты).

Если совсем честно, то эта линия лишь намечена в работах большинства сторонников цивилизационного подхода (в частности, у В.Ж. Келле) и присутствует у авторов, которых мы бы отнесли скорее к пространству критического марксизма (Н.С. Злобин, В.М. Межуев и др.). Эта линия очень ценна, но ее развертывание – скорее исключение, чем правило для сторонников цивилизационного подхода. Более того, по своей методологии и содержанию она гораздо ближе теории общественного бытия

и развертывания родовой сущности Человека, намеченной, как мы уже отметили, в работах К. Маркса и развитой Д. Лукачем и их последователями. В работах этих мыслителей она прорисовывается как *теория противоречивого развития социально-творческих сил «родового Человека» в его противостоянии социальному отчуждению; теория красной линии и зигзагов прогресса производительных сил и культуры.*

Таковы некоторые пункты реально возникающего снятия «цивилизационного подхода» современным марксизмом.

«ЧТО РУССКОМУ ХОРОШО, ТО НЕМЦУ СМЕРТЬ»,
или ЕЩЕ РАЗ О Т. Н. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ РАЗЛИЧИЯХ
(ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ К ГЛАВЕ 3)

Ответ на этот вопрос нами уже был дан. Остается только суммировать сказанное выше.

Начнем с оговорки: большая часть т. н. «цивилизационных» отличий на самом деле отнюдь не «вечна»: современный русский по национальности топ-менеджер московского филиала ТНК весьма и весьма напоминает Штольца, а средневековый немецкий крестьянин вполне мог сойти за безынициативного жителя Обломовки. Чтобы найти «цивилизационные» отличия надо сравнивать социумы, находящиеся на одном и том же этапе общественного развития. Иными словами, Китай конца XX – начала XXI века надо сравнивать не с современной ФРГ, а с бисмарковской Германией. И в этом случае мы найдем массу схожего в поведении их населения. Так что прежде чем говорить о «цивилизационных различиях», надо прежде всего правильно выделить предмет анализа.

Если же предмет определен и отсечены все те различия, которые непосредственно связаны с различием общественно-исторических систем и стадий их развития (повторим: если мы хотим найти «цивилизационные» различия, то мы не должны сравнивать феодализм с капитализмом или период генезиса и «заката» последнего), то окажется, что *«цивилизационных» различий не так уж и много, а те, что на самом деле имеются, находят вполне рациональное объяснение на базе использования марксистской методологии.*

Рассмотрим этот вопрос чуть подробнее.

Во-первых, марксизм не отрицает того, что человек есть не только социальное, но и биологическое существо. И в этом смысле в нем присутствуют определенные биологические особенности, связанные с *расой, средой обитания и т.п.* внесоциальными параметрами. Поэтому форма лица и привычка к холоду (жаре), традиционные навыки мореплавания или охоты не имеют никакого отношения к спору сторонников «цивилизационного подхода» и марксистов: последние всегда (и по времени раньше вторых) рассматривали человека в контексте его взаимодействия

с природой, что мы специально подчеркнули выше, характеризуя марксистский взгляд на производительные силы и их диалектическое единство с производственными отношениями.

Во-вторых, как мы показали выше, культура как продукт уникальной и в то же время всеобщей творческой деятельности в марксизме рассматривается как инвариант человеческой истории. И потому всякий раз *уникальная культура* (в том числе язык в его культурном измерении, историческое культурное наследие и т.п.) действительно *есть «вечный» инвариант определенных социумов*. Но именно культура, как вполне познаваемая сфера общественно-индивидуального бытия человека, включающая и общественное бытие и общественное сознание, а не некие богом данные трансцендентальные и трансцендентные (или, еще хуже того, генетически, «кровью» предопределенные) «естественные» черты цивилизаций.

В-третьих, отличия, выдаваемые за «цивилизационные», т.е. присутствующие на протяжении столетий у практически всех представителей той или иной цивилизации, как правило, *наиболее заметны в добуржуазных социумах и/или социумах, сохраняющих значительные пережитки добуржуазных отношений*. Последние, как мы показали выше, характеризуются (1) высоким уровнем зависимости всех сфер общественной жизни от особенностей природной среды и (2) сращенностью социально-экономических и внеэкономических (прежде всего религиозных) сфер. Поскольку именно (1) и (2) обычно считается главными «цивилизационными» признаками, постольку для таких социумов легко находятся «цивилизационные» различия, на самом деле являющиеся различиями разных типов добуржуазных социумов, находящихся, к тому же, на разных стадиях своего общественно-исторического развития. В этом контексте понятно, почему «цивилизационные» различия наиболее типичны для относительно изолированных империй-«долгожителей» (Китай, Российская империя и т.п.): именно в них консервация специфических (в силу особенностей природной среды, культурных традиций и т.п.) добуржуазных общественно-экономических систем стала мощным основанием для формирования особых «цивилизаций».

В отличие от социумов, сохраняющих мощные добуржуазные (особенно державно-имперские) черты, общественно-экономические системы, столетиями успешно развивающиеся по капиталистической траектории, сформировали строго выводящиеся из исследования системы производственных отношений капитализма формы общественного сознания и личностного бытия, выдаваемые ныне за атрибуты «западной цивилизации». Неслучайно поэтому, что по мере включения в рыночно-капиталистическую жизнь и русские, и китайцы, и иные народы постепенно все более становятся похожи на американцев. Можно поспорить, что после 200–300 лет капиталистического бытия китайцы будут отличаться от североамериканцев не больше, чем англичане.

В-четвертых, сформулированный выше закон-тенденция относительно инерционности «цивилизационных» параметров (типа личности, общественного сознания) вкуче с законом неравномерности социально-экономического развития (в частности, консервацией отсталых добуржуазных форм на «периферии») позволяют показать, почему в современном мире столь велики различия «цивилизаций», являющиеся в большинстве случаев различиями разнообразных полуфеодалных экс-империй на «периферии» и позднекапиталистических социумов в «центре».

Сказанное позволяет сделать вывод: *методология «цивилизационного подхода», ориентированная на поиск абстрактно-общих и как правило трансцендентальных и трансцендентных, т.е. непознаваемых и данных свыше, черт неких социумов оказывается необходима для решения по преимуществу двух задач.*

Первая – обоснование правомерности ограничения историко-филологических исследований позитивистским накоплением фактов плюс их первичной систематизацией и/или постмодернистской трактовкой контекстов исторических текстов.

Вторая – методолого-теоретическое обоснование якобы «естественных» преимуществ одной из цивилизаций (как правило той, за работу в рамках которой исследователь получает гонорары): то ли универсальных и всеобщих ценностей «европейской цивилизации» (читай: стандартов позднего капитализма), то ли богоданности «джихада», то ли предопределенности российского консерватизма с его культом «православия, самодержавия, народности».

Второй вариант, как правило, оборачивается теоретико-идеологическими трендами, в подавляющем большинстве случаев востребованными реакционными общественными силами. Исключение могут составлять разве что идеологи национально-освободительных и аналогичных им движений.

Авторы, решающие первую задачу, могут, как мы писали выше, давать очень ценные первичные обобщения значительного исторического материала, который в случае его очищения от выводов, основанных на обобщении превратных форм социально-исторического бытия, может быть чрезвычайно полезен исследователю закономерностей общественно-исторического процесса.

* * *

Российским авторам, размышляющим о соотношении цивилизационного подхода и философии истории марксизма, просто нельзя оставить в стороне проблемы самоидентификации нашего социума. Вопрос «Что есть Россия?» – это прежде всего великий и мучительный вопрос самих россиян. Но не только россиян.

р.с. Социальная философия марксизма: понять Россию умом

Поиск ответа на вопрос «Что есть Россия?» долог. Труден. Мучителен. Драматичен. Подчас трагичен. Иным кажется бессмысленным...

Все последние годы его почти исключительно ведут в рамках одного поля – поля духовно-религиозно-природного бытия. Единственная собственно социальная материя, которая к этому подключается – проблематика государства (но не как носителя права и/или особого аппарата, а как территории-власти-скрепы народного всеединства). Так, ищут нашу специфику уже не раз упоминавшиеся авторы: Н. Нарочницкая и С. Карамурза, Ю. Осипов и многие, многие другие... Все они в большей или в меньшей мере сходятся на том, что у России (как некоего историко-пространственного континуума, сохраняющегося так или иначе на протяжении многих столетий вопреки всем катаклизмам нашей Родины) есть некоторый набор черт, который можно описать в понятиях соборности, народности, православия, державной государственности, приоритета духовных ценностей над материальными и интересов целого над интересами индивида.

И поскольку авторы, принадлежащие к этому полю, стоят на позициях так называемого «цивилизационного подхода» как главного (единственного) ключа к пониманию истории вообще и российской истории в частности, постольку в данном тексте будет сразу же сформулировано очень жесткое утверждение: *в рамках цивилизационного подхода нельзя найти ответ на вопрос о специфике российского социума и инвариантах его эволюции.*

Обоснование этого положения в рамках относительно небольшого текста будет поневоле кратким. Главная наша задача – сформулировать тезисы-гипотезы.

Как нельзя искать специфику России

Сначала о том, как нельзя, на наш взгляд, искать специфику российского социума.

Первое. Ее нельзя искать в тех добродетельных чертах, которые записаны в любом универсалистском, принадлежащем всему человечеству, всем историческим эпохам послании, будь то религиозном (например, известные десять заповедей...) или светском (Декларация прав человека...), которое люди воспринимают как критерий нравственного поведения.

Так, нельзя искать специфику России в универсалиях христианской религии. Во-первых, потому, что надо точно трактовать религиозные послы. Если мы вспомним десять заповедей так, как они были сформулированы в Библии (авторы апеллируют к русскому переводу), то, напомним, первые четыре из них посвящены тому, что на первом месте в жизни человека должен стоять Господь. Далее идет набор императивов, многие из которых сегодня выглядят по меньшей мере странно (только один пример: в этих заповедях, в частности, говорится, что нельзя возжелать чужого раба, но ничего не говорится о том, что иметь своего раба – аморально)¹.

В общественном сознании эти религиозные заповеди превратились в повторение тех инвариантов человеческого бытия, которые вы найдете (с очень небольшими флуктуациями) в любой другой социально-философской системе. Подавляющее большинство этических доктрин, в том числе тех, что лежат вне христианства в историческом времени (в частности, предшествуя ему) или социальном пространстве (атеизма, мусульманства, буддизма...), настаивают на том, что убийство, прелюбодеяние, посягательство на собственность другого и т.п. аморальны.

Вот почему специфику православия или тем более российского социума здесь не поймаешь.

(В скобках заметим: мы не встречали четкой формулировки такой специфики православия как религии, в отличие от остальных ветвей христианства, которая бы точно указывала на основные особенности нашего сообщества. То, что для России – хотя и не только для России и не для всей России – типично православие, не означает, что специфика этой религии есть специфика России. Для России на протяжении тысячелетий было типично язычество. Бывшая до 1917 года в подавляющем большинстве православной Российской империя в течение всего лишь нескольких десятилетий превратилась в СССР, где люди были как минимум не менее нравственны, духовны и культурны, чем в прежней империи, но о религии в подавляющем большинстве вообще не задумывались...)

Итак, специфику России нельзя искать в универсальных ценностях Человечества. Нельзя, ибо иначе мы себя – русских (в лучшем случае – россиян) выдаем за тех, кто по фундаментальнейшему, универсальному, общечеловеческому критерию лучше других. Те, кто поступает так, по сути утверждают, что мы – Русские – адекватнее, полнее, истиннее и т.п. отражаем-воплощаем высшие и универсальные нравственные ценности Человечества. Последнее есть чистой воды национализм в его неприкрыто-негативном смысле.

Второе. Не надо искать специфику российского социума в тех чертах, которые исторически в разное время воспроизводились в разных социумах (сходных социальных характеристиках, проявлявших себя наиболее ярко сначала в одних, затем в других цивилизациях).

¹ См.: Библия. Книга Исход 20:2–17 (синодальный перевод).

В этой связи авторы предлагают обратить внимание на такой атрибут классического марксизма, как *исторический подход к социальным исследованиям*. Если мы сравним Францию эпохи позднего феодализма, с одной стороны, с Россией XIX – начала XX в. (а это период, к которому принадлежит большая часть тех мыслителей, кого цитируют русофилы), а с другой – с современной Францией, то мы найдем гораздо больше общего между Францией (XVII в.) и Россией (XIX в.), чем между Францией (XVII в.) и Францией (XXI в.). Просто в России исторически мы с большим опозданием (примерно на 200 лет) пришли к тому, что было во Франции два века назад, а именно – к позднему феодализму абсолютистского типа, несущего значительные компоненты рождающейся буржуазной системы.

Большая часть той специфики, которую многие отечественные «цивилизационники» приписывают России – это специфика позднефеодальных абсолютистских империй, стоящих на рубеже перехода к буржуазной системе, со всеми их чертами. Для них всех в тех или иных формах характерны:

- подчинение индивида целому и представление населения не как взаимодействующих граждан, а как единого «тела» (в российском случае – «народность»);
- приоритет государства, отождествляемого с народом-территорией-историей (в российском случае – «соборность»);
- абсолютизма как политической формы (в российском случае – «самодержавие»);
- религии как формы организации духовной жизни (в российском случае – «православие»);
- приоритет геополитических ценностей, в частности территориальной целостности (в идеале – экспансии), прикрываемых той или иной религиозно-государственной риторикой (военная экспансия, во многих случаях оправдываемая задачей реализации тех или иных религиозных заветов – борьбы с неверными или за возвращение Святого Гроба Господня и т.п.).

Соответственно, то, что противопоставляется этой якобы специфике российского социума – это опять же универсальные черты стандартного буржуазного, рыночно-демократического социума, т.е. того социума, который в той же Франции пришел через два века после «державно-религиозного», а в России начал бурную экспансию лишь 20 лет назад. В свою очередь, для любого буржуазного социума характерны:

- акцент на правах индивида и гражданском обществе;
- понимание государства как аппарата по обеспечению стабильных прав собственности и охраны контрактов;
- приоритет рыночно-коммерческих целей над собственно геополитическими (войны по преимущественно экономическим причинам, детерминация геополитических конфигураций законами воспроизводства капитала – например, образование НАТО, позднее – ЕС) и т.п.

Позволим себе в этой связи важное отступление, очень кратко характеризующее радикальные изменения доминант российского менталитета на протяжении всего лишь сорока последних лет – периода, когда старый марксистский тезис «общественное бытие определяет общественное сознание» проявил себя в очень брутальном, жестком виде. Мы беремся утверждать, что на нашей памяти, т.е. на протяжении 1970–2010 гг., подавляющее большинство представителей т. н. творческой интеллигенции нашей Родины принципиально изменяли свои ценности и установки как минимум три раза.

До 1981–1983 гг. они были в большинстве своем последовательными и искренними марксистами-ленинцами.

В 1987–1990 гг. интеллигенты стали последовательными сторонниками европейской социал-демократии.

В 1992–1995 гг. они были в подавляющем большинстве активными сторонниками североамериканской модели либерализма.

Начиная с 1999 г., чем дальше, тем больше представители творческой интеллигенции становятся сторонниками консервативной государственно-державной модели (об исключениях – диссидентах – мы в данном случае речь не ведем: они были всегда, есть и сейчас).

Если мы посмотрим на более широкий круг граждан, скажем, на инженерно-техническую интеллигенцию, учителей, врачей и т.п., то до 1982 г. они в большинстве своем интересовались новыми романами в «Иностранной литературе» и/или тем, где «выкинули» модную обувь. С 1985 г. до 1990 г. они интересовались тем, что опубликовалось про Сталина и Ленина в «Новом мире», и тем, какая мерзопакостная в СССР бюрократия. С 1992 г. они в основном интересовались тем, где достать деньги и как выжить... Дальше авторы поставили многооточие, чтобы не уходить в политику (помните анекдот: «я кушать хочу – отстаньте от меня со своей политикой»).

Не менее интересный результат дает применение социоисторического подхода к анализу (не?) *приверженности россиян к ценностям демократии и прав человека*. Представим себе, что вопрос об этих ценностях был бы поставлен перед россиянами в 1988 г. Гарантируем: ответ был бы более продвинутым в сторону демократических ценностей и прав человека, чем у граждан многих западноевропейских стран. Когда же его ставят в 2008 г. (разгар Мирового экономического кризиса) результат оказывается прямо противоположным.

Таковы простейшие примеры того, что *стереотипы поведения, ценностей и мышления большинства россиян, включая интеллектуальную элиту, изменяются очень быстро и активно под влиянием социально-экономических и общественно-политических условий*.

Продолжим наши размышления о том, как нельзя искать специфику России.

Третье. Нельзя объявлять спецификой России те признаки, которые характерны лишь для некоторых частей социума в некотором отноше-

нии, а не едины для всех его слагаемых, образуя некоторое системное качество «Россия», скрепляя его как целое. Это банальность. Но ее забывают. Как забывают и то, что *Россия очень разная*. И это не столько различие татар, пермяков и москвичей, сколько *социально классовые различия*.

Когда собираются русские, американские и китайские бизнесмены, для них принцип: я тебя разорил, уничтожил («естественно», соблюдая правовые нормы и правила рынка) – это нормально, нравственно. «Ничего личного – всего лишь бизнес». И в этом бизнесмены (и американец, и русский, и китаец) едины. Абсолютное большинство российских предпринимателей ни в начале XX века, ни сто лет спустя не ставили и не ставят ценности коллективизма выше такой ценности как прибыль, а критерием инвестиций выбирали и выбирают их наибольшую гарантированность и отдачу, а не задачи укрепления могущества Державы, и под прикрытием рассуждений о патриотизме активно вывозят из России капитал (если у нас в стране конъюнктура плоха) или вкладывают капитал в России, проповедуя либеральные ценности (если конъюнктура хороша).

Когда встречаются представители реально действующих профсоюзных, образовательных, экологических, миротворческих и т.д. движений и организаций Индии, Латинской Америки, Европы, США и России, у них опять-таки работает единый принцип – приоритет интересов человека над соображениями максимизации прибыли. И посему они находят гораздо больше общего друг с другом, чем со своими соотечественниками из сферы бизнеса.

Поэтому видеть специфику России в чертах патриархально-общинного крестьянства или некоторых чертах сознания интеллигентов-почвенников и глубоко верующих православных людей – некорректно.

Четвертое. Нельзя считать спецификой России как *объективно* существующего экономического, социального и культурного феномена то, что об этом *думают* мыслители-русофилы без дальнейших доказательств. Доказательством в науке могут быть лишь аргументы, обосновывающие правомерность выводов и опирающиеся на практику. Вера в определенные постулаты в научном сообществе может рассматриваться лишь как теоретическая проблема: почему большинство русофилов апеллирует к вере и предпочитает постулировать аксиомы?

Утверждение же, что специфика России в том и состоит, что ее невозможно понять умом и что в нее можно только верить, выводит нас из поля науки и переводит в поле религии с соответствующим этой сфере типом духовных дискуссий (от предания – как Льва Толстого – анафеме до богословских диспутов) и политико-идеологических действий (от монастырских тюрем до клерикализма образования). Авторы *данный* текст адресуют прежде всего ученым, не вступая в споры о религии и вере.

КАК МОЖНО ИСКАТЬ СПЕЦИФИКУ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

Позволим себе очевидное (во всяком случае, на первый взгляд) утверждение: поиск специфики социума должен быть основан на соблюдении некоторых методологических принципов.

В частности, если мы исходим из азов системного метода, то задача поиска системного качества (того, что *отличает* качество системы от суммы качеств элементов и данную систему от любой другой системы) или, очень огрубленно – специфики российского социума предполагает, как минимум, следующие шаги.

Во-первых, выделение только тех инвариантов социума, которые едины для всех этапов его исторического развития; всех социальных, национальных и т.п. групп, характеризуя их как россиян. Это единство не обязательно должно быть формальным, абстрактно-общим. Возможно генетическое единство, генетическая всеобщность. На языке сторонников цивилизационного подхода это принято называть «культурным кодом», но на наш взгляд, здесь речь должна идти о реальном социальном качестве.

Во-вторых, фиксация только тех элементов, которые *не* характерны ни для каких других социумов (их подсистем) ни на каких этапах их развития. Можно это требование несколько смягчить, поставив задачу выделения всего лишь доминирующих черт, т.е. тех, которые определяют специфику данного социума при всех историко-временных и социо-пространственных его вариациях.

Давайте с целью поиска этого позитива вновь обратимся к социальной философии марксизма и, в частности, к использованию историко-генетического, диалектического подхода, развитого советскими учеными середины прошлого века (этот подход, как мы писали в первой части, продолжает диалектику Гегеля и Маркса и развит, в том числе, в работах Э. Ильенкова и Н. Хессина)

Особенности социально-исторической эволюции России

В случае использования такого метода поиск специфики российского социума предполагает выделение ее генетически-всеобщего качества (Ильенков), «клеточки» (Хессин), из которого(ой) вырастает все богатство особенных характеристик нашего общества. При этом данная специфика будет не исчерпывающей характеристикой нашей социальной системы, ибо последняя, конечно же, включает не только специфические, но и универсальные и «заимствованные» черты.

Впрочем, если мы явно или неявно исходим из методологии пост-модернизма с ее отрицанием не только системности, но и вообще любых «больших нарративов», акцентом на деконструкции и симулякрах, то все наши предыдущие утверждения можно просто выкинуть за борт дальнейшего поиска. Однако «цивилизационники»-славянофилы в боль-

шинстве своем далеки от постмодернистского нигилизма, и потому сделанные нами выше методологические ремарки остаются значимыми.

А теперь от методологии к теории. В чем же может состоять *действительная конкретная всеобщность некоторого социума в отличие от других социумов? Ее можно и должно искать в специфике социально-исторической динамики.*

Что касается России, то в силу очень многих причин (о них ниже) наша страна сложилась как геоэкономический и геополитический феномен, а также как некоторая культурная целостность, по сути дела, только в период позднего феодализма и начала генезиса капиталистической системы. И именно этот период ознаменовался устойчиво-длительным бытием России, растянутым на столетия: с XVI по... XXI (?) век. Переход к тому или иному типу капитализма мы пытались совершить много раз. Подобно Марку Твену, который когда-то сказал: «Бросить курить – очень просто, я это делал много раз», мы пытаемся перейти к позднему капитализму вот уже более столетия... Эти попытки не могли не породить и породили соответствующую систему духовных форм, соответствующие особенности социального поведения и т.п.

Сами по себе эти формы достаточно инвариантны для подавляющего большинства социумов на этом историческом этапе эволюции: и во Франции, и в Испании, и в Германии, и в Австро-Венгерской империи на этапе позднего, абсолютистского феодализма была микширована классовая борьба и глубоки противоречия между «народом» и «олигархами» при вере в «добраго царя»; высшей доблестью было служение империи; народ третировался как быдло и одновременно возвеличивался как опора государства и т.п. (подробнее об этом ниже). *Наша специфика, следовательно, не в этих чертах или их некоторых модификациях, а в том, что в России они устойчиво, нелинейно-циклически воспроизводятся более столетия и это (а не сами эти формы) – специфика.*

Так, после провала первой попытки такого перехода в Российской империи, в нашей стране сложился строй, важной чертой которого был феномен, который можно обозначить словом «сталинщина»¹. Он во многом восстановил старую патриархальную традицию в рамках нового социального строя. После распада СССР наша страна, столкнувшись с неспособностью нашего социума к прогрессивной буржуазной модернизации, через десять лет радикально-буржуазных экспериментов в новом веке опять стала в очередной раз пытаться восстановить этот консервативный проект.

Кстати, *в этой незавершенности буржуазной трансформации лежит и одна из причин неопределенности русского социума.* Кто мы? Народность? Этнос? Нация?

¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. 10 мифов об СССР. М., 2010.

Если и здесь следовать марксистской методологии, то окажется, что страны, в которых так и не сложилось в полной мере единое социально-экономическое пространство (прежде всего единый рынок и единое государственное управление), так и не стали нацией в точном смысле этого слова. Россия из совокупности раздробленных натуральных хозяйств (поместий, общин) превратилась в более-менее целостный *экономический* организм лишь к концу XIX века, будучи до этого едина преимущественно военно-политически. Октябрьская революция эту эволюцию прервала и положила начало образованию действительно единого социально-экономического и идейно-культурного пространства. Стал формироваться единый *советский* (не русский!) народ с особым, существенно отличным от дореволюционных, типом социальных ценностей, мотивов и стереотипов поведения. Возник и упрочился тот самый *homo soveticus*, прекрасная характеристика которого дана А. Зиновьевым¹. Сложились особый экономико-технологический базис и социально-экономическая система (единая плановая система в экономике, единая система социальных гарантий в социальной сфере, низкий уровень социальной дифференциации, абсолютно не характерной ни для до-, ни для постсоветской России, где социальные контрасты были и стали больше, чем на Западе), атеистической, но при этом высококультурной духовной жизнью, идеологией, *советской* культурой (последняя наследовала традиции европейского Просвещения и Ренессанса ничуть не в меньшей степени, чем российскую классику, и явно больше, чем славянофильскую тенденцию) и т.д. Затем этот процесс образования единого социума опять был радикально прерван распадом СССР...

Это наша историческая реальность. Эти *исторические контрапункты* и есть то, что нас фиксирует как особый социум. Не некоторые формально-общие всем этапам инварианты, а *противоречия* изменений. Таких социумов сегодня в мире немного. И именно эта особенность *социоисторической эволюции во всей ее конкретной всеобщности, нелинейности (взаимосвязанности ее прогресса и регресса)* и есть одна из *действительных особенностей* нашего общества. Именно эта нелинейная, во многом запаздывающая по сравнению с наиболее развитыми странами *социоисторическая динамика*, с ее частыми попятными, реверсивными инволюциями и есть первый важный параметр, обуславливающий и одновременно характеризующий специфику российского социума.

(В скобках заметим: немарксистское обществознание, как правило, не способно видеть единство целого не в его одинаковости, а в особой связи противоречий развития; но мы именно эту неспособность и хотим изменить, показав, что диалектика более адекватна для того, чтобы исследовать российский и любой другой социум)

¹ Зиновьев А. Гомо советикус / Зиновьев А. Собр. соч. в 5 томах. Том 5. М.: Центрполиграф, 2000.

Продолжим. То, что Россия едва ли не большую часть своего исторического бытия пребывает в состояниях *трансформаций*, во многом обусловило слабость базисных социально-экономических детерминант в нашей системе.

США «родились» и жили 200 с лишним лет в рамках примерно одной и той же территории как рыночно-капиталистическая экономическая система с буржуазно-демократическим политико-правовым оформлением. Это, естественно, сформировало устойчивый, стабильно воспроизводимый тип рационального экономического человека как характерную черту североамериканца.

Китай тысячелетия бытствовал как азиатская деспотия, мало изменяющая свои социально-экономические и духовные параметры и почти не изменявшая своих пространственных рамок, и это сформировало соответствующий набор стереотипов поведения и ценностных установок его жителей.

В России постоянно бытуют изменения. Особенно последние сто пятьдесят–двести лет. Единственный период относительно устойчивого пространственно-временного бытия России – период позднефеодального абсолютизма XVII–XIX веков. И потому неслучайно, что именно с наследием (скажем жестче – пережитками) этого социально-экономического и духовно-политического организма связаны относительно устойчивые стереотипы так называемого «русского характера». В самом деле, для большинства социумов, находящихся на этом этапе развития, характерны (повторим, несколько уточнив, сформулированные выше параметры):

- микшированность социально-классовых противостояний; концентрация главных протополитических противоречий в сфере «дворцовых интриг» и подспудного противостояния верховной власти и народа (так называемая российская «соборность» в светском смысле этого понятия);
- государственный патернализм (привычка все блага получать от «добротного царя» и во всех грехах винить плохих чиновников)
- имперскость и акцент на геополитических проблемах бытия (в России это трактуется как державность);
- приоритет религиозных форм общественного сознания (в России эта позднефеодальная приверженность к дореформаторским христианским нормам часто выдается за особую «духовность» русских);
- сохраняющаяся общинность, обуславливающая патриархальный полупринудительный коллективизм (его также принято считать специфической чертой россиян);
- неразвитость трудовой и предпринимательской мотивации, обусловленная наследием полупринудительного труда и личной зависимости (русская «лень»);
- особое значение культуры («поэт в России больше, чем поэт...»), что типично для обществ, где сильна энергия протеста (она велика в системах, где не осуществляются давно назревшие прогрессивные со-

циальные трансформации), но не развита социально-политическая свобода и задавлены открытые формы социально-классового противостояния (к этой важной теме мы еще вернемся) и т.п.

Конечно же, все эти черты позднефеодальных социумов в России имеют некоторую специфику, как имели ее они в Чехии или Испании, Франции или Португалии, в Пруссии или... Этой специфики вполне достаточно, чтобы видеть отличие нашей страны от других стран, у которых также есть своя специфика. Но *этой* специфики мало для того, чтобы объявлять наш социум родиной особой цивилизации с особой исторической миссией и т.п.

Другое дело, что у нас есть *другая* специфика, *делаящая российский социум* (но не «русских») действительно существенно отличным от основных базовых типов современных социумов. Мы отличны и от позднекапиталистических стран «центра» (т. н. «Запад», все чаще называемый ныне «Севером»), и от включенных в орбиту *catching up development* (догоняющего развития) стран полупериферии, где специфика докапиталистической эволюции также позволяет выделить блоки экс-колониальных стран (Латинская Америка и т.п.) и в недавнем прошлом сверхустойчивых имперских мегагосударств (Китай, отчасти – Индия), и от все более отстающих государств периферии (Центральная Африка) и т.д.

Действительная наша специфика, нарочито повторим, – это вся совокупность конкретно-исторических противоречий прогресса и регресса России, ее *э-* и *инволюций*. В частности, то, что мы (в отличие от т. н. «Востока») начали активный переход к буржуазному способу производства еще 300 лет назад и регулярно пытались его совершить на протяжении последних двух столетий, но (в отличие от т. н. «Запада») так его и не завершили, и не прожили в рамках капиталистической системы хотя бы сотни лет кряду. Вот почему относительная длительность и незавершенность разложения имперских позднефеодальных форм (они воспроизводятся вновь даже в постсоветской России) – едва ли не главный (но не единственный!) инвариант, обуславливающий то, что *считается* спецификой российского социума.

Но не только незавершенность капиталистической трансформации задает специфику России. Подчеркнем: все катаклизмы наших *разнонаправленных* (и «вперед», и «назад» в историческом времени) и доминирующих по длительности (в сравнении с периодами стабильного социального бытия) трансформационных состояний задают в своей противоречивой конкретности нашу действительно значимую специфику.

Второй параметр. Эта *нелинейность* нашей эволюции сделала особенно зримой **противоречивость** наших изменений и, соответственно, *противоречивость* наших *differentiae specificaе*. Мы, с одной стороны, «ленивы», не слишком хороши как профессионалы (слабо развита рыночная мотивация и капиталистическая дисциплина труда), с другой – талантливы, смекалисты (у нас развита подлинная культура и способность

к творчеству). Мы, с одной стороны, «соборны», верим в «доброту царя» (т.е. никак не можем уйти от сознания позднефеодального имперского абсолютизма), с другой – способны на бунт (в силу глубины давно назревших противоречий, порожденных незавершенностью давно назревших трансформаций), но бунт «бессмысленный и беспощадный» (развитых общественно-политических форм социального творчества трансформационное общество не выработало)...

Продолжим. Да, сейчас мы очень устали от постоянных изменений (извините за каламбур), тем более что они крайне противоречивы. И потому мы сегодня ничего не ценим так дорого, как стабильность. Но в стратегическом смысле россияне меньше, чем большинство других социумов, задавлены определенной объективной материальной социальной детерминацией. И это тоже наша действительная специфика. *Мы в меньшей степени, чем представители других социумов, подчинены стандартам экономических отношений, классовых интересов и даже правовым норм.* Почему? Да именно потому, что у нас самих все время (а последние 100 лет – особенно мощно) осуществляются радикальные трансформации (и еще потому, что на нас все время осуществляются мощные внешние воздействия – но об этом ниже).

В точном соответствии с буквой и духом марксизма мы можем утверждать: да, определенный тип социума и человека эпохи модерна детерминирован прежде всего социально-экономическими и классовыми отношениями. Но если эти параметры все время меняются под воздействием внутренних и внешних сил, то именно в силу этого жесткая однозначность социальной детерминации, типичная, как мы уже заметили, для тех же американцев, которые последние 200 лет живут в рамках одной и той же социальной системы, или китайцев, которые тысячелетия живут в условиях сохранения ключевых традиционных детерминант, – *эта стабильность, долговременность исторически определенного типа социального давления на человека для России относительно мало характерна.* И это **третий** важный параметр нашей специфики.

* * *

Здесь, однако, встает новый вопрос: а каковы причины именно *такого* характера исторической эволюции нашей Родины? Ответ на него связан не с некоторыми национально обусловленными «естественными», природой или богом навечно данными, чертами. И уж тем более он не связан со спецификой российской «крови» (генофонда?) – эти тяготеющие к расизму спекуляции мы рассматривать в научной работе принципиально не будем.

Эти причины обусловлены многими объективными и субъективными факторами всемирно-исторического общественного развития, многократно перекрещивавшимися на протяжении (как минимум) последнего тысячелетия на пространстве нашей Родины.

Важнейшие из них – те, что задают специфику протекания в общем и целом единого всемирно-исторического процесса общественного развития на том или ином социальном пространстве.

Эта специфика задается, во-первых, генезисом данного социума – тем, какие именно по своему этногенезу народы, с каким уровнем развития и спецификой доклассового родоплеменного строя общности проживали на территории будущей России.

Во-вторых, тем, какова специфика природно-географической среды данного социума.

В-третьих, тем, как именно перекрещивались на судьбах народов в этом пространстве токи всемирно-исторического процесса.

Наконец, тем, как именно складывались субъективные факторы истории на этом пространстве.

Первый пункт мы оставим за рамками данного текста: мы не являемся специалистами; пересказывать же чужие исследования в кратком тексте неуместно.

Что касается последующих двух аспектов, то они требуют специального комментария, к которому мы и перейдем ниже, оставив проблему субъективных факторов «на закуску».

Особенности социально-пространственного бытия России

Итак, посмотрим, как и почему на нашу специфику (и здесь мы хотели бы в очередной раз обратиться к потенциалу социальной философии марксизма, на сей раз – его современным, конца XX – начала XXI века достижениям) влияет социопространственное измерение.

Прежде всего напомним один из тезисов предшествующего текста: приписываемое марксизму безразличие к природно-климатическому и географическому аспектам социальной эволюции неправомерно в контексте появившихся в последние десятилетия исследований авторов-марксистов и близких к этому течению ученых, представивших десятки мирового уровня работ по проблемам соотношения «центра» и «периферии», догоняющего развития, политико-экономической географии и т.п. Впрочем, социальная философия марксизма всегда говорила о природно-климатических особенностях и специфике географического пространства (протяженность, особенности границ и т.п.) как важных параметрах *производительных сил* социума, которые, с точки зрения и классического, и современного марксизма, оказывают значимое влияние на специфику социально-экономических, политических и даже духовных процессов.

Безусловно, и для России *специфика природно-географических параметров, пространственное бытие производительных сил* оказались значимым фактором, задающим особенности нашей социальной динамики. Для России природно-пространственно-климатический блок параметров неслучайно оказался *особенно* значим. Причины просты:

эти факторы развития наиболее важны для обществ, находящихся на доиндустриальной стадии развития, когда природный компонент производительных сил особенно значим. Так, если сельское хозяйство – главный сектор экономики и его эффективность (урожайность, приплод etc.) зависят на 90 % от качества земель и погоды, а агрикультура и техника играют минимальную роль; если нет сети железных или шоссейных дорог, а надежная транспортировка возможна только по воде; если... – мы не будем длить перечисления – если все это так, то вывод о значимости природно-климатических и территориальных измерений для доиндустриальных систем очевиден.

Понятно, что в этих условиях *специфика географической среды* обуславливает многие особенности добуржуазной стадии эволюции социума. Наследие этой специфики, конечно же, сохраняется в некоторой (но не в определяющей) мере и на более поздних этапах. Но там, где господствуют развитые индустриальные, а особенно – постиндустриальные технологии, эти параметры уже не столь важны. Соответственно, и для России эти факторы значимы в той мере, в какой мы остаемся аграрной страной со слабо развитой индустрией: хорошо известно, что мы уже давно уходим – хотя до конца так и не ушли – от этой стадии¹. В силу сказанного понятно, что *миромасштабность нашего географического пространства вкупе с его природно-климатической жесткостью* остается в некоторой мере **четвертым** важным параметром, определяющим и характеризующим специфику размещения и развития производительных сил нашей страны и, как следствие этого, специфику многих ее социальных параметров.

Наша специфика зависит от пространственных аспектов и в другом, гораздо более интенсивном смысле – это обусловленность нашего общественного бытия спецификой социального (не географического!) пространства России. Дело в том, что *социальное* (повторим: не географическое) *пространство, складывавшееся на нашей территории, оказалось неизбежным перекрестком постоянного столкновения разных социальных течений*. И это **пятый** важный параметр нашей специфики.

Эти постоянные трансформации, э- и инволюции есть и минус, и плюс нашего бытия. Плюс, ибо мы оказались открыты очень многим социальным, культурным, национальным взаимодействиям. Эта *открытость для транс-социального* (взаимодействие разных – капиталистических и феодальных, имперских и локальных – социумов) *и межкультурного диалога* плюс наша собственная многонациональность, многоконфессиональность и *многоисторичность* (постоянная незавер-

¹ См.: Паршев А. П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М.: Крымский мост–9Д, Форум, 2001. Критику концепции А. Паршева см.: Кудров В., Фаминский В. Post Fiction, или Книга для обывателей, а не для профессионалов (о книге А. Паршева «Почему Россия не Америка») // Вопросы экономики. 2001. № 6.

шенность различных исторических «проектов», постоянные прогрессивные и регрессивные социоисторические трансформации) делает нас гораздо более открытыми для новых социальных подвижек, чем большинство других социумов.

Сие есть не только минус нестабильности и столь типичной для России «разрухи в головах» – в общественном сознании, социальных ценностях и стереотипах, но и плюс. Плюс, ибо отсюда вытекает *открытость России подлинной культуре*, которая оказывает на человека и общества тем большее воздействие, чем слабее базисные экономические детерминанты, обуславливающие определяющую власть духовного производства – от идеологий до масс-культуры. Не менее важно и то, что подлинная культура инвариантна. Да, культура всегда имеет национальную специфику, но принадлежит она миру и обратно: Толстой – писатель, принадлежащий миру, но это российский писатель. Точно так же как лучшие постановки Шекспира (по признанию английских критиков) – это постановки, осуществленные в СССР¹.

В связи с этим тезисом позволим себе еще одно отступление. На сей раз *«геополитическое»*.

Размышления о российском социуме как некоей устойчивой социально-исторической структуре, существующей на некотором пространстве, относительно ограниченном и более или менее стабильном (к примеру, в границах бывшей Российской империи), обуславливают необходимость внимания к тому, что сегодня принято называть «геополитикой». Акцентированный же выше тезис о России как перекрестке различных социоисторических взаимодействий выводит на первый план вопрос: *а каких взаимодействий?*

Выделим для простоты лишь два типа таких взаимодействий. Один – взаимодействия, основанные на насилии, прежде всего военные. Второй – невоенные – экономические, культурные и т.п. взаимодействия.

Так, авторы уже отметили, что для монархических позднефеодальных структур геополитические проблемы, т.е. проблемы принадлежности или не принадлежности, приобретения или потери ими *пространства*, объективно находились на одном из первых мест. Они были объективно важнее, чем экономические, духовные и любые другие проблемы внутреннего развития, т.е. проблемы социального *времени*. Поэтому постоянные войны были нормальным и – по критериям того времени – *благородным, нравственным*, религией одобряемым способом решения проблем взаимодействия социальных структур.

¹ См.: Булавка Л.А. Феномен советской культуры. М., 2008; Она же. Социалистический реализм: превратности метода. Философский дискурс. М., 2007; Она же. Советская культура как идеальное коммунизма // Критический марксизм: продолжение дискуссий. Изд. 2-е, дополн. и испр. / Под ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. М.: Слово, 2002.

Любая война любой страны освящалась церковью и всегда была связана с реализацией «высших нравственных ценностей» данного социума. Возьмите, к примеру, походы Суворова по Западной Европе, немало способствовавшие восстановлению в этом регионе реакционных позднефеодальных империй, – исключительно «благородная» (по критериям российской монархии) миссия во славу православных ценностей. Можно взять обратный пример, когда Наполеон шел на Россию для реализации соответствующих «ценностей»...

Постфеодальные, основанные на доминировании экономических рыночных отношений социумы по идее, *казалось бы*, должны были продемонстрировать отказ от военных методов взаимодействия. В самом деле, соответствующие (буржуазным принципам) либеральные теории провозглашают альтернативу двух методов взаимодействия – насилия и торговли. Торговля есть (с их точки зрения) альтернатива войне. Практика, однако, показывает, что эпоха господства капитала привела не к сокращению, а эскалации войн и других методов вооруженного насилия. Мировые войны и оружие массового уничтожения, более 50 миллионов жертв «локальных войн» последнего полувека тому свидетельство. Как разрешить это противоречие между [либеральной] теорией и [капиталистической] практикой?

Диалектический метод указывает на достаточно простой выход из этой ситуации: действительной теоретической закономерностью является не формальная противоположность рынка и войны, а негативное снятие войн капитализмом. Уйдя от предельных абстракций рынка, которые действительно предполагают стабильность прав собственности и гарантированность контрактов (отсутствие насильственных методов перераспределения ресурсов, в частности войн, грабежей и т.п.), и перейдя к конкретному многообразию производственных отношений капиталистического способа производства, мы можем вслед за Марксом и его последователями (в том числе Р. Люксембург и В. Ульяновым-Лениным¹)

¹ «Война 1914–1918 годов была с обеих сторон империалистской (т.е. захватной, грабительской, разбойнической), войной из-за дележа мира, из-за раздела и передела колоний, «сфер влияния» финансового капитала и т.д. <...> К многочисленным «старым» мотивам колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья, за вывоз капитала, за «сферы влияния» – т.е. сферы выгодных сделок, концессий, монополистических прибылей и пр. – наконец за хозяйственную территорию вообще. <...> Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация все большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций – все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или гнивающий капитализм» (Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 6, 124). →

вывести (не постулировать!) заинтересованность класса капиталистов и представляющего их интересы аппарата насилия – национального государства, «империи доверия» (США), глобального союза типа НАТО и т.п. – в ведении войн, позволяющих решать не столько геополитические проблемы захвата территорий (за это уже редко воюют), сколько экономические проблемы акселерации накопления капитала тем или иным путем (создание новых рынков, контроль за ресурсами, подавление системного противника...). В результате капиталистический способ экономического взаимодействия не вытесняет, но мультиплицирует применение военного способа взаимодействия, переводя его, правда, из преимущественно геополитической в преимущественно экономико-политическую плоскость.

Альтернативой им становится только способ взаимодействия индивидов, основанный не на отчуждении (капитале, насилии), а на диалоге неотчужденных индивидов (примеры – подлинная культура, фундаментальная наука, некоммерческое образование, викиномика и т.п.).

Если эта гипотеза верна, то оказывается, что выше авторы, по сути дела, сформулировали некую общую закономерность: *чем более объективно значимыми для социума (в силу специфики его социоисторического типа) являются геополитические проблемы, тем чаще используются военные методы взаимодействия социумов.*

Невоенные методы решения проблем связаны с доминированием других типов объективно возникающих и становящихся доминирующими проблем и другими субъектами. Здесь работает *неустойчивая закономерность-тенденция*, которую можно сформулировать так: *чем в большей степени субъектами взаимодействия социумов в пространстве становятся не государственные образования и капиталы, а неотчужденные индивиды и их ассоциации, субъекты культурного процесса, субъекты гражданского общества, тем в меньшей мере объективно оказываются востребованными военные методы решения проблем¹.*

И еще один тезис в рамках этого отступления. Как было отмечено выше, капитал, особенно современный, транснациональный, в отличие от того, что принято о нем думать, не является субъектом, обеспечивающим невоенные методы решения пространственных проблем. Этот капитал, как правило, имеет национальное «место прописки» и срощен с интересами определенных государств, как правило, протоимперских, играющих роль *наднациональных игроков*. Перспектива их эволюции еще более угрожающая: при неизменности нынешней системы отношений

← «Милитаризм выполняет в истории капитализма вполне определенную функцию. Он сопровождает накопление во всех его исторических фазах» (Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II / Перевод под ред. Ш. Дволайцкого. М., Л., 1934. С. 326).

¹ См.: Истягин Л.Г. Пацифизм Октября // Альтернативы. 2008. № 2.

ТНК будут еще более срачиваться с наднациональными государствами, вроде США. В зависимости от типа развития и многих других параметров ТНК (так же как и государства) могут использовать или не использовать военные методы решения проблем. Следовательно, *чем больше будет контроль граждан и культурных процессов над геополитическими социопространственными процессами, в частности над государством и капиталом, тем меньше будет возможностей для использования военных методов.*

Особенности «субъективного фактора»

Этот раздел будет совсем коротким. И не потому, что в этом поле специфика российского социума мала, а в силу прямо противоположного обстоятельства: для обществ, регулярно переживающих мощные социальные пертурбации роль субъективного фактора особенно значима. И это очень значимый (*шестой* из выделяемых нами) специфический параметр таких социумов вообще и России в частности. В нашей стране роль полустихийных общественных движений и отдельных личностей была и остается особенно значима в периоды радикальных реформ, революций и контрреволюций, регулярно переживаемых нашей страной.

Вдвойне этот фактор оказывается значим для России еще и потому, что, как мы показали выше, одним из немногих устойчивых социальных стереотипов у нас является государственно-державный. Он оказался наиболее устойчивой формой и в Российской империи (как и в большинстве других позднефеодальных образований), и в Советском Союзе (в силу мутаций первых попыток построить социализм). А эта форма предполагает существенную зависимость конкретных путей и методов реализации централизованной государственной власти от личности «вождя».

Реформы 1700-х в России были бы осуществлены в любом случае, но их радикально-брутальный вид, унесший жизни более 30% россиян, был во многом связан с личностью Петра. В СССР 1930-х была объективно востребована ускоренная модернизация, но то, что за нее наша страна заплатила жизнями миллионов, во многом на совести Джугашвили (для примера: после краха СССР в 1990-е годы Куба оказалась в не менее трагически опасном положении, однако вышла из кризиса в условиях блокады без сколько-нибудь значительных политических репрессий).

Следовательно, и эта (*седьмая* в нашем перечне) особенность нашего социума – «*персонализированность*» исторического бытия, гипертрофированная роль лидера как символа (а в ряде случаев – реального верховного субъекта) тех или других исторических преобразований, – тоже имеет вполне рациональное теоретическое объяснение в рамках социологической парадигмы марксизма.

ПРЕВРАТНЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ, или ЕЩЕ РАЗ О СОБОРНОСТИ, ДУХОВНОСТИ И Т.Д. РОССИЯН

Итак, выше мы постарались доказать, что поиск особенностей того, что принято называть «особой российской цивилизацией» в традиционной логике выделения некоторых вечных, богом данных особых черт всех россиян, характерных для них во все времена, – тупиковая, с научной точки зрения, попытка. Инвариантных особенностей, которые были бы характерны для всех этапов развития нашей страны на протяжении ее многотрудной истории, найти удастся очень мало. Если же отбирать еще и только те инварианты, которые должны быть характерны для всех социальных слоев, то не останется почти ничего.

Откуда же берется эта упорная, столетиями воспроизводимая уверенность в том, что россияне державны, соборны, православны, общинно-коллективны и духовны? Что это, выдумка?

Отнюдь. Да, мы в большинстве своем 200 лет назад были на 90 % религиозны и верили в богоданность крепостничества; 50 лет назад – на 90 % атеистичны, уверены в преимуществах социализма и презирали рынок и спекулянтов; сейчас мы на 50 % не столько верим, сколько *хотим верить*¹ в бога (а также в магию и НЛО), а на 50 % не верим ни во что, и в подавляющем большинстве, особенно молодежь, хотим иметь побольше денег, а конкуренцию считаем «естественным» и главным атрибутом любого цивилизованного общества...

И все же названные выше черты, приписываемые россиянам, не выдумка.

Во-первых, это устойчивый стереотип определенного типа общественного сознания, который неслучайно сформировался как одна из доминант в кругу российской «элитной» интеллигенции в конце XIX века, затем почти исчез в СССР, а в РФ начала XXI века вновь стал быстро превращаться едва ли не в государственную идеологию. И этот тип общественного сознания, равно как соответствующих ему науки, искусства, пропаганды и агитации, неслучайно возникал и был востребован властью предрержащими не раз и не два в нашей истории. Причины этого мы уже назвали, и они опять-таки вполне материальны и исторически объяснимы: *такой* тип общественного сознания был адекватен запросам и власти, и значительной части социальноактивного общества сто – сто пятьдесят лет назад. Такой тип общественного сознания адекватен союзу

¹ На это противоречие впервые указала Л. Булавка: «Сегодня, несмотря на бурные пятилетки храмостроения, все острее заявляет себя противоречие, когда индивид и хочет, да не может верить в бога из позитивных интенций. А если и верит, то разве только из негативных – из чувства тотального страха перед настоящим и будущим» (Булавка Л.А. Постсоветская реальность: императив симулятивного бытия // Альтернативы. 2012. № 2. С. 99).

бюрократии и олигархов, а также большей части «политического класса» в современной России, стремящейся стать «периферийной империйкой». Более того, он адекватен большей части уставших от трансформаций, униженных распадом СССР и провалом «демократических» реформ нынешних граждан РФ.

Во-вторых, и это особенно важно, названные выше черты российского социума и его типичных представителей *действительно* существуют как... превратные, особым типом духовного производства «переваренные» проявления *действительных* особенностей нашего общества и его членов. Как мы постарались показать выше, наша э- и *инволюции* привели к тому, что относительно долго и устойчиво у нас воспроизводились только близкие к позднефеодальным и мутантно-социалистическим формы социальной и политической организации – приоритет внешнего, государством навязываемого единства («соборность»), территориальной целостности («державность») и др. Наше бытие на перекрестке различных социальных пространств и постоянные трансформации ослабили экономическую и социально-классовую детерминацию и повысили значимость субъективно-политических факторов, личности («вождизм», привычка к патернализму) и культуры («духовность»... Перечень легко продолжить, ибо именно эти черты мы выводили (не постулировали!) выше на основе социально-исторического исследования, выдержанного в основном в рамках современной марксистской школы.

Другое дело, что эти действительные особенности ныне преподносятся в виде особых превратных форм – форм, создающих видимость иного, чем действительное, содержания.

Поясним. Нам внушают, что россияне – соборны. Истинно это утверждение? По видимости, да. Действительно, такие черты *считаются* типичными для россиян в среде современных идеологов, церковных иерархов и т.п., и значительная часть россиян думает (или, что точнее, *хочет думать*), что соборность для них типична. Поэтому эта форма *действительна*. Но она превратна, ибо в сущности современные россияне очень различны в своих базисных, наиболее значимых интересах. И бизнесмен, и наемный рабочий в своих практических действиях и поступках в большинстве своем и в Российской империи сто лет назад, и в сегодняшней России ориентированы прежде всего на частную выгоду, а не на благо «державы». Соборности как реально доминирующей, «естественной», изначально и вечно присущей России общественной скрепы не было и нет.

Есть другое – есть реальное материальное основание этой превратной формы общественного сознания. И это основание состоит в названных выше особенностях ряда значимых для российской истории форм социально-политической организации (напомним – централизация социальной и политической власти, размытость социально-классовой структуры и т.п.), которые оставили значимый след в общественном сознании и воспроизводятся ныне.

В чем разница между тезисом о соборности как (1) атрибуте России или (2) превратной форме общественного сознания?

Отнюдь не в том, что в первом случае она признается как реальность, а во втором нет. И в первом, и во втором случае она признается как реальность.

Различия в ином.

Первые определяют ее как один из «естественных», вечных, самой *русскостью* данных атрибутов России и россиян. Вторые (и авторы в том числе) считают этот феномен реальным, но только как превратная форма сознания, господствующая в некоторых сферах духовного производства в определенные периоды времени, и типичная не для России вообще и навсегда, а лишь для определенного типа общественного сознания некоторых россиян...

Первые вполне логично из этого выводят необходимость развития этого начала как одного из главных и извечных средств «сосредоточения» (Ю.М. Осипов) России. Вторые требуют конкретно-исторического анализа тех оснований, которые скрыты за формой «соборности» и доказывают, что скрыто за ней фундаментальное противоречие реакционно-консервативных форм авторитаризма, личной зависимости и т.п., с одной стороны, и прогрессивных форм свободной ассоциации – с другой.

Первые постулируют соборность как атрибут российской цивилизации, предлагая науке ограничиться набором позитивных аксиом, позаимствованных из работ авторитетов (едва ли не в первую очередь – религиозных). Вторые выводят действительные основания этой превратной формы на основе социоисторического исследования противоречий социопро странственного и социовременного бытия нашего Отечества...

Перечень различий можно продолжить.

Точно так же можно показать различия в трактовке других «атрибутов» того, что принято называть «русской цивилизацией» – державности, духовности и т.п.

Так есть ли особенности у русского социума?

Есть. Но если искать их как сугубо позитивные инварианты, реально, в практике присущие большинству всех основных социальных групп россиян на всех этапах развития нашей страны, то они окажутся довольно слабо выражены. Формально общих (построенных на основе поиска *одинаковых* черт) особенностей, присущих всем россиянам, мало и они не слишком значительны.

В противоположность этому, выявляемая на основе марксистского социофилософского анализа действительная *диалектическая, конкретная, противоречивая всеобщность русского социума, отличающая его от других, есть, и она значима*. Это специфика его социовременного и социопро странственного бытия. Выразить эту специфику можно не через некий набор внешне наблюдаемых черт, а исключительно при помощи построения целостной системы противоречий, отражающих

историческую и пространственную эволюцию нашего социума во всей их конкретности.

Эта задача пока еще никем даже близко не решена (выше были показаны лишь семь признаков, которые можно использовать как отправные точки дальнейшего марксистского – по своей методолого-категориальной основе – исследования)...

Сторонники цивилизационного подхода не хотят и не могут применять названную методологию.

Марксисты – и это наша вина, а не только беда – оставили эту проблематику в стороне.

В результате общественное сознание и общественная наука России вертятся в замкнутом круге спора «русофилов», постулирующих цивилизационные инварианты России, и «западников», отрицающих их наличие. Одни возвеличивают формы, не желая замечать их превратность, а другие, «нутром чуя» превратность этих форм, пытаются объявить их несуществующими, а заодно и на практике изничтожить все особенности нашей Родины, причем не только мнимые, но и реальные, не только патриархально-реакционные, но и прогрессивные, приведя нас всех к торжеству «глобального человечейника» (А. Зиновьев).

Внешне парадоксально, но по сути глубоко закономерно, что в противостоянии этому аннигилированию (хотя и только в этом!) авторы солидарны с русофилами. Но предлагают совершенно иную, по сути – прямо противоположную русофильской – альтернативу поглощению нашей страны неолиберальной глобализацией.

«Проект Россия»: особенности российского социума
как фактор выработки стратегии будущего
(вместо заключения к постскриптуму)

В качестве постскриптума несколько слов *об исторической перспективе.*

Начнем с того, что вновь подчеркнем свое согласие со славянофильскими критиками процесса «оглобления» нашей Родины и нивелирования ее специфики. Тем более мы согласны с имеющейся у них критикой ужасов капитализма 1990-х и 2000-х годов в нашей стране, с тезисом о разрушении национальной культуры и российских народных традиций и т.д.

Но и здесь есть нюансы. Эти ужасы не есть нечто, характерное исключительно для России. То же самое можно сказать практически о любой стране, по которой сегодня катится молох капиталистической глобализации. Он в любой стране (особенно – в слабо- и среднеразвитой) ударяет по национальной культуре, по традиционным ценностям, по духовному развитию, по возможностям перехода к высоким технологиям, по социальной справедливости. Посему вся та критика, которая адресована сегодня к «оглоблению» России, один к одному воспроизводится

многими латиноамериканскими коллегами, в частности нашими друзьями из Венесуэлы. А ведь там нет и не может быть «российской специфики».

(В скобках заметим: Чавес вырос совершенно независимо от русского социума и не очень хорошо знаком с нашей культурой. Тем не менее его аргументация на 90 % сходна с аргументацией русофилов. Только он апеллирует к строительству социализма, адекватного специфическому духу Латинской Америки и национальным особенностям Венесуэлы, а славянофилы – России.)

Апеллировать к некоему муссируемому славянофилами инвариантному «русскому духу» проще. Это очень хорошо ловится общественным сознанием. Но это не означает, что эта апелляция истинна. Поэтому, соглашаясь в описании критических проблем нашего Отечества, мы не согласимся с методологией поиска и трактовкой содержания причин и путей решения наших проблем. Поиск стратегий будущего в рамках той парадигмы, из которой исходят наши оппоненты – парадигмы сохранения-восстановления-развития особенностей российской цивилизации, – оказывается так или иначе ориентирован на ностальгию по тем скрепам, которые (частично – в представлениях державников, отчасти – в реальности) были характерны для Российской империи и советского общества.

В той мере, в которой Российская империя была некапиталистической, и в ней были элементы действительного развития подлинной культуры, эти ориентиры, конечно же, интересны и важны. В той мере, в которой в Советском Союзе были высокие образовательные, научные, технологические, социальные и иные достижения, безусловно, мы можем и должны на это опираться. Но не очень понятно, при чем здесь российская цивилизация? Если же мы эти «скрепы» будем искать в державной централизации и подавлении социального творчества, то наш проект окажется уже не просто консервативным, но реакционным.

Альтернативный взгляд на проблему поиска стратегии будущего выдвинет на первый план иные задачи: снятия не только рыночно-капиталистического, но и державно-бюрократического отчуждения, опоры на подлинную культуру *всего* мира – Шекспира, Толстого, Гомера, Маркеса и т.д., в отличие от Жан-Клода Ван Дамма, «Дома-2», русского тюремного «шансона» и другого ширпотреба. Чем наш «Дом-2» отличается от их «Дома-2» мы не знаем. А вот Толстой отличается от Шекспира, Маркеса и т.п. принципиально, но они составляют в этом многообразии совершенно другое поле – диалектически единое поле подлинной культуры, на приоритетное развитие которой должна опираться стратегия будущего России (хотя не только России). Поэтому нам надо развивать не русскую культуру, а Культуру (в том числе – российскую, советскую и т.п.). Не советскую модель технологического развития, а постиндустриальные эко-социо-гуманитарно-ориентированные технологии двадцать первого века, используя (в том числе) достижения СССР. Не соборного человека, а свободно и гармонично развивающуюся личность,

которая наследует достижения не только русской и советской, но и европейской, и арабской и т.п. Культуры, в центре которых лежит диалог равноправных, но при этом принципиально различных Индивидуальностей.

Кстати, если мы посмотрим на советскую модель человека, то она будет опираться скорее на ренессансные идеи, чем на идеи кого-либо из русофилов¹...

Вот почему стратегия развития России состоит не в том, чтобы отделиться от других и навязать или просто сохранить свою специфику. Это тупиковые пути. Они предполагают, что нас ждет или замкнутость и отсталость, или угроза превратиться в часть упомянутого выше «глобального человеиника».

Альтернатива в другом.

СССР многие считают закрытой системой, которая если чем и была известна, так это своим ВПК. Позволим себе с этим не согласиться. Да, у нас были одни из самых мощных в мире термоядерные ракеты и подводные лодки, танки и самолеты. Но *главное, в чем СССР был открыт миру, – это в своей культурной «экспансии»*. В результате в эпоху максимального развития науки и культуры в Советском Союзе (конец 1950-х – начало 1960-х годов) *СССР был мировым культурным лидером*, потому что поймал ту новую мировую идею, которую ни одна другая страна так развернуть не могла – идею приоритета Человека, науки, искусства.

(Напомним, тогда основным лозунгом компартии был: «Все во имя человека, все для блага человека»; практика его воплощения была во многом уродливой, но для мира он был связан не с закрытыми распределителями и кукурузоманией, а с советскими наукой, образованием, искусством, прорывами в космос...)

Вот почему – позволим себе более чем спорный тезис – единственное будущее России как автора нового мирового проекта состоит в том, чтобы найти новую *интернациональную, мировую идею*, которую мы,

¹ Заметим в этой связи: едва ли не общепринятое утверждение, что «Моральный кодекс строителя коммунизма» списан с библейских заповедей, при сколько-нибудь внимательном сравнении не выдерживает никакой критики. Большая часть библейских заповедей (те четыре из десяти, где говорится о человеке как рабе бога, заповеди, утверждающие неприкосновенность частной собственности и т.п.) в документе КПСС отсутствует, причем по принципиальным соображениям. В то же время в Кодексе строителя коммунизма есть нравственные нормы, которых, по опять же принципиальным соображениям, нет и не могло быть в Библии (солидарность, товарищеская взаимопомощь, равноправие наций и народов, мужчины и женщины). Все это делает документ КПСС в гораздо большей степени наследником антирелигиозных традиций Ренессанса и Просвещения, нежели Библии (или Корана). Общность этих нравственных кодексов сводится всего лишь к нескольким очень общим императивам человеческого бытия...

при всех своих особенностях (а отчасти и благодаря им), будем дарить людям, получая от них взамен ничуть не меньше...¹

Возможно, мы, продолжатели отечественных традиций, сумеем это делать в чем-то лучше других (а в чем-то хуже). Лучше – в силу как раз тех положительных сторон нашей эволюции, о которых мы писали выше, размышляя о большей, чем у многих народов, открытости россиян социокультурному диалогу, меньшей задавленности социоэкономическими стереотипами и детерминантами и т.п. Хуже – опять же в силу специфики нашей эволюции со всем ее добуржуазным наследием...

И чем более активно и открыто мы будем дарить наши достижения, тем больше мы будем получать взамен и тем больше мы будем цениться в мире, тем больше будет уважение к нам и наше влияние на мировые процессы.

¹ Этот проект авторы разрабатывают в диалоге с нашими коллегами уже не первый год. Разные аспекты этой стратегии были представлены в серии наших публикаций в журналах «Свободная мысль», «Политический класс» и «Альтернативы». Наиболее полная версия представлена в написанных нами частях коллективной монографии «Стратегия опережающего развития – III» (Т. 2, М.: УРСС, 2011) и нашей книги «Мы пойдем другим путем. От «капитализма юрского периода» к России будущего» (М.: Яуза, 2009).

часть 3 Методология
политической экономики:
реактуализация классики

Победное шествие неоклассической экономической теории и превращение математических методов в универсальный и едва ли не единственный метод научных исследований (в экономическом mainstream'e допускается еще «рассказывание историй» как некоторая периферия собственно науки, как не *экономическая* теория, а скорее то, что можно назвать social science) привело, как следствие, к изрядному безразличию ученых, занятых социально-экономическими исследованиями, к проблемам метода. Между тем здесь, на наш взгляд, кроются корни всех основных теоретических и очень многих практических проблем современной экономики, рассматриваемой не как сиюминутная данность, а в исторической ретроспективе. Последовательное использование системно-исторического, диалектического метода позволяет выявить важные аргументы в пользу политико-экономического подхода, ориентированного на исследование причинно-следственных связей в процессах развития объективных экономических отношений, выделения качественных особенностей и историко-теоретических границ отдельных систем, закономерностей их генезиса, развития и прехождения.

Именно этой проблематике и посвящены главным образом тексты данной части. Начать же мы хотели бы с авторской гипотезы возможной структуризации и типологизации экономических систем, без которых невозможно собственно диалектическое исследование экономических феноменов.

глава 1 Экономика как развитие исторически-конкретных экономических систем: структура и «периодическая система» элементов (к вопросу о структуризации и типологизации экономических систем)

В методологии наук XX века системный подход и его применение к исследованию сложных объектов стали общим местом. Зарождающаяся волна постмодернизма (как известно, он отвергает какую-либо «мета-теорию») поставила этот подход под сомнение, но не вытеснила вовсе. Более того, системный метод используют *de facto* даже самые ярые ненавистники диалектики и поклонники сугубо позитивно-дискриптивного подхода и постмодернистской методологии (эти два нетождественных направления, как правило, соединяются весьма эклектичным способом большинством исследователей). И хотя авторы в принципе являются сторонниками применения *диалектико-материалистической логики* (а не просто системного метода), мы в данном тексте хотим обратиться к проблеме структуризации и типологизации экономических систем. Эта проблема должна быть решена на стадии, предшествующей диалектическому исследованию (в пределе – построению системы категорий, восходящей от абстрактного к конкретному¹) всяким ученым, претендующим на системное отображение экономической жизни.

Прежде чем начать поиск решения проблем содержания, структуры и типов экономических систем, зафиксируем ряд **методологических предпосылок**, которые в данном тексте постулируются как аксиомы (хотя в действительности их следовало бы доказывать как теоремы). Во-первых, мы будем исходить из того, что экономика есть совокупность взаимодействующих систем. Во-вторых, последние будут раскрыты как системы элементов (групп элементов – подсистем); экономические системы, в свою очередь, могут объединяться в метасистемы. В-третьих, экономические системы ограничены во времени и пространстве. Эти банальности² можно было бы не повторять, но, как выяснится в дальней-

¹ Эта марксистская методология была развита в СССР в 1960–1970-е годы. Авторы в данном случае относят себя к ученикам Э.В. Ильенкова и Н.В. Хесина, работы которых мы назвали выше.

² Заметим: подавляющее большинство учебников *economics* не акцентирует того, что экономика – это совокупность локализованных во времени и →

шем, они будут «работать» на обоснование ряда предлагаемых нами гипотез.

Кроме того, сразу же оговорим, что вынесенные в заголовок слова «периодическая система» неслучайно взяты в кавычки: мы в качестве *гипотезы* хотим предложить не более чем вариант типологизации экономических систем и, соответственно, их элементов, показав определенные закономерности их эволюции. В результате, как будет показано ниже, просматривается возможность построения (в качестве научной абстракции) определенной системы элементов экономической жизни и их групп (систем), т.е. построения своего рода «системы систем», напоминающей (но не более того!) по некоторым своим свойствам периодическую систему химических элементов Д.И. Менделеева. Предлагаемый нами вариант «периодической системы» позволит, на наш взгляд, показать:

- экономическую жизнь как n -мерное социально-экономическое пространство-время, а экономические системы как определенные вектора в этом пространстве-времени, имеющие не более чем n координат (тем самым мы создаем предпосылки для относительно точного определения координат, «адреса» любой системы в социально-экономическом пространстве-времени);

- достаточно универсальную типологизацию «элементов» экономической жизни; под последними мы будем понимать определенное позиционирование (фиксацию) того или иного параметра (стороны, черты) экономической жизни в социально-экономическом пространстве-времени;

- закономерности «складывания» элементов экономической жизни в группы (системы) и эволюции экономических систем; в последнем случае мы постараемся показать некоторую *периодичность* (точнее, спиралевидность) эволюции экономической жизни, когда вместе с ростом производительности общественного труда («атомного веса») определенные типы «элементов» (параметров социально-экономической жизни, таких, например, как отношения координации, присвоения и т.п.) будут менять свою определенность, образуя новые группы элементов (новые экономические системы);

- *прогностические возможности* предлагаемой типологизации, позволяющие с определенной долей вероятности (в социальных процессах она, естественно, всегда ниже, чем в природных) предсказывать определенные свойства новых элементов (групп элементов), уже существующих или складывающихся (или даже существовавших в прошлом, но мало изученных) экономических систем.

Если нам удастся ниже решить эти задачи, то мы получим, повторим, на выходе исследования результат, в котором *будут просматриваться некоторые аналогии – но не более чем аналогии!* – с системой Д.И. Мен-

← пространстве систем, часто даже не дает определения экономической системы.

делева. При этом, естественно, характерная для социальных процессов гораздо большая вариативность и многообразие путей эволюции сделает наш социально-экономический аналог таблицы Менделеева гораздо менее строгим, определенным, с одной стороны, гораздо более сложным – с другой. Но довольно предисловий.

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Поиск определенности экономической системы мы начнем несколько необычным путем: обратившись к *практике радикальных изменений экономической жизни*, которая с достаточной самоочевидностью продемонстрирует, что является экономической системой, какова ее структура и как эти представления сопрягаются с основными школами экономической теории. Достаточно очевидно, что один из наиболее радикальных сдвигов в экономической жизни наблюдается нами в «пост-социалистическом» пространстве. То, что здесь осуществляется переход от одной экономики («плановой», «социалистической» – не будем сейчас заострять внимание на ее квалификации) к другой («рыночной», «капиталистической» или, по мнению авторов, мутация позднего капитализма [полу]периферийного типа¹) признается сторонниками практически всех школ – от либералов до марксистов.

Более того, практик все они признают, что эти трансформации означают уход в прошлое ключевых параметров прежней экономики и рождение новых. Следовательно, приняв в первом приближении (а оно соответствует господствующим ныне представлениям – посмотрите хотя бы на любой учебник по компаративистике) тезис – происходящие в «пост-социалистическом» пространстве изменения есть переход от одного типа экономической системы² к другой – мы можем сделать следующий теоретический вывод: структура того, что умирает и рождается, и укажет с наибольшей очевидностью на структуру экономической системы.

Подчеркнем: в условиях стабильно функционирующей зрелой экономики, где все ее звенья соединены сложной системой прямых и обратных связей, выделение основных элементов структуры крайне затруднено. В период же ломки эти параметры обнажаются предельно четко.

Так что же именно подлежало «демонтажу» в старой системе?

¹ Авторы высказали свое мнение по этому поводу в ряде публикаций, в частности, в журнале «Вопросы экономики» (см.: Бузгалин А. Мутантный капитализм как продукт полураспада мутантного социализма // Вопросы экономики. 2000. № 6), а также в книге «Политэкономия провала: природа и последствия рыночных «реформ» в России» (Под ред. А.И. Колганова. М., 2013).

² С учетом социопространственных вариаций следовало бы сказать – систем.

Возьмем в качестве основы логику радикальных либерал-реформаторов¹. Они выдвинули (и частично реализовали) лозунги либерализации, приватизации и стабилизации, т.е. перехода от плана к рынку, от государственной к частной собственности, от «экономики дефицита» к спросоограниченной саморегулирующейся системе.

На методологическом языке это означало изменение способа (формы) координации (формы связи производителей и потребителей), отношений собственности (способа присвоения/отчуждения в отношениях работников и собственников), типа воспроизводства. Если принять во внимание, что вскоре выяснилась и необходимость создания (в качестве основы рыночной экономики) новой технико-производственной структуры, с одной стороны, и (в качестве адекватной формы рынка) новой институционально-правовой² и политической (либералы требовали и ухода от авторитаризма как условия реформ) систем – с другой, то...

То мы получаем достаточно явственную, радикальным сломом обнаженную, *структуру экономической системы*. В основе – определенная технико-производственная структура; в центре – форма координации, отношения собственности (способ присвоения/отчуждения) и воспроизводства; в качестве оформления – институционально-правовая и политическая системы.

Подчеркнем: эта структура экономической системы построена нами как отражение *практики* и теории *либеральных реформ*, проводимым по рецептам Сакса и К^о, т.е. теоретиков и практиков, крайне далеких от марксизма. Но что мы получили?

«Открыл велосипед», мы получили упрощенную модель экономической системы как взаимообусловленной связи определенных технологических структур (производительных сил) и социально-экономических связей (производственных отношений). Но получили мы этот вывод не в результате провозглашения «вечной правоты марксизма», а на основе (повторим вновь) практики и теории либеральных реформ, которые подсказали нам основные элементы всякой экономической системы. Именно для такого вывода мы и стали «городить огород» с анализом трансформаций.

¹ Едва ли не общеизвестно, что право-либеральные авторы реформ (в России – прежде всего Егор Гайдар; из западных советников особенно известны Джеффри Сакс, Эндрю Уорнер, Андерс Аслунд, Джонатан Хэй и др.) настаивали на необходимости проведения именно либерализации, приватизации и стабилизации (см.: Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия. М.: Экономика, 1994. С. 25–27; Aslund A. How Russia Became a Market Economy. Brookings, 1995). Андерс Аслунд до сих пор призывает к либерализации экономик России и Восточной Европы, несмотря на очевидное банкротство применявшихся рецептов.

² Мы пока оставим в стороне анализ институтов.

Отчасти подобные же выводы мы можем получить, апеллируя к сравнительному анализу различных теоретических школ, так или иначе описывающих экономические системы. Применив и здесь диалектический историко-логический метод, мы можем выделить:

- в рамках классической политической экономии – проблемы природы стоимости как основы рынка (субстанции определенного способа координации); капитала, зарплаты и прибыли (характерного для буржуазной экономики способа взаимосвязи работника и собственника ресурсов, отношений по поводу производства и распределения дохода);

- в марксизме – «достраивание» этой модели до развернутой структуры производительных сил и производственных отношений;

- в рамках *mainstream'a* – иной подход к определению все тех же параметров: способа координации (предельная полезность), взаимодействия работника и собственника, способа получения дохода (теории факторов производства, предельной производительности) и, главное, акцент на позитивном описании связей и взаимодействий в механизме функционирования одного типа экономических систем, а именно – рыночных (при господстве несовершенной конкуренции), регулируемых, социально ограниченных экономик;

- институционализм и неинституционализм рассматривают опять же способы координации («рыночная» и «плановая» системы у Гэлбрейта¹, транзакции у Коуза² и т. п.), отношения собственности и власти (теория прав собственности – типичный пример), социальной структуры, ими порождаемой и т.п., но под определенным (естественно, институциональным) углом зрения;

- теоретики индустриального, постиндустриального, информационного и т. п. общества в качестве основы типологизации и структуризации систем рассмотрят технологические уклады...

Не продолжая далее перечень, можно предположить, что своего рода равнодействующей этих теорий, как и в отмеченном выше примере с трансформациями, является выделение технологических укладов (и, шире, производительных сил) в качестве основы экономической системы, способов координации, отношений собственности (присвоения, отчуждения) и распределения дохода, механизмов воспроизводства и функционирования в качестве основных блоков ее структуры, институтов как оформления экономической жизни.

Все это опять-таки похоже на известную модель способа производства, что закономерно провоцирует вопрос: так что же, старая идея един-

¹ См.: Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976.

² Coase R. The Nature of the Firm // *Economica*, 1937, November, P. 386–405; Коуз Р. Фирма, рынок и право / Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Дело ЛТД, 1993.

ства производительных сил и производственных отношений и есть вся тайна «периодической системы элементов» экономики?

Отнюдь. Мы лишь начинаем наше исследование, задача которого – представить экономику как n -мерное пространство-время¹, а экономическую систему – как вектор в этом пространстве-времени, имеющий n координат.

Такой подход, на наш взгляд, позволит, во-первых, проводить сравнительное исследование экономических систем. Во-вторых, вывести определенные закономерности эволюции глобальной экономики в этом пространстве-времени. В-третьих, формулировать на этой основе предпосылки для диалектического, основанного на восхождении от абстрактного к конкретному, построения систем категорий и законов – теоретических моделей экономических систем².

Последнюю задачу мы оставим в стороне и постараемся определить систему координат n -мерного социально-экономического пространства-времени и тем самым всякой «живущей» в них экономической системы-вектора. Результатом этих размышлений станет и определение того, что есть такая система и каковы ее параметры (структура). Совокупность качественных и количественных параметров по каждой из этих «шкал» (координат n -мерного пространства-времени) и будет определять конкретную систему (см. схему 1).

схема 1

элементы					
системы	производственно-техническая основа (технологические уклады и т.п.)	способ координации	отношения присвоения/отчуждения (собственности)	способ распределения дохода и другие социальные параметры	тип воспроизводства
	1				
2					
3					
4					
5					

¹ Понятие социально-экономического пространства-времени раскрыто нами в упомянутой работе «Введение в компаративистику» (М., 1997) (см. также дополненное издание: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономическая компаративистика: Сравнительный анализ экономических систем. М.: ИНФРА-М, 2005).

² Эта гипотеза была впервые представлена авторами в форме докладов на ряде конференций в МГУ (1995–1996 гг.) и позже – в учебном пособии «Введение в компаративистику» (М., 1997).

«ПЕРИОДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА»
ПАРАМЕТРОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ:
ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА.
«ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЗАКОН»

С целью прояснения нашей гипотезы построим предельно простую модель¹ социально-экономического пространства-времени, опуская деление на технико-экономические и социально-экономические метасистемы и сведя число параметров к 5 ($n = 5$):

- а) технологические уклады
- б) способ координации
- в) собственность
- г) способ распределения дохода и др. социальные параметры
- д) воспроизводство.

Теперь, условно обозначив параметр «технологические уклады» как параметр **(а)**, мы можем сказать, что он варьирует по достаточно сложной шкале, опять же упрощенно отображаемой шестью укладами: (1) доиндустриальный, (2) переходный к индустриальному (раннеиндустриальный), (3) индустриальный и (4) позднейиндустриальный, (5)–(6) постиндустриальные. Обозначив параметр «способ координации» как **(б)**, мы фиксируем, что он варьирует (мы вновь очень огрубляем проблему) по шкале (1) натуральное хозяйство, (2) генезис национальных рынков, (3) всеобщий рынок (рыночное хозяйство с господством свободной конкуренции), (4) регулируемый рынок с несовершенной конкуренцией, (5)–(6) генезис и развитие рыночных механизмов координации. Соответственно, параметр «присвоение/отчуждение (собственность)» **(в)** будет варьировать от состояния (1) личной зависимости (внеэкономическое отчуждение) к (2) генезису формального подчинения труда капиталу (вещной зависимости), (3) реальному подчинению труда капиталу (господство отношения «наемный труд – капитал» на базе частно-капиталистического присвоения), (4) социализации капитала при господстве финансового капитала и (5)–(6) – посткапиталистическим отношениям присвоения.

Не рассматривая далее содержательно эволюцию параметра **(г)** *распределение дохода* и **(д)** *воспроизводство*, мы можем показать как, даже при такой чудовищно примитивной модели, будет выглядеть та или иная система.

Так, классическая капиталистическая экономическая система может быть представлена как вектор, который по параметрам **(а)** – **(д)** имеет значения (3, 3, 3, 3, 3). Еще раз подчеркнем: выше для прояснения модели был использован исключительно упрощенный пример, далекий от конкретных реалий.

¹ Ее более сложный вид построен для переходных экономик в названной выше нашей работе «Введение в компаративистику».

Для того чтобы перейти к более сложному виду нашей схемы, мы должны принять во внимание не только стабильные, но и переходные экономические системы. Кроме того, ниже при построении нашей схемы мы будем исходить из простейшей исторической периодизации, поставив в центр наиболее изученную индустриальную рыночную капиталистическую систему и показав возможный вид добуржуазной и гипотетической постбуржуазной экономики. Наконец, в схеме будут выделены и мутантные экономические системы, обоснование чему будет дано ниже.

С учетом сказанного мы должны будем несколько усложнить и стадии развития каждого из параметров, выделив не три, а шесть (включая периоды «заката систем» и переходные состояния). Сказанное позволяет предложить **более сложный** и, соответственно, более интересный для развития нашей гипотезы, **вид «системы экономических систем»**, в котором, однако, мы сократим до четырех круг параметров (опустив параметр «распределение дохода...») с тем, чтобы сделать схему сколько-нибудь восприимчивой (см. схему 2).

В качестве комментариев к предлагаемой схеме заметим следующее.

Во-первых, как было показано выше, мы исходим из того, что в своем развитии все основные параметры экономических систем («измерения» социально-экономического пространства-времени) развиваются по определенным законам, когда на смену аграрному, натуральному, основанному на внеэкономическом принуждении хозяйству раньше или позже приходит индустриальная, рыночная, основанная на власти капитала экономика, которая постепенно видоизменяется по мере генезиса поздней и постиндустриальных технологий, развития механизмов сознательного регулирования рынка, социализации капитала и т.д. Соответственно, сильно упрощая диалектику развития, мы выделили ниже несколько фаз в развитии основных блоков экономических систем (уровней значений параметров; условно – от [1] до [6]).

Безусловно, самый главный вопрос, который здесь возникает, это наличие самого прогресса. Общеизвестны аргументы критиков и сторонников идеи прогрессивного развития социально-экономических систем, равно как и споры о его критериях. Авторы в данном случае могут лишь ограничиться отсылкой к современному марксизму, где показана возможность использования *этапов историко-генетического развертывания взаимосвязанных систем производительных сил и производственных отношений (и стадий развития производительной силы Человека как критерия выделения этих этапов) как основы для структуризации экономических систем*¹.

¹ Эти проблемы мы кратко прокомментировали в первой части этого тома, где указали и на соответствующие работы наших российских и зарубежных коллег.

схема 2

элементы системы	господствующий технологич. уклад	способ координации	присвоение/отчуждение (собственность)	воспроизводство
добуржуазные	(1) доиндустриальный	(1) натуральное хозяйство, насилие	(1) внеэкономическая (личная) зависимость	(1) природный (азиатский и т.п.) цикл
переходные	(2) индустриализация	(2) генезис национальных рынков	(2) генезис вещн. зависимости (формальное подчинение труда капиталу)	(2) первоначальное накопление капитала
буржуазные	(3) индустриальный	(3) всеобщий рынок	(3) вещная зависимость (реальное подчиненаёмного труда капиталу)	(3) бизнес-цикл
поздне-буржуазные	(4)–(5) поздне-инд. (фордизм), генезис постинд.	(4) регулируемый рынок с несовершенной конкуренцией	(4) «социализация» капитала, господство финансового капитала	(4) государственное регулирование цикла
мутантно-социалистические	(1)–(4)	(1), (5M), (2) бюрократическое регулирование с элементами натурального хозяйства и рынка	(1), (5M) мутации свободного труда, государственно-капиталистическое и внеэкономическое принуждение	(1), (5M) «экономика дефицита» с элементами нат. хоз. замкнутости
переходные от мутантного социализма к капитализму	(1)–(3) деиндустриализация	(1), (4M) мутации рынка с элементами натурального хозяйства	(1), (3M) мутации капитализма с элементами внеэкономического принуждения	(3M), (5M) мутации бизнес-цикла, пережитки «экономики дефицита»
переходные от капитализма к посткапитализму ¹	(4)–(6) позднестинд.; генезис постинд.	(4)–(5) переход от регулируемого рынка к пострыночному регулированию	(4)–(5) переход от социал. капитализма к формальному освобождению труда	(4)–(5) программируемое устойчивое развитие
Посткапиталистические	(6) Генезис и развитие постинд.	(5)–(6) Пострыночное регулирование	(5)–(6) Переход от формальн. к реальн. освобождению труда	(5)–(6) Переход к ноосферному типу воспроизводства

¹ Курсивом выделены теоретически прогнозируемые на основе продолжения логики развития экономических систем и их технологических основ «чистые» модели возможных в будущем экономических (точнее уже в данном случае – постэкономических) систем.

Эта основа структуризации элементов экономических систем выглядит гораздо менее конкретной и четкой, нежели атомные веса в системе Менделеева, но это неслучайно. Сложность нашего предмета несравненно выше: мы рассматриваем не механические объекты, а развивающиеся социальные процессы. Кстати, и в периодической системе элементов на самом деле в основе структурирования лежит не атомный вес, а достаточно сложная совокупность взаимодействий электронных оболочек и ядер, лишь более-менее наглядно отображаемая атомными весами. Кроме того, выше мы показали, что выделяемые нами параметры структурирования экономических систем эмпирически достоверны: как мы уже писали, крайне далекие от марксизма авторы либеральных реформ в России и других постсоветских экономиках воспроизвели в своей практике предложенную нами теоретическую модель структуры экономической системы (способ координации, собственность, воспроизводство и т.п.), начав осуществлять либерализацию, приватизацию и стабилизацию...

Во-вторых, мы исходим из того, что *между основными параметрами развития экономических систем есть достаточно устойчивая взаимосвязь*. Так, для «классической» аграрной, основанной на ручном труде системы наиболее адекватны натуральное хозяйство и внеэкономическое принуждение (на схеме она по всем измерениям будет иметь значение [1]); для индустриальной экономики – «классический» рынок свободной конкуренции и капитал (на схеме она по всем измерениям будет иметь значение [3]), а для постиндустриальной нужны механизмы государственного регулирования и социализации экономики (на схеме она по всем измерениям будет иметь значения [4]–[5]). Соответственно, можно выделить «классические» типы экономических систем, где достигается «идеально» возможное на данной стадии развития взаимное соответствие элементов, обеспечивающее им максимальные возможности развития (гуманитарного, технологического, экономического и т.п.).

В данном тексте мы не раскрываем и не обосновываем тезис о наличии таких оптимально адекватных друг другу параметров «классических» состояний экономических систем. Однако на практике известно, что именно те экономические системы, где их основные элементы (блоки элементов), технико-производственные основы и институционально-политические формы были взаимoadекватны, как правило, оказывались устойчивыми центрами в рамках каждого из крупных этапов развития человечества (азиатские деспотии, метрополии классического капитализма и т.п.).

Что же касается социумов, продвигавшихся далее достигнутого «стандарта» базовых параметров (таких, например, как Древняя Греция или ренессансная Италия), то ниже мы покажем, что они были «забегающими вперед» (прогрессивными) мутациями «классических» состояний.

В-третьих, мы можем показать определенную *периодичность* в видоизменении элементов экономической жизни, в основе чего (если пользоваться аналогиями из химии) должен лежать некий «периодический

закон...» В рамках предлагаемой нами модели такая периодичность (при всей ее кажущейся неочевидности) на самом деле присутствует, хотя и имеет существенно другую форму, чем в химии. Последнее естественно. Выше мы везде специально оговаривали: «периодическая система» в экономике и в химии имеют лишь некоторые, весьма ограниченные, но любопытные, подталкивающие к новым содержательным выводам аналогии.

Итак, *в рамках экономической формации всякая система* (рассматриваемая как научная абстракция) *включает повторяющийся круг параметров* (элементов, измерений социально-экономического пространства). Собственно, повторим, «элемент» экономической системы нами и был определен как фиксация (это, естественно, не более чем научная абстракция сложной и текучей экономической жизни) в социально-экономическом пространстве-времени. Эти элементы в реальной экономической жизни (и в теории, ее отражающей) обладают своего рода «избирательным сродством» (и это уже категории не столько химии, сколько «Науки логики» Гегеля, замечательно затем обыгранные в романе Гёте) и вследствие «взаимного притяжения» (взаимоадекватности их социально-экономических свойств) соединяются в определенные группы (системы). Каждая из таких систем, естественно, не просто состоит из группы элементов, но и имеет системное качество. При этом определенные координаты социально-экономического пространства-времени (они были описаны нами выше и включают способ координации, отношения присвоения/отчуждения и т.п.) задают определенные виды элементов. По аналогии с химией мы можем сказать, что подобно тому как в этой сфере существуют, например, определенные виды газов или металлов, в экономике существуют определенные *исторические* типы элементов. В экономике это элементы, обладающие не формально-общей чертой, а реальным историческим единством («избирательное сродство»), как, например, доиндустриальное производство, натуральное хозяйство, присвоение, основанное на личной зависимости, соответствующие им типы воспроизводства, распределения доходов, институтов и т.п.

Развертывание полного ряда таких взаимоадекватных элементов и дает экономическую систему. Когда по мере социально-экономического прогресса система достигает своей целостности (вбирает все необходимые элементы), то дальнейшее развитие, в частности рост производительной силы («увеличение атомного веса»), ведет к генезису новых элементов, но обладающих уже другими свойствами, объединяющихся (опять же на основе «избирательного сродства») в новый вид – новую экономическую систему (в приведенном выше примере это будет переход к индустриальному производству, всеобщности рынка, господству капитала и т.п.).

Итак, развертывание полного ряда взаимоадекватных элементов приводит к образованию экономической системы, которая, по мере прогресса, сменяется новым рядом развертывающихся элементов, и так далее, что и обеспечивает *периодическую смену экономических систем*

(групп элементов экономической жизни, как бы «повторяющих», но на новом уровне, все ту же структуру – способ координации, отношения присвоения и т.п.¹) Естественно, эта смена систем будет идти в реальной истории долго и противоречиво, включая образование переходных состояний, прогрессивные и регрессивные мутации и т.п. – но об этом ниже².

Следовательно, рассматривая абстрактную модель развития экономических систем (мы говорим в данном случае прежде всего о логике генезиса и развития элементов), можно зафиксировать определенную периодичность: возникновение некоторого способа координации (например, натурального хозяйства) оказывается взаимосвязано с развитием внеэкономического присвоения (отчуждения), рентного распределения дохода и «кругового» экстенсивного воспроизводства; пройдя этот круг, экономика поднимается на новый уровень, по спирали (периодически), диалектически, «повторяя» те же параметры экономической жизни (способ координации, присвоение/отчуждение и т.п.), но на новом уровне: генезис рынка как формы товарных отношений, капитала и наемного труда, прибыли и зарплаты, бизнес-цикла и т.д.

При этом взаимосвязь элементов в таблице просматривается как «по горизонтали» (в рамках каждой исторически определенной социально-экономической системы взаимoadекватны способ координации, отношения присвоения, распределения и т.п.), так и «по вертикали» (существует историко-логическая субординация способов координации – натуральное хозяйство, рынок, пострыночные механизмы, типов присвоения/отчуждения – внеэкономический, основанный на капитале, посткапиталистический и т.п.).

Тем самым мы, в качестве гипотезы, можем выделить **«периодический закон» развития экономических систем:**

• *социально-экономическое развитие является совокупностью периодически сменяющих друг друга экономических систем;*

¹ Здесь требуется существенная оговорка: экономические системы мы рассматриваем как подсистемы экономической общественной формации, которая в своем историческом развитии существенно усложняется, прогрессируя от первоначального синкретичного единства (сращенности) различных экономических отношений в относительно простом механизме экономической жизни общины и вплоть до многосложной структуры современной глобальной экономики. Вспомним, что мы говорили об n -мерном социально-экономическом пространстве, можно показать, что число n (многообразие параметров, измерений экономической жизни) растет по мере прогресса общественной экономической формации.

² Подчеркнем: аналогия с периодическим законом Д.И. Менделеева здесь далеко не полная, и прежде всего потому, что экономика – это совокупность исторически развивающихся систем, а не «рядоположенных» видов элементов; отсюда иной принцип объединения элементов в системы (не «похожесть» свойств, а реальное содержательное историческое единство, «избирательное сродство» элементов) и иной вариант периодичности.

- оно проходит через периодически повторяющиеся (по спирали, с обретением нового качества) этапы (генезиса, классического состояния, «заката», включая переходные состояния, мутации и т.п.);

- каждая система включает определенные структурные (опять же периодически повторяющиеся с обретением нового качества на каждом витке спирали) элементы (параметры), а именно: способ координации, отношения собственности, воспроизводства и т.п.;

- последние взаимосвязаны между собой (1) внутри каждой из систем (например, натуральное хозяйство и личная зависимость, опирающиеся на доиндустриальный технологический базис) и (2) как этапы развития определенного параметра (например, натуральное хозяйство, рынок и т.п. как этапы историко-логического развития такого параметра, как способ координации).

В-четвертых, предлагаемая модель «периодической системы» позволяет выделить, как мы отметили выше (пообещав в дальнейшем раскрыть этот тезис), не только относительно «чистые», «классические» типы систем с взаимoadекватностью всех основных элементов (они будут иметь одинаковые по всем параметрам, «измерениям» уровни развития и, соответственно, в нашей условной схеме одинаковые значения; например, как мы уже писали, для классического индустриального капитализма это будет совокупность «троек»), но и отклонения от этого «чистого» вида. Такие отклонения мы будем называть «мутациями» *экономического развития* и, соответственно, мы сможем выделить «**мутантные экономические системы**». Скажем, отклонение одного-двух из параметров от господствующих на 1 и более пунктов (доиндустриальный базис рынка и капитала, например), скорее всего, приведет к вырождению, мутированию последних. Также переходным, неустойчивым, мутантным, скорее всего, окажется социум с массовым использованием наемного труда на базе ручной техники и натурально-латифундистского хозяйства – такие мутации возникали, например, в Древнем Египте.

Гипотеза мутаций экономических систем в силу ее принципиальной значимости требует особых комментариев (собственно возможность выделения относительно «чистых» и «мутантных» типов экономик является одним из наиболее любопытных следствий предлагаемой гипотезы «периодической системы элементов» в экономике).

Начнем с простейшего следствия предложенной гипотезы мутаций: последние могут быть как прогрессивными, так и регрессивными.

В первом случае – *прогрессивных мутаций* – речь может идти о своеобразном «забегании вперед» некоторых компонентов системы по отношению к господствующему состоянию социально-экономического пространства-времени (например, характерные для ренессансной Италии попытки развития рынка и капитала в доиндустриальной и в целом позднефеодальной Европе, или даже в Древней Греции периода Перикла). Эти

попытки «забегания вперед», как правило, приводят к видоизменению (мутированию) «чрезмерно прогрессивных» элементов, их вырождению, что, как правило, оказывается связано с весьма негативными последствиями следующего затем (по принципу «маятника») регресса (реставрация феодализма и расчленение Италии, порабощение и кризис античных полисов и т.п.). Однако эти «прорывы» в будущее при всех их возможных негативных последствиях очень многое дают человечеству (не будем утомлять читателя перечнем достижений Ренессанса или Античности), особенно в том, что касается формирования культурной модели будущего (например, модели демократии и рыночной экономики в наших примерах).

По-видимому, можно предположить, что и попытки прорыва к посткапиталистической экономике и обществу, предпринятые в СССР и других странах «Мировой социалистической системы», могут быть расценены как своего рода мутации социалистического строительства¹ (а что до ГУЛАГов, то и Италия XIV–XVI веков была пространством самой чудовищной инквизиции и постоянных гражданских и междоусобных войн).

Соответственно, противоположный вариант – *регрессивные мутации* – оказывается связан с консервацией отсталых (по отношению к достигнутому уровню экономического развития) экономических отношений (пример – сохранение позднефеодальных отношений в России вплоть до середины XIX века, а их пережитков – еще и в XX в. и, как следствие, формирование «военно-феодального империализма» – крайне противоречивой, неустойчивой, «мутантной» системы, неслучайно ставшей родиной Октябрьской революции).

В-пятых, мы должны задать себе и самый сложный вопрос: можно ли реализовать **прогностическую функцию периодической системы**, или хотя бы лучше упорядочить с ее помощью прошлое?

На последний вопрос мы выше постарались дать положительный ответ, показав способ систематизации и даже некоторой формализации структуры экономических систем (характерные для определенного уровня развития основных параметров «классические» и переходные состояния, а также прогрессивные и регрессивные мутации разных видов этих систем).

Предложенная выше методология позволяет также предположить, какими свойствами должны обладать некоторые плохо изученные экономические системы прошлого. Для этого мы сможем воспользоваться определенной «канвой» (представлениями о структуре элементов), по-

¹ Под мутантным социализмом нами понимается тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от капитализма к коммунизму; это общественная система, выходящая за рамки капитализма, но не образующая устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к коммунизму. Подробнее об этом см. в указанной выше нашей книге «10 мифов об СССР» (М., 2010; 2-е издание – М., 2012).

ставив достаточно детальную систему вопросов: как был устроен способ координации, отношения собственности, распределения дохода и т.п.

Ответив на них, можно сделать следующий шаг и использовать методологию выделения классических состояний и прогрессивных и регрессивных мутаций экономических систем. Исходя из сравнения реальных ее черт с ожидаемыми свойствами ее элементов, можно предположить, к какому классу (типу) относится та или иная конкретная историческая система¹. При этом, естественно, мы должны сверять теорию с практикой на каждом шагу, при каждом несоответствии задавая себе вопросы, где ошибка: то ли теорию (периодическую систему) надо уточнять, то ли (напомним, таблица Менделеева позволяла корректировать неправильно определенные атомные веса элементов) историки не выяснили всех фактов или неверно их интерпретировали (например, в случае с «реальным социализмом»: теоретически в СССР мы должны были бы иметь мутант ранней посткапиталистической системы, а официальная историческая наука нам показывала «чистые» формы развитого социализма и строительства коммунизма).

Продолжая наши комментарии, заметим, что предлагаемая система позволяет более строго определить и место «реального социализма». Как уже было замечено, предлагаемая нами модель позволяет его квалифицировать как опережающую мутацию некоторой, пока еще не известной, но прогнозируемой посткапиталистической и даже шире – постэкономической системы, а также, во-вторых, обрисовать контуры ее основных параметров. Подобно тому как Менделеев сумел предсказать появление новых элементов с определенными атомными весами и некоторыми прогнозируемыми свойствами, мы (продолжая марксистскую традицию) можем предсказать, что классический вид следующей [пост]-экономической системы будет иметь следующие параметры.

Уровень развития производительной силы человека в этой системе (ее «атомный вес») будет характеризоваться доминированием творческой деятельности (это ключевая черта труда в постиндустриальной макротехнологической системе), пострыночный способ координации должен быть адекватен распределению такой деятельности по «отраслям» креатосферы (сферы со-творчества), человек в этой системе должен быть не-

¹ Так, предположим, что мы не знаем какой-либо конкретной системы, но имеем информацию о некоторых ее чертах: развивается как периферийная, базируется преимущественно на ручном труде, но исторически принадлежит к эпохе индустриализации. В этом случае мы можем предположить, что это регрессивная мутация «поздней» добуржуазной экономики, в которой господствует натуральное хозяйство, дополняемое «верхушечным» развитием рынка, внеэкономическое присвоение включает элементы наемного труда, развитие допотопных форм капитала существенно ограничено типом воспроизводства и институтами поздней добуржуазной экономики.

отчужден от культурных благ как «средств производства» творческого процесса, ценности и мотивации будут связаны с самореализацией и развитием личности. Рождение таких параметров – уже не область футурологии, но реальные тенденции, развивающиеся в недрах позднего (естественно-мутирующего – в нашей терминологии) капитализма, о чем мы уже неоднократно упоминали.

При этом, однако, всегда следует помнить, что общество (частью которого является та или иная экономическая система) – это образование качественно более сложное, нежели элементы и вещества, и здесь всякая теоретическая схема (будь то модель лечения экономики при помощи либеральной шоковой терапии или предлагаемая периодическая система элементов) должна применяться весьма осторожно, как гипотеза, но не догма.

* * *

Завершить размышления по поводу представленной выше модели «периодической системы» хотелось бы некоторой самокритикой, указанием на то, что нам самим кажется *слабыми местами*.

Прежде всего выше элементы систем были очерчены довольно грубо (как если бы Менделеев выделил не химические элементы, а их группы – щелочные металлы, галогены, инертные газы...). Но это, в общем-то, вполне разрешимая и, более того, частично уже решенная авторами проблема: в своей книге по сравнительному анализу переходных экономик мы предложили гораздо более детальную, эмпирически достоверную структуру.

Как мы уже отметили, в этом тексте не прописаны четко (критериально) взаимосвязи элементов – почему один определяет другой: почему купля-продажа рабочей силы порождает промышленный цикл? почему крепостная зависимость порождает ренту? Но, как уже было замечено, мы, во-первых, утверждаем только то, что на основе метода историко-генетического развертывания системы производственных отношений можно построить такое обоснование для каждого из классических типов экономических систем. Кроме того, выделение именно таких типов «классических» состояний различных экономик – не наша заслуга; эта работа (и обоснование правомерности таких выводов) уже проделана в науке. Наконец, мы показываем, что реальные экономические системы в большинстве случаев не только могут, но и должны отклоняться от «классических образцов»¹.

¹ Кстати, именно такой подход, включающий учет всего многообразия факторов, вызывающих отклонения от абстрактной модели способа производства под влиянием в том числе надэкономических факторов, всегда был характерен для «умного» марксизма, изложенного в любой грамотной книге ученых этого направления.

После этих комментариев к «периодической системе» экономики мы можем предложить попытку более сложной модели периодической системы элементов экономической жизни.

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ «ПЕРИОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ»

Выше мы показали, что, взяв в качестве точки отсчета наиболее известную и изученную буржуазную систему, мы сможем выделить следующие «классические» типы социально-экономических систем:

(А) основанные на ручном труде и доминировании аграрного производства (тип технологии), натуральном хозяйстве, насилии и иерархии (способ координации, аллокации ресурсов), личной зависимости во всем многообразии ее видов (тип присвоения/отчуждения);

(Б) индустриальные (тип технологии), рыночные (способ координации) капиталистические, основанные на наемном труде;

(В) прогнозируемые постиндустриальные, пострыночные, посткапиталистические (основанные на свободном творческом труде).

В рамках каждого из этих классов систем господствующий технологический уклад, способ координации, присвоения/отчуждения и т.п. взаимно соответствуют друг другу.

Применяя далее исторический подход мы сможем предположить, что каждая из реально-сущих особых систем, в общем и целом принадлежащих к одному из классов (А)–(В), будет, *во-первых*, проходить ряд стадий своего развития:

- генезис;
- зрелое, «классическое» состояние;
- «закат».

Во-вторых, они, возможно, будут включать «отклонения» по одному из параметров (выше мы назвали их «мутациями»). Например, в России XVIII–XIX веков индустрия развивалась преимущественно посредством крепостничества, а в Античности развитый рынок соседствовал с рабством.

В-третьих, реальный ход истории предполагает, как мы показали выше, длительные периоды социально-экономических трансформаций, когда в одной экономике противоречиво сосуществуют начала «старой» и «новой» систем (например, ручной и индустриальный труд, натуральное хозяйство и рынок, личная зависимость и капитал и т.д.), а также специфические переходные феномены.

Соответственно, мы можем выделить не только три основных исторических класса социально-экономических систем (далее, кстати, можно

и должно выделить их виды, подвиды и т.п.), но и различные *типы экономик*:

- «классические»;
- мутантные;
- переходные.

Каждый из классов (видов и т.п.) экономических систем может иметь (исторически имел и имеет) мутации; точно так же история знает массу вариантов переходных (при продвижении как вперед, так и назад в социально-экономическом времени) социально-экономических систем.

Поскольку в данном случае «сверхзадачей» является некоторая формализация наших представлений, мы можем обозначить¹:

• *классы* экономических систем как (А), (Б), (В); их *виды* как (А₁, А₂, ..., А_Н); *подвиды* как (А₁₁, А₁₂, ..., А_{1М}), (А₂₁, А₂₂, ..., А_{2М}); (А_{Н1}, А_{Н2}, ..., А_{НМ}) и т.д. При этом значения «п» и «m» могут варьировать для разных видов (подвидов) разных систем;

• *стадии развития* систем индексами «Г» (генезис) и «П» (поздняя), так что генезис буржуазной экономики будет выглядеть как [Б^Г], а поздний капитализм как [Б^П] (классическое состояние системы оставим без дополнительных обозначений: А, Б, В);

• переходные системы, как, например, от добуржуазной системы к капитализму, как [А→Б];

• мутации – добавив букву М со знаком «+» («забегание вперед») или «-» (отставание).

Теперь сделаем еще один шаг приближения к нашим конечным выводам. Исторический ряд экономических систем при таком подходе примет примерно следующий вид² (мы начнем с классового общества и выделим лишь **основные** типы) – см. схему 3.

В качестве комментария отметим, что, например, Россия начала XX века будет иметь обозначение [-МБ^П], т.е. мутация, вызванная запоздалым переходом от феодализма к позднему капитализму, а экономика «реального социализма» в СССР и других странах экс-МСС в рамках данной квалификации будет обозначена как [+МБ^Г], т.е. мутация раннего посткапиталистического общества, связанная с «забеганием вперед» по отношению к объективным возможностям экономического (и даже постэкономического) развития. Соответственно, *начавшиеся в 90-е годы в наших странах трансформации* (а на наш взгляд, как уже было отмечено, это переход от мутантного социализма к мутантному капитализму) можно будет обозначить как [-МБ^Г → -МБ^П].

¹ Авторы отнюдь не настаивают именно на этих обозначениях; возможно, читатели, признавшие правомерность нашего подхода в основном, предложат более совершенную модель.

² Реальное многообразие видов систем, их мутаций и переходных состояний столь же велико, сколь велик ряд реальных конкретных экономик.

схема 3 Исторический ряд экономических систем

условные обозначения	виды систем и их мутаций
$[A^r]: [A_1^r], [A_2^r], \dots$	ранние добуржуазные системы и их виды
$[A]: [A_1], [A_2], \dots$	классические добуржуазные системы и их виды
$[+MA]: [+MA_1], [+MA_2], \dots$	положительные мутации классических добуржуазных систем и их виды (например, Древняя Греция)
$[A^m]: [A_1^m], [A_2^m], \dots$	поздние добуржуазные системы и их виды
$[A^m \rightarrow B^r]: [A_1^m \rightarrow B_1^r], [A_2^m \rightarrow B_2^r] \dots$	переходные к капитализму системы и их виды
$[+M(A^m \rightarrow B^r)]: [+M(A_1^m \rightarrow B_1^r)], [+M(A_2^m \rightarrow B_2^r)] \dots$	положительные мутации этого класса переходных систем (например, ренессансная Италия)
$[B^r]: [B_1^r], [B_2^r], \dots$	ранние буржуазные системы и их виды
$[-MB^r]: [-MB_1^r], [-MB_2^r], \dots$	отрицательные мутации, связанные с запоздалым генезисом капитализма (например, в Восточной Европе XIX в.)
$[B]: [B_1], [B_2], \dots$	классический капитализм и его виды
$[-MB]: [-MB_1], [-MB_2], \dots$	регрессивные мутации классического капитализма (например, рабство на Юге США в XIX в.)
$[B^m]: [B_1^m], [B_2^m], \dots$	поздний капитализм и его виды
$[-MB^m]: [-MB_1^m], [-MB_2^m], \dots$	регрессивные мутации позднего капитализма (к ним, видимо, будут относиться многие страны третьего мира, кроме тех, что находились или находятся в переходном состоянии)
$[B^m \rightarrow +MB^r]: [B_1^m \rightarrow +MB_1^r], [B_2^m \rightarrow +MB_2^r], \dots$	переходные от позднего капитализма (возможно регрессивно-мутантного) к мутантной форме раннего посткапиталистического строя (мутантного социализма)
$[+MB^r]: [+MB_1^r], [+MB_2^r], \dots$	различные виды мутантного социализма
$[+MB^r \rightarrow -MB^m]: [+MB_1^r \rightarrow -MB_1^m], [+MB_2^r \rightarrow -MB_2^m], \dots$	Трансформационные экономики (экс-МСС)
$[B^f]: [B_1^f], [B_2^f], \dots$	Гипотетические «чистые» виды генезиса посткапиталистических систем, адекватных вызовам постиндустриальной эпохи

Естественно, сами по себе обозначения и даже классификация не так уж и важны (хотя в экономике, в отличие от биологии, линнеевский этап типологизаций и классификаций так еще и не пройден). Они могут сыграть роль лишь подготовительного материала для более сложного историко-генетического диалектического исследования, представляющего «экономическую формацию» («предысторию», «царство необходимости») как диалектически развивающуюся систему.

Тем не менее систематизирующее исследование остается всегда важным предварительным этапом исследования, ибо позволяет, как мы уже отмечали, не только упорядочить существующие представления, но и показать, какими элементами могут или даже должны обладать те или иные системы, о которых мы пока имеем весьма ограниченные представления. Кроме того, предложенная типологизация позволяет нащупать достаточно универсальный «классификатор» систем, что, в свою очередь, позволяет достаточно легко *определять «адрес» той или иной системы в социально-экономическом пространстве-времени.*

Несколько предвзятое выведение наиболее полного (из тех, что способны предложить ныне авторы) вида «периодической системы», заметим следующее.

Иллюстрируя графически спираль социально-экономического развития («периодическую систему» в ее циклической динамике), мы можем предложить (см. рис. 1) некий «оптимальный», «базисный» тренд развития экономических систем (кривая $Y(t)^{\circ}$, где Y – мера прогресса экономических систем, а t – социально-экономическое время, проходящее через периоды $[A] \rightarrow [B] \rightarrow [V]$) и различные мутации, забегающие на определенных этапах вперед или отстающие от этой «базисной» траектории прогресса: Y^{-M} или Y^{+M} (см. рис. 2).

Уточняя гипотезу, мы можем показать мутации и по тем или иным конкретным параметрам. Так, мы можем, повторим – лишь в качестве иллюстрации, построить базисные кривые прогресса технологии (Y_1°), способов координации (Y_2°) и т.п. и показать затем конкретные отклонения конкретных систем от этих трендов на том или ином участке исторического развития: (Y_1^{+M}) или (Y_1^{-M}); (Y_2^{+M}) или (Y_2^{-M}) и т.п.

Выше мы уточнили типы, классы и виды экономических систем. Дальнейшая наша задача состоит в том, чтобы **уточнить систему их параметров** (и тем самым детализировать систему координат экономических систем, их «адрес» в социально-экономическом пространстве-времени).

В укрупненном виде это, как мы постарались показать, (1) господствующая технологическая система; (2) способ координации и отношения (3) соединения работника со средствами производства (присвоения/отчуждения), а также (4) распределения дохода и (5) воспроизводства.

рис. 1.

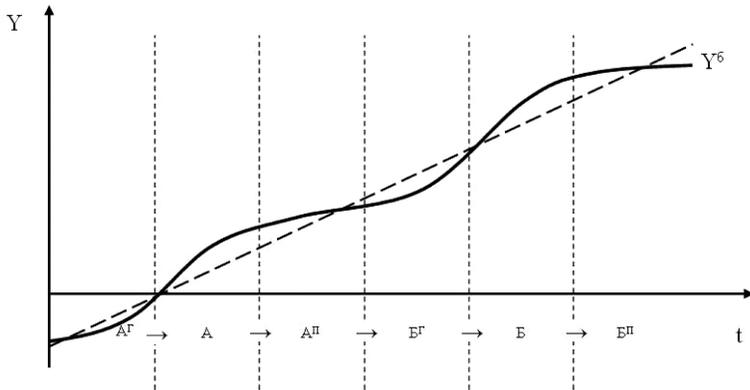
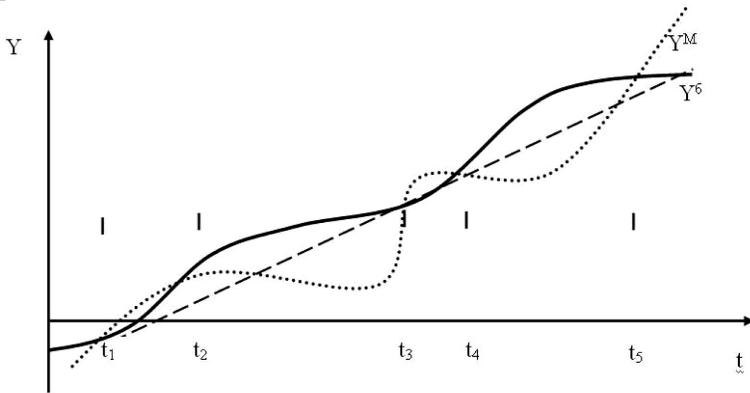

рис. 2.

Для кривой Y^M периоды $[t_2, t_3]$ и $[t_4, t_5]$ – это периоды регрессивных, а периоды $[t_1, t_2]$ и $[t_3, t_4]$ – прогрессивных мутаций.

Каждая из этих групп может быть уточнена¹.

Так, (1) *технологический пласт* включает как минимум:

(1.1) господствующий тип разделения труда;

(1.2) господствующий технологический уклад (уклады);

(1.3) определенное содержание труда (ручной, индустриальный, творческий) и т.д.

¹ Авторы, к сожалению, не могут здесь детально обосновать предлагаемую ниже структуру. Укажем лишь на то, что история экономической жизни и экономической мысли в конечном счете акцентирует именно эти параметры. Не секрет, что в основу этой структуры положена структура классического вида наиболее развитой и изученной системы – индустриальной рыночной буржуазной в ее классически-марксистском отображении.

- (2) *Способ координации* предполагает как минимум:
- (2.1) особую социально-экономическую форму (характер) труда;
 - (2.2) особый экономический тип хозяйственного звена (например, обособленный товаропроизводитель);
 - (2.3) социально-экономическую форму продукта (например, товар);
 - (2.4) социально-экономическую форму производства (например, предложение товаров) и потребностей (например, платежеспособный спрос) и т.д.
- (3) *Отношения присвоения/отчуждения* определяют:
- (3.1) особый тип отчуждения (единства) работника и собственника средств производства;
 - (3.2) особую социально-экономическую форму этих двух основных агентов всякой экономики (например, капитал и наемный труд);
 - (3.3) господствующую форму богатства;
 - (3.4) основы социально-классовой структуры;
 - (3.5) экономическое содержание и господствующую систему форм и прав собственности и т.д.
- (4) *Отношения распределения дохода* включают:
- (4.1) особые каналы и формы первичного распределения;
 - (4.2) способы перераспределения дохода (система социальной защиты, например);
 - (4.3) экономические основы социального неравенства, бедности, богатства и т.д.
- (5) *Отношения воспроизводства* детерминируют:
- (5.1) тип и параметры накопления и потребления;
 - (5.2) тип и параметры экономического роста/спада;
 - (5.3) исторически специфическую форму эффективности, стимулы и препятствия на пути развития технического, гуманитарного и т.п. прогресса, его особую социально-экономическую форму и цель;
 - (5.4) экономические основы воспроизводства населения;
 - (5.5) в итоге – исторические перспективы и пределы развития данной системы.

Мы могли бы продолжить наш перечень параметров, указав на механизмы функционирования экономики на (6) микро- и (7) макроуровнях, а также (8) институциональную структуру и т.д. Но не будем стремиться объять необъятное и покажем, как может выглядеть при учете названных уточнений «периодическая система параметров» экономической жизни, соединив предложенную выше историческую структуру (она располагается в таблице по вертикали) и структуру измерений (параметров) социально-экономического пространства-времени (она располагается по горизонтали).

После этих кратких иллюстраций мы можем предложить **развернутую модель периодической системы параметров экономической жизни** (см. схему 4).

схема 4

классы систем	виды систем	параметры														
		1		2		3		4		5						
		1.1	1.2	1.3	2.1	...	2.4	3.1	...	3.5	4.1	4.2	4.3	5.1	...	5.5
A ^r	A ₁ ^r															
	A ₁ ^r															
	...															
A	A ₁															
	A ₂															
	...															
+MA	+ MA ₁															
	+ MA ₂															
	...															
A ⁿ	A ₁ ⁿ															
	A ₂ ⁿ															
	...															
A ⁿ →B ^r	A ₁ ⁿ → B ₁ ^r															
	A ₂ ⁿ → B ₂ ^r															
	...															
+M(A ⁿ →B ^r)	+M(A ₁ ⁿ →B ₁ ^r)															
	+M(A ₂ ⁿ →B ₂ ^r)															
	...															
-MB ^r	-M(B ₁ ^r)															
	-M(B ₂ ^r)															
	...															
B	B ₁							X _{B₁^r} ; 2,4								
	B ₂															
	...															
-MB	-MB ₁															
	-MB ₂															
	...															
B ⁿ	B ₁ ⁿ															
	B ₂ ⁿ								X _{B₂ⁿ} ; 3,1							
	...															
-MB ⁿ	-M(B ₁ ⁿ)															
	-M(B ₂ ⁿ)															
	...															
...	...															
...	...															
...	...															

Предложенный выше вид системы (он остается все же *сильно упрощенным*, хотя и выглядят довольно сложно) позволяет в каждой из клеточек системы поискать соответствующий содержательный феномен («элемент» X).

Например, мы можем постараться показать, какой была особая форма продукта труда (параметр 2.4) в классической буржуазной экономике, рассматривая один из ее видов – например, английский капитализм XIX века (параметр B_1), т.е. ответить на вопрос, что есть (с содержательной точки зрения) «элемент» $[X_{B_1}; 2.4]$. Поскольку этот класс экономических систем и этот конкретный вид достаточно изучены, мы можем сказать, что это будет товар как продукт капитала, индустриальной технологии.

Другой пример. Рассмотрим «элемент» $[X_{B_2}^{\text{II}}; 3.1]$. Мы должны охарактеризовать отношение капитала и наемного труда, господствующее в условиях позднего капитализма в некоем втором виде последнего (пусть это будет, скажем, социал-демократическая модель). Этот тип также хорошо изучен, и мы можем содержательно раскрыть «элемент» $[X_{B_2}^{\text{II}}; 3.1]$ как достаточно сложную совокупность взаимодействий, предполагающую наличие социального партнерства, участие работников в управлении и многое другое.

Продолжая эти рассуждения, мы можем описать, в частности, и «элементы» мутантного социализма, а также *постсоветских переходных экономик* как наиболее близкую и важную для россиян материю. Что касается последнего аспекта, то такое исследование, при этом с выделением основных видов переходных экономик, авторы проделали в меру своих сил ранее¹.

Конечно же, наибольшая сложность состоит не в том, чтобы «нарисовать» таблицу, а в том, чтобы заполнить хотя бы основные из ее клеточек, уточнив и детализировав содержание столбцов и строчек. К сожалению, в отличие от химии, где к концу XIX века были определены (хотя во многих случаях, как потом выяснилось, неправильно) атомные веса большей части элементов и их свойства, экономика не может похвастаться столь детальным знанием. Однако наши знания все же позволяют при тщательной работе заполнить пустующие клеточки².

Впрочем, это задача, далеко выходящая за пределы данного методологического текста.

¹ Мы уже не раз упоминали нашу книгу «Введение в компаративистику»; обновленная версия основных параметров переходной экономики отображена в текстах авторов в книге «Политэкономия провала: природа и последствия рыночных «реформ» в России» (под ред. А.И. Колганова. М., 2013).

² Некоторые из них, особенно для раннеклассовых систем, должны остаться пустыми, ибо для этих эпох было характерно синкретичное единство, сращенность многих параметров, которые дивергировали, породив сложные структуры, лишь в рамках буржуазных систем.

В завершение рассмотрим несколько любопытных следствий предложенной типологизации экономических систем.

ГИПОТЕЗА «ПЕРИОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ» ПАРАМЕТРОВ:
НЕКОТОРЫЕ СВОЙСТВА N-МЕРНОГО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

Представленная выше модель обладает некоторыми, на наш взгляд, весьма важными свойствами, позволяющими использовать ее для (1) понимания структуры конкретных экономических систем, (2) сравнительного исследования экономических систем и (3) поиска закономерностей развития и функционирования глобальной экономики. Для этого ниже будет предложена некоторая *система гипотез, описывающих свойства n-мерного социально-экономического пространства-времени*.

Но прежде чем сделать это, позволим себе некую параллель. Представим, что перед нами стоит задача сравнения планет в рамках солнечной системы. Для начала мы должны будем определить их пространственно-временные параметры и описать их движение (как минимум, в рамках солнечной системы); затем можно будет использовать для сравнения физические, химические и т.п. параметры, известные из различных научных дисциплин. Более того, на каждой из планет будет своя система координат (географических), по которым легко найти любой объект – континент, остров, гору. С другой стороны, Солнечная система в целом имеет свои координаты в нашей Галактике и т.д.

Эта параллель позволяет поставить вопрос: а нельзя ли аналогичным образом определить «координаты» («адрес») любой социально-экономической системы («планеты»), равно как ее метасистемы («солнечной системы») и подсистем («континентов», «островов»)? Если да, то мы можем создать своего рода «*универсальный классификатор*» (напомним, речь идет всего лишь о гипотезе) экономических систем во времени и в пространстве (естественно, социально-экономическом, а не географическом или физическом). Последнее существенно облегчит и задачу сравнения, и возможности типологизации, и решение гораздо более сложной задачи разработки конкретно-всеобщей картины жизни экономических систем. А теперь сами гипотезы.

Первая из этих гипотез достаточно проста и прямо вытекает из описанного выше свойства взаимосоответствия основных параметров социально-экономического пространства-времени: для экономических систем действует правило *взаимосвязанности их социопространственных и социовременных координат*. Если мы, например, говорим «переходная экономика», то уже квалифицируем экономическую систему не только во времени, но и в пространстве, или, наоборот, не только в пространстве, но и во времени.

При этом последовательность систем в *социально-экономическом времени* может далеко не совпадать с их последовательностью во времени астрономическом. Регрессивные социально-экономические системы (скажем, крепостничество для XIX века) могут возникать позже прогрессивных (например, рыночной экономики, основанной на труде мелких собственников и наемных рабочих).

Подобно тому как река может течь на север, на юг, на запад, на восток, хотя и всегда вниз, так и социально-экономическое время может идти вперед, назад, останавливаться, хотя астрономическое время будет всегда бежать в одном направлении.

Социально-экономическое пространство также отлично от географического. В отличие от последнего, это совокупность определенных, воспроизводимых экономических отношений, которые, конечно же, как-то географически локализованы, но совпадения с географическим регионом здесь может и не быть. Скажем, в одной и той же стране или ее области может «располагаться» несколько разных социально-экономических пространств, разных систем отношений.

Вторая гипотеза, пожалуй, наиболее важна для сравнительного исследования. Как мы уже сказали, *социально-экономические системы могут быть представлены как некоторые вектора в n-мерном социально-экономическом пространстве-времени*. Раз система – вектор, значит, она имеет *определенное направление развития*. Это тезис, который фактически повторяет сформулированный выше вывод о социально-экономических системах как диалектически развивающихся, исторически возникающих и умирающих.

Гипотеза, в соответствии с которой система представляется как вектор, имеющий координаты в *n-мерном социально-экономическом пространстве-времени*, позволяет, *повторим, (1) выделить в экономических системах различные измерения* и каким-то образом определить их для каждой из экономических систем. Иными словами, мы можем сказать, *(2) что в каждом измерении социально-экономического пространства-времени каждая из систем имеет свои координаты*¹.

Тем самым каждая социально-экономическая система предстает как совокупность параметров, по которым ее можно *(3) сравнить с любой другой экономической системой*, если определены измерения пространства-времени. Представление же о системе как о векторе позволяет *(4) определить ее динамику, возможные траектории будущего развития (или отмирания)*.

¹ Напомним сказанное выше: эти координаты могут задаваться количественно, если, скажем, измерением является экономический рост (в этом случае можно, например, сказать, что перед нами система с 5%-ным спадом или с 7%-ным ростом валового продукта). Эти координаты могут задаваться качественно, если речь идет, например, о таком измерении, как отношения собственности.

Важно, что социально-экономическое пространство-время, в отличие от «обычного», имеет не 4, а n измерений. При этом число n , в принципе, стремится к бесконечности, хотя на каждом этапе развития экономики и экономической науки ограничено.

Третья гипотеза. Единая система координат оказывается применима не только к экономическим системам, но и к их подсистемам и метасистемам, что позволяет «сопрягать» систему с ее подсистемами и метасистемой (во всяком случае, в той мере, в какой последние имеют те же координаты). Разумеется, это не означает, что экономические системы, метасистемы и подсистемы состоят из абсолютно совпадающих элементов. Это значит лишь, что такой совпадающий набор элементов содержится в них наряду с другими, не совпадающими, элементами.

Скажем, можно целостно, по единой системе параметров, охарактеризовать систему отношений собственности на предприятия, в регионе, в стране, сравнив их затем с господствующими отношениями собственности в странах, принадлежащих к данному кругу стран (развитых, развивающихся или стран с переходной экономикой) и т.п.

Иными словами, при использовании предлагаемого методологического подхода каждая из сравниваемых систем оказывается открыта «вверх» и «вниз» для анализа по единой взаимосвязанной системе параметров.

* * *

Завершая наши размышления над проблемой построения гипотезы «периодической системы параметров (элементов)» экономических систем, мы можем сделать кажущийся банальным, но принципиально важный вывод: *совокупность экономических систем, находящихся в данном социально-экономическом пространстве-времени, образует единый организм с единой системой «координат» и с диалектически едиными (но не одинаковыми) закономерностями развития.* Из этой банальной посылки можно сделать ряд далеко идущих выводов.

Во-первых, можно установить закономерности генезиса и угасания отдельных «звезд» – конкретных экономических систем (или их совокупностей, даже целых формаций или цивилизаций).

Во-вторых, если признать диалектический характер экономических систем, можно предположить и то, что их совокупность развивается столь же диалектически, чем-то напоминая дерево, рождающееся из семени, проходящее через различные стадии: росток (в нем ствол, листья, семена и т. п. соединены в единую синкретичную систему); молоденькое деревце, на котором есть всего-то три-четыре ветви; могучий организм с сотнями ответвлений, мощной корневой системой, тысячами листьев.

Сказанное позволяет предположить, что **в социально-экономическом (и любом другом генетически развивающемся) мире система «координат» (параметров) пространства-времени будет вырастать**

и усложняться (подобно живому организму, дереву, или, если использовать другой образ, подобно расширяющейся вселенной) **по мере эволюции человечества** (при этом, однако, не будем забывать о том, что на определенном этапе сама экономическая формация начинает переживать эпоху «заката», трансформируясь в постэкономическую).

Начавшись с простейшей и крайне ограниченной системы координат примитивного сообщества, где в синкретичном единстве были слиты все многочисленные черты будущего многообразия социально-экономической жизни, эта система «координат» (векторов) усложнялась, усложняется и будет усложняться по мере развития и усложнения социально-экономической жизни человечества. Именно эта историко-генетическая модель развертывания все большего многообразия закономерностей и измерений («координат») социально-экономической жизни и обусловит соподчиненность (логику взаимосвязи) системы параметров, «координат», по которым мы ныне можем определять (если принять предложенную выше гипотезу) качество конкретных экономических систем. Тем самым «координаты» отдельных систем в социально-экономическом пространстве и времени, сами системы и состояние социально-экономического пространства-времени оказываются сопряжены и взаимосвязаны единой логикой естественной эволюции социума.

Наконец, мы можем предположить, что названная взаимосвязь координат между и внутри векторов приводит к формированию устойчивых групп стран. Традиционно их подразделяют на «первый» (развитые страны), «второй» (бывшие и нынешние «социалистические страны») и «третий» (развивающиеся страны) миры. В основе этого деления лежит смесь двух критериев: уровня экономического развития и господствующего способа производства. Обрисованный выше «многовекторный» подход к сравнению экономических систем позволяет нащупать конкретно-всеобщее единство¹ различных экономических систем, объединяемых в определенные «анклавы» не по принципу формальной общности «ежа и сапожной щетки», а конкретно-всеобщей взаимосвязи содержательных характеристик, которыми обладает каждая экономическая система по каждому из векторов.

Это действительное содержательное, противоречивое (т.е. включающее взаимоотрицание, борьбу) социально-экономическое (а также политическое, технологическое и т.п.) единство (конкретная всеобщность) экономических систем в рамках определенных групп можно сравнить с взаимным притяжением космических объектов (выше мы использовали параллель между пространством экономических систем и космическим пространством), образующих планетные системы и созвездия. В социально-экономической жизни также присутствуют «при-

¹ О понятии «конкретно-всеобщее» мы уже упоминали выше со ссылками на работы Э.В. Ильенкова.

тяжение» и «отталкивание» различных систем. Какое именно и как оно действует, каковы «законы всемирного тяготения» в сфере экономической жизни – этот вопрос пока остается без ответа, хотя многие частные аспекты этой проблемы (естественно, по-иному сформулированной) широко исследуются специалистами по мировому хозяйству, и мы не будем спешить со скороспелыми и недостаточно проработанными авторскими гипотезами.

Какими именно окажутся эти группы стран мирового сообщества, выделенные не по формальным критериям сходства, а по принципу реального единства, взаимосвязанности их экономик и их социумов, их эволюции и их судеб – вопрос особый. Авторы не имеют в настоящий момент его готового решения. Однако можно твердо предсказать, что это решение не будет сильно отличаться от того, что подсказано самой жизнью, только принимаемой как конкретно-исторический всемирный процесс, а не отражение современного обыденного сознания. Но это уже тема другого исследования...

глава 2 Economics как прошлое: к критике «экономического империализма»

Как мы заметили в начале этой главы, после политико-экономических и, соответственно, идеологических перемен 1991 года большинство экс-советских теоретиков-экономистов в одночасье перестали быть марксистами: на протяжении едва ли пары лет они «вдруг» осознали всю тщету попыток автора «Капитала» и его последователей дать научную картину мира и так же «вдруг» прониклись всей глубиной неоклассики¹. Молодежь приняла новые идейные и научные ориентиры, даже всерьез не задумавшись о том, стоит ли на деле выкидывать весь прежний багаж. Впрочем, остались еще ортодоксы, верующие в правоту каждой строки «Капитала» не менее, чем христиане верят в Священное Писание, да горстка не ангажированных ученых, не пытающихся примкнуть к большинству или к меньшинству, а стремящихся нащупать точки взаимодействия современной экономической теории, относящейся к так называемой *mainstream*, и классической политической экономии как двух различных (более того – противоположных), но сосуществующих ветвей современной экономической науки.

Впрочем, даже на протяжении 1990-х раздавались голоса противников такого подхода к экономической теории; в последнее время ситуация стала постепенно изменяться.

В России критика абсолютного доминирования неоклассического направления идет давно и хорошо известна специалистам. Еще в 1992–1993 гг. в рамках дискуссии по проблемам поиска новой парадигмы отечественной экономической науки высказывались сомнения в целесообразности сведения теории и преподавания к неоклассической парадигме. Такого рода публикации продолжались и в последующем. Не

¹ Заметим: в СССР основные положения неоклассики серьезно изучались на экономических факультетах (например, в МГУ им. М.В.Ломоносова – на протяжении четырех семестров с четырьмя экзаменами). Многие будущие преподаватели (в том числе – аспиранты и докторанты) побывали на длительных стажировках в Европе и США, учебник Самуэльсона, работы Кейнса и др. были переведены на русский язык, изданы большими тиражами и находились во всех научных и основных вузовских библиотеках. Так что проблем с освоением этой теории у преподавателей, ученых, студентов в СССР не было. Другое дело, что тогда неоклассика казалась абсолютному большинству столь же бесполезной наукой, сколь сейчас марксистская политэкономия.

Заметим также, что в постсоветской России последнюю преподают гораздо в меньших масштабах, нежели неоклассику в СССР.

менее активно публиковались статьи с критикой засилья неоклассики в журналах «Экономист»¹, «Российский экономический журнал» и др.² В 1990–2000-е годы вышло 6 книг «Капитал» и еsopotіcs» под редакцией В.Н. Черковца³. Активную политику, направленную на восстановление в правах политической экономии (не в ущерб, а в дополнение к микро- и макроэкономике) ведет заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.А. Пороховский, его поддерживают многие коллеги из Санкт-Петербурга (В.Т. Рязанов), Ростова-на-Дону (О.Ю. Мамедов), других городов России, а также Украины (А.А. Гриценко, Г.Г. Задорожный, В.Н. Тарасевич и др.), Казахстана (У.Ж. Алиев) и ряда других государств СНГ⁴. Критично относятся к абсолютному доминированию еsopotіcs директор Института экономики РАН Р.С. Гринберг и ряд других академиков. Укажем также на работы Ю.М. Осипова и его коллег по Философско-экономическому обществу, регулярно публикующих материалы на эту тему в журнале «Философия хозяйства».

Критикуют еsopotіcs и зарубежные, в том числе американские, ученые⁵. В США существуют ассоциации радикальной политической эко-

¹ См., например: *Пороховский А.А.* Политическая экономия: современные вызовы и перспективы // *Экономист.* 2011. № 1; *Покрытан П.А.* О методологии экономических исследований // *Экономист.* 2011. № 8 и др.

² *Львов Д., Пугачев В., Сухотин Ю.* Экономическая наука и практическое реформирование // *Российский экономический журнал.* 1993. № 1; *Черковец В.* Политическая экономия как наука: историческая тенденция и социальная востребованность // *Российский экономический журнал.* 1996. № 3; *Рязанов В.* Какой быть базовой экономической дисциплине в вузах? // *Российский экономический журнал.* 1996. № 11–12 и др.

³ См.: «Капитал» и *Экономикс.* Вопросы методологии, теории и преподавания. Выпуск 2. Под ред. В.Н. Черковца. М.: ТЕИС, 2006; «Капитал» и *Экономикс:* Вопросы методологии, теории, преподавания. Вып. 3. Под ред. В.Н. Черковца. М.: ТЕИС, 2009, и т.д.

⁴ Весной 2010 года в Москве прошла международная конференция по проблемам развития политической экономии, материалы которой были опубликованы в семи журналах России и Украины (см., например: *Павлов М.Ю.* Политэкономия и экономикс в XXI веке // *Вопросы новой экономики.* 2010. № 4; 2011. № 1). Год спустя, 20 апреля 2011 года, в Москве, в МГУ им. М.В. Ломоносова прошла учредительная конференция Международной политэкономической ассоциации стран СНГ, в которой приняло участие более 80 ученых из 20 городов из 4-х стран СНГ, а 16–17 апреля 2012 года прошел **Первый политэкономический конгресс стран СНГ**, собравший более 400 участников, включая руководителей кафедр экономической теории и/или истории экономической мысли многих крупнейших университетов России (МГУ, СПбГУ, ГУ ВШЭ, ЮФУ и др.), Украины (Киевский, Харьковский и другие университеты), Казахстана и др. стран, многих известных ученых РАН и др. научных центров.

⁵ См., например: *Аккерман Ф., Ананьин О., Вайскопф Т., Гудвин Н.* Экономика в контексте (вопросы преподавания экономической теории) // *Вопросы →*

номии и гетеродоксальной экономической теории, ряд других научных сообществ, нацеленных на развитие плюрализма в экономической теории. Аналогичные сети и сообщества существуют в Европе, Японии, Китае. Успешно развиваются Всемирная ассоциация политической экономии (World Association for Political Economy) и Международная инициатива по развитию политической экономии (International Initiative for Promoting Political Economy) и др.¹

Весьма симптоматичной стала и публикация в 2007 г. в газете *Mond* открытого письма французских студентов, недвусмысленно выступивших против засилья формализованной и математизированной неоклассической экономической теории. Ниже мы приводим некоторые выдержки из этого письма:

«Мы, студенты-экономисты **разных стран мира**, заявляем, что мы принципиально не удовлетворены получаемым нами преподаванием экономики. Для этого имеются следующие причины.

1. Мы хотим вырваться из выдуманного мира!

Подавляющее большинство из нас выбрало изучение экономической теории для того, чтобы максимально глубоко понять те феномены экономики, с которыми сегодня сталкиваются граждане. Однако то обучение, которое мы получаем, в большинстве своем состоящее из неоклассической теории или подходов, производных от нее, в целом не отвечает нашим ожиданиям. Даже тогда, когда теория обоснованно абстрагируется на первом этапе от случайностей, она в дальнейшем не возвращается к их объяснению. Фактическая сторона (исторические факты, функционирование институтов, изучение поведения и стратегий агентов...) почти не существует. Более того, этот отрыв преподавания от конкретных реалий создает огромные проблемы для тех, кто хотел бы быть в дальнейшем полезен для экономических и социальных акторов.

← экономики. 1997. № 2; позднее эти авторы выпустили учебник с аналогичным названием. См. также: Ноув А. Какой должна быть экономическая теория переходного периода (критический обзор) // Вопросы экономики. 1993. № 11; Ormerod P. *The Death of Economics*. 2nd edition. New York, John Wiley & Sons: 1997 и мн. др.

¹ См. более подробную информацию на сайтах этих ассоциаций:

Association for Heterodox Economics – Ассоциация гетеродоксальной экономики: www.hetecon.net;

The World Association for Political Economy (WAPE) – Всемирная ассоциация политической экономии: www.wrpe.org;

International Initiative for Promoting Political Economy (IIPPE) – Международная инициатива по развитию политической экономии www.iippe.org;

Union for Radical Political Economics (URPE) – Ассоциация радикальной политической экономии: www.urpe.org;

Institute for New Economic Thinking (INET) – Институт нового экономического мышления: www.ineteconomics.org.

2. Мы против бесконтрольного использования математики...

3. Мы выступаем за плюрализм подходов в преподавании экономической теории.

Преподаватели слишком часто не оставляют места для рефлексии. Из множества существующих подходов к экономическим проблемам нам, как правило, дается только один. Этот подход претендует на то, чтобы объяснить все чисто аксиоматическими средствами, так, как будто это является истиной в последней инстанции. Мы не принимаем догматизм. Мы хотим плюрализма подходов, адекватного многообразию и сложности объектов и неоднозначности решений, характерных для большинства больших проблем экономики (безработица, неравенство, место финансовых рынков, достоинства и недостатки свободной торговли, глобализации, экономическое развитие и т.д.)...

Мы не хотим более иметь эту навязанную нам аутистическую [замкнутую на себя. – Прим. перев.] **науку...»**

Результатом этого письма, позднее подписанного десятками тысяч студентов и преподавателей всего мира, стало появление и растущая популярность интернет-журнала *Post-Autistic Economics Review* (в 2008 г. журнал изменил название на *Real World Economics Review*)¹. Весьма известным продолжением этих инициатив стала вызвавшая большой резонанс своеобразная забастовка в 2011 г. студентов Гарвардского университета, ушедших с лекции по экономике профессора Мэнкью – всемирно известного автора учебника *Economics*, изданного миллионными тиражами на десятках языков².

Так что дискуссии о проблемах развития и взаимодействия различных школ экономической теории и вопросах использования их багажа в экономических исследованиях и экономическом образовании не только не утихают, но и нелинейно нарастают.

Политическая экономия и *economics*: к постановке проблемы

По поводу трактовки терминов *economics* и «политическая экономия» идет немалая (хотя и несколько вялая, не акцентированная) полемика. Поскольку авторы уверены, что «окончательно» договориться о

¹ Сайт журнала: <http://www.paecon.net/PAEReview/>

² Об этой акции можно подробнее прочесть в статье А.И. Московского, приводящего систему важных аргументов, доказывающих недостаточность «основного направления» экономической теории (см.: *Московский А.И. Почему экономисты Гарварда выступают против лекций Грегори Мэнкью? // Экономист. 2012. № 1*).

понятиях до начала содержательного исследования невозможно (они получают свое наполнение именно в рамках определенной научной системы), постольку ограничимся лишь некоторыми не слишком спорными предварительными замечаниями.

Дело в том, что в России примерно с конца 1980-х годов (после перевода на русский язык ряда учебников) термин *economics* стал употребляться во вполне определенном смысле – для обозначения суммы знаний (и соответственно учебной дисциплины), излагаемых в стандартном учебнике, где почти всегда присутствует разделение на микро- и макроэкономику и описывается функционирование рынка плюс (отчасти) его регулирование государством (во вводном курсе микроэкономики *de facto* рассматривается рынок образца XIX – начала XX вв., макроэкономики – середины прошлого столетия).

В основе этих учебных курсов (обратим внимание на теоретические основы учебных дисциплин) лежит концепция А. Маршалла (он и ввел термин *economics*), дополненная идеями кейнсианства, некейнсианства (Р. Харрод, Э. Хансен) и нового кейнсианства (но при почти полном игнорировании посткейнсианства – Дж. Робинсон, П. Сраффа) – с одной стороны; монетаризма (М. Фридмен) и пересекающейся с ним «новой классической теории» (А. Лаффер, М. Эванс и др.) – с другой. В свою очередь, в глубинной основе этой суммы знаний лежат маргинализм (У. Джевонс, К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Л. Вальрас и др.), теория факторов производства (восходящая к Ж.-Б. Сэю) и предельной производительности (развита Дж. Б. Кларком). Неоклассический синтез (П. Самуэльсон), инкорпорируя кейнсианские идеи в систему постулатов теории рыночного равновесия (поскольку Дж.М. Кейнс также во многом основывался на последних), «счастливо» избежал принятия духа кейнсианства, отрицающего автоматизм рыночного равновесия.

Для обозначения именно этой, несколько эклектичной, но в целом базирующейся на маргиналистских основаниях, научной тенденции и учебной дисциплины типичным является использование термина *economics* («экономическая теория»), характеризующего соответствующие язык, аппарат и понятийное поле¹.

Все остальные научные школы при этом вообще остались «по ту сторону» типичных учебных курсов (исключение составляет разве что новый институционализм, который в последнее время стал преподаваться в ряде «элитных» университетов наряду с микро- и макроэкономикой).

¹ Для отечественных исследований характерны немалые различия в классификации основных направлений экономической науки. Мы воспользовались одной из наиболее распространенных и близких к западным «образцам» (см.: Худокормов А.Г. Экономическая теория. Новейшие течения Запада. М.: Инфра-М, 2010; Нуреев Р. Основы экономической теории. М., 1996).

Классический институционализм, равно как и марксизм и др. оказались вообще исключены из курсов экономической теории.

В отличие от этой суммы знаний и дисциплин, термин «*политическая экономия*» для большинства экономистов России¹ ассоциируется с классической экономической теорией, на базе которой в середине прошлого столетия сформировались две противоположные теоретические парадигмы – марксистская (или *политэкономия труда*) и иная, не имеющая однозначного самоназвания, но включающая в себя широкий круг школ, развивавших идеи предельной полезности, факторов производства и т.п. (в соответствии со сложившейся традицией назовем такую совокупность школ политической экономией капитала; подробнее об этом определении ниже). Ряд из них положен в основу объяснения механизмов функционирования рынка, излагаемых в учебниках *economics*. Нельзя поэтому сказать, что *economics* вообще не имеет касательства к политической экономии. Однако развитие собственных политико-экономических теоретических предпосылок давно уже стало для *economics* более чем второстепенным делом.

Как видно, различие названных терминов нестрого и отчасти носит исторический характер, отчасти связано с акцентом на разных пластах экономической жизни: к глубинным проблемам (субстанция и природа богатства, ценности и т.п.), причинно-следственным связям, к социально-экономической интерпретации хозяйственных явлений (будь то теория эксплуатации или теория факторов производства) больше тяготеет политическая экономия; к изучению функционирования современной рыночной экономики – *economics*.

Итак, современная экономическая наука *de facto* делится на политическую экономию и *economics*, а внутри первой – на две линии: *политическую экономию труда* и *политическую экономию капитала* (внутри *economics* также существуют различные тенденции, но их подробный анализ не является здесь нашим предметом). К 1990-м годам первая линия политической экономии «истончилась», и в настоящее время ее представители в мире составляют меньшинство специалистов в области экономической теории, а вторая (исследование природы ценности и других фундаментальных проблем) линия политической экономии вообще практически исчезла, «снявшись» почти без остатка в математизированном *economics*.

Развитие «экономического империализма», порожденного тотальной экспансией *economics*'а, привело к неожиданному, на первый взгляд, результату: возрождению в конце XX века термина «политическая экономия» в совершенно ином, нежели сто и двести лет назад, смысле. Под

¹ Большинство, но не всех. Для «продвинутого» меньшинства ученых России, как и для большинства их западных коллег, этот термин обозначает поле экономико-политических взаимодействий, экономической политики, общественного выбора и т.п. – подробнее об этой «политической экономии» (или, точнее, «политической экономике») см. ниже.

ней стала пониматься базирующаяся на неоклассической парадигме теория, изучающая экономическую политику (трактуемую, как правило, в неолиберальном духе) и иные неэкономические процессы при помощи методов *economics*. С этим полем прямо взаимосвязана и уже давно известная теория общественного выбора, в рамках которой политический процесс рассматривается преимущественно как рынок особого рода. Как рынки особого рода, на которых действуют рациональные индивиды-эгоисты, понимаются в рамках этой теории и иные (социальные, культурные и т.п.) процессы. Тем самым «новая» политическая экономия или «политическая экономика» (*political economics*) ныне предстает в большинстве случаев как методология и теория *economics*, примененные к исследованию неэкономических процессов¹ становясь одним из основных слагаемых «экономического империализма»².

¹ «Наиболее успешным проектом в области политико-экономических исследований в современных социальных науках можно считать политическую экономику (*political economics*) или новую политическую экономию (*new political economy*). Если упрощать, то суть данного подхода составляет исследование политической сферы (как в вопросах экономической политики, так и в областях, не связанных с последней) с использованием допущений теории рационального выбора и экономических методов, как правило, на основе математического моделирования. Существование экономической политики как таковой и конкретные ее направления определяются (экзогенно заданными) предпочтениями игроков на «пространстве политик», или, в частном случае, их эгоистическими интересами (скажем, стремлением к максимизации голосов, к росту контролируемого бюджета, к поиску ренты, к власти, престижу и др.)» (Либман А.М. Направления и перспективы развития политико-экономических исследований // Вопросы экономики. 2008. № 1). Концепции новой политической экономии изложены в работах: *Buchanan J. and Tullock G. The Calculus of Consent*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962; *Бьюкенен Дж.М. Сочинения. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы / Нобелевские лауреаты по экономике. Т. 1 / Фонд экономической инициативы. М.: Таурис Альфа, 1997; Таллок Г. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты / Пер с англ. Л. Гончаровой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.* В России в конце 2000-х гг. появился новый журнал «Экономическая политика», в котором есть особая рубрика «Политическая экономия», где представлен названный выше подход (см.: <http://www.ep.ane.ru>).

² Эту интенцию популярно, но весьма точно сформулировал А.А. Аузан: «В науке есть явление, которое социологи, юристы, психологи, историки, политологи называют «экономическим империализмом», а сами мы, экономисты, – «новой политической экономией». Суть его в том, что экономисты вторгаются на «чужие поля» и начинают изучать неэкономические объекты, применяя собственные методы исследований» (Аузан А.А. Институциональная экономика для чайников. Часть 9 // *Esquire*. 20 января 2011). Истоки «экономического империализма» обычно видят (сошлемся, в частности, на С. Гуриева) в работах нобелевского лауреата по экономике 1992 г. Г. Беккера, опубликовавшего еще в 1960–1970-х гг. ряд работ, посвященных →

Предлагаемые же авторами в качестве альтернативы подходы делают принципиально иной акцент, генетически восходящий к классической политической экономии – *использование широкого социо-, гуманитарно- и эко-ориентированного подхода и методологии в исследовании собственно экономических процессов*, которые в этом случае рассматриваются как всего лишь одна из сфер общественного развития, причем сфера, где формируются его средства, а не цели и ценности, и потому сфера, подчиненная задачам прогресса Человека, Общества и Природы и ограниченная последними. Такова, на наш взгляд, главная определенность **классической политической экономии**.

Как мы уже заметили, *economics*, несмотря на свое мировое господство в экономических исследованиях и образовании, в последние десятилетия как *фундаментальная наука* развивается не слишком активно (за исключением некоторых периферийных областей, связанных с упомянутым выше «экономическим империализмом» – проецированием неоклассической методологии на неэкономические области)¹. Интерес к фундаментальным проблемам не определяет главные направления исследований в *economics* и, естественно, весьма слабо отражается в учебных курсах (разве что в виде аксиом «здорового смысла»). Принципиально новые исследования в этой сфере если и появляются (например, касающиеся особой роли информации, знаний, творческих способностей

← экономическому анализу человеческого капитала, преступности, семейной жизни и других социальных явлений. Кроме того, именно «экономический империализм» прославил и одного из самых известных экономистов последних лет – С. Левитта, автора «Фрикономики», где суммируется ряд его исследований в области экономики спорта, преступности, дискриминации, образования, семейной жизни и т.д. (см.: *Гуриев С.М.* Три источника – три составные части экономического империализма // *Общественные науки и современность*. 2008. № 3. С. 136). Отметим также такие работы об экономическом империализме, как *Tullock G.* Economic Imperialism // *Theory of Public Choice*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1972; *Stigler G.J.* Economics – The Imperial Science? // *Scandinavian Journal of Economics*. 1984. № 86 (3); *Hirshleifer J.* The expanding domain of economics // *American Economic Review*. 1985. Vol. 75. № 6; *Stigler G.J.* and *Becker G.S.* De Gustibus Non Est Disputandum // *American Economic Review*. 1977. Vol. 67. № 2 (рус. пер.: *Стиглер Дж., Беккер Г.* О вкусах не спорят // *США: экономика, политика, идеология*. 1994. № 2). Эти работы упоминает и С. Гуриев, и ряд других авторов публикаций по этой теме.

¹ Более оптимистично смотрит на mainstream И.Е. Рудакова. См.: *Рудакова И.* Основное течение экономической теории: потенциал и научная критика // *Вопросы экономики*. 2005. № 9. Противоположная позиция была нами выражена в статьях: *Бузгалин А., Колганов А.* «Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела // *Вопросы экономики*. 2004. № 3; *Бузгалин А., Колганов А.* Политическая экономия постсоветского марксизма // *Вопросы экономики*. 2005. № 9.

человека в современной экономике)¹, то, как правило, не оказываются прямо связаны ни с одной из основных школ *economists*.

Политическая экономия (как труда, так и капитала), будучи в конце прошлого – начале этого века оттеснена на периферию, в последнее время, как мы уже заметили, начинает отвоевывать достойные позиции, хотя и остается скорее уважаемым исключением, нежели правилом в общем блоке теоретико-экономических трендов. Что же касается *economics*, то, несмотря на всю критику в адрес black board economy (букв.: «экономика школьной доски»), она и сейчас играет основную роль в научных исследованиях экономистов (развиваясь главным образом в направлении усложнения математического аппарата и прогресса в неэкономические сферы²) и продолжает абсолютно доминировать и в науке, и в учебных программах университетов.

Причины доминирования ECONOMICS в НАУКЕ и ПРЕПОДАВАНИИ

Каковы же причины этого доминирования? Главная – на *economics* есть «социальный заказ» (разумеется, не в смысле прямого приказа, что и как писать, а в смысле благоприятного отношения тех, кто формирует общественное мнение... и параметры финансирования). Причем заказ двоякий, идущий и от «хозяйственной практики», и от господствующей идеологии.

Для господствующих субъектов господствующей практики (точнее – практики хозяев современной позднекапиталистической экономики), т.е. относительно стабильного (или претендующего на это имя) регулируемого (минимально, в духе неолиберализма) рыночного хозяйства, не ждущего сколько-нибудь значительных качественных перемен, более того, отторгающего такие перемены, – для такого хозяйства *economics*

¹ Подробный анализ работ на эту тему и ее авторскую интерпретацию, указывающие и на некоторые «перекрестья» с классическим политэкономическим подходом, см. в: Антипина О.Н. Информационная экономика: современные технологии и ценообразование. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2009.

² Подчеркнем в этой связи, что здесь имеются весьма опасные тенденции: во-первых, стремление считать значимыми только легко измеряемые параметры – параметры же, которые трудно выразить количественно, даже если они очевидно важны для исследования реальных экономических проблем, игнорируются; во-вторых, действует как бы общепринятое правило – чем сложнее инструментарий, тем проще и уже реальное проблемное поле, моделируемое при помощи этого математического аппарата (см.: Аккерман Ф., Ананьин О., Вайскопф Т., Гудвин Н. Экономика в контексте (вопросы преподавания экономической теории) // Вопросы экономики. 1997. № 2. С. 139).

есть наиболее адекватная парадигма научных исследований и экономического образования. Эта парадигма формирует и детализирует знания о механизмах функционирования такой системы, что полезно для успешного бизнеса на микро- и макроуровнях, при условии, что в основах рыночной системы не происходит качественных изменений.

Оговоримся: теоретические рекомендации и «продвинутое» знания в этой области нужны не столько наемным работникам и потребителям, сколько капиталу и его представителям (в частности, менеджерам как «капиталу-функции» и их консультантам), обладающим реальной властью в современной экономике. Они «заказывают музыку» и оплачивают по большей части разработки в экономической – да и не только экономической – науке и образовании. И именно *economics* оказывается наиболее полезной дисциплиной для *такой* хозяйственной практики.

С точки зрения *идеологии* для господствующих политических сил наиболее важной задачей в области нормативного массового сознания является поддержание уверенности в стабильности, неизбежности, эффективности данных ценностей и отношений. И именно парадигма *economics* адекватна для решения этой задачи, ибо в ее рамках и анализ, и обучение ведутся либо прямо «не замечая» (если угодно – игнорируя) наиболее «опасные» (с точки зрения поддержания стабильности данной системы) вопросы об источниках богатства (субстанция стоимости, прибыли), справедливости и исторических границах данной системы, либо давая на них ответы строго в рамках абстрактной теории общего рыночного равновесия¹.

¹ «Приспособление к неизвестному – ключевой момент для всей эволюции, – и полной картины событий, к которым постоянно приспосабливается современный рыночный порядок, в действительности не видит никто. Информация, используемая индивидами или организациями для приспособления к неизвестному, может быть только частичной и передается сигналами (т.е. ценами) по длинным цепочкам от индивида к индивиду, причем каждый передает комбинацию потоков абстрактных рыночных сигналов в несколько измененном виде. Тем не менее с помощью этих частичных и фрагментарных сигналов к условиям, которых ни один отдельный человек не в состоянии предвидеть или знать, приспосабливается структура деятельности в целом (пусть даже такое приспособление не бывает вполне совершенным). Вот почему выживает эта структура, а те, кто ее использует, еще и процветают. Сознательно спланированной замены такому самоупорядочивающемуся процессу приспособления к неизвестному быть не может <...> Подобный порядок, пусть и весьма далекий от совершенства и подчас неэффективный, может распространяться шире, нежели какой бы то ни было порядок, который люди могли бы создать, преднамеренно помещая бесчисленные элементы на отводимые им «подходящие» места. Большинство дефектов и проявлений неэффективности таких спонтанных порядков происходит из-за попыток вмешаться в их функционирование, либо прямо препятствуя работе присущих им механизмов, либо стараясь так или иначе улучшить их результаты» →

Что же касается политической экономии, то даже наиболее близкие к *economics* фундаментальные теории (предельной полезности, предельной производительности, факторов производства и т.п.) терпимы (ибо обосновывают аксиомы *economics*), но относительно, ибо вносят в учебные курсы элементы сомнения. *Любая политическая экономия как фундаментальная наука* (а политэкономия труда вдвойне, так как она критична по определению) *неудобна уже тем, что ставит основополагающие вопросы, пробуждая ненужную* (с точки зрения бизнеса – бесполезную) *и идеологически опасную критичность ума*. Поэтому учебный курс (а заодно и исследовательскую деятельность) желателен ограничить лишь использованием выводов, почерпнутых из некоторых школ политической экономии капитала, представляя эти выводы как аксиомы, а не как теории, требующие критического осмысления (опровержения или доказательства, корректировки, на определенном этапе, возможно, радикального обновления – ведь всякая теория устаревает).

Марксизм же с названных точек зрения *представляется особо неудобной доктриной*. Особенно неудобен марксизм в его современном виде – в виде теорий, критически осмысливающих экономику «реального социализма», представляющих ее как в принципе тупиковую социально-экономическую систему, дающих крайне далекую от популярных брошюр и учебников в духе сталинского «Краткого курса...» картину современного мирового капиталистического хозяйства. *Причины такого «неудобства»* также несложно показать.

Во-первых, марксистская теория, на первый взгляд, бесполезна с точки зрения ее использования узким специалистом в какой-либо конкретной области рыночного хозяйства (а именно таких специалистов по преимуществу готовят сегодня, именно такими пытаются стать экономисты-исследователи – на других почти нет спроса). Причина этого проста: классическая политэкономия дает слишком много «ненужных» [для бизнеса] знаний. Более того, она помогает сформировать критически мыслящего и достаточно широко образованного специалиста, которому будет трудно и неприятно работать в своей узкой области, не подвергая сомнению общепринятые правила-«аксиомы».

Во-вторых, критический марксизм как теория, исследующая закономерности генезиса, развития и отмирания экономических систем (в том числе – рыночной), опасен для хозяев общества, ориентированного на сохранение *status quo*, будь то современное буржуазное общество или «реальный социализм».

← (Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1992. С. 70–71, 79. Доступ к электронной версии по ссылке: http://www.libertarium.ru/1_lib_conceit_05. Оригинал: The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. / Vol. 1 of The Collected Works of F.A. Hayek. London: Routledge, and Chicago: University of Chicago Press, 1989).

В-третьих, марксизм как политическая экономия *труда* ставит и заставляет критически осмысливать проблемы собственности, социального неравенства, противоречия общественных интересов, вычлняя их *причины*, что также опасно для стабильной буржуазной системы (творческий марксизм был опасен и для застойного «социализма» ввиду того, что задавал «вредные» вопросы об эксплуатации, привилегиях, уравниловке в мире «воплощенной социальной справедливости»¹).

В силу названных (как минимум) обстоятельств, классическая политическая экономия (ориентированная на вопрос «почему?») вообще, а современный марксизм в особенности отторгаются господствующей сферой практики в буржуазном обществе как бесполезные, а идеологией трактуются как вредные, а потому – ошибочные (в этой извращенной логике – суть идеологии в мире отчуждения).

Но, как мы аргументировали в предыдущей главе, есть и иная практика.

Практика как деятельность общественного человека, творящего историю (естественно, в рамках объективно возможных «русел» социального развития), гораздо шире, чем бизнес в стабильном буржуазном обществе. В той мере, в какой мы хотим быть *практичными* в изначальном смысле этой великой категории², для нас важно понять законы

¹ Неслучайно поэтому столь жестоко преследовались в СССР левые диссиденты. Авторам посчастливилось быть близко знакомыми с одним из крупнейших представителей этого течения – философом П. Абовиным-Егидесом, прошедшим и через лагерь, и через психиатрические лечебницы, и через принудительную высылку из страны, но не изменившим своих взглядов – сторонника демократии и социализма. На таких же позициях стояла и его жена – Т. Самсонова – философ, также вынужденный эмигрировать из СССР. Их позиция была отражена в самиздатском журнале «Поиск». Среди основных работ П. Абовина-Егидеса: *Абовин-Егидес П.М. ...И моя вина. Меморандум всем, кто заинтересован в демократическом движении в СССР. Париж, 1987; Абовин-Егидес П.М. Сквозь ад: «в поисках третьего пути». М.: Молодая гвардия, 1991. О жизни и творчестве П.М. Абовина-Егидеса см.: Воейков М.И. П.М. Абовин-Егидес: проблема свободного научного творчества // Альтернативы. 2005. № 4.*

² Напомним в этой связи знаменитый 11-й тезис К. Маркса о Фейербахе: «Die Philosophen haben die Welt nur verschieden *interpretiert*; es kömmt drauf an, sie zu verändern» (*Marx K. 11. These über Feuerbach. Originalfassung. // Marx-Engels-Werke (MEW), 43 Bände, Berlin/DDR: Dietz Verlag, 1956–90, B. 3. S. 535*) «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменять* его» (традиционный русский перевод – см.: *Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 2. С. 4*). Здесь важен нюанс: перевод собрания сочинений, вопреки контексту, использует иную, чем в оригинале, форму глагола – «*изменить*», хотя совершенно очевидно, что здесь речь не идет о разовом, однократном действии, а практически-действенном способе отношения к миру. Подчеркнем: подобное, восходящее к классическому марксизму, понимание практики развито в работах таких последователей марксизма, как Д. Лукач, →

исторической жизни, исторического прогресса и регресса. Эту задачу помогает решать сложная система теорий, лежащих в рамках той же парадигмы, что и политическая экономия труда. И здесь логичен вопрос: действительно ли можно нащупать точки взаимодействия политической экономии и *economics*?

Возможен ли синтез *ECONOMICS* и политической экономии?

Отвечая на поставленный вопрос, будем исходить из следующих предположений.

Первое. *Economics* уже есть довольно-таки эклектический (по крайней мере, в большинстве случаев, особенно в макроэкономике) синтез определенных политико-экономических разработок (точнее, снятие, «перевод» этих теорий на «язык» функционирования рынка) – от теорий предельной полезности, предельной производительности, факторов производства до кейнсианства и современных разработок в области экологии.

Второе. *Economics* достаточно легко может быть дополнен концепциями и выводами (а отчасти и языком) теоретических школ, генетически связанных с разработками неоклассической политэкономии, такими, например, как новый институционализм. Более того, без такого дополнения *economics* XXI в. принципиально неадекватен даже для отображения практики в им же заданной области (в экономике, где трансакционные издержки примерно равны трансформационным, а права собственности принципиально подвижны, вести исследования, исходящие из установок отсутствия первых и при безразличии ко вторым, по меньшей мере не-серьезно). Но эту проблему *economics* легко может решить и уже активно решает¹.

Третье. Собственно проблемой является возможность той или иной модели синтеза (или иного взаимодействия) теоретических основ *economics* и различных школ классической политической экономии. Это проблема, ибо предмет, метод и содержание этих школ принципиально отличны или противоположны первым. Последнее относится прежде всего к марксизму (особенно – современному марксизму) как синтети-

← Ж.-П. Сартр и др. на Западе, а также в работах таких советских ученых, как Э. Ильенков, Г. Батищев, Н. Злобин и др. уже упоминавшиеся выше ученые.

¹ Капелюшников Р. Экономическая теория прав собственности. М., 1990; Шаститко А. Теоретические вопросы неинституционализма // Введение в институциональный анализ / Под ред. В. Л. Тамбовцева. М.: ТЕИС, 1996. В последние годы вышло немало учебников и монографий в этой области, в России здесь тон задают Р. Капелюшников, А. Шаститко, Р. Нуреев, А. Аузан, А. Олейник и др.

ческой социальной науке и политической экономии труда как его истоку; в меньшей мере – к исторической школе и ее последователям, собственно классическому институционализму, к различным разновидностям социально-экономических теорий постиндустриального общества, к междисциплинарным исследованиям глобальных проблем человечества и т.п.

Этот, третий аспект надо рассмотреть особо. Здесь можно предположить следующие варианты синтеза¹:

Первый – «антисинтез» – вытеснение одной из «синтезируемых» парадигм и ее последующее забвение (то, что произошло с *economics* в СССР, а сейчас происходит с марксизмом в России).

Второй – «снятие» обеих парадигм и генезис новой, творчески вобравшей лучшие их достижения.

Третий – собственно синтез как соединение «лучших сторон» или сходных аспектов различных политико-экономических школ.

Мы постараемся предложить иное – четвертое – решение вопроса. Заранее превосходящая негативную оценку нашей гипотезы множеством читателей (причина проста: в основу такого «синтеза», а точнее – диалектического контрапункта – будет положена марксистская теория и методология, ныне дружно подвергаемая остракизму), тем не менее рискнем сформулировать некоторые аргументы в ее пользу².

Начнем с краткого напоминания охарактеризованных в предыдущей главе основных положений теории превратных форм. Рыночная (в зрелом виде – буржуазная) система, характеризующаяся господством отношений отчуждения³, с неизбежностью порождает такие формы проявления

¹ См. также: *Радаев В.* Обновление экономической теории: пути и проблемы. Вопросы экономики. 1992. № 10. Для этого ученого, как и для многих экс-советских политэкономов начала 1990-х годов, было характерно стремление решить проблему в ключе именно третьего варианта.

² Подробнее эта гипотеза будет развернута и аргументирована в тексте этой книги, посвященном проблемам трудовой теории стоимости.

³ Проблему отчуждения авторы этих строк не раз комментировали и подробнее еще раз вернутся к ней во II томе книги. Кратко мы можем определить отчуждение как такую систему общественных отношений, при которой сущностные силы человека (труд, управление, продукт труда, межличностные отношения и т.п.) не принадлежат человеку, не подконтрольны ему, чужды и присвоены внеличностными феноменами – вещами и т.п. Подробнее этот вопрос рассмотрен нами в первом издании книги «Глобальный капитал» (М., 2004) с отсылками к работам: *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977; *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 42; *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–59 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1 и 2. См. также: *Marcuse H.* One-Dimensional Man. Boston, 1968; *Ollman B.* Alienation; *Meszaros I.* Marx's Theory of Alienation. L., 1970; *Нарский И.* Отчуждение и труд. М., 1983; *Кузьминов Я., Набиуллина Э., Радаев В., Субботина Т.* Отчуждение труда: история и современность. М., 1989.

глубинных закономерностей этого мира, которые *как бы* «выворачивают наизнанку», ставят с ног на голову действительные, сущностные закономерности. Причем это «выворачивание», превращение происходит не по чьей-то злой воле или недомыслию людей (ученых, идеологов), а объективно. В результате формы поверхностного движения экономических отношений, воспринимаемые их участниками на уровне «здорового смысла», проявляют себя таким образом, что создают неадекватное представление о закономерностях, лежащих в их основе.

В рыночной системе сама жизнь, каждодневный опыт *хозяйствования* (но не практика исторического творчества) доказывают, что превратные формы – это истина, а скрываемое ими содержание – фикция. К числу таких превратных форм, иллюзий, порождаемых практикой (когда, по образному выражению Маркса, *кажется то, что есть на самом деле*), относится вся совокупность экономических проявлений буржуазного мира. Товар *кажется* всего лишь полезной вещью, цена рабочей силы – платой за труд и т.п. Такой мир создает иллюзию того, что экономика – это «взаимодействие» между товарами, деньгами, капиталами, что именно они, а не человек – хозяева и создатели богатства. И самое главное в том, что эта иллюзия реальна. В мире отчуждения отношения между людьми построены так, что производимые ими вещи и создаваемые ими артефакты – деньги, капиталы, государство – господствуют над человеком, подчиняют себе его интересы и поведение. Собственно, в этом и состоит суть явления, названного К. Марксом товарным (и денежным) фетишизмом.

Поэтому *превратные формы порождают и мнимое содержание*, создают иллюзию того, что за ними стоит не истинное содержание процессов (оно-то как раз скрыто), а нечто иное, и истинность этого нечто подтверждается каждодневным опытом.

Подобные предварительные рассуждения помогают понять суть предлагаемой *гипотезы о взаимосвязи классической политической экономии (высшим достижением которой мы считаем ее марксистскую версию) и ecomotics*: содержащееся в *ecomotics* описание механизмов функционирования рынка есть адекватное и истинное (в рамках соответствующей, относительно узкой «области допустимых значений») отражение действительно существующих **превратных форм** зрелой буржуазной экономики. И поскольку всякие превратные формы объективно «наводят морок», создают иллюзию наличия в их основании иного, чем действительное, содержания, постольку *ecomotics* базируется на теоретически вполне адекватном отображении этого *мнимого* содержания (теории предельной полезности и производительности и т.п.). Эти теории достаточно точно и истинно отображают это [мнимое] содержание, не замечая «всего лишь» маленького «нюанса», а именно того, что достоверно описываемые ими содержательные феномены не более чем морок...

Такое описание и лежащие в его основе исследования вполне проходят проверку на фальсификацию, ибо они, намеренно повторим, адек-

ватно отражают реальность – [превратные] формы функционирования рынка. Более того, они необходимы для жизни и деятельности в этом мире и *по его правилам*. Подобно тому как в средневековом мире было практически полезно и целесообразно (с точки зрения здравого смысла) не только теоретически доказывать, но и практически исходить из того, что Земля – плоская, а сословная иерархия и крепостничество – вечны и незыблемы, ибо это божественное установление, так и в буржуазном мире полезно (с точки зрения здравого смысла) следовать правилам *economics*.

(Здесь, правда, нужна оговорка: в эпоху «заката» той или иной системы отчуждения – например, в эпоху смены Средневековья Ренессансом – для практики, заглядывающей в будущее, требуется проникновение за «занавес» превратных форм, иначе ученому никогда не стать Николаем Коперником, Галилео Галилеем или Джордано Бруно.)

Описание превратных форм как таковых создает объективную видимость того, что за ними скрывается и адекватное им (как бы «оправдывающее» их) содержание. Так, для описываемых в микроэкономике механизмов поведения фирмы и потребителя, взаимодействия агентов на рынках факторов производства адекватны теории предельной полезности, предельной производительности, факторов производства и др. Адекватны именно потому, что они описывают поведение экономических агентов, находящихся в условиях объективно формирующегося товарного и денежного фетишизма.

Если принять данную посылку (*economics* есть адекватное, хотя и неполное отображение превратных форм буржуазной экономики), то можно сделать вывод, что *лежащие в основе ecomotics политико-экономические разработки выражают мнимое* (но не случайное, а объективно порожаемое миром отчуждения и соответствующее интересам и жизнедеятельности господствующих сил данного общества) *содержание этой экономики*.

Читатель легко разгадает дальнейшую логику авторов. При таком подходе действительным (но не адекватным здравому смыслу) содержанием капиталистического базиса будет система отношений, описываемых марксистской политической экономией и тесно сопряженными с ней школами. В последней есть немало «выходов» на *economotics* и лежащие в его основе теории.

Так, теория товара (подчеркнем – именно товара) предполагает, что в основе этого феномена лежит противоречие стоимости и потребительной стоимости и что, более того, стоимость может проявляться и измеряться только... потребительной стоимостью другого товара. Это, безусловно, не теория предельной полезности, но это четкое указание на то, что, пройдя через десятки ступеней восхождения от абстрактного к конкретному, мы должны будем прийти к системе проявлений стоимости в актах взаимодействия товаров, в том числе и как потребительных стоимостей. Более

того, еще в I отделе I тома «Капитала» Маркс указывает, что величина цены непосредственно определяется ничем иным, как соотношением спроса и предложения, что есть эмпирический феномен. Теория капитала Маркса с неизбежностью подводит к тому, что прибавочная стоимость на поверхности явлений имеет [превратную] форму прибыли, которая внешне должна представлять и предстает именно как продукт всего капитала, а заработная плата – как плата за труд. Эту линию легко продолжить.

Иными словами, Маркс подошел к выделению превратных форм буржуазной экономики и, по нашему мнению, если бы он завершал «Капитал» в конце XIX – начале XX в., то в качестве механизмов функционирования рынка предложил бы нечто сходное с тем, что описывается в разделах *economics*, посвященных проблемам формирования спроса, предложения, цены и т.п.

Как уже было замечено, подробнее эту логику мы развернем во втором томе книги в связи с анализом трудовой теории стоимости, а сейчас завершим данный пассаж принципиально важной ремаркой: **трактовка *economics* как теоретического отражения превратных форм рыночной экономики** нисколько не умаляет ценности этого научного направления, ибо других форм у буржуазной экономики нет.

Иное дело, что политико-экономические теории, лежащие в основе *economics*, при таком подходе оказываются отображением мнимого содержания; однако мнимый характер последнего не означает, что оно является чистой выдумкой или появилось случайно.

Используя историческую параллель с феодализмом, отметим: как в данном обществе было неслучайно появление теоретических обоснований сословного неравенства (люди действительно считали его вечным, естественным, идущим «от бога»), так и в буржуазном обществе неслучайно появилось обоснование рынка как вечной и «естественной» системы хозяйствования (обыденное буржуазное сознание действительно так воспринимает рынок); как теории «вечности» сословного неравенства были и остаются полезны для понимания мира феодализма, так же полезны для понимания буржуазного мира теории «естественности» рыночного бытия.

Но и те, и другие не адекватны для науки, пытающейся понять действительные качество, сущность, явление (а значит – исторические границы, противоречия, прогрессивность и регрессивность) той или иной из исследуемых систем. И те, и другие будут противостоять теории и практике сил, стремящихся к обновлению, смене старой системы. Более того, в эпоху зарождения качественно новых отношений в недрах предшествующей системы даже адекватное превратным формам этого «старого» мира описание механизмов их функционирования (применительно к буржуазной экономике это дает *economics*) оказывается недостаточным для адекватного понимания даже этих форм, ибо и в сфере явления рождается целый ряд феноменов, выходящих за рамки «старого» качества,

понимание которых требует привлечения более сложных теоретических оснований.

Сказанное обуславливает необходимость вновь вернуться к сравнению политической экономии и *economics*, показав, что ряд проблем экономической теории последний не может решить в принципе.

ПРОБЛЕМЫ, КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ РЕШИТЬ, ОСТАВАЯСЬ В РУСЛЕ ECONOMICS

Эта стратегическая альтернатива прямо связана и с теоретическими дебатами нарождающейся постклассической политической экономии и все еще господствующего *economics*.

Эти две парадигмы существенно различным образом отвечают на все «вечные» вопросы экономической теории, по-разному определяя сам феномен экономики (т.е. свой предмет) и методы ее исследования, ее акторов и основные категории. На этом, пожалуй, стоит остановиться чуть подробнее, проведя краткий сравнительный анализ этих двух парадигм по обозначенным выше параметрам.

Итак, сама экономика в трактовке *economics* предстает как сфера индивидуального выбора рациональным экономическим индивидом наиболее эффективного пути использования ограниченных ресурсов. Эта теза может несколько корректироваться (в частности, в свете нынешних дебатов о мере рациональности индивида), но принципиальная постановка вопроса не изменяется: центральная проблема – это выбор атомизированным актором оптимальной модели совершения трансакций, которые по определению носят рыночный характер. Именно эта модель переносится и на другие сферы общественной жизни. Более того, в большинстве случаев мэтры монетаризма (определяющие *mainstream* в рамках *economics*¹) вообще стремятся свести экономическую науку к теории денег (высказывание: «экономика – это деньги» приписывается десяткам «классиков» *economics* и даже российским министрам финансов).

Постклассическая политическая экономия принципиально иначе рассматривает «экономiku». Для нас это совокупность (1) качественно различных (2) исторически-конкретных (3) объективно-обусловленных (4) систем (5) производственных отношений, в которые не только индивиды, но и (6) их социальные группы вступают в (7) процессе *воспроизводства человеческого общества*. Эти системы (8) *взаимодействуют* с природой и технологическими основами экономики, а также (9) ее социогуманитарным оформлением в процессе (10) исторического раз-

¹ Влияние крайне правых экономистов-теоретиков, идущее от Хайека, на «основное течение» экономической теории точно и адекватно раскрыто в упоминавшейся выше статье А.И. Московского.

вития, критерии прогресса которого и (II) задают высшие критерии эффективности экономического процесса.

Все эти акценты радикально отличают политэкономический подход. По сути дела, это иная, чем есоnomics, наука: у них разный предмет. Но в то же время ряд объектов этих наук совпадает: и та, и другая, в частности, анализирует процессы движения товаров (продуктов, услуг) и акторов этого процесса (человек, государство...), имеют сходные категории (стоимость или ценность, деньги, капитал, рента...). Поэтому сравнение этих парадигм имеет смысл.

Методы исследования этих дисциплин также весьма различны. Если для есоnomics исходный пункт исследования – это прежде всего количественно измеримые (в подавляющем большинстве случаев – в деньгах) эмпирические данные, то для политической экономии – общественная практика, понятая как деятельность общественного индивида, а эмпирические данные в большинстве случаев – это не более чем косвенное отражение видимостей и превратных форм, которые надо исследовать с тем, чтобы добраться до истины, а не принимать как факт = критерий истины. Само исследование для есоnomics есть прежде всего позитивное, верифицируемое моделирование (как правило – математическое) процессов функционирования некоторых параметров рынка и регулирующих воздействий. Для политической экономии это исследование системы противоречий исторически развивающейся реальности, отображаемое в системе генетически взаимосвязанных категорий, где одни категории (видимость) отрицают другие (сущность) и лишь вся система категорий в целом дает конкретное представление о предмете, а противоречия есть свидетельство не ошибки, а приближения к истине. Математические же модели в политэкономии играют роль одной из форм отображения количественных (преимущественно функциональных) взаимодействий – принципиально значимый пласт явлений, который, однако, далеко не исчерпывает сложный мир социально-экономических отношений.

Столь же различно понимание акторов экономики. Исходным и важнейшим аспектом этой проблемы является определение *Человека* и его места в экономике, поэтому уделим этому вопросу особое внимание.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА
В МАРКСИСТСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.
ПРОЛЕГОМЕНЫ

В предыдущей части книги мы специально остановились на трактовке Человека в социальной философии марксизма. Ниже мы сделаем акцент на политико-экономических аспектах проблемы, при этом неизбежно (в силу междисциплинарности марксизма вообще и марксистской

теории человека, в частности) повторяя некоторые тезисы предыдущей части.

Начнем с того, что в большинстве работ, написанных в рамках неоклассической экономической парадигмы, проблема человека обычно сводится к дискуссии о большей или меньшей его рациональности и о путях наиболее эффективных инвестиций в человеческий капитал. Марксистский подход позволяет многократно богаче осветить проблему Человека.

Начнем с важной ремарки: *в рамках классической политэкономии и неоклассического направления некоторые параметры социально-экономического бытия человека имеют сходные трактовки.* Большинство из них хорошо известно. Однако немало ныне и забыто. Поэтому не поленимся напомнить некоторые азы.

Основным сходным моментом, вне сомнения, является то, что практически все школы (от А. Смита и его последователей в рамках классической политической экономии до А. Маршалла и его коллег по неоклассической экономической теории) на уровне предельных абстракций признают: в системе отношений товарного производства человек выполняет роль обособленного рыночного агента, максимизирующего денежный доход и минимизирующего издержки (прежде всего затраты труда).

Разница в этом вопросе, казалось бы, состоит в пустяке: неоклассики и представители более радикально-рыночных течений (австрийской школы) исходят из того, что бытие человека как рационального эгоиста есть его естественное качество, т.е. как бы вечное, неизменное, изначально и единственно возможное. Марксистская же политэкономия этот интерес человека выводит из анализа отношений товарного производства (вспомним хотя бы параграф о товарном фетишизме, завершающий анализ противоречий товара в «Капитале» К. Маркса) и доказывает, что это не вечное и естественное свойство, а конкретно-историческое качество человека, формируемое системой отношений товарного производства.

Значительное сходство неоклассики и классической политэкономии имеется и в трактовке свободы человека. Обе школы подчеркивают, что человек свободно делает выбор, определяя параметры своего поведения на рынке. В частности, у К. Маркса и его последователей это отражено в категориях «обособленность производителей» (она показывает независимость рыночного агента от других экономических лиц) и «негативная свобода» (она показывает независимость рыночного агента от внеэкономического принуждения). У этой свободы есть вполне жесткие материальные ограничения: человек на рынке может независимо принимать решения только в рамках платежеспособного спроса (классическая политэкономия, марксизм) или в рамках «бюджетных ограничений» (неоклассика). В этом пункте различные школы также сходны, хотя неоклассикам не близок акцент на том факте, что человек на рынке свободен только в той мере, в какой у него есть деньги. По сути, это

означает: рыночная свобода человека на уровне исходной абстракции равна количеству денег на его счете.

И, наконец, все школы исходят из того, что реальный человек в его реальном общественном бытии является не только рациональным экономическим эгоистом, но и субъектом некоторых нравственных, идеологических, политических, культурных и т.п. ценностей и интересов, а также нерациональных импульсов¹. Показательно, что и марксизм, и неоклассика исходят из того, что в экономических отношениях базисная детерминация лежит на стороне экономических отношений².

Однако в наиболее содержательных аспектах **марксизм и неоклассика принципиально различны в понимании Человека как актора экономики.**

Прежде чем выделить ключевые аспекты марксистской теории человека, отметим: классическая политэкономия – это живая и активно развивающаяся теория. Сводить ее исключительно к работам К. Маркса ничуть не более правомерно, чем сводить неоклассику к трудам А. Маршалла. Так же как неоклассика, марксистская политэкономия прошла

¹ Для актуализации аргументов приведем цитату: «Человеком могут руководить альтруистические соображения, честность, правдивость, чувство гордости. Отсюда возникают побудительные мотивы коллективных действий людей» (см.: Рудакова И.Е., Курносова Т.И. Представление о человеке и человеческий капитал в экономической теории // Философия хозяйства. 2013. № 2. С. 109). Удивительный факт: авторы выводят коллективные действия не только из альтруистических побуждений, но и из того, что человек может стремиться быть честным, правдивым и гордиться тем, что он делает. Примечательно: по мнению авторов, бизнесмен не может быть честным, правдивым и гордиться своим делом? Или это есть симптоматичная оговорка, порожденная российскими представлениями об интенциях бизнесменов?

² Впрочем, и здесь есть существенные различия. Для неоклассики сказанное – это как бы аксиома, которую не надо доказывать. В рамках марксизма указанное положение является частью богатой, разработанной сотнями крупнейших ученых мира теории материалистического понимания истории, раскрывающей, в частности, причинно-следственную связь между производственными отношениями определенной общественной системы и специфики социального бытия человека как часть общей теории отношений отчуждения, характерных для эпохи общественной экономической формации, показывая, что отчуждение может быть снято по мере продвижения к социуму, лежащему «по ту сторону царства экономической необходимости».

Более того, марксисты и их последователи многие десятилетия назад показали, что кроме рационального рыночного эгоиста человек в его социально-экономическом (а не только нравственном, культурном и т.п.) бытии может быть носителем общественных – альтруистических – объективных интересов и субъективных ценностей; неоклассика «открыла» это лишь на рубеже XX–XXI веков, не только констатируя наличие долгосрочных неэгоистических интересов, но и выведя их как закономерный результат развертывания своей социальной теории.

большую дорогу, и этот путь обязан учитывать всякий, кто решается исследовать вышеупомянутые аспекты.

Начинать изучение основных положений классической политэкономии, и в частности марксизма, в вопросах, касающихся человека в его социально-экономическом бытии, следует с понимания – *проблема Человека марксизмом всегда принципиально рассматривается как междисциплинарная*. В ней нет и не может быть какой-либо отдельной экономической, социологической и т.п. теории человека. Плодотворным может быть только абстрагирование из этой целостной теории некоторых аспектов, важных для экономических, социологических и т.п. исследований. Но это абстрагирование должно всякий раз исходить из целостной междисциплинарной теории и возвращаться к нему, соотносясь с ним на всех ступенях исследования.

Важно, что в рамках этой теории понятие Человек неслучайно пишется с большой буквы, ибо его *личностное развитие позиционируется как высший критерий прогресса и, соответственно, высшая мера эффективности*, позволяющая сравнивать между собой различные общественные (в частности, экономические) системы.

Также в классической политэкономии показывается, что *социально-экономическая природа Человека качественно различна в разных экономических системах*. Соответственно, принципиально различны цели и мотивы деятельности, социально-экономические нормы поведения человека и, следовательно, социально-экономическая природа этого актора¹.

Следующим ключевым положением с точки зрения классической политэкономии необходимо считать то, что *Человек в условиях экономической общественной формации включен в большие социально-экономические структуры* (классы, страты и т.п.), которые, в свою очередь, существенно детерминируют тип его экономического поведения, ценности и мотивы, и – главное – социально-экономические интересы.

Соответственно, проблема рациональности не только в классической политэкономии, но и в экономической теории в целом должна стоять не столько как вопрос большей или меньшей рациональности, сколько в качестве *проблемы особенного конкретно-исторического типа рациональности*. Этот тезис, раскрытый нами в предыдущей части, позволяет сделать вывод, что в экономике *существуют качественно различные*

¹ Повторим здесь еще раз весьма важную ссылку: в марксизме периодизация основных крупных исторических этапов человеческого развития прямо связывается с социально-экономическим качеством человека в различных общественных системах. На этой основе Маркс, напомним, выделяет следующие периоды: личная зависимость (добуржуазные системы и типичный для них лично зависимый индивид – раб частного лица или государственной деспотии, крепостной, вассал, подданный...), вещная зависимость (человек как функция рынка, товарного и денежного фетишизма), свободная индивидуальность.

типы рационального поведения человека, характерные для разных социально-экономических систем и представителей разных социальных страт.

И потому главным для экономической теории является вопрос не столько о том, насколько рационален человек, сколько о том, *как* он рационален, *что* и *почему* он максимизирует/минимизирует: соблюдение личной чести и/или традиций, деньги, творческую деятельность, справедливость и солидарность, благо Родины. И – главное – как и почему он совершает те или иные поступки в своей общественно-исторической практике, как и в какой мере его поведение детерминировано той или иной исторически специфической системой экономических отношений (добуржуазной, капиталистической), как и почему он самоопределяет себя, поддерживая или отвергая эко-социо-гуманитарные реформы, иницилируя (поддерживая) или нет революции.

Соответственно, напомним, с точки зрения теории марксизма человек – это не только продукт определенных производительных сил и объективных общественных отношений (прежде всего производственных), но и **творец истории**¹. Это две противоположных и единых в рамках общественной экономической формации ипостаси бытия Человека.

Существенно, что за последние десятилетия в неоклассике и теориях, базирующихся на ее методологии, появились относительно новые разработки в области проблемы человека.

К числу таких «открытий» относятся разработки представителей нового институционализма, обнаруживших, что на процесс принятия решений и выбор индивидов влияют институты. Здесь, что называется, комментарии излишни: это прямое заимствование одного из выводов марксизма. Как мы уже не раз отмечали, представители нашей школы² столетие назад показали, что, в частности, производственные отношения определяют социальный тип человека, его интересы, ценности и мотивы.

¹ Следует подчеркнуть, что Г.В. Плеханов и вслед за ним многие марксисты XX в. видели в человеке не столько автора драмы по имени «Всемирная история», сколько актера, чьими стараниями эта драма становится реальностью. Г.В. Плеханов неслучайно замечает, что человек «...не только служит орудием необходимости и не только не может не служить, но и страстно хочет и не может не хотеть служить. Это – сторона свободы, и притом свободы, выросшей из необходимости, т. е. вернее сказать, это – свобода, отождествившаяся с необходимостью, это – необходимость, преобразившаяся в свободу» (Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5 тт. Т. 2. М., 1956. С. 307). Подробнее см.: Русский марксизм: Г.В. Плеханов, В.И. Ульянов (Ленин) / Под ред. А.В. Бугалина, Б.И. Пружинина. М., 2013.

² Мы уже указывали на известные работы Г.В. Плеханова. Подробнее о его вкладе в решение этой проблемы (и не только) см.: Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин) / Под ред. А.В. Бугалина, Б.И. Пружинина. М.: Росспэн, 2013.

«Перевод» этого тезиса с языка марксизма на язык институционализма и сведение проблемы к описанию форм производственных отношений (без анализа сущности и ее противоречий) – такова была бы «заслуга» данного направления в этом вопросе¹, если бы не существенный «нюанс». А «нюанс» этот не случаен и значим: новый институционализм предлагает конкретные разработки, раскрывающие важные для процессов накопления капитала формы отчужденного бытия человека в условиях позднего капитализма. В последнем вопросе новый институционализм действительно преуспел, раскрывая, вслед за Беккером, все новые и новые формы «орыночничивания» человека и его подчинения глобальной гегемонии капитала. Для практики главных акторов рыночной системы (мы скажем жестче и определеннее: буржуазии вообще и номенклатуры глобального капитала, в частности) это, спору нет, весьма важные теоретические результаты, имеющие большие перспективы практического применения.

Так и получается, что в стремлении приблизиться к реалиям экономических отношений новый институционализм вынужден многое заимствовать из марксизма, но делать это так, чтобы никто не заметил заимствования (для чего применяется метод переименований и «перевода» известных положений на новый «язык», что и создает видимость абсолютной новизны) и приспособливая марксистские методологию и теорию к нуждам практики глобального капитала.

Вернемся к недавним «открытиям» неоклассики в области теории человека.

К числу таких «прозрений» относится формулировка, по сути дела, диалектического противоречия, указывающего на ограниченность неоклассической методологии: по признанию адептов последней, как только эта теория пытается выйти за рамки абстрактно-одномерной модели экономического человека, описание поведения индивида теряет операциональность и утрачивает удобства формализации. Так, в рамках «основного течения» возникает выбор: либо слишком упрощенная, но операциональная модель, либо учет реальной сложности объекта, но утеря операциональности.

На наш взгляд, однако, эта дилемма отчасти снята в некоторых современных работах, принадлежащих к неоклассической парадигме. Так, например, этой теории удастся начать строить модели, учитывающие, что (1) у людей наличествуют долгосрочные устойчивые интенции к осуществлению действий, направленных на общественное, а не частное благо; (2) люди не только конкурируют, но и вступают в отношения солидарности; (3) существуют не только частные интересы ин-

¹ Подчеркнем и еще один важный пункт: как и все остальные теории, выросшие из неоклассики, новый институционализм рассматривает человека не его конкретно-исторической и социально-классовой обусловленности.

дивидов, но и единые для них общественные экономические интересы (мы еще вернемся к анализу этих разработок во II томе, где мы, в частности, будем рассматривать теории человеческого и социального «капитала»).

Все эти «открытия» в основе своей повторяют основные положения марксистской политэкономии (в том числе – советской), но при этом (1) дополняют их «операциональностью» и (2) знакомят читателей, не способных (или не желающих) познакомиться с марксизмом, с важными аспектами социально-экономического бытия человека. Как таковые они заслуживают позитивной оценки, которая была бы еще выше, если бы эти авторы указывали марксистские основания своих «новых» идей, не забывая про ссылки на первоисточники. Сие, ко всему прочему, могло бы существенно помочь им в дальнейшем исследовании данного круга проблем при помощи совместных усилий преодолевающих догматизм марксистов и «прозревших» (способных увидеть нерыночные отношения в экономике) неоклассиков.

Наконец, заметим, что для марксистской экономической теории также принципиально значимым является исследование не только индивидов, но и таких акторов, как *коллективы, социальные страты, классы*. Более того, важен вопрос о том, что есть общество, и может ли оно рассматриваться как самостоятельный актор, обладающий некоторыми реальными *общенародными экономическими интересами*.

Напоминая, что с точки зрения политической экономики *общенародные интересы* – это не фикция и даже не только теоретическая абстракция, а реальный экономический феномен, с которым необходимо считаться в практике и который необходимо изучать в теории, приведем только один пример. *Общечеловеческий интерес сохранения и рекреации природы* – это реальный фактор, обуславливающий необходимость скоординированных на международном уровне экономических действий и осуществления значимых затрат; это феномен, требующий перехода при оценке макроэкономической эффективности к показателям, учитывающим сокращение не возобновляемых природных ресурсов и загрязнения среды и т.п. А ведь этим примером отнюдь не исчерпывается спектр общенациональных интересов, которые включают массу теоретических и практических проблем социальной защиты, экономической безопасности и т.п. с соответствующей корректировкой всех оценочных показателей, и не только...

* * *

Вернемся к проблеме различий в понимании ключевых акторов экономики в марксизме и есопоміс.

Не менее сложна, чем вопрос о природе и роли Человека, проблема трактовки *государства и его роли в экономике*. В политической экономике государство предстает как *исторически различный актор, специфици-*

ческий для разных экономических систем, представляющий сложную совокупность интересов (от общенародных до интересов господствующего в данном обществе класса, равно как и интересов государственной бюрократии как особой подсистемы этого института). Соответственно, роль государства в экономике отнюдь не сводится к минимально-необходимому вмешательству, связанному с компенсацией провалов рынка. Она определяется как действия особого экономического субъекта, реализующего особый способ экономической координации – учет, контроль, регулирование, программирование и т.п., развивающего новый класс отношений собственности (общественной), распределения дохода (социальные трансферты, и не только), воспроизводства и т.д.

Мы еще не раз будем обращаться к проблеме марксистской трактовки государства, а сейчас продолжим наш анализ.

Кажущееся сходство в определении «*фирмы*» в марксистской политической экономии и есономіcs тоже оказывается видимостью.

С одной стороны, есономіcs (и даже новый институционализм) по сути дела заимствовал классическое политэкономическое определение основного хозяйствующего субъекта рыночной экономики: (1) обособленный владелец товара (в развитом виде – капитала), целью которого (2) является максимизация прибыли и для которого (3) характерны планомерные внутренние и конкурентно-рыночные внешние связи. Все три пункта восходят к классическим предшественникам Маркса и развиты в «Капитале». Неоклассика воспроизводит (только несколько иными словами) и первое, и второе, и третье (в последнем особенно преуспел новый институционализм, который «открыл», что фирма – это система, в рамках которой нерыночные связи эффективнее рыночных, повторив на новый лад старый добрый вывод «Капитала» о внутрифирменной планомерности).

С другой стороны, политэкономический подход к трактовке первичного хозяйственного звена шире и глубже. Шире, ибо он предполагает выделение такого звена в разных экономических системах. Так, в эпоху доиндустриального феодализма первичным звеном были поместье, крестьянская община; раннего капитализма – простая капиталистическая кооперация; развитого индустриального капитализма – капиталистическая фабрика; постиндустриальной системы – капитал-сеть и т.д. Глубже, ибо в политэкономии специально анализируется различие технологических основ первичного звена (на что мы указали выше), его социально-экономической формы (скажем, при капитализме она эволюционирует от мелкого товаропроизводителя до транснациональной корпорации) и юридического оформления. Наконец, для политэкономии «фирма» – это ячейка, в которой отражаются (как океан в капле воды) все производственные отношения той или иной экономической системы (последнее отчасти характерно для близких к политэкономии направлений – классического институционализма и экономической социологии).

Вот почему вопрос о трактовке практически всех экономических категорий поставит перед нами те же задачи-проблемы различения и сопряжения их смыслов и места в науке...

И все это в конечном счете потребует ответа на *ключевые вопросы*:

- что и для чего изучают эти науки;
- кем поставленные задачи решают и на чьи вызовы отвечают, чьи интересы лежат в основе «социального заказа», реализуемого исследователями;
- что, как и почему они (вследствие этого) рекомендуют экономическим акторам, и каким именно акторам в первую очередь: потребителю? бизнесу? профсоюзу? государству? партии (правой? центристской? левой?) НПО? социальным движениям?¹

Так мы вновь (надеемся, что на новом витке исследования) вернулись к выводу одного из предыдущих подразделов: практика как деятельность общественного человека, творящего историю, гораздо шире, чем бизнес в стабильном буржуазном обществе. Этот тезис позволяет нам продолжить сравнительный анализ *economics* и политической экономии.

А продолжим мы его апелляцией к банальному положению: признаем ли мы, что мир качественно изменчив и что эти изменения особенно интенсивно происходят в последние десятилетия (постиндустриальная революция, обострение глобальных проблем, рождение и распад «реального социализма»), что чем дальше, тем больше именно они будут определять передний край нашей общественной практики, а значит, и теории; признаем ли мы, что мир глобален и его социально-экономическая жизнь несводима к функционированию рынка; более того, признаем ли мы, что необходимая для практики в широком смысле слова политико-экономическая теория несводима к узкому кругу выводов, используемых *economics*? Если мы признаем все это, а также примем во внимание сформулированные выше различия политической экономии и *economics*, то мы сможем сформулировать весьма важные *методологические гипотезы*.

¹ Даже если ученый-обществовед, в соответствии с заветом своего естественнонаучного собрата, скажет, что его теория адресована всем, кому дорога истина, он нигде не сможет деться от того, что «истины» одних будут использовать консерваторы, других – социал-демократы, третьих –... И настоящий ученый должен отвечать на вопрос, почему его теорию использует та или иная общественная сила. И вы знаете, каким, скорее всего, будет ответ: потому, что только эта сила заинтересована в честном отображении действительного положения дел и политически неангажирована. Так, например, «экономические империалисты» в своем большинстве уверены, что такой общественной силой является бизнес, доверяющие ему граждане и представляющие их интересы партии, а все, кто им так или иначе противостоит – идеологически ангажированы (в отличие от «идеологически нейтральных» сторонников «основного течения»).

тезы, показывающие *спектр проблемных полей, которые ecomotícs не охватывает вообще или рассматривает, заимствуя багаж политической экономики*, причем заимствуя поверхностно, неполно и без указания на первоисточник. Этот спектр будет прямо корреспондировать с выделенной выше спецификой предмета и метода посткласической политэкономии и ecomotícs.

1. «По ту сторону» ecomotícs, по сути дела, остаются все вопросы исследования *нерыночных экономических систем и нерыночных экономических отношений; эта теория «рыночноцентрична»*; все, что рынок, для нее не существует, или истолковывается по принципу «рыночноподобия», или оценивается как провалы рынка, которые должны быть сведены к минимуму¹.

2. Даже если абстрагироваться от нерыночных систем, ecomotícs принципиально не исследует рынок (мы бы сказали, систему товарных, в частности, капиталистических отношений) как *исторически-конкретную*, т.е. возникающую и преходящую систему. В его рамках просто нет достаточных методологических и теоретических оснований для такого исследования.

3. В предыдущем разделе данного текста мы специально показали главную проблему: *ecomotícs дает теоретические основания только для исследования механизма функциональных взаимосвязей между различными экономическими агентами. Лежащие в глубине проблемы сущности «рыночной экономики» – сложную систему производственных отношений капитализма, закономерности его эволюции, его противоречия, причины рождения, развития и «заката» эта теория даже не ставит и не может ставить.*

4. *Ecomotícs оставляет в стороне проблемы исследования реальных общественных отношений между различными большими группами людей (классами, слоями) в процессе производства и распределения, а не только обмена и потребительского выбора. Вследствие этого в основном игнорируются как производственно-экономические, так и социально-экономические проблемы, а вместе с этим экономические основы социально-классовой стратификации, понимание интересов и закономерностей поведения, противоречий и компромиссов этих сил, причин и последствий реформ и революций etc.*

5. «По ту сторону» ecomotícs оказываются *каузальные связи, характеризующие проблемы макроэкономической динамики (воспроизводства)*. Ответы на вопросы о *причинах кризисов или их отсутствия, о причинах того или иного качества роста, соотношения роста и развития, экономических основах социально-гуманитарного прогресса (регресса) и т.п.* найти в рамках стандартной макроэкономики невозможно. Последняя дает

¹ О «рыночноцентричности» современного mainstream'a мы будем специально размышлять в следующем тексте, а о некоторых современных исключениях – например, экономической теории счастья – мы упомянем ниже.

только характеристику (более или менее адекватную, ибо всегда абстрагируется от массы принципиально значимых, но не квантифицируемых параметров) тех или иных функциональных связей (модели роста и т.п.).

6. За небольшим исключением работ, написанных постмарксистами, *economics* игнорирует проблему взаимодействия материально-технических основ экономики и собственно экономических процессов. За его бортом остаются экономические причины и последствия смены технологических укладов, *economics* не рассматривает вопрос о том, почему и как определенный тип производственных отношений определяет особый тип технической эволюции – доминирование производства предметов роскоши в эпоху позднего капитализма, вещный фетишизм рыночной экономики, подмеченная еще Бодрийяром ориентация на производство симулякров (об этом типе рынка мы пишем в другом тексте), все более характерное для капитализма эпохи постмодерна... Эти проблемы активно разрабатываются в западной литературе, но почти исключительно вне методологии неоклассики.

7. Наконец, для *economics* по большому счету существуют только те экономические параметры, которые подлежат квантификации, могут быть количественно выражены. От всего остального – по сути дела, от главной экономической материи, требующей применения не столько количественного, сколько качественного системного анализа, эта теория просто уходит, объявляя вненаучным все то, что нельзя «строго» (т.е. при помощи сколь угодно далекой от реалий, но математически выверенной модели) отобразить и верифицировать.

Названные выше пункты относительно хорошо известны. Что касается первых двух, то авторы анализируют их в тексте, посвященном критике «рыночноцентрической» модели экономической теории, о проблемах, рассматриваемых в третьем, четвертом и пятом много писалось в названных выше марксистских источниках, и поэтому эти аспекты мы развивать не будем.

Гораздо интереснее для нас посмотреть на проблемы, связанные с теми значимыми изменениями, которые не описываются ни в «классических» учебниках *economics*, ни в классической политической экономии, и подумать, насколько годится для их исследования неоклассическая методология и теория (доказательству эффективности использования для этих целей современной марксистской теории были посвящены предыдущие разделы книги).

Экономика XXI века: адекватен ли *ECONOMICS*
для исследования ее специфики?

Начнем с достаточно жесткого утверждения: *economics* малоприспособен для анализа качественных социально-экономических трансформаций.

Мировая экономика XX–XXI вв. знаменуется началом качественных перемен, которые в рамках *economics* не находят адекватного отображения, фиксируясь либо как «внешние эффекты», либо как временные состояния, связанные с незавершенностью продвижения к идеальной [рыночной] модели, либо как исключения из правил. Для экономических исследований и преподавания экономических дисциплин (а это процессы, идущие в эпоху интеграции науки и образования рука об руку) в эпоху качественных изменений в общественной жизни принципиально актуальными становятся парадигмы, акцентирующие внимание на качественной стороне, причинах и природе, закономерностях э- или *инволюции*, прогресса или регресса экономик, критериев последних и т.п. А это означает, в частности, изучение границ и пределов систем, обладающих конкретным системным качеством, их противоречий и т.п. материи, «запретной» для *economics*.

Такие исследования и такое образование позволяют не бояться видеть новое, адекватно его оценивать (т.е. оценивать как *новое качество, тип* экономики, а не особую [странную] разновидность рынка) и, что особенно важно, не впадать в *редукционизм*.

Последнее требует некоторого комментария. *Редукционизм*, подразумевающий стремление к объяснению качественно новых феноменов всего лишь как разновидности хорошо известных старых или «исключения из правил», которым можно пренебречь – *наиболее типичный «грех» ортодоксальных теорий (в частности, economics) в период «заката» определенной социально-экономической системы, адептами которой являются представители ортодоксии.*

Этот «грех» рождается не на пустом месте: его производит сама жизнь, практика. «Защитные механизмы» старой системы стремятся подчинить, ассимилировать ростки нового, приспособить их к своей собственной пользе, что им до поры до времени (пока не грянут реформы и/или революции), как правило, и удается.

Упомянем в этой связи пример с выделением «несовершенной» конкуренции. Начнем с того, что сам термин «грешит» *редукционизмом*: любое отступление от идеала свободной конкуренции есть *несовершенство*. Но главное не в этом: «несовершенная» конкуренция в *economics* рассматривается, по сути, как некоторое исключение из господствующей модели совершенной конкуренции, причем задачей экономической политики с точки зрения либерального экономиста является как раз восстановление этого «совершенства». Между тем для рынка на протяжении как минимум всего XX и начала XXI веков правилом стало господство более сложной и *более прогрессивной*, нежели «совершенная» конкуренция, системы новых отношений координации (регулирующее влияние монопольных структур, государства и т.п.), которые наши оппоненты пытаются выдать за всего лишь видоизмененную (причем в худшую сторону) конкуренцию.

А теперь вернемся к поставленной выше проблеме качественных изменений в экономике, происходящих на протяжении последнего полувека как минимум. К важнейшим из них можно отнести следующие (авторы в данном случае всего лишь аннотируют всем хорошо известные параметры, раскрываемые широким кругом авторов на протяжении более чем четверти века¹).

Во-первых, изменения в природе технологий и, в частности, «факторов производства». Аксиомы есономіcs включают выделение в качестве объекта исследования мира ограниченных массивных ресурсов, удовлетворяющих массивные потребности при рациональном поведении индивида (homo есономіcus), наличии достоверной информации и отсутствии так называемого фактора «неопределенности», а также транзакционных издержек (концепция транзакционных издержек интегрирована в современную науку, лежащую в рамках mainstream'a, но не в стандартный учебный курс есономіcs).

Однако по мере генезиса постиндустриального (информационного и т.п.) общества такие ресурсы, как культурные ценности, знания, know how, большая часть создаваемых творческой деятельностью информационных продуктов и многие другие наиболее дорогостоящие, конкурентоспособные, ключевые для прогресса экономики XXI в. ресурсы, становятся:

- неограниченными в том смысле, что уничтожить информацию в процессе потребления нельзя, ее могут потреблять все и бесконечно без ущерба для самого продукта² (хотя, безусловно, сам набор информационных ресурсов ограничен);
- уникальными (они являются продуктом творческого труда и всякий раз как удовлетворяют, так и создают новую потребность);
- невозпроизводимыми, но тиражируемыми при минимальных издержках (например, стоимость нескольких дисков и нескольких минут труда – достаточные издержки для тиражирования сложнейшего инфор-

¹ См.: Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999; Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе / Под ред. А.И. Колганова. М.: ТЕИС, 1998. Подробнее эти проблемы мы рассмотрим во II томе.

Заметим также, что подымавшаяся в последнее время волна критики «постиндустриализма» и апологии реиндустриализации касается главным образом критики превратного сектора и мало что меняет в сути проблемы. Последняя же состоит в том, что «постиндустриализм» – это не только всем хорошо видимые и действительно преимущественно негативные процессы финансовализации и т.п., но и прежде всего прогресс образования, науки, культуры, высоких технологий и т.п. сфер креативной деятельности, к которым и относятся в первую очередь описываемые выше изменения.

² Mulgan G.J. Communication and Control: Networks and the New Economics of Communication. Oxford: Polity, 1991. P. 174; Crawford R. In the Era of Human Capital. N.Y., 1991. P. 11.

мационного продукта; всемирные информационные сети делают эти издержки еще меньшими¹).

Соответственно, и потребности во все большей степени становятся уникальными и постоянно изменяющимися (превратная форма этого феномена – искусственная погоня за новизной) и, кроме того, весьма далеко уходят от утилитарных благ и услуг². Качества рационального экономического человека, и раньше не полностью определявшие поведение людей, модифицируются, а экономическая рациональность играет все меньшую роль³. Экономическая жизнь протекает в условиях, где неопределенность является ключевым фактором.

Продолжим. *Качественные изменения* происходят не только в факторах производства, но и *в самих основах экономической жизнедеятельности*: на смену индустриальным технологиям идут информационные, на смену репродуктивному индустриальному труду приходит творческая деятельность и т.д. Изменяется и структура общественного производства: растет не просто сфера услуг, но роль знаниеинтенсивной экономики⁴. Среди важнейших стимулов и ограничений экономической жизнедеятельности даже в рамках капиталистической системы все большее значение приобретают не только соображения прибыли, но и *глобальные ценности и проблемы* (экологические, гуманитарные, геополитические и т.п.).

Более того, названные технологические трансформации создают предпосылки для изменений *в основах экономических отношений*. Подрываются реальные основы абстрактной модели совершенного рынка (конкуренция, эквивалентность обмена и т.п.), имеет место неотчуждаемость продукта творческого труда, по-иному распределяются издержки производства принципиально «непотребляемого» информационного продукта, формируются «адаптивные» корпорации и предпринимательство, имеющие «посткапиталистическую» природу, являющиеся «постбизнесом»⁵.

¹ На место обмена товаров-эквивалентов в этом случае приходит тиражирование материальных носителей информации и характерное для этого *распределение издержек, когда рост числа потребителей данного (информационного) продукта (увеличение «спроса») вызывает снижение удельных издержек и может тем самым вызывать снижение цены* (этот вывод сформулирован, в частности, П. Боккара. См.: *Альтернативы*. 1996. № 2. С. 174–176).

² Woodward K. (ed.) *The Myth of Information*. Nadison, 1980.

³ Печчеи А. *Человеческие качества*. М., 1985; Фромм Э. *Иметь или быть*. М., 1990; Etzioni A., Lawrence P.L. (eds.) *Socio-Economics: Toward a New Synthesis*. Armonk. N.Y., 1991.

⁴ Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society*. N.Y., 1976; Naisbitt J. *Megatrends. The New Directions, Transforming Our Lives*. N.Y., 1984; Sakaya T. *The Knowledge-Value Revolution or a History of the Future*. N.Y., Tokyo, London, 1991.

⁵ Toffler A. *The Adaptive Corporation*. Aldershot, 1985; Drucker P. *Post-Capitalist Society*. N.Y., 1993.

Однако в рамках *economics* либо (1) указывается на то, что такие феномены выходят за рамки стандартного курса экономической теории, либо (2) все эти изменения кооптируются в стандартную теорию с некоторыми фрагментарными уточнениями и допущениями; либо (3) объявляются новым направлением все того же *economics*, где (как, например, в некоторых разделах «экономики счастья»¹) от последнего остается только нейтральный математический аппарат, применяемый к решению любых задач любой экономики.

Все три варианта «решения» проблемы неслучайны.

В первом случае *economics* поступает наиболее последовательно и честно. В самом деле, прогресс творческой деятельности и мира креатосферы действительно характеризуют экономику, которая, выходит за рамки предмета «классической» неоклассики. И именно здесь зарыта собака: *economics* адекватен только для отображения механизмов функционирования (превратных форм) рыночной экономики и потому неадекватен для анализа пострыночных процессов.

Во втором случае все происходит не менее честно: свести все изменения в современной экономике к некоторым модификациям рынка тем более легко, что это происходит на практике. В современной экономике тотальный рынок может «маркетизировать» даже то, что по своей природе товаром не является, и таким образом превратить образование, науку, культуру и т.п. феномены, основы которых сугубо пострыночны, в разновидность коммерции и открыть тем самым дорогу для применения стандартных *economics*'овских моделей бизнеса.

В третьем случае дело обстоит сложнее, ибо здесь «новый» *economics*, «открыв» наличие пострыночных феноменов (долгосрочных альтруистических интересов человека, отношений солидарности и т.п.), не может признаться в этом (в наличии пострыночной экономики) даже самому себе. Эта слепота неслучайна: у этой парадигмы нет «органа чувств» (методологического и теоретического аппарата), позволяющего зафиксировать качественные исторические сдвиги. Но у *economics*, как мы уже заметили, есть нечто иное – не [только] им созданный, но им широко используемый набор математических моделей, позволяющих решать разного рода оптимизационные и иные задачи, применимые к проблемам функционирования производительных сил в любой экономической системе. Это тем более просто, что в подавляющем своем большинстве данные модели описывают взаимодействия, протекающие в любых (!) сложных системах – от физических до социальных. «Нюанс», однако, здесь состоит в том, что таким образом невозможно увидеть качествен-

¹ См., например: *Антипина О.Н.* Экономика и счастье: парадоксальная взаимосвязь // Научные труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 181, № 2; *Она же.* Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. 2012. № 2.

ную специфику нового типа экономики, а сие – непростительно для исследователя, точно так же, как непростительно сводить человека – к разновидности обезьяны, обезьяны – к особому виду живого организма, а организм – к одному из видов физических взаимодействий... Впрочем, из этого не вытекает бесполезность исследования человека физиологами как всего лишь особого типа организма, равно как и моделирования пострыночных процессов как всего лишь разновидности оптимального поведения индивида. Из этого вытекает принципиальная недостаточность таких исследований для понимания специфики человека и специфики пострыночной экономики. «Пустяк», впрочем...

Еще более важны соображения, апеллирующие к фактам торможения научно-технического и социального прогресса в конце XX – начале XXI в., «ренессанса» на волне неолиберализма homo economicus, различных форм коммерциализации и приватизации социальной сферы, к прогрессу мелкого бизнеса в информационном секторе и сфере услуг, развитию массового промышленного производства в новых индустриальных странах и интенциям возрождения массового индустриального производства в развитых и т.п. Кроме того, хорошо известно, что интернет-торговля привносит большую симметрию информации и сокращает транзакционные издержки, а современный прогресс информационных технологий сосредоточивается преимущественно в сфере финансов, торговли и других транзакций, далеких от созидания культуры как таковой и потому противоположных тенденциям рождения пострыночных отношений.

Все это, на первый взгляд, позволяет «восстановить в правах» economicus как описание механизмов функционирования рынка.

Но все эти контрдоводы указывают (за небольшим исключением) либо на маркетизацию («орыночничество») нерыночных по своей природе процессов, о чем мы уже писали, либо на всего лишь наличие определенных реверсивных тенденций, «откатов» и зигзагов в общей логике прогресса.

Последнее порождает и еще один негативный феномен: наиболее важные факторы развития современного общества – творческая деятельность, высокие технологии, инновации – в развитых странах все более сосредоточиваются не в сферах «прорыва» (науке, образовании, культуре), не на решении экологических и социальных проблем, а в сфере обслуживания фиктивных сфер бизнеса, того, что мы назвали «превратным (бесполезным) сектором» (финансовые спекуляции, масскультура и производство иных симулякров – типичные примеры этого).

Но все эти контртенденции не отменяют общей закономерности: наиболее перспективные и прогрессивные сферы жизни современного социума в любом случае оказываются «по ту сторону» областей, являющихся собственным предметом economicus.

Более того, даже *реальные* механизмы функционирования сферы транзакций (наиболее близкой для алкаемого economicus'ом «свободного»

рынка) лишь отчасти описываются стандартной микро- и макроэкономической теорией. Последняя напоминает реальную жизнь данного сектора примерно так же, как политэкономия социализма напоминала реальную жизнь экономики дефицита и плановых сделок: «экономика классной доски» не хочет видеть того, что реально наиболее значимые транзакции в современном мире совершаются на основе методов неэкономического (политического, межличностного и т.п.) манипулирования, подобно тому как политэкономия социализма не хотела видеть блага и бюрократизма. Лишь развивающийся как продолжение еsopomícs новый институционализм отчасти фиксирует некоторые проявления этой тенденции, но и он не ставит вопроса об их обобщении и выделении качественных изменений в природе «рынка» (мы бы сказали – позднего капитализма), трактуя все это по-прежнему в стиле некоторых отступлений от «совершенства». В результате *специфические*, характерные именно для этой новой экономики методы *практического* анализа и предвидения оказываются тем более эффективными, чем менее они опираются на аксиомы еsopomícs¹.

Тем не менее вновь намеренно подчеркнем: было бы совершенно неверным считать, что выросшие на еsopomícs специалисты не способны «работать» с проблемами, лежащими «по ту сторону» массового материального производства, использующего ограниченные ресурсы. Они это делают, но делают, либо выходя за рамки аксиом этой теории, либо «греша» редукционизмом, сводя новый мир к привычным чертам старого, благо сделать это пока несложно, ибо эти новые феномены пока по преимуществу существуют только в обличье старых рыночных форм, описываемых еsopomícs. И в этом они подобны тем (преимущественно, европейским) представителям третьего сословия, кто и в XVIII, и в XIX веках рядились под дворянство (помните: «мещанин во дворянстве»), в отличие от своих американских собратьев, не побоявшихся начать войну с Британской империей за свое право избавиться от феодальных ограничений, свершить [буржуазную] социальную революцию: отменить сословное неравенство и заставить дворянство жить по своим – «мещаниновским» – новым правилам.

Однако *differentiae specificae* рождающегося на наших глазах нового не-только-экономического мира далеко не сводимы к пунктирно выделенным выше изменениям в технологиях. Они обусловлены сложной системой отношений и противоречий, лежащих в сфере производственных отношений, и состоят, в частности, в том, что, **во-вторых**, реальными хозяевами мировой экономики становятся *гигантские корпоративные (преимущественно финансовые) группировки*, характеризующиеся комплексной структурой «многоканальных» вертикальных связей и власти. Они сосредоточивают в своих руках ключевую экономико-политическую

¹ Ormerod P. The Death of Economics. 2nd edition. N. Y., 1997. P. 176–177.

власть (объемы оборота, капиталы таких группировок насчитывают многие сотни миллиардов долларов, превышая бюджеты многих стран) и становятся не просто некими олигополистическими акторами на рынке с несовершенной конкуренцией, но субъектами полицентричного локального регулирования экономики, существенно отличной в силу этого от любой из моделей конкурентного рынка¹.

Каждая из таких группировок включает несколько структурных уровней, связанных между собой сложной системой производственных отношений и каналов власти. В основании, самом низу иерархии находится слой наемных работников (сотни тысяч человек), превращаемых в замкнутую касту корпоративных служащих данной системы компаний («фирма-семья»), зависимых во многих случаях от нее не только экономически, но и социально. На следующем уровне располагаются многообразные иерархические системы служащих-профессионалов и управляющих (десятки тысяч человек), причем эти системы характеризуются собственными закономерностями, ценностями и т.п. На среднем уровне – «многоэтажная» система финансовых институтов (банков, пенсионных фондов, многоуровневых холдингов, венчурных корпораций, спрятанных в оффшорах капиталов и т.п.). На верхнем уровне находятся реальные хозяева этих размытых финансово-хозяйственно-политических образований, сращенные с государственным аппаратом, СМИ и репрессивными организациями. Это обладающая не только собственностью, финансами и административной властью, но и прежде всего *информацией* и разветвленными каналами влияния на властные структуры на национальном и наднациональном уровнях *номенклатура глобального капитала*.

«Каналами» социально-экономических связей и распределения власти между названными уровнями становятся не просто «пучки» прав собственности, но и контроль за информацией, отношения управления и планирования, сложная «пирамида» внутреннего и внешнего финансового контроля, административного и иного внеэкономического регулирования, личная уния, психологический и культурный климат и даже «идеология» фирмы; «редуцированные», как бы «перенесенные» рыночные отношения (например, трансфертные цены) в рамках этих сложных комплексов играют подчиненную роль.

«Внутренняя» жизнь такой структуры становится важной частью предмета *социо-политико-гуманитарно-ориентированной экономической теории* (а не только менеджмента), ибо значительная часть экономических процессов и отношений, определяющих реальный облик сегодняшней экономики, складывается именно там. Эти процессы и отношения уже нельзя описывать как исключительно внутрифирменные

¹ Анализ природы такой системы координации будет посвящен один из разделов II тома данной книги.

отношения или собственно менеджмент: в рамках такой структуры и вокруг нее складывается единый комплекс экономических (распределение ресурсов, доходов и отношений собственности, воспроизводственные пропорции, организация и мотивация труда), социальных (внутрикорпоративные «классы», образ жизни, ценности, межличностные отношения и отношения между социальными группами, стратификация) и волевых отношений, составляющих один из ключевых аспектов реальной социально-экономической жизни современного мира¹.

Что же касается «внешней» сферы отношений, то здесь следует сделать акцент на сложной системе *гегемонии корпоративного капитала*. Взаимодействия между корпоративными структурами строятся не столько как отношения на рынке с несовершенной конкуренцией, сколько как борьба центров локального регулирующего воздействия на экономику и общество, как столкновения в сфере учета и регулирования рынков товаров и услуг, в борьбе за контроль на рынке финансов и ценных бумаг (где создаются многоступенчатые «пирамиды» холдингов), в области межличностных отношений корпоративных элит и политико-государственных отношений.

Вся эта сумма взаимодействий принципиально несводима к несовершенной конкуренции и требует не только дополнения *economics* некоторыми прикладными дисциплинами, но и подключения к анализу методологии и теории того, что мы здесь называем *социо-политико-гуманитарно-ориентированной экономической теорией* или постклассической политэкономией.

Продолжим. Вокруг этих финансово-экономико-политических корпоративных группировок «вращается» огромная совокупность мелких фирм и частных предпринимателей, зависимых от них технологически, финансово, информационно и т.п. «Оболочкой» этой системы являются многочисленные клиенты (*customers*) данной группировки, зависимые от нее не только как потребители, но и как индивиды с определенным образом жизни (один из самых простых примеров – «поколение пепси»).

Система социально-экономических отношений в области взаимодействия труда и капитала, капитала-собственности и капитала-функции (хозяев корпорации и ее управляющих подсистем; в западной экономической науке в этом случае обычно говорят об отношениях «принципал-агент») принципиально несводима лишь к рыночным взаимодействиям. Здесь требуются исследование (и отображение в преподавании) сложного комплекса отношений собственности, распределения, воспроизводства, эффективности (понимаемой отнюдь не только в нео-

¹ *Economics* даже обычную фирму рассматривает как «черный ящик», что явно противоречит требованиям изучения многообразных реальных экономических отношений. Кстати, даже советская политическая экономия социализма рассматривала как свой предмет и отношения в рамках хозяйственного звена.

классическом духе), учет многообразных социальных факторов и т.п.¹ При этом социально-экономические отношения также окажутся пронизаны гегемонией корпоративного капитала.

В-третьих, необходимо учесть, что названная гегемония корпоративных структур сталкивается со *сложной системой противодействий гегемонии капитала*, лежащих опять-таки далеко не только в сфере конкуренции на рынке. Деятельность различных организаций, объединяющих трудящихся и граждан (профсоюзы, старые и новые социальные движения, НПО), превращение творческих способностей индивида (принципиально несводимого в этом случае к homo economicus) в важнейший фактор прогресса, глобальные ограничения и геополитические факторы – все это делает реальные социально-экономические отношения между агентами современного мирового хозяйства качественно более сложными, нежели та или иная модель функционирования рынка. Все названные выше проблемы можно изучать и описывать на языке и при помощи аппарата economics только с очень большими упрощениями.

Нам, пожалуй, возразят: а «стандартная» микро- и макроэкономическая проблематика эти вопросы и не включает... Вот именно! – ответим мы. Попытки отнестись указанные проблемы в область менеджмента, социологии и политологии отражают лишь нежелание выяснять их реальную экономическую подоплеку.

Более того, даже там и тогда, когда новый институционализм «открывает» для себя эти новые пласты, он их опять же описывает на уровне констатации, как более или менее соответствующие рыночному «стандарту» феномены, а в случае недостаточного соответствия редуцирует их к известной форме рынка и/или капитала.

Здесь вновь проявляются ограничения «экономического империализма», пытающегося свести все неэкономические общественные взаимодействия к рыночным формам. Мы же во всех этих случаях предлагаем нечто прямо противоположное: переход (возврат) к иной логике – включению социо-политико-гуманитарно-эко-ориентированной методологии в поле экономико-теоретических (политэкономических) исследований, т.е. той самой методологии «эко-социо-политико-гуманитарной «экспансии», о которой мы в данном тексте и ведем речь. Специалистам в области экономики *надо* заниматься этими *кажущимися* неэкономическими процессами, следовательно, надо владеть не только привычным «стандартом», но и теориями, помогающими исследовать и понять названные процессы. А это значит – изучать и развивать, преподавать

¹ С конца XX века в некоторых учебниках, не сводящих свое содержание к изложению стандартной микро- и макроэкономической теории и опирающихся на более широкий круг теоретических представлений, эти вопросы отчасти включаются в учебный курс (см., например: *Samuelson P., Nordhaus W. Economics. 12th edition. N.Y., 1985*).

данные *теории*, а не просто дополнять микро- и макроэкономику рядом прикладных дисциплин.

В-четвертых, *современная глобальная социально-экономическая жизнь* – это не только единый мировой рынок товаров, рабочей силы, капиталов и т.п., но и **система глобальных проблем и противоречий**. Начнем с необходимости учета в экономической теории (и соответствующей учебной дисциплине) того факта, что глобальные проблемы являются ныне по меньшей мере столь же значимым детерминантом реальной экономической жизни, сколь и законы рынка, столь любимые *economists*. Поскольку первые не отображаются при помощи вторых (а если и отображаются, то опять же методом редукционизма – нагромождения все новых «исключений» из базовой модели функционирования рынка, когда, например, вся специфика новых отношений общества и природы на основе ноосферных принципов сводится к провалам рынка), то здесь исследователю и субъекту образовательного процесса опять же крайне важно освоить далеко выходящий за рамки *economists* круг теоретических представлений.

Продолжим наши размышления об экономике нового века еще одним – **пятым** в нашем перечне – жестким утверждением: *economists мало адекватны для анализа специфики современного мира как единой глобальной социально-экономической системы*. Последнее едва ли не с очевидностью означает следующее: хотя в экономической теории и образовании можно исходить из различных парадигм, но наиболее перспективной из них уже сейчас является подход к объекту экономической теории как единому мировому социально-экономическому *организму*, а не просто сумме атомизированных рыночных агентов одинаково-рыночного мирового пространства и национальных государств.

В этом организме противоречиво едины, пронизаны одним системным качеством все три мира. Рынок (а точнее, система форм хозяйствования, характерных для «позднего капитализма») является лишь одним из механизмов функционирования этой *социально-политико-экономической метасистемы*, но реальная социально-экономическая власть (а значит, распределение ресурсов и доходов, направления трансакций и т.п.) в этом (нашем) мире принадлежит сложно организованным кланово-корпоративным международным и супернациональным структурам (их «элитам»), отношения между которыми строятся далеко не по правилам конкуренции (пусть даже «несовершенной»), описываемым *economists*.

Структура современной мировой социально-экономической системы давно уже стала системой отношений не только между государствами, но и между ТНК и внутри них (в том числе как бы «внутрифирменных»); эти отношения регулируются на наднациональном уровне и по особым законам; в мире формируются сложные симбиозы развитых и развивающихся стран; эта система пронизана специфическими противоречиями (и не только «Север–Юг»); в мировом хозяйстве функционирует не только единый мировой финансовый и т.п. *рынок*, но и единая (хотя

и глубоко противоречивая) система **глобальных политико- и социально-экономических отношений**.

Последняя принципиально несводима к совокупности национальных рыночных экономик, связанных отношениями внешней торговли и движением валют. Не секрет, что есоnomics отводит одну-две заключительные лекции именно этому предмету, выводя мировую экономику в особый курс. Но проблема в том и состоит, что для понимания этого курса, то есть специфики глобальной экономики как единого целого, теоретические постулаты и модели есоnomics, составляющие главную «начинку» современных курсов мировой экономики, принципиально недостаточны. Необходимо предварительное проникновение в законы и противоречия глобальных политико-экономических отношений.

Более того, на пути к формированию парадигмы глобальной экономики как единого целого стоит сохраняющаяся доньше существенно иная установка: рассмотрение современной экономики развитых стран (по преимуществу, США) как некоего эталона, образца, «стандарта». Все остальные экономические системы рассматриваются как большие или меньшие отклонения от этого «стандарта», причем априорной (не подвергаемой сомнению в рамках либеральной ветви экономической теории) целью их эволюции является приближение к названному идеалу (изучением чего и занята по преимуществу данная версия «экономики развития»). В рамках некоторых тенденций (например, социал-демократической направленности) такой идеал может варьировать, но парадигма остается неизменной.

Такая же логика работает и при исследовании трансформационных экономик.

Наконец, обращаясь к **экономике России**, то есть к тому объекту, который для нас как исследователей и преподавателей представляет наибольший интерес, мы не можем не зафиксировать, что наша экономика является системой, находящейся в процессе *качественных изменений* всей совокупности социально-экономических отношений и институтов.

Более того, даже чисто рыночные, на первый взгляд, механизмы (например, формирование цен) на деле в России (как и во многих других трансформационных экономиках) действуют иначе, нежели это описывают классические модели микроэкономики. Российская экономика даже многими зарубежными исследователями¹ квалифицируется как кланово-корпоративная, номенклатурно-мафиозная и т.п., причем все эти термины используются не в качестве красного словца, а как категории, позволяющие охарактеризовать наиболее существенные ее черты.

Мы уже не раз писали о том, что *специфику трансформационных экономик нельзя понять только как некоторую особенность привычных*

¹ Подробнее об этом во II томе нашей книги.

*микро- и макроэкономических закономерностей*¹. При помощи *economics* можно (но всегда ли нужно?) перевести выявленные другим путем особенные черты на привычный для *mainstream*'а язык или зафиксировать отклонения (совпадения) «стандартных» и российских процессов. Однако это будет столь же «плодотворно», сколь описание человека как особого рода обезьяны.

Таким образом, необходим выход за рамки господствующей ныне *парадигмы economics* как теоретически и практически недостаточной для исследования и отображения глобальной мировой экономики (и в том числе трансформационной экономики России) в силу несоответствия аксиом и багажа *mainstream*'а реалиям современной экономической жизни; развитие взгляда на экономическую жизнь как *единый мировой организм*, неравномерно и противоречиво переходящий в новое качество...

Существенно, что классическая политическая экономия в том виде, в каком она представлена в работах К. Маркса и его предшественников, также непосредственно не отражает происходящих в последние десятилетия изменений экономической материи.

Но!

В отличие от *economics*, принимающего (в этом суть «экономического империализма») в свое лоно все современные проблемы исключительно путем редуцирования всей их своеобразности к некоторой (возможно, в чем-то новой) форме рынка, *классическая политическая экономия в своем методе содержит и возможность своего самореформирования, качественного развития*. Именно эта интенция и была отображена нами выше, когда мы говорили о значимости *экспансии методов эко-социогуманитарных исследований в сферу собственно экономических процессов*.

Классическая политэкономия тем и интересна, что, показав ограниченность и исторические пределы рынка и капитала, она показала возможность и необходимость снятия политэкономии капитализма в новой науке. Показав пределы и историческую ограниченность «экономической общественной формации» и доказав, что главной сферой будущего развития станут области, лежащие «по ту сторону собственно материального производства», она показала необходимость и пути снятия себя в эко-социо-гуманитарно-ориентированной парадигме исследования нового, служащего «всего лишь» основанием креатосферы («царства свободы») социально-экономического пространства.

Тем самым *классическая политэкономия показала и закономерность своего конца* (выражаясь языком Гегеля, «прехождения»), т. е. то, почему,

¹ См.: Бузгалин А. (ред.) *Переходная экономика: курс лекций по политической экономии*. М.: Таурис, 1994; Бузгалин А., Колганов А. *Теория социально-экономических трансформаций*. М., 2003; Бузгалин А. (ред.) *Трансформационная экономика России*. М., 2006; Колганов А. (ред.) *Политэкономия провала: природа и последствия рыночных «реформ» в России* (М., 2013).

чем и как она должна быть снята теоретико-методологически. *Econotomics* же, в отличие от самокритичной классики, был, есть и остается не-самокритичным империалистом, действующим в науке теми же методами, которыми действовали западные колонизаторы на практике.

К ПРОБЛЕМЕ ПЛЮРАЛИЗМА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Даже предложенные выше весьма беглые заметки об ограниченности *econotomics* позволяют вновь, продолжая аргументы сотен известных ученых, тысяч мало- (и просто не-) известных преподавателей, десятков тысяч студентов, сделать вывод: для успешного развития экономической теории вообще, а в эпоху перемен в особенности, должны быть характерны плюрализм, равноправие и диалог различных теоретических школ при доминировании междисциплинарного подхода. В эпоху перемен ученый (и его собрат-педагог), желающий оказаться, что называется, «на передовых рубежах», должен быть способен к критическому восприятию любых устоявшихся теорий, к сомнению в аксиомах, открыт к диалогу с новым, уметь видеть *странное* в обыденном, привычном мире (в эстетике существует очень точное понятие: «остранение»); как у Льюиса Кэрролла: «Чем дальше, тем страньше»¹).

Едва ли не единственный путь к формированию такой способности и, более того, установки у исследователя – разностороннее, недогматическое образование, построенное по принципу постоянного сомнения, поиска точек взаимодействия различных парадигм, взаимной критики. Применительно к нашей теме данная установка может быть прокомментирована следующим образом.

Во-первых, опасным (в частности, с точки зрения угрозы утраты открытости и диалогичности теории) является характерное для современной ситуации в экономической науке и образовании доминирование (причем едва ли не абсолютное) *econotomics* как базовой, универсальной системы знаний и языка. Очень частыми в России стали параллели между необходимостью всеобщего знания «марксизма-ленинизма» (в нашем недавнем прошлом) и необходимостью всеобщего знания *econotomics* (в нашем настоящем) как основ любой научно-педагогической деятельности. Не знать *econotomics* нельзя, но не хуже ли знать *только econotomics*?

Между тем множество подходов лежит в стороне от *mainstream'a*, а иные и вообще не связаны с этой линией. Многообразие теорий и их

¹ Акцент на этом слове-понятии «страньше» мы позаимствовали из блестящего выступления Д.Г. Плахотной на методологическом семинаре кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, запомнившегося нам еще со студенческой скамьи.

равноправие как принцип науки вообще мало кем подвергается сомнению. Тем более странно (опять же с *принципиальной* точки зрения) характерное ныне для России (как, впрочем, и для большинства других стран) некритическое копирование американских стандартов экономического образования с абсолютным доминированием лишь одной из школ. Но надо ли нам воспроизводить этот уходящий в прошлое образец?

Во-вторых, принципиально важным является акцентирование *междисциплинарного подхода* и, соответственно, наиболее пристальное внимание к тем школам в области экономической теории, которые в наибольшей степени открыты в этом направлении, обращаются к предмету, лежащему на пересечении различных пластов жизни общества, не замыкаясь экономикой в узком смысле слова. А *economics* – это дисциплина, специально акцентирующая узко экономический подход. И если сегодня реальные курсы микро-, а особенно макроэкономики включают в дополнительные главах сведения из других дисциплин, то это не является органической частью *mainstream*'а как такового, а представляет собой лишь уступку давлению обстоятельств.

Иными словами, необходимо признать, что предмет нашей теории и нашего образования вышел далеко за рамки описания абстрактных основ функционирования рыночной экономики, что является действительным (а не декларируемым во введении) предметом *economics*.

В-третьих, для открытости и диалогичности теоретических исследований и, соответственно, открытости и диалогичности учебного процесса необходимо использование различных методов и, что не менее важно, *различных языков* науки. Точно так же как невозможно вести естественно-научные исследования на языке богословия (помните хрестоматийный пример из средневековой схоластики: «Треугольник ABC подобен треугольнику A'B'C' по велению божьему...»?), так же невозможно исследовать глобальную экономику периода генезиса информационного общества и качественных социальных трансформаций, используя только язык *economics*.

Для таких исследований, для такого образования нужны выход за рамки одного языка и использование языков различных научных школ экономики и смежных дисциплин. В еще большей степени сказанное касается необходимости «задействования» разных *методов исследования*, ибо метод не был и не может быть безразличен к предмету и содержанию науки.

Наконец, важнейшей задачей ученых-экономистов России является творческое воспроизведение достижений отечественной теории в критическом сравнении с западными разработками. При этом под отечественной экономической мыслью мы подразумеваем не только работы российских экономистов до 1917 г., но и советскую политическую экономию, содержание которой в действительности не сводилось лишь к

апологии «социализма»¹. Впрочем, это особая материя, требующая специального исследования.

Итак, для научных исследований и образования в области экономики, адекватных «вызову» качественно изменяющегося глобального мира, *необходимы подлинное равноправие и диалог научных школ, языков и методов*. Без этого современный специалист, аналитик не сможет ни сформироваться, ни вести плодотворных исследований, особенно фундаментального свойства.

* * *

Сказанное выше – не более (но и не менее) чем система взаимосвязанных гипотез, которые в данном тексте не доказываются, а формулируются. Их обоснование представляет немалую теоретическую проблему. Более того, окончательно их можно будет доказать только тогда, когда изменятся, станут действительно демократическими, диалогичными отношения в науке (как сфере практики) и появится «социальный заказ», заинтересованность социума и его лидирующих сил в выявлении существенных закономерностей социально-экономической организации мира XXI в.

А теперь пойдем дальше, сделав некоторые выводы.

Вывод первый: *есопотис и лежащие в его основе политико-экономические теории отображают лишь часть реальной экономической жизни (преимущественно превратные формы функционирования рыночной экономики в рамках постулатов общей теории равновесия) и неадекватны для исследования (не дают достаточных знаний в процессе образования) многих реальных и значимых социально-экономических процессов современной глобальной экономики; поэтому данному течению необходимо отвести подобающее ему место, включив в круг других школ экономической теории, но не представляя его единственно истинным и универсальным знанием.*

Вывод второй: для ученого (и студента), стремящегося осмыслить современный социально-экономический строй в его качественной специфике, необходимо *не только* овладеть есопотис, но и *критически, творчески освоить методологию и теорию различных политико-экономических школ*. В противном случае научные разработки и практические

¹ Отчасти это показано в последнем томе «Всемирной истории экономической мысли» (под ред. В. Черковца и В. Радаева. М., 1997), в дискуссии о российской школе экономической мысли, проходившей на страницах журнала «Вопросы экономики», а также в монографии А.С. Шухова и М.П. Фрейдлина о советской экономико-математической школе (см.: Шухов А.С., Фрейдлин М.П. Математическая экономия в России (1885–1995). М.: Наука, 1996) и коллективной монографии о «зернах и плевелах» политической экономии социализма (см.: Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века. М.: ТЕИС, 2003).

рекомендации в недалеком будущем окажутся теоретически малопродуктивными и неадекватными запросам практики.

Вывод третий, особенно важный для авторов этой книги, отдавших большую часть своей жизни преподавательской работе в МГУ: абсолютно необходимым условием дальнейшего прогресса нашей науки является **существенная коррекция программ и учебных планов вузов в области экономической теории.**

В данном случае мы, конечно же, не претендуем на то, чтобы предложить целостную систему рекомендаций в области организации учебного процесса и методики преподавания (эта тема вполне заслуживает особой разработки). Ограничимся лишь отдельными ремарками, касающимися только тех выводов, которые прямо вытекают из представленных выше рассуждений.

1. Если мы планируем подготовку студентов, которые *не будут* в будущем профессионально заниматься экономикой, то для них, по-видимому, значимость курсов, коротко излагающих азы *economics* (этакую своеобразную «арифметику» функционирования рынка), окажется столь велика, сколь много эти курсы будут связаны с пониманием некоторых экономических реальностей. Но им в большей мере будет полезно узнать нечто иное, а именно: что такое экономическая жизнь в *разных* обществах, как она влияет на человека, почему так или иначе устроены эта жизнь и наше поведение, почему одни люди готовы на все ради денег, а другие ориентированы на социо-гуманитарные ценности; почему в России социальная защита развита минимально, а социальное неравенство высоко, а в Швеции или Финляндии высокая инновационность экономики достигается в рамках социал-демократической модели, когда топ-менеджер «Нокии» получает всего лишь в 10 раз больше рабочего, а не в 1000, как в российских нефтяных кланах; почему несколько сот семей владеют тысячами миллиардов долларов, а более миллиарда жителей Земли живет в среднем на 70–100 центов в день; случаен ли был мировой экономический кризис 2008–2010 гг.; как и почему развивалась или оказывалась в кризисе отечественная экономика и каково ее место в глобальной хозяйственной системе... Для ответа на эти вопросы нужен особый курс экономической теории, основы которого ориентированы, скорее, на *политическую экономию*, и лишь дополнены *economics*.

2. Во всех вузах, где студент для своей будущей профессиональной деятельности должен получить знания о рыночной экономике, преподавание *economics* как одной из дисциплин, дающих знания об основных механизмах функционирования рынка и лежащих на стыке политической экономии и прикладных экономических наук, безусловно необходимо в развернутом виде. При этом *для студентов экономических вузов* следовало бы гораздо полнее, нежели в современных базовых учебниках, освещать методологические и теоретические основы *economics* (нынешний студент-экономист, научившись решать стандартные задачки, как

правило, испытывает немалые трудности, когда его просят *обосновать* правомерность теории предельной полезности или факторов производства); указывать на все те практические и теоретические социально-экономические проблемы, которые лишь затрагиваются в базовом курсе, но анализируются на основе других теорий, поясняя, *почему* именно так обстоит дело; обязательно дополнить базовый курс основами не только нового, но и классического институционализма, экономики развития и экономической компаративистики и т.д.

В то же время для формирования студента-экономиста, способного осмыслить основные пласты глобальной экономики периода генезиса информационного общества и трансформации «постсоциалистического» мира, а также творчески и критически («отстраненно») анализировать сложные социально-экономические процессы современности (а тем более – развивать экономическую теорию и вести содержательный анализ новых, ранее неизвестных теории эмпирических феноменов), необходимо *полипарадигмальное* преподавание экономической теории. Оно должно начинаться с *классической политической экономии* и *заканчиваться постклассической политической экономией* и *включать широкий набор курсов по методологии, истории экономической мысли и сравнительному анализу ее основных современных течений*.

В процессе преподавания экономической теории для решения этих задач можно предусмотреть следующие курсы (речь идет о подготовке специалистов в области экономической теории и экономистов-аналитиков).

Во-первых, курс *«Классическая политическая экономия»*, предусматривающий раскрытие многообразия и точек соприкосновения основных школ политической экономии в решении важнейших вопросов экономической жизни, начиная с предмета и метода, включая трактовку таких понятий, как товар и стоимость, деньги, капитал, собственность, воспроизводство и т.п. Такой курс (особенно семинары, ролевые игры, диспуты) помогает студентам понять азы различных подходов к исследованию экономической жизни, аргументы и обоснование различных научных школ, научить студентов критически воспринимать те или иные взгляды, вести полемику, самостоятельно формировать предпочтения и аргументировать свою позицию, обладая минимально необходимыми для этого знаниями.

Во-вторых, курс *«Постклассическая политическая экономия»*, посвященный политико-экономическому исследованию современных черт рынка (все более тотального), денег (все более виртуальных), капитала («человеческого», «социального», а также фиктивного...), корпоративных структур, государства, глобализации и глобальных проблем, а также социальных, политических, экологических и культурных аспектов экономики (включая экономические основы социальной структуризации), проблем взаимодействия экономики и технологических процессов.

В-третьих, курс «*Введение в компаративистику (сравнительный анализ экономических систем)*», дающий необходимый минимум знаний о реальном функционировании разнообразных экономических систем (развитых, развивающихся и т.п.) в условиях становления глобальной экономики. Основой для освоения этого курса послужат именно те знания, которые студент получит в процессе анализа различных политико-экономических подходов, разных трактовок экономических систем.

Продолжением данного курса может служить курс «*Теория социально-экономических трансформаций*», где также используется широкий спектр теоретических подходов (от марксизма и институционализма до традиционной микро- и макроэкономики). Главное внимание в рамках этого курса уделяется генезису глобальной экономики и качественным изменениям экономической жизни в процессе генезиса информационного общества, а также проблемам эволюции отечественной экономики.

В-четвертых, для студентов-старшекурсников бакалавриата и студентов магистратуры может быть предложена система *теоретических семинаров* (методология экономической теории, соотношение и потенциал различных экономических теорий, глобальная экономика знаний). В рамках таких занятий студенты в значительной степени самостоятельно (но под руководством профессора), работая с источниками, статистическим материалом, ведя очные и заочные диалоги, готовя и защищая рефераты и коллективные проекты смогут получить навык самостоятельной исследовательской творческой деятельности как будущие аналитики, консультанты, преподаватели.

На первый взгляд такой учебный план (минимум два уровня economics и два – политической экономии, курс компаративистики и теории трансформаций, спецсеминары, итого около 8 часов в неделю на протяжении четырех семестров) покажется перегруженным теорией и не соответствующим интересам студентов¹. Действительно, в большинстве случаев современный студент стремится получить в первую очередь определенный объем прикладных знаний и навыков, которые он мог бы использовать для работы бухгалтером, менеджером низшего или среднего звена и т.п. Но жизнь меняется. В недалеком будущем наиболее престижными станут специальности аналитиков и консультантов, а для них требуется прежде всего способность к самостоятельному мышлению, критическому освоению информации, то есть все то, что можно получить лишь в рамках фундаментальной полипарадигмальной подготовки.

Есть и еще одно принципиальное соображение: *образование есть фундаментальная общественная ценность* (сфера формирования соци-

¹ Авторами подготовлены и учебные материалы по этим курсам (программы, учебники), их практическая апробация прошла на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

ально-ответственной Личности, Гражданина), а не одна из сфер предоставления услуг на рынке, и потому содержание образования (в единстве обучения и воспитания) не должно редуцироваться к трендам рыночного спроса.

Итак, если мы хотим выпускать не только узких специалистов по прикладным дисциплинам, готовых воспроизвести лишь основы black board есоnотu и имеющих узкопрофессиональные знания, но и молодое поколение экономистов, способных анализировать все многообразие социально-экономической жизни, критиковать и творчески развивать существующие концепции (то есть творцов новых знаний), понимающих экономические основы социальных, политических и идейных противоречий в современном мире, мы должны дать им представление не только об есоnотiс, но и обо всем комплексе современных социально-экономических теорий, о реальной сложности глобальной экономики нового тысячелетия. Иначе – новый догматизм. Иначе – умирание оригинальной отечественной социально-экономической теории и вчерашний день американской науки...

А теперь о едва ли не ключевой проблеме на этом пути – проблеме преодоления «рыночноцентризма» современной экономической теории.

глава 3 «Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела

В качестве исходного пункта этого раздела используем не раз отмечавшуюся нами особенность современной экономической теории, особенно неоклассической, но отчасти даже и марксистской (выше мы упоминали о, например, аналитическом марксизме): в ней, к сожалению, широко распространен внеисторический взгляд на рынок как некий универсальный механизм единственно эффективной аллокации ресурсов, являющийся социальнонейтральным достижением человеческой цивилизации, адекватным «естественной» природе человека как эгоиста.

В то же время всякий знаток диалектико-материалистического, историко-критического метода хорошо знает, что к числу основных его достижений относится, в частности, *системное, исторически-конкретное понимание экономики* с акцентом на качественной специфике этапов ее развития. Поскольку выше мы также неоднократно подчеркивали, что ныне, в начале XXI века, переживая глубинные социально-экономические трансформации, науке особенно важно использовать этот методологический подход, постольку будет очевидно важным соединить две только что сформулированные интенции в одну: *господствующая в современной экономической теории, в том числе, в значительной степени и гетеродоксальной, рыночноцентрическая модель не только устарела, но и тормозит развитие экономической науки.*

Поясним это утверждение, начав с комментариев термина «*рыночноцентричность*».

Господствующая в настоящее время в мире и в России экономическая теория, при всем многообразии ее течений, обладает неким удивительным свойством: для монетаристов и кейнсианцев, новых институционалистов и дирижистов – практически для всех них (равно как и отображающих эти теории учебников) центром экономического мироздания является Его Величество Рынок¹. В самом деле, посмотрев на любой

¹ Существуют, однако, и исключения. Кроме уже упомянутого марксизма и других социалистических течений признают наличие нерыночных отношений (и не только в виде провалов рынка – это-то как раз классический пример «рыночноцентризма», о чем мы скажем ниже, а как самостоятельных феноменов) такие направления экономической мысли, как историческая школа, классический институционализм (чего стоит хотя бы выделение плановой подсистемы капитализма Гэлбрейтом), некоторые работы по новому институционализму, компаративистике и экономике развития (большинство из них все же «пляшет» от рыночной экономики, рассматривая →

учебник есоnomics'a (разве что за исключением некоторых упомянутых нами в первой главе отечественных, написанных экс-марксистами), мы сразу же заметим, как там характеристики экономики вообще практически без каких-либо оговорок превращаются в характеристики рынка: наличие спроса и предложения, денег, капитала, «бюджетных ограничений», прибыли ниоткуда не выводится. Иная (нерыночная) экономика если и упоминается, то как некоторое исключение; цели и мотивы экономических агентов, по сути дела, сводятся к денежным – перечень легко продолжить¹.

При этом сей факт – сведение экономики к рынку – одновременно и не замечается, и не подвергается сомнению (и здесь, как мы покажем ниже, нет парадокса).

Здесь необходимо краткое отступление, адресованное марксистам-гурманам. Если вы спросите эрудированного экс-советского политэконома, когда-то неплохо, а то и блестяще знавшего марксизм, или зарубежного знатока экономических рукописей Маркса, тождественны ли понятия «экономика» и «рынок», они, скорее всего, вспомнят, что нет. Может быть, еще немного подумав, даже добавят (блистая некогда имевшим место проникновением в тайны экономических и экономико-философских рукописей К. Маркса), что при всем при этом именно рыночно-капиталистическая система есть наиболее развитый вид «экономической общественной формации». Но если этот вопрос не ставить...

ПРАКТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ «РЫНОЧНОЦЕНТРИЗМА»

По-видимому, читатель уже догадался, что авторы рано или поздно должны будут использовать параллель с Птолемеевой геоцентрической моделью Вселенной. В самом деле, давайте задумаемся, почему вплоть до XV–XVII веков (а в России, для [неграмотного] большинства населения, аж до начала XX века) геоцентрическая модель оставалась абсолютно господствующей? Потому, что ее противников отправляли на костер? Да, и это тоже правда. Но решение проблемы лежит в другой плоскости.

← остальные либо как ее разновидности, либо как (1) исключения и/или (2) переходные, неразвитые состояния). Но эти «ереси» в настоящее время если и терпимы (в Москве мы живем в мире «терпимой» ортодоксии), то лежат сугубо на периферии и теоретических разработок, и преподавания. ¹ Как мы заметили в предыдущем тексте, ныне «экономический империализм» делает «рыночноцентричными» не только экономическую теорию, но и другие науки об обществе. Лишь в редких случаях некоторые из представителей mainstream'a с удивлением замечают нерыночные сферы экономических взаимодействий и поведения («экономика счастья» и т.п.), да и те стремятся так или иначе свести к прежним рыночноцентричным моделям.

Для феодальной (основанной на натуральном хозяйстве и крепостничестве) экономики, сословно-иерархической «политики» и догматически религиозной духовной жизни любая иная теория мироустройства была (1) не нужна и (2) опасна (опасна угрозой теоретической критики сложившегося миропорядка, являющейся, как правило, прологом практического изменения последнего). Именно *практика* той эпохи, требовавшая локальной, привязанной к общине-поместью-приходу, замкнутой, движущейся в рамках природного цикла традиционной жизни, превращала [ложную] птолемеевскую модель в необходимую и достаточную теоретическую предпосылку тогдашнего мира, а [истинную] систему Коперника–Галилея–Бруно делала ненужной и опасной. Однако гелиоцентрическая теория, наука и истина были нужны для иной практики – практики разрушения феодального мира – замкнутого социально-экономического пространства, кругового социально-экономического времени, тоталитарно-догматической идеологии...

Конечно, аналогия – не доказательство, но она вполне может послужить прологом и иллюстрацией к доказательству.

В принципе, сходная ситуация вновь наблюдается сегодня в экономической теории. Вновь – ибо XXI век повторяет (причем во многом в фарсовом виде) ситуацию казавшегося всеобщим и вечным господства рыночно-буржуазного строя позапрошлого столетия. Тогда для окончательной победы, а сейчас для самосохранения и консервации этой системы была не нужна и опасна всякая иная, кроме «рыночноцентрической», экономическая теория.

Во-первых, для экономических субъектов, *практически* (а не только идейно) сращенных с рыночной системой (некритично подчиненных товарному, денежному и т.п. фетишизму¹), иная теория и не нужна. Их практическая экономическая жизнь сведена к набору решений, где критерием является максимизация денежного богатства и его производных в кратко- и/или долгосрочном периоде и, соответственно, им нужна лишь четко привязанная к этим практическим задачам наука. И «рыночноцентрическая» теория в принципе справляется с решением этих задач.

Более того, *во-вторых*, эта теория оберегает этих субъектов от любых лишних, опасно критических постановок и вопросов, указывающих на наличие других, нерыночных миров. Она теоретически «доказывает» (как это в свое время делали отцы церкви, защищая постулаты Птолемея), что иного мира нет, вроде бы как бы и не было (раз уж о нерыночном

¹ А это подчинение существует в той *мере*, в какой предприниматель ведет бизнес, ориентируясь на максимизацию прибыли и не задумываясь, на чем он делает деньги; в какой наемный работник выбирает сферу занятости, ориентируясь на максимизацию зарплаты, а не на реализацию своих душевных интенций...

производстве, распределении и потреблении упорно «забывает» теория, то простым смертным и подавно о них знать не следует) и уж точно никогда не будет. Аминь.

Наконец, *в-третьих*, любая теоретическая школа, указывающая на то, что рынок не есть единственно возможное устройство жизни, опасна, как была опасна в свое время гелиоцентрическая модель строения Вселенной: и в том и в другом случае правящие силы отторгают вредное для них знание (правда, критиков рыночноцентрической парадигмы пока еще – тьфу-тьфу-тьфу – не тащат на костер). Для сохранения господства глобальной гегемонии капитала и «рыночного фундаментализма» (напомним, это термин Дж. Сороса) опасна активная пропаганда теоретических представлений, показывающих, например, что *рынок как экономическая система, обслуживающая большую часть транзакций большей части человечества, окончательно победил только в... начале XX века. До этого же человечество много столетий мучительно пыталось перейти к рынку и капиталу, заплатив за это ценой кровопролитнейших революций и войн (чего стоит хотя бы самая кровавая война XIX века – между Севером и Югом в США, да и Первую мировую войну явно не большевики развязали), колониального угнетения и т.п. (В скобках заметим: есоpotics вообще «видит» только развитые системы, а то и вообще исключительно американскую экономику, оставляя на долю особых дисциплин, лежащих «по ту сторону» собственно экономической теории, – компаративистики и экономики развития – хозяйственную жизнь 4/5 человечества¹).*

Еще более опасен тривиальный вопрос: если рынок есть особая форма координации, одна из многих исторически существовавших форм распределения ресурсов, если он когда-то (как господствующая форма – всего лишь сто-двести лет назад) возник, то это означает, что *рыночная экономика – не более чем исторически ограниченная, имеющая не только начало, но и конец, экономическая система?* И уж совсем вредоносным станет серьезный теоретический анализ (к тому же анализ самокритичный, указывающий на собственные ошибки и грехи апологетики) реальных ростков реальных пострыночных и посткапиталистических отношений².

Этот анализ опасен не только тем, что пробуждает излишнюю (для подчиненных без остатка рынку мещанина-потребителя и мещанина-

¹ У такого подхода, впрочем, есть свои резоны: «Капитал» К. Маркса тоже отражает прежде всего развитое состояние капиталистической экономики. Так что анализ прежде всего наиболее развитого вида определенной экономической системы теоретически вполне правомерен, если... если он не выдается за характеристику экономики вообще, как это происходит в случае с есоpotics и не происходит в случае с «Капиталом».

² Отчасти такой анализ проделан в статье: Бузгалин А. Эвристический потенциал политической экономии социализма в XXI веке // Вопросы экономики. 2003. № 3.

бизнесмена) пытливість ума и вредные вопросы, но прежде всего тем, что показывает:

- *историчность* рыночной экономики как системы, когда-то возникшей и – как все исторические системы – когда-то должествующей перерасти в другую экономическую систему (возможно, если следовать букве и духу марксизма, составляющей «всего лишь» базис для постэкономического «царства свободы»);

- реальные *противоречия* рыночно-капиталистической экономики, обуславливающие возможность и необходимость ее «заката»;

- *различие между видимостными* механизмами ее функционирования и *существенными чертами* товарных отношений и капитала, лежащими в основе этой видимости и скрытыми превратными формами так, как хороший макияж и модные одежды скрывают действительную внешность и возраст женщины;

- ростки и элементы реальных нерыночных (в том числе и *пострыночных*) отношений в современной мировой экономике;

- теоретические модели, объясняющие *кто, как и почему* может и будет способствовать рождению новых, идущих на смену рынку и капиталу, отношений.

И поскольку такие теоретические построения опасны, постольку их можно и должно (с точки зрения адептов «рыночноцентрической» модели) не замечать как не существующие или объявлять маргинальными (что не лишено своеобразных оснований – Коперник и Галилей 500 лет назад тоже были «маргиналами»), а в случае невозможности этого – объявлять ложными. Если же и это не удастся, то можно переходить и к административно-политическим методам (в демократических странах последние, как правило, используются редко и осторожно).

И если вопросы замалчивания и административно-политического давления выходят за рамки данной статьи, то вопросы априорной ложности «нерыночноцентричной» теории могут и должны быть нашим предметом.

Мы неслучайно выше написали «априорно»: доказательств по сути дела нет, за исключением попыток критики марксистской теории товара и капитала. Никто, собственно, и не пытался доказать, что (1) не было дорыночных отношений производства, распределения и потребления ресурсов, что (2) сегодня нет пострыночных отношений и (3) завтра невозможно господствующее распространение последних (последнее доказывали, разве что, представители австрийской школы, но после краха «советского блока» и их эта тема перестала интересовать; а зря: критика их «доказательств» была дана давно и ответ на нее был очень слабым...).

По-видимому, легко предположить, что первый тезис никто оспаривать не станет. Впрочем, и здесь возможны некоторые возражения. Зато положения (2) и (3) вызовут как минимум удивление, а то и жесткое отторжение вкупе с обвинением в догматической старомодности и при-

верженности отвергнутым всем цивилизованным миром пережиткам «коммунизма» (еретики, в общем...).

ДОРЫНОЧНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФЕНОМЕНЫ ПРАКТИКИ И ПРЕДМЕТ ТЕОРИИ

Начнем наш анализ с материи, наиболее близкой и понятной читателю – дорыночных экономических отношений. Эмпирически они хорошо знакомы большинству экономистов, хотя на них не принято обращать внимание. В самом деле, такие способы связи производителя и потребителя (координации, аллокации ресурсов) как *натуральное хозяйство* и различные формы обмена деятельностью в общине (кооперация и разделение труда, дарение, пожертвование и т.п.), *бартер* (переходное к товарообмену отношение), *насилие* (в частности, войны, грабежи и т.п.) как *способ перераспределения ресурсов* хорошо известны. Хорошо известны и такие формы присвоения богатства (труда и его продуктов, человека, земли) и его отчуждения, как азиатская деспотия, рабство, крепостничество и иные разновидности того, что К. Маркс называл личной зависимостью. Наконец, феномен ренты как особого способа получения дохода, производного от этих способов присвоения (хотя и не только от них), вообще очевиден, а новый институционализм «поиск ренты» числит среди и ныне существующих способов координации. Несколько менее известны законы воспроизводства добуржуазных отношений («азиатский цикл» и др.¹), но их несколько меньшая известность не означает их отсутствия.

Перечень можно было бы продолжить, но главное читателю, видимо, уже понятно. Гораздо важнее прокомментировать некоторые возможные возражения. Остановимся на двух.

Первое. Профессиональному исследователю хорошо известно, что в дорыночных системах экономические отношения были синкретично сращены с традицией, отношениями насилия и другими социально-волевыми формами (внеэкономическое принуждение, личная зависимость и т.п.). Эта, уже отмечавшаяся нами в предшествующих текстах, сращенность не означает, однако, того, что эти отношения не складывались **и** по поводу производства, распределения и потребления; что они не обеспечивали **и** определенное распределение ресурсов; что с ними не были связаны особые мотивы, цели **и** производства. По-видимому, здесь экономист должен возразить, что эти цели и мотивы являются неэкономическими, так как их субъекты стремились не к максимизации прибыли,

¹ См., например: *Нуреев Р.М.* Азиатский способ производства как экономическая система // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М., 1993.

денег. Но мы о том и пишем, что экономику нельзя сводить исключительно к товарно-денежным отношениям. Увеличение количества лично зависимых работников, земельных угодий, ренты и т.п. было (и остается) частью процесса воспроизводства, т.е. экономической жизни в широком смысле слова.

Второе возражение. Да, скажут наши оппоненты, когда-то действительно существовали нерыночные формы организации производства и распределения, но это далекое прошлое, и сия проблематика не актуальна для современной экономической теории. Здесь авторам уже можно возликовать: указывая на неактуальность исследования дорыночных экономических отношений, вы тем самым признаете их существование. Следовательно (NB!), вы признаете тот факт, что рынок и товарные отношения исторически ограничены, что они когда-то возникли и потому не могут быть квалифицированы как «естественные». Соответственно, не может быть квалифицирован как «естественный», неотделимый от человеческой природы интерес к максимизации денег (у труда и производства, следовательно, могут быть другие цели и мотивы) и т.п.

Грамотный экономист-теоретик, знакомый с историей экономики и экономической мысли, скажет, что все это – очевидно. Да, согласимся мы: это очевидно. Но при этом позволим себе вопрос: почему же тогда во всех учебниках есоnотіс эта очевидность игнорируется и, более того, в неявной форме читателю навязывается нечто прямо противоположное?

А теперь к вопросу об *актуальности исследования дорыночных экономических отношений*.

Во-первых, как мы уже заметили выше, человечество тысячелетиями осуществляло производство в условиях, когда рынок был лишь периферией хозяйственной деятельности. Рынок стал господствующей в мировом масштабе формой производства и распределения ресурсов в лучшем случае в конце XIX века. Более того, вплоть до середины XX века большая часть производства и распределения в Африке и Азии были сосредоточены в рамках натуральных хозяйств. В России вплоть до начала XX столетия 80 % населения (крестьянство) преимущественно было занято натурально-хозяйственной деятельностью. В Европе (за исключением Англии, Франции, Голландии и Бельгии) еще в XIX веке шла борьба между дорыночным, полуфеодальным и рыночным (включая рынок труда и капитала – т.е. такой, как его ныне описывают учебники, выдавая за «естественный», т.е. как бы вечный) способами производства и присвоения. Рабочая сила стала по преимуществу товаром во многих странах Европы лишь в конце XIX века (а в России – только в XXI веке, может быть, станет), а до этого господствовали различные переходные формы. Может ли серьезная теория игнорировать эти закономерности истории?

Во-вторых, нынешняя экономика, как известно, является глобальной. Но это означает не только рост мировых потоков товаров и капиталов,

но и углубление качественных противоречий в мире. *В экономике стран третьего мира, особенно беднейших, где проживает, соответственно, пять и более одного миллиарда жителей Земли, и где сосредоточены наиболее жесткие противоречия современности, до сих пор принципиально важна роль названных выше дорыночных отношений и переходных форм, соединяющих современный рынок и иные экономические отношения.*

В этих странах не просто велико влияние социокультурных (религия, традиции), т. н. «цивилизационных» факторов на экономику. Противоречия глобализации и внутренние противоречия приводят к тому, что *в мусульманских (но не только) странах в XXI веке вновь (NB!) начинают складываться элементы новой (возможно, переходной) социально-экономической системы.* Последняя противоречиво соединяет элементы позднего капитализма и восстанавливаемых реверсивным ходом истории в новом виде отношений натурального хозяйства, общинности, личной зависимости (преимущественно, естественно, в новых, специфических, требующих самого пристального изучения формах), государственно-деспотического, замешанного на традициях и внеэкономическом принуждении (клановом, родовом, тейповом и т. п.) способах присвоения и отчуждения, координации, принятия экономических решений, перераспределения ресурсов.

Все это не означает отсутствия в этом социально-экономическом пространстве рынка и капитала – там, повторим, господствуют переходные отношения, но это означает, что рыночноцентрическая, более того, исключительно рыночная экономическая теория сугубо недостаточна (если вообще продуктивна) для анализа этих развивающихся новых реалий социально-экономической жизни.

В-третьих, так называемые «посткоммунистические», трансформационные экономики также требуют отказа от теоретического рыночного фундаментализма. Дело в том, что здесь (особенно в странах СНГ) в результате попыток насильственной реализации рыночных реформ в условиях, неадекватных технологических (высококонцентрированное производство, переутяжеленная структура экономики и т.п.), социокультурных, политических и т.п. факторов (а об этом написаны десятки книг и сотни статей) возникла *крайне странная экономическая система, имеющая лишь видимость рыночной* (и даже капиталистической), но в действительности скрывающей сложноструктурированный пласт малоизученных и крайне специфических отношений.

И дело здесь не только в том, что в результате перехода от плана к якобы рынку в СНГ быстрее всего в массовых масштабах стали расти дорыночные (добуржуазные) и полурыночные (переходные) отношения – а это и натуральное хозяйство, и «поиск ренты», и личная зависимость во всем многообразии форм власти новой «аристократии» (от боссов организованной преступности – этих полулегальных «баронов» новой России – до новой номенклатуры из лона высших государственных

чиновников и сращенных с ними олигархов – «графов», «князей» и «генерал-губернаторов» XXI века¹).

Дело в том, что *основой экономики России и других стран СНГ все более становятся кланово-корпоративные (номенклатурно-олигархические и зачастую полукриминальные) структуры, имеющие вид «обычных» корпораций, но в сущности представляющие собой сложные переходные формы, включающие не только отношения акционерного капитала и наемного труда, но и сложные механизмы личной зависимости и внеэкономического принуждения.*

Опять же заметим: это далеко не классические феодальные отношения, но это отношения, анализ которых будет мало достоверен (ибо он будет скользить по поверхности) в рамках маркетоцентрической парадигмы.

Более того, *маркетоцентрическая парадигма, будучи применена к анализу социально-экономических трансформаций в наших странах (а это господствующий подход, как в отечественной, так и в западной науке), приводит к доминированию телеологического, нормативного подхода, который существенно искажает картину действительных отношений в нашем мире.* Сторонники этой парадигмы практически всегда исходят как из аксиомы из того, что в наших странах происходит переход именно к рыночным отношениям. Спорят о том, как быстро он должен осуществляться, какой тип рынка должен быть создан, но, как правило, не задаются вопросом: *какие экономические отношения действительно развиваются в России, СНГ и т.п.?*

Причины этого достаточно очевидны: эта парадигма в принципе не позволяет увидеть никакого иного выхода, кроме рыночных механизмов, ибо все остальные социально-экономические отношения в крайне поляризованном свете рыночноцентрического экономического либерализма просто не видны.

Да, конечно, в мире ныне господствуют рыночные отношения, руководство страны строит рынок и все официальные институты имеют рыночные имена. Но это еще не означает, что мы на деле движемся исключительно в этом направлении. В СССР и других странах «реального социализма» уже был опыт нормативно-телеологического подхода, когда треть человечества провозгласила социалистическую систему, власти заявили, что мы строим коммунизм, все официальные институты имели социалистические имена, а подавляющее большинство не только граждан, но и ученых (в том числе – западных советологов) были уверены в том, что экономический строй в СССР имеет социалистическую природу. И что же? Ныне очень мало кто из критически мыслящих ученых

¹ См. об этом в: *Lester J. Modern tsars and princes: the struggle for hegemony in Russia.* L.: Verso, 1995; Стратегии России: общество знаний или новое средневековье? Материалы конференции 3–4 апреля 2008 года / Под ред. А.В. Бугалина и А.И. Колганова. М.: ЛЕНАНД, 2008.

(кроме догматически-ортодоксальных коммунистов и некоторых динозавров-антикоммунистов) однозначно соглашаются с этой тезой.

Так и ныне экономический либерализм на веру принимает идеолого-политические установки и, исходя из них, более чем предвзято ищет им подтверждения на практике. И методология «рыночноцентризма» для этого нормативно-телеологического подхода крайне полезна, более того, необходима.

Между тем реальная экономическая жизнь трансформационных экономик много сложнее, и «рынок» (да и то крайне специфический) есть лишь один из многих сложноструктурированных слоев нашего социально-экономического пространства, доказательству чего мы посвятили немало своих (уже упоминавшихся выше) работ по проблемам российской экономики.

Возвращаясь к проблеме нерыночных отношений в современной мировой экономике, заметим, что, в четвертых, капитал развитых стран – транснациональных корпораций и других глобальных игроков на полях мировой экономики (НАТО, ВТО, МВФ и т. п.) – включает в свой арсенал широкий спектр нерыночных (во всяком случае, в классическом смысле *economics'a*) методов власти и подчинения работников и клиентов, не описываемых на стандартном «маркетцентричном» языке.

Существуют ли пострыночные экономические отношения?

И все же главное для нас в данном случае – подчеркнем – это не столько доказательство актуальности изучения дорыночных отношений (они, согласимся с оппонентами, ныне составляют весьма важную, но не основную часть социально-экономического пространства), сколько иной, уже предложенный выше в качестве гипотезы, а ныне в меру сил объясненный вывод: рынок (как его трактует *economics*, т.е., повторим, в единстве рынков товаров, капиталов, труда) *есть исторически ограниченная экономическая система*.

Но если это так, то тогда вполне логичным выглядит уже сформулированное выше утверждение: рынок как исторически ограниченная экономическая система имеет не только свое начало, но и свой конец. Иными словами, перед нами встает вопрос: существуют ли в современной экономике ростки пострыночных отношений, приходящих на смену товарным отношениям по мере исчерпания ими своего потенциала стимула и формы развития технологий, роста производительности? Существуют ли потенциальные пострыночные (более того, посткапиталистические) способы координации, присвоения, распределения и воспроизводства и если да, то каковы реально существующие ростки этих отношений?

Анализ проблем *пострыночной экономики* мы начнем с фиксации простейшей связи: по мере обострения противоречий классической, развитой рыночной экономики (Первая мировая война, Великая депрессия и т.д.) даже в рамках *есопотіс* возник тезис о *провалах рынка* – тех экономических (в широком смысле слова, выходя за рамки сведения экономики к обмену товаров и денег, что, кстати, вынужденно, но не замечая [NB!] этого, делает здесь *есопотіс*) функциях, которые рынок не может выполнить или выполняет с большими потерями для общества, Человека и природы (NB! здесь опять «контрабандно» в экономическую теорию вводятся, не оговариваясь, нерыночные параметры, которые, правда, замазываются применением словечка «экстерналии»).

Не будем пока вдаваться в проблему, какие отношения, как и почему заполняют эти «провалы».

(В скобках заметим: сам термин «провалы» весьма сомнителен и *прямо указывает на «рыночноцентричность» есопотіс'а*: все, что не рынок – его провал. Как похоже на религиозное мировоззрение: все, кто не христианин – язычники; или наоборот – все, кто не мусульмане – неверные; в любом случае они не более чем «провал» христианства или ислама.)

Зафиксируем другую, принципиально важную для нас связь: если (1) провалы рынка появились в массовых масштабах на практике (и были, соответственно, отображены в теоретических работах представителей экономического либерализма и даже в учебниках) лишь в условиях «позднего», развитого рынка (мы бы, как марксисты, сказали капитализма, но в данном контексте это не так важно); если они (2) выполняют те функции, которые рынок выполнить эффективно не может; если эти провалы (3) лежат, как правило, в областях, наиболее важных для перехода человечества к новому качеству развития (образование, фундаментальная наука, экологические и другие глобальные проблемы, развитие человеческих качеств), то *мы можем достаточно обоснованно предположить, что во всех этих случаях речь идет не о до-, а о пострыночных отношениях*, которые могут решать те важнейшие социально-экономические проблемы, которые не могут решить рынок и капитал.

А теперь постараемся дать хотя бы краткий перечень тех *сфер современной глобальной экономики, для которых характерно развитие и ростков пострыночных и посткапиталистических отношений*.

Это, во-первых, система отношения сознательного регулирования межхозяйственных взаимодействий (выражаясь языком советской политической экономии, мы бы их назвали ростками *планомерности*¹):

- многообразная система экономических функций государства, включающая перераспределение от 30 до 50 % ВВП и существеннейшим об-

¹ Подробнее см.: Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века. М.: ТЕИС, 2003.

разом влияющая на образ жизни, решение экологических, гуманитарных и социальных проблем, качество роста и мн. др.;

- нерыночное воздействие крупных корпоративных структур на *внешние* для них экономические параметры (включая манипулирование потребностями и потребителями, частичное регулирующие воздействие на цены и мн. др.)¹;

- систему регулирования экономики со стороны общественных (некоммерческих) организаций, органов местного самоуправления и т.п.;

- образование во многом не рыночных «анклавов» экономической жизни во взаимодействии различных предприятий внутри крупнейших корпоративных структур (особенно ТНК, объемы производства которых сравнимы с объемами ВВП средних государств)², где внутривладельческие отношения дивергируют с межхозяйственными, стирая границы отношений внутри и вовне хозяйственного звена;

- генезис и активно растущее распространение форм производства, распространения и потребления общественных благ в рамках открытых сетей на основе отношений добровольной кооперации: open source, crowdfunding, crowdsourcing, copyleft, wikinomics³.

Во-вторых, это ростки непосредственно-общественного взаимодействия между работниками, собственниками, потребителями, ростки общественного присвоения и распоряжения:

- жизнедеятельность «экономики солидарности», включающей, в частности, деятельность «социальных» (ориентированных не на извлечение прибыли) предприятий (до 10 % рабочей силы Евросоюза), в частности, ряда коллективных предприятий, кооперативов и т.п.⁴;

¹ Как мы заметили в предыдущей главе, цаголовская школа политической экономии называла этот феномен «неполной планомерностью». В *economics* его упоминают в связи с феноменом т. н. «рыночной власти», в новом институционализме – «переговорной силы». Конкретные механизмы такого воздействия раскрыты, в частности, в книге: *Кляйн Н. No Logo: Люди против брендов* (М., 2003). Подробнее к этой теме мы вернемся во II томе нашей книги.

² В рамках цаголовской школы политической экономии этот тезис был, в частности, развит А.А. Пороховским (см.: *Пороховский А.А. Вектор экономического развития*. М.: ТЕИС, 2002).

³ См.: *Brabham D. Crowdsourcing as a model for problem solving: leveraging the collective intelligence of online communities for public good: PhD Thesis*. Salt Lake City: University of Utah, 2010; *Perspectives on Free and Open Source Software* / edit. Feller J., Fitzgerald B., Hissam S., Lakhani K. Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 2007; *Tapscott D., Williams A. Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything*. New York: Penguin, 2007.

⁴ См.: *Miller E. Solidarity Economics. Strategies for Building New Economies from the Bottom-Up and the Inside-Out* // GEO News-letters, February, 2004; *Morrison R. We Build the Road as We Travel*. Philadelphia: New Society Publishers, 1991; *Simmons J. and M., William J. Working Together: Employee Participation in Action*. N.Y.: New York University Press, 1985; *Whyte W.F., Whyte K.K.* →

- феномены экономического самоуправления (свободная работающая ассоциация) и партисипативного управления;
- экономическая жизнь гражданского общества (внутренняя, ориентированная на некоммерческие цели и ценности социально-экономическая жизнедеятельность НКО и НПО, социальных движений, временных творческих коллективов и других самоуправляющихся ассоциаций);
- экономические процессы в области производства, распределения и использования *общедоступных* (т. н. «общественных»), находящихся в государственной или во всеобщей собственности благ (общедоступные, не являющиеся частной собственностью информация, культурные, природные и т.п. блага);
- развитие социально ответственного (ориентированного не только на рыночные критерии) бизнеса, партисипативного управления и т.п. переходных форм.

В-третьих, это генезис целей и стимулов труда и [вос]производства на всех уровнях: от индивидов и их ассоциаций до человеческого сообщества в целом:

- развитие нерыночных ценностей и стимулов деятельности, кооперации и сотрудищества (солидарности, а не конкуренции) как механизмов повышения результативности труда и предпринимательства;
- превращение труда, свободного времени и неотчужденных социальных отношений в нерыночные стимулы и самооценку в условиях доминирования творческого содержания деятельности как важнейшие слагаемые экономической жизни эпохи рождения постиндустриального общества;
- вынесение на первый план нерыночных *эко-социо-гуманитарных* критериев макроэкономической эффективности, в частности таких параметров, как объем свободного времени общества (т.е. времени развития человеческих качеств, противопоставляемого рабочему времени как времени затраты рабочей силы и времени досуга как времени ее рекреации) или хотя бы индекс человеческого развития с подключением к нему экологической составляющей.

И это лишь очень неполный перечень важнейших из данных сфер. Они весьма различны по своей природе, могут скрывать как прогрессивные, так и регрессивные (с точки зрения такого критерия, как свободное

← Making Mondragon. The Growth and Dynamics of Worker Cooperative Complex. Ithaca NY: ILR Press, 1988; Колганов А.И. Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. М., 1993; Керемецкий Я., Рудык Э. Развитие нетрадиционной экономики США и российские реформы // США: экономика, политика, идеология. 1985. № 5; Рудык Э. Приватизация: варианты действий трудовых коллективов // Вопросы экономики. 1993. № 12; Преобразование предприятий: Американский опыт и российская действительность / Под ред. Д. Лоуга, С. Плеханова, Д. Симмонса. М.: Вече, Персей, 1997. Мы вернемся к этому вопросу во II томе книги.

всестороннее развитие человека, снятие социального отчуждения) отношения. Но даже этот неполный перечень показывает, что *пострыночные отношения существуют и они гораздо шире и глубже, нежели государственное воздействие на экономику.*

Здесь требуется существенная оговорка: безусловно, современная экономическая теория признает существование этих феноменов и даже в ряде случаев их исследует. Но! Она, во-первых, трактует их как провалы рынка, т.е. (а) исходит из рынка как единственно эффективной экономической системы и тем самым (б) явно и неявно указывает на необходимость максимального сужения этих сфер. Во-вторых, она пытается отобразить экономику этих сфер («Экономика общественного сектора» и т.п.) как некоторую «неполноценно-рыночную», редуцируя ее содержание к *рыночно-подобным* формам и описывая эти формы при помощи нескольких модифицированных традиционных рыночных моделей, резко сужая, а то и извращая содержание происходящих в этих сферах процессов и отношений.

А теперь «забудем» о многообразии пострыночных отношений и посмотрим на наиболее часто (что неслучайно) анализируемую сферу – социально-экономическую деятельность государства.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА КАК ОДНА ИЗ СФЕР ГЕНЕЗИСА ПОСТРЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Подчеркнем: отказ от рыночноцентрической парадигмы позволяет взглянуть на эту сферу и показать, что *социально-экономическая деятельность государства – это одна из переходных форм, включающих зародыши пострыночных отношений, а именно – сознательного, непосредственно общественного (выражаясь в духе политэкономии социализма можно было бы сказать – планомерного) способа координации, регулирования пропорций, распределения (аллокации) ресурсов*¹.

Зафиксируем этот принципиально значимый для современной экономической теории (включая теорию рыночной экономики современной эпохи) подход к трактовке государства, его экономической природы и функций. Отказ от «рыночноцентричности» экономической теории и выделение пострыночных отношений позволяет показать, что *экономическая деятельность государства – это не вмешательство внешних политических сил в экономику, а рождение нового экономического субъекта новых* (нерыночных по своей природе, более того, как было по-

¹ О различии содержания планомерного способа связи производителей и потребителей и бюрократических превратных форм последнего см.: Бузалин А.В. Противоречия самоуправления, централизма и самостоятельности в плановом хозяйстве. М.: Издательство МГУ, 1988.

казано выше – *пострыночных*, компенсирующих провалы рынка) *экономических отношений*. При этом, подчеркнем, функции государства в современной рыночной экономике есть отражение *переходных* (от рынка, капитализма к новой системе) отношений.

В том и смысл нерыночноцентрической экономической теории, что она перераспределение ресурсов при помощи государства трактует не как административный процесс, а как *объективное экономическое отношение*, которое вызвано к жизни современным развитием производительных сил, социальных и политических процессов, культуры и т.п. И это теоретическое достижение сегодня необходимо применить для трактовки государства и его функций.

Мы готовы поспорить, что без отказа от маркетцентричности сегодня невозможно раскрыть целостную *модель экономических функций государства в развитой рыночной экономике*, что любой учебник есопiс систему экономических функций государства трактует более упрощенно и менее системно, чем это позволяет сделать акцент на наличии пострыночных отношений. Сравните, как описаны провалы рынка в этих учебниках и как это может быть сделано с использованием политэкономического подхода. Во втором издании учебника теории социально-экономических трансформаций¹ мы предложили такую схему, и сейчас отметим лишь некоторые ее крупные блоки. В основу систематизации этих блоков положим основные параметры структуры экономической системы, выделенные нами ранее (кстати, тоже опираясь на нерыночноцентрический подход) и отображенные в первом тексте этого раздела.

Так, *отношения координации* (напомним, что их видами являются, как минимум, натуральное, товарное и плановое хозяйство) предполагают наличие определенных функций государства (ниже дается минимальный перечень таких функций) по формированию пропорций в экономике, рамок и правил отношений обмена и трансфертов, нормативов (качества и др.) и правил ценообразования. По всем этим параметрам в современной рыночной экономике государство ведет определенную деятельность. Это:

(1) программирование и селективное регулирование (его значимое слагаемое – промышленная политика); последнее может быть как прямым (государственный заказ, инвестиции, закупки, направленные, например, на развитие ВПК или фундаментальной науки, образования, медицины и т.п.), так и косвенным (налоговые или таможенные льготы, дешевые кредиты и т.п. средства структурной политики); и то и другое оказывает существенное воздействие на формирование пропорций в экономике и другие параметры;

¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Теория социально-экономических трансформаций. Прошлое, настоящее и будущее экономик «реального социализма» в глобальном постиндустриальном мире. М.: ТЕИС, 2003.

(2) нормативы качества почти на все виды сельскохозяйственной продукции и основные продукты питания, нормативы безопасности и мн. др.;

(3) государственное регулирование цен и правил ценообразования, являющееся обычным для многих видов цен и тарифов, причем не только на продукцию и услуги естественных монополий: в ряде стран Европы государственные органы регулируют цены на основные продукты питания и медикаменты, транспорт (даже такси) и мн. др.;

(4) определение правил и механизмов взаимодействия рыночных агентов в широком диапазоне – от правил торговли до антимонопольного законодательства (это один из подвидов более многообразной функции регулирования институтов)...

Отношения присвоения и весь комплекс оформляющих современную экономику отношений собственности предполагают необходимость политико-экономического исследования, во-первых, всеобщей собственности или собственности каждого на все (феномена «общественных благ»). Чем более прогрессирует экономика, основанная на знаниях, тем более острыми становятся проблемы борьбы между двумя способами создания, распространения и использования информации и знаний – как благ частных или общественных. Это борьба рыночных и пострыночных начал, и мера их соотношения может и должна регулироваться обществом и государством.

Во-вторых, это проблема политэкономического исследования государственной собственности. О ней как особой сфере экономических отношений, а не просто провале рынка, есопоmics как таковой тоже предпочитает не распространяться, оставляя это для «экономики государственного сектора», которая пытается и здесь в основном прилагать все те же методологию и аппарат есопоmics, невольно впадая в грех редукционизма. Между тем *за формой государственной собственности скрывается область новых экономических отношений, возникающая там и тогда, где и когда государство действует не как особый «сверхкапитал» или «всеобщий частный собственник» (К. Маркс), а как действительный представитель общенациональных интересов.* Кстати, выделение этих экономических интересов и их реального экономического содержания как самостоятельной экономической проблемы, а не очередного «провала», тоже невозможно без отказа от «рыночно-центричности».

Отсюда вытекает и исследование, в-третьих, функций государства по охране прав собственности (это преимущественное поле нового институционализма, и это в основном «рыночные» функции государства), а также проблем включения государства в регулирование распределения прав собственности, в том числе в связи с проблемами распределения экономических правомочий в отношениях между государством и фирмой. Эта сфера принципиально важна, т.к. в современных развитых экономиках государство существенно ограничивает права частного собственни-

ка в области распоряжения и использования его собственного имущества¹ – этот факт отображается в специальных исследованиях, но теоретически редко оценивается.

В-четвертых, требует особого политэкономического взгляда сфера регулирования деятельности по использованию такого государственного имущества как земля, недра, природные заказники, культурные ценности и т.п. блага, значительная часть которых находится в государственной собственности разных уровней.

В-пятых, государство осуществляет дифференцированную поддержку ряда форм собственности. Широко известна, в частности, практика поддержки малого бизнеса (как известно, *в условиях нынешней конкуренции этот тип собственности не может выжить без поддержки государства*). Менее известно то, что в США и Западной Европе государство осуществляет *содействие демократизации отношений собственности* (например, планы передачи акций предприятий в собственность работников – ESOP, широко распространенные в США и ЕС).

Блок **социальных параметров экономики** выявит огромный пласт отношений по сознательному регулированию:

(1) трудовых отношений, отношений труда и капитала (от продолжительности и охраны труда до психологического климата в отношениях руководителей и подчиненных – масса различных социальных норм), труда, капитала и государства (трехсторонние коллективные договоры); важным компонентом этих отношений является участие работников в управлении предприятиями (производственные советы и др.);

(2) занятости (не только пособия по безработице, но структурная политика и стимулирование занятости в современных секторах, общественные работы, переквалификация);

(3) опосредуемые государством пострыночные механизмы распределения, такие как бесплатное общедоступное распределение многих благ (например, бесплатное среднее, а во многих странах – ФРГ и др. – по преимуществу и высшее образование);

(4) многообразные социальные трансферты, включая социально-гарантируемый минимум и минимум заработной платы, поддержку лиц с ограниченными физическими возможностями и мн. др.;

¹ Укажем на примечательный факт: в Западной Европе за символическую цену (вплоть до 1 евро) продается немало... старинных замков. И желающих их купить очень немного, т.к. вместе с этим имуществом новый собственник приобретает обязательство реставрации и последующего предоставления в общественное пользование (экскурсии для туристов по части замка, имеющей историко-культурное значение и т.п.) этого объекта. Точно так же, приобретая лес, вы приобретаете обязательство его охраны и воспроизводства при запрете вырубki (за исключением санитарной), приобретая пахотные угодья, вы приобретаете обязательство использовать их для сельскохозяйственного производства и т.п.

(5) перераспределение доходов, в том числе при помощи прогрессивного налогообложения и других форм ограничения сверхвысоких доходов и т.п.

Еще более многообразны функции государства в области *регуляции отношений воспроизводства и функционирования экономики*. В частности, именно здесь «располагается» весь объем функций государства по регулированию макроэкономической динамики (роста и т.п.), финансово-кредитной системы и мн. др. Мы не будем здесь уходить в детали – это не предмет данного текста, – но обратим внимание на то, что главным в этом блоке с политэкономической точки зрения должно быть *программирование и регулирование (1) качества (2) развития*, тогда как рыночноцентричный есономіс на первый план в этом блоке выносит вопросы финансовой сбалансированности и количественного роста.

Многие из названных выше механизмов (но не все и не в системе), конечно же, хорошо известны и раскрыты в есономіс (при том, что любому экономисту-практику они хорошо известны *все*; есономіс же о части из них «забывает», ибо они не вписываются в его теорию). Хотелось бы, однако, сделать в данном случае иной акцент: во всех этих случаях за конкретными экономическими функциями государства скрывается *новый пласт экономической реальности – отношения сознательного регулирования экономических процессов в общенациональном (региональном, международном) масштабе*.

Эти функции государства качественно отличны от традиционных (акцентируемых есономіс) функций государства как института волевого (неэкономического) поддержания условий функционирования рынка, капиталистической системы хозяйствования (функции по защите прав собственности, регулирования денежного обращения и т.п.). Этот водораздел – отнюдь не теоретическая конструкция. Именно здесь проходит линия, разграничивающая рыночников-либералов и сторонников более широкого, социально-исторического взгляда на экономическую жизнь. Первые стремятся всячески ограничить роль государства исключительно неэкономическими функциями по созданию условий для развития рынка, вторые (некоторые даже не осознавая этого теоретически, наподобие мольеровского героя, не знавшего, что он говорит прозой) стремятся к изучению (и содействию развитию) новых, пострыночных экономических отношений, реализуемых при помощи государства, но не сводимых к деятельности этого института.

Вот почему *спор на протяжении десятилетий и в мире, и в России идет не о том, сильное или нет государство нам нужно* – сильной может быть и пиночетовская фашистская диктатура, защищающая модель экономического либерализма, насаждавшуюся «Чикаго-бойз» (ник всемирно известной своими правыми взглядами группы советников из США), – *а о том, развивать или нет в экономике новые, пострыноч-*

ные отношения. Сторонники экономического либерализма неслучайно столь активно выступают против осуществления государством селективного и антициклического регулирования, развития социальных трансфертов и бесплатного распределения общественных благ – во всем этом они «нутром чуют» действительно угрожающие всевластию рынка и капитала зародыши новых социально-экономических отношений.

Кроме того, вспомним, что пострыночные отношения отнюдь не сводятся к экономическим функциям государства.

А сейчас сформулируем обоснованный (в меру наших сил) вывод. *В современной капиталистической экономике:*

- то в больших, то в меньших, но в последние десятилетия всегда в значимых (35–55 % ВВП) масштабах осуществляется государственное и социальное (сознательное, централизованное, во многом плановое) регулирование;

- практикуется использование экологических, социальных, гуманитарных норм;

- является фактом функционирование общественной собственности во всем многообразии ее форм: от государственных (особенно распространенных в наиболее значимых для современной экономики постиндустриальных сферах – образовании, здравоохранении, науке) и кооперативных предприятий до некоммерческих организаций;

- осуществляется ограничение (особенно типичное для социально-ответственного бизнеса) и передача общественным (нечастным, некоммерческим структурам) ряда прав собственности даже на предприятиях рыночного сектора (контроль, ограничения и т.п., находящиеся в руках государства, профсоюзов и неправительственных организаций);

- развивается сфера не рыночного (на базе методов *wikinomics*, *open source*, в частности, таких как *copy-left*, *crowd-sourcing*, *crowd-funding*) производства, распределения и использования общественных благ (в том числе наиболее значимого для постиндустриального общества ресурса – культурных ценностей, фундаментальных знаний, базовых «человеческих качеств»);

- не сокращается значимая система перераспределения прибыли капитала в пользу «рядовых» граждан через систему социальных трансфертов и т.п.

Если совокупность всех подобных явлений есть *провалы рынка* (термин неоклассики; мы бы сказали – рынка и капитала), то...

...то *эти феномены можно и должно считать ростками именно пострыночных и посткапиталистических отношений.*

Намеренно повторим аргументацию: все названные феномены явно нельзя причислить к дорыночным, докапиталистическим (рабовладельческим, феодальным) экономическим феноменам. Они стали массовым явлением и научной проблемой главным образом на этапе позднего капитализма, развитого рынка и являются сферами, где рынок уже не

эффективен (с точки зрения *новых* – социальных, гуманитарных, экологических и т.п. критериев). Следовательно, это более развитые, более прогрессивные (с точки зрения названных выше новых критериев, обретающих все большую актуальность по мере движения к постиндустриальному обществу), чем рынок, т.е. пострыночные отношения.

Вот почему мы беремся утверждать, что в сегодняшней мировой экономике существуют переходные формы к пострыночным, посткапиталистическим отношениям в области координации, собственности, распределения доходов, воспроизводства, мотивации и т.д. Для понимания этих механизмов объективно необходим отказ от маркетцентрической парадигмы экономической теории, иначе все эти растущие и развивающиеся формы, которым принадлежит будущее, так и останутся на периферии теории и будут трактоваться как исключение из «правил», хотя на самом деле именно переходные к пострыночным отношениям и составляют новый *mainstream* социально-экономического развития.

Другое дело (будем честны, и добавим большую ложку рыночного «дөгтя» в нашу тарелочку пострыночного «меда»), что в последние десятилетия в мире происходит нелинейное, медленное, но все же отступление от социально-регулирующих, общественных начал к началам рыночным, частично-капиталистическим. Но, во-первых, мировой экономический кризис вновь поставил этот тренд под вопрос: сопротивление попыткам сворачивания социальных и иных регулирующих функций государства и развитию экономики общественных благ по всему миру идет очень активно. Во вторых, даже если существовавший вплоть до кризиса негативный тренд сохранится, все равно останется вопрос: а о чем он свидетельствует? О том, что ошибочна наша теоретическая гипотеза *нелинейного* «заката» капитализма и прогресса пострыночных начал, или о том, что практика современного капитализма характеризуется попятной, реверсивной инволюцией, связанной с тем, что развитие новых, переходных к пострыночной (и посткапиталистической) системе отношений в XX веке зашло столь далеко, что стало угрожать самому существованию этой системы, и в XXI веке она предпочитает пятиться назад, несмотря на реализующиеся угрозы мировых кризисов?

* * *

Подведем некоторые итоги нашего анализа господствующей ныне *рыночноцентрической парадигмы*. Как мы постарались показать выше, это отнюдь неслучайно возникшая и не безобидная форма, господствующая до сих пор в экономической теории, но постепенно изживающая себя и теоретически все менее плодотворная. Более того, это парадигма, *(1) существенно затрудняющая понимание действительных закономерностей исторического развития экономических систем; (2) не позволяющая увидеть широкий круг сохраняющихся и возрождающихся вновь дорыночных и переходных к рынку отношений; (3) ограничено до неадекватности*

трактуемая возникающие пострыночные отношения исключительно как провалы рынка; (4) провоцирующая телеологический нормативный подход к проблемам трансформаций в российской и других переходных экономиках и, наконец, (5) опасная в своей воинствующей, империалистической тяге к всеобщему и тотальному господству.

p.s. «Экономический империализм» и «политическая экономика»: причины и пределы экспансии

В контексте поставленной в предыдущем разделе проблемы преодоления нынешнего засилья есоpotіcs более чем очевидной становится актуальность проблемы снятия и все более и более заметного в последние десятилетия тренда экспансии «экономического империализма».

В России уже давно идущая в мире полемика по проблемам т. н. «экономического империализма»¹ привлекла к себе значительное внимание лишь в конце 2000-х годов в связи с начавшейся в 2008 г. публикацией в журнале «Общественные науки и современность» статей по данной тематике. Именно в рамках этой дискуссии лежит и наш текст², что неслучайно. Причина в том, что данная тема далека от чисто академического спора о соотношении различных общественных наук: она прямо связана с проблемой социальной роли и практического значения и экономической теории, и других общественных дисциплин. Значимость данной темы обусловила и то, что в нашей стране, как и на Западе, в этой полемике приняло участие едва ли не большинство известных теоретиков.

Мы отнюдь не склонны пересказывать все опубликованные в рамках этой дискуссии тексты, но хотели бы отметить, что лишь относительно недавно и только в связи с мировым экономическим кризисом в этих текстах появилось признание *фундаментального кризиса господствующей в экономической теории неоклассической парадигмы*. В рамках дискуссии на это в 2011 г. прямо указал В.М. Полтерович, сославшись и на авторитет десяти английских ученых, отвечавших на вопросы британской королевы, недоумевавшей, как ее ученые мэтры сумели не заметить приближение кризиса, и на описанные нами выше (см. п. 3.2) протесты

¹ Выделим в качестве важного источника по этой проблеме работу Б.Файна, в которой дается не только подробный анализ источников, но и авторский критический взгляд на категорию «социальный капитал» (см.: *Fine B. Theories of Social Capital. Researchers Behaving Badly / Edited by Ben Fine and Dimitris Milonakis. Pluto Press, London, 2010*).

² Заметим: непосредственным импульсом для написания этого текста стала подготовка авторами одного из пленарных докладов для международной научной конференции «Политическая экономия: исследуя капитализм», проведенной в Сорбонне рядом международных политэкономических ассоциаций 5–7 июля 2012 г. и собравшей более 700 участников из десятков стран мира.

в студенческой среде – от Франции до США¹. При этом, однако, академик Полтерович «не замечает», что описываемый им кризис поразил именно ту науку, метод, язык и инструментарий которой он предлагает развивать в рамках предлагаемого им «общего социального анализа».

Мировой экономический кризис, однако, не «подсказал» ничего такого, что не говорилось бы ранее. Он всего лишь *вновь* указал на необходимость поиска принципиально иной парадигмы и в экономической, и в других социальных теориях – парадигмы, лежащей «по ту сторону» не только монетаризма, не только неоклассики в целом, но и той методологии, на которой все они выросли – методологии исключительно квантифицируемых функциональных связей, верифицируемых при помощи обращения к статистике или иным эмпирическим данным, являющейся калькой с естественно-научной позитивистской методологии.

Между тем практически все участники полемики в журнале «Общественные науки и современность», как поддерживающие важность и плодотворность «экономического империализма», так и критикующие эту тенденцию, по сути дела, не подвергают сомнению то методолого-теоретическое поле, инструментарий и язык, в рамках которого они ведут полемику. Все – от рьяно защищающих «экономический империализм» Гуриева, Балацкого, Яновского и др. до не менее жестко критикующих их Урнова²

¹ См.: Полтерович В.М. Становление общего социального анализа // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2. Подчеркнем: в политэкономических кругах не только Запада, но и России публикации об этом «провале» mainstream'a идут с 2008 года (см. напр.: Главная книга о кризисе / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Яуза, 2009). Особенно интересна в этом отношении упомянутая выше статья А.И. Московского, указывающего на недостаточность «основного направления» экономической теории.

² Надо отдать должное жесткой и остроумной критике этим автором экономического империализма. Мало кто решился бы написать строки, которые мы не откажем себе в удовольствии процитировать: «С моей точки зрения, экономический империализм представляет собой не столько научную парадигму, сколько вид интеллектуально-мануального самоудовлетворения, отличающийся от множества других видов этого занятия мощным психотерапевтическим эффектом. Экономистам, регулярно практикующим империализм, он дарует чувство уверенности в том, что для понимания любых сторон человеческой жизни не нужно знать ничего, кроме экономической теории (т.е. кроме того, что они и так уже знают)» (Урнов М.Ю. «Экономический империализм» глазами политолога // *Общественные науки и современность*. 2009. № 4. С. 138). И тем не менее заметим: с методолого-теоретической точки зрения все сказанное Урновым есть критика неоклассики за то, что она чрезмерно узко и неточно интерпретирует... политический рынок. То, что политика есть явление исключительно капиталистического мира и то, что она, по сути, есть именно рынок – эти главные ограничения «экономического империализма» Урнов «не замечает», и это неслучайно: он, как и его оппоненты «одной крови», принадлежит к одной ветви методологии и теории.

и Полтеровича, включая и всех относительно «нейтральных» комментаторов¹, – *все эти участники дискуссии, равно как и их западные «гуру», не подвергают сомнению фундаментальные постулаты позитивизма, на которых базируется «экономический империализм».*

К числу таких постулатов относятся четче всего сформулированные В.М. Полтеровичем параметры: (1) опора на эмпирический материал, почерпнутый из статистических индикаторов, данных опросов, институциональных и иных экспериментов; (2) использование в качестве аналитического аппарата формальной логики и математики (преимущественно эконометрики и теории игр); (3) изложение результатов при помощи все того же математизированного языка².

Между тем, как мы показали выше, в социально-экономической практике есть немало такого, что не поддается «позитивному» исследованию и не отображается в виде квантифицируемых параметров, того, что (проще говоря) нельзя считать. Исследуя же только то, что поддается квантификации, мы *volens volens* оказываемся замкнуты на исследование только механизмов хозяйствования и вообще уходим от исследования содержания производственных отношений. Это поле оказывается просто не существующим для исследователя-позитивиста, который ищет истину только в пределах того круга света, который отбрасывает фонарь количественных данных, не задавая вопроса о том, где же она находится на самом деле. Но нужна ли нам наука, которая догматично следует старому правилу искать там, где фонарь, а не там, где потерял?

На наш взгляд, перед экономической теорией и – шире – общественным лежит во многом иная задача. Афористично мы бы ее сформулировали так: *если «экономический империализм» настаивает на том, что все общественные науки должны научиться считать, исходя из критериев экономической эффективности, то, по мнению авторов этой книги, задача прямо противоположна: ввести в поле общественных наук (в том числе – экономических) и то, что нельзя сосчитать.* Иными

¹ Это касается и тех авторов, которые стараются (как, например, В.С. Автономов или О.И. Ананьин) занять позицию объективного, стоящего «над схваткой» аналитика. Так, первый из этих известных авторов предлагает всего лишь создавать новую, основанную на предпосылке несовершенства информации микроэкономику (см.: Автономов В.С. От «экономического империализма» к стремлению к взаимообогащению // *Общественные науки и современность*. 2010. № 3. С. 173–176), второй – унять эмоции, принять во внимание фактор конкуренции на научном рынке и вести взаимообогащающий диалог, оставаясь преимущественно в рамках прежнего методологического пространства и принципов (см.: Ананьин О.И. За «экономический империализм» без амбиций, или О формах междисциплинарных взаимодействий // *Общественные науки и современность*. 2009. № 6. С. 130–139).

² Полтерович В.М. Становление общего социального анализа // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2. С. 109.

словами, и экономисты, и другие обществоведы должны уметь (а если не умеют – научиться) работать и с неквантифицируемыми и непосредственно эмпирически не представленными феноменами (сущностями, а не только явлениями и формами). Выражаясь западным языком, надо сделать экономическую теорию одной из областей social science, а экономистам и остальным обществоведам надо научиться не только строить математические модели, но и делать нечто большее: сначала читать, а потом и писать работы, аналогичные пространным трудам Смита, Маркса, Маршалла и К⁰¹.

Доказательству этой тезы в немалой степени будет посвящен данный текст, который, однако, будет включать в себя и содержательное объяснение причин экспансии «экономического империализма», и анализ как потенциала, так и пределов лежащих в его основе методов, языка и инструментария.

И еще одно важное предварительное замечание: вопреки существующему сейчас представлению, о том, что экономика – это исключительно неоклассика (а оно неявно присутствует в текстах подавляющего большинства западных теоретиков и, соответственно, воспроизводится в статьях Гуриева, Яновского, Балацкого, и не только), современная экономическая теория гораздо более многогранна. Существуют и развиваются многообразные парадигмы гетеродоксальной экономической теории, которые по своим параметрам гораздо ближе другим социальным наукам, чем к своему «однофамильцу» – economics². То, что сегодня в

¹ Анализируя рост числа изданий по экономике, Е.В. Балацкий приходит к любопытному выводу: единственный способ дальнейшей работы – писать короткие статьи на преимущественно математизированном языке. Вдумчивое штудирование «Капитала» представляется сегодня просто нереальным – заключает он (см.: Балацкий Е.В. За пределами «экономического империализма»: продолжение сложности // *Общественные науки и современность*. 2012. № 4. С. 147). Этот вывод предельно откровенен: сколько-нибудь целостное концептуальное произведение слишком сложно для современного представителя mainstream'a. Он не способен его осилить. Неужели это вся «тайна» столь популярных на протяжении последних десятилетий критики-замалчивания «Капитала»? Слава богу, пока все еще остаются ученые, у которых (о чудо!) когда-то нашлось время для вдумчивого ознакомления со Смитом и Марксом. Эти ученые действительно имеют право на критику классической политэкономии, но не те, кто просто не может ее «вдумчиво проштудировать». Впрочем, авторы с оптимизмом смотрят в будущее: растет новое поколение, способное читать и критически осмысливать большие и сложные книги: и в России (в частности, в МГУ им. М.В. Ломоносова), и в западных университетах, и в Китае, где сохраняется, а где и возрождается, традиция изучения «Капитала», и не только.

² Как мы уже отметили выше (в разделе 3.2), в США существуют ассоциации радикальной политической экономии и гетеродоксальной экономической теории, ряд других научных сообществ, нацеленных на развитие плюрализма →

мире доминирует неоклассика, отнюдь не есть доказательство того, что она единственно истинна. Когда-то в мире доминировала теология и доказательство подобия треугольников апеллировало к велению божию, а за развитие светской науки отправляли на костер. Но жизнь, а вместе с ней и наука, меняется...

Если же мы будем исходить из многообразия парадигм экономической теории, то нам надо будет и существенно скорректировать постановку самой проблемы. *В точном смысле слова речь должна идти не об экономическом империализме, а об экспансии рыночноцентричной неоклассической ветви экономической науки (ее методов, языка, инструментария) и о подавлении ею как других парадигм экономической теории, так и других социальных наук, с присущими им специфическими методами, языком и инструментарием*¹.

Зафиксировав эту проблему, мы (как марксисты) должны поставить вопрос: **а почему развился «экономический империализм? почему столь значима его экспансия?**

С гносеологической точки зрения она неслучайно оказалась сопряжена во времени (конец XX – начало нынешнего века) и пространстве (университеты США и ЕС) с «методологическими революциями» в общественных науках. Вытеснение классической методологии (с характерным для нее акцентом на исследовании субстанциональных и каузальных связей, на поиске причин, оснований, сущностей) методологией неопозитивизма и постмодернизма создало гносеологические предпосылки для экспансии математизированного аппарата *economics*². Еще одной предпосылкой стало активное распространение нового институционализма, где методология индивидуализма, рыночноцентризма и математизированного позитивизма используется для анализа «стыка» экономических и правовых проблем, особо значимого в экономике позднего

← в экономической теории. Аналогичные сети и сообщества существуют в Западной Европе, Японии, Китае. Успешно развиваются Всемирная ассоциация политической экономии (World Association for Political Economy) и Международная инициатива по развитию политической экономии (International Initiative for Promoting Political Economy) и др.

¹ В.В. Радаев справедливо отмечает (со ссылкой на М. Грановеттера), что у социологов – свои методы. Для экономиста (неоклассика. – *Авт.*) в качестве предпосылки выступает независимость индивида в принятии решений, тогда как для экономсоциолога фундаментальная предпосылка – включенность человека в социальные отношения (см.: Радаев В.В. «Экономические империалисты наступают. Что делать социологам?» // *Общественные науки и современность*. 2008. № 6. С. 118).

² *Fine B. Economics Imperialism and the New Development Economics as Kuhnian Paradigm Shift? // World Development*. Vol. 30. No. 12. P. 2065 (авторы выражают благодарность О. Захарову за подбор ряда материалов по проблеме «экономического империализма»).

капитализма, где все более доминирует сфера трансакций, а не производства¹.

Но у экспансии неоклассики в неэкономические области есть и *онтологические основания*, которые лежат в сугубо материальном процессе экспансии рыночных отношений в области, лежащие вне сферы собственно экономики в ее классическом понимании как единства отношений производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг. Этот процесс давно известен экономической теории и был назван Дж. Соросом «рыночным фундаментализмом». Последний легко превращается в «экономический империализм» при условии отождествления экономики и рынка².

Мы в своих предшествующих публикациях показали (а во II томе этой книги разовьем наш анализ), что этот процесс есть превращение рынка в тотальную реальность современного мира. Эта лежащая в основе «экономического империализма» тотальность рынка многоаспектна.

Во-первых, рынок выходит за пределы экономики и захватывает все более широкие (в пределе – все) сферы социального пространства-времени: политику, социальные (трудовые и иные коллективы, сети и ассоциации; общественные группы и внутриклассовые отношения; нации и т.п.) и демографические (семья, отношения поколений...) процессы, культуру, науку, образование и даже саморефлексию человека. Результатом этой социопространственной тотальности рынка все более становится превращение:

- демократии и гражданского диалога – в олигополистический политический рынок, на котором те, кто обладает большей «рыночной силой», осуществляют различного рода манипулирование электоратом, превращаемым в пассивный объект политтехнологий³;

¹ Характерны в этом контексте апелляции Е.В. Балацкого (см.: *Балацкий Е.В. За пределами «экономического империализма»: продолжение сложности // Общественные науки и современность. 2012. № 4. С. 139*) к «достижениям» экономического империализма. Этот автор указывает на то, что благодаря этому методу стали исследоваться экономические основания и параметры психологии человека, социальных отношений, исторических процессов (в последнем случае он ссылается на труды Норга). При чтении этих строк у нас возникло ощущение deja vu: мы где-то это не только читали, но и учили. Довольно быстро вспомнилось, где именно: в стандартном учебнике политэкономии или исторического материализма советской поры, где писалось о прямых и обратных связях в детерминации экономической социальных явлений и поведения человека... Сказанное, конечно же, не есть основания для приписания великих заслуг Норга, но и Е.В. Балацкому следовало бы подумать о том, стоит ли эти ставшие в позапрошлом веке банальностями положения выдавать за достижение «экономического империализма» неоклассики.

² Это отождествление довольно типично для экономического империализма. Мы об этом размышляли выше, в разделе о «рыночноцентризме» современной экономической теории.

³ Подробнее см.: *Паренти М. Демократия для немногих. М.: Прогресс, 1990.*

- дружбы однокашников, солидарности членов определенной социальной группы или класса, товарищества членов трудового коллектива и т.п. – в «социальный капитал»¹, позволяющий извлекать прибыль, осуществляя трансакции на рынке межличностных отношений;

- любви мужчины и женщины – в контракт со взаимными обязательствами по предоставлению брачных услуг, а отношений отцов и детей – в сделку по поводу наследства;

искусства – в рынок масс-культурных продуктов и услуг, где *by definition* нет границы между Красотой и безобразием, ибо таковы каноны постмодернизма, все более превращающиеся в формальные и неформальные рыночные институты;

- воспитания и обучения – в рынок образовательных услуг...

Сказанное – не морализирование (хотя, повторим, политэкономии нравственное измерение экономических феноменов отнюдь не противопоказано), а констатация объективных процессов, которые хорошо известны экономистам (в том числе – адептам экономического империализма) и отображены в их публикациях².

Во-вторых, тотальность рынка проявляет себя в том, что индивид как *Личность* все более глубоко включается в тотально-рыночное бытие, становится функцией рынка экзистенциально. В результате:

- работник бытийствует как товар не только в функции рабочей силы, которую покупает собственник капитала, но и как личность, многие человеческие качества которой присваиваются фирмой, что становится новой формой реального подчинения уже не труда, но *Человека* капиталу³;

- потребитель из господина (пусть формального) рынка, на котором он ищет полезную вещь или услугу, удовлетворяющую его потребность, превращается в алкающую все новых симулякров (брендов, хитов) марионетку маркетинга, рекламы и других манипулятивных воздействий капитала⁴;

- внутренняя духовная жизнь человека трансформируется в «интериоризированную» конкуренцию себя с самим же собой по поводу оптимального с рыночной точки зрения (т.е. наиболее прибыльного) вложения

¹ Анализ этого феномена и его авторская трактовка даны в нашей статье: Бузгалин А., Колганов А. Социальный капитал: клей, обеспечивающий устойчивость позднего капитализма или гексоген в его основании? // *Общественные науки и современность*. 2011. № 3. Мы еще вернемся к этому вопросу во II томе книги.

² Ряд из них мы упомянули выше.

³ Подробнее об этом см.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. *Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранное)*. М.: Культурная революция, 2009, а также во II томе книги.

⁴ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. *Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии // Альтернативы*. 2012. № 2; эта проблема также станет предметом одного из разделов II тома книги.

своей духовной и физической энергии¹, превращая Человека в «человеческий капитал»²...

Эти перечни легко продолжить, но исследование данной материи выходит за пределы нашего текста. Для нас в данном случае важно лишь добавить, что *тотальность рынка есть не некое абсолютное состояние; она сталкивается с контрсилами и нарастает нелинейно, по мере прогресса гегемонии корпоративного капитала.*

У тотальности рынка и, следовательно, у «экономического империализма», есть и материально-технологические основания. Ими становится процесс развертывания постиндустриальных трендов, который на определенном этапе рождает предвиденную еще Марксом и не раз нами отмечавшуюся тенденцию перехода к прогрессу преимущественно в сферах, лежащих «по ту сторону собственно материального производства», в постэкономической сфере³. Эта сфера по своей природе требует новых, пострыночных и посткапиталистических форм общественного бытия. Эта модальность подобна тому, как переход «по ту сторону» ручного труда, в мир индустрии, требовал снятия натурального хозяйства, крепостничества и сословной иерархии и развития рынка, капитала и гражданских прав человека.

Однако в условиях сохраняющейся глобальной гегемонии капитала эта тенденция обретает описанную выше форму экспансии рынка в принципиально нерыночные сферы. Эта форма превратна, но действительна. Распространение рынка в принципиально нерыночные сферы с неизбежностью обуславливает и распространение в этих областях адекватных «рыночноцентризму» бытия форм его теоретической реф-

¹ Эту внутреннюю конкуренцию homo economicus с самим собой в полной мере отражают теоретики «экономического империализма»: «Между сегодняшней и будущей личностью имеет место серьезный конфликт интересов... «сегодняшнее я» хорошо понимает: «будущее я» станет принимать решения, противоречащие сегодняшним интересам» (Гуриев С.М. Три источника – три составные части экономического империализма // Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 139).

² См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранное). М.: Культурная революция, 2009, а также соответствующий раздел II тома книги.

³ Как уже было сказано в первом разделе этого тома, авторы, начиная с 1980-х годов, многократно говорили и писали о поднятой К. Марксом и Ф. Энгельсом проблеме скачка общества «по ту сторону собственно материального производства». Основные выводы этих размышлений были представлены нами в серии уже не раз упоминавшихся работ. Эту тему подробно, но в ином – объективистском и некритическом (по отношению к позднекапиталистической форме постиндустриальных тенденций) ключе – развивает и В.Л. Иноземцев в своей работе «За пределами экономического общества» (М., 1998).

лекции, т.е. науки, его изучающей: формы рынка (даже если они появляются вне экономики) должна изучать наука о функционировании этих форм, т.е... еconomics¹.

Так завершается цепь причин и следствий, объясняющих на основе марксистской методологии «тайну» появления и эпидемического распространения по общественным наукам «экономического империализма».

В этой связи мы можем сказать: именно противоположный «экономико-империалистическому» методолого-теоретический подход позволяет точно и определенно показать социально-экономические основания тех или иных теоретических представлений и объяснить, почему и какие именно политико-идеологические интерпретации им даются представителями тех или иных направлений. Так, интеллигент, остающийся в своем исследовании исключительно на уровне явлений, наполненных в условиях позднего капитализма превратными формами, не может не отразить, буквально следуя фактам, рыночный фундаментализм как единственно сущую реальность и «честно» описать механизм его функционирования.

Проблема здесь, однако, будет в том, что такой теоретик истинно опишет *ложную* реальность – тот морок, который наводит фетишизм тотального рынка на любого его участника. Социальные науки (и гетеродоксальная экономическая теория, политэкономия, в том числе), в этом плане жестко отличаются от претендующих на всю науку-экономику неоклассиков тем, что они прямо говорят:

- исследователь, его методология и теория прямо связаны с практикой;
- практика – это не факты сами по себе, не отдельные статистические данные, а общественно-исторический процесс, где «эмпирией» являются реформы и революции, смены общественных систем, глобальные кризисы и трансформации (а не методические указания для желающих успешно спекулировать на бирже²);
- эта социальная практика есть взаимодействие акторов с различными, в том числе – объективно противоречивыми общественными интересами;
- общественная наука (в том числе – экономическая теория) может и должна честно и недвусмысленно отражать эти различные интересы

¹ См.: Павлов М.Ю. Политическая экономия и экономикс: где есть подлинная наука, а где ее симулякр? // Критический марксизм: поколение пехт. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию. М., 2014.

² Характерна в этой связи отсылка Е.В. Балацкого к феномену засекречивания наиболее важных новых экономических разработок, среди которых технологии корпоративных форсайтов, алгоритмы, «защитые» в программы для биржевой игры и оценки кредитоспособности клиентов банка и т.п. (см. Балацкий Е.В. За пределами «экономического империализма»: продолжение сложности // Общественные науки и современность. 2012. № 4. С.142). Впрочем, наиболее успешные биржевые игроки потому и успешны, что как раз этим рекомендациям и не следуют.

и говорить об этом прямо, не кокетничая с претензиями на некую абсолютную «объективность»¹.

Теоретики «экономического империализма», однако, иначе объясняют причины широкого распространения их парадигмы.

На их взгляд, ключ к ответу на вопрос о ее популярности лежит в собственных имманентных достоинствах есоnomics.

Последние же состоят в том, что, *во-первых*, ее инструментарий (toolbox) может быть использован для исследования самого широкого круга явлений, а ее язык адекватен для анализа самых разных тем, позволяя самые сложные проблемы исследовать при помощи относительно простых абстрактных терминов².

Не менее важно, по их мнению то, что, *во-вторых*, экономический империализм позволяет использовать в общественных науках позитивный метод. На языке адептов есоnomics это означает использование строго – если не сказать единственно – научных подходов³, когда теория формируется исключительно на основе фактов и может быть подвергнута верификации и фальсификации. Естественно, что в этом случае основными становятся математические методы исследования, а неквантифицируемые феномены остаются «по ту сторону» науки⁴.

¹ Обратим внимание на весьма любопытные в этой связи фразы К.Э. Яновского, решившего перефразировать Черчила: «Если говорить и об адекватности методов, и о политической неангажированности, и о готовности к практически реализуемым рекомендациям, то можно согласиться с тем, что по всем трем позициям экономисты никуда не годятся. Однако все остальные обществоведы выглядят гораздо хуже экономистов. Может быть, потому, что «экономические методы самые плохие, кроме всех остальных» (Яновский К.Э. Несколько примеров методологии, или «Экономистам не в чем каяться!» // *Общественные науки и современность*. 2009. № 2. С. 136). Здесь налицо как минимум несколько «неточностей». Во-первых здесь и выше Яновский, ничтоже сумняшеся, отождествляет всех экономистов со сторонниками «демократии налогоплательщика», т.е. теми, для кого едва ли не высшей ценностью европейской цивилизации (и, видимо, всего мира) является защита «как права собственности, так и самого собственника» (Там же. С. 133), т.е. с право-либеральным крылом одной из ветвей экономической науки. Во-вторых, Яновский считает, что они ближе всех к объективности на том основании, что они лучше всех видят, как защитить те самые интересы собственников (читай – капитала), которые он и ставит во главу угла... И это откровенное до цинизма стремление выдать интересы собственника капитала за единственно возможные ценности цивилизации и есть... объективность?

² *Lazear Ed. Economic Imperialism // The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 115. No. 1. P. 99.

³ *Ibid.* P. 100–102.

⁴ С. Гуриев этот тезис выразил предельно жестко: «Колонизируя» другие общественные науки, экономисты стараются распространять принятый в естественных науках подход: формулировка предпосылок, формальное получение тестируемых гипотез, проверка гипотез при помощи эмпирических →

В-третьих, в основу любой общественной науки кладется аксиома о приоритете (1) рационального (в исследованиях со второй половины XX века – с некоторыми уступками в пользу ограниченной рациональности¹) индивида, который максимизирует свою полезность, (2) равновесия в общественной системе (physical-sciences-style equilibrium) и (3) обеспечения ее эффективности («бесплатного обеда не бывает» – принцип, который, по мнению Э. Лейзира, остальные общественные науки игнорируют). И это позволяет есономics'у завоевывать те территории, которые ранее были недоступны науке².

Первые два пункта мы здесь не будем рассматривать специально, ибо идеи о научной плодотворности *исключительно* методологии (нео) позитивизма, едва ли не 100%-но ориентированного на математический аппарат, нами (и далеко не только нами) выше уже была подвергнута конструктивной критике. То же касается и постмодернизма.

А вот последний блок аргументов представляет немалый интерес именно в связи с проблемой критики «экономического империализма» и его производных, в частности «политической экономики». Эта критика предполагает прежде всего позитивную оценку того факта, что едва ли не 150 лет спустя после Маркса и на многие десятилетия отстав от его последователей представители *mainstream'a* «вдруг» узнали, что:

- индивиды не всегда 100%-но рациональны и (о чудо!) некоторые из них могут не только в кратко-, но и в долгосрочной перспективе максимизировать не только денежный доход, но и иные ценности, в том числе – социальные, альтруистические³...;

← данных. Безусловно (...), в общественных науках применение этого подхода интереснее, но и труднее и даже рискованнее для научной репутации. Но другого пути развития общественных наук нет. Ведь только при помощи количественных аргументов наука умеет решать, какие теории верны, а какие – нет. В соответствии с рассуждениями знаменитого философа Т. Куна, только та теория чего-нибудь стоит, которая может быть отвергнута данными. Именно “экономический империализм” и приносит в общественные науки методологию верификации и фальсификации теории. Поэтому он – необходимое условие развития других общественных наук» (Гуриев С.М. Три источника – три составные части экономического империализма // *Общественные науки и современность*. 2008. № 3. С. 139–149).

¹ См., например: *Becker G. Irrational Behavior and Economic Theory // Journal of Political Economy*. 1962. № 70 (1).

² *Ibid.* Г. Беккер в этом перечне делает несколько иные акценты: «Связанные воедино предположения о максимизирующем поведении, рыночном равновесии и стабильности предпочтений, проводимые твердо и непреклонно, образуют ядро экономического подхода в моем понимании» (см.: *Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS*. 1993. Вып. 1. С. 27).

³ «...в последнее время экономисты начали соглашаться и с тем, что люди часто ведут себя хорошо и по отношению к тем, кого они больше никогда не увидят, многие работают в благотворительных и некоммерческих организациях, →

- для взаимодействия индивидов характерны не только конкуренция, но и отношения солидарности и товарищества;

- счастье не совпадает с величиной дохода и т.д. и т.п.

Как мы уже писали выше, для марксистской политической экономии все те материи, которые Э. Лейзир объявил ранее недоступными общественным наукам и которые ныне называют «человеческим», «социальным», «культурным» и т.п. «капиталом» уже давно были хорошо известны, хотя и под другими (на наш взгляд – более соответствующими содержанию объективных явлений) именами. Более того, наша наука давно (как минимум с XIX века) подчеркивала, что в разных экономических системах (NB! Для нас, в отличие от представителей *mainstream'a*, экономика не тождественна рынку!) существуют разные общественные отношения. Они, намеренно повторим, порождают:

- разные формы координации; напомним, что кроме рынка и его провалов существуют еще и натуральное хозяйство, и различные формы насильственного распределения и перераспределения ресурсов, и многочисленные виды отношений общественного сознательного регулирования экономики, и сетевые нерыночные отношения (наподобие викиномики);

- разные формы отношений отчуждения, присвоения и их снятия: от разных видов внеэкономической зависимости типа рабства, крепостничества, азиатской деспотии и т.д. через многообразные формы подчинения труда капиталу и присвоения прибыли к отношениям социального освобождения, солидарности и собственности каждого на все, как это уже давно устроено в мире неограниченных общественных благ, «копилефта» и т.п.;

- разные формы отношений распределения и перераспределения дохода и социальной справедливости¹...

← и т.д. Единственно возможное объяснение заключается в том, что мы все-таки сами по себе хотя бы немного любим делать добро и предпочитаем справедливость несправедливости, потому что так устроена человеческая натура или социальная среда. Как это доказали многочисленные экспериментальные исследования Э. Фера и его соавторов, люди действительно хотя бы в некоторой степени альтруистичны и готовы платить собственные деньги за устранение несправедливости и неравенства» (Гуриев С.М. Три источника – три составные части экономического империализма // *Общественные науки и современность*. 2008. № 3. С. 137).

¹ В этой связи весьма знаменательно еще одно «открытие» политической экономии, сделанное несколько лет назад: оказывается, в США и Европе по-разному понимают социальную справедливость (в Америке якобы считают, что надо больше работать и платить небольшие налоги, а в Европе – получать больше пособий за счет высоких налогов) и это причина того, что в Европе якобы меньше ВВП на душу населения (Гуриев С.М. Цит. соч. С. 139).

В этих размышлениях есть как минимум три неправомερных утверждения. Во-первых, различия либеральных и социал-демократических социально-экономических систем, равно как и отражающих их ценностей и идеологий, →

Далее, все эти разные общественные системы порождают разные типы Человека, который в разных системах, вступая в различные отношения, принадлежит к различным социальным группам и классам, имеет разные системы ценностей и мотивов, или, говоря на языке *economics*, *разные типы рациональности* (к анализу этой материи мы еще вернемся).

Более того, в этих разнокачественных общественных отношениях формируются социальные общности, для которых становятся характерны *единые* социальные интересы, которые, повторим, не сводимы к сумме интересов эгоистических индивидов. Для классической политэкономии существуют и уже давно являются объектом исследования такие конкретно-всеобщие феномены, как *интерес класса* или *общенародный интерес*¹. (В скобках заметим: несложно спрогнозировать, что «политическая экономика» скоро сделает – а может быть, уже сделала – еще одно великое открытие и объявит, что в экономике не только индивиды, но и трудовые коллективы, социальные группы, классы, народы и национальные сообщества также выступают реальными «актерами»,

← были описаны (в том числе – и на языке моделей), обоснованы и статистически проиллюстрированы за многие десятилетия до упоминаемых С.М. Гурьевым работ (в последних, впрочем, есть свои оригинальные положения, но это отнюдь не «открытия» разных трактовок социальной справедливости). Во-вторых, во многих странах Западной Европы (в том числе – в Скандинавии, где максимально развито социальное государство) ВВП на душу населения мало отличается от цифр, характерных для США. Более того, по такому важнейшему с социально-экономической точки зрения показателю эффективности, как Индекс развития человеческого потенциала, скандинавские страны в большинстве своем опережают США. В-третьих, социал-демократическая модель предполагает, что справедливым является не паразитизм бездельников, а гарантия защищенности базовых человеческих потребностей и равных стартовых возможностей, дифференциация, зависящая от трудового вклада, и высокое налогообложение только наиболее богатых групп общества, чьи доходы с социал-демократической точки зрения (читайте К. Каутского!) есть результат эксплуатации работников и – в современных условиях – спекулятивных сделок. Более подробное изложение этих положений, их обоснование и подтверждающую их статистику можно найти, в частности, в нашей книге «Экономическая компаративистика» (М.: ИНФРА-М, 2005).

¹ Авторы эту тему раскрыли (со ссылками на своих многочисленных учителей и предшественников – советских политэкономов) в одной из своих ранних работ – «Реализация общенародных интересов» (М., 1985). В настоящее время в России наличие общенациональных и иных групповых социальных интересов акцентируют Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн, С.С. Слепаков и др. авторы (см.: *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Индивидуум & Государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир, 2014; *Слепаков С.С.* Самоутверждение России: социально-экономический контекст // *Философия хозяйства.* 2012. № 1).

у которых есть реальные общественные и в том числе экономические интересы¹.)

Полное перечисление и раскрытие всех этих проблем опять же не входит в задачу данного текста – мы это уже делали ранее и еще не раз будем возвращаться к этим вопросам. Здесь для нас было важно другое: подчеркнуть, что «политическая экономика» только в последние десятилетия начинает открывать для себя массу «новых» для есоnomics'a, но давно известных для классической политэкономии исследовательских полей, связанных с тем, что мир не сводится к рынку, а человек есть не только рациональный эгоист. Но!

«Экономический империализм» потому и есть империализм, что он, колонизируя, подчиняет себе все завоевываемые им пространства. Точнее он *все богатство общественных отношений и экзистенций человека представляет в виде не более чем рыночного торга*, лишь в виде исключения признавая возможность индивида максимизировать иную полезность, но все равно теми же методами и на тех же принципах.

При этом каждый из принадлежащих к экономическому либерализму исследователей сам по себе субъективно может быть абсолютно честен как ученый. Отказываясь от иных методов, кроме математического моделирования эмпирически наблюдаемых и квантифицируемых процессов, такой исследователь не может видеть ничего иного, кроме однокачественных эмпирически данных форм. В условиях тотальной экспансии рынка они чуть ли не на 99 % являются рыночными *везде*, а не только в экономике. Что в этом случае может сделать исследователь *такой* реальности, пользующийся *таким* методом? Только одно: построить более или менее точную модель, описывающую эти превратные формы. И для этого действительно язык, инструментарий и методы есоnomics будут вполне адекватны. Посему, с одной стороны, растет число

¹ До настоящего времени авторам в рамках mainstream'a приходилось все больше сталкиваться с мнением, едва ли не афористично высказанным В.Л. Тамбовцевым: «... “пафос” этого принципа (принципа методологического империализма. – Авт.) – в стремлении исключить из научного рассуждения такие надындивидуальные феномены как “коллектив”, “класс”, “организация”, “общество” или “регион”, не в качестве эмпирически фиксируемых объектов, а в виде самостоятельных акторов, действующих в том же смысле, в каком действуют конкретные индивиды» (Тамбовцев В.Л. Перспективы «экономического империализма» // Общественные науки и современность. 2008. № 5. С. 133). Ну разумеется, класс не «действует в том же смысле, в каком действуют конкретные индивиды». Но не стоит под прикрытием этой банальности изгонять из науки факт реальной общественной связи людей в классы, каковая связь существенным образом детерминирует их поведение, заставляя конкретных людей в значимом смысле выступать как общность, целостность.

исследователей-обществоведов, все более активно использующих методологию «экономического империализма». С другой стороны, объективно происходящая в глобализованной капиталистической системе последних десятилетий экспансия рыночных форм в нерыночные сферы неизбежно сопровождается и ростом числа исследователей-экономистов, которые с жадной радостью устремляются на эти тучные невозделанные нивы экономического анализа¹.

Так во взаимном экстазе «экономического империализма» сливаются профессионалы от экономики и от социологии, политологии и массы других «...логий».

И здесь все было бы хорошо и покойно, если бы...

Если бы не появлялись время от времени неортодоксальные исследователи (например, марксисты) и не начинали, наподобие воспетого еще Сократом овода, приставать к спокойно работающим «профессионалам» со странными вопросами.

А не превратные ли (т.е. не искажающие ли содержание до противоположности) формы вы исследуете, коллеги?

А не лежит ли рядом с вами бездна иных исследовательских полей и проблем, которые принципиально важны для понимания природы и судеб нынешней экономики и общества, но не поддаются анализу при помощи ваших методов и инструментария?

А нет ли совсем рядом с вами (и даже внутри ваших же университетов) иных, нежели бизнес и государство, заказчиков, которые задают науке иные, нежели те, на которые вы привыкли отвечать, вопросы?

Эти вопросы сегодня все чаще задает не столько уходящее поколение выросших на марксизме и не предавших его забвению постсоветских (в экс-СССР) или принадлежащих к «поколению-68» (на Западе) профессоров, сколько молодые генерации студентов и иных интеллектуалов, с писем которых мы начали этот текст; эти вопросы задают активисты многомиллионных социальных движений Европейского союза и Азии, США и Латинской Америки, СНГ и Африки...

¹ Авторы уже отмечали, что в настоящее время и в мире, и в России идет широкая критика «экономического империализма». О российских авторах мы уже писали выше. Что касается зарубежных, то и там одни исследователи остаются на весьма умеренных позициях, сетуя лишь на то, что сторонники данного течения страдают чрезмерно arrogantным и догматичным подходом, и призывают к большей самокритичности (*Mäki U. Economic Imperialism: Concept and Constraints // Philosophy of the Social Sciences. Vol. 39. No. 3*). Едва ли не наиболее жестко безудержный энтузиазм «экономистов-империалистов» высмеян в остроумной пародии А. Блайндера «Экономическая теория чистки зубов» (THESIS. 1994. Вып. 6).

Самокритично заметим: хотя в данном тексте мы все больше пишем о российских дискуссиях, в целом они все же вторичны по отношению к полемике на Западе.

Вопреки мнению многих специалистов в области общественных наук, авторы данной книги считают, что на вопросы этих субъектов исторического процесса надо отвечать.

Отвечающие на эти вызовы и выступающие в качестве альтернативы «экономическому империализму» подходы предполагают принципиально иной акцент, генетически восходящий к классической политической экономии – *использование широкого социо- и гуманитарно (в современных условиях – еще и эко-) ориентированного подхода и методологии к исследованию собственно экономических процессов*, которые в этом случае рассматриваются как всего лишь одна из сфер общественного развития, причем сфера, где формируются его средства, а не цели и ценности, и потому сфера, подчиненная задачам прогресса Человека, Общества и Природы и ограниченная последними. Такова, на наш взгляд, главная определенность и классической политической экономии, и ее современных критических наследников (одно из возможных имен которых – *постклассическая политическая экономия*).

Последняя в данном контексте предстает как эко-социогуманитарно-ориентированная экономическая теория. *В противоположность нынешней – «есопотис'овской» – экспансии узкоэкономических (рыночных) подходов в социальные, политические и гуманитарные сферы мы выступаем за своего рода «экспансию» социогуманитарных и экологических подходов в область экономических явлений.* При этом собственно «политический» аспект политэкономии никуда не исчезает, составляя одну из центральных проблем широкого социального блока¹.

Эта «экспансия» социальной (в т.ч. политической) и гуманитарной проблематики не является чем-то принципиально новым для классической политической экономии (поэтому, в частности, мы и используем столь часто термин «реактуализация»). Начиная с Адама (в данном случае имеется в виду Смит) классическая политическая экономия исходила из принципиального единства нравственного и экономического начал². Для Карла Маркса широкий социальный, политический и гуманитарный (а в ряде работ и «натуралистический», т.е., говоря сегодняшним

¹ Нечто похожее о человеческих ценностях встречается у А. Сена (см.: Художников А.Г. Экономическая теория: Новейшие течения Запада. М., 2013).

² Об этом говорят даже названия основных работ А. Смита. Известно, что появлению трактата «О природе и причинах богатства народов» предшествовала книга, которая только при жизни автора переиздавалась шесть раз, была переведена на французский и немецкий языки и называлась «Теория нравственных чувств» (Smith A. The Theory of Moral Sentiments. 1759; Смит А. Теория нравственных чувств или опыт исследования о законах, управляющих суждениями, естественно составляемыми нами, сначала о поступках прочих людей, а затем и о своих собственных, с письмами М. Кондорсе к Кабанису о симпатии. СПб., 1868. Современное издание: Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997).

языком, «экологический»¹) контекст экономических процессов был очевиден. Не менее очевиден он был и для таких его последователей, как В.И. Ульянов-Ленин, Д. Лукач и мн. др. Более того, как мы уже не раз отмечали выше, даже «продвинутые» советские учебники исторического материализма всячески боролись с «грубым экономическим материализмом», игнорирующим обратное влияние «надстройки» на производственные отношения и не учитывающим сложный комплекс взаимодействий производственных отношений и производительных сил, общества и природы².

Но в данном контексте это не главное. Человечество вступает в период «заката» того мира, который Маркс назвал «экономической общественной формацией»³, и в эту эпоху проблемы взаимодействия экономических и социогуманитарных, экологических, технологических

¹ «Коммунизм как положительное упразднение частной собственности – этого самоотчуждения человека – и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т.е. человеческому. Такой коммунизм, как завершенный натурализм, = гуманизму, а как завершенный гуманизм, = натурализму; он есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он – решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение» (Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 42. С. 116).

² См., например: Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Исторический материализм. М., 1969. Более подробно и аргументированно критика «экономического детерминизма» была дана в книге этих же авторов «Теория и история» (М.: Политиздат, 1981). Заметим в этой связи, что в западном марксизме существует устойчивая традиция приписывать «советскому марксизму» именно экономический детерминизм (см., например: Sherman H.J. Reinventing Marxism. Baltimore, 1995. P. 6–7). Эта тенденция правомерна только в очень малой мере, а именно, в той, в какой в популярных или очень грубых работах советской поры (особенно сталинского периода) встречались пассажи, которые можно было так истолковать.

³ «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого →

аспектов развития становятся принципиально значимыми. Сие есть банальность. Вопрос, однако, в том, как отвечать на эту банальность – методом «экономического империализма» (т.е. путем навязывания рыночного фундаментализма и неэкономическим сферам) или путем эко-социогуманитарной трансформации экономики.

← общества» (Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. С. 8–9).

По ту сторону отчуждения:
социальное творчество
и свобода
*послесловие к I-му тому*¹

¹ Данный текст написан А.В. Бузгалиным на основе работ конца 1990-х – начала 2000-х годов. А.И. Колганов участвовал в его финальной редакции.

*Никто не даст нам избавленья –
Ни бог, ни царь и ни герой.
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Э. Потье*

*Жизнь человека – это борьба.
Раба – за свободу.
Свободного – за совершенство.*

Надпись на стене старинного монастыря в Болгарии

Для нас, как и для наших товарищей, свобода была, есть и будет не просто словом или философской категорией. За ними скрывалась жизнь, борьба, смерть тех, кто для нас был символом бессмысленной жизни; тех, кто ненавидел угнетение и рабство – от Кампанеллы и декабристов до Че Гевары и большевиков...

Но главным для нас в их жизни было не простое восхищение борьбой этих людей, но поиск ответа на мучительные вопросы о причинах их побед и поражений; подвигов и ошибок (причем порой преступных...). Этот поиск стал импульсом для серии работ, написанных авторами, где была дана сжатая характеристика современной эпохи как переходного состояния из «царства необходимости» (характеризующегося господством репродуктивного труда, материального производства, отчуждения в общественных отношениях) в «царство свободы» – мир, основанный на доминировании творческой деятельности, лежащей «по ту сторону» материального производства и вырастающий в процессе борьбы за социальное освобождение человека. Соответственно, «реальный социализм», существовавший в СССР, был раскрыт как мутация, вырождение и кризис первой попытки «скачка» в «царство свободы», а нынешний неолиберальный реванш как всего лишь временный «откат» на долгом пути человечества из мира отчуждения к новой системе общественных отношений¹.

Однако выше крайне бегло был затронут ключевой вопрос – тот, что больше всего волнует и самих авторов: а что же такое свобода, если переход к «царству свободы» есть суть нынешней эпохи, суть столетий

¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранное). М.: Культурная революция, 2009.

борьбы за освобождение. Этот вопрос оказался вдвойне важен именно сейчас, когда неолиберализм как бы восстановил свою монополию на его решение, и эта монополия оказалась негативно, неявно признана и социал-демократами, и сталинистами. Первые все время говорят о необходимости соединения либеральных (других они не видят и не хотят видеть) индивидуальных свобод с социальной коллективной ответственностью. Вторые вообще предпочитают «забывать» об освобождении (понимая свободу *de facto* как безответственность, вседозволенность, произвол) и все больше напирая на необходимость порядка и власти «твердой руки».

Тем важнее для нас (а авторы отнюдь не одиноки в этом вопросе) «засиять заставить заново» великое понятие свободы.

Эта задача не просто важна, но и чрезвычайно сложна: немало величайших умов человечества решали ее – от Гегеля к Марксу, Ленину, Грамши, Сартру и далее... Естественно, этот текст одних из их последователей не может претендовать на целостное решение вопроса. Но он может дать пунктир поиска ответа на него, если мы последуем методу диалектического единства исторического и логического, отслеживая реальные достижения Человека (как родового существа) на пути своего реального социального (а вместе с этим и субъективного, индивидуального) освобождения в процессе снятия «царства необходимости» (мира отчуждения). Именно так и поступят авторы ниже, посвятив, однако, первую часть краткой аргументации именно такого подхода, потратив при этом немало сил на воспроизведение некоторых в принципе известных, но ныне упорно «забываемых» или сознательно замалчиваемых аргументов марксизма XX (а то и XIX) века.

глава 1 В поисках «формулы» свободы

*Философы лишь различным образом объясняли мир,
но дело заключается в том, чтобы изменить его.*
К. Маркс

Для современного либерального (а вместе с ним, как мы отметили, и социал-демократического) теоретика взгляд на свободу как прежде всего социальную проблему возможен только в одном измерении: свобода есть свобода *индивида*¹ (и в этом абстрактном исходном пункте мы с ними согласны, хотя сразу могли бы сказать: не только...) от каких-либо внешних воздействий. Для европейского либерала конца XVIII века это была прежде всего свобода от феодально-аристократического произвола, от различных форм внеэкономического принуждения; для российского либерала конца XX – от власти авторитарной партийно-государственной машины, но в любом случае это была «свобода от», *негативная свобода*.

ПОТЕНЦИАЛ И ПРЕДЕЛЫ «НЕГАТИВНОЙ» СВОБОДЫ: К КРИТИКЕ ПРАКТИКИ ЛИБЕРАЛИЗМА

Такое понимание свободы было объективным и закономерным продуктом всякого общества, уходящего от господства добуржуазных форм подчинения Человека (мы еще вернемся к их анализу) и оно адекватно отражало практику борьбы за освобождение Человека – практику буржуазных и антитоталитарных революций, либеральных и народно-демократических реформ². Именно эта практика (разрушение традиционно-

¹ Авторы пока оставляют за скобками вопрос о свободе как исключительно духовном феномене, когда освобождение достигается прежде всего путем ухода из общества (ухода в мир религии, «искусства для искусства», «чистой» науки, «естественной» природной жизни и т.п.). К этой проблеме мы вернемся несколько позже.

² Не можем не обратить внимание читателя, что борьба против нарушения прав человека в СССР во многом отразила это двойственное отношение к свободе. Два крыла диссидентства – либерально-буржуазное и демократически-социалистическое, будучи едины в понимании необходимости борьбы за негативную свободу, принципиально расходились в вопросе о необходимости ее последующего дополнения позитивным освобождением человека. Обратим в этой связи внимание читателя на выходявший в СССР, а позднее в эмиграции, журнал «Поиски», отразивший эти дискуссии, и →

общинных, феодально-иерархических или авторитарно-бюрократических зависимостей и возникновение буржуазных форм отчуждения – индивидуализм вкупе с овещнением человеческих отношений) обусловила (оставим гносеологические предпосылки в стороне) и еще один аспект в понимании свободы. Свобода *индивида* (NB! Опять подчеркнем этот аспект) трактовалась не только как свобода *от* чего-либо, но и как свобода, *ограниченная* свободой другого индивида: я могу и должен быть свободен лишь в той мере, в какой я не нарушаю свободы другого. Конфликт *моей* и *его* свободы, их взаимоограничение был некритически перенесен из практики (практики отчужденных от Человека общественных форм – рынка, представительной демократии, религии...) в теорию и увековечен как аксиома. Более того, это оказалось воспроецировано и в сфере морали, когда высшей формой гуманизма оказался императив: «не делай другому то, чего не пожелаешь себе».

А как же может быть иначе? Что иное может предложить человечество в понимании свободы и в практике освобождения?

Оставим на время критику «реального социализма» и обратим наши взоры к теории. Здесь при внимательном рассмотрении обнаружится много интересного. Начав со сферы нравственности, мы можем сделать шаг вперед от идеи формального (перед законом, «невидимой рукой рынка», церковью) равенства и потому *одинаковости* людей, и зафиксировать кажущуюся очевидной, но важнейшую для дальнейшего посылку: каждая человеческая личность индивидуальна, своеобразна, *неповторима и не похожа на другую*. Оговоримся: такая постановка очевидна только в том случае, если мы говорим о так называемой «родовой сущности Человека»¹ и оставляем в стороне систему отношений отчуждения, нивелирующую Человека тем или иным способом, сводя его то ли к рас-

← замечательные статьи его вдохновителя, диссидента-социалиста П.М. Абовина-Егидеса (подробнее см.: *Абовин-Егидес П.М.* Наш звездный час. М., 2000. С. 5–40, 263–369, 501–505).

¹ Трактовка этого понятия, восходящего к классической немецкой философии и широко использовавшегося в работах К. Маркса (прежде всего в «Экономико-философских рукописях» 1844 г. и «Экономических рукописях» 1857–1859 гг.), дана в широком спектре работ философов-«шестидесятников». Одной из наиболее масштабных из таких публикаций стала коллективная монография «Проблема человека в современной философии» (М., 1969), а также серия работ зарубежных авторов, среди которых уже упоминавшиеся Бертел Оллман, Иштван Мессарош, Адам Шафф, а также Люсьен Сэв, некоторые работы которого были переведены на русский язык. В наиболее полном виде, однако, эта категория раскрыта в работах Дьердя Лукача (см.: *Лукач Д.К.* онтологии общественного бытия. Пролегомены. М., 1991. С. 72–73, 107–112, 242–264 и др.), который показал ее как активно-творческое, деятельное начало Человека, развивающееся в отчужденных формах в рамках предыстории и обретающее свое полное развитие лишь в условиях коммунизма – истории Человека. Неслучайно, завершая свою работу, Лукач приводит →

тительному существованию в рамках общины, то ли к потребительскому стереотипу в условиях массового капиталистического производства, то ли к роли «винтика» в авторитарной системе. Но если личность Человека по своей сущности уникальна, то применение одинаковых (причем формально-одинаковых) экономических, политических, нравственных правил и норм к принципиально различным и неповторимым индивидуальностям уже само по себе есть подавление их личностных качеств, нивелировка, стрижка под одну гребенку... – т.е. все то, против чего так активно выступает либерализм, ратуя за свободу Человека.

Где же выход? На абстрактно-теоретическом уровне проблема могла бы решаться так: *именно неповторимые, уникальные (не похожие на других) возможности жизнедеятельности личности могли бы стать условием ее свободного развития*. При этом своеобразии каждого было бы условием его активного взаимодействия с другим, условием его диалога¹ с другим как равноправным Субъектом, Личностью, в отличие от предлагаемого либерализмом формально-одинакового взаимодействия людей как товаровладельцев, покупателей, граждан. Но для того, чтобы такое отношение стало возможным, *своеобразие и неповторимость личности каждого должны быть востребованы объективными социальными отношениями. Последние должны способствовать не унификации и стандартизации индивидов, а такому развитию их своеобразия, которое бы инициировало их диалог и со-творчество, а не конфликт и взаимоотноуждение*.

А теперь зададимся вопросом: что именно продуцируют рынок и представительная демократия? Равные предпосылки и ограниченную некоторыми правилами свободу для своеобразного развития индивидов или их социальную унификацию, стандартизацию и отчуждение, когда рост свободы и богатства (имеющего в рамках либеральной системы форму денег, капитала) одного всегда означает ограничение свободы и богатства другого? Первый ответ будет характерен для либерала. Второй – для марксиста, а значит – и для авторов этого текста.

Пожалуй, будет далеко не лишне напомнить наши основные аргументы², доказывающие, что практика неолиберализма (а ныне это

← следующие слова: «Когда Эпиметей спрашивает Прометея, как тот представляет свое подлинное бытие, ответ гласит:

Тот круг, что я деянием заполняю!

Не больше и не меньше!»

(Лукач Д. Цит. соч. С. 410).

¹ Идея диалога как субъект–субъектного отношения развита, как было отмечено в нашей книге «Глобальный капитал» (М., 2004, ч. I), в работах М. Бахтина, Г. Батищева, В. Библера и других.

² Подробнее эта система аргументов развита в опубликованном отдельной брошюрой тексте: Бузгалин А.В. Мифы рынка (М., 1992) и в книге: Бузгалин А.В. Экономическая демократия М., 1992. Эти давно известные аргументы попросту игнорируются теоретиками право-либерального толка (Фридман, →

отношения глобальной гегемонии корпоративного капитала) есть подавление свободы человека.

Во-первых, рынок как система общественных отношений порождает отношения конкуренции (причем не только в экономике, но и в остальных сферах жизни, продуцируя своего рода «экономический империализм»), когда выигрыш одного неминуемо оборачивается проигрышем другого и лишь в итоге при благоприятной конъюнктуре все это приводит к некоторому росту совокупного богатства при мощной социальной дифференциации, а свобода бедного и богатого – это две разных «свободы» и две разных «несвободы». Бедный поработен необходимостью каждодневной борьбы за существование по правилам, которые устанавливает богатый; богатый – зависимостью от своего собственного капитала, жизнедеятельность которого он должен обслуживать. Но об этом – ниже.

Во-вторых, свобода от в действительных условиях капитализма (даже капитализма свободной конкуренции, не говоря уже о современной эпохе глобальной гегемонии корпоративного капитала) всегда находится в противоречии с законами частной собственности и рынка, законами капитала и формальной демократии, где человек свободен в своем выборе лишь в меру той собственности, которой он обладает, и функцией (работ) которой он является. Это касается, кстати, и сферы политики, где формально равные права граждан сталкиваются с реально различной мерой свободы *решения* политических вопросов, которая пропорциональна капиталу (а здесь уже проявляется и противоречие рынка и демократии: в первом случае «голосуют» долларами, и потому этих «голосов» у одних много, а у других – мало; во втором – у каждого формально один голос; впрочем, как показывает опыт, политические голоса тоже покупаются; в борьбе демократии и рынка – а особенно современного, корпоративно-капиталистического – побеждает рынок).

В-третьих, рынок формирует овещнение человеческих отношений, товарный фетишизм, фетишизм денег и капитала, превращая вещи и деньги в высшие ценности и сводя Человека к роли и функции вещи: будь то стандартный набор потребительских благ, товар – рабочая сила или капитал. Во всех этих случаях свобода личности подчинена функции воспроизводства товара, денег, капитала. Вы делаете не то, что хотите, а то, что от вас требует рынок¹.

← Хайек, Пайпс; см.: Фридман М. Капитализм и свобода. Нью-Йорк, 1982, Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005 и др.), не имеющими в своем запасе никаких аргументов, кроме «здорового смысла» обывателя, у которого все его личностные качества намертво сращены с его собственностью (будь то многомиллиардный капитал, маленький домик или только рабочая сила «профессионала»).

¹ Постепенное вытеснение массового индустриального производства и прогресс «общества профессионалов» несколько корректирует эту ситуацию (о чем мы уже говорили и еще поговорим ниже). Но это (1) было, и на →

Наконец, в-четвертых, в современном мире за формальным равенством прав и свобод скрывается (и это особенно характерно для конца XX – начала XXI столетия) глобальная гегемония корпоративного капитала. Как было показано выше, это система, разносторонне эксплуатирующая работника, подчиняющая человека не только как наемного работника (он всегда был функцией капитала), но и как потребителя (чего стоит хотя бы идея «поколения Пепси»), члена корпоративной иерархии (одержимого сверхзадачей работы на корпорацию в рамках этой «административно-командной системы» в миниатюре), объекта манипулирования со стороны mass media, заложника прямого насилия со стороны хозяев военно-политических блоков и т.п. Даже демократия становится не властью народа, где каждый обладает равными правами, а системой политических технологий, превращающих человека из суверенного гражданина – субъекта власти, в пассивный электорат – объект, из которого политтехнологический процесс «производит» нужные голоса, формируя механизм власти немногих, где мера свободы оказывается пропорциональна величине и мощи капитала и аппарата насилия...

В этих условиях человек сталкивается с тем, что мы (используя размышления Ж.П. Сартра) назвали бы «парадоксом свободы от в мире отчуждения»: *чем выше индивидуальная свобода [действий] человека в*

← ближайшую перспективу останется, уделом лишь 5–10 % работников Земли (в России рынок, напротив, «приказал» большинству профессионалов переквалифицироваться в челноков) и (2) указывает на то, что прогресс технологий, творческой деятельности подрывает собственные основы рынка и капитала, о чем авторы подробно писали в своих работах. С другой стороны, ныне сам рынок становится, как мы показали во второй части, тотальным, рождая уже не раз упоминавшийся феномен «рыночного фундаментализма».

¹ В этой связи особенно важно диалектически воспринять подход к свободе Ж.П. Сартра, писавшего, что человек «обречен на свободу», будучи созданием, которое должно принимать решения и выбирать. Как таковой он в своем действии, направленном на другого человека, всегда ограничивает его. Более того, дать что-то другому, пишет Сартр, значит взять его в плен (*Sartre J.P. L'être et le néant. Paris, 1957. P. 298–299, 313*; эти положения творчески прокомментированы Т. Ярошевским в его книге «Личность и общество» (М.: Прогресс, 1973. С. 220)). На наш взгляд, здесь Сартр очень точно отразил связь индивидов в мире отчуждения, личной и вещной зависимости. Задача же социального освобождения в том как раз и состоит, чтобы действие, идущее навстречу другому человеку, не поработало индивида, но раскрепощало его личностный потенциал, тем самым позитивно освобождая его. Эти интенции отчасти были характерны и для самого Сартра, который в «Критике диалектического разума» уже ставил задачу преодоления буржуазного индивидуализма и абстрактной субъективности (см.: *Sartre J.P. Critique de la raison dialectique. Paris, 1968. P. 110–113*; см. также: *Ярошевский Т. Личность и общество. М.: Прогресс, 1973. С. 79*).

мире отчуждения (чем больше его сила, власть, богатство и т.п.), тем менее свободны все те, с кем он вступает в деятельностные отношения, опосредованно (как раб своего статуса, собственности), он сам.

Поясним еще раз эту противоестественную для обыденного сознания связь. В условиях отчуждения, когда человек человеку – волк, индивид, как мы заметили выше, не обретает себя благодаря возможности принимать решения, свободно действовать, но оказывается «обречен на свободу». Свобода оказывается его роком и наказанием, ибо в мире отчуждения любое действие превращает и самого человека, и его окружение в функции, в рабов отчужденных сил (товаров, денег, бюрократических структур). Покупая товар или «делая деньги» вы превращаетесь в объект [товарного, денежного фетишизма], становитесь функцией своей собственности, вещей, капитала. Вы должны жить и поступать по отношению к себе и к другим так, как от вас требует ваша собственность, капитал, ибо иначе вы нарушите законы мира [отчуждения], в котором живете, и этот мир быстро выкинет вас на обочину (тема протеста человека против навязываемых обществом законов и логики действий, чуждых человеку, идущих вразрез с его интенциями любви, дружбы, солидарности, является ключевой в подлинном искусстве – от критического реализма до экзистенциализма: творчество Бальзака и Толстого, Достоевского и Камю тому непосредственное подтверждение). Тем самым человек, повторим, *любым своим [потенциально свободным] действием в мире отчуждения превращает себя и другого в раба [чуждых человеку социальных сил].*

Итак, формальное равенство прав в условиях рынка и представительной демократии, формальная свобода *от* оказывается необходимым, но далеко не достаточным условием освобождения человека. Более того, ограниченность негативной свободы подталкивает нас к пониманию того, что преодоление этих рамок, *первые шаги социального освобождения* должны быть связаны с поиском таких категориальных определений (в теории) и, главное, ростков таких отношений в жизни, которые бы:

(1) снимали, диалектически отрицая, но вместе с тем сохраняя все достижения «негативной свободы»;

(2) создавали простор для неповторимого индивидуального развития человека, не подчиняя его внешним унифицирующим условиям;

(3) обеспечивали *такую систему взаимодействия индивидов, когда рост свободы, самореализация неповторимых качеств одного не ограничивает, а расширяет возможности свободного развития всех других.*

Таков первый (но не единственный и не самый существенный) блок «требований» к отношениям и к категории свободы, рождаемый анализом противоречий капиталистического миропорядка и либеральной теории.

«ПОЗИТИВНАЯ СВОБОДА»:

ОТ ПОЗНАНИЯ НЕОБХОДИМОСТИ К СОЦИАЛЬНОМУ ТВОРЧЕСТВУ
(К КРИТИКЕ ТЕОРИИ ЛИБЕРАЛИЗМА)

Поиск в жизни ростков таких отношений освобождения, о которых мы говорили выше, окажется возможным только тогда, когда мы овладеем теми особыми методологией и теорией исследования реальности, которые помогают увидеть в жизни то, что большинство не замечает (подобно тому как телескоп и микроскоп позволили увидеть буквально над нашими головами и под нашими ногами миры, ранее не виданные никем). Для этого нам предстоит вооружиться (пока как гипотезой) теорией освобождения как ассоциированной деятельности людей, не только познающих необходимость (в частности, закономерности истории), но и, на этой основе активно воздействующих на нее (творящих историю)¹.

Такой подход к проблеме свободы, акцентирующий внимание прежде всего на сознательном творении истории, восходит своими корнями к классическому марксизму², являясь вместе с тем последовательной критикой и сталинизма, и либерализма.

В первом случае свобода сводится практически без остатка к познанию необходимости, которое (в рамках этой доктрины) осуществляется партийной наукой (*de facto* – наукой, подчиненной верхушке бюрократической системы). Деятельность же по «сознательному использованию познанных объективных законов» возлагается на централизованно организованное общество с жестким разделением (характерным для всякой бюрократической структуры) функций управления (это прерогатива «центра») и исполнительского труда (это участь «совокупного работника»).

Во втором случае (а полемика с «умным» либерализмом для нас важнее, чем критика «оглуленного» марксизма) сомнению подвергается как способность человека познать объективные законы (прежде всего социальные), так и результативность сознательного воздействия на них. «Гносеологическая гордыня» и «активизм» – таковы с точки зрения либерала смертные грехи всякого критика слева устоев либерализма (в терминологии Поппера–Сороса – «открытого общества»). В популярных ныне вариациях на эту тему (Гидденс и др.), ставших чрезвычайно популярными в России

¹ Сразу же приведем простейший пример: один ученый, познающий необходимость, доказывает, что всякое тело тяжелее воздуха неминуемо должно упасть на землю; другой разрабатывает модель самолета и так изменяет жизнь, что ныне, не отменяя, но попирая законы земного тяготения, каждый может летать и летает...

² Среди левых Запада позитивное понимание свободы часто сводится к системе реальных социальных прав – свободы трудиться, иметь жилье, образование и т.п. Это действительные слагаемые позитивного освобождения, но, на наш взгляд, относящиеся скорее к абсолютно необходимым материальным социальным предпосылкам освобождения, чем к свободе как таковой.

в последние годы, история вообще теряет всякую логику и закономерность, превращаясь в «сосуд случайных событий», которые в рамках того или иного социума могут «слипнуться» в определенный «кластер».

Можно было бы, конечно, оставаясь в рамках традиционного марксизма, опустить эти возражения, оставив их на совести ученых мужей, являющих собой «сосуд» случайно почерпнутых из разных источников знаний, «слипшихся» в постсоветский «кластер». Однако для нас эта проблема принципиально важна, ибо если у социальной истории нет законов, то, следовательно, и познать их невозможно, а вне познания объективных законов истории и, на этой основе, ее «творения» объединенными индивидами, свобода для марксиста невозможна.

Вполне отдавая себе отчет в том, что на нескольких страничках текста невозможно дать аргументированную критику доктрины, насчитывающей не одно столетие, воспользуемся лишь невольной *самокритикой либерализма*, указав на несколько очевидных примеров того, что либерализм *de facto* основывается на (1) познании [либералами-теоретиками] законов истории (когда и насколько оно истинно – второй вопрос) и (2) сознательном воздействии [либералов-практиков] на стихийное развитие исторических процессов (прежде всего в тех случаях, когда эти «объективные» и «непознаваемые» процессы идут вразрез с экономическими, геополитическими и т.п. интересами правящих элит «либеральных» государств).

Пример № 1. Классический либерализм XVIII века начинает ни с чего иного как с... просвещения, т.е. критики существовавшей тогда системы; причем критики как теоретической (доказывая, что прежнее общественное устройство отжило свой век, мешает развитию человека, наук, промышленности и т.п., то есть, выражаясь марксистским языком, «познавая законы истории» и на этой основе делая вывод об исторической регрессивности феодально-монархического общественного устройства), так и практической (используя сии плоды просвещения как идеологию буржуазных революций, когда идеи, овладевая массами, становились силой материального преобразования общественного устройства). Эти черты необыкновенно ярко проявляет ранний, радикально-критический либерализм (за что его, кстати, всячески стремятся «забыть» современные либералы и всячески стремятся «оживить» творческие марксисты)¹.

Особенно в этой связи нам хотелось бы выделить подвиг российских *декабристов* – революционеров, выступивших (рассуждая теоретически) с позиций умеренного (по сегодняшним меркам) либерализма, но ставших в своих действиях подлинными героями борьбы за позитивное освобождение Человека. Их цели, мотивы их действий лежали прежде всего в поле подлинно человеческих качеств. Ими не двигало ни стремление к повы-

¹ Неслучаен в этой связи известный факт: когда гражданам США через 200 лет после принятия Декларации независимости предложили подписаться под этим текстом, большинство из них сочло документ красной пропагандой.

шению своего социального статуса (многие руководители восстания и без того принадлежали к элите дворянства), ни жажда наживы, но *интенции социального освобождения*, стремление к продвижению (в меру тогдашних весьма скромных возможностей) российского общества по пути к «царству свободы». Более того, в отличие от проповедующих невмешательство в объективные процессы либералов ХХ века, декабристы с самого начала и до конца действовали (вспомним, как они держались на эшафоте, что они делали в тюрьмах, на каторге, в ссылке) как ассоциированные преобразователи общественных отношений, социальные творцы. Тем самым *в своих целях и действиях декабристы объективно ушли далеко вперед по отношению к относительно узким задачам антифеодалной революции в России, став борцами за социальное освобождение Человека*. Именно поэтому, мы думаем, так не любят вспоминать о них нынешние либералы и так помнят о них подлинные коммунисты.

Пример № 2. Известная работа К. Поппера «Открытое общество и его враги» является одним из наиболее мощных теоретических «доказательств» правомерности либерализма и утопичности (а также реакционности) марксизма как одной из самых опасных теорий, ведущих к «закрытости» общества. Работа содержит систему аргументов, призванных доказать теоретически и с отсылками к историческим фактам, что «открытое общество» по всем основным параметрам и во всех основных сферах (экономике, политике, духовной жизни) эффективнее, демократичнее, гуманистичнее закрытых. Оставим пока в стороне доказательность аргументов Поппера (хотя их, конечно же, можно и нужно оспаривать) и обратим внимание на его методологию: наш суперлиберал по сути стремится доказать (1) познаваемость исторического развития и (2) наличие прогресса (ибо иначе в чем превосходство открытого общества перед закрытым?), т.е. использует... марксистский подход к исследованию истории¹.

Более того, став идеологией истеблишмента «первого мира» (прежде всего США), идеи открытого общества опять же превратились в материальную силу – силу вооруженных «акций», направленных на привнесение (при помощи ковровых бомбардировок, напалма, «особо точного оружия», государственных переворотов и других «либеральных» методов) принципов открытого общества во Вьетнам, Никарагуа, Чили, Югославию...

Нам менее всего сейчас хочется сводить дело к осуждению «либерализма крылатых ракет». В данном случае перед нами стоит другая задача: показать, что либерализм *de facto* стремится познать законы истории, доказать правомерность именно своих представлений об этих законах и, более того, активно воздействовать на исторические процессы, исходя

¹ Системная критика аргументов Поппера дана в книге: Бузгалин А.В. «Анти-Поппер» (Социальное освобождение и его друзья). М., 2003.

из этих своих представлений (а прежде всего исходя из интересов социальных сил, всячески пестующих и насаждающих либеральные представления).

Пример № 3. Не менее известная в 1990-е годы (хотя ныне уже вышедшая из моды) книга Ф. Фукуямы «Конец истории» вообще вернула нас к гегелевской методологии философии истории (а идея свободы как познанной необходимости восходит именно к Гегелю, хотя великий немецкий диалектик трактовал эту категорию много сложнее¹; причем позаимствована оказалась не диалектика, а конъюнктурный вывод Гегеля о том, что история может достичь конца, придя к некоему идеальному государственному устройству: каждому ученому, даже великому, иногда хочется польстить государю). Фрэнсис Фукуяма именно в этом решил последовать примеру своего учителя, «закрыв» открытое общество в его социальном измерении, путем... обнаружения нового абсолютного идеала – неолиберальной модели, базирующейся на власти ТНК, НАТО и других «сил освобождения» (не будем забывать, что «либерти» означает «свобода»). Так «познание законов истории» (вывод о крахе коммунизма) опять было использовано для (1) понимания окружающей действительности и (2) выработки нового геэкономического и геополитического курса «большой семерки»².

Пример № 4. Широко известный в России бестселлер Дж. Сороса «Кризис глобального капитализма» (NB! Чего стоит одно название, выдержанное в ортодоксально-марксистском духе!), написанный автором после того, как он «прозрел» (потеряв, говорят, 2 млрд. долларов в России в августе 1998 г.) и понял суть власти глобального капитала, свидетельствует вновь о том, что претендующие на роль мыслителей «капитаны большого бизнеса» стремятся познавать закономерности истории и делать отсюда определенные практические выводы. Сам Сорос «вдруг»... открыл велосипед, обнаружив, что «открытое общество» и прежде всего «свободный» рынок при неконтролируемом развитии несут в самих себе мощные угрозы Человеку и обществу.

Но довольно примеров. Нам важно было лишь проиллюстрировать выдвинутый в начале текста тезис: познание закономерностей истории и возможность сознательно действовать в соответствии с этими законами есть феномен практики не только обвиняемых в активизме левых, но и провозглашающих стратегию «невмешательства» правых. Вообще

¹ Для Гегеля свобода есть разрешение противоречия между необходимостью и случайностью через субъективизацию (но не просто познание) субстанциональности (см.: *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. Т. 2, М.: Мысль, 1971. С. 225; ср.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 148; *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 20. С. 624).

² Впрочем, как известно, сам Ф. Фукуяма с сожалением говорил о наступлении «конца истории», надеясь, что хотя бы свойственная этому периоду скука приведет к его взрыву.

активное стремление познать объективный процесс и занять активную позицию в принципе характерно для всякого буржуа-предпринимателя, и лишь сталкиваясь с принципиальной неспособностью *частного лица* (если, конечно, это не гигантские ТНК) сознательно воздействовать на конъюнктуру рынка, сей активный субъект и его идеолог проникаются гносеологическим пессимизмом (да и как им не проникнуться, когда даже «великий» оптимизм Фукуямы, которому поверило едва ли не 90 % интеллигенции, продержался всего лишь несколько лет, сменившись хантингтонским пессимизмом, мощно подкрепленным практикой НАТОвских «полицейских операций»).

Итак, *свобода есть возможность действовать в соответствии с познанной необходимостью*; ответ на великий вопрос найден?

Отнюдь. Мы всего лишь сделали еще один шаг на пути понимания этой загадки и вместе с тем «сверхзадачи» всемирной истории. Прежде всего здесь требуется ряд существенных уточнений и дополнений.

Первое. Историческая необходимость всегда диалектически связана со случайностью. Ход истории закономерен лишь в конечном счете, а непосредственный процесс развертывания социальной жизни во времени и пространстве многообразен и во многом случаен.

Более того, рост этого многообразия и вариаций становится одной из предпосылок свободы как выбора. И это касается как индивида, так и целых социумов. К большим рубежам исторических изменений (например, победе рынка и капитала как универсальных форм экономической организации индустриального производства) различные социумы идут разным путем. Для «тока истории» характерно многообразие русел; по некоторым из них социальное время несетя как стремительный горный поток, по другим – лениво катится подобно равнинной реке, а третьи ведут в болото застоя.

Именно это многообразие случайных исторических процессов создает объективную возможность (но именно и только возможность!) свободного выбора. Здесь возникает феномен, который мы, перефразируя Д. Лукача¹, назвали бы «диалектикой обратимости»: *История (как социальный прогресс, но не как сцепление событий) оказывается обратима* (и с этой точки зрения она знает сослагательное наклонение). *Человек как родовое социально-творческое существо* (в конкретных обществах эту нашу – «общечеловеческую» – роль могут выполнять различные социальные силы) *обладает (в рамках некоторых объективных ограничений) возможностью (1) выбора путей исторического развития и (2) «изменения» истории, предотвращения (и, в некотором смысле – исправления) исторических ошибок и преступлений.* Прежде всего это касается социальных «мутаций» – таких, например, как фа-

¹ См.: Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991. С. 207–211.

шизм (реакционная мутация позднего капитализма), историческая ответственность за предотвращение возникновения которого лежит на всех нас, или сталинистские мутации движения к социализму (мы их отнюдь не отождествляем с фашизмом), ответственность за предотвращение которых лежит на всех социальных революционерах.

Что же превращает эту возможность в действительность? Для ответа на этот вопрос нам следует сделать новый шаг в познании свободы. А посему *второе* дополнение сделанного выше вывода: *социальное освобождение предполагает наличие социального субъекта, способного сознательно воздействовать на случайные исторические процессы.*

Исходя из вышесказанного (а мы всего лишь развернули основные тезисы марксизма – прежде всего таких ученых как В.И. Ленин и А. Грамши, проделавших интереснейшие исследования социально-исторического субъекта) это должен быть, во-первых, субъект, способный изменять случайное течение исторических событий. Если мы представим себе стихийный ток истории как некий инерционный процесс (ту же реку), то исторический субъект должен обладать социальной энергией, достаточной для преодоления этой исторической инерции (в нашем примере с рекой – энергией, достаточной для того, чтобы спрямить русло, сделать обводной канал или воздвигнуть плотину в случае «наводнения» и т.п.).

Какие именно *способы аккумуляции социальной энергии*, оказывающей воздействие на исторические процессы, знает человечество?

Элементарный опыт подскажет два из них: *власть* (сила, государство) и *деньги* (в современных условиях – капитал). Но оба эти феномена есть не что иное, как *отчужденные формы* общественного человеческого труда: и деньги (капитал), и власть (прежде всего способность к осуществлению насильственных действий) есть всеобщий человеческий труд в той или иной (деньги, капитал – современной, предельно гибкой и универсальной, власть – ограниченной, бюрократически-неповоротливой, пришедшей из добуржуазных эпох) отчужденной форме. И именно в силу отчужденной сущности эти формы социальной энергии (1) всегда раздроблены между частными лицами, не поддаются концентрации в общественном масштабе¹ и (2) годятся исключительно для видоизменения все той же самой системы отношений отчуждения, которой они порождены. Разрушение порождающей их системы отчуждения

¹ Так, деньги, капитал по определению есть объект частной собственности. Общациональный капитал есть «самокритика» капитализма, даже концентрация капитала, ведущая к появлению монополий, есть враг этой системы. Точно так же всеобщая (общациональная, а тем паче всемирная) бюрократическая пирамида насилия неизбежно порождает тенденцию к стагнации и загниванию; мы же, напротив, ищем субъект прогрессивных исторических изменений.

приведет к исчезновению заложенной в деньгах, насилии социальной энергии¹.

Следовательно, *такие формы социальной энергии как деньги (капитал) и власть (государство), равно как и любые другие отчужденные формы, не годятся для осуществления исторических изменений, направленных на преодоление отчуждения, на освобождение Человека. Для решения этой великой задачи требуются иные, неотчужденные формы социальной организации деятельности людей в столь значительных масштабах, сколь значительны предполагаемые исторические изменения.* Именно такой формой и является, как будет показано ниже, *ассоциированное социальное творчество.*

К числу таких действий, способных если не творить историю, то существенно влиять на нее, относится и *индивидуальная (с этим связана и выдающаяся роль ряда личностей в истории) творческая деятельность – всеобщий труд, «энергия» которого пропорциональна креативному потенциалу творца и подчас соизмерима с трудом тысяч и сотен тысяч людей* (косвенным подтверждением этого может служить способность отдельных ученых и художников создавать общественное богатство, совсемно измеряемое десятками миллионов долларов – стоимостью, создаваемой трудом сотен тысяч работников третьего мира).

Во-вторых, субъект исторического действия должен не только обладать достаточно мощной социальной энергией, но и быть сознательно действующим субъектом – субъектом, способным (1) познать (в меру развития общественной практики, в том числе – культуры данного социума) исторические процессы, выделив исторически случайные и закономерные, и (2) организовать свою практическую деятельность в соответствии с научно выработанными целями, обеспечивая (3) постоянную «обратную связь» – коррекцию целей и методов деятельности по мере обогащения практического опыта.

Творение истории таким субъектом, прогрессивными социальными силами (они различны для различных исторических этапов; для классического капитализма, скажем, это был прежде всего индустриальный пролетариат) *превращает познание закономерностей исторического развития в общественную практику* (причем практику деятельностно-преобразовательную²). Это происходит *в той мере, в какой, во-первых,*

¹ Деньги вне рынка – всего лишь бумага, малопригодная даже для туалета; власть бюрократической системы (например, советской номенклатуры) существует только до той поры, пока жива сама система (вспомним: мощнейшая система насилия, возглавляемая КПСС, в августе 1991 года рассыпалась как карточный домик).

² Понятие «практика» является одним из ключевых в творческом (антисталинском) марксизме. Весьма интересная полемика по этому поводу велась (но как бы подспудно) в отечественных работах по философии истории →

результаты познания адекватны действительным объективным историческим закономерностям и, *во-вторых*, прогрессивные социальные силы, как мы отметили выше, способны освоить (в единстве названных выше слагаемых – понимания, организации на этой основе действий, обеспечения «обратной связи») данные «идеи».

В этом, кстати, одно из теоретических оснований известного марксистского тезиса о том, что теории становятся материальной силой, когда они овладевают массами. Нам хотелось бы, однако, акцентировать и обратную связь: *идеи перестают быть материальной силой, когда массы (точнее было бы сказать – прогрессивные социальные силы) в них разочаровываются*. Последнее также происходит тогда, когда либо сами «идеи» не дают ответа на объективные проблемы прогресса, либо «массы» оказываются в такой мере отчуждены от социального творчества (в том числе в силу омещанивания в застойных социумах), что не способны «услышать» эти идеи: конформизм затыкает им социальные «уши» ватой пропаганды, массовой культуры и т.п.

Возвращаясь к проблеме сознательно действующего исторического субъекта, отметим, что выделенные выше его черты позволяют проложить дорогу и к решению проблемы *ограничения «гносеологической гордыни» и активизма субъекта сознательного исторического действия*¹. Мера доверия знанию и мера активности действия исторического субъекта должны количественно и качественно находиться в пределах, задаваемых реальными возможностями, достижениями практики – таков абстрактно-философский ответ.

Последнее означает, что *свободным будет лишь то социально-преобразовательное историческое действие, мера воздействия которого на общественную жизнь пропорциональна мере (1) подтверждаемого предшествующей практикой культурного (научного, художественного, образовательного) проникновения в тайны истории, познания ее закономерностей, (2) освоения субъектом исторического действия этой культуры как его практически-деятельностной культуры и (3) способности к осуществлению общественно-преобразовательных действий в неотчужденных формах (энергии ассоциированного социального творчества)*.

← 1960–1970-х годов (кроме называвшихся выше имен особо подчеркнем работы В. Келле и М. Ковальзона, Г. Багатурии и др.). Однако наиболее шумную известность это понятие получило в связи с публикациями в югославском журнале «Праксис» (практика). Не разделяя многие тезисы ведущих авторов этого журнала (в частности, идей рыночного социализма), не можем не отметить, что дискуссии в нем стали важной частью развития марксистской теории XX века, особенно по проблеме «практики».

¹ Критикуя «активных» либералов-практиков, мы ни в коей мере не забывали и о преступлениях, порожденных «активизмом» сталинистов. Более того, именно это вырождение марксизма делает особо острой поставленную выше проблему.

Это закон (пока что это не более чем авторская гипотеза) *прогрессивно-сти социально-преобразовательной деятельности, характеризующий меру социального освобождения Человека* (он восходит как к известному марксистскому закону основательности исторического действия, в соответствии с которым число участников исторических преобразований должно быть тем больше, чем масштабнее само действие).

Переход через названную грань (и качественный и количественный) неизбежно приводит к вырождению познания необходимости в волюнтаристическое прожекторство, а сознательного исторического творчества свободных индивидов – в бюрократический, подавляющий Человека и отчужденный от него активизм, использующий насилие там, где не хватает энергии социального творчества. Так рождается теория и практика «больших скачков», программ строительства материально-технической базы коммунизма за 20 лет, планов создания рынка за 400 дней или внедрения либерального правопорядка при помощи «антитеррористических операций».

Здесь действует закономерность, являющаяся следствием сформулированного выше закона: *превышение меры воздействия на историю, допустимой наличным уровнем социально-творческой энергии и культуры (в частности, познания законов истории), освоенной историческим субъектом, оборачивается либо немедленным провалом такой деятельности, либо ее перерождением в насилие (над историей и людьми), ведущим к образованию мутантных социумов, стагнации, последующему кризису и в итоге – краху последних. Отчасти эмпирической основой такого вывода могут служить исторические судьбы рыночных преобразований в ренессансной Италии и мутантного социализма в СССР.*

Предложенные гипотезы, характеризующие меру социального освобождения Человека (напомним: выше везде шла речь именно о Человеке как родовом существе) оставляют в стороне едва ли не важнейшие вопросы: *а откуда берется энергия социально-преобразовательной деятельности, что ее порождает и кто конкретно (в социологическом плане) может стать и становится (здесь нелишне добавить и еще один вопрос: почему становится) субъектом исторических преобразований?*

Иными словами, авторы ставят проблемы: *кому, когда и зачем нужна свобода? Почему, кто и когда готов поставить практику освобождения (и его идеалы как ценность) выше реальной власти, денег, спокойствия конформиста, живущего, соблюдая законы отчуждения?*

В общем виде ответ на эти вопросы уже был дан: *там и тогда, где и когда человек (в классовом обществе – определенная социальная сила) вырывается из поля отчуждения (власти бюрократии, денег...) и становится субъектом ассоциированного социального творчества, он ставит ценности и практику освобождения на первое место и готов идти ради этого даже на смерть, подобно миллионам борцов за свободу, отдавшим себя*

целиком делу освобождения от рабства и крепостничества, борьбе против фашизма и колониализма, за национальное освобождение и социализм...

Но этот ответ остается пока крайне абстрактным, а потому продолжим наши размышления.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА:

ОСВОБОЖДЕНИЕ КАК СНЯТИЕ ОТЧУЖДЕНИЯ

(К КРИТИКЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА)

Заголовок этого подраздела адекватно отражает суть гипотезы авторов: именно противоречия мира отчуждения, *напряженность противостояния диалектических социальных полюсов вкупе с прессом подчиняющих человека общественного разделения труда, рынка, бюрократических структур и т.п. формируют потенциальную энергию социального протеста* (для превращения ее в процесс как разрушения [отчужденных общественных связей и институтов], так и созидания [отношений «царства свободы»] нужны дополнительные условия, но об этом позже).

Отчуждение как власть чуждых индивидууму сил, «отнимающих» у человека его основные качества¹, создает тем самым первый пласт «давления», порождающего *энергию протеста*: человек как субъект труда (а это родовое качество человека; отсюда [NB!] следует, что *эта энергия характерна прежде всего для трудящихся*) постоянно и объективно воспроизводит в себе необходимость в осуществлении целеположения и управления, самостоятельного участия в социальных отношениях и т.д. Общественные отношения антагонистических обществ «отнимают» у него эти свойства, сводят самую деятельность к частичным функциям, но они не могут разрушить имманентно присущего совокупному работнику (трудящимся как единому субъекту трудового процесса; в условиях развитого капитализма – *классу наемных работников*) качества сознательного осуществления деятельности, качества субъекта общественных отношений.

Данное противоречие (оговоримся – речь пока не идет о классовой борьбе в точном смысле этой категории) создает мощное напряжение полюсов, «*поле отчуждения*». «Вырабатываемая» этими полюсами *энергия*

¹ Напомним, что, например, общественное разделение труда (в первую очередь – отделение управления и других творческих функций от исполнительского репродуктивного труда) лишает человеческую деятельность ее родовой сущности (творческого, сознательного воздействия на природу); рынок овеществляет человеческие отношения, превращая личность в функцию вещи (товара) и тем самым лишает человека его сущностной определенности – субъекта общественных отношений... Примеры такого «отрыва» (отчуждения) человеческих качеств в мире экономической необходимости легко продолжить.

социального протеста тем мощнее, чем больше (1) объективная необходимость в неотчужденном содержании труда и неотчужденном участии работников в социальных отношениях (а эта необходимость растет по мере развития производительных сил, усиления творческой компоненты в совокупном трудовом процессе, прогресса производственных отношений¹ и культуры), а также (2) осознание трудящимися своего положения как работников, чья деятельность от них отчуждена, и людей, чья социальная жизнь им не подвластна.

Развитие производственных отношений от внеэкономического принуждения к капитализму, а последнего – от мелкого товарного производства до отношений противостояния (и соединения) капитала и наемного труда, продвигает описываемое нами противоречие до *отношений эксплуатации наемного труда* и основанной на нем (но не сводимой к нему) классовой борьбе пролетариата и буржуазии². Напряжение противоречия отчуждения усиливается и оказывается детерминировано прежде всего³ мерой эксплуатации (во всем богатстве этой категории), остротой классовых противоречий и мерой превращения наемных работников из «класса в себе» в «класс для себя».

Кстати, как заметил уже В.И. Ленин, это осознание своих стратегических классовых интересов появляется у класса наемных работников не из его экономического конфликта с буржуазией, а из области «отношений всех классов и слоев к государству и правительству. ... взаимоотношений между всеми классами»⁴. Возвышаясь до понимания своего классового интереса, наемный работник преодолевает в себе свое бытие как частного лица (собственника товара рабочая сила), обретая (выражаясь языком Лукача) качество «родового человека».

Здесь возникает интереснейшая проблема, которую по мнению того же Лукача, не решили ни Маркс, ни Ленин, ни последующие исследователи⁵: *когда, при каких социально-экономических, политических и духовно-*

¹ Так, вызываемый к жизни индустрией и генезисом капитализма промышленный наемный работник, в отличие от раба или крепостного, должен самостоятельно, как социальный субъект вступать хотя бы в отношения купли-продажи рабочей силы, обретая хотя бы «негативную» свободу.

² Отметим, что даже в рамках либеральной парадигмы, отрицающей наличие эксплуатации (теория трех факторов производства, предельной производительности капитала и т.п.), признается наличие в условиях классического капитализма (о современности – ниже) классов и их противоречия.

³ Но опять же не только: и разделение труда, и овещнение человеческих отношений, и денежный фетишизм, и сохраняющиеся добуржуазные формы подчинения человека – все это продолжает вносить свою лепту в выработку энергии социального протеста.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 76.

⁵ На наш взгляд, Лукач здесь (см. Лукач Д. Цит. соч. С. 203–205) не совсем прав: теория классовой борьбы марксизма и, в особенности, теория социальной →

культурных условиях происходит такое обретение классом наемных работников своей роли выразителя родовой сущности человека, «универсального» (К. Маркс) класса, освобождающего не только себя, но и все человечество? Ниже мы постараемся показать, что это качество класс наемных работников обретает в той мере, в какой он преодолевает ограниченный горизонт классовой борьбы как формы разрешения противоречий исключительно капитализма и возвышается до ассоциированного социального творчества как деятельности по созиданию основ «царства свободы».

Прежде чем продолжить и конкретизировать ответ на этот вопрос, заметим, что развитие капитала в XX веке (от государственно-монополистического капитализма, империализма начала века к социально ограничиваемому и регулируемому «народному» капитализму эпохи противостояния двух систем и далее – через неолиберальный реванш – к глобальной гегемонии корпоративного капитала эпохи «нового мирового порядка») существенно усложняет эту систему противоречий. Усложняется и система экономических отношений, и классовая структура общества, и их политическое оформление, но принципиально суть дела не меняется: *интенсивность противоречий отчуждения и мера их осознания трудящимися – вот что формирует энергию социального протеста.*

Соединяясь (как именно – этому будет посвящен второй раздел послесловия) с пониманием закономерностей и перспектив исторического развития, эта энергия получает шанс превратиться в конструктивную деятельность по реализации осознанных целей, по созиданию новых общественных отношений, т.е. в социальное творчество. Эта потенциальная возможность превращается в действительность (не вырождаясь в волонтаризм) в той мере, в какой данный субъект на практике реализует условия, диктуемые законом прогрессивности социально-преобразовательной деятельности¹.

Не сложно немного продолжить наши размышления и сделать вывод, что субъектом этой социально-преобразующей деятельности могут стать те трудящиеся, кто: (1) «пропитан» энергией социального протеста; (2) достаточно опытен и организован (имеет мощные «социальные мускулы»), чтобы созидать новые общественные отношения и (3) является сознательно

← революции (вспомним хотя бы характеристику революционной ситуации в работах В.И. Ленина) показывает основные из таких условий. Другое дело, что Лукач здесь по сути дела намекает на нерешенность вопроса о возможном вырождении классовой борьбы в случае, если пролетариат в своей борьбе уходит от решения общесоциальных задач, вследствие чего пролетарий перестает быть и гражданином, освобождающим все общество (что и произошло в условиях сталинизма).

¹ Выше авторы, следуя поставленной в начале текста задаче «напоминания» об ускоренно забываемых достижениях творческого марксизма, всего лишь несколько генерализовали в принципе известные в классическом марксизме тезисы об исторической миссии пролетариата.

действующим историческим субъектом, который познает закономерности исторического развития (в частности, необходимость и возможность разрушения отношений отчуждения), знает, что он будет созидать и достаточно культурен, чтобы, реализуя свои цели, осознанно корректировать их и свою деятельность по мере развития общественной практики.

Возвышаясь до реализации этих условий **пролетариат и объективно, и субъективно становится универсальным классом** тогда, когда (уточним сказанное выше):

- развитие антагонизмов мира отчуждения (в современных условиях – глобальной гегемонии капитала) обостряется до такой степени, что рождает энергию социального протеста (она как правило мала в «сытых», застойных, социумах и велика в условиях обнажения социальных противоречий – таких, например, как в начале XX века; похоже, что сходные условия может создать и усиление противоречий глобализации в нынешнюю эпоху);
- одновременно присутствуют возможности социальной самоорганизации трудящихся; их, как мы уже отметили, создает только опыт их самостоятельности, развивающейся как благодаря (в условиях социал-демократической системы, например), так и вопреки (в условиях, когда самовывживание класса ставится в зависимость от его активности) внешним условиям; материальными предпосылками для этого становятся, в частности, обретение трудящимися определенного объема свободного времени и хотя бы некоторой социально-экономической, политической и духовной независимости от сил отчуждения (государства и капитала), особенно мощных в нынешнюю эпоху «манипулятивного» (Лукач) капитализма (а эту независимость может формировать лишь *деятельность социалистически ориентированных социально-политических сил, создающих «блоки» на пути манипулирующего воздействия капитала и пробуждающих самостоятельные действия класса*¹);
- *объективные условия ставят решение классовых задач наемных работников в прямую зависимость от решения ими глобальных проблем освобождения* (в современных условиях эта связь уже налицо – снятие гегемонии капитала ныне невозможно вне борьбы за преодоление глобальных угроз Человеку, обществу и природе)² и тем самым,

¹ В этой связи заметим, что попытки подменить деятельность по пробуждению самосознания потенциального субъекта социального творчества иным (чем капиталистическое), но тоже манипулятивным воздействием со стороны левых (например, пропагандой и политтехнологиями, копирующими капиталистические, только с противоположным знаком) есть наихудший способ самодискредитации левых и подрыва потенциала самоорганизации трудящихся.

² Отсюда вызов для социально-политических сил освобождения – соединение с новыми социальными движениями, направленными на решение глобальных проблем, вызов, который большинство из левых давно осознали →

развиваются объективные и субъективные предпосылки, препятствующие отрыву узкоклассовой борьбы наемных работников от их деятельности по развитию социального освобождения (отрыва, ставшего одним из ключевых факторов мутации социализма в СССР); к числу таких предпосылок относится отмеченная выше объективная и субъективная включенность нынешнего класса наемных работников в решение широчайшего круга глобальных проблем, обусловленная как негативными причинами – тотальным (проникающим во все сферы жизни, подчиняющим человека, а не только эксплуатирующим рабочую силу) характером власти нынешнего капитала, так и их позитивной (вырастающей из новых – по сравнению с «классическим» индустриальным капитализмом – предпосылок, создаваемых генезисом «общества знаний»¹) предрасположенностью к творческой деятельности, личностному развитию и самоорганизации (о противодействующих этому тенденциях омещанивания трудящихся манипулирования их жизнедеятельностью – чуть ниже);

- силы креатосферы (вырывающаяся из своего подчинения отчуждению часть творцов) и классового освобождения объективно заинтересованы в диалоге и совместном решении своих проблем, более того, осознали эту связь субъективно и практически ее реализуют; к этому нынешний этап развития «общества знаний» объективно подводит вплотную, но происходит это в таких отчужденных формах, которые наименее благоприятны для этого союза («всасывание» творческой части общества в превратный сектор и «закукливание» в нем творцов при развитии узкого профессионализма и манипулятивного сознания у большинства работников); отсюда особая сложность для левых движений – создать социально-политические и культурно-творческие практические и идейные альтернативы для развития названного союза.

По мере реализации этих объективных и субъективных условий (а мы их будем уточнять на протяжении всего текста, в том числе характеризуя отношения трудящихся и интеллигенции, формы и пути самоорганизации трудящихся – их свободных ассоциаций, предпосылки и противоречия социальных революций) класс наемных работников становится универсальным классом, обретает качество субъекта ассоциированного социального творчества.

← и приняли, хотя успехи здесь далеко не так велики, как хотелось бы – но это уже иная материя.

¹ В своих предшествующих работах («Глобальный капитал» и др.) мы постарались показать, что за этой формой скрыт ключевой – с точки зрения предпосылок рождения «царства свободы» – процесс превращения креатосферы в такой важнейший элемент и условие развития материального производства, который затрагивает практическую жизнедеятельность (труд, общение, обучение) большинства граждан развитых стран, а в потенции – всех членов общества.

В свою очередь этому субъекту, с одной стороны, будет *активно противостоять* класс эксплуататоров (в конце XX – начале XXI вв. – субъект глобальной гегемонии капитала). С другой стороны, *пассивно отторгать* социальное творчество будет та часть трудящихся, которая (1) поглощена отношениями отчуждения, одета в броню превратных форм (стандартов общества потребления, установок бюрократической иерархии, подчинения etc.), настолько подчинена им, «оносорожена» (вспомним знаменитую пьесу Ионеско), что неспособна пропитаться энергией социального протеста, как бы ее ни угнетали; (2) воспринимает отчужденный мир превратных форм (например, господство таких ценностей как деньги, власть) как единственно возможный и «естественный»; (3) социально абсолютно несамостоятельна (эти индивиды либо атомизированы и стандартизованы рынком, либо поглощены общиной, родом, кланом, корпорацией) и (4) принципиально отказывается от познания исторических закономерностей, противоречий и перспектив исторического прогресса, будучи и духовно порабощена системой отчуждения, не хочет и не может критически воспринимать продукты отчужденного духовного производства, будь то массовая культура, идеология господствующего класса или религия¹.

Именно для такой части общества в условиях смены веков оказывается адекватна система установок *постмодернизма*, который не только отражает, но и интенсифицирует воспроизводство конформизма (в частности, консьюмеризма и других форм подчинения человека как служащего-потребителя-клиента корпоративному капиталу) и среди «низов», и в среде «элиты»².

В самом деле, к числу основных постулатов этого направления относится отрицание правомерности поиска и уж тем более реализация «метатеории»; равноправность любых систем ценностей, парадигм и т.п.; вытеснение человека – деятельностного, активного субъекта неким «актером» (неслучайно это слово происходит от английского слова «актер»), безразлично-отстраненно воспринимающим мир как [постмодернистский] коллаж; первостепенное внимание к структурам (языка и слов), а не сущностям (деятельности и отношений)...

Постмодернизм тем самым оказывается тем «отпрыском» мезальянса неолиберализма и позитивизма, который во многом пошел дальше своих родителей, отрицая фундаментальные установки, характерные для их предков. Ценности негативной свободы и фактическое (но не теоретическое) признание необходимости и возможности правящих

¹ Критерии выделения этих социальных сил, их соотношение с «вертикальной» социально-классовой структурой современного общества раскрыты авторами во второй части данного тома.

² Подробнее об этом см. в нашем тексте о постмодернизме в упомянутой выше книге «Пределы капитала».

элит активно перестраивать мир по своему образу и подобию постмодернизм снижает до роли одного из осколков хаотического коллажа социальной жизни... и тем самым если и не подписывает себе смертный приговор, то уж обрекает себя на заточение в узком мире идеологии «элитной» интеллигенции, выполняющей функции «подпитки» массовой культуры.

Будучи продуктом супербезразличия и суперконформизма всех тех, кто подчинен современной тотальной гегемонии корпоративного капитала, *постмодернизм выполняет тем самым функцию корпоративной самозащиты творческой интеллигенции*. Последняя в конце XX века загнала сама себя в ловушку собственного конформизма. Не желая отказаться от своего привилегированного социального положения (речь идет не только о материальных благах, но и о социальном статусе) и будучи в принципе не способна к активной социально-преобразовательной деятельности, она (в силу творческого содержания своего труда) не смогла и опуститься до уровня массовой культуры. Единственное, что ей осталось – возвести свое безразличие в ранг творческого кредо, а массовую культуру – в ранг творчества. *Так возникает постмодернизм*.

Но как таковой он оказывается не востребован никем, кроме его творцов (и его же потребителей). В самом деле, власть имущие *реально* пользуются гораздо менее плюралистичной и гораздо более жесткой идеологией циничного гегемонизма, а «низы» поглощены гораздо более однозначной массовой культурой, воспроизводящей импульс искусственно обновляемого стандарта массового потребления...

И все же постмодернизм неслучаен и востребован.

Он необходим для современного мира отчуждения, ибо, во-первых, играет роль духовной подпитки конформизма масс (и искусственных новшеств массовой культуры).

Во-вторых, постмодернизм являет собой абсолютно необходимую и наиболее адекватную превратную форму для теоретических и методологических основ идеологии глобальной гегемонии капитала. Идеология формального неограниченного плюрализма максимально выгодна для субъекта гегемонии, содержательно контролирующего социальные процессы, ибо идеально камуфлирует его власть и в то же время полностью развязывает ему руки (подобно тому как плюралистическая возможность использования любых методов борьбы максимально выгодна для того, кто монопольно владеет самым мощным оружием).

Наконец, в-третьих, он создает объективную видимость (как мы уже отмечали, «кажется то, что есть на самом деле») самодостаточности, творческой независимости и не полной импотенции «элитарной интеллигенции», которой кажется (и это, повторим, такая же объективная видимость, как и, скажем, фетишизация вещей в условиях рынка), что она именно в рамках постмодернистского «дискурса» обретает не только плюралистичность, но и подлинную свободу творчества.

Между тем за этой видимостью скрыта (NB! Именно *скрыта!*) сущность, а именно – стремящийся к абсолюту конформизм человека, доводящего опять же до абсолюта принцип невмешательства (сиречь равнодушия), отрекающегося от какой бы то ни было активно-созидательной роли в истории и обществе, от какой бы то ни было попытки выделить ее закономерности (для постмодернизма «все правы»). Это – конформизм, распространяющийся не только на познание и деятельность, но даже и на возможность какой бы то ни было оценки окружающих феноменов. И как таковые *методология и теория постмодернизма оказываются дорогой к абсолютной несвободе*: в принципе, последовательный постмодернизм как путь к абсолютному конформизму должен отрицать необходимость даже негативной свободы в ее качестве универсального прогрессивного принципа общественной организации, ибо последнее превратит демократию в универсальную ценность, а либерализм, причем прежде всего ранний, радикально-преобразовательный, – в «метатеорию».

Так в современном мире формируется, с одной стороны, потенциальный субъект социального творчества, обладающий энергией и культурой для историко-преобразовательной деятельности, развивающей теорию социального освобождения; с другой – противостоящие ему субъекты и объекты социального отчуждения (в современных условиях – гегемонии корпоративного капитала), обретающие в постмодернизме адекватную философско-методологическую базу для своей идеологии.

* * *

Подведем промежуточные итоги. Анализ «негативной» и позитивной свободы, а также процесса формирования субъекта социального освобождения позволил выделить *основные параметры определения свободы как процесса ассоциированного социального творчества*. Нам предстоит отыскать в жизни и отобразить теоретически такие общественные отношения (*отношения социального освобождения*), которые бы:

- *диалектически снимали все достижения «негативной» свободы (зафиксированные, в частности, в известной Декларации ООН 1948 г.)*;
- *создавали простор для развития неповторимой индивидуальности человека и обеспечивали такую систему взаимодействия личностей, когда рост свободы одного из них не только не ограничивал бы свободы другого, но и являлся условием его позитивного, деятельностного освобождения*;
- *создавали неотчужденные формы общественной организации людей в столь значительных масштабах, сколь значительны предполагаемые исторические изменения*;
- *приводили к формированию такого субъекта исторических преобразований, который бы обладал способностью (1) познавать исторические закономерности и (2) сознательно воздействовать на них, т.е. социальной энергией, необходимой для таких действий, (3) осознал*

необходимость и познал пути осуществления социально-преобразовательных действий; иными словами, необходим субъект, который бы обладал достаточным опытом и организованностью («социальными мускулами») и, главное, был творчески включен в мир культуры (обладал «социальным интеллектом»).

Таков объективный «вызов», брошенный практикой отчужденного мира всяким свершениям, претендующим на реальное освобождение человека¹.

¹ Представляется весьма интересной и важной задача «перевести» названные выше абстрактно-теоретические характеристики на язык прикладной политологии, показав возможные конкретно-исторические формы такой организации такого субъекта, которые обеспечивали достойный ответ на данный «вызов». Первые шаги в этом направлении один из авторов сделал в ряде публикаций в журнале «Альтернативы», в частности в 1-м и 4-м номерах за 2001 год, где он размышляет о «постпартийной» форме организации левых сил и альтерглобалистском движении (см.: Бузгалин А.В. Контргегемония и контрглобализация. К проблеме выработки стратегии противодействия глобальной гегемонии капитала: взгляд из России (тезисы к дискуссии) // Альтернативы. 2001. №1; Он же. Глобализация, антиглобалистское движение и Россия // Альтернативы. 2001. № 4). Позднее эти идеи были развиты в ряде текстов, вошедших в написанные совместно с А.И. Колгановым книги «Глобальный капитал» (М., 2004) и «Пределы капитала» (М., 2009).

глава 2 Ассоциированное социальное творчество как сущность процесса социального освобождения

На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.
К. Маркс, Ф. Энгельс

Сформулированный выше вызов, выдвигающий кажущиеся непомерными требования к отношениям и деятельности социального освобождения, на самом деле уже нашел достойный ответ в практике Человека. Голландские гезы и борцы за независимость североамериканских штатов, латиноамериканские партизаны и герои антифашистского сопротивления в Европе, декабристы и пропитанные неподдельным энтузиазмом строители новых городов и открыватели новых земель в нашем Отечестве, а также создатели первых профсоюзов и борцы за сохранение природы, участники антиколониальной борьбы и работники коллективных предприятий, новые левые и альтерглобалисты – все они (авторы нарочито смешали масштабы и сущности, соединяя разнокачественные и очень несхожие по своей роли примеры социального творчества) привносили и привносят по крупицам свой опыт в общеисторическую копилку сознательного преобразования общества¹. Опыт каждого из этих субъектов чудовищно противоречив и неполон, но диалектический, критический анализ их достижений и поражений дает шанс на понимание сущности феномена ассоциированного социального творчества и систематизацию по меньшей мере известного нам многообразия его проявлений.

**СУБЪЕКТ И ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА:
СВОБОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ**

Выше мы намеренно обратили внимание на простейшие (переходные) формы, соединяющие отношения «царства необходимости» и сво-

¹ Подробнее об этом в книге «Кто творит историю – II: альтерглобалистские практики социальных движений и НПО» (под ред. И. Абрамсона, А. Бузгалина, П. Линке, Л. Ожогойной. М., 2011).

бодного добровольного ассоциирования граждан. Но история знает и гораздо более сложные (а потому и более противоречивые) формы свободных ассоциаций, рождавшихся (и вырождавшихся, мутировавших) в XX веке. Это и различные формы участия рабочих в управлении и самоуправлении (начиная с простейших форм учета и контроля), направленные на преодоление одной из самых глубоких основ отчуждения – разделения деятельности по целеполаганию (шире – управлению) и исполнительского труда, и (NB!) разнообразные *демократические самоуправляющиеся социально-политические организации*, нацеленные на преодоление отношений отчуждения.

В ушедшем столетии многие (но не все!) из таких левых организаций мутировали, превратившись в авторитарно-бюрократические структуры. Особенно значим в этом контексте опыт СССР и других стран «Мировой социалистической системы», но к его анализу в этом тексте мы обращаться не будем – авторы немало писали об этом ранее¹. Здесь мы хотели бы подчеркнуть иное: мутации и в ряде случаев вырождение многих из первых опытов формирования свободных ассоциаций сами по себе не доказывают невозможности демократических социалистических организаций как форм интеграции энергии социального протеста трудящихся и творческого потенциала левой интеллигенции, возвышения первых (через участие в деятельности этих ассоциаций, в том числе – и руководящей) до творческой деятельности, а вторых – до социально-преобразовательных действий².

В последние годы XX и особенно первые годы нового века в полный голос заявили о себе так называемые «новые социальные движения», одним из наиболее ярких представителей которых стало альтерглобалистское движение и продолжающие его логику выступления в рамках движения «Оккупай!» и др., начавшиеся в 2011 году (подробнее о них – в одном из разделов данной книги), массовые выступления в странах Европейского союза (и особенно – в Греции) 2011–2012 годов, революционные процессы в Арабском мире и др. Существенно, что отмечаемые во многих исследованиях (назовем такие имена как К. Агитон, Ф. Утар, А. Скотт, М. Супалак и другие) черты этих движений (прежде всего такие, как сетевой принцип организации и подвижность форм, открытость,

¹ См., например, наш раздел в книге «СССР: незавершенный проект» (М., 2012. С. 11–81).

² А. Грамши вообще считал, что левая партия должна выполнять роль пролетарской интеллигенции. Как показал исторический опыт, это решение может быть чрезмерно простым, ведущим к вырождению социалистических тенденций. На наш взгляд, для преодоления этих тенденций к мутированию как минимум необходим спектр открытых свободных ассоциаций (общественных организаций, движений, союзов), по отношению к которым демократические левые могут играть роль «всего лишь» советчика и «прогрессора», подпывающего их знаниями и энергией.

объединение на основе «самообилизации» и единства интересов, т.е. деятельности, добровольность участия при отсутствии жестких рамок, самоуправление и низовая демократия как формы координации деятельности и др.) прямо корреспондируют с принципами формирования добровольной, работающей свободной ассоциации, о которых речь пойдет ниже и которые были известны и теории, и практике, задолго до их возникновения.

Но не будем в этом тексте углубляться в социально-политические аспекты проблемы: мы, повторим, уже много писали именно в таком ключе. В данном случае для нас важны сущность и принципы жизнедеятельности ассоциации как общественной формы, интегрирующей, с одной стороны, культуру, творческую деятельность, позволяющую «познать необходимость»; с другой – социально-преобразовательные интенции, позволяющие *сознательно творить историю в соответствии с ее объективными законами, спрямляя зигзаги исторического процесса и оптимально реализуя ее логику*. Вне такой интеграции позитивная свобода, как уже отмечалось, невозможна.

Другое дело, что такое определение социального освобождения рождает массу новых проблем и вызовов: кто дал вам, претендующие на роль творцов истории, право брать на себя роль демиургов, которые якобы знают в чем истина (законы истории), каковы критерии прогресса (Добра и Зла), какая мера насилия и какие жертвы необходимы и допустимы на этом пути «спрямления зигзагов истории» и чем обернутся в реальности ваши прогрессорские попытки, не довольно ли история знала ваших «благих порывов», ваших экспериментов по «осчастливлению» человечества, приведших в ад ГУЛАГов?

Запомним эти вопросы-вызовы: мы вернемся к ним чуть позже. А сейчас обратимся к исследованию теоретической проблемы – *природы свободной ассоциации как феномена, интегрирующего в себе социально-творческий субъект – отношение – деятельность*.

Сущность свободной ассоциации индивидов, естественно, лежит в ее *противоречии* (оно диалектически наследует противоречия творческой деятельности, о которых мы размышляли выше). Каждый индивид включается в ассоциацию как особенная самостоятельная личность, обладающая определенными неповторимыми свойствами. Чем своеобразнее эта *индивидуальность*, тем выше ее креативный потенциал, тем выше потенциал ее со-творчества и, следовательно, тем важнее («интереснее») она для других участников процесса со-творчества. Но ассоциация – это и союз, *коллектив* совместно действующих и потому *подчиненных единой цели и единой воле* индивидов, объединение, в котором сняты индивидуальные особенности его членов.

Мир отчуждения знает лишь внешние, принудительные формы снятия этого противоречия: либо навязанное «невидимой рукой рынка» внешнее объединение атомизированных индивидов, связанных друг с

другом только через овещнение их деятельности, либо принудительная корпоративная кооперация, диктуемая разделением труда и/или бюрократической иерархией.

Свободная ассоциация принципиально иначе соединяет стороны этого противоречия. Как именно – на этот вопрос дает ответ система *принципов жизнедеятельности свободных ассоциаций* (она была выведена авторами на основе критического анализа практики самоуправления в СССР, России и других странах¹ и многократно опубликована, поэтому ниже мы ее воспроизведем в очень сжатом виде).

Первый принцип: такое объединение является *добровольным и свободным союзом*, в который индивиды включаются не под давлением внешних обстоятельств (конъюнктуры рынка или власти иерархии), а самостоятельно, с целью реализации своих личных интересов, но таких, которые невозможно претворить в жизнь иначе как совместно и в добровольном союзе (это касается многих глобальных или локальных интересов – иметь чистый воздух и обеспечить социальную защищенность, реализовать свои неотъемлемые права Человека и иметь гарантии доступа к культуре). Эти интересы создают к тому же реальные *стимулы* формирования ассоциаций.

Второй принцип: объединение с самого начала является *работающей ассоциацией*, строящейся на основе добровольной интеграции *деятельности, труда (а потому и деятельностных индивидов – трудящихся)*; не формально-общие принципы (принадлежность к какой-либо корпорации или даже абстрактная общность взглядов), а конкретное единство действий (выражаясь языком М.Бахтина, можно было бы сказать – поступков) и труда, *деятельностный диалог соединяют граждан-трудящихся* (здесь это, вновь подчеркнем, существенно!) в такой союз. Тем самым *ассоциация обеспечивает со-творчество* (диалог) личностей *по поводу любой* (в том числе – репродуктивной) *деятельности, труда*, ибо в ассоциации люди самостоятельно, в диалоге друг с другом, сами формируют все параметры этой деятельности.

В качестве принципиально важного для авторов отступления заметим: приведенные выше положения позволяют показать, что за эмоционально, по-человечески и без того понятным для нас восхищением созидательной энергией советских людей (равно как и презрением к обывательски-мещанскому поведению тех же самых советских людей) скрыто видение качественно нового общественного явления. Мы можем с полным правом сказать, что *социальное творчество тех советских*

¹ Эта работа отражена в многочисленных публикациях авторов. См., например: *Бузгалин А.* Противоречия самоуправления, централизма и самостоятельности в плановом хозяйстве. М., 1988; *Колганов А.* Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. М., 1993; *Бузгалин А.* (отв. ред.) На пути к экономической демократии (в 2-х томах) М., 1994.

ализм (общество, переходное к «царству свободы») без энтузиазма, без персонифицированного, личностно ощущаемого как праздник («трудовые будни – праздники для нас» – эти слова песни, конечно же, преувеличение, но неслучайное преувеличение!) социального творчества тоже *нельзя*.

Возвращаясь к рассмотрению принципов ассоциации, мы можем продолжить: формирование ассоциации как работающей предполагает, что *ассоциация строится на основе соединения труда, управления и собственности* на факторы производства – это *третий* принцип жизнедеятельности ассоциации. Только свободные, неотчужденные [от факторов производства и самого труда, от других членов общества и, следовательно, от самих себя] индивиды, действующие *в ассоциации и посредством нее*, на равных началах присваивающие факторы производства и организующие свой труд (участвующие в управлении) могут стать и быть членами свободной ассоциации¹. Тем самым реализуется и важнейшая *предпосылка позитивного освобождения – обеспечение определенного (достаточного для участия в деятельности ассоциации, творчестве) социальногарантированного минимума*, позволяющего помимо прочего *избавиться от страха перед завтрашним днем*, без чего невозможна свободная творческая деятельность.

Суммируем: атрибутами такого союза становятся *самоуправление и общественная* (равнодоступная для каждого участвующего в деятельности) *собственность*. Условием участия в управлении ассоциацией и использования факторов труда становится участие в ее деятельности (так, в принципе, строится доступ к средствам экологических, творческих и иных добровольных союзов; на практике, конечно, все эти формы являются противоречивым соединением рыночных, бюрократических начал и элементов добровольной ассоциации).

Для мира культуры этот принцип ассоциации реализуется относительно просто: «средствами производства» в креатосфере являются всеобщие культурные ценности (дело за «пустяком»: снять частную собственность на них и сделать их общедоступными не только по существу, но и по [социальной] форме). Здесь складывается то, что Маркс назвал всеобщим трудом и создаваемым им всеобщим богатством, что вновь «открыли» в 2000-е гг. М. Хардт, С. Жижек и Э. Тоффлер, что вот уже не одно десятилетие В. Межуев называет *собственностью каждого на все*².

В мире материальных ограниченных благ проблема решается гораздо сложнее и, как правило, на основе переходных форм (собственность

¹ Эта восходящая к классическому марксизму теза была развита в конце 1980-х годов А. Аузаном, впоследствии отошедшим от разработки этих идей.

² См.: Межуев В. М. Социализм – пространство культуры // Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009. (Библиотека журнала «Альтернативы»).

общественных организаций, демократического государства, кооперативов).

Здесь мы сталкиваемся в очередной раз с проблемой, крайне важной для нашего исследования – проблемой *предпосылок социального освобождения, лежащих в рамках «царства необходимости»*. В последнем случае всякий раз возникает система переходных форм. К числу последних относится система социальных гарантий и прав граждан («свобода от страха» – безработицы, голода, войны...; свобода иметь работу и жилище и т.п., плюс к этому уже упомянутая система «негативных» свобод), сознательное регулирование ассоциированными гражданами технологических процессов и своей социально-экономической жизни, базисная демократия и самоуправление как формы «засыпания» государства и т.д. Эти предпосылки многократно комментировались левыми теоретиками (в том числе и авторами) и поэтому мы можем пойти дальше, лишь упомянув о них, хотя и полностью отдавая себе отчет, что именно они наиболее важны и сложно достижимы сегодня.

Наконец, *четвертый* принцип жизнедеятельности ассоциации, прямо обусловленный ее природой (основанного на со-творчестве добровольного союза) состоит в том, что она строится как *открытое* объединение. Вы можете включиться в деятельность любой из ассоциаций и тем самым использовать ее средства (не говоря уже о всеобщих неограниченных ценностях) если вы способны осуществлять ту деятельность, ради которой (в и посредством которой) создана ассоциация. Тем самым ассоциация определяется и как разомкнутый вовне союз, постоянно меняющий свою конфигурацию, состав, границы.

Это *подвижное* объединение, изменяющее свои параметры по мере развития процесса со-творчества, возникающее и умирающее (для того, чтобы родиться в новой деятельности и в новом составе) вместе с ним. Так могут возникать и отмирать (по мере рождения и реализации проблемы, интересов объединяющихся людей) конкретные производственные, экологические, творческие и т.п. ассоциации. Тем самым социальная жизнь таких союзов предполагает *многообразие, подвижность, свободу и легкость создания и отмирания открытых для каждого, добровольно создаваемых трудящимися для реализации своих общих интересов работающих ассоциаций, являющихся социальной формой со-творчества (диалога) свободных индивидов по поводу практически любой деятельности* (от создания дворовой детской площадки до строительства новых городов или «выращивания» новых социумов).

Анализ противоречий и принципов добровольной свободной ассоциации позволяет нам, наконец, определить **ассоциированное социальное творчество** как (1) *общедоступную творческую деятельность, в которой каждый из членов общества может в диалоге с другими субъектами постоянно создавать общественные формы своей жизни (в идеале – открытые, добровольные, подвижные и постоянно изменяющие свою*

конфигурацию самоуправляющиеся ассоциации); (2) универсальную форму социального освобождения всех [в потенции] членов общества, т.е. (3) **разотчуждение**¹ и (4) адекватную социальную форму творческой деятельности в узком смысле слова (творчества как персонального саморазвития и созидания предметного мира креатосферы, распредемечивания и опредмечивания в таких областях как наука, искусство, образование и т.д.). Неслучайно в этой связи, что именно социальное творчество (начиная с простейших функций участия в учете и контроле) порождает у его субъектов (в том числе – не слишком образованных групп трудящихся) потребность в освоении культуры, тягу к знаниям, прекрасному. В этом, кстати, ключ к ответу на вопрос о стимулах к образованию для «рядовых» граждан (мы к этому вопросу уже обращались и еще не раз обратимся, настойчиво повторяя данный вывод, ибо несмотря на то, что он в принципе хорошо известен в классическом марксизме, современные исследователи его упорно игнорируют).

Что же касается социального творчества, в которое вступают субъекты не репродуктивной, а творческой деятельности, то оно характеризуется слиянием этой деятельности и ее социальной формы, ибо творчество есть одновременно и деятельность, и субъект – субъектное отношение (диалог, «полифонирование» [добровольно ассоциированных – или, что вернее, ассоциирующихся, созидающих и изменяющих свои союзы]) свободных индивидов.

Если ко всему этому «добавить» все то, что выше было сказано о снятии «негативной» свободы, закономерностях и субъекте сознательной социально-преобразовательной деятельности и природе творческой деятельности как таковой, то в результате мы получим основные слагаемые понятия «позитивной свободы», т.е. приближение к решению «сверхзадачи» данного текста.

Социальное освобождение: ПОТЕНЦИАЛ И ПРЕДЕЛЫ ПРОГРЕССОРСТВА

Выше, предваряя исследование свободной ассоциации, мы поставили вопрос, с которым сталкивается любой социальный творец. Вопрос, который субъект социального творчества адресует себе всякий раз, когда решается выступить с предложением коррекции стихийного исторического процесса. Тогда, когда он 100 лет назад выходил на демонстрацию с требованием введения 8-часового рабочего дня. Тогда, когда он 50 лет назад включался в борьбу с колониализмом. Тогда, когда он сегодня выступает в защиту бесплатного образования и здравоохранения.

¹ Эта категория, как мы писали во второй части этого тома, раскрыта в работах Л.А. Булавки.

Или тогда, когда он 7 ноября 1917 года принимал решение о начале вооруженного восстания.

Мы нарочито повторяем эти вопросы-упреки-вызовы: кто дал вам, претендующие на роль творцов истории, право брать на себя роль демиургов, которые якобы знают, в чем истина (законы истории), каковы критерии прогресса (Добра и Зла), какая мера насилия и какие жертвы необходимы и допустимы на этом пути «спрямления зигзагов» и чем обернутся в реальности прогрессорские попытки?

Не довольно ли история ваших «благих порывов», ваших экспериментов по «осчастливлению» человечества, приведших в ад ГУЛАГов?

Ответы на эти вопросы мучительно сложны, но мы все же возьмем на себя ответственность сформулировать их, продолжая тот путь, по которому шли наши великие (без преувеличения) учителя: от Маркса и его предшественников к Ульянову-Ленину, Лукачу, Сартру и их последователям. Не пытаюсь предложить некое претендующее на истину видение их наследия (оно ко всему прочему крайне противоречиво), но развивая в меру своих сил и на базе нового опыта последних десятилетий их достижения. Мы понимаем сколь ответственно это заявление, но, как не раз говорилось, даже пигмей, встав на плечи Титанов, может подняться над ними.

В чем же «тайна» этих решений? Достаточно строго и развернуто ответ на самом деле уже был дан выше. Лаконично и образно он звучит так: каждый индивид так или иначе всегда есть участник процесса исторического творчества и всегда вносит некий вклад в достижения Человечества и несет ответственность за его трагедии и преступления. Он всегда или создает блага, способствующие развитию человека и культуры, или не создает ничего, являясь паразитом, или создает бесполезные или вредные для развития человечества результаты. Он всегда или способствует силам прогресса, или остается в стороне, или оказывается активным пособником реакции. **Человек всегда делает свой выбор и отвечает за него.**

Даже тот, кто «честно делает свое профессиональное дело» и не вмешивается ни во что – и он отвечает. За то, что не помешал победе фашизма. Или за то, что не вмешался в процесс разрушения образования. Или за то, что не помог добиться 8-часового рабочего дня. За то, что реки грязны и вместо садика во дворе построили гаражи.

Помните, знаменитое: «Не бойся врага: самое страшное, что он может сделать – это убить тебя. Не бойся друга: самое страшное, что он может сделать – это предать тебя. Бойся равнодушных: это с их молчаливого согласия совершаются предательства и убийства»¹.

¹ См.: Ясенский Б. Заговор равнодушных // Ясенский Б. Главный виновник; Заговор равнодушных; Я жгу Париж. М.: Правда, 1986. →

Итак, социальный конформизм, пассивное подчинение отчужденным силам истории, подобное подчинению человека силам земного тяготения, – это одна сторона медали, сторона необходимости.

Способность человека преодолевать эту силу, взлетая выше птиц, не убегая от объективных законов в выдуманный мир грез или религий, но благодаря познанию объективных законов и созидательной деятельности по их сознательному использованию – это другая сторона медали, сторона свободы.

За этими образами скрывается характерное для «царства необходимости» *фундаментальное противоречие исторического процесса*, о котором мы писали выше. Намеренно повторим в этой связи несколько абзацев из Прелюдии к нашей книге. Одна сторона этой противоположности – господство в условиях «царства необходимости» системы отношений отчуждения, превращающих человека в марионетку объективных сил – разделения труда, личной зависимости, рынка, капитала и государства... Другая – творчество как родовое свойство человека. Именно творческая деятельность Общественного Человека в материальном производстве, культуре, общественной жизни изменяет этот мир по законам Истины, Добра и Красоты, обеспечивая технический, научный и культурный прогресс, осуществление социальных революций и реформ, позволяющих преодолеть рабство и крепостничество, колониализм и ужасы дикого капитализма, а в дальнейшем и саму капиталистическую систему...¹

Тем самым мы не только восстанавливаем и реаргументируем в полемике с постмодернизмом классический марксистский критерий про-

← Александр Городницкий придал этим строкам точную поэтическую форму:

«Когда брали евреев, я молчал,
Потому что я не еврей.
Когда коммунистов везли в лагеря,
Молчал я, душою чист,
Поскольку любому известно, что я,
Конечно, не коммунист.
Когда за католиками потом
Пришли через пару лет,
Сидел я снова с закрытым ртом, –
Ведь я не католик, нет.
А ветер холодный выл за стеной,
На Германию ставя печать.
И когда пришли, наконец, за мной,
Некому было молчать».

(Александр Городницкий. Из Мартина Нимеллера // Судьба моих предков, как пепел, черна и горька // Российско-израильский альманах еврейской культуры. http://almanah-dialog.ru/last/last_tom1/po2).

¹ См.: Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества (Серия «Философы России XX века»). СПб., 1997; Сэв Л. Марксизм и теория личности / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1972.

гресса – свободное всестороннее развитие личности, – но и показываем его актуальность¹. Этот критерий в современную эпоху становится не просто абстрактным социально-нравственным императивом, восходящим к Аристотелю и Канту, но и практически актуальным критерием экономико-социально-политических действий. В самом деле, переход к обществу, основанному на превращении творческой деятельности в главный «фактор», «ресурс» (авторы нарочито используют здесь прагматично-экономическую терминологию) развития, аналогичный по своей роли земле в добуржуазных системах и машине в капиталистической, автоматически вызывает необходимость в развитии креативного потенциала человека как «сверхзадаче» общественного развития. Другое дело, что глобальная гегемония капитала загоняет эту тенденцию в узкий коридор «общества потребления (пресыщения)» и «общества профессионалов», ведущий в итоге в тупик глобальных проблем.

Реакцией на эту угрожающую человеку тупиковость глобальных проблем становится постмодернистское безразличие к проблеме прогресса, скрывающее не просто признание, но и пассивное подчинение человека силам нынешней глобальной протоимперии, на откуп которой отдается право на навязывание своих критериев «прогресса» («цивилизованности») методами экономической, политической, идеологической и масс-культурной экспансии².

В отличие от постмодернистской апологии пассивности, *постсоветская школа критического марксизма*, развивая классические положения марксистской философии истории, подчеркивает *активно-созидательную роль Человека как творца общественных отношений*,

¹ Нам многие могут возразить: кто вам дал право судить о том, что есть прогресс, а что регресс и в чем логика, «красная нить» истории. На это возражение мы в данном тексте отвечать не будем, сделав ссылку к, на наш взгляд, доказанному в традиции Ренессанса, Просвещения, марксизма, уже названному выше положению: мерой прогресса является мера снятия бремени социального отчуждения и свободного всестороннего гармоничного развития Личности, или, несколько упрощая и огрубляя, но делая более современным и прагматичным – «человеческих качеств».

² Отдавая дань политико-экономической специализации авторов, заметим, что, например, методология неоклассической экономической теории, восходя к философии позитивизма (а уж тем более постмодернизм) вообще отрицает прогресс, а реальная экономическая политика, основанная на неоклассических постулатах, в качестве критерия прогресса рассматривает меру приближения экономических систем к идеалу свободно-конкурентного рынка, основанного на частной собственности. Особенно явно это проявляется в неоклассических трактовках трансформаций в России, где «переход к рынку» есть самоцель, которая, по мнению авторов «шока без терапии», оправдывает любые средства (в том числе грандиозный регресс «человеческих качеств») без всяких дальнейших оговорок, в точном соответствии с буквой и духом Макиавелли–Сталина.

способного на развертывание своих социально-творческих сил в период прогрессивных социальных революций и реформ (будь то Война за независимость в США или хрущевская оттепель в СССР).

Заканчивая намеренный повтор Прелюдии, подчеркнем: авторы этих строк, да и вся постсоветская школа критического марксизма и многие наши зарубежные коллеги делают акцент на *нелинейности общественного развития, отсутствии «столбовой дороги» прогресса*, возможности и типичности не только прогрессивно-последовательных реформ и революций, способствующих развитию человеческих качеств и росту производительности труда, но и реверсивных общественных процессов – контрреволюций и контрреформ. Такое попятное, *реверсивное течение исторического времени* становится особенно характерно тогда, когда прогрессивный активизм заходит слишком далеко (относительно объективных и субъективных предпосылок) в своих попытках продвижения к новому обществу, и обратное колебание маятника исторического процесса вызывает мощные регрессивные изменения. Последнее, в частности, характерно для постсоветских трансформаций.

В этой связи используем образ, позволяющий показать сложную диалектику исторического и логического, многообразного нелинейного хода истории и ее красной нити на образном примере.

Мы все не раз улыбались великой географической истине: Волга впадает в Каспийское море. Начав свое течение в центре России, наша великая река течет на юг. Но. Но в своем течении она делает массу зигзагов. Есть такие участки пространства, где она движется на запад или восток, а то и вообще поворачивает на севере, в направлении, противоположном «красной линии» ее течения. На ее пути есть места с быстрым течением и застойные участки, узости и разливы, многочисленные рукава и старицы.

Более того, человек своей сознательной деятельностью может straighten her course, строя каналы, или тормозить ее, строя плотины...

Такова и река истории. В своем социально-историческом времени она *в общем и целом, так или иначе* идет из прошлого в будущее, от состояний рабства и крепостничества, сословного неравенства и абсолютизма, церковного мракобесия к периоду не стесненного феодальными рамками рынка, наемного труда, юридического равноправия, политической демократии, просвещения и далее; от 14-часового к 8-часовому рабочему дню и опять же далее...

И это *так или иначе*, с теми или иными *противоречиями и «зигзагами»* прогресс, движение по пути к «царству свободы», оплаченное *большими или меньшими потерями и жертвами* – человеческими, культурными, материальными...

И едва ли не главный вопрос здесь – как раз в выделенных нами «нюансах»: так или иначе, раньше или позже, с большими или меньшими потерями и жертвами мы будем двигаться по пути прогресса.

Так перед нами вновь *встанут вопросы о возможности, мере и последствиях воздействия общественного субъекта на «реку исто- рии», а также об его ответственности за это воздействие.*

Да, общественный человек способен спрямлять «русло» историческо- го процесса, спрямлять зигзаги истории.

Он способен строить «каналы», направляющие исторический поток в направлении прогресса и предотвращая «петли истории». Эти «каналы» могут быть подобны революциям – гезов в XVI в., Соединенных Штатов в XVIII в., парижских коммунаров в XIX в., большевиков в XX в., – не обошедшихся без крови, но ускоривших историю немерено. Но они могут быть подобны и Беломорканалу, ставшему одним из символов ГУЛАГа.

Человек способен строить «плотины» на пути исторического процес- са, искусственно тормозя прогресс, задерживая, например, на столетия отмену крепостничества, как это произошло в нашей стране.

Он может поворачивать течение истории вспять, как это не раз дела- ли фашисты и национал-социалисты на протяжении XX века в Европе и Латинской Америке.

Более того, человечество вообще может выбрать тупиковую ветвь инволюции и обречь историю на исчезновение, грозя самоуничтоже- нием рода человеческого то ли в результате применения оружия мас- сового уничтожения, то ли вследствие экологических, техногенных или каких-то иных глобальных катастроф (как тут не вспомнить пример «про- грессорской» деятельности по орошению пустынь Средней Азии водами Амударьи и Сырдарьи, приведшей к исчезновению Аральского моря)...

Именно в силу принципиальной значимости этих проблем мы, в отличие не только от иных догматических ответвлений марксизма, своих догматических коллег прошлого и настоящего, но даже и от традицион- но прочитываемой марксистской классики, на первый план выносим проблему *гранц активизма созидательно-творческой деятельности Человека и ответственности пассивно-недеятельностного конформиста,* способствующего застою и/или регрессу.

Опыт XX века, практические результаты научно-технического про- гресса, равно как и стремлений социальных творцов осчастливить че- ловечество, показали всю противоречивость такого «активизма». Но именно противоречивость, а не однозначную неприемлемость. Ныне принято указывать на жертвы технического и социального прогресса, и это вполне справедливо, но не будем забывать о второй стороне медали. И дело здесь не только в том, что без НТП мы не могли бы пользоваться массой ныне абсолютно необходимых благ, радикально сократить дет- скую смертность и увеличить в полтора раза продолжительность жизни. И даже не только в том, что именно благодаря социально-творческим интенциям профсоюзных активистов, экологов и деятелей левых партий хотя бы часть человечества сегодня знает, что такое 8-часовой рабочий

день, бесплатное среднее образование и минимальная социальная защищенность. Дело прежде всего в том, что при ослаблении активности позитивного (а объективно обусловленный критерий прогресса уже был показан) социально-творческого начала силы отчуждения вызывают еще большие жертвы и преступления. *Искусственно заторможенные реформы и революции оборачиваются кровью жертв реакции, а культурно-творческие потери периодов «застоя» с их немзыкальной (А. Блок) жизнью сотен миллионов вообще трудно измерить.*

Еще более важно помнить о том, что в социальной жизни всегда присутствует «активизм» не только слишком увлекающихся «прогрессоров», но и сил реакции. Еще двадцать лет назад эти слова выглядели бы как пропагандистское клише, но в начале нынешнего века, с его неоклониализмом и асимметричными войнами, активизм сил реакции становится вполне конкретным понятием, за которым стоит экономико-политическая и идеолого-культурная гегемония глобального капитала и его Alter Ego – фундаментализм и терроризм.

Открыто выступающие ныне идеологи протоимперии почти всегда исповедуют методологию социального «безразличия» (ко всему, кроме собственных доходов, власти и безопасности), но на практике не забывают навязывать всему миру свои однозначные представления о «добре» и «зле»¹. Впрочем, это ситуация, типичная не только для последних лет: вспомним хотя бы Первую и Вторую мировые войны.

Сказанное не снимает, однако, с нас ответственности за решение проблемы границ социально-творческого активизма. На предельно абстрактном уровне ее решение состоит в том, что *социально-творческое воздействие общественного субъекта на историю возможно и необходимо в той мере, в какой оно содействует снятию отчуждения и прогрессу Человека.*

Определение же этой меры – задача всякий раз конкретная и решается она реальными общественно-культурными силами, для которых всегда стоит дилемма, за правильность решения которой несет персональную ответственность каждый субъект. Каждый из социальных творцов в отдельности и их ассоциации в целом должны всякий раз решать задачу прохождения между Сциллой и Харибдой: с одной стороны, *не перейти в своем созидательном энтузиазме границ, за которыми их благие намерения создания нового общества становятся дорогой в ад насилия и террора*; с другой – *не поддаться соблазну невмешательства,*

¹ Из последних примеров такой идеологии см.: *Madden Th. Empires of Trust. How Rome Built – and America is Building – a New World.* New York, London: Penguin Press, 2009. Как хорошо показал В. Л. Иноземцев, в основе такой идеологии, кроме сознания превосходства силы, лежат только глупость и самодовольство (см.: *Иноземцев В.Л. 12 книг о геополитике: Грустная история // Ведомости. 2010. 29 января. № 15).*

которое всегда оказывается злом потакания реакции, будь то мракобесие инквизиции, сталинский террор или отупляющая пропаганда стандартов общества потребления с его масс-культурой и философским безразличием к Человеку. И решение это всегда мучительно сложно, противоречиво, неоднозначно.

Такой подход непосредственно корреспондирует с акцентом современного марксизма на *нелинейности общественного развития*, возможности и типичности не только прогрессивно-поступательных реформ и революций, способствующих развитию человеческих качеств и росту производительности труда, но и реверсивных общественных процессов – контрреволюций и контрреформ. Такое попятное, *реверсивное течение исторического времени* становится особенно характерно тогда, когда прогрессивный активизм заходит слишком далеко (относительно объективных и субъективных предпосылок) в своих попытках продвижения к новому обществу, и обратное колебание маятника исторического процесса вызывает мощные регрессивные изменения. Последнее, в частности, характерно для постсоветских трансформаций.

Более того, как мы уже отметили выше, современный марксизм, особенно отечественный, показал, что *в развитии общественных систем наиболее продолжительными и значимыми, а вместе с тем и наиболее сложными для исследования, являются не столько зрелые, развитые состояния, сколько длительные периоды возникновения и отмирания исторически-конкретных систем, связанные с образованием широкого круга переходных отношений, противоречиями революционных и контрреволюционных, реформаторских и контрреформаторских процессов*. При этом данные переходы подчиняются некоторым специфическим закономерностям (нелинейное течение социального времени, мозаичность, расколотость социального пространства, более высокая, чем в стабильных системах, роль неэкономических детерминант перехода, господство неформальных институтов и мн. др.).

Таковы лишь некоторые аспекты диалектики социально-творческого освобождения и атрибутирующего «царство необходимости» социального отчуждения.

При этом в каждом из этих случаев происходит взаимодействие двух феноменов – *творчества в мире культуры и социального творчества*: включаясь в деятельность профсоюза (но не «желтого», естественно) или экологического движения, коммуны или кооператива (а их в мире сейчас действуют сотни тысяч), или любую другую из известных ныне простейших форм добровольных ассоциаций¹, интеллигент получает открытое и в основном неотчужденное поле для своей новаторской дея-

¹ Подчеркнем: в условиях глобальной гегемонии капитала все эти ассоциации несут на себе мощную печать власти рынка, капитала, бюрократии, массовой культуры и т.п. Это по сути дела не более чем переходные формы, →

тельности, а «рядовой» участник этих союзов на практике сталкивается с необходимостью роста своих знаний, творческих способностей для участия в этой деятельности.

Так перед исследователем феномена социального освобождения встает вопрос о взаимосвязи мира культуры и мира отчуждения.

**МИР ОТЧУЖДЕНИЯ И КРЕАТОСФЕРА:
ЗАКОН ВЗАИМОБОГАЩЕНИЯ ПРОГРЕССА КУЛЬТУРЫ
И СОЦИАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ**

Генезис человека как творчески-деятельностного общественного существа породил мощное и неисчезающее (в рамках предыстории) *противоречие между творческой природой человеческой деятельности и господством ее отчужденных социальных форм*. Первой мы обязаны существованием мира культуры (креатосферы), второму – социальным угнетением и несвободой¹.

Креатосфера по своей природе есть мир, живущий по законам, в принципе не совместимым с законами мира отчуждения. В первом господствует творческая деятельность, создающая вечные, всеобщие, неограниченные, открытые для распределения ценности; во втором – производство отчуждаемых, потребляемых, ограниченных вещей (проще говоря, в мире культуры всем всего для всех всегда слишком много, «бери – не хочу»; в социально отчужденном мире всем всегда всего мало). В первом деятельность и отношение совпадают и их осуществляет свободная личность, субъект; причем результаты этой деятельности (саморазвитие творца и процесс созидания культурных ценностей) принципиально неотчуждаемы. Во втором господствует овещнение (или другая форма отчуждения) человека, а труд и его результат отделены от производителя...

Перечень легко продолжить. Но в то же время эти миры жестко и тесно взаимодействуют.

С одной стороны, система отношений отчуждения подчиняет себе (естественно, не абсолютно и в разной мере на разных этапах развития

← противоречиво соединяющие ростки свободной ассоциированности и сохраняющиеся отношения отчуждения.

¹ Исследование диалектики этих понятий восходит к работам К. Маркса, В. Ленина, К. Либкнехта, позднее – книгам и статьям советских (Н.С. Злобин, В.М. Межуев и др.) и зарубежных (Б. Оллман, И. Мессарош, А. Шафф и др.) марксистов-«шестидесятников». В последнее десятилетие противоречивое сопряжение отчуждения, социального освобождения и культуры раскрывается в работах Л.А. Булавки, в частности в ее книге «Феномен советской культуры» (М., 2008) и тексте «Творчество масс: опережение реальности» (в книге «Ленин online: 13 профессоров о В.И. Ульянове-Ленине». М., 2011).

общества) культуру и подавляет (опять же в разной мере на разных этапах развития общества) ее прогресс.

С другой стороны, в рамках всей предшествующей истории («царства необходимости») развитие материального богатства и рост производительности труда, создающие абсолютно необходимые предпосылки для прогресса креатосферы, шли и идут в рамках отчужденных общественных форм и сами несут на себе печать отчуждения (разделение труда, подчинение человека машине и т.п. хорошо известные феномены). Более того, внутренние противоречия мира отчуждения (в частности, производственных отношений) формируют пусть весьма ограниченные, но нелинейно растущие импульсы развития культуры, ибо без использования результатов творческой деятельности невозможен ни интенсивный, ни экстенсивный прогресс материального и духовного производства (в частности, рост производительности труда, прогресс производительных сил), а вместе с тем и отношений отчуждения.

Так, интенции перехода от крепостничества к наемному труду и потребности в увеличении прибавочного продукта и росте нормы эксплуатации вызывают к жизни промышленную революцию и дальнейший научно-технический прогресс, а значит – развитие науки и образования. Смена примитивных форм тоталитарного политического и идеологического господства на более тонкие и в то же время более мощные либерально-демократические предполагает определенный прогресс общественности и искусства...

Эти простейшие примеры подталкивают нас к выделению (пока что в качестве гипотезы, обоснование которой лежит за пределами данного текста) некоторых закономерностей во взаимодействии креатосферы и мира отчуждения.

Первая обусловлена содержательной противоположностью творчества и отчуждения. Это обратно пропорциональная нелинейная зависимость между мерой развития и общественной востребованности творчества в какой-либо из сфер социальной жизни (и жизни индивида – его ценностей, мотивов и т.п.), с одной стороны, и ролью механизмов отчуждения (например, рынка) в регулировании этих сфер. Эту связь можно сформулировать и несколько иначе: чем больше творческий потенциал деятельности (ее ценность как всеобщего универсального блага) и чем менее значимы для ее субъекта отчужденные мотивы и ценности (деньги, власть и т.п.), тем больше может и должна быть роль неотчужденных форм организации этой деятельности и, в частности, мотивации ее субъекта.

Эта связь носит мерный характер (т.е. предполагает учет и качественных, и количественных параметров) и будет рассмотрена подробнее во II томе, где будут выделены противоречия творчества и одной из социальных форм отчуждения – рынка. Там же будут приведены примеры такой зависимости: большая роль рынка в жизнедеятельности шоу-бизнеса

са, чем «высокого» (кстати, в лучших своих проявлениях вполне общедоступного – вспомним стихи Пушкина, музыку Дунаевского, фильмы Бондарчука, романы Шолохова...) искусства, или в организации прикладных опытно-конструкторских разработок по сравнению с фундаментальной наукой, или обучения прикладного специалиста в соотношении с воспитанием и образованием Человека как свободно и гармонично развивающейся личности.

Вторая зависимость является в некотором смысле следствием первой и характеризует связь меры развития творческой деятельности со спецификацией прав собственности: чем больше творческая ценность (всеобщность) некоторой деятельности и ее результатов (как процессов – продуктов прямого и опосредованного культурой диалога творца со всем [в потенции] миром креатосферы, тем меньше возможность и необходимость спецификации прав собственности на такой «продукт».

Эта закономерность, хотя и выглядит замысловатой, на самом деле отражает достаточно очевидную и эмпирически постоянно наблюдаемую связь: фундаментальные ценности науки и искусства, педагогики и морали принадлежат всем (как теорема Пифагора, симфонии Чайковского, опыт Корчака или Макаренко); права собственности на них принципиально неспецифированы; в то же время особые прикладные разработки или произведения массовой культуры могут находиться в частной собственности, а права на них закрепляются некоторым образом. При этом, однако, противоречие всеобщности феномена культуры и частной собственности будет либо разрушать (например, в виде приобретения нелегальных копий) права частной собственности, либо тормозить развитие креатосферы (ограничивая доступ к всеобщим ценностям всех тех, кто не может получить эти права (купить лицензионный диск или попасть в дом к хозяину частной коллекции), либо вызывать и то, и другое, там и тогда, где и когда собственность вторгается в пределы креатосферы¹.

Наконец, сказанное позволяет выделить и третью взаимосвязь – между (1) мерой ценности творческой деятельности (и, соответственно, «мощью» ее воздействия на общество), (2) глубиной и масштабами отчуждения и (3) мерой востребованности последним творчества (например, тем, насколько научно-технический прогресс необходим для «прогресса» гегемонии капитала): чем более развиты параметры (1)–(3), тем выше угрозы человечеству со стороны творчества в мире отчуждения (ниже мы эту связь назовем «стрелой Аримана»).

Перефразируя эту связь, можно сказать, что наибольшие угрозы человечеству несут наиболее жесткие (например, агрессивные тоталитарные) режимы (например, фашизм), ориентированные на активное инициирование творчества (хотя бы в отдельных сферах – милитаризм,

¹ Подробнее об этом см. во II томе.

идеологизированное искусство и т.п.) и его освоение. Впрочем, примеры этого далеко не сводимы к военной угрозе со стороны тех или иных диктатур: использование иницилируемого в массовых масштабах творчества для развития превратного сектора (от финансовых спекуляций до массовой культуры) современным капиталом ненамного менее опасно для человечества, о чем мы уже писали в упомянутых выше работах.

Персонифицированной мерой взаимодействия креатосферы и «царства необходимости» (и это прямое следствие представленных выше размышлений) становится соотношение творческих и отчужденных (в том числе – мелкобуржуазных) начал в деятельности и поведении человека (цели и ценности, стимулы и мотивы).

С некоторой долей условности это *мерное* (т.е. соединяющее количественные и качественные параметры) *соотношение в человеке его качеств свободной творческой личности, с одной стороны, и подчиненного силам отчуждения конформиста (например, мелкого буржуа) – с другой, может быть отражено в соотношении деятельности-творческих (свободное время, самореализация в деятельности, человеческие, товарищеские отношения в социальном микрокосме) и отчужденных (деньги, власть, место в иерархии) стимулов и ценностей*. И если социология с трудом может определить эту меру для общества, то каждый человек (при известной доле честности перед самим собой) может достаточно конкретно оценить свои поступки (а не только намерения) при помощи этой меры. Более того, в каждом своем поступке (или его отсутствии) он вольно или невольно всякий раз для себя практически определяет эту меру.

В контексте сказанного не будет слишком оригинальным вывод: *в истории человечества постоянно присутствует оппозиция мира (социального пространства и времени) отчуждения и мира свободного гармоничного развития Человека*. Первое – общественная атмосфера, адекватная для «царства экономической необходимости» («предыстории», «экономической формации»). Второе – рождающиеся предпосылки, элементы, ростки «царства свободы», креатосферы.

Эта оппозиция имеет не только общественное и индивидуальное (затрагивающее, повторим, каждого человека) измерение, но различные общественные пласты.

Первый – это соотношение двух *пространств* общественной жизнедеятельности: *креатосферы* и сфер отчужденной общественной жизнедеятельности (особенно – превратного сектора).

Второй – *отношений* освобождения и отчуждения.

Третий – *субъектов* этих отношений (социальных творцов-новаторов, в том числе тех, кто полустихийно, как, например, «рядовые» участники революций или строительства новых городов в СССР, и сил отчуждения, как активных – угнетатели, так и пассивных – их холоуи).

Все эти три соотношения носят, подчеркнем вновь, мерный характер и изменяются нелинейно.

Первая («теневая») сторона была и остается господствующей на протяжении всех предшествующих эпох развития человечества. Вторая («солнечная») присутствует как нелинейно пробивающаяся оппозиция.

Используя образы известного мыслителя и писателя-фантаста И. Ефремова¹, можно сказать, что человечество ныне переживает «Час быка» – тягостное предрабсветное время. В XX веке (особенно в 1960-е годы) многим казалось, что критическая точка уже пройдена, и мера освобождения по меньшей мере уравновесила меру угнетения. Но ныне маятник качнулся в другую сторону, и мы вновь застыли в предрабсветной эпохе.

Тем важнее в этой неблагоприятной атмосфере предрабсветной серости преодолеть пессимизм. Изменение названной пропорции, *переход к доминированию не отчужденной (свободной) общественной деятельности (и, соответственно, развитию человека) станет свидетельством рассвета новой эпохи общественного развития – «царства свободы» – системы отношений ассоциированного социального творчества, расцветающих на базе приоритетного развития креатосферы*. Именно в этом направлении могло бы идти человечество, реализуя уже имеющийся потенциал высоких технологий, образования, науки и культуры, но в реальности оно движется (вследствие глобальной гегемонии корпоративного капитала) преимущественно по иной траектории.

При этом следует особо подчеркнуть, что *соотношение отчуждения/освобождения изменяется в историческом времени нелинейно*, оно зависит, *во-первых*, от господствующих в данный период в данном обществе социальных форм отчуждения (способа производства, политической и идеологической систем) и силы противодействующего им социального творчества, рождая такие феномены как реакция и застой или реформы и революции. *Во-вторых*, это соотношение зависит от меры развития креатосферы, т.е. культурно-творческих основ освобождения. Поясняя и огрубляя последнюю тезу, заметим: *бороться за освобождение тем труднее, чем выше культурная деградация, отупение – сытое ли,*

¹ Для одного из авторов – А.В. Бузгалина – роман И. Ефремова «Час быка», впервые прочитанный еще восьмиклассником, в 1969 году, стал одной из самых значительных и важных работ, сформировавших мировоззрение. Позднее, уже в студенческие годы, автор много обсуждал идеи этого произведения со своей мамой, Н.И. Бузгалиной. Мы даже писали письмо И.А. Ефремову, но так и не получили ответа (возможно, мы писали по неверному адресу...).

О значении творчества И.А. Ефремова для понимания противоречий мира отчуждения и закономерностей генезиса нового общества см. подробнее в работах В.Е. Хазанова (см., например: *Хазанов В.Е. Основы социального оптимизма: Миры Ивана Ефремова и пути человечества в будущее*. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. (Серия «Размышляя о марксизме»).

*голодное ли – и мракобесие в стране и тем легче, чем в большей степени передовые тенденции в культуре развиты и обращены в сторону решения проблемы освобождения Человека*¹.

Каждая особенная творческая деятельность (ученого, художника, педагога), ее субъект и предметный результат могут принадлежать (и, как правило, одновременно принадлежат в определенной мере) и «солнечной» (креатосфере) и «теневой» (миру отчуждения) сторонам жизни. И если в первом случае творец развивает культуру, материальные основы освобождения человека как родового существа, то во втором, как было отмечено выше, он оказывается субъектом *«антитворчества»* (гением злодейства).

Загадка последнего давно волнует человечество, но наш анализ открывает дорогу к ее возможному решению. Творческая деятельность (со-творчество) по своему собственному имманентному содержанию есть процесс саморазвития креатосферы – культуры как предметно-деятельностно-личностного мира со-творчества. В свою очередь креатосфера есть один из способов существования материальных основ социального освобождения человека (сразу упомянем и иной способ – свободное время). И в этом смысле всякий человек, вступая в диалог с культурой, творя, развивает мир креатосферы, создает дополнительные предпосылки социального освобождения.

Но в то же время *всякая творческая деятельность, погружаясь в той или иной мере в атмосферу отчуждения* (что может происходить в разных формах – от работы в концлагере над созданием атомной бомбы до искренней апологетики реакционных социальных сил) *становится антитворческой активностью*, в частности созданием потенциала прогресса превратного сектора (например, орудий военного, финансового, идеологического, культурного и т.п. гегемонизма), других способов жизнедеятельности мира отчуждения. Повторим: творчество, подчиняясь миру отчуждения, становится *антитворчеством*; напротив, социум, «подчиняясь» законам креатосферы, трансформируется в ассоциируемое социальное творчество – адекватную общественную форму процесса со-творчества.

Здесь действует закономерность, которую мы уже сформулировали выше, а здесь хотим пояснить подробнее, назвав ее, используя терминологию романа Ивана Ефремова «Час быка», *«стрелой Аримана»*. Ее суть – в трансформации миром отчуждения творческих сил и действий человека (в принципе, сил наиболее гуманных, т.е. собственно человеческих, ибо творчество есть реализация родовой сущности Человека) в силы угнетения и порабощения человека. Причем *чем более талантливы и мощны эти творческие силы и чем полнее их субъект включен*

¹ Эту связь подтверждает история мощного развития прогрессивной, социально-освободительной и гуманистической тенденции в российской культуре (литературе, живописи, музыке, науке и т.п.), ставшей важнейшей предпосылкой демократических социалистических движений XX века.

в мир отчуждения, тем большее зло (а это нравственная мера отчуждения) они несут Человеку, обществу, природе.

Эта «стрела» разит по многим направлениям.

Во-первых, в мире отчуждения всякая творческая (по содержанию) «профессиональная» деятельность, не связанная непосредственно с ассоциированным социальным творчеством как своей общественной формой, даже если она не подчинена непосредственно силам отчуждения (бюрократии, капиталу), как правило ведет к (1) прогрессу креатосферы в формах, недоступных для большинства членов общества (к развитию «элитных» науки, искусства, образования) и (2) созданию (прямо или косвенно) креативно-культурных предпосылок для усиления (и качественного развития) угнетения вследствие утилизации результатов творческой деятельности «инфернальными» (воспользуемся вновь терминологией И. Ефремова) силами (будь то бюрократия, капитал или иные силы отчуждения).

Во-вторых, творческая деятельность в «царстве необходимости» в большинстве случаев все же непосредственно встроена в отношения отчуждения и как таковая непосредственно служит развитию механизмов, форм и методов последнего в формах как изошренно-интеллектуальных (например, теоретическое обоснование эффективности праволиберальных или тоталитарных механизмов социальной организации), так и приземленно-грубых (вплоть до создания психотропных препаратов, использования политтехнологий для манипулирования электоратом или рекламы, масс-культуры и других средств для обольванивания населения).

В-третьих, суммируя сказанное, можно легко проиллюстрировать массой примеров следующую связь: чем более развита в обществе «инфернальность» (мы бы уточнили это ефремовское понятие как энергию отчуждения, генерирующую его власть) и чем больший творческий потенциал используют эти инфернальные силы, тем больше угрозы обществу и человеку со стороны этих сил и этого творчества. Эти угрозы, однако, могут не превращаться в реальные в той мере, в какой действуют противоположные силы – силы освобождения (прежде всего развитие креатосферы и ассоциированное социальное творчество).

На личностном уровне эти закономерности проявляются предельно жестоко: чем больше творческий потенциал человека и чем дальше он от позитивной свободы (т.е. от прямого или косвенного участия в освободительной деятельности, а ведь делу освобождения можно служить даже в тюрьме: вспомним такие имена, как А. Грамши, Ю. Фучик, Н. Хикмет, М. Джалиль¹ и тысячи других известных и неизвестных творцов),

¹ Муса Мустафович Залилов (Джалилов) – член ВКПб с 1929 г. В фашистском плену им было написан цикл стихотворений «Моабитская тетрадь». За участие в подпольной организации Муса Джалиль был казнён на гильотине 25 августа 1944 г. в тюрьме Плетцензее в Берлине; Антонино Грамши – основатель →

чем больше он подчинен inferнальным силам (будь то власть денег или номенклатуры, когда ты на собственной вилле или государственной даче становишься рабом мира отчуждения (его ценностей, мотивов...), тем сильнее его разит «стрела Аримана», тем более его деятельность и ее результаты становятся феноменами антитворчества.

Тем самым «стрела Аримана», эта равнодействующая inferнальных сил, *может быть представлена как вектор* (ибо вектор имеет направленность) *в пространстве–времени отчуждения, n координат которого отражают n-мерную структуру мира отчуждения.*

При этом существует (подчеркнем это еще раз), что в рамках «царства необходимости» каждый творец в одной и той же деятельности оказывается в определенной мере включен в созидание и креатосферы, и способов саморазвития мира отчуждения. И здесь уже каждый лично может и должен делать выбор, чему он служит прежде всего, самостоятельно определяя качественную грань, отделяющую творца [креатосферы, «царства свободы»] от апологета и разрушителя.

Отсюда проблема *прогрессивности того или иного социума, инсти-тута, индивида* получает вполне определенное решение: *мера прогресса – это качественное и количественное соотношение развития отчуждения/освобождения.* Соответственно, общественными силами, воплощающими эти два начала, станут, на одной стороне, активные субъекты и пассивные рабы (кукловоды и марионетки) отчуждения, на другой – субъекты ассоциированного социального творчества.

Суммировав сказанное выше, мы можем сделать вывод, что по своей природе (мотивам, целям, факторам и содержанию) *творческая деятельность является свободной и в принципе не может быть отчуждена. В то же время в рамках «царства необходимости» от человека отчуждается это родовое качество его деятельности, что и рождает объективное противоречие, напряжение полюсов которого создает один из наиболее мощных глубинных импульсов движения человечества к «царству свободы».*

В то же время развитие креатосферы периодически оказывается востребовано миром отчуждения. В самом деле, в процессе обновления отношений отчуждения этот мир особенно интенсивно требует для своего развития «подпитки» со стороны творцов: *креатосфера служит своего*

← и руководитель итальянской коммунистической партии, теоретик марксизма в заключении написал «Тюремные тетради»; Юлиус Фучик – антифашист, активист чехословацкой компартии, чехословацкий журналист, литературный и театральный критик, публицист, активист. Весной 1942 г. был арестован гестапо. В пражской тюрьме Панкрац написал самую известную свою книгу «Репортаж с петлей на шее». Назым Хикмет – турецкий поэт, драматург, коммунист. В тюрьмах Стамбула, Анкары, Чанкиры и Бурсы провел более двенадцати лет. За это время перевел «Война и мир» Льва Толстого, написал цикл стихов «Письма из тюрьмы» и эпопею «Человеческая панорама из моей страны».

рода «горючим» и/или катализатором прогресса в пространстве пред- истории, сужения рамок и ослабления пресса отчуждения. Более того, прогресс материальных основ «царства необходимости» (производительных сил) и материального богатства его «хозяев» (прежде всего за счет возрастания производительности труда и развития форм и методов его эксплуатации), равно как и прогресс форм отчуждения (переход от феодализма к капитализму, например) оказываются невозможны без классовой борьбы и некоторого прогресса социальной свободы (генезис «негативной свободы», развитие в процессе социальных реформ элементов «позитивной свободы» и т.п.), наиболее мощно проявляющих себя в период социальных революций. И, напротив, расширение и углубление сложившейся системы отчуждения ведет к подавлению и реальным социальным свободам, и подлинного прогресса креатосферы¹.

Все это позволяет предположить (мы намеренно опускаем ряд промежуточных пунктов выведения этой связи), что для исследуемой нами диалектики характерен (повторим: это не более чем авторская гипотеза) **закон взаимообогащения прогресса культуры и социального освобождения**, в соответствии с которым мера развития креатосферы прямо пропорциональна мере социального освобождения (и/или борьбы за социальное освобождение) и обратно пропорциональна мере отчуждения в единстве ее количественных (например, норма эксплуатации) и качественных (эволюция видов отчуждения от личной зависимости к глобальной гегемонии капитала) параметров².

Итак, прогресс креатосферы может и должен рассматриваться как одна из основ процесса социального освобождения. Но что же есть сам этот процесс? Продолжим наше продвижение по пути определения данного феномена, обратившись к тем отношениям ассоциированного творения истории, где феномен социального освобождения проявляет себя в своей едва ли не наибольшей полноте и потому противоречивости – к социальным революциям.

¹ Оговоримся: в периоды социального «застоя» типичным становится экстенсивный рост превратных форм культурного творчества, таких как теологические споры позднего Средневековья, «теория развитого социализма» эпохи брежневского застоя, массовая культура и постмодернизм периода глобальной гегемонии капитала и т.п.

² Количественное выражение этой меры (даже абстрагированное от качественного различия разных видов и форм отчуждения) представляет немалую трудность для авторов и, насколько нам известно, эта мера еще не определена в науке. Можно предположить, что эта мера должна коррелировать с мерой конформизма общества, которая часто достаточно точно выражается на языке искусства.

В этой связи не можем не напомнить здесь еще раз, что перепроизводство массовой культуры в эпоху mass media и телекоммуникаций выполняет роль мощного «глушителя», стоящего на пути от креатосферы к человеку.

глава 3 Социальные революции: контрапункты социального освобождения, культуры и отчуждения

В грядущей социальной революции пролетариям нечего терять, кроме своих цепей, обретут же они весь мир.

К. Маркс и Ф. Энгельс

В своих работах авторы неоднократно апеллировали к противоположности отношений отчуждения (во всем их многообразии – от общественного разделения труда до глобальной гегемонии капитала) и ассоциированного социального творчества; поэтому вполне логичным (во всяком случае, в рамках данного «категориального поля») будет вывод о том, что движение к «позитивной свободе» предполагает диалектическое отрицание, снятие отношений «царства необходимости» (мира отчуждения) и создание новых отношений, добровольное [само]ассоциирование индивидов. Именно этот процесс (в единстве качественных, революционных и эволюционных преобразований) мы и будем называть *социальным освобождением*, а меру (опять же в единстве качественных, интенсивных и экстенсивных изменений) продвижения по этому пути – *мерой социального освобождения*¹.

ЕЩЕ РАЗ К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОБОГАЩЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
И СОЦИАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ.
НЕКОТОРЫЕ КОММЕНТАРИИ

Как мы уже отметили выше, сложнейшей проблемой социального освобождения была и будет диалектика сосуществования в рамках «царства необходимости» креатосферы и отношений отчуждения. В общем виде эта проблема решается на пути отрицания, разрушения антагонистических социальных форм при сохранении и развитии материальной и духовной культуры, предметного тела и деятельностного мира, самих

¹ Ее косвенным количественным («теряющим» качественный социальный скачок) отражением может быть соотношение свободного (используемого для гармоничного свободного развития индивида [в ассоциации]) и необходимого времени, которым обладает общество (эта идея, как мы отметили в Интродукции к I тому, раскрыта в ряде работ П. Кузнецова; см., напр.: Кузнецов П. По ту сторону отчуждения. М., 1990. С. 227–251).

субъектов креатосферы (т.е. попросту, сохранении и развитии, видоизменении, но не уничтожении «как класс» объектов материального производства, науки и искусства, достижений и традиций прошлого, самих людей как их носителей).

Но это решение хорошо только «в общем виде». На практике «активизм» освободителей зачастую оборачивался разрушением не только отчужденных социальных форм (на смену которым приходили новые), но и культуры (вплоть до физического уничтожения памятников культуры и творчески самостоятельных личностей – об этом подробнее в следующем разделе). Следовательно, проблема требует более конкретного решения, в поисках которого нам придется вновь обратиться к сформулированному выше закону *взаимообогащения прогресса культуры и социального освобождения*, в соответствии с которым (напомним) *мера развития креатосферы прямо пропорциональна мере социального освобождения (и/или борьбы за социальное освобождение) и обратно пропорциональна мере отчуждения* в единстве ее количественных (например, норма эксплуатации) и качественных (эволюция видов отчуждения от личной зависимости к глобальной гегемонии капитала) параметров. Мы накопили достаточный материал для того, чтобы сделать новый шаг в раскрытии спрессованного в нем содержания.

Следствием названного закона (мы намеренно опускаем ряд промежуточных пунктов выведения этой связи) является *императив освобождения культуры: для сохранения в полном масштабе и дальнейшего развития креатосферы (включая сюда не только предметный мир культуры в привычном смысле слова – библиотеки, музеи... – но и творческий потенциал граждан Земли, природу как самоценность, производственный аппарат как бытие культуры и т.п.) необходимо снятие отношений отчуждения и развитие таких социальных отношений, которые обеспечат адекватные условия для прогресса культуры*.

Возвращаясь к гипотезе взаимобогащения прогресса культуры и социального освобождения, подчеркнем: в первом случае речь идет не столько о материальном благосостоянии и развитии негативной свободы (хотя и то, и другое, повторим, есть важные предпосылки социального освобождения), сколько об интенсивности (потенциальной и реализуемой в действиях) энергии социального творчества, в том числе – *энергии борьбы с отчуждением*. Потенциал же последней может быть очень высок в обществах с жесточайшим угнетением, но находящихся на пороге своего краха, где и социальное творчество, и культура развиваются не «благодаря», а «вопреки», как борьба с отчуждением и в этом смысле – социальное творчество. Во втором случае, говоря о мере отчуждения, мы делаем акцент на глубине подчинения трудящихся господствующей системе и их *смирения* с этим подчинением (что может быть наиболее типично для относительно «сытых» застойных социумов).

Примеры практически всех мощных культурных всплесков в истории человечества могут служить одним из подтверждений предложенной выше гипотезы. Перелом истории при переходе от феодализма к капитализму и вызванные им социальные брожения и революции рождают науку и искусство Ренессанса в Италии и Нидерландах, затем – в Германии, а еще позже – в России. Чудовищно напряженное противоречие ростков массового социального творчества («энтузиазма»), вызванного небывалым революционным подъемом начала XX столетия, и сталинщины в СССР создало условия для развития (и «благодаря» [энтузиазму] и «вопреки» [сталинщине]) такого удивительного феномена как советская культура...¹

Живительный воздух свободы или борьбы за нее всякий раз рождал в истории человечества величайшие культурные (научные, образовательные, художественные, нравственные) достижения. И всякий раз, когда объективные или субъективные факторы разделяли социальные преобразования и культуру, это оборачивалось трагедией: первое вырождалось в активизм и насилие, вторая погибла под обломками вырождающегося и распадающегося социально-преобразовательного процесса.

Более того, *культура и ее прогресс являются одним из важнейших источников энергии социального творчества, стимулируя развитие последнего как позитивной созидательной деятельности.*

Культура выполняет эту роль (и это социально-философское обоснование можно найти в работах Д. Лукача) будучи своего рода живым воплощением «родовой сущности человека». Характерное именно для подлинной культуры выражение отчужденности от человека его субстанциональных свойств (творческой деятельности, достойной жизни) в виде трагедии личности, восстающей против правящих миром законов отчуждения, и мечтаний о самореализации своих человеческих качеств², является важнейшей предпосылкой социального творчества. *Культура сохраняет в социальной памяти Человека и постоянно развивает* (через

¹ Эти противоречия раскрыты в серии статей Л. Булавки (см.: Булавка Л.А. Культура и революция: диалектика генезиса (часть 1) // Альтернативы. 2007. № 1; Она же. Культура и революция: диалектика генезиса (часть 2) // Альтернативы. 2007. № 4; Она же. Творчество масс: опережение реальности (ленинская альтернатива) // Ленин online. 13 профессоров о В.И. Ленине / Под общей редакцией А. Бузгалина, Л. Булавка, П. Линке. М., 2011; Она же. Советская культура как идеальное коммунизма // Критический марксизм. Продолжение дискуссий. Изд. 2-е, дополн. и испр. / Под ред. А. Бузгалина, А. Колганова. М., 2002).

² Как пишет Д. Лукач, в подлинной трагедии (от Антигоны Софокла через шекспировского Гамлета и дальше к Рембрандту, Бетховену и Толстому) нераздельное единство действий, являющихся правильными и высоко достойными в соответствии с родовой сущностью человека, и необходимой личной гибели так действующего человека, получает поэтически точную формулировку (см.: Лукач Д. Онтология общественного бытия. Прологомены. М., 1991. С. 272).

творчество все новых и новых художников и мыслителей, восстающих против мира отчуждения) *мечту об иной жизни* (как сказал бы Лукач – *человеческую мечту о своей истинной родовой сущности*¹), *создавая тем самым и важнейшую субъективную (точнее – культурно-творческую) предпосылку борьбы за социальное освобождение.*

Важным в этой связи является отношение деятелей культуры к социальному творчеству: *притягательность социально-преобразовательной деятельности для творцов, не подчиненных без остатка (идейно и/или материально) системе отчуждения, может служить своего рода «лакмусовой бумагой» того, насколько эти социальные преобразования действительно содействуют освобождению Человека, а значит и культуры.* Отказ же свободомыслящей творческой прослойки общества (но не подчиненной истеблишменту «элитной» интеллигенции) от диалога с социально-активными силами будет, скорее всего, свидетельствовать о скором (или уже начавшемся) вырождении последних².

Сказанное позволяет объяснить, почему соединение творчества [в узком смысле слова] созидателей креатосферы с социальным творчеством масс в режиме диалога, где каждая из сторон является активным, самостоятельным субъектом, рождает (1) невиданно оптимистичную культуру, одновременно высокую и массами воссоздаваемую (востребованную, распредмечиваемую и «досотворяемую», а не потребляемую народом), равно как и (2) столь же радостное, *музыкальное* (пользуясь словами А. Блока) со-творение «низами» новой жизни³.

Отсюда вытекает и важнейшая (и сложнейшая) *задача двоякого рода.*

¹ См. Лукач Д. Цит. соч. С. 273.

² Причины этого (в частности, необходимость освоения культуры субъектом социального творчества) мы раскрыли выше.

³ Л. Булавка справедливо указывает в своей книге «Феномен советской культуры» (М., 2008) на ростки такой культуры и такого социального творчества в СССР 1920-х – начала 1930-х гг.: «Именно процесс становления индивиду как субъекта – это то главное, что объединяет Ренессанс и Советскую эпоху. В обеих этих эпохах индивид осознает себя субъектом, только в первом случае субстанцией этой субъектности выступала в первую очередь Культура, во втором – История. ...Неслучайно искусство этих двух разных эпох... востребовало общий для них героический и даже титанический, жизнеутверждающий образ Человека, явившийся нам в художественных образах, только в одном случае представленных в творениях Микеланджело, а в другом – скульптора В. Мухомой... Идея субъектности – это центральная идея также и социального творчества как одной из сторон (наряду с авторитаризмом и т.п.) советской реальности. Не из буквы «Интернационала» исходил субъект социального творчества 20-х гг., а сама внутренняя логика его творчески-преобразующей деятельности объективно воспроизводила этот принцип субъектности как основу его качественно нового общественного бытия. Более того, именно эта преобразующая практика являлась для него едва ли не главной формой осмысления себя уже как творца нового мира». (См.: →

Для всякого субъекта социальных преобразований – обеспечить диалог с творчески-продуктивной частью общества, вырвать ее из власти сил отчуждения, включив в деятельность свободных ассоциаций, дающих таким индивидам большие возможности самореализации, чем господствующая система¹.

Для субъектов креатосферы – задача самостоятельного поиска путей к диалогу с силами социального освобождения, преодоления их практикой порождаемого недоверия к творческой интеллигенции, в большинстве своем прислуживающей власти; задача «выдавливания из себя раба», стоящая прежде всего перед интеллигенцией...

Так мы наверное могли бы завершить наши размышления о диалоге развития креатосферы и социального освобождения в рамках «царства необходимости», если бы не принципиальной важности вопрос о росте производительности труда и прогрессе материального богатства. Именно «рядовые» труженики, занятые репродуктивным трудом, не только создают все материальные блага, но и воспроизводят своим трудом и креатосферу, и отчуждение. Более того, они зажаты в двойные тиски: эксплуатации со стороны правящих классов – с одной стороны; отчуждения от культуры – с другой, будучи единственной силой, создающей материальные основы для развития обоих миров и обладая как Личности не меньшим, чем «элитарная» интеллигенция (но задавленным социальным угнетением) творческим потенциалом.

Тем самым главной проблемой социального освобождения оказывается уже отмеченная выше проблема свободы для трудящихся здесь и сейчас – в мире, где они заняты преимущественно репродуктивным трудом. Как мы показали выше, эта проблема решается через формирование таких общественных условий, в которых основная масса трудящихся (а в современных условиях это прежде всего класс наемных работников) окажется (1) пропитана энергией социального протеста; (2) «возвышена» до включения в мир культуры и (3) интегрирована на основе диалога с субъектами творческой деятельности.

Такой системой общественных отношений (что тоже уже было показано нами выше) является прежде всего ассоциированное социальное творчество. Оно становится господствующей общественной формой только в условиях «царства свободы»², да и там первоначально происходит

← Булавка Л.А. Ренессанс и Советская культура // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 35–51.)

¹ Эта задача была прекрасно известна всем великим революционерам, начиная с В. Ульянова-Ленина. Как она решалась на практике, почему именно так (мучительно противоречиво) – на эти вопросы, на наш взгляд, отчасти отвечает предложенная А.В. Бузгалиным теория мутантного социализма.

² В классическом марксизме понятие «царство свободы» было тождественно понятию «коммунизм», с чем авторы солидаризируются в полной мере. →

лишь формальное (касающееся лишь социальной формы – соединения в добровольные открытые ассоциации с целью совместного присвоения общественного богатства) освобождение по преимуществу содержательно нетворческого труда. Ростки такого освобождения – подлинный энтузиазм «комсомольцев-добровольцев» в тяжелейших условиях, киркой и лопатой создававших не только новые города, заводы, школы, но и новые общественные отношения, ценности, мотивы деятельности, т.е. нового Человека, – нам хорошо известны (как известно и их чудовищно-противоречивое сосуществование – борьба со сталинщиной).

В этой связи не можем не подчеркнуть еще раз, что *даже* такое, *формальное освобождение труда* (начинающееся с простейших функций учета и контроля и т.п.) *способно в массах рождать потребность в освоении культуры и, в частности, образовании*¹ (примером чему, при всех противоречиях того периода, может служить культурная революция в СССР, редкостная по широте и силе массовая тяга низов к культуре, знаниям, самодеятельному творчеству везде – в искусстве и спорте, открытии новых земель и конструировании новых машин, педагогике и науке...).

В то же время в реальных условиях генезиса «царства свободы» и сохранения «пережитков» отчуждения в новом обществе принципиально значимой окажется *развитие в массовых масштабах деятельности по социальной реабилитации изуродованных отчуждением граждан* (от потерявшей – или не нашей – смысл жизни молодежи до бомжей, наркоманов). Это будет деятельность «*социальных садовников*», «*социальных врачей*», «*социальных учителей*» (на Западе некоторым аналогом этих видов деятельности является «социальная работа»). Задача этих лиц и их ассоциаций – выращивание новых социальных качеств человека и форм общественной жизни, лечение социальных болезней, воспитание и образование взрослых и т.п. Решаться эти задачи могут и должны на всех уровнях – от отдельной личности и микроколлектива (дворовой компании, например) до общества в целом, и в *диалоге, совместной деятельности «учителей» и «учеников»*. Только по-

← Однако, поскольку понятие «коммунизм» ныне, как правило, ассоциируется со сталинской системой, мы предпочли использовать в тексте его эквивалент, тем более что понятие «царство свободы» более созвучно основной проблеме данного текста. Что же касается «социализма», то мы обосновали в серии своих работ его понимание как процесса трансформации «царства необходимости» в «царство свободы» (коммунизм).

¹ Как было показано выше, в этом взрывном возвышении низов к культуре и образованию – ключ к размыканию замкнутого круга глобальной капиталистической системы эпохи «революции знаний», где бедные [почти] всегда необразованны и не хотят учиться (т.е. «сами виноваты» в своей бедноте), а богатые потому и богаты, что образованы и хотят учиться и учить своих детей...

стоянный совместный диалог и работа тех, кто поработан отчуждением – потерял смысл жизни или должен оставить любимую работу (а структурные перестройки есть правило постиндустриального общества, и смена профессий будет правилом и для будущего «царства свободы»), оказался «на дне» или еще не нашел призвания... – и тех, кто помогает им, может стать и становится условием постепенного рассасывания социального «болота».

Естественно, что в условиях глобальной гегемонии капитала такая деятельность может осуществляться как исключение и давать лишь крайне ограниченные результаты, оставаясь попыткой частичного, паллиативного смягчения глубинных противоречий. Но в условиях генезиса «царства свободы» социальная реабилитация должна будет стать (наряду с другими массовыми творческими профессиями) одной из основных, если не основной, сферой массовой деятельности «рядовых» творцов: тех, кто (быть может даже не обладая высокими профессиональными знаниями) достаточно открыт для людей и готов помочь им, кто талантлив своей способностью к общению, к совместной деятельности, со-творчеству. И здесь опыт коммун типа макаренковской для нас будет более важен, чем все новейшие западные теории управления ТНК.

В рамках же «царства необходимости» единственно доступными для всех «рядовых» трудящихся формами социального творчества являются социальные реформы и революции. Причем для нас особое значение имеют именно революции, неслучайно названные «локомотивами истории» и «праздником угнетенных»¹, ибо в эти относительно

¹ Замечательный анализ марксистского наследия по этой проблеме дан в одной из ранних работ Г. Водозова («Диалектика и революция», М., 1975), позднее перешедшего на реформистские позиции. В последнее время вышла серия очень интересных работ по диалектике новейших революционных процессов О. Смолина, где он, в частности, рассматривает и природу революции как праздника угнетенных (см.: *Смолин О.Н.* Новейшая революция в России и перспективы социализма XXI века // Свободная мысль. 2007. № 10–11; *Он же.* Радикальная трансформация общества в СССР и России: к проблеме периодизации // Вопросы истории. 2005. №12; *Он же.* Революция: опыт политико-ситуационного анализа // Альтернативы. 2005. № 1; *Он же.* Революция как катастрофа: (1990–1996 гг.) // Свѣтъ Отечества. Просветительский альманах. 1999; а также кн.: *Смолин О.Н.* Излом: иное было дано? Проблемы революции, демократии и образовательной политики в социально-политическом процессе 90-х годов. М., 2001 (раздел 2 «Нет у революции конца? Радикальная трансформация российского общества как революционный процесс», раздел 6 «Прогнозы, которым лучше бы не сбыться: проблема политического прогнозирования в условиях социальных бифуркаций», раздел 7 «Негативная конвергенция или маленький термидор? Противоречия и перспективы постельцинского этапа российской истории»). Мы также хотели бы обратить внимание на то, что ряд пассажей о революции, →

краткие периоды предельно обнажается весь комплекс названных выше проблем. Кстати, именно через реформы и революции, посредством них, в них любой член «глобального человечника» уже сегодня и сейчас, в любой точке планеты Земля может возвыситься до личностного включения в процесс освобождения человечества и тем самым позитивного самоосвобождения.

При этом реформы будут общедоступным паллиативом, переходной формой отчуждения/освобождения, тогда как социальная революция есть общедоступный мир (пространство и время) позитивной свободы в рамках «царства необходимости»).

Социальная революция как качественный перелом, смена качественно различных систем отчуждения (способов производства), а уж тем более как грядущее начало перехода из «царства необходимости» в «царство свободы», знаменуется рядом особо важных для нас характеристик процесса социального освобождения.

Революция как праздник: диалектика созидания и разрушения

Начнем с очевидного: революция ломает старую систему институтов отчуждения и (вплоть до победы нового способа производства) знаменуется кратковременным торжеством отношений непосредственного социального творчества истории, новых общественных отношений самими массами¹ и в этом смысле – кратковременным торжеством «царства свободы» (обратная связь здесь состоит в том, что «царство свободы» как снятие отчужденных детерминант жизни человека есть перманентная революция). В момент революции (а она может длиться долгие дни или несущиеся стремглав годы), когда старая система подчинения уже разрушена, а новая еще не возникла, и рождается тот самый «праздник угнетенных», когда вы, кажется, можете своими руками изменять мир как захотите («опьянение свободой»).

← развиваемых ниже, были нами сформулированы не только в совместных диалогах и диалогах с нашими постоянными товарищами по научной работе (прежде всего Л. Булавка), но и более 10 лет назад в совместной работе с тогда еще студентом МГУ А. Олейником, чья курсовая работа по проблемам социальной революции была пусть и сырым, но многообещающим критическим марксистским исследованием. К сожалению, в дальнейшем, увлекшись институционализмом, он оставил эту тему.

¹ Весьма примечательным выглядит в этой связи тот факт, что Максим Горький, в целом жестко-критически отнесшийся к большевикам в 1917–1918 годах, в то же время писал в своих знаменитых «Несвоевременных мыслях» о прометеевском начале революции, развивающей в массах социальное творчество.

Пока длится революция – этот «праздник» угнетенных, – объективные детерминанты, «ограничители» (в том числе новые производственные отношения, социально-политические институты и т.п.) уже или еще не действуют. Революции снимают (пусть на время – время революции) власть денег, бюрократии, классовое и сословное неравенство, даже разделение труда (в революции рабочий равен профессору, а иногда и ведет его за собой).

В этом смысле революции есть высвобождение в широчайшем пространстве и времени потенциала иной (неотчужденной – нерыночной, неиерархичной) жизни (М. Бахтин его связывал с феноменом карнавала). Но если карнавал – это игра, имитация временного снятия рамок, то революция – это подлинный праздник, «всеобщее празднество» (именно так, например, характеризовалась современниками Парижская коммуна).

Как период снятых внешних детерминант и предельно раскрепощенного социального творчества *революции становятся полем широчайших и глубочайших достижений в области самоорганизации и сотворения новых общественных форм*. В эти короткие, но предельно насыщенные периоды сами граждане рождают на основе инициативы снизу столько новых общественных отношений, сколько эволюционные периоды не приносят за десятилетия.

Это становится и причиной, и следствием невиданного в иное время *всплеска реализованных (реализуемых) человеческих талантов, скрытых среди представителей самых разных социальных слоев и профессий*. Именно в революциях поручики и шестнадцатилетние мальчишки становятся великими полководцами, рабочие – общественными деятелями мирового масштаба, и даже в таких сферах, как разведка и контрразведка недавние гимназисты и инженеры, слесари и врачи оказываются способны сделать то, что не по плечу профессионалам...

Именно в революции общественная практика масс часто создает такие *новые социальные формы*, которые затем долго изучают и пытаются понять теоретики. Привычная логика творческой деятельности здесь как бы переворачивается: теоретическая модель и ее практическое воплощение рождаются почти одновременно (примеры этого – Парижская коммуна, первые Советы в России 1905 года, опыт СССР со всеми его противоречиями и даже современное альтерглобалистское движение – хорошо известны).

Но эта мощная социальная энергия неизбежно несет в себе и противоположный потенциал, что очевидно: *революция по определению всегда есть и процесс разрушения старой системы*. Общеизвестно (во всяком случае, для знатоков классического марксизма, о чем мы уже мельком упомянули выше, обозначив подход к данной проблеме), что в принципе *разрушению в революции подлежат старые, отжившие свое социальные формы (производственные отношения, экономические и полити-*

ческие институты, социальные градации, идеологические стереотипы и т.п.). Однако на практике революции почти всегда разрушают вместе с тем и производительные силы, некоторые элементы культуры, уносят человеческие жизни. Было бы неверным считать ответственными за это только революции: едва ли не в большинстве случаев эти разрушения связаны с яростным сопротивлением старого мира, провоцирующего террор и войны. Но и революция не может не нести с собой разрушительного потенциала.

Суммируя сказанное о субъекте ассоциированного социального творчества и революции, мы можем определить в первом приближении меру разрушительности/созидательности революции¹.

Первая тем выше, чем (1) более жесткой, варварской и мощной была система отчуждения и чем (2) отчаяннее ее сопротивление – с одной стороны; чем ниже (3) уровень самоорганизации и (4) культуры революционных масс, но больше (5) стихийность и (6) влияние отчужденных мотивов борьбы (типа «грабь награбленное»), характерных для «обиженного» старой системой мещанства, и меньше (7) мотивы (как объективные, так и субъективные) борьбы за собственно социальное освобождение; чем, следовательно, больше (8) «забегание революционеров вперед» по отношению к объективным возможностям сотворения новых отношений.

В той мере, в какой для революционного процесса характерны эти черты, последний будет разрушительно-варварским, несущим с собой уничтожение не только старых форм угнетения, но и их материальных и культурных основ, а также (и это наиболее трагичный элемент выходящей в бунт революции) человеческих жизней. Однако в данном случае всякий судия таких разрушительных действий должен задать вопрос: а кто довел массы до того состояния, когда уже ничто, кроме испепеляющего все вокруг социального взрыва, не может разрешить социальных противоречий?

Здесь более чем справедлива позиция А. Блока, указавшего «рафинированной» интеллигенции на то, что сжигавшие поместья крестьяне уничтожали не столько памятники культуры, сколько социальное пространство своего порабощения и закабаления (попросту – место и символ унижения, ограбления, порок).

И, напротив, **революция будет тем более созидательно-освободительной, чем в большей степени [1] прогнила старая система (глубоки ее объективные противоречия) и [2] слаб господствующий класс («верхи не могут управлять по старому»); чем [3] в большей степени общество не только находится в кризисе («низы не хотят жить по старому»), но и готово к социальным преобразованиям как [4] материально**

¹ Мы в данном случае в основном суммируем хорошо известные положения Маркса, Энгельса, Ленина, Грамши, Троцкого и других революционеров-марксистов.

(имеются достаточные объективные социально-экономические и т.п. предпосылки генезиса нового типа общественной организации), так и [5] духовно (востребованность революции значительной частью критически мыслящих граждан и творческой интеллигенции, предреволюционная атмосфера в культуре и общественном сознании); чем в большей степени [6] субъект революционных изменений осознал свои конструктивные цели (превратился из «класса-в-себе» в «класс-для-себя») и, следовательно, [7] подготовлены общественные формы самоорганизации этого субъекта (революционные силы организованы, способны к *позитивному* социальному творчеству, имеют достаточно мощные «социальные мускулы»), плюс [8] чем более культурны революционные силы (развит «социальный интеллект» революции).

В той мере, повторим, в какой развиты эти объективные и субъективные предпосылки, хорошо известные каждому марксисту¹, революция пройдет мирно и не разрушительно (для Человека, его производительных сил и культуры).

Эта «формула», однако, имеет крайне ограниченное значение, ибо революция – это исторические явления и происходят они не тогда, когда их в должной мере подготовила та или иная партия, а объективно, во многом независимо от воли и желания тех или иных политических сил.

Задача революционеров, следовательно, состоит не в том, чтобы совершать революцию «по правилам», а в том, чтобы понять реальную диалектику рождающихся и развертывающихся революционных событий, «алгебру (мы бы сказали, высшую математику, сложнейшую диалектику) революции», максимально подготовить революционные силы и общество к грядущим потрясениям, содействовать, насколько это объективно возможно, сознательности и организованности революционных сил, помогая (как талантливый акушер) своевременному и сколь возможно безболезненному рождению нового социального организма. И здесь нерешительность и промедление могут быть не менее опасны, чем торопливость.

Более того, поскольку практически каждая революция рождается в условиях, когда налицо отнюдь не все необходимые и достаточные условия ее безболезненного совершения, великая миссия и ответственность революционных сил состоит в том, чтобы суметь «достроить» недостающие элементы нового общественного здания уже в процессе революционных событий.

И в этом смысле надо отдать должное смелости и ответственности «ленинской гвардии», решившейся пойти в сложнейших условиях кри-

¹ В наиболее полном виде этот блок проблем был развит в работах В.И. Ленина по проблемам социальной революции, о чем ныне принято «забывать» (отчасти, быть может, вследствие аллергии от чрезмерно апологетических работ советского прошлого).

зиса Российской империи именно по этому пути, не предав – из-за осторожности или трусости, свойственной меньшевикам – интересы и действия широчайших масс, поднявшихся на революцию в начале XX века во многих странах мира; другое дело, что выдержать эту линию «достраивания» предпосылок революции после политического переворота большевикам не удалось: они потерпели поражение в борьбе... со своим Alter Ego – мутациями социализма. Впрочем, наряду с поражением и трагедией большевиков, мутантный социализм был еще и их подвигом – подвигом всех тех, кто вырос из Октябрьской революции и сделал XX век эпохой борьбы за социализм в мировом масштабе.

Итак, в той мере, в какой «достроить» предпосылки социальной революции не удастся (или объективно невозможно вследствие недостаточности предпосылок рождения нового общества), она неизбежно вырождается в контрреволюцию, приводя либо к восстановлению прежней системы, либо к появлению мутантного вида нового общества, приспособленного (именно в силу этих мутаций) к неадекватным объективным и субъективным (таким, в частности, как перерождение революционных сил, «термидор») условиям.

Примеры таких мутаций – не только сталинский СССР, но и многие другие социумы, в том числе – мутантно-капиталистические монстры конца XIX – начала XX века, соединявшие в себе военно-феодальные и империалистические черты. И если в случае с СССР мы можем говорить об «опережающей» мутации, возникшей вследствие объективной тенденции Великой октябрьской социалистической революции создать новое общество «слишком рано», то в случае с буржуазными преобразованиями в Российской империи правильнее было бы говорить об «отстающей» мутации капитализма¹.

Последняя возникла в силу того, что движение к буржуазному обществу началось слишком поздно и проходило слишком медленно, искусственно тормозилось правящими классами, осуществлялось недостаточно радикальными, половинчато-реформистскими методами, что и привело к рождению «военно-феодального империализма» с массовой нищетой, неграмотностью и политической диктатурой распутиных и романовых.

Но! Еще и еще раз подчеркнем: было бы большой ошибкой считать эти мутации следствием того, что в первом случае революционеры слишком поспешили и были слишком радикальны, а во втором – были слишком слабы и нерешительны. Диалектика объективного и субъективного в революции гораздо сложнее, и отчасти мы постарались выше показать некоторые азы этой «алгебры», дополняя в меру сил опыт и теорию великих революционеров прошлых веков.

¹ Диалектика «опережающих» и «отстающих» мутаций раскрыта во второй части этого тома.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
КАК ВРЕМЕННОЕ ТОРЖЕСТВО «ЦАРСТВА СВОБОДЫ»:
ПРОТИВОРЕЧИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ.
РЕВОЛЮЦИИ КАК «ПРАЗДНИК КУЛЬТУРЫ»

И все же эти аспекты революций относительно известны теоретикам-социалистам. Гораздо реже (за исключением ряда критических марксистов-«шестидесятников») акцентируется другая важнейшая особенность социальных революций – феномен своего рода *«коммунистичности» любой* (в том числе – буржуазной) *подлинной, идущей снизу, социальной революции*. Это явление сотворения массами элементов позитивной свободы особенно характерно для стадии революционного подъема, когда люди, ломая власть старых форм отчуждения, становятся, как мы уже сказали, на краткие исторические мгновения свободными. В этом смысле любая социальная революция есть ломка не только одной из исторически-конкретных форм отчуждения (старой формации), но и *«революция против «царства необходимости»*.

Более того, поскольку всякая революция (в том числе ориентированная «всего лишь» на смену одного способа угнетения на другой, более прогрессивный) есть вместе с тем и революция против мира отчуждения в целом (кратковременное торжество «царства свободы» – мы ниже еще раз специально обратимся к этому вопросу), постольку *всякая революция* (в том числе и не социалистическая) *стремится сделать и объективно невозможное – хотя бы на время создать хотя бы некоторые элементы реального освобождения для трудящихся, а не только для нового господствующего класса, и обеспечить простор для развития креатосферы*.

Это было характерно практически для всех великих революционных потрясений – от таких долгосрочных как Ренессанс, когда муки несколько преждевременного (не забудем: в Италии первая попытка прорыва к буржуазному обществу потерпела поражение) рождения негативной свободы сопровождались невиданным прогрессом креатосферы, до таких драматически-взрывных событий как *Великая французская революция*, в которой элементы борьбы за освобождение трудящихся от эксплуатации были представлены наряду с антифеодальной борьбой.

Как таковая всякая *социальная революция* (кроме, возможно, коммунистической) оказывается *имманентно обременена внутренним (первым из выделяемых нами) противоречием*: как революция против «царства необходимости» в целом она должна соединять [в и для борьбы с отчуждением] все силы освобождения и культурно-творческие силы человечества; как конкретный акт конкретной смены антагонистических способов производства она неизбежно носит конкретно-классовый характер, разделяющий общество именно по классовому признаку.

В своем первом качестве, как антитеза всякого отчуждения, всякая революция *оказывается и антитезой мещанства* (обывательского кон-

формизма, социально пассивной позиции человека, с радостью подчиняющегося внешним правилам жизни и способного на озверение в случае разрушения этих привычных ограничений его существования) как универсальной социальной формы бытия «человека отчуждения».

Вот почему антитеза «мещанин-революционер» так значима для понимания сути социальной творчества.

Мещанин тем и отличается, что просто не видит, не слышит и не чувствует сил отчуждения, воспринимая себя – марионетку (раба капитала, должности, статуса) как единственно возможное человеческое бытие, будучи вполне удовлетворен тем, что им манипулируют, освобождая его от личной ответственности. Понимание этой связи позволяет сформулировать еще одну важную тезу, известную нам из творческого советского марксизма: *первым шагом человека к революции является осознание отчуждения как личной и социальной проблемы, осознание (и культурно-духовное, и практическое) себя как функции, марионетки внешних, чуждых Человеку общественных сил (денег, государства и т.п.); «Ощутить отчуждение – значит наполовину его преодолеть»,* – так афористично можно выразить эту связь, повторив здесь идеи наших предшественников-марксистов. И именно революция, сдирая с жизни (а заодно и с обывателей) ее отчужденные маски, сдирая их подчас с кожей и мясом тех, к кому они намертво приросли, оказывается наиболее радикальным (и потому наиболее ненавистным для мещанина) способом осознания того, что же такое есть мир отчуждения.

Революция как борьба с отчуждением вкупе с уже отмечавшимся феноменом объективно обусловленного «опьянения свободой» рождает (и позволяет, кстати, теоретически объяснить) хорошо известный философам истории феномен «забегания революций вперед», когда освобождающие себя массы заходят чрезмерно далеко по отношению к объективным возможностям.

Отсюда, кстати, и романтичность всякой подлинно социально-творческой (в том числе – революционной) деятельности, осуществляемой в условиях «царства необходимости». Создавая элементы позитивной свободы, выходя из подчинения господствующим социальным формам, мотивам, ценностям (жажда денег, власти), Человек в мире отчуждения всегда оказывается «несвоевременен», романтичен. Эта романтика может быть востребована обществом (как, например, подвиги летчиков, геологов, строителей новых заводов и городов в СССР в период его расцвета); более того, власти могут даже паразитировать на этой объективной востребованности (что и делала, например, некоторое время советская номенклатура). Но он может быть и активно отторгаем, причем не только элитой, но и омещаненным большинством общества, в периоды застоя или контрреволюции.

В отличие от этих периодов революции романтичны по самой своей природе, как «абстракции будущего». Будучи качественным скачком,

революции становятся эпохой (быть может, очень кратковременной – в несколько недель или месяцев, как, например, Парижская коммуна), в которой люди живут не в длящемся настоящем, а в диалоге прошлого с будущим, в процессе сотворения-рождения будущего, создаваемого-рождающегося здесь и сейчас. Причем в условиях слома внешних отчужденных детерминант это рождение будущего прямо и непосредственно зависит именно и прежде всего уже от самого человека, его личной способности (и способности его товарищей) видеть это будущее, жить им и в нем, подобно тому как поэт живет в своих стихах, композитор – в музыке, педагог – в учениках... Это и делает всякого подлинного революционера романтиком, а революцию – «абстракцией будущего».

Но здесь как никогда оказывается важна и обратная сторона этой медали: снятие внешних детерминант высвобождает поле для субъективизма и волюнтаризма, а протор самореализации Человека оборачивается и необузданностью антитворчества. За этой проблемой скрыто еще одно (*второе* из отмечаемых нами) *противоречие революции как социального творчества в мире отчуждения*: с одной стороны, она вызывает к жизни социальное действие огромных масс, призванных решать сложнейшие социально-творческие задачи, с другой – ломает все и всяческие институционально-организационные формы для столь массовой деятельности. Формы разрешения этого противоречия могут быть более или менее конструктивными в зависимости от *меры созидательности/разрушительности революции*. Ее «формулу» мы привели выше, но при этом, однако, мы хотим вновь подчеркнуть, что революция – это процесс объективный, и всякие «формулы» отражают лишь некоторые законы-тенденции, устойчивые социальные связи и не могут быть использованы для арифметического вычисления результата революционных действий (хотя могут и должны служить теоретическим компасом для прокладки курса в штормящем океане революции).

Кроме того, специально оговорим еще раз, что здесь особенно важна *мера «культурности» революции*, ибо, как мы отметили выше, именно эта мера должна ограничивать претензии революционеров (характерно в этом отношении «отступление» Ленина к энпу, не принятое сталинистами).

Более того, оставляемый как бы «за скобкой» в данном тексте анализ диалектики взаимодействия процессов развития креатосферы и социального освобождения (коротко она была выражена в законе взаимообогащения прогресса культуры и социального освобождения) позволяет показать, что *социальные революции являются не только следствием противоречия производительных сил и производственных отношений, резкого обострения классовых противоречий (что относится – и совершенно справедливо – к неустаревающим азбучным положениям марксизма), но и взрывом перенакопленного культурного потенциала общества, сжатого до взрывоопасного состояния «старой» системой отчуждения.*

Культуре (равно как и производительным силам – эти два феномена, кстати, частично пересекаются), развитие которой оказывается особенно необходимо для самосохранения старого, загнивающего общества, с одной стороны, становится тесно в прежних социальных рамках. С другой стороны, культура, креатосфера (нелинейное развитие которой есть инвариант жизни рода Человек) стремится в лице своих лучших представителей как бы к самозащите себя от агрессивно-разрушающего (или застойно-разлагающего) воздействия мира отчуждения, дозревшего до очередной революционной ситуации (мы пока ведем речь об объективных слагаемых последней).

Неслучайно поэтому и то, что первоначальный импульс подлинной революции сначала рождается в умах «диссидентской» (и как правило, творчески наиболее продуктивной) интеллигенции. Другим слагаемым этого процесса является протест творческой части общества против разрушения и подавления подлинной культуры старой системой, которая одной рукой пытается влить в свое дряхлеющее тело «кровь молодых девишек» (развивать культуру), другой тормозит все новое и прогрессивное.

Взрывающая это противоречие революция, как мощный энергетический всплеск социального творчества и антиотчуждения, рождает тем самым и мощное поле, генерерирующее потенциал для развития креатосферы. Последнее, в частности, связано с тем, что *социальная революция как революция и против отчуждения* (а не только одной из конкретных систем производственных отношений и надстройки) *есть вместе с тем и высвобождение из-под социального подчинения (хотя бы на короткое время подготовки и осуществления качественных социальных преобразований) прогресса креатосферы* как одной из подчиненных, но постоянно присутствующих в рамках «царства необходимости» «линий» развития Человека. В этом смысле мы можем сказать, что *социальная революция, в той мере, в какой она является революцией против отчуждения вообще (а не только одного из его видов) решает и «сверхзадачу» прогресса культуры – снятия отчуждения*. Очевидно в этой связи, что *императивом коммунистической революции является снятие отношений отчуждения (как системы), открывающее простор для развития креатосферы (культуры, Человека как свободно и гармонично развивающейся личности, биосферы)*. Мера решения этой задачи революцией (в том числе – происходящей внутри «царства необходимости») *показывает и меру ее коммунистичности (а вместе с тем – культурности и гуманности)*.

Отсюда, в частности, тот всплеск культуры, которым сопровождается подлинная позитивная социальная революция – будь то Ренессанс как слагаемое буржуазной революции или пред- и послереволюционный подъем культуры в России XX века.

Но всякая революция, как мы показали выше, есть и разрушение старой системы, когда «заодно» с прежней, устаревшей системой про-

изводительных сил и надстройкой революционные силы (в XVI–XIX веках – «третье сословие», в том числе – буржуазия, в XX в. – трудящиеся, и прежде всего – пролетариат) разрушают и материальные, и культурные элементы экономической и политической систем прошлого. *В этой диалектике освобождения и разрушения – суть революции и именно мера этого соотношения (с учетом и меры реакционности, разрушительности прежней системы)¹ показывает действительную прогрессивность (или реакционность, т.е. по сути контрреволюционный характер) тех или иных качественных социальных преобразований.* И в этом смысле мы имеем теоретически определенную меру, позволяющую отнести всякое качественное изменение общества к ряду революций (при всей их трагической неоднозначности) или контрреволюций (при некотором позитивном потенциале и этих действий).

И все же всякая подлинная революция служит прогрессу культуры. Более того, мы можем сказать, что *только тот социальный качественный сдвиг («взрыв»), который способствует (1) новому скачку в развитии креатосферы, (2) рождению системы отчуждения, относительно менее antagonичной для прогресса культуры, чем предыдущая (или, в коммунистической революции, снятию отчуждения) и (3) росту меры социального освобождения, мы можем назвать подлинной социальной революцией (а не бунтом), праздником не только угнетенных, но и культуры.*

Именно поэтому подлинная социальная революция, рождая временное состояние социального освобождения, притягивает к себе наиболее ищущую и творчески открытую часть интеллигенции (в то же время всасывая как мощный вихрь и массу мусора). При этом подавляются (и разрушаются) основы жизнедеятельности той части интеллигенции, кто был сращен со «старой» системой отчуждения, в чьей личности твор-

¹ Так (используем наиболее очевидный пример), слом фашистской модели капитализма и обеспечение победы социал-демократии потребовали массовых человеческих жертв и привели к колоссальному разрушению материальной и духовной культуры (вплоть до массированных бомбардировок городов Германии английской авиацией и уничтожения в ядерном пожаре сотен тысяч жителей Хиросимы и Нагасаки американской «демократией»); какие из этих жертв были необходимы, а какие нет для того, чтобы остановить развертывание на Земле фашистской системы – сложный вопрос. Так же стоит вопрос и в других случаях: буржуазные революции предотвращали дальнейшее варварское угнетение человека, культуры и производства реакционными феодальными системами. Социалистическая революция в России стала (вкуче с революциями в Германии и др.) условием прекращения Первой мировой войны и предотвращения образования в России диктаторской модели все того же «военно-феодалного империализма». Есть, однако, и другие примеры псевдореволюций, в которых мера разрушения превышала меру созидания, рождая реакционные социальные системы, выступавшие под революционными знаменами.

ческие качества оказались подчинены ролью привилегированного раба, обслуживающего гегемонию власти. Именно эта часть интеллигенции, как правило, наиболее рьяно выступает против революции (если, конечно, новая власть не успевает вовремя «прикормить» этих «деятелей»).

В то же время всякая социальная революция в рамках «царства необходимости», начинаясь как освобождение, заканчивается как торжество новой системы отчуждения, и творцам приходится или подчиняться новой власти (например, при переходе к капитализму интеллигенция, уйдя от подчинения аристократии, попадает в подчинение рынку, золотому тельцу); как заметил В. Межуев, интеллигенция в революции ждет Дон Кихота, а попадает в удушающие объятия Санчо Пансы.

Революция как творчество трудящихся

Общеизвестно, что всякая революция (в отличие от бунта или государственного переворота) поднимает к творчески-преобразовательной, созидательной деятельности широкие слои трудящихся, возвышая их до совместных сознательных, позитивных действий. Причем чем глубже преобразования, тем более масштабные и организованные действия оказываются востребованы историей. Неслучайно поэтому *революции поднимают до творческой деятельности (и культурной, и социальной) столь широкий круг новаторов из «низов»* (так, например, большая часть культуры Ренессанса, Просвещения и других периодов буржуазных революций была создана именно представителями угнетенного третьего сословия) и оказываются праздником именно *угнетенных*. Именно для них революция становится праздником. Причем не просто карнавалом (вспомним Рабле и его замечательную трактовку в книге Бахтина), но пространством и временем высвобождения из-под власти угнетения и возвышения до самостоятельного творения новых отношений, когда *трудящиеся могут на деле почувствовать свою созидательную мощь, доказав практически свою способность самим стать достойными хозяевами общественной жизни*.

В результате не только творческая часть общества (о ее противоречивом положении в революции и отношении к революции – ниже), но и «рядовые» трудящиеся в революции преодолевают узкие границы своего отчужденного производственно-экономического бытия (статус частичного наемного работника, функции общественного разделения труда и капитала, например), вступая в сферу отношений самоорганизации (пусть в ряде случаев и стихийной), становясь субъектами непосредственного социального творчества (в условиях революций, совершаемых в рамках «царства необходимости» – преимущественно в формах политической борьбы). В результате именно (а в рамках «царства необходимости» – только) *революция делает «простого» человека творцом*.

В революциях ранее никому не известные рядовые граждане (особенно – молодежь) творят кажущиеся чудесами, невозможные в обычных условиях вещи именно потому, что в эти периоды кратковременного разрушения власти отчуждения они скидывают с себя порабощающие человека внешние оковы (государства, денег, традиций), снимают устоявшиеся стереотипы (когда каждый человек заранее и точно знает, что члену такой-то страты в такие-то годы позволено то-то, а нечто иное не было и не будет позволено никогда), свободно совершают то, что еще вчера казалось совершенно невозможным (и оно действительно было невозможно, но не потому, что человек не мог этого совершить, а потому, что это не позволяли совершить устоявшиеся социальные формы). Революция срывает социальные наряды, обнажает всех – королей и нищих, – так что всякому становится видно, на что действительно способна данная Личность, а не ее социальный мундир. Она *открывает дорогу дремлющим в каждом человеке талантам*, ибо в ее мире каждый оценивается по его личностным способностям, поступкам, а не по социальной роли (дворянина или серва, миллионера или нищего).

То, что выше мы назвали «родовой сущностью Человека», в революции получает свое наиболее полное (из возможных в мире отчуждения) воплощение, и социальная «немота» (Д. Лукач) Человека сменяется широчайшим и молниеносным распространением чувства Человека. Выражаясь языком Лукача, можно сказать, что *в революции вековая мечта человека об обретении своей родовой сущности* (не только о справедливости, но и обретении человеческого достоинства – вспомним сказанное выше о роли культуры, в частности трагедии, как силы, сохраняющей и передающей гуманизм из поколения в поколение, от страны к стране) *не просто реализуется в практических действиях, но и становится (как и самая культура) важнейшим фактором революционных сдвигов*¹.

Более того, революция не только открывает дорогу талантам; в условиях радикальной ломки старой системы и революционного созидания основ новой, в вихре несущегося с необычайной скоростью социального времени, *талантливые, неординарные (подчас героические) личности и поступки оказываются востребованы обществом в массовом масштабе*. Соединяясь с возможностями свободной, а не навязанной извне силами отчуждения самоорганизации, объединения в ассоциации и союзы, эта атмосфера пробуждения и востребованности талантов вызывает к жизни в людях такие качества, которые потрясают обывателя десятилетия и столетия спустя, рождают поколения личностей на удивление сильных, талантливых, привлекательных – титанов в полном смысле этого слова (как тут не вспомнить «ленинскую гвардию» – когорту людей, творивших – будучи «рядовыми» интеллигентами или рабочими – то, что было

¹ См.: Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991. С. 273.

не под силу лучшим профессионалам эпохи, вызывавших восхищение и трепет, поражавших своими человеческими качествами даже после сталинских лагерей¹).

Другое дело, что *угнетенные классы так же двойственны, как и творческая интеллигенция. В массах* (будь то «третье сословие» в буржуазной революции или пролетариат в раннесоциалистической) *скрыты, как мы показали выше, мощные оппозиции раба – слуги системы отчуждения и социального творца. Революция предельно обнажает это противоречие*, открывая простор для энергии (в том числе – разрушительной) как создателю, так и обывателю-разрушителю, взбешенному ужасами прежней системы (как тут не вспомнить известный тезис о кошмарах, которые способен сотворить «взбешенный ужасами капитализма мелкий буржуа»). При этом снятие жестких социальных ограничений с обывателя в условиях разрушения не только внешних институтов, но и устоявшихся нравственных норм, превращает конформистскую часть трудящихся (в капиталистическую эпоху – прежде всего мелкую буржуазию) в «хама». «Хам» – это раб, который, во-первых, не способен к самостоятельным действиям по созиданию новых социальных отношений в силу (1) не преодоленного (в-себе и для-себя) социально подчиненного состояния, (2) атомистичности (социальной неорганизованности) и (3) бескультурности, хотя не обязательно безграмотности. Во-вторых, это раб, который активно отвергает и даже разрушает все то, что не вписывается в рамки установленного (сформировавшими его правилами) миропорядка (а этим миропорядком могут быть и законы сталинского доносительства, и законы рыночного фундаментализма).

В условиях революции, когда установленный миропорядок рушится на глазах у звереющего от этого хама, все это вкупе вызывает у него неспособность к самоориентации и провоцирует *стремление хама одновременно и к хаотически-разрушительным действиям (бандитизму и уголовщине), и к власти твердой руки*. Именно такого обывателя-мещанина, «взбесившегося» от неопределенности и противоречий революций, от необходимости (но неспособности) самостоятельно, сознательно, со знанием дела принимать решения и действовать, мы можем назвать «хамом».

И мы готовы согласиться с российской интеллигенцией в том, что этот хам – величайший враг культуры и общества, и что революция

¹ Кому-то, быть может, захочется добавить: «которые они же и вызвали к жизни». Что ж, это законная постановка проблемы. Известно, что революция, оборачиваясь термидором, часто пожирает своих творцов. К анализу этого феномена мы еще вернемся, а сейчас заметим, что его принципиальное объяснение уже было дано: характеризуя мутантный социализм, мы отметили, что в условиях недостаточных предпосылок социальное творчество может рождать и, как правило, рождает мутантные социумы, в которых происходит частичное разрушение прогрессивного потенциала революций.

(среди прочего) временно оставляет этого хама вне социальной узды. Но мы категорически не согласны с теми, кто видит в революционных массах только и прежде всего хамство. И дело здесь не только в том, что революция тем и отличается от бунта, что в ней лидирует сознательный социально-творческий (т. е. культурный и само-организованный) субъект, но и в том, что *освобожденная от поработавшей личность опеки* (причем не только подкормки, но и идейных помочей) *правлящих кругов «элитарная» интеллигенция точно так же «хамеет»* (что, впрочем, отнюдь не удивительно: по своему социальному статусу она является верхним слоем конформистов, занятых в сфере духовного производства, например, мелких буржуа в условиях позднего капитализма).

Она «бесится» от необходимости самостоятельно решать все свои проблемы (от идейно-нравственной ориентации в незнакомом для нее мире, где нет «верхов» и «низов», до необходимости зарабатывать на хлеб) и угрозы потери своих материальных и духовных (как же, мы же «духовные отцы нации»!) привилегий. Вот почему она превращается в «хама» ничуть не в меньшей степени, чем «некультурный» обыватель. И эти два хама, вначале испугавшись и возненавидев друг друга («бей тех, кто в шляпе!»; «быдло – на виселицу!») очень быстро находят друг друга в общей жажде скорейшего установления власти твердой руки. При этом «элитные» интеллигенты подчас не просто хамеют, но озверевают в своем призыве к уничтожению революции, а заодно и культуры (достаточно вспомнить люютую ненависть многих «интеллигентов» к Блоку, Маяковскому и многим другим деятелям культуры, доходившую до призывов их прямого уничтожения, поддержку со стороны ряда эмигрантов-«интеллигентов» немецкого фашизма, уничтожавшего целые народы, не говоря уже о памятных культуры – перечень легко продолжить...¹).

В этом смысле мы можем с полной ответственностью сказать, что «хам» (в том двояком смысле, который был раскрыт выше) *есть действительно главная опасность всякой революции и культуры*. Именно поэтому *двойственность масс (в том числе – интеллигенции) в революции (субъект социального творчества – «хам»)* *есть глубочайшее и опаснейшее противоречие*, разрешение которого возможно в той мере, в какой революция выдавливает из трудящихся (в том числе намеренно повторим, – интеллигенции) не просто раба, но и хама, помогая им осознано трансформировать самих себя в творцов нового общества и культуры, условием чего, как мы уже писали выше, является интеграция сил революции и культуры.

¹ Весьма интересны в этой связи заметки М.И. Воейкова о социально-политических воззрениях В. Розанова и И. Бунина (см.: *Воейков М.И. О марксизме, большевизме, национализме и гуманизме* (Заметки на полях прочитанных книг) // Альтернативы. 2001. № 2. С. 227–230).

Революции как локомотивы истории,
революции и реформы

Будучи особым миром социального творчества, [временным – если мы говорим о социальных революциях в рамках «царства необходимости»] торжеством социальной свободы, революция рождает особый тип социального времени и пространства. *Мощные выбросы энергии революционного творчества массового субъекта спрессовывает социальное пространство и время, существенно меняя их конфигурацию.*

В течение нескольких дней или месяцев в революционные периоды происходит столько исторических событий, сколько не случается за десятилетия застоя или стагнации. *Время революции как время непосредственного социального творчества несетя необычайно быстро, требуя от участников этого процесса столь же быстрой и точной, самостоятельной, творческой (и в этом смысле – обязательно талантливой) реакции (выше мы особо отметили, что в условиях революций человеческие таланты оказываются востребованы в массовых масштабах, ибо истории, которая, так же как и природа, не терпит пустоты, в условиях слома старой системы требуются – и в массовых масштабах – творцы новых общественных форм; в этом величие и опасность этих эпох).*

Не менее радикально изменяется и социальное пространство: *революция спрессовывает субъектов социального творчества в единый интернациональный мир, где рабочие и крестьяне не только крупнейших стран, но и деревень в глухих районах других континентов (и это, заметим, в эпохи, крайне далекие от информационной эры) не просто узнают о революции (в Петрограде или Париже), но и готовы своими действиями поддержать товарищей по борьбе. В этих условиях «центр» и «периферия» существенно меняют свою конфигурацию; зачастую вообще преодолевается периферийность, и на маленьких окраинах «цивилизованного мира» (таких, например, как Куба в конце 50-х годов XX века) происходят события, потрясающие весь мир. В результате спрессованное в пространстве и во времени социальное творчество миллионов людей (до и после революции, в «обычные» эпохи, рассеянное по миру и истории) вызывает к жизни огромные общественные силы, порождая чрезвычайную насыщенность этих кратких эпох взаимосвязанными событиями и изменениями.*

В условиях социальных революций историческое время несетя необычайно быстро, а пространство спрессовывается, сокращая социальные дистанции между людьми, классами и государствами, ибо здесь действуют законы непосредственного социального творчества, когда для созидания новых общественных отношений используется энергия (1) широких масс, а не узкого слоя элиты, и (2) эта энергия направляется на творение истории прямо и непосредственно (вне барьеров отчуждения). Именно поэтому революции становятся «локомотивами истории».

Именно социальные революции оказываются пространством и временем максимального (в рамках «царства необходимости») продвижения человечества по пути социального освобождения. Революции, подчеркнем это вновь, оказываются теми уникальными периодами предистории, когда люди сами, непосредственно, на глазах у ошеломленных обывателей создают новые общественные отношения и оформляющие их институты: новые отношения собственности и распределения, новые формы организации труда и политической жизни. В течение дней и даже часов создаются общественные феномены, навечно остающиеся в истории – Декларация прав человека, Советы рабочих и крестьянских депутатов и тысячи других...

Но это происходит только в той мере, в какой эти действия не вырождаются в активизм и волюнтаристическое насилие. Между тем на практике в той или иной мере (а для нас объективно важна именно эта мера) все имевшие место в истории революции «переболели» этой заразой вырождения; все – от крестьянских войн и Войны за независимость до Великой французской и Великой Октябрьской революций – и истории еще предстоит рассудить, где была, а где не была перейдена та качественная грань, за которой революция вырождается в бунт, где перегретый пар взрывает «локомотив истории», неся разрушения, жертвы и социальный регресс. Но как угроза взрыва локомотивов не могла остановить процесс развития железных дорог, так и угроза вырождения революций не может остановить прогрессивных изменений, непосредственно и прямо совершаемых трудящимися на пути к «царству свободы».

А что же реформы? Можно ли их квалифицировать как социальное творчество, шаги к освобождению Человека? Опять же оставляя в стороне раскрытые авторами в предшествующих публикациях политические аспекты проблемы, ограничимся лишь одной социофилософской ремаркой. В рамках «царства необходимости» на этапе, который мы назвали «закатом» этой системы, с необходимостью появляются феномены, которые, с одной стороны, подрывают системное качество мира отчуждения, а с другой как бы добавляют ему новую, молодую кровь, помогая найти ответ на тот вызов, который бросают старому миру им же самим вызванные к жизни силы научно-технического и социального прогресса. Этой «новой кровью» и становятся элементы ассоциированного социального творчества, которые, «вливаясь в старое тело», приобретают вид реформистских переходных отношений, соединяя черты отчуждения (власть рынка, капитала, бюрократии и т.п.) и социального творчества. Именно такими переходными формами, как мы уже заметили, является, в частности, большинство современных общественных организаций, движений и союзов, несомненно способствующих процессу социального освобождения, но в весьма узких рамках и весьма противоречиво.

Суммируя основные тезисы данного текста, можно сделать вывод, что основными предпосылками, которые подводят человечество вплот-

ную к великой эпохе перехода из «царства необходимости» в «царство свободы», являющееся прямым наследником и адекватной формой прогресса и креатосферы, и социального творчества *становятся*:

1) *рост производительности труда и материального богатства, прогресс производительных сил*, создающие необходимые основы для социального освобождения; и в этом смысле все трудящиеся, независимо от их субъективного отношения к прогрессу свободы, являются созидаателями материального фундамента последнего;

2) *прогресс креатосферы*, являющийся, с одной стороны, импульсом повышения производительности труда, прогресса производительных сил, в конечном счете – прогресса личностных качеств человека (развития его родовой сущности), вплотную подводящих к необходимости скачка «по ту сторону» материального производства, к превращению творческого труда в основной фактор развития, а с другой – основой «культурности», созидательной позитивности будущих социальных преобразований, своеобразной «прививкой» против активизма и чрезмерной гносеологической гордыни, условием адекватного постижения законов истории; и в силу этого все культурно-творческие силы общества, кто созидает на протяжении тысячелетий мир креатосферы, также служат делу освобождения Человека;

3) *борьба за социальное освобождение* (идущая через серию реформ и революций к негативной свободе и далее – классовой борьбе пролетариата); пройдя ряд ступеней, она приводит к образованию переходных форм самоорганизации трудящихся и граждан и в конечном счете ведет к формированию субъекта ассоциированного социального творчества, непосредственно совершающего подвиг социального освобождения – коммунистическую социальную революцию.

Именно в коммунистической революции – в процессе качественной трансформации «царства необходимости» в «царство свободы», который займет, возможно, долгие десятилетия, если не более – *силам освобождения действительно нечего терять, кроме цепей отчуждения* (и не потому, что они бедны, а потому, что они превращают в этой революции материальное богатство из самоцели в средство и предпосылку прогресса Человека). Именно в ней они действительно *обретут весь мир* (опять же не потому, что установят всемирную диктатуру, но потому, что откроют дорогу развитию ассоциированного социального творчества, позволяющего Человеку обрести *мир подлинной свободы*, а значит – мир Добра, Истины и Красоты, наследуя развитие всего богатства культуры, накопленного человечеством; и именно с этого момента развитие родовой сущности человека будет происходить в адекватных формах, знаменующих переход от предыстории к истории Человечества).

И это не формула веры авторов. Это «формула» развития объективных тенденций материального производства, креатосферы, практической и духовной борьбы Человека за свое освобождение. Вот почему мы можем,

перефразируя К. Маркса и Ф. Энгельса, сказать, что *мир отчуждения в силу своих внутренних противоречий сам создает материальные и культурные основы и вызывает к жизни социальные силы своего снятия, своих «могильщиков», по мере прогресса производительных сил, развития креатосферы и формирования субъекта ассоциированного социального творчества (борьбы за социальное освобождение).*

* * *

Эпоха непосредственного перехода к «царству свободы», эпоха социалистических преобразований началась в 1917 году в России, но она впитала в себя подвиги, ошибки, кровь, пот и вдохновение известных всему миру и неизвестных никому реформаторов и революционеров; ученых, художников и педагогов; великих мыслителей и «рядовых» новаторов-тружеников... Она породила великие достижения социального творчества и чудовищных мутантов; она стала основой невиданного всплеска культуры и страшных преступлений против Человека...

Мы только начали движение. Величайшему в истории человечества восхождению еще предстоит вступить в решающую фазу. Пока что, на рубеже XX–XXI веков мы переживаем откат, реванш мира отчуждения. Но уже сегодня, анализируя пределы «царства необходимости», противоречия его высшей ступени (позднего капитализма), характерные для нынешних переходных форм ростки будущего, достижения и ошибки (преступления?) мутантного социализма – обобщая все это, мы можем сформулировать известный творческим марксистам закон – *тенденцию возвышения свободы – нелинейного прогресса материальных, культурных и социально-творческих предпосылок «царства свободы»* – и прогнозировать реально видимые черты будущего «царства свободы».

СОЦИАЛИЗМ КАК ПРОЦЕСС НЕЛИНЕЙНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
«ЦАРСТВА НЕОБХОДИМОСТИ» В «ЦАРСТВО СВОБОДЫ»:
ЭСКИЗЫ К ПОРТРЕТУ

Царство свободы в действительности начинается лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства... По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы...

К. Маркс

Эту заключительную часть текста мы начнем с нескольких кратких замечаний о видимых уже сегодня чертах коммунистического будущего, которые дополняют те характеристики «царства свободы», которые

авторы уже обрисовали в упоминавшихся выше своих предшествующих публикациях, показывая будущее не как утопию, но как возможный и необходимый объективный продукт разрешения нынешних противоречий, и это будет своего рода пролог к основному содержанию данного текста.

Замечание первое. Нам хотелось бы специально подчеркнуть отличие разрабатываемой творческим марксизмом теории общества будущего от почерпнутой из примитивных учебников и затем чудовищно вульгаризированной неолиберальной трактовки коммунизма (как общества, напоминающего всеобщую казарму с поголовной уравниловкой и избытком примитивных материальных благ) и социализма как его первой фазы. Более того, и ортодоксальная марксистская трактовка будущего как прежде всего отрицания капитализма требует существенного развития. Для нас «царство свободы» – это прежде всего снятие, *диалектическое отрицание всей предыстории [отчужденной жизни] человечества* (в том числе и капитализма) *и исследование истории креатосферы, борьбы за социальное освобождение.* Это мир, где свободные ассоциации становятся адекватной социальной формой для общедоступной творческой деятельности, а прогресс креатосферы (т.е. диалог, полифонирование субъектов творческой деятельности) становится основным содержанием общественной жизни. Но не менее важно для нас и то, что *расцветить это «царство свободы» может лишь на базе такого материального производства, где уровень производительности труда достаточно высок для того, чтобы свободное время индивидов и общества в целом обеспечивало простор для прогресса креатосферы как основной сферы жизнедеятельности Человека, а социальные отношения по поводу производства материальных благ таковы, что подчиняют последнее задачам прогресса Человека.*

Замечание второе. Путь к этому миру будет не менее (а скорее всего, – более) сложным и долгим, чем дорога от первых буржуазных революций XVI века до мирового торжества промышленного капитализма в конце XIX столетия. И начинается этот путь в условиях, когда творческая деятельность (а сегодня ее ростки пронизывают труд широкого круга людей массовых профессий – и квалифицированного рабочего, и педагога, и врача, а не только ученых и художников) является уделом лишь относительно небольшой части человечества (даже если мы предположим снятие противоречий глобализации и прекращение паразитических расходов, вызываемых милитаризмом, финансовыми спекуляциями, искусственно раздуваемым массовым потреблением, то ныне это будет около 1/3 занятых¹).

¹ Напомним, что «победное шествие» капитализма началось, например, в Англии, когда адекватным для него индустриальным трудом была занята едва ли не меньшая часть жителей этой страны, а в мире – так и вообще несколько процентов населения.

Поэтому мы можем предположить, что на протяжении ближайшей эпохи общедоступной творческой деятельностью окажется только социальное творчество во всем его многообразии: от новаторства на рабочем месте, самоуправления в бригаде или микрорайоне до массовой социально-педагогической и социально-реабилитационной деятельности и изменения фундаментальных основ жизни общества¹. Более того, как бы ни сокращался в дальнейшем удельный вес материального производства и репродуктивного труда, они всегда будут играть роль основы «царства свободы» (что, кстати, было и остается очевидным для всех марксистов).

В силу сказанного, на наш взгляд, правомерно выделение *двух фаз в развитии «царства свободы»* (они неслучайно корреспондируют с идеей двух фаз коммунизма в классическом марксизме) – *формального и реального освобождения труда*. На первой освобождение и общедоступная творческая деятельность оказываются характерны лишь для социальной сферы, формы; содержание труда основной части членов общества остается репродуктивным. В этом случае мы можем говорить о *формальном освобождении труда* (по аналогии с формальным подчинением труда капиталу на доиндустриальной стадии). Именно с *социального (формального) освобождения единственно может начаться* дорога к общедоступному творчеству; вне социального освобождения творчество останется уделом меньшинства, которое при этом будет вынуждено в этой своей деятельности постоянно противостоять (или подчиняться) системе отчуждения.

И лишь по мере прогресса творческого содержания деятельности расширять и углублять освобождение будет становиться *реальным*, когда содержание деятельности и ее общественная форма будут адекватны друг другу, снимаясь в едином качестве диалога, «полифонирования». Но это лишь прогноз будущего.

¹ Другое дело, что ближайшей задачей будущего станет ускоренное развитие таких ключевых для креатосферы и к тому же общедоступных видов деятельности, как образование, воспитание, здравоохранение, социальная реабилитация и т.д.

p.s. Футуризм как снятие консерватизма: в поисках альтернатив мультикультурализму

Этот текст, завершающий заключительную часть книги, носит несколько необычный, философский и, вместе с тем, публицистический характер. Он посвящен одной из наиболее тонких и спорных тем, лежащих в пространстве альтернатив миру отчуждения. Более того, он является скорее гипотезой (причем сырой, недавно появившейся на свет), нежели плодом долгих разработок и обсуждений.

Более того, он стал плодом прежде всего наших диалогов с Людмилой Булавкой-Бузгалиной, которой по праву принадлежат все позитивные результаты наших размышлений. Недостатки же и недоработки этого фрагмента остаются целиком на совести А. Бузгалина¹.

Хиджабы на Елисейских полях

Мы любим Москву. Но она становится чужой. Наш город все более оккупируют бесцветный офисный планктон и выглядывающие из щелей забито-злобные лица. Мы не о «лицах кавказской национальности» на рынках, не о поэтах и инженерах из Средней Азии, чистящих снег на наших улицах. В той Москве, которую мы любим, грузины, армяне, чеченцы, узбеки, киргизы украшали наш общий город. Сегодня город губит серость. Она убивает город Пушкина и Маяковского больше, чем «Макдональдс» на Пушкинской площади и реклама кока-колы на площади Маяковского.

Мы любим Париж. Но сегодня нас не тянет в него вновь и вновь как когда-то: по вечерам на Елисейских полях и Больших бульварах хозяином становятся ветер и лица-без-лица, напоминающие нам хозяйничавшую на помойках дворовую шпану эпохи брежневского застоя. Они оскорбляют шарм этого города поэтов, художников и коммунаров не меньше, чем супермаркеты. И опять же дело не в цвете кожи или наличии/отсутствии платка на голове у женщины. Дело в серости/равнодушии одних и заботности/озлобленности других.

Наши близкие росли в разных уголках большой многонациональной страны. Мы никогда не забудем поэзию кривых улочек среднеазиатских

¹ А. И. Колганов в данном случае выступил как конструктивный критик и редактор текста.

городов, по которым люди ходят вот уже 5 тысяч лет... Но нам претит смесь из паранджи и «хаммеров», оскверняющая поэмы Низами.

Нам чем дальше, тем холоднее и бесприютнее на улицах культурных центров мира. И не только потому, что везде продается один и тот же китайский ширпотреб и рекламируются одни и те же транснациональные монстры. Власть ТНК, рекламы и пиара ужасна (мы были, есть и будем альтерглобалистами – критиками неолиберального глобализма и сторонниками социально ориентированной интеграции). Но чем дальше, тем больше чувствуется, что все большая загрязненность экзистенциального и культурного пространства наших миров не менее страшна, чем поступь «железной пяты» неолиберальной глобализации.

И еще: требования Европы без мигрантов со стороны ультраправых в ЕС; антизападные истерии в исламских странах; «русские марши» в нашей стране; русофобия в Прибалтике, Украине, и не только, – все это не просто досадное исключение из правил. Это не просто всплески маргинального хулиганья. *Национализм в превратной, иррациональной форме выражает теневую сторону реальных интересов едва ли не большинства трудящихся наших стран.* Причем не только озабоченность ростом конкуренции на рынке труда, но и глухую, переходящую в озлобление, толком не осмысленную тоску, вызываемую деградацией национальных культур, чужеродностью пространства: наши улицы, парки, театры становятся чужими. И «простой» человек об этом глухо «мычит», не умея проговорить.

А «продвинутый» интеллектуал говорит ему: Ты не прав: Ты не [мульти]-культурен, Ты не толерантен, Ты не демократичен, Ты не плюралистичен. И тогда «рядовой» человек – не только работяга с завода, но и учитель – говорит: а мне плювать на ваш плюю-рализм.

Он не прав – наш «рядовой» товарищ, злящийся на знаки демократии, которыми иные «демократы» камуфлируют свое равнодушное желание запереться в замкнутом мирке постмодернистского безразличия. Он не прав, наш товарищ рабочий, когда злится на то, что по улицам его открытого города ходят женщины с закрытыми лицами. Он не прав, когда считает, что главными организаторами насилия на улицах российских городов стали кавказцы. Он не прав, когда на кухне с сочувствием говорит о том, как набили морду «черно...», пристававшему к нашей девчонке. Он более чем не прав: он катится к расизму, который несколько десятилетий назад казался невозможен в нашей стране, где девушки мечтали, чтобы за ними поухаживал джигит с Кавказских гор.

Но мы задаем другой вопрос: почему наш *товарищ*, все чаще неявно, на подспудно-бытовом уровне, но упорно катится к этой неправоте? И еще: почему он не хочет слышать, с раздражением выключая телевизор, интеллектуала, говорящего правильные вещи о равноправии наций, народов и рас, о важности диалога культур и традиций? Может быть, потому, что мультикультурализм, при всей формальной правоте лозунгов

о равноправии культур, реально скатывается к безразличию по отношению к тем или иным отчужденным формам различных социально-бытовых, религиозных, экономических и т.п. отношений?

Может быть потому, что «простой» человек прекрасно понимает, что не может быть культурного равенства между полноправным и в большинстве своем хорошо обеспеченным представителем «среднего класса» Евросоюза и бесправным и в большинстве своем откровенно бедным иммигрантом? Что один будет навязывать силой (силой рынка и капитала) свои «цивилизационные» стандарты (по сути – стандарты их капиталом контролируемого рынка), а другой сбегать от этого давления в гетто реакционных форм религиозности и патриархальности?

Или потому, что он понимает, что не может быть культурного равноправия между полноправным гражданином Евросоюза и [нелегальным] мигрантом?

А еще потому, что «нутром» сомневается в том, что нормально пропагандировать однополюю любовь. И, главное, «нутром» сомневается в том, что нормально и единственно-правильно отказываться от каких-либо эстетических и нравственных критериев, объявляя любое стремление к Истине, Добре и Красоте тоталитаризмом в духовной сфере...

А еще этот «простой» человек не верит интеллектуалу-постмодернисту в его проповеди мультикультурализма, ибо он очень часто сталкивается с тем, что такой интеллектуал все больше несет ему либо рыночно-симулятивный масс-культурализм, либо якобы элитный *внекультурализм*, отправляя массы на стадионы впадать в полунаркотический кайф от дергающейся под фанеру поп-звезды, а «элисту» – испытывать эстетическое наслаждение, любуясь закутаным в целлофан и обрызганным краской муляжом трупa.

Большинство «обычных» людей, если они не в полной мере отравлены миром отчуждения, потребительства и масс-культуры, обладают мощной инерцией реального бытия (работы, любви, общения) в мире несимулякров. Они обладают этой инерцией, ибо, не отличив реальных ценностей от имитаций, невозможно производительно трудиться, нельзя *быть другом*, нельзя *рожать* и воспитывать детей и делать все те обычные вещи, без которых невозможна реальная жизнь.

Так «обычный» человек в постмодернистском мире симулякров становится не только носителем интенций конформизма и консерватизма, но и хранителем *классики* – того, что Маркс и Лукач называли *родовой сущностью человека*.

В результате субъекту творческой деятельности в мире культуры «простой человек» (как носитель классики) оказывается ближе, нежели кажущийся его собратом представитель креативного класса, создающий симулякры в превратном секторе. Соответственно, кажущийся консервативным рабочий и его собрат, учительствующий в бедной государственной школе, окажутся по одну сторону «баррикад» – в пространстве

времени культуры, а креклы – по другую, в мире симулякров. Первые, при всем их кажущемся консерватизме, окажутся субъектами исторического прогресса, вторые, при всей их постмодернистской «продвинутой» – регресса.

Здесь принципиально важны кажущиеся теоретическими экзерсисами «нюансы».

«Нюанс» № 1. *Классика* (в производстве, культуре, человеческом общении) принципиально отлична от консерватизма, ибо она, в отличие от него, *не устареваает*. И это принципиально. Данная закономерность позволяет, в частности, объяснить, почему Ренессанс не был консервативной ностальгией. Он был восстановлением и развитием классики и как таковой оказался огромным шагом вперед, прогрессом.

«Нюанс» № 2. Вступающий в *диалог* с классикой, распремечивающий ее сущность как бытия родовой сущности человека, футуризм оказывается тем самым способом ее развития, обогащения и, следовательно, созидания новой классики. Столь же верно и обратное: футуризм, не способный, распреметив, возродить (подобно Ренессансу) классику, оказывается ее зряшным отрицанием и потому оказывается в конечном счете регрессивен, обращен назад, и в этом смысле – консервативен¹.

Соответственно, консерватизм, в отличие от классики, есть ничто иное, как увековечивание (консервация) преходящего, исторически отжившего, регрессивного. Как правило, консервативным оказывается стремление к сохранению не феноменов креатосферы, не форм социального творчества (эти два класса феноменов принадлежат в большинстве своем к миру классики), а тех или иных атрибутов мира отчуждения: от устаревших технологий до тормозящих прогресс социальных отношений и институтов, равно как и продуктов духовного производства (но не Культуры).

«Нюанс» № 3. «Рядовые» представители трудящихся являются, как мы уже не раз говорили, носителями отнюдь не только классических

¹ Следует отметить, что большевики критически относились к тезису о пролетарском авторстве *особой* пролетарской культуры, созидаемой в обход классического наследия. Исследуя вопрос взаимосвязи пролетарской культуры и «буржуазного наследия», Л. А. Булавка пишет: «Подчеркивая необходимость и важность подчинения дела просвещения задаче уничтожения классов и устранения всякой эксплуатации человека человеком (это и есть главная цель диктатуры пролетариата), В.И. Ленин в то же самое время отвергал идею пролетарской культуры как *особой* культуры (...). В этой *пролетарской особости* он усматривал «теоретически неверные и практически вредные, всякие попытки выдумывать свою особую культуру, замыкаться в свои обособленные организации» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 337), ибо уже сама сущность пролетариата, связанная с диалектическим снятием классовости, как таковой, исключает эту особенность и в культуре» (*Булавка Л.А.* Пролетарская культура: культура для пролетариата? // *Альтернативы.* 2011. № 4. С. 50).

традиций. В их жизнедеятельности может присутствовать и присутствует и собственно консерватизм, и подчиненность постмодернистскому манипулированию и т.п. Более того, именно они составляют основную пассивную основу конформизма.

Но! Но в этих социальных слоях присутствует и здоровая «классическая» традиция человека-труженика, несущая вечную «родовую сущность человека». Последняя, при прочих равных условиях, тем сильнее, чем в меньшей мере работник подчинен миру симулякров и глобальной гегемонии капитала.

Продолжим наши размышления. Человек, так или иначе выросший на классической культуре (что особенно характерно для наследников СССР), на уровне едва ли не социокультурных «инстинктов» отторгает отчужденные формы бытия, навязываемые ему то ли добуржуазными формами личной зависимости и порабощения человека (неприятие того же хиджаба и многоженства), то ли манипулятивной властью ТНК эпохи позднего капитализма (масса анекдотов о рекламе, проституции и олигархах в нашей, еще не до конца утратившей злое чувство социального юмора стране).

...Прежде чем мы обратимся к анализу причин сложившейся ситуации, еще раз подчеркнем: нам очень стыдно за тот рост национализма и расизма, который стал реальностью в нашей стране и в странах, где живут наши друзья, но мы не будем закрывать на это глаза. С этим надо разбираться, ибо проблема здесь не столько в том, что 10–15 (а в 2014 г. во Франции уже более 20) процентов населения голосует на выборах за националистов, сколько в том, что все больше и больше вполне нормальных французских и английских, североамериканских и русских рабочих и пенсионеров, студентов и учителей искренне не принимают того, что их родные города и поселки с глубокой историко-культурной традицией превращаются в чужое им место жизни, где господствует даже не чужая культура, а пыльные внекультурные симулякры.

Итак, перед нами стоит вопрос: почему мы считаем мультикультурализм питательной средой для распространения идей и практик и правых глобалистов, и правых националистов? И на Западе. И на Востоке. И в России.

Мультикультурализм как конформизм,
или Еще раз о цивилизационном подходе
и критериях прогресса

Поиск ответов на поставленные выше вопросы потребует от нас небольшого экскурса в социальную философию марксизма. И не потому, что авторы выросли на этой методолого-теоретической базе, но потому, что иным путем ответы найти не получается. В самом деле, остаемся ли мы в русле позитивистского описания своеобразности каждой из бес-

конечного множества цивилизаций, уходим ли мы в пространства отрицания «больших нарративов» и деконструкции постмодернизма – в любом случае мы не можем найти обоснованный ответ на вопрос о критерии, позволяющем нам сказать «да» или «нет» хиджабу или пирсингу во всех местах, многоженству или торговле живым товаром.

Констатация многообразия цивилизаций и/или отказ от «больших нарративов» обязывает исходить из уважения к своеобычности каждого из социокультурных пространств: если у вас принято съедать на ужин наиболее достойных из своих близких или убивать в случае смерти вождя его любимых лошадей, слуг, а также любимых жен; или загонять в гроб треть населения страны при строительстве великого города; или отправлять в ГУЛАГ инакомыслящих – это ваше дело. У каждого своя цивилизационная специфика... Цивилизация племени NN требовала жертвоприношений, и ныне мы смотрим блокбастеры, в величественном финале которых десятки людей отправляют мучительно умирать в море на горящем корабле погибшего великого воина. А в России XVIII века цивилизационная специфика обуславливала использование труда крепостных, и восхищающиеся красотами Санкт-Петербурга туристы со всего мира «забывают» о том, что они ходят по костям миллионов людей. Адепты «советской цивилизации» искренне считают инакомыслящих врагами народа. «Цивилизационный код» США построен на том, что об уничтожении индейцев вспоминать в приличном обществе «не принято»...

И авторы отнюдь не преувеличивают. Мы просто констатируем методологический принцип: в рамках позитивизма и/или постмодернизма критерия для выводов о прогрессивности или регрессивности «цивилизационных особенностей» нет и быть не должно.

Или он все же есть? Или все же есть некие всеобщие и вечные «цивилизационные ценности»: неприкосновенность частной собственности, свобода и гарантии рыночных сделок, парламентская демократия, свобода слова?

И опять-таки мы не ерничаем: разговор идет о методологии. Свобода бизнеса – это «естественное» благо всякой цивилизации или историческая специфика рыночно-капиталистической общественно-экономической системы? Крепостничество – это атрибут аристократизма, сиречь цивилизованности («Будь плохонький, да если наберется душ тысячки две родовых, тот и жених...» – это Александр Грибоедов) или все же специфика феодализма? И еще: можем ли мы считать, что наемный труд – форма более прогрессивная, чем рабовладение, а парламентская демократия – чем абсолютная монархия? Или здесь тоже нельзя применять критерии прогресса?

На эти вопросы, скорее всего, у большинства читателей ответ будет однозначным. Критерии прогресса, закамуфлированные под критерии «цивизованности» в экономическо-политической сфере, как правило, признаются.

Но не в сфере обиденной жизни, семьи, религии и культуры.

Между тем они есть и там. И по большому счету эти критерии прогресса едины для всех сфер человеческого бытия: мера снятия социального отчуждения и эмансипации человека определяет меру прогрессивности того или иного сообщества и поступков человека. Нравственное измерение разочуждения позволяет судить о мере добра, эстетическое – красоты...

Это жесткое утверждение, но именно оно позволяет сделать шаг «по ту сторону» социокультурного безразличия.

Здесь мы могли бы поставить точку, ибо главное сказано.

И это главное состоит в том, что человеку нужны достаточно четкие критерии прогресса, а значит – добра и зла, красоты и безобразия, истины и лжи. Нужны везде: в быту, в политике, в семейных отношениях, в любви и ненависти, в дружбе и вражде. В культуре и в науке. У станка и в супермаркете. В театре и у телевизора.

И если мы, интеллигентные и просвещенные люди, отказываемся от определенности, ее привносим в наше сознание национализм и расизм.

Да, безусловно, у этих зол нашего мира есть экономические, социальные, политические корни. Но мы сейчас о другом: о нашей – интеллигенции – ответственности за их распространение. Задумаемся: едва ли не главное, чем привлекательны национализм и расизм – это наличие в них простоты и определенности. Ложных, но четких критериев, позволяющих судить о добре и зле, красоте и безобразии, о том, кто прав, а кто нет, кто друг, а кто враг. Националистические, расистские критерии живы и примитивны, но они есть, и они неслучайны. Интеллигентский же плюю-рализм, отказываясь от критериев прогресса, выплескивает с грязной водой примитивизма и ребенка определенности.

Существенно: этот отказ от всяческой критериальности видимостен: за ним скрывается жесткое деление на «своих» (правильно отказывающихся от определенности и не забывающих получать за это вполне определенный гонорар) и «чужих» (отказывающихся от гонорара, но не от борьбы с социальным отчуждением). Между тем «простой» человек всем опытом своей жизни убеждается (убеждается практически!), что всякий раз, когда тебе надо совершать поступок и отвечать (как минимум перед самим собой) за его результаты – всякий раз в этом случае ты сам должен определиться: добро ты делаешь или зло. Добро или зло несет твоё действие (в большинстве случаев – осознанное, мы же все-таки пока еще люди, а не скоты) другу, возлюбленному, ребенку, старику, соседям, согражданам, стране, ее культуре, миру, истории.

Да-да, именно так: «простой» рабочий и учитель, служащий конторы и нянечка в больнице – все мы, совершая поступок (или отказываясь от его совершения), так или иначе, соизмеряем это [не]деяние с некоторыми критериями, затрагивающими не только ближних, но и «дальних». Пусть не всегда до конца осознанно, компетентно, пусть на кухне или

сидя с приятелем у телевизора, но мы думаем о «больших нарративах». Мы все – и дворники, и профессора, – думаем о том, прав или нет политик, отправляющий наших парней на очередную «локальную» войну во имя демократии или национальной целостности, враги ли нам требующие равноправия мигранты, красива ли сделанная на соседней площади клумба и должен ли наш ребенок учиться вместе с бесцветными ребятами, не уважающими старших и не имеющими столь глубокие и прочные историко-культурные корни, как мы – сыны и дочери народа NN.

И именно потому, что мы, так или иначе, но всегда думаем об этом, именно потому, что мы должны и можем совершать осмысленные *поступки*, нам претит якобы плюралистичный, а на деле – безразличный взгляд многих представителей «элитной» интеллигенции на проблемы каждодневного бытия и культуры. Нам каждодневно нужны критерии добра и зла, красоты и безобразия, истины и лжи. Иначе мы не сможем воспитывать детей и уважать стариков, дружить и любить, помогать товарищам и бороться с врагами. Мы не сможем *совершать поступки*. Мы не сможем *отвечать за них*.

«Интеллектуал» же как раз этой определенности и не хочет – он не хочет совершать интеллектуальный поступок, беря на себя ответственность за истинность или ложность предлагаемого им решения социальной проблемы; за то, красоту или безобразие, добро или зло разбудит в душе человека его музыка или картина... Он хочет уйти от ответственности перед Человеком.

Но при этом (и это только по видимости парадокс) он жаждет признания рынка. Единственный критерий «истины», «добра» и «красоты», который он признает – деньги, которые ему заплатят. По большому счету все равно за что: за «деконструкцию» или за проповедь неприкосновенности частной собственности, за тезис о «конце истории» или за теорию «клэша цивилизаций». А можно еще продавать эпатажные р-р-радикально-левые идеи: если они достаточно «круты», тотальный рынок и из них сделает ходкий товар, превратив в симулякр борьбы за социальное освобождение.

Так в повестку дня снова встает проблема социофилософского определения понятий отчуждения и освобождения, Человека и его деятельности, прогресса и его критериев. Причем не только в политике, но и в культуре, семейной жизни, быту...

Да-да, социальный философ, ответственно и определенно для себя занимающий позицию служения истине и добру, может и должен говорить человеку, что с его точки прогрессивно, а что нет и почему.

Вы спросите: а кто и что дает вам право судить об истине и лжи, добре и зле, красоте и безобразии?

А кто и что дает право врачу решать, ампутировать или лечить пораженную гангреной ногу? Судье выносить оправдательный или обвинительный приговор? Учителю ставить высокую или низкую оценку? Политику отстаивать свою правоту в парламенте или на баррикаде?

Солдату – убивать? Человеку на оккупированной врагом территории – продаваться противнику или идти в сопротивление?

Во всех этих случаях каждый человек должен *совершить поступок* (в данном случае мы всего лишь опираемся на разработки Михаила Бахтина), сам отвечая перед обществом и историей, своими близкими и – главное – перед самим собой, за его правомерность и прогрессивность. И основанием для этого поступка становится культура, знания, идеология Человека – сознательно действующего существа.

Почему мы беремся столь определенно делать такой вывод? Потому что мы сами, будучи, возможно, пигмеями, опираемся на плечи гигантов: на наследие Маркса и Грамши, на деятельностный подход советской школы критического марксизма (Ильенков, Леонтьев, Выготский), на философию поступка Бахтина. Эти полемические заметки – не место для развертывания этих теорий, да они и без нас хорошо известны образованному читателю. Здесь уместна только одна оговорка: отсылая к авторитетам, мы не снимаем ответственности с себя. Ответственности за адекватность распределения их наследия, за правомерность его применения именно к данной теме.

А теперь вернемся к мультикультурализму и попутно ответим на, по-видимому, уже не раз возникавшее у иного читателя желание обвинить нас в идейном тоталитаризме, попрании индивидуальной свободы и сталинистском подходе к культуре.

МАРКС, БАХТИН
И КУЛЬТУРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНТА
КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ:
ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА

Начнем с неожиданного для таких «обвинителей» (но логичного с точки зрения заявленного выше методологического подхода) обращения к другой, не менее важной, чем рассмотренная выше деятельностно-определенная философия поступка и ответственности, стороне проблемы – теме *диалога*. Дело в том, что наши критики действительно имеют немалые основания подозревать нас в сталинизме: у последнего в ряде случаев прослеживаются сходные основания, которые в конечном счете и привели к тому, что иной раз верховным судьей в вопросах искусства и науки становилось Политбюро ЦК КПСС, а проблемы развода выносились на партком. (В скобках заметим: адепты СССР нам скажут, что это бывало далеко не всегда и что критерии рынка и выгоды тоже не лучшие советчики в вопросах культуры и любви, и будут правы) но зачем же одно зло – власть денег – заменять на другое – власть бюрократии?)

Каково же решение названной дилеммы? *Как уйти от методологического безразличия, но не впасть в ересь теоретического, а то и идеологического диктата?*

Принципиальное решение этой проблемы давно известно, но ныне почти забыто. Как мы уже писали выше, в 60-е годы прошлого века и на Западе, и в СССР произошло «открытие» в принципе и ранее известных работ К. Маркса (экономико-философские и экономические рукописи 1844 и 1857–1859 гг.), Д. Лукача (тексты о родовой сущности Человека) и М. Бахтина («Проблемы поэтики Достоевского» и др.), в которых, помимо прочего, много внимания было уделено проблемам отчуждения, творчества и диалога. Именно тогда сформировалась целая плеяда исследователей (в СССР – Э. Ильенков, Г. Батищев, В. Библер и др.), которые показали, что отчуждение есть подчинение человека вне него стоящим общественным силам (разделению труда, рабству, деньгам, капиталу, государству, религии), а творчество есть всегда со-творчество, диалог (и даже *поли-лог*) особенных субъектов особенной деятельности, субъект-субъектное отношение.

Эти, прямо скажем, непростые философские изыскания и стали основой для наших очень жестких выводов, одна часть которых уже была сформулирована выше, а другая будет сформулирована сейчас. Это вывод о том, что снятие отчуждения, продвижение по пути прогресса всякий раз есть не что иное, как диалог творчески-деятельностных субъектов.

Здесь важны все нюансы.

Диалог – это со-творение, спор, соревнование равноправных субъектов. В диалоге нет готового, заранее заданного результата; нет тех, кто прав и кто не прав, кто заранее знает, что истинно, а что нет, что красиво, а что безобразно, что есть добро, а что есть зло.

Но эта неопределенность снимается в процессе *деятельности*, у которой есть результат и он определен, и именно ему общественная историческая практика говорит, истинен ли он, прекрасен ли он, добр ли он. Сказав это, практика всегда открывает тем самым дорогу к новой [само]критике, к новому диалогу-творчеству.

В этот диалог, в процесс со-творчества вступают именно субъекты – свободные, снимающие с себя в этом творческом процессе узы отчуждения люди, которые в своих действиях исходят из всего мирового культурного опыта (практики), так или иначе снятого в их личностном потенциале.

Что означает вся эта философская премудрость для нас с вами, для нашей повседневной жизни? Какое это все имеет отношение к мультикультурализму, мигрантам, хиджабу и национализму?

Прямое. Только *рождаемая мировой культурой и социальным творчеством (разотчуждением) практика дает Человеку критерии Истины, Красоты и Добра*¹.

Уточним: *мировой культурой* – значит бесконечным, открытым в пространстве и времени со-творчеством учёных и художников, «простых»

¹ Напомним, что выше мы вывели эти понятия как, соответственно, теоретическое, эстетическое и этическое измерения разотчуждения, или, иными словами, как снятие отчуждения методами науки, искусства и морали.

учителей и инженеров; *социальным творчеством (разотчуждением)* – значит опытом мировых реформ и революций; *практика* – значит общественная деятельность = отношение; Человеку – значит каждому из нас с вами в той мере, в какой мы включены в эту общественную практику.

Только такой Человек становится сопричастен к творению и распределению Культуры, а значит – истины, добра и красоты, и рождается эта сопричастность только в культурном и социально-творческом диалоге.

На практике это означает, что, *во-первых*, человек, изучивший работы Дарвина, Вернадского и их последователей, может доказать, что Солнце, Земля, ее био- и ноосферы не есть творение господ. Что такой человек будет выступать против религиозной пропаганды, за отделение церкви от школы и государства, а вопрос веры или не веры в бога рассматривать как сугубо личное дело каждого, при этом, однако, имея вполне определенную позицию и доказывая, что религия есть форма отчужденного общественного сознания и подчинения человека, и что снятие (не запрет!) религии есть вектор прогресса. Такая позиция будет сугубо отлична от плюралистично-безразличного отношения к тому, учат ли детей в школе закону божьему или нет.

Принципиально важно: такой человек будет именно *доказывать*, и именно в *диалоге*, что бога нет, а не принуждать при помощи парткома не верить в бога или при помощи неписанных законов госаппарата верить в того бога, в какого положено верить высшим политическим лицам в данной стране (последнее – проблема не только исламских стран или современной России: попробуйте в США получить высшую государственную должность, публично декларируя, что вы атеист!).

Что, *во-вторых*, личность, выросшая на поэмах Низами и Пушкина, знает и чувствует, что женщина может и должна быть не только формально равноправна с мужчиной, но и свободна от рабства традиций и носить то, что красиво, а не то, что предписано той или иной системой религиозных догм или дресс-кодом фирмы. Такой человек будет активно, всем своим талантом любящего человека, художника, поэта убеждать, что хиджаб и паранджа – продукт исторических религиозных традиций, закреплявших порабощение женщины, ее статус собственности мужа, что как элемент культуры они хороши разве что в случае костюмированной стилизации (наподобие русского сарафана, придуманного для вечно беременных крестьянок средневековой Руси). Он выступит против *запрета* носить хиджаб. Но он будет неустанно объяснять, что любой платок любая женщина может одевать или не одевать в зависимости от своих желаний, но обязательное ношение хиджаба для женщины-мусульманки – это не атрибут «восточной цивилизации» и не альтернатива «западной цивилизации», а символ религиозного и бытового закрепощения, часть реакционной средневековой традиции.

Точно так же он будет бороться с рыночным тоталитаризмом моды (но не с новыми веяниями в искусстве одежды) и формально нонкон-

формистскими уродствами субкультур. Не с «западным стилем», а с бескультурьем, даже антикультурностью, ибо большая часть «дресс-кодов» панков, готов и К° есть такое же свидетельство культурного отчуждения, как и хиджаб.

Другое дело, что эта борьба должна идти не при помощи бюрократических запретов или рыночно-маркетингового манипулирования, а через развитие художественного вкуса, через распространение красоты, через создание пространства, где каждый будет действительно свободно и самостоятельно, включаясь в диалог с мировой историей и культурой костюма, а не под давлением религиозных догм (или рекламы, или стандарта субкультурной среды) выбирать себе стиль одежды.

Он будет последовательно и активно отстаивать свою позицию в вопросах искусства, не запрещая то, что лежит «по ту сторону» красоты, но и не уходя от общественных споров о том, что принадлежит, а что нет, к миру культуры.

Позволим себе в этой связи некоторое отступление.

Искусство – это едва ли не самая тонкая и труднее всего поддающаяся теоретическому рассмотрению сфера творчества. Но не недоступная для научного исследования. Ученый способен *превращать образы в категории* (Л.А. Булавка), хотя делать это едва ли не сложнее, чем открывать законы мироздания. И в той мере, в какой это возможно, мы можем утверждать, что искусство – это выражение (1) отношения (2) субъекта к (3) реальности. В этом, в частности, его отличие и от науки (которая призвана отражать объективные законы реальности ее в-себе и для-себя-бытия) и от не-искусства или, что в данном случае точнее, не-художественного не-творчества.

Претензия ученого и общественного деятеля на то, что он может провести границу между искусством и его не-бытием опять же, мы уверены, будет встречена в штыки большинством наших коллег, особенно – зарубежных постмодернистов.

Однако.

Первый аспект – художественное творчество как *отношение* – есть по сути не что иное, как перефразировка известного тезиса о небезразличии *подлинного искусства* (искусства как художественного творчества, а не как сферы производства артефактов-симулякров) к злу, безобразию и лжи – с одной стороны, Добру, Красоте и Истине – с другой. Тем самым подлинное искусство художественными методами выражает отношение художника, его приятие и воспевание того, что содействует научному, эстетическому, нравственному обогащению человека, и художественную критику того, что ведет человека в мир мороков, безобразия, аморальности.

Второй аспект – *субъектность бытия художника* (Л.А. Булавка) – предполагает нечто еще более определенное: наличие некоторой позиции творца произведений искусства, его способность и готовность

принять на себя ответственность за то, какой импульс – гуманизма или отчуждения, творчества или равнодушия – несет он зрителю, читателю, слушателю...

Третий аспект – художественное отображение *реальности* во всем многообразии ее бытия: Природы, Человека, его отношений и деятельности, предметов культуры (в т.ч. материальной). Именно реальности, а не симулякров и превратных форм как псевдореальности. Последнее, правда, позволяет методами искусства показать, что симулякр не есть реальность, есть а-эстетический феномен, несущий по большому счету ложь (простейший пример – слоганы в стиле «Все будет кока-кола!»).

Все сказанное, безусловно, вызов. Вызов постмодернистской эстетике, гламуру и уверенности «элитарной» художественной интеллигенции в том, что она, с одной стороны, есть пуп мира, а с другой – не несет никакой этической и эстетической (как минимум) ответственности за то, что она «творит». Наша позиция есть альтернатива этому бытию и жесткое утверждение, что художник, который не несет миру Красоты, Истины и Добра (в любой форме – от рождающей сугубо эстетический катарсис античной статуи до вызывающей сугубо общественную ненависть к фашизму Девятой симфонии Шостаковича) не есть творец. Он всего лишь производитель «художественных» симулякров, являющийся либо марионеткой платежеспособного спроса и корпоративного манипулирования (большая часть «креативного бизнеса»), либо арт-аутистом.

Завершая наше отступление подчеркнем: сказанное имеет прямое отношение и к другим сферам человеческого бытия. Определенность позиции означает, что человек, берущий на себя ответственность различать прогресс и регресс, не побоится сказать, что физиологическое влечение к представителям своего пола есть биологическое исключение и потому его не следует пропагандировать как норму, а уж тем более навязывать как некий отличительный признак гламурной «продвинутой». Его нельзя запрещать, но можно и должно оставлять в рамках физиологически обусловленного исключения, к которому можно и должно относиться как к той или иной особенности организма некоторых людей.

Что, *в-третьих*, гражданин, впитавший в себя опыт крестьянских восстаний Германии и России, Китая и Индии; буржуазных революций Нидерландов и Северной Америки; социальных реформ европейских и латиноамериканских левых партий и правительств; социалистических революций в России, Германии, Венгрии, Китае, Кубе; великих достижений и трагических противоречий СССР – такой гражданин будет сознательно и последовательно выступать за снятие экономических, социальных и политических форм отчуждения, ведя диалог со своими товарищами и политический спор со своими идейными оппонентами, находясь в непрерывном процессе поиска новых решений, критично относясь к себе и своим товарищам, к прошлому и настоящему. Он будет знать, что идеи и политические поступки могут быть более или менее прогрес-

сивными, и что кроме того есть идейное и политическое мракобесие (такое, как, например, фашизм), борьба с которым должна быть бескомпромиссной. Он будет доказывать свою правоту, при этом оставаясь открытым к аргументам оппонентов и, главное, новым практикам.

Именно такой – определенной, но не догматической, открытой диалогу, но не безразлично-никакой – может (и на наш взгляд должна) быть позиция интеллигентного человека. Такой может (и на наш взгляд должна) быть позиция левых общественных организаций и движений.

Все это позволяет определить и нашу позицию по социокультурным аспектам бытия иммигрантов в странах «центра» и «миссионеров» (назовем так граждан «золотого миллиарда») в странах «периферии». На наш взгляд, вопрос в данном случае не в том, что хиджаб или специфика поведения первых в Париже не соответствует цивилизационным стандартам французов, а полуголые татуированные тела европейских или североамериканских туристов – нормам ислама. Вопросы в другом:

С одной стороны, это вопрос, несет ли набор из гламурных симулякров, формального этического плюрализма и культа утилитарного [пере]потребления, помноженных на экономические формы гегемонии корпоративного капитала и политико-идеологическое манипулирование НАТО – способна ли эта экспансионистская смесь помочь прогрессу культуры и гуманизма в странах «третьего мира»?

И другая сторона того же вопроса: способны ли мигранты (гости, туристы из стран «периферии», и не только) в Париже распределить культурное наследие Франции, вступить с ним в диалог, обогатить в процессе со-творчества, а не разрушать высочайшие культурные наследия той же Европы, пытаясь сохранить свое зачастую отстало-некультурное бытие, несущее во многих случаях (что греха таить) снижение в «центре» общего «цивилизационного стандарта»?

Общий контекст ответа на эти вопросы для марксиста очевиден: глобальная гегемония капитала есть та метаоснова, которая порождает «макдональдизацию» и «замусоривание» и «периферии», и «центра».

Но в данном случае требуются существенные уточнения: проблема с этико-эстетической точки зрения не в том, что эмигрант или «миссионер» являются носителями чуждой «цивилизации», а в том, повторим, *достаточно ли он культурен, развит, образован и, главное, открыт к диалогу с иным для того, чтобы распределить культуру того мира, в который он иммигрировал, обогащая ее своими традициями.*

Практики показывают, что на место культурного диалога глобальная гегемония капитала несет «вывоз» в страны третьего мира преимущественно симулякров тотального рынка, а не ценностей европейской, североамериканской и т.п. культуры, а в странах «центра» оказывается все больше граждан «третьего мира», большинство из которых тот же капитал обрек столетиями своего господства над ними на низкий уровень знаний, квалификации, бытовой культуры и т.п.

В результате «Север» несет «Югу» преимущественно превратные формы позднего капитализма (ту самую «макдональдизацию»), а «Юг» – превратные формы позднего феодализма, помноженного на противоречия периферийного капитализма (в частности, те самые «хиджабы»).

И потому, возвращаясь к темам, с которых мы начали наши размышления, авторы готовы утверждать, что мы можем и должны говорить о том, что хиджаб на Елисейских полях не может быть нормой точно так же, как реклама кока-колы в Каире (равно как и в Париже). Что национальный костюм хорош в некоторых случаях как феномен культуры, но он плох как вызов инородцу. Что левые должны деликатно, но последовательно выступать с антирелигиозных позиций независимо от того, выгодно это или нет с точки зрения электоральных предпочтений. Что мы можем и должны вполне определенно говорить о том, что мир человека должны наполнять любовь (во всей ее и физической и духовной красоте) и дружба, однозначно выступая против отношения к другому человеку как исключительно объекту получения физиологических удовольствий или выгоды. И это будет не ханжество, а культура. Что с нашей точки зрения семья, диалог отцов и детей должны быть прежде всего миром межличностных отношений (очень сложных, противоречивых, трагических и прекрасных), а не религиозных традиций или рыночных сделок.

«ПО ТУ СТОРОНУ» СИМУЛЯКРОВ КУЛЬТУРНОГО ПРОТЕСТА

Для многих наших коллег по левому движению, особенно в Западной Европе и США, сказанное покажется едва ли не реакционно-правой пропагандой застарелых советских догматиков. Мы готовы к такой критике. И сразу возразим. Во-первых, в советском образе жизни было многое не только от бюрократического ханжества, но и от человеческих отношений посткапиталистического будущего, от того, что еще не известно большинству граждан «цивилизованного» Запада. Но главное даже не в этом. Главное в том, что, *во-вторых*, в левом пространстве сегодня возникло много выморочно-искусственных форм человеческих отношений, якобы альтернативных по отношению к миру капитализма, но на деле не менее отчужденных, чем собственно капиталистические формы.

Нормальный, «обычный» человек чувствует фальшивость этой псевдоальтернативы мира контркультур, «легких» наркотиков, «свободного» секса, терпимости к безобразию под видом плюрализма в сфере искусства и т.п. И он совершенно оправданно не идет на поддержку этого псевдопротеста (в лучшем случае отдавая ему в молодости дань как некой моде). Он чувствует неснятость отчуждения в этих формах, замещающих содержательный протест формальной игрой в инакость, причем преимущественно внешнюю, в инакость там и тогда, где и когда

она не мешает глобальной гегемонии рынка и капитала и даже может быть ей поглощена и превращена в очередной модный «тренд». И в этой погоне за инакостью, за внешним, формальным отрицанием и деконструкцией всего, за внешним отрицанием всех форм капиталистического мира иные из левых начинают убивать те культурные основы, на которых паразитируют рынок и капитал, но которые от этого не теряют своей гуманистической значимости.

Такие левые, стремящиеся «детерриализовать» все и вся, проигрывают правым по многим вопросам культуры, семьи, человеческих отношений. В своем формальном протесте *такие левые выступают против культурных основ подлинного человеческого бытия*, против *классики*, только на том основании, что сегодня они имеют капиталистическую форму.

И здесь мы проигрываем правым, стремящимся сохранить эту форму как то, что уже подчинил капитал.

Проигрываем, ибо «простой» человек не настолько прост и примитивен, как подчас кажется левым интеллектуалам. Он прав в своем стремлении защитить любовь, настоящее искусство, нравственные нормы. И если левые не приходят к нему с четкой программой, показывающей, как очистить этот мир человеческой культуры и нравственности от капиталистических, религиозных и т.п. наслоений, предлагая вместо этого некую авангардную или постмодерную внекультурность и внеморальность, этот человек отворачивается от нас и вынужденно идет к правым.

И главное: *мы должны вернуть себе этот культурный мир не потому, что это принесет больше голосов на выборах, но потому, что это не менее важное условие человеческого развития и разотчуждения, чем снятие эксплуатации*. Посему наша задача – не плестись в хвосте ханжески-правых (как это делают иные из вождей коммунистических партий на постсоветском пространстве, проповедующие патриархальные нормы едва ли не позднефеодальной поры), попадая в разряд консерваторов, и не убегать от проблемы снятия отчужденных этических и эстетических норм, а предлагать свою модель ренессанса *классики* и ее обогащения, совместного со-творения в открытом диалоге нового нравственного и культурного пространства, в котором процесс разотчуждения личностного, семейного, каждодневного бытия и быта человека станет реальностью.

Мы более 20 лет ездим по миру и знаем, что писать так, как это сделано выше, «цивилизованные» интеллектуалы не должны.

Но мы знаем и другое. Постмодернистское отрицание «больших нарративов», апология деконструкции и возведенный в фетиш отказ от определенности уже обернулись *культурным отступлением*, а кое-где и провалом *левых*. И умеренных, и радикальных. И европейских, и азиатских. И российских, и североамериканских.

В 1917 и в 1968 гг. у нас были Маяковский и Неруда, Эйзенштейн и Годар, Дунаевский и Шостакович, Шолохов и Сартр, Пикассо и Сикейрос, Шоу и Брехт... Были споры, но были *диалог* и *тренд*.

Сейчас в левой среде тоже есть несколько хороших поэтов, писателей и художников, которых кое-кто знает в тех или иных странах, а в России не знает практически никто, кроме профессионалов от левого искусства, коих едва ли наберется десятков на 150-миллионную страну...

А «обычный» человек вынужден потреблять (не распредмечивать, а именно потреблять) масс-культурные симулякры, о которых их «творцы» цинично говорят: «пипл хавает». В результате на улицы Парижа и Москвы выплескиваются не поэзия Фирдоуси и не философия Конфуция, не архитектурные или музыкальные традиции Востока и России, а внешние реакционные институты, правила, формы феодально-азиатских отношений отчуждения и подчинения человека, его бытия и духа, его семьи и общества.

А на улицы Шанхая и Каира приходят не Хемингуэй и Гайдн, а совокупность капиталистически-европейских форм позднего капитализма – симулякры рекламы, масс-культуры, пошлости. Именно эти отчужденные отношения и их формы – как азиатски-добуржуазные, так и европейски-позднекапиталистические – нельзя принимать.

Посему мы можем и должны выступать против паранджи и в Тегеране, и в Париже, ибо она не атрибут культуры Востока, а символ феодального закрепощения женщины; против коммерческой попсы и в Москве, и в Нью-Йорке, ибо это не западная культура, а симулякр, порожденный рыночным фундаментализмом. Мы должны предложить *недвуусмысленную, определенную альтернативу и агрессивной антикультуре, и внекультурной пыли*, идя от постмодернистской неопределенности не назад, к идеологическому диктату в культуре, а вперед, к ответственному диалогу субъектов социального творчества.

Такова наша позиция. Жесткая позиция, ее, скорее всего, не примет ни просвещенный западный интеллектуал, ни искренний религиозный фундаменталист, ни правые, ни многие левые. Но мы считаем ее правильной и надеемся на содержательную дискуссию.

* * *

В заключение небольшая ремарка о специфике данного текста. Он практически полностью был посвящен вопросам культуры, семьи, нравственности... В нем было очень мало сказано об экономике, политике, социальных противоречиях. Мы сознательно пошли на это. Не потому, что мы считаем социально-экономические и политические вопросы второстепенными. Напротив, мы уверены, что коренные проблемы лежат именно в этих сферах, и что проблемы культуры и нравственности будут решаться преимущественно на основе снятия базисного отчуждения. Мы это сделали исключительно потому, что на темы экономики и поли-

тики нами в этой книге было написано очень много, а вот на темы культуры и морали...

И еще.

Всякий раз, когда в тексте писалось «мы», авторы данного текста имели в виду не только себя, но и многих наших товарищей из круга «Альтернатив» на постсоветском пространстве. Возможно, нас поддержат и некоторые из «западных» и «восточных» читателей этого текста...

библиография¹

- Абовин-Егидес П.М.* ...И моя вина. Меморандум всем, кто заинтересован в демократическом движении в СССР. Париж, 1987.
- Абовин-Егидес П.М.* Наш звездный час. М., 2000.
- Абовин-Егидес П.М.* Сквозь ад: «в поисках третьего пути». М.: Молодая гвардия, 1991.
- Автономов В.С.* От «экономического империализма» к стремлению к взаимообогащению // *Общественные науки и современность*. 2010. № 3.
- Агитон К.* Альтернативный глобализм. Новые мировые движения протеста. М.: Гилея, 2004.
- Аккерман Ф., Ананьин О., Вайскопф Т., Гудвин Н.* Экономика в контексте (вопросы преподавания экономической теории) // *Вопросы экономики*. 1997. № 2.
- Алле М.* Основные направления моей работы // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков*. Т. V. Книга 1. М.: Мысль, 2004.
- Альтерглобализм: Теория и практика «антиглобалистского» движения* / Под ред. А.В. Бузгалина М.: УРСС, 2003.
- Альтюссер Л.* За Маркса. М., 2006.
- Амин С.* Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира / Пер. Ш. Нагиб, С.М. Кастальский. М.: Европа, 2007.
- Ананьин О.* Карл Маркс и его «Капитал»: из девятнадцатого в двадцать первый век // *Вопросы экономики*. 2007. № 9.
- Ананьин О.И.* За «экономический империализм» без амбиций, или О формах междисциплинарных взаимодействий // *Общественные науки и современность*. 2009. № 6.
- Антипина О.Н.* Информационная экономика: современные технологии и ценообразование. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2009.
- Антипина О.Н.* Экономика и счастье: парадоксальная взаимосвязь // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2014. Т. 181. № 2.
- Антипина О.Н.* Экономическая теория счастья как направление научных исследований // *Вопросы экономики*. 2012. № 2.
- Арсланов В.Г.* Постмодернизм и русский «третий путь». Tertium datur российской культуры XX века. М., 2007
- Аузан А.А.* Институциональная экономика для чайников. Часть 9 // *Esquire*. 20 января 2011.

¹ Составлена О.В. Барашковой под руководством А.В. Бузгалина и А.И. Колганова.

- Аукционек С. Бартер в российской промышленности // Вопросы экономики. 1998. № 2.
- Бадью А. Делез. Шум бытия. М.: Logosaltire. 1998.
- Балацкий Е.В. За пределами «экономического империализма»: продолжение сложности // Общественные науки и современность. 2012. № 4.
- Баллаев А. Читая Маркса. М., 2004.
- Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. М.: Прогресс, Универс, 1994.
- Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997. (Серия «Философы России XX века»).
- Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969.
- Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963.
- Бауман З. Философские связи и влечения постмодернистской социологии // Вопросы социологии. 1992. № 2.
- Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1962.
- Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS. 1993. Вып. 1.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 2000.
- Бенсауд Д. Маркс. Инструкция по применению. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012.
- Бердяев Н. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.
- Бердяев Н. Судьба России. М.: Наука, 1990.
- Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М., 2004.
- Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1999.
- Библер В.С. Мышление как творчество. М., 1975.
- Блайндер А. Экономическая теория чистки зубов // Thesis. 1994. Вып. 6.
- Богданов Б.В., Грецкий М.Н., Ярцев Б.К. Был ли у России выбор? М.: РАН, 1996.
- Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.
- Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, 2006.
- Бойков В., Тощенко Ж. Отчуждение: экономическое сознание в социологическом измерении // Диалог. 1990. № 13.
- Боуман Э., Стоун Р. Рабочая собственность (Мондрагонская модель): ловушка или путь в будущее? М.: Экономическая демократия, 1994.
- Бузгалин А.В. «Анти-Поппер» (Социальное освобождение и его друзья). М., 2003.

- Бузгалин А.В. В поисках альтернатив мультикультурализму: Маркс, Бахтин и хиджабы на Елисейских полях // Культура: поиски будущего. Навигация – Маяковский / Под ред. Л.А. Булавки-Бузгалиной. М.: КомКнига, 2014.
- Бузгалин А.В. Пути к «царству свободы» // Общественные науки и современность. 1989. № 5.
- Бузгалин А.В. Взаимосвязь противоречий коренных производственных отношений социализма // Вопросы экономики. 1986. № 10.
- Бузгалин А.В. Глобализация, антиглобалистское движение и Россия // Альтернативы. 2001. № 4.
- Бузгалин А.В. Еще раз к критике ортодоксального антимарксизма в социально-экономической теории // Альтернативы. 2005. № 4.
- Бузгалин А.В. Китайская модель – будущее социализма? // Альтернативы. 1996. № 2.
- Бузгалин А.В. Контргегемония и контрглобализация. К проблеме выработки стратегии противодействия глобальной гегемонии капитала: взгляд из России (тезисы к дискуссии) // Альтернативы. 2001. № 1.
- Бузгалин А.В. Мифы рынка. М.: Экономическая демократия, 1992. (Научно-публицистическая серия «Третий путь»).
- Бузгалин А.В. Мутантный капитализм как продукт полураспада мутантного социализма // Вопросы экономики. 2000. № 6.
- Бузгалин А.В. Переходная экономика: курс лекций по политической экономии) / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Таурис, 1994.
- Бузгалин А.В. (отв. ред.) На пути к экономической демократии. Международный опыт: В 2-х кн. / Под ред. А. В. Бузгалина. М.: Экономическая демократия, 1994. (Серия «Третий путь»).
- Бузгалин А.В. Постиндустриальное общество – тупиковая ветвь социального развития? // Вопросы философии. 2003. № 2.
- Бузгалин А.В. Постмодернизм устарел // Вопросы философии. 2004. № 2.
- Бузгалин А.В. По ту сторону «царства необходимости» (эскизы к концепции). М., 1998.
- Бузгалин А.В. Противоречие непосредственно-обобществленного труда // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 1984. № 3.
- Бузгалин А.В. Противоречия самоуправления, централизма и самостоятельности в плановом хозяйстве. М.: Издательство МГУ, 1988. 128 с.
- Бузгалин А.В. Революция: взгляд через 90 лет // Альтернативы. 2007. № 3.
- Бузгалин А.В. Ренессанс социализма. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Бузгалин А.В. Роза Люксембург: ответы на вызовы времени // Альтернативы. 2012. № 2.
- Бузгалин А.В. «Русский вопрос»: марксистский анализ // Альтернативы. 2013. № 2.

- Бузгалин А.В. Социальные революции: ассоциированное социальное творчество и культура // *Альтернативы*. 2005. № 1.
- Бузгалин А.В. (ред.) Трансформационная экономика России. М., 2006.
- Бузгалин А.В. СССР: оптимистическая трагедия // СССР: незавершенный проект / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: ЛЕНАНД, 2012.
- Бузгалин А.В. Эвристический потенциал политической экономии социализма в XXI веке // *Вопросы экономики*. 2003. № 3.
- Бузгалин А.В. Экономическая демократия. М., 1992.
- Бузгалин А. Экономические субъекты: их отражение в политической экономии и роль в хозяйственной практике // *Экономические науки*. 1984. № 7.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. 10 мифов об СССР. М., Яуза, Эксмо, 2010. (2-е изд. – М., 2012).
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Капитал» в XXI веке: pro et contra // *Вопросы экономики*. 2007. № 9.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Введение в компаративистику (Исследование и сравнительный анализ социально-экономических систем: методология, теория, применение к переходным экономикам). М.: Таурис Альфа, 1997.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М.: УРСС (1-е изд. – 2004; 2-е изд. – 2007).
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Мы пойдем другим путем. От «капитализма Юрского периода» к России будущего. М.: Яуза: Эксмо, 2009.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Мутантный капитализм как продукт полураспада мутантного социализма // *Вопросы экономики*. 2000. № 6.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Нужен ли нам либеральный марксизм? // *Вопросы экономики*. 2004. № 7.
- Бузгалин А., Колганов А. Планомерность в системе экономических отношений социализма. М., 1983.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Политическая экономия постсоветского марксизма // *Вопросы экономики*. 2005. № 9.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранное). М.: Культурная революция, 2009.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Рекомендации по формированию системы самоуправления в трудовых коллективах. М., 1989.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии // *Альтернативы*. 2012. № 2.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела // *Вопросы экономики*. 2004. № 3.

- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Самостоятельность основного производственного звена и ее виды в социалистическом хозяйственном механизме. М., 1985.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Социальный капитал: клей, обеспечивающий устойчивость позднего капитализма, или гексоген в его основании? // *Общественные науки и современность*. 2011. № 3.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Сталин и распад СССР. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Бузгалин А., Колганов А., Шухтин А. Становление планомерной организации социалистического производства. Томск, 1985.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Теория социально-экономических трансформаций. Прошлое, настоящее и будущее экономик «реального социализма» в глобальном постиндустриальном мире. М.: ТЕИС, 2003.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трагедия социализма. М.: Экономическая демократия, 1992.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономическая компаративистика: Сравнительный анализ экономических систем. М.: ИНФРА-М, 2005.
- Булавка Л.А. Культура и революция: диалектика генезиса (в двух частях) // *Альтернативы*. 2007. № 1 и № 4.
- Булавка Л.А. Нонконформизм. М., 2002.
- Булавка Л.А. Постсоветская реальность: императив симулятивного бытия // *Альтернативы*. 2012. № 2.
- Булавка Л.А. Пролетарская культура: культура для пролетариата? // *Альтернативы*. 2011. № 4.
- Булавка Л.А. Ренессанс и Советская культура // *Вопросы философии*. 2006. № 12.
- Булавка Л.А. Советская культура как идеальное коммунизма // *Критический марксизм: продолжение дискуссий*. Изд. 2-е, дополн. и испр. / Под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М., 2002.
- Булавка Л.А. Советская культура как идеальное СССР // *Культура. Власть. Социализм. Противоречия и вызовы культурных практик СССР*. М.: ЛЕНАНД, 2013.
- Булавка Л.А. Советская культура и Ренессанс: социофилософский анализ // *Фундаментальные проблемы культурологии*. Том 6: Культурное наследие: от прошлого – к будущему. М.-СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009.
- Булавка Л.А. Социалистический реализм: превратности метода. Философский курс. М.: Культурная революция, 2007.
- Булавка Л.А. Творчество масс: опережение реальности // *Ленин online: 13 профессоров о В.И. Ульянове-Ленине* / Под общ. ред. А.В. Бузгалина, Л.А. Булавки, П. Линке. М.: ЛЕНАНД, 2011. (Библиотека журнала «Альтернативы»).
- Булавка Л.А. Феномен советской культуры. М., 2008.

- Булавка Л.А., Бузгалин А.В. Бахтин: диалектика диалога versus метафизика постмодернизма // Вопросы философии. 2000. № 1.
- Булгаков С. От марксизма к идеализму. Сб. статей (1896–1903). СПб., 1904.
- Бьюкенен Дж.М. Сочинения. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы / Нобелевские лауреаты по экономике. Т. 1 / Фонд экономической инициативы. М.: Таурис Альфа, 1997.
- Вазюлин В.А. Логика «Капитала». М., 1968.
- Вахитов Р. Утверждение левых евразийцев. М., 2003.
- Водолазов Г.Г. Диалектика и революция: Методологические проблемы социальной революции. М.: Издательство Московского университета, 1975.
- Водолазов Г.Г. Идеалы и идолы. М.: Культурная революция, 2006.
- Водолазов Г.Г. Уроки творчества, нравственности и свободы. М.: РГГУ, 2010.
- Войков М.И. О марксизме, большевизме, национализме и гуманизме (Заметки на полях прочитанных книг) // Альтернативы. 2001. № 2.
- Войков М.И. За критический марксизм: полемика с учеными. М.: Либроком, 2011.
- Войков М.И. П.М. Абовин-Егидес: проблема свободного научного творчества // Альтернативы. 2005. № 4.
- Войков М.И. Политико-экономические эссе. М., 2004.
- Войков М.И. Предопределенность социально-экономической стратегии. Дилемма Ленина. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
- Войков М.И. Роза Люксембург как политэконом и революционер // Альтернативы. 2012. № 2.
- Войков М.И. Споры о социализме. М., 2001.
- Волконский В.А. Драма духовной истории: внеэкономические основания экономического кризиса. М.: Наука, 2002.
- Всемирная история экономической мысли. В 6 т. / Гл. ред. В.Н. Черковец. Т. 6: Экономическая мысль социалистических и развивающихся стран в послевоенный период (40-е – первая половина 90-х гг.). В 2-х кн. / Под ред. В.В. Радаева. М.: Мысль, 1997.
- Гайдар Е., Мау В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (либеральная апология) (в 2-х частях) // Вопросы экономики. 2004. № 5 и № 6.
- Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития. М. 1998.
- Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия: Quo vadis? М.: Институт социологии РАН, 2003.
- Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 2. М.: Мысль, 1971.
- Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 2005.
- Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977.

- Главная книга о кризисе / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Язуа, 2009. (Серия «Великие депрессии»).
- Гловели Г.Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям. Самара: Алетейя, 2009.
- Гловели Г.Д. История экономических учений. М.: Юрайт, 2013.
- Гравер А. Попытки исследовательской адаптации неомарксизма И. Валлерстайна // Критический марксизм. Поколение next. М.: ЛЕНАНД, 2014.
- Грамши А. Избранные произведения: ТТ. 1–3. М., 1957–1959.
- Гребнев Л. «Мавр» возвращается? А он и не приходил... (к дискуссии о значимости научного наследия К. Маркса) // Вопросы экономики. 2004. № 9.
- Грецкий М. Антонио Грамши // Альтернативы. 1995. № 3.
- Грецкий М.Н. Антонио Грамши – политик и философ. М., 1991.
- Грецкий М.Н. Как защитить незащитимое? (Кое-что о трудах Александра Н. Яковлева) // Альтернативы. 1996. № 2.
- Грецкий М.Н. Марксисты Запада и развитие общества // Социальная философия в конце XX века. М., 1991.
- Грецкий М.Н. Неомарксизм и проблемы социологии культуры. М, 1980.
- Гринберг Р. Возвращение политической экономии (о книге А. Бузгалина и А. Колганова «Пределы капитала: методология и отнология») // Вопросы экономики. 2010. № 11.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & Государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир, 2014.
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
- Гуриев С.М. Три источника – три составные части экономического империализма // Общественные науки и современность. 2008. № 3.
- Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // Отечественная история. 1996. № 1.
- Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в первой половине 30-х годов // Политические партии России. Страницы истории. М., 2000.
- Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
- Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976.
- Давыдов Ю.Н. Бегство от свободы. М., 1978.
- Давыдов Ю.Н. Труд и свобода. М., 1962.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
- Дебор Г. Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М.: Логос, 1999.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998.
- Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.
- Деррида Ж. Золы угасший прах. СПб., 2002.
- Деррида Ж. Кроме имени. М., 1993.

- Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. М.: Ad Margenem, 2000.
- Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с фр. СПб.: Академический проект, 2000.
- Деррида Ж. Позиции. М.: Академический Проект, 2007.
- Деррида Ж. Призраки Маркса. М., 2006.
- Деррида Ж. Хора // Социо-логос постмодернизма. М., 1996.
- Деррида Ж. Эссе об имени. СПб.: Алетейя, 1998.
- Джемаль Г. Освобождение ислама. УММА, 2004.
- Джемаль Г. Революция пророков. М.: Ультра. Культура, 2003.
- Дзарасов Р.С. Национальный капитализм: развитие или насаждение отсталости? // Альтернативы. 2013. № 1, № 2, № 3.
- Дзарасов Р.С., Новоженев Д.В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Дзарасов С.С. Капитал и экономический рост. М., 2004.
- Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовет Россию? М., 2012.
- Дзарасов С.С. Способен ли частный капитал модернизировать российскую экономику? // Вопросы экономики. 2005. № 4.
- Диалектическое противоречие. М., 1979.
- Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа 1920–1930-е гг. СПб., 2004.
- Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения / Под общ. ред. Б. Ф. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2013. (Библиотека журнала «Альтернативы»).
- Драгунский Д.В., Цымбурский В.Л. Генотип европейской цивилизации // Полис. 1991. № 1.
- Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 2000.
- Дугин А.Г. Основы евразийства. М., 2002.
- Дугин А.Г. Проект «Евразия». М., 2004.
- Духовное производство / Под ред. В.И. Толстых. М., 1984.
- Ефремов И.А. Час быка. М., 1970.
- Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М.: РИК «Культура», 1993.
- Жаров Л.В., Золотухина Е.В., Кохановский В.П. Современная философия: Словарь и хрестоматия. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
- Жижек С. 13 опытов о Ленине. М.: «Ад Маргинем», 2003.
- Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011.
- «Застой». Дисконтенты СССР / Под ред. Л. Булавки и Р. Крумма. М.: ТЕИС, Культурная революция, 2010.
- «Застой». Потенциал СССР накануне распада / Под общей ред. Л. Булавки и Р. Крумма. М.: Культурная революция, 2011.
- Зиновьев А. Гомо советикус / Зиновьев А. Собр. соч. в 5 т. Том 5. М.: Центрполиграф, 2000.
- Злобин Н.С. Культура и общественный прогресс. М.: Наука, 1980.

- Злобин Н.С. Культурные смыслы науки. М.: Институт культурологии РАН, 1997.
- Илларионов О.В. Грамши и проблема историцизма // *Философские науки*. 1991. № 1.
- Ильенков Э.В. Дialeктическая логика. М., 1984.
- Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.
- Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. Киев, 2006.
- «Империя»: pro et contra (Критический анализ книги М. Хардта и А. Негри: Материалы дискуссии на семинаре в Государственной Думе) // *Альтернативы*. 2005. № 4.
- Иноземцев В.Л. 12 книг о геополитике: Грустная история // *Ведомости*. 2010. 29 января. № 15.
- Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998.
- Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации. М., 1995.
- Иноземцев В.Л. Очерки истории экономической общественной формации. М.: Таурис Альфа, 1996.
- Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М., 1999.
- Ионов И.Н., Хачатурян В.М. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб.: Алетейя, 2002.
- Исламская интеллектуальная инициатива в XX веке / Под общей редакцией Г. Джемалы. УММАН, 2005.
- Истягин Л.Г. Пацифизм и социализм – тенденция к синтезу // *Социализм-XXI. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма* / Под ред. А.В. Бузгалина, В.Н. Миронова. М.: Культурная революция, 2009. («Библиотека журнала «Альтернативы»).
- Истягин Л.Г. Пацифизм Октября // *Альтернативы*. 2008. № 2.
- Кагарлицкий Б.Ю. Восстание среднего класса. М.: Ультра. Культура, 2003.
- Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2005.
- Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Эксмо, 2009.
- Кагарлицкий Б.Ю. Политология революции. М.: Алгоритм, 2007.
- Кантор К.М. Двойная спираль истории. Историософия проектизма. М., 2002.
- Капелюшников Р. Экономическая теория прав собственности. М., 1990. «Капитал» и Экономикс: Вопросы методологии, теории, преподавания / Под ред. В.Н. Черковца. Вып. 1–6. М.: ТЕИС, 2002–2013.

- Капиталистическая реставрация и социалистические преобразования / Под общ. ред. И.Г. Абрамсона, М.Б. Конашева, М.П. Кропоткина. М.: Культурная революция, 2013. (Библиотека журнала «Альтернативы». Т. 39).
- Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Т. 1. М., 2002.
- Кара-Мурза С.Г. Что происходит с Россией? Куда нас ведут? Куда нас приведут? Вопросы и ответы. М.: «Былина», 1993.
- Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 1990.
- Келле В.Ж. Марксизм и постмодернизм // Альтернативы. 2006. № 3.
- Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Исторический материализм. М., 1969.
- Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история. М.: Политиздат, 1981.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000.
- Клоцвог Ф.Н. Социализм: теория, опыт, перспективы. М., 2008.
- Кляйн Н. No Logo: Люди против брендов. М.: Хорошая книга, 2003.
- Колганов А.И. Жернова истории. Ч. 1 и 2. М.: Альфа-книга, 2012, 2013.
- Колганов А. Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. Опыт развитых капиталистических государств. (Серия «Третий путь»). М.: Экономическая демократия, 1993.
- Колганов А.И. Роза Люксембург и проблема своевременности социалистической революции в России: современные рефлексии // Альтернативы. 2012. № 2.
- Колганов А.И. Что такое социализм? Марксистская версия. М.: Либроком, 2012.
- Коломиец В.К. Грамши: Актуальное наследие // Полис. 1997. № 4.
- Косолапов Р.И. Истина из России. М., 2004.
- Косолапов Р.И. Спасибо – не надо! Марксизм: прошлое, настоящее, будущее. М., 2003.
- Котельников М.Е. Основное противоречие марксизма: социально-философская экспликация. М., 2005.
- Коуз Р. Фирма, рынок и право / Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Дело ЛТД, 1993.
- Критический марксизм: русские дискуссии. / Под ред. М.И. Воейкова. М.: Экономическая демократия, 1999. (Библиотека журнала «Альтернативы»). Критический марксизм: поколение пехт. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию / Под ред. Г.Ш. Аитовой, А.В. Бузгалина, Л.А. Булавки-Бузгалиной. М.: ЛЕНАНД, 2014. (Размышляя о марксизме; Библиотека журнала «Альтернативы»).
- Критический марксизм: продолжение дискуссий / Под ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. М.: Слово, 2001. (Библиотека журнала «Альтернативы»)
- Кто сегодня творит историю: альтерглобализм и Россия / Под ред. А. Бузгалина, Л. Ожогойной. М.: Культурная революция, 2010. (Библиотека журнала «Альтернативы»).

- Кто творит историю – II: альтерглобалистские практики социальных движений и НПО / Под ред. И. Абрамсона, А. Бугалина, П. Линке, Л. Ожогойной. М.: Культурная революция-ТЕИС, 2011. («Библиотека журнала «Альтернативы»).
- Кудров В. К современной научной оценке экономической теории Маркса-Энгельса-Ленина (десять пунктов для размышления) // Вопросы экономики. 2004. № 12.
- Кудров В., Фаминский В. Pulp Fiction, или Книга для обывателей, а не для профессионалов (о книге А. Паршева «Почему Россия не Америка») // Вопросы экономики. 2001. № 6.
- Кузнецов П. По ту сторону отчуждения. М., 1990.
- Кузьминов Я.И., Набиуллина Э.С., Радаев В.В., Субботина Т.П. Отчуждение труда: история и современность. М.: Экономика, 1989.
- Куликов В.В. О переходных формах в условиях капитализма // Вестник МГУ, Сер. Экономика. 1972. № 1.
- Куликов В.В. Становление социализма и «обобществление производства на деле» (Препр. докл.) М.: ИЭ АН СССР, 1984.
- Куликов В.В. Становление социалистических производственных отношений: Очерки теории и методологии. М., 1978.
- Культура. Власть. Социализм. Противоречия и вызовы культурных практик СССР: Луначарский и не только / Под ред. Л.А. Булавки. М.: Ленанд, 2013.
- Культура: поиски будущего. Навигация – Маяковский / Под ред. Л.А. Булавки-Бугалиной. М.: КомКнига, 2014.
- Курашвили Б.П. Новый социализм. К возрождению после катастрофы. М., 1997.
- Курс политической экономии. В 2-х т. / Под ред. Н.А. Цаголова. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Экономика, 1973.
- Кутьрев В.А. Философия постмодернизма. Н.-Н., 2006.
- Ленин online: 13 профессоров о В.И. Ульянове-Ленине / Под общ. ред. А.В. Бугалина, Л.А. Булавки, П. Линке. М.: ЛЕНАНД, 2011. («Библиотека журнала «Альтернативы»).
- Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27.
- Ленин В.И. К вопросу о диалектике // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29.
- Ленин В.И. Крах II Интернационала // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26.
- Ленин В.И. От какого наследства мы отказываемся? / Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2.
- Ленин В.И. Седьмой экстренный съезд РКП(б) 6–8 марта 1918 г. Политический отчет Центрального комитета 7 марта // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36.
- Ленин В.И. Социализм и религия / Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12.

- Ленин В.И. Тетради по империализму // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28.
- Либерализм и социализм: Запад и Россия. К 200-летию со дня рождения А.И. Герцена / Под ред. М.И. Воейкова. М.: УРСС, 2013. («Библиотека журнала «Альтернативы». Т. 34).
- Либман А.М. Направления и перспективы развития политико-экономических исследований // Вопросы экономики. 2008. № 1.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., АЛЕТЕЙЯ, 1998.
- Лобастов Г.В. Ильенков как философ // Вопросы философии. 2000. № 2.
- Лобастов Г.В. Философско-педагогические этюды. М.: Микрон-принт, 2003.
- Логинов В.Т. Неизвестный Ленин. М.: Эксмо, Алгоритм, 2010.
- Лукач Д. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003.
- Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены / Пер. с нем. Общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарского и М.А. Хевеши. М.: Прогресс, 1991.
- Львов Д., Пугачев В., Сухотин Ю. Экономическая наука и практическое реформирование // Российский экономический журнал. 1993. № 1.
- Люксембург Р. Введение в политическую экономию. М., 1960.
- Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II / Перевод под ред. Ш. Дволайцкого. М., Л., 1934.
- Мамардашвили М. Превращенные формы. О необходимости иррациональных выражений // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.
- Мареев С.Н. Встреча с философом Э. Ильенковым. Издание 2-е. М., 1997.
- Мареев С.Н. Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса. М.: Наука, 1984.
- Маркс К. Замечания к программе германской рабочей партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19.
- Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение (конец 1843 – январь 1844 г.) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 1.
- Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13.
- Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23.
- Маркс К. Капитал. Т. II // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 24.
- Маркс К. Капитал. Т. III. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25, ч. I.
- Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25, ч. II.
- Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19.

- Маркс К.* Письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19.
- Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3.
- Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 42.
- Маркс К.* Экономическая рукопись 1861–1863 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 48.
- Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 1 и 2.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Первая программа Союза коммунистов «Манифест коммунистической партии» в контексте истории: Первая программа международного коммунистического движения с комментариями начала XXI века / Под ред. Г.А. Багатурия, Д.В. Джохадзе. М.: ВИУ, 2007.
- Марксизм и будущее цивилизации: материалы коллоквиума «Марксизм: прошлое, настоящее, будущее» IV Рос. филос. конгр. «Философия и будущее цивилизации» / Под ред. Д.В. Джохадзе. . В 2 т. М.: ВИУ, 2006.
- Марксизм: альтернативы XXI века: дебаты постсоветской школы критического марксизма / Под ред. Бугалина. М.: УРСС, 2009. (Серия «Размышления о марксизме»).
- Маркузе Г.* 33 тезиса // Альтернативы. 2007. № 2.
- Маркузе Г.* Конец Утопии // Логос. 2004. № 6.
- Маркузе Г.* Критическая теория общества. М.: АСТ, 2011.
- Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: Refl-book, 1994.
- Маркузе Г.* Разум и революция. СПб.: «Владимир Даль», 2000.
- Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Киев, 1995.
- Матвеев П.А.* А. Грамши о «философии эпохи». По страницам «Тюремных тетрадей» // Философские науки. 1987. № 5.
- Маяковский В.В.* Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка // Маяковский В.В. Собрание соч. в 12 томах. Т. 6. М.: Правда, 1978.
- Медведев В.А.* Перед вызовами постиндустриализма. М.: Альпина Паблишер, 2003.
- Межуев В.М.* Маркс против марксизма: Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007.
- Межуев В.М.* Свобода как время и пространство культуры / Межуев В. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб., 2011.
- Межуев В.М.* Социализм пространство культуры // Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009. (Библиотека журнала «Альтернативы»).
- Московский А.И.* Институционализм: теория, основа принятия решений, метод критики // Вопросы экономики. 2009. № 3.

- Московский А.И. Почему экономисты Гарварда выступают против лекций Грегори Мэнкью? // Экономист. 2012. № 1.
- Мусто М. Отчуждение: критический пересмотр концепции // Альтернативы. 2013. № 3.
- Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003.
- Нарский И.С. Отчуждение и труд. По страницам произведений К. Маркса. М., 1983.
- Нарский И.С. Проблема противоречия в диалектической логике. М.: Изд-во Московского университета, 1969.
- Науменко Л.К. Незнакомый марксизм: новые вопросы и новые ответы. // Альтернативы. 2011. № 1.
- Науменко Л.К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1969.
- Науменко Л.К. «Наше» и «мое». Диалектика гуманистического материализма. М., 2012.
- Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
- Ноув А. Какой должна быть экономическая теория переходного периода (критический обзор) // Вопросы экономики. 1993. № 11.
- Нуреев Р.М. Азиатский способ производства как экономическая система // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М., 1993.
- Нуреев Р. Исторические судьбы учения Карла Маркса // Вопросы экономики. 2007. № 9.
- Нуреев Р.М. Курс микроэкономики. М., 2002.
- Нуреев Р.М. Основы экономической теории. М., 1996.
- Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе: Дониш, 1989.
- Обсуждение книги Т.И. Ойзермана «Марксизм и утопизм» // Вопросы философии. 2004. № 2.
- Общество знаний: проблемы генезиса в условиях экономического кризиса. Материалы научных конференций / Под общ. ред. А.И. Колганова. М.: Культурная революция, 2009. 208 с. (Библиотека журнала «Альтернативы»).
- Огурцов А.П. Отчуждение и человек: историко-философский очерк // Человек, творчество, наука. Философские проблемы. М., 1967.
- Ойзерман Т.И. Проблемы отчуждения и буржуазная легенда о марксизме. М., 1965.
- Осипов Ю.М. Империя Россия, М. – Ростов-н-Д, 2005.
- Осипов Ю.М. Постижение России. М., 2005.
- Павлов М.Ю. Политическая экономия и экономикс: где есть подлинная наука, а где ее симулякр? // Критический марксизм: поколение пехт. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию. М., 2014.

- Павлов М.Ю. Политэкономика и экономикс в XXI веке (в 2-х частях) // Вопросы новой экономики. 2010. № 4 и 2011. № 1.
- Пантин И.К. Проблема политического в концепции Антонио Грамши // Философия и этика: Сб. науч. трудов к 70-летию академика А.А. Гусейнова. М.: Альфа, 2009.
- Паренти М. Демократия для немногих. М.: Прогресс, 1990.
- Паршев А.П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2001.
- Пензин А. Катастрофы «реального капитализма» // Художественный журнал. 2011. № 81/82.
- Печчи А. Человеческие качества. М., 1985.
- Плетников Ю.К. Материалистическое понимание истории и проблемы теории социализма. М.: Альфа-М, 2008.
- Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5 тт. Т. 2. М., 1956.
- Покрытан П.А. О методологии экономических исследований // Экономист. 2011. № 8.
- Политика самостоятельности. Мультикультурные автономии в Латинской Америке и в других регионах мира. М., 2008.
- Политическая экономика социализма в экономической теории XXI века. М.: ТЕИС, 2003.
- Политэкономика провала: природа и последствия рыночных «реформ» в России / Под ред. А.И. Колганова. М.: УРСС, 2013. (Библиотека журнала «Альтернативы». Т. 35).
- Полтерович В.М. Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. 2011. № 2.
- Попова М.А. Критика психологической апологии религии. М., 1972.
- Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992.
- Пороховский А.А. Вектор экономического развития. М.: ТЕИС, 2002.
- Пороховский А.А. Политическая экономика: современные вызовы и перспективы // Экономист. 2011. № 1.
- Постсоветская «сингулярность»: несколько тезисов и историй вокруг одной проблемы // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 2.
- Проблема отчуждения в современной теории культуры, этике и эстетике. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990.
- Проблема человека в современной философии. М., 1969.
- Радаев В. Обновление экономической теории: пути и проблемы. Вопросы экономики. 1992. № 10.
- Радаев В.В. Экономические империалисты наступают. Что делать социологам? // Общественные науки и современность. 2008. № 6.
- Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Методология марксизма и историческое поприще ее плодотворности. М.: Институт перспектив и проблем страны, 1998.

- Розенталь М.М.* Марксистский диалектический метод. М., 1952.
- Рудакова И.Е., Курносова Т.И.* Представление о человеке и человеческий капитал в экономической теории // *Философия хозяйства*. 2013. № 2.
- Рудакова И.Е.* Основное течение экономической теории: потенциал и научная критика // *Вопросы экономики*. 2005. № 9.
- Рудык Э.* Предприятия, управляемые трудом, в России: от формы к содержанию // *Альтернативы*. 2006. № 2.
- Рудык Э.* Трудящийся в управлении производством – творец или робот? (в лабиринтах современной советологии). М.: Наука, 1987.
- Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин)* / Под ред. А.В. Бузгалина, Б.И. Пружинина. М.: Росспэн, 2013.
- Рязанов В.* Какой быть базовой экономической дисциплине в вузах? // *Российский экономический журнал*. 1996. № 11–12.
- С чего начинается личность* / Под общ. ред. Р. И. Косолапова. М.: Политиздат, 1984.
- Сакс Дж.* Рыночная экономика и Россия. М.: Экономика, 1994.
- Сапрыкин В.А.* Антикоммунизм, оппортунизм, контрреволюция. М., 2007.
- Семенов В.С.* Социализм и революции XXI века: Россия и мир. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Семенов Ю.И.* Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М., 2008.
- Сейерс Ш.* Отчуждение как критическая концепция // *Альтернативы*. 2014. № 3
- Славин Б.* «Философия практики» и революция глазами А. Грамши // *Альтернативы*. 2010. № 3.
- Славин Б.Ф.* Идеология возвращается. М., 2009.
- Славин Б.Ф.* Марксизм: испытание будущим. М., 2014.
- Славин Б.Ф.* О социальном идеале Маркса. М., 2004.
- Славин Б.Ф.* Социализм и Россия. М., 2004.
- Слепаков С.С.* Самоутверждение России: социально-экономический контекст // *Философия хозяйства*. 2012. № 1.
- Смит А.* Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.
- Смит А.* Теория нравственных чувств или опыт исследования о законах, управляющих суждениями, естественно составляемыми нами, сначала о поступках прочих людей, а затем и о своих собственных, с письмами М. Кондорсе к Кабанису о симпатии. СПб., 1868.
- Смолин О.Н.* Излом: иное было дано? Проблемы революции, демократии и образовательной политики в социально-политическом процессе 90-х годов. М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 2001.
- Смолин О.Н.* Новейшая революция в России и перспективы социализма XXI века // *Свободная мысль*. 2007. № 10–11.

- Смолин О.Н. Радикальная трансформация общества в СССР и России: к проблеме периодизации // Вопросы истории. 2005. № 12.
- Смолин О.Н. Революция: опыт политико-ситуационного анализа // Альтернативы. 2005. № 1.
- Смолин О.Н. Революция как катастрофа: (1990–1996 гг.) // Свѣтъ Отечества. Просветительский альманах. 1999.
- Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М.: Русскій миръ, 2008.
- Сорокин А.В. Теория общественного богатства. Основания микро- и макроэкономики. Учебник. М.: Экономика, 2009.
- Сорокин А.В. Экономическая структура общества. М., 2004.
- Социализм-XXI. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма / Под ред. А.В. Бузгалина, В.Н. Миронова. М.: Культурная революция, 2009. («Библиотека журнала «Альтернативы»).
- Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин / Под общ. ред. И.Г. Абрамсона, В.А. Офицерова, Б.Ф. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2011. («Библиотека журнала «Альтернативы»).
- Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе / Под ред. Колганова А.И. М.: ТЕИС, 1998.
- Спиридонова В.И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. М.: ИФ РАН, 2008.
- СССР. «Застой». Материалы конференции 5–6 ноября 2008 г. / Под ред. Р. Крумма и Л. Булавки. М.: Культурная революция, 2009.
- СССР. Незавершенный проект / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: УРСС, 2012.
- Степаняну М.Т. Политкультурность: глобальный и российский аспекты // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты. М., 2005;
- Стиглер Дж., Беккер Г. О вкусах не спорят // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 2.
- Стоун Р. Почему марксизм жив? Потому что жив капитализм // Альтернативы. 1998. № 3.
- Стратегия опережающего развития – III. Том 1: Российские модернизации: диагнозы и прогнозы / Под общ. ред. А.В. Бузгалина, Р. Крумма. М.: ЛЕНАНД, 2011. («Библиотека журнала «Альтернативы». Т. 24).
- Стратегия опережающего развития – III. Том 2. Спектры российских модернизаций / Под общей редакцией М.И. Воейкова и Р. Крумма. М.: Культурная революция, 2011. («Библиотека журнала «Альтернативы». Т. 24а).
- Стратегии России: общество знаний или новое средневековье? Материалы конференции 3–4 апреля 2008 года / Под ред. А.В. Бузгалина и А.И. Колганова. М.: ЛЕНАНД, 2008.
- Сѣв Л. Марксизм и теория личности. М.: Прогресс, 1972.
- Тажуризина З.А. Творческая сущность атеизма. М., 1981.
- Таллок Г. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты / Пер с англ. Л. Гончаровой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

- Тамбовцев В.Л. Перспективы «экономического империализма» // Общественные науки и современность. 2008. № 5.
- Текеи Ф. К теории общественных формаций. Проблемы анализа общественных форм в теоретическом наследии К. Маркса. М., 1975.
- Теория капитала и экономического роста / Под ред. С.С. Дзарасова. М.: Изд-во МГУ, 2004.
- Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. Постмодерн как ситуация философствования. СПб.: Алетейя, 2003.
- Тойнби А.Дж. Постигание истории / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991.
- Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1976.
- Толстой А.Н. Гадюка // Толстой А.Н. Собрание сочинений в 10 т. Т. 4. Повести и рассказы. М., 1958.
- Толстых В.И. Будущее цивилизации в диалоге культур / Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты. М., 2005.
- Тоффлер Э. Футурошок. М., 2004.
- Тронеv К.П. К вопросу об абстрактном и конкретном в политической экономии // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 1972. № 4.
- Тронеv К.П. О предмете и содержании первого отдела I тома «Капитала» К. Маркса // Российский экономический журнал. 2007. № 9–10.
- Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991 (одно из последних переизданий: Троцкий Л.Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? М., 2011).
- Угринович Д. М. Введение в религиоведение. М., 1985.
- Угринович Д. М. Психология религии. М., 1986.
- Урнов М.Ю. «Экономический империализм» глазами политолога // Общественные науки и современность. 2009. № 4.
- Утар Ф. Альтернативы неолиберальной модели // Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского» движения / Под ред. А.В. Бузгалина. М., 2003.
- Утар Ф. Социализм для XXI века. Синтетический взгляд как основа для размышлений // Альтернативы. № 2. 2007.
- Философская энциклопедия. В 5 т. / Под ред. Ф.В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1960–1970.
- Франк С. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
- Фридман М. Капитализм и свобода. Нью-Йорк, 1982.
- Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990.
- Фромм Э. Иметь или быть. М.: Прогресс, 1990.
- Фромм Э. Революция надежды. Санкт-Петербург АСТ, АСТ Москва, 2006.
- Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
- Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. Статьи и интервью 1970–1984. М., 2005.

- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.
- Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д.В. Складнева, послесл. Б.В. Маркова. СПб.: Наука, 2000.
- Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2.
- Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Практис, 2010.
- Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М.М. Беляева и др. М.: Весь мир, 2003.
- Хазанов В.Е. Развитие левых идей: гуманистические направления. М., 2013.
- Хазанов В.Е. Основы социального оптимизма: Миры Ивана Ефремова и пути человечества в будущее. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. (Серия «Размышляя о марксизме»).
- Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
- Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005.
- Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxu», 1992.
- Хакимов Г. Марксистские основания мир-системной методологии: неомитианский марксизм или новый исторический материализм? // Критический марксизм. Поколение пехт. М.: ЛЕНАНД, 2014.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
- Харви Д. Мне хотелось бы разобраться в том, что происходит сегодня, ведь мир изменился // Альтернативы. 2013. № 4.
- Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ. под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Практис, 2004.
- Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006.
- Харт К. Постмодернизм. М.: «Гранд-Фаир», 2006.
- Хессин Н.В. В.И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М: МГУ, 1968.
- Хессин Н.В. Вопросы теории товара и стоимости в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964.
- Хессин Н.В. Об историко-генетическом подходе к исследованию системы производственных отношений социализма // Экономические науки. 1975. № 6.
- Хессин Н.В. Понятие «клеточка» и его методологическое значение // Вопросы экономики. 1964. № 7.
- Хомский Н. Прибыль важнее людей: неолиберализм и мировой порядок / Пер с англ. Б.М. Скуратова. М.: Практис, 2002.

- Худокормов А.Г. Экономическая теория. Новейшие течения Запада. М.: Инфра-М, 2010.
- Цаголов Г. Модель для России. М.: Международные отношения, 2010.
- Цивилизация. Культура. Личность / Под ред. В. Ж. Келле. М., 1999.
- Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007.
- Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: УРСС, 1999.
- Черковец В. Политическая экономия как наука: историческая тенденция и социальная востребованность // Российский экономический журнал. 1996. № 3.
- Черняховский С.Ф. Противоречивость коммунистической оппозиции в современной России. М.: Изд-во МНЭПУ, 2003.
- Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России. 1917–1930 годы. М.: Вече, 2007.
- Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М.: АИРО – XX, 1998.
- Шаститко А. Теоретические вопросы неонституционализма // Введение в институциональный анализ / Под ред. В.Л. Тамбовцева. М.: ТЕИС, 1996.
- Шачин С.В. Марксова идея отчуждения и ее восприятие в традиции западного марксизма // Критический марксизм: поколение next. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию. М., 2014.
- Шварц Е. Тень. Сказка в трех действиях. М., 2001.
- Шевченко В.Н. Вектор развития российской цивилизации и политические стратегии власти // Политические стратегии российского государства как философская проблема. М.: ИФ РАН, 2011.
- Шевченко В.Н. Модернизация российского общества или особый путь развития? // Современное государство, социум, человек: российская специфика. М.: ИФ РАН, 2010.
- Шевченко В.Н. Советская модель социалистического общества: причины поражения // Исторические судьбы социализма. М., 2003.
- Шевченко В.Н., Соколова Р.И., Спиридонова В. И. Российское государство: опыт философского прочтения. М.: Прогресс-Традиция, 2012.
- Шкредов В.П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса М.: Издательство Московского университета, 1973.
- Шкредов В.П. Экономика и право. 2-е изд. М.: Экономика, 1990.
- Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: Наука, 1993.
- Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории. М., 2007.
- Шухов А.С., Фрейдлин М.П. Математическая экономия в России (1885–1995). М.: Наука, 1996.
- Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19.
- Яблоков И. Н. Социология религии. М., 1979.

- Яновский К.Э.* Несколько примеров методологии, или «Экономистам не в чем каяться!» // *Общественные науки и современность.* 2009. № 2.
- Янченко С.Е.* Переходные формы производственных отношений. Минск, 1974.
- Ярошевский Т.* Личность и общество. М., Прогресс, 1973.
- Ясенский Б.* Заговор равнодушных // Ясенский Б. Главный виновник; Заговор равнодушных; Я жгу Париж. М.: Правда, 1986.
- Althusser L.* For Marx. London: Allen Lane, 1969.
- Anderson K.* Lenin, Hegel and Western Marxism: a Critical Study. U. of Illinois, Urbana, 1995.
- Anderson P.* Considerations on Western Marxism. London: NLB, 1976.
- Arthur Ch.* The Dialectics of Labour. Oxford: Blackwell. 1986.
- Arthur Ch.J.* The New Dialectic and Marx's Capital. Leiden–Boston: Brill, 2002.
- Aslund A.* How Russia Became a Market Economy. Brookings, 1995.
- Becker G.* Irrational Behavior and Economic Theory // *Journal of Political Economy.* 1962. Vol. 70 № 1.
- Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1976.
- Bhaskar R.* Dialectic: the pulse of freedom. London: Verso, 1993.
- Baudrillard J.* For a Critique of the Political Economy of the Sign. Telos Press Publishing, 1981.
- Baudrillard J.* The Consumer Society. London: Sage, 1998.
- Buchanan J. and Tullock G.* The Calculus of Consent. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962.
- Callinicos A.* Against Postmodernism. A Marxist Critique. L., 1989.
- Coase R.* The Nature of the Firm // *Economica.* 1937. Vol. 4. № 16.
- Crawford R.* In the Era of Human Capital. N.Y., 1991.
- Critical realism: essential readings / Edited by Acher M. et al. London: Routledge, 1998.
- Brabham D.* Crowdsourcing as a model for problem solving: leveraging the collective intelligence of online communities for public good: PhD Thesis. Salt Lake City: University of Utah, 2010.
- Debord G.* The Society of the Spectacle, Canberra: Hobgoblin 2002.
- Dunayevskaya R.* The power of negativity: selected writings on the dialectic in Hegel and Marx Lexington Books, 2002.
- Dzarasov S.* Critical realism and Russian economics // *Cambridge Journal of Economics.* 2010. № 6.
- Eichner A.* Toward a New Economics. Essays in Post-Keynesian and Institutional Theory. L.: Basingstoke, 1985.
- Etzioni A., Lawrence P.* (eds.) Socio-Economics: Toward a New Synthesis. Armonk. N.Y., 1991.
- Fine B.* Economics Imperialism and the New Development Economics as Kuhnian Paradigm Shift? // *World Development.* Vol. 30. № 12.

- Fine B.* Theories of Social Capital. Researchers Behaving Badly / Edited by Ben Fine and Dimitris Milonakis. Pluto Press, London, 2010.
- Frank A.* Dependent Accumulation and Underdevelopment. L., 1994.
- Fromm E.* Marx's Concept of Man. New York: Frederick Ungar, 1963.
- Gabriel L.* Alternatives to Neoliberalism in Latin America. 1991.
- Gabriel L.* The Global Incorporation and the Resistance against Neoliberalism in Latin America. 1997.
- Gabriel L.* The politics of Self Reliance – Latin American Proposals for a New Democracy. 2005.
- Habermas J.* Erkenntnis und Interesse. Frankfurt a/M., 1968.
- Hahn F.H.* Revival of Political Economy: The Wrong Issues and the Wrong Argument // Economic Record. 1975. Vol. 51. № 3.
- Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and The Remaking of World Order. New York: Simon&Shuster, 1996.
- Harcourt J.* Some Cambridge Controversies in the Theory of Capital. Cambridge, 1972.
- Harvey D.* The Limits to Capital. Chicago: University of Chicago Press, 1982.
- Harvey D.* The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford and Cambridge, Mass: Blackwell, 1989.
- Harvey D.* Spaces of Capital: Towards a Critical Geography. Edinburgh; Routledge North America, 2001.
- Harvey D.* Spaces of Global Capitalism: A Theory of Uneven Geographical Development. London, 2006.
- Harvey D.* The Political Economy of Public Space // Low S., Smith N. (eds). The Politics of Public Space. Routledge, New York, 2005.
- Harvey D.* The Urbanization of Capital: Studies in the History and Theory of Capitalist Urbanization. Baltimore, 1985.
- Haug W.F.* Hightech-Kapitalismus in der großen Krise, 2012.
- Haug W.F.* High-Tech-Kapitalismus. Analysen zu Produktionsweise, Arbeit, Sexualität, Krieg und Hegemonie, 2003.
- Hayek F.A.* The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. / Vol. 1 of The Collected Works of F.A. Hayek. London: Routledge, and Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- Heidegger M.* Being and Time, San Francisco: Harper, 1962.
- Hirshleifer J.* The expanding domain of economics // American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 6.
- Horkheimer M., Adorno Th. W.* Dialectic of Enlightenment, New York: Seabury Press, 1972.
- Jameson F.* Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism. VERSO. London-NY, 1991.
- Klagge J.C.* Marx's Realms of «Freedom» and «Necessity» // Canadian Journal of Philosophy. December 1986. № 16.

- Kotz D.M., McDonough T., Reich M.* Contemporary Capitalism and its Crises: Social Structure of Accumulation Theory for the Twenty-First Century. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2010.
- Lawrence K.* The Asiatic mode of production: sources, development and critique in the writings of Karl Marx, Assen: Van Gorcum, 1975.
- Lazear Ed.* Economic Imperialism // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 115. № 1.
- Lester J.* Modern tsars and princes: the struggle for hegemony in Russia. L.: Verso, 1995.
- Limnatis N.* The dimensions of Hegel's dialectic Continuum International Publishing Group, 2010.
- Lukács G.* The Young Hegel. London: Merlin Press, 1975.
- Luxemburg R.* Einführung in die Nationalökonomie. Berlin, 1925.
- Madden Th.* Empires of Trust. How Rome Built – and America is Building – a New World. New York, London: Penguin Press, 2009.
- Mäki U.* Economic Imperialism: Concept and Constraints // Philosophy of the Social Sciences. Vol. 39. № 3.
- Mandel E.* Late Capitalism. London – New York: Verso. 1987.
- Marcuse H.* Eros and Civilization, Boston: Beacon Press, 1966.
- Marcuse H.* On the Philosophical Foundation of the Concept of Labor in Economics. Telos 16 (Summer, 1973).
- Marcuse H.* «The Realm of Freedom and the Realm of Necessity: A Reconsideration» and «Revolutionary Subject and Self-Government» with a discussion by Ernst Bloch // Praxis: a Philosophical Journal (Zagreb). 1969. № 5.
- Marcuse H.* One-Dimensional Man. Boston, 1968.
- Marx K.* 11. These über Feuerbach. Originalfassung. // Marx-Engels-Werke (MEW), 43 Bände, Berlin / DDR: Dietz Verlag, 1956–90, B. 3.
- McFarlane B., Cooper S., Jaksic M.* The Asiatic Mode of Production – A New Phoenix // Journal of Contemporary Asia. 2005. Vol. 35. № 4.
- Meszaros I.* Marx's Theory of Alienation. London: Merlin Press, 1970.
- Meszaros I.* Philosophy, Ideology & Social Science. Brighton: Wheatsheaf, 1986.
- Moore E.C.* American pragmatism: Peirce, James and Dewey, N.Y., 1961.
- Mulgan G.J.* Communication and Control: Networks and the New Economics of Communication. Oxford: Polity, 1991.
- Musto M.* Revisiting Marx's Concept of Alienation // Socialism and Democracy. Vol. 24. № 3. November 2010.
- Naisbitt J.* Megatrends. The New Directions, Transforming Our Lives. N.Y., 1984.
- Ollman B.* Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Ollman B.* Dance of the Dialectic: Steps in Marx's Method. Urbana, IL: University of Illinois Press, 2003.

- Ormerod P.* The Death of Economics. 2nd edition. New York, John Wiley & Sons, 1997.
- Perspectives on Free and Open Source Software / edit. Feller J., Fitzgerald B., Hissam S., Lakhani K. Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 2007.
- Plamenatz J.* Karl Marx's Philosophy of Man. Oxford: Clarendon Press, 1975.
- Postone M.* Rethinking Marx in a Postmarxist World // Charles Camic (ed.), Reclaiming the Sociological Classics. Cambridge, Mass.: Blackwell Publishers, 1998.
- Postone M.* Time, Labor, and Social Domination. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Robinson J.* Keynes and Ricardo // Collected Economic Papers. L.: 1979. Vol. 5.
- Robinson J.* History versus Equilibrium. L.: 1974.
- Rowthorn R.E.* Neo-Classicism, Neo-Ricardianism and Marxism // New Left Review. 1974. № 86. P. 63–87.
- Russian Economic Barometer. 1999. Vol. 8. № 2.
- Sakaya T.* The Knowledge-Value Revolution or a History of the Future. N.Y., Tokyo, London, 1991.
- Samuelson P., Nordhaus W.* Economics. 12th edition. N.Y. (12th edition – 1985, 17th edition – 2001).
- Sartr J.P.* Critique de la raison dialectique. Paris, 1968.
- Sartr J.P.* L'être et le néant. Paris, 1957.
- Sayers S.* Reality and reason: dialectic and the theory of knowledge. Oxford: Blackwell, 1985.
- Sherman H.J.* Reinventing Marxism. Baltimore, 1995.
- Sim S.* The Routledge Companion to Postmodernism. London, NY, 2004.
- Smith J.E.* The spirit of American philosophy. N. Y., 1963.
- Smith T.* Technology and Capital in the Age of Lean Production: a Marxian Critique of the "New Economy". N.Y.: SUNY Press, 2000.
- Smith T.* The Logic of Marx's Capital, Replies to Hegelian Criticisms. State University of New York Press, 1990.
- Smith A.* The Theory of Moral Sentiments. 1759.
- Sraffa P.* Production of Commodities by Means of Commodities: Prelude to a Critique of Economic Theory. Cambridge, 1960.
- Stigler G.J.* Economics – The Imperial Science? // Scandinavian Journal of Economics. 1984. Vol. 86. № 3.
- Stigler G.J., Becker G.S.* De Gustibus Non Est Disputandum // American Economic Review. 1977. Vol. 67. № 2.
- Tapscott D., Williams A.* Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything. New York: Penguin, 2007.
- Toffler A.* The Adaptive Corporation. Aldershot, 1985; *Drucker P.* Post-Capitalist Society. N.Y., 1993.
- Tucker R.C.* Philosophy and Myth in Karl Marx. Cambridge: Cambridge University, 1961.

- Tullock G.* Economic Imperialism // Theory of Public Choice. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1972.
- Wallerstain I.* The Capitalist World Economy. Cambridge, 1979.
- Wallerstain I.* World-system analysis. An Introduction. Durham, 2004.
- Woodward K.* (ed.) The Myth of Information. Nadison, 1980.
- Wright Mills Ch.* The Marxists. New York: Dell, 1962.

Указатель имен¹

- Абовин-Егидес П.М. 359², 439, 531, 536
Абрамсон И.Г. 25, 462, 540, 541, 547
Авиценна 284
Автономов В.С. 419, 531
Агитон К. 60, 463, 531
Адорно Т. 238, 552
Айтова Г.Ш. 13, 540
Аккерман Ф. 349, 356, 531
Алиев У.Ж. 349
Алле М. 113, 531
Альтюссер Л. (Althusser L.) 130, 141, 531, 551
Амин С. 13, 283, 531
Ананьин О.И. 19, 21, 349, 356, 419, 531
Андерсон К. (Anderson K.) 86, 551
Андерсон П. (Anderson P.) 86, 551
Антипина О.Н. 356, 380, 531
Аристотель 71, 472
Арсланов В.Г. 22, 161, 172, 173, 183, 196, 531
Артур К. (Arthur Ch.) 86, 129, 551
Аслунд А. (Aslund A.) 322, 551.
Аузан А.А. 354, 360, 467, 531
Аукционек С. 122, 532
Афанасьев В. 18
- Багатурия Г.А. 24, 451, 543
Бадью А. 120, 178, 532
Балацкий Е.В. 418, 420, 422, 425, 532
Баллаев А. 21, 532
Бальзак О. де 443
Баранов А. 22
Барашкова О.В. 13, 531, 556, 566
Барт Р. 183, 184, 532
Батищев Г.С. 64, 71, 100, 102, 119, 211, 238, 239, 245, 360, 440, 471, 522, 532

¹ Составлен О.В. Барашковой под руководством А.В. Бузгалина и А.И. Колганова.

² Курсивом в указателе обозначены страницы, на которых упоминание об авторе встречается в подстрочных сносках, а не в основном тексте.

Бауман З. 184, 532
Бахтин М. 99, 100, 102, 440, 465, 494, 503, 521, 522, 532, 533, 536
Беккер Г. (Becker G.) 354, 355, 371, 427, 532, 547, 551, 554
Белл Д. (Bell D.) 30, 68, 99, 203, 379, 532, 551
Белл Дж. Р. (Bell J.R.) 86
Бем-Баверк Е. – 352
Бенсаид Д. – 26, 532
Беньямин В. 196
Бердяев Н. 246, 264, 275, 532
Бессонова О.Э. 219, 532
Бетховен Л. ван 488
Бжезинский З. 234, 532
Библер В.С. 100, 102, 440, 522, 532
Блайндер А. 431, 532
Богданов А.А. 6, 21
Богданов Б.В. 25, 532
Бодрийяр Ж. (Бодрийяр Ж., Vaudrillard J.) 90, 105, 162, 163, 168,
180, 193, 201, 233, 239, 376, 532, 551
Бойков В. 63, 532
Боккара П. 379
Бондарчук С.Ф. 479
Борхес Х.Л. 284
Боуман Э. (Боуман Е.) 13, 40, 532
Брэбхэм Д. (Brabham D.) 407, 551
Брект Б. 529
Бри М. 13
Бруно Дж. 363, 398
Бузгалин В.Н. 5, 14
Бузгалина Н.И. 5, 14, 481
Булавка Л.А. 12, 14, 24, 28, 30, 92, 99, 245, 258, 264, 281, 306, 310, 466,
469, 477, 488, 489–490, 493, 513, 516, 524, 533, 535–536, 538, 540,
541, 547
Булгаков С.Н. 246, 275, 536
Бухарин Н. 6, 26
Бхаскар Р. (Bhaskar R.) 87, 551
Бьюкенен Дж. (Buchanan J.) 354, 536, 551

Вазюлин В.А. 87, 130, 536
Вайскопф Т. 349, 356, 531
Валлерстайн Э. (Wallerstain I.) 229, 230, 537, 555
Вальрас Л. 352
Ван Дамм Ж.-К. 314
Вебер А. 18
Водолазов Г.Г. 25, 28, 30, 94, 492, 536

Воейков М.И. 12, 24, 28, 74–75, 229, 359, 506, 536, 540, 542, 547
Волконский В.А. 21, 536
Воронин Д. 25
Вудворд К. (Woodward К.) 379, 555
Выготский Л.С. 521

Габриель Л. (Gabriel L.) 234, 267, 552
Гайдар Е. 18, 322, 536
Галилей Г. 151, 363, 398, 400
Галкин А.А. 18, 536
Гваттари Ф. 161, 177, 201, 537
Гегель Г.В.Ф. 68, 94, 96, 98, 106, 107, 113, 119, 126, 142, 155, 158, 174,
188, 190, 240, 243, 254, 298, 329, 361, 436, 447, 536, 545
Герцен А.И. 24, 74, 542
Гёте И.В. 329
Гидденс Э. 444
Гловели Г.Д. 21, 229, 537
Гомер 284, 314
Горц А. 204
Горшков А. 13
Готлиб И. 13, 25
Гравер А. 229, 537
Грамши А. 8, 26, 64, 73, 94, 144, 211, 437, 449, 463, 483, 484, 495, 521,
537, 539, 540, 543, 545, 547
Грановеттер М. 421
Гребнев Л. 19, 21, 537
Грецкий М.Н. 12, 25, 63, 64, 73, 532, 537
Грибоедов А.С. 518
Гринберг Р.С. 18, 349, 429, 537
Гриценко А.А. 349
Губанов С. 21
Гудвин Н. 349, 356, 531
Гуревич А.Я. 222, 537
Гуриев С.М. 354–355, 418, 420, 424, 426, 427–428, 537
Гусев А.В. 22, 23, 537
Гэлбрейт Дж. 323, 396, 537
Гюндер-Франк А. (Frank A.) 230, 552

Давыдов Ю.Н. 238, 537
Дамье В.В. 20
Данилевский Н.Я. – 253, 262, 275, 537
Дволайцкий Ш. 308, 542
Дебор Г. (Debord G.) 238, 239, 537, 551

Делез Ж. 161, 163, 169, 177, 178, 182, 183, 184, 185, 193, 194, 195, 201, 532, 537
Деррида Ж. – 90, 161, 162, 163, 164, 166, 172, 182, 183, 184, 185, 194, 195, 201, 233, 537–538
Джаббаров Д.Б. 13
Джалиль М. 483
Джевонс У. 352
Джемаль Г. 235, 538, 539
Джемисон Ф. (Джеймисон Ф., Jameson F.) 90, 161, 162, 165, 167, 168, 201, 552.
Джохадзе Д.В. 22, 543
Дзарасов Р.С. 25, 229, 538
Дзарасов С.С. (Dzagarov S.) – 25, 45, 49, 50, 115, 104, 538, 548, 551
Дмитриев А.Н. 21, 538
Достоевский Ф.М. 100, 443, 522, 532
Драгунский Д.В. 263, 538
Дубровская Г. 13
Дугин А.Г. 97, 234, 538
Дунаевская Р. (Dunayevskaya R.) 86, 551
Дунаевский М.А. 479, 529

Евклид – 284
Ефремов И.А. – 481, 482, 483, 538, 549

Жаров Л.В. 111, 538
Жижек С. 90, 105, 119, 120, 148, 162, 163, 164, 166–167, 187, 194, 196, 197, 252, 467, 538

Задорожный Г.Г. 349
Захаров О.Ю. 421
Зиновьев А.А. 114, 300, 313, 538
Злобин Н.С. 12, 25, 102, 211, 252, 289, 360, 477, 538, 539
Золотухина Е.В. 111, 538
Зяблюк Р.Т. 23

Илларионов О.В. 64, 539
Ильенков Э.В. 22, 26, 64, 78, 86, 115, 122, 125, 126, 127, 129, 130, 134, 141, 142, 173, 211, 236, 238, 240, 245, 246, 251, 298, 319, 346, 360, 521, 522, 539, 542
Иноземцев В.Л. 58, 99, 199, 217, 378, 424, 475, 539, 544, 549
Ионеско Э. 171, 458
Ионов И.Н. 262, 539
Истягин Л.Г. 12, 24, 308, 539

Кагарлицкий Б.Ю. 21, 241, 539
Каллиникос А. (Callinicos A.) 161, 168, 551
Кампанелла Т. 436
Камю А. 443
Кант И. 71, 472
Кантор К.М. 20, 539
Капелюшников Р. 360, 539
Кара-Мурза С.Г. 235, 267, 293, 540
Кастельс М. 99, 203, 540
Каутский К. 7, 429
Кейнс Дж. М. 25, 49, 50, 348, 352, 538
Келле В.Ж. 22, 131, 211, 212, 254, 262, 263, 267, 274, 278, 283, 284,
285–286, 289, 433, 451, 540, 550
Керемецкий Я. 408
Кирдина С.Г. 220, 540
Клагге Дж. (Klagge J.C.) 63, 552
Кларк Дж. Б. 352
Клифф Т. 28
Клоцвог Ф.Н. 22, 540
Кляйн Н. 407, 540
Ковальзон М.Я. 211, 433, 451, 540
Колганов И.П. 5, 14
Колганова Э.М. 5, 14
Коломиец В.К. 64, 540
Комахин Г.Б. 13
Конашев М.Б. 540
Константинов Ф.В. 548
Конфуций 277, 284, 529
Коперник Н. 151, 284, 363, 398, 400
Корняков В. 25
Корчак Я. 479
Косолапов Р.И. 23, 245, 540, 546
Котельников М.Е. 22, 540
Котц Д. (Kotz D.) 13, 553
Коуз Р. (Coase R.) 323, 540, 551
Кохановский В.П. III, 538
Красин Ю.А. 18, 536
Красникова Е.В. 21
Краус Т. 13
Кропоткин М.П. 540
Кроуфорд Р. (Crawford R.) 378, 551
Крумм Р. 258, 538, 547
Кудров В. 18, 33, 146, 305, 541
Кузнецов П. 486, 541

Кузьминов Я.И. 238, 239, 361, 541
Куликов В.В. 92, 218, 541
Кульков В.М. 21
Купер С. (Cooper S.) 219, 553
Курашвили Б.П. 22, 541
Курносова Т.И. 368, 546
Кутырев В.А. 105, 161, 173, 175, 177, 185, 541

Лазуткин В. 22
Лайбман Д. 13
Лаффер А. 352
Лейзир Э. (Lazear Ed.) 426, 427, 428, 553
Лемешонок О.Б. 13
Ленин В.И. (Ульянов-Ленин В.И.) 6, 8, 22, 23, 24, 26, 33, 52, 53, 54,
55, 56, 92, 94, 118–119, 130, 146, 148, 162, 164, 166–167, 187, 196, 197,
216, 228, 229, 246, 250, 260, 286, 296, 307, 370, 433, 436, 449, 454,
455, 466, 470, 476, 488, 490, 495, 500, 516, 535, 536, 538, 541, 542,
546, 547, 549
Леонтъев А.Н. 521
Леонтъев Я. 21
Лестер Дж. (Lester J.) 404, 553
Либкнехт К. 28, 477
Либман А.М. 354, 542
Лимнатис Н. (Limnatis N.) 86, 553
Линке П. 92, 462, 488, 535, 541
Лиотар Ж.-Ф. 161, 168, 176–177, 178, 184, 542
Лифшиц М.А. 22, 26, 161, 173, 211, 236
Лобастов Г.В. 22, 542
Логинов В.Т. 22, 542
Ломоносов М.В. 284
Лоуг Д. 408
Лоуренс К. (Lawrence K.) 219, 553
Лоуренс П. (Lawrence P.) 379, 551
Лукач Д. (Lukacs G.) 8, 21, 22, 26, 64, 99, 139, 143, 203, 211, 236, 237,
239, 241, 245, 246, 286, 290, 359, 433, 439–440, 448, 454, 456, 470,
488, 489, 504, 515, 522, 538, 542
Львов Д. 349, 542
Люксембург Р. (Luxemburg R.) 6, 8, 49, 94, 144, 216, 228, 229, 307,
533, 536, 540, 542, 553

Мадден Т. (Madden Th.) 234, 475, 552
Майданик К.Л. 12
Макаренко А.С. 479
Макиавелли Н. 71, 472

Макфарлэн Б. (McFarlane B.) 219, 552
Малган Дж. (Mulgan G.J.) 378, 553
Мамардашвили М. 150–151, 542
Мамедов О.Ю. 349
Мандел Э. (Mandel E.) 5, 6, 14, 28, 49, 553
Мареев С.Н. 22, 86, 130, 542
Мареева Е.В. 22
Маркес Г. 314
Маркс К. (Marx K.) 6, 8, 9, 10, 15–42, 46, 48–55, 61–63, 64, 66, 68, 69, 70, 78, 80, 86, 87, 90, 93, 94, 96, 98, 99, 113, 122, 123, 125, 126, 130–131, 133, 135, 138, 139, 141, 142, 146, 149, 150–151, 152, 162, 163, 164, 166, 169, 216, 217, 219, 227, 228, 237–241, 242, 243, 244, 245, 246, 248, 250, 252, 254, 259, 260, 264, 285, 286, 290, 298, 307, 359, 361, 362, 364, 367, 368, 369, 373, 388, 397, 399, 401, 411, 420, 424, 427, 432, 433, 434, 437, 438, 439, 447, 454, 455, 462, 467, 470, 471, 477, 486, 495, 510, 515, 521, 522, 531, 532, 533, 537, 538, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 548, 549, 550, 551, 553, 554
Маркузе Г. (Marcuse H.) 63, 65, 204, 238, 241, 361, 543, 553
Маршалл А. 228, 245, 352, 367, 420
Матвеев П.А. 64, 543
Мау В. 18, 536
Маяковский В.В. 269, 281, 466, 513, 529, 533, 541, 543
Медведев В.А. 18, 543
Медведев Р.А. 18
Межуев В.М. 20, 25, 28, 30, 102, 211, 252, 262, 289, 467, 503, 543
Менгер К. 352
Мессарош И. (Meszaros I.) 6, 63, 64, 86, 211, 237, 241, 361, 439, 477, 553
Миллер Э. (Miller E.) 407
Миронов В.Н. 539, 547
Михаил С.-М. 86
Моррисон Р. (Morrison R.) 407
Московский А.И. 21, 351, 543, 544
Мур Э. (Moore E.C.) 111, 553
Мусто М. (Musto M.) 237, 238, 239, 544, 553
Мэнкью Г. 351, 544
Мяки У. (Mäki U.) 431, 553

Набиуллина Э.С. 238, 239, 361, 541
Нарочницкая Н.А. 267, 276, 293, 544
Нарский И.С. 238, 239, 245, 361, 542, 544
Науменко Л.К. 22, 86, 98, 122, 544
Негри А. 90, 162, 192, 194, 199, 200, 201, 203, 204, 205, 206, 207, 539, 549
Нейсбитт Дж. (Naisbitt J.) 379, 553

Неруда П. 529
Низами Г. 252, 284, 514, 523
Новиков С. 22
Новоженков Д.В. 25, 50, 538
Нордхаус В. (Nordhaus W.) 385, 554
Ноув А. 350, 544
Нуреев Р.М. 18, 43, 219, 352, 360, 401, 544
Ньютон И. 103, 118, 132, 133, 140

Огурцов А.П. 63, 544
Ожогина Л. 13, 60, 462, 540, 541
Ойзерман Т.И. 18, 19, 63, 544
Олейник А.Н. 360, 493
Олман Б. (Ollman B.) 63, 64, 86, 87, 211, 237, 241, 242, 361, 439, 477,
553
Орлов Б. 18
Ормерод П. (Ormerod P.) 350, 382, 554
Осипов Ю.М. 97, 234, 267, 276, 293, 312, 544
Офицеров В.А. 547

Павленко Ю. 21
Павлов М.Ю. 13, 21, 349, 425, 544, 545.
Пайпс Р. 441
Пантин И.К. 64, 545
Паренти М. 422, 545
Паршев А.П. 305, 541, 545
Пензин А.А. 20, 545
Петрарка Ф. 284
Печчеи А. 379, 545
Пикассо П. 529
Пико делла Мирандола Дж. 247
Пифагор 479
Пламенатц Дж. (Plamenatz J.) 237, 554
Плахотная Д.Г. 389
Плетников Ю.К. 18, 544
Плеханов Г.В. 370, 545, 546
Плеханов С. 408
Покрытан П.А. 349, 545
Полтерович В.М. 417, 418, 419, 545
Пол Пот 32
Попова М.А. 277, 545
Поппер К. 68, 96, 98, III, 128, 145, 243, 444, 446, 532, 545
Пороховский А.А. 12, 349, 407, 545
Постоун М. (Postone M.) 93, 554

Пригарин А.А. 22, 28
Пружинин Б.И. 370, 546
Пугачев В. 349, 542
Пушкин А.С. 216, 479, 513, 523

Радаев В.В. (Радаев Валерий Викторович) 12, 361, 391, 536, 545
Радаев В.В. (Радаев Вадим Валерьевич) 238, 239, 361, 421, 541, 545
Райт Миллс Ч. (Wright Mills Ch.) 54, 555
Ракитская Г.Я. 22, 545
Ракитский Б.В. 22, 545
Рахимов Р. 214
Рембрандт Х. ван Рейн 488
Рикардо Д. 34, 49
Рифкин Дж. 166
Робинсон Дж. (Robinson J.) 49, 352, 554
Розенталь М.М. 86, 546
Роуторн Р. (Rowthorn R.E.) 49, 554
Рубинштейн А.Я. 429, 537
Рудакова И.Е. 355, 368, 546
Рудык Э.Н. 12, 40, 408, 546
Рязанов В.Т. 349, 546

Сакайя Т. (Sakaya T.) 379, 554
Сакс Дж. 322, 546
Самуэльсон П. (Samuelson P.) 174, 348, 352, 385, 554
Сапрыкин В.А. 23, 546
Сартр Ж.-П. (Sartre J.P.) 8, 26, 65, 236, 238, 241, 245, 247, 360, 437, 442, 470, 529, 554
Сейерс Ш. (Sayers S.) 86, 237, 238, 240, 546, 554
Семенов В.С. 22, 54, 546
Семенов Ю.И. 219, 546
Сен А. 432
Сикейрос Д. 529
Сим С. (Sim S.) 166, 554
Симмонс Д. (Simmons J.) 407, 408
Симмонс М. (Simmons M.) 407
Скотт А. 463
Славин Б.Ф. 12, 24, 28, 30, 73, 86, 252, 538, 546, 547
Слепаков С.С. 429, 546
Смит А. (Smith A.) 34, 35, 367, 420, 432, 546
Смит Дж. (Smith J.E.) III, 554
Смит Т. (Smith T.) 87, 554
Смолин О.Н. 12, 25, 28, 94, 492, 546, 547
Соболев Э. 21

Соболева И. 21
Соколова Р.И. 267, 550
Соловей В.Д. 221, 547
Сорокин А.А. (Сорокин Александр Александрович) 22, 86
Сорокин А.А. (Сорокин Андрей Александрович) 12
Сорокин А.В. 19, 20, 21, 547
Сорос Дж. 164, 399, 422, 444, 447
Софокл 36, 488
Спиридонова В.И. 267, 547, 550
Сраффа П. (Sraffa P.) 49, 50, 352, 554
Сталин И.В. 24, 32, 71, 191, 296, 472, 535
Степанянц М.Т. 267, 547
Стиглер Дж. (Stigler G.) 355, 547, 554
Столярова Р. 13
Стоун Р. 13, 34, 40, 532, 547
Субботина Т.П. 238, 361, 541
Суизи П. 6
Супалак М. 463
Сухотин Ю. 349, 542
Сэв Л. 71, 211, 237, 245, 439, 471, 547
Сэй Ж.-Б. 352

Тагор Р. 284
Тажуризина З.А. 277, 547
Такер Р. (Tucker R.) 237, 554
Таллок Г. (Tullock G.) 354, 355, 547, 551, 555
Тамбовцев В.Л. 360, 430, 548, 550
Танака Ю. 13
Тапскотт Д. (Tapscott D.) 407, 554
Тарасевич В.Н. 349
Твен М. 280, 299
Текеи Ф. 211, 219, 237, 548
Терещенко Н.А. 161, 168, 183, 184, 548
Тойнби А.Дж. 232, 245, 253, 262, 265, 548
Токарев С.А. 277, 548
Толстой А.Н. 258, 548
Толстой Л.Н. 280, 284, 297, 306, 314, 443, 484, 488
Толстых В.И. 18, 215, 267, 271, 538, 548
Тоффлер Э. (Toffler A.) 99, 379, 467, 548, 554
Тощенко Ж. 63, 532
Тронев К.П. 130–131, 548
Троцкий Л. 6, 24, 26, 74, 144, 495, 547, 548

Уайт К. (Whyte K.) 407–408.

Уайт У. (Whyte W.) 407–408
Угринович Д.М. 277, 548
Уильямс Э. (Williams A.) 407, 554
Уорнер Э. 322
Урнов М.Ю. 418, 548
Утар Ф. 283, 463, 548

Файн Б. (Fine B.) 417, 421, 551, 552
Фаминский В. 305, 541.
Фирдоуси 529
Франк С. 246, 548
Фрейдлин М.П. 391, 550
Фридман М. (Фридмен М.) 352, 440–441, 548
Фромм Э. (Fromm E.) 26, 65, 245, 247, 379, 548, 552
Фуко М. 178–179, 195, 201, 548
Фукуяма Ф. 98, 266, 447, 448, 549
Фучик Ю. 483, 484

Хабермас Ю. (Habermas J.) 65, 176–177, 549, 552
Хазанов В.Е. 22, 481, 549
Хайдеггер М. (Heidegger M.) 183, 238, 549, 552
Хайек Ф.А. (Hayek F.A.) 358, 365, 441, 549, 552
Хакимов Г. 229, 549
Хан Ф. (Hahn F.H.) 49, 552
Хансен Э. 352
Хантингтон С. (Huntington S.) 69, 98, 262, 267, 448, 549, 552
Харви Д. (Harvey D.) 6, 34–35, 86, 87, 229, 549, 552
Хардт М. 90, 162, 192, 194, 199, 200, 201, 203, 204, 205, 206, 207, 539,
549
Харкорт Дж. (Harcourt J.) 49, 552
Харрод Р. 352
Харт К. 166, 168, 179, 183, 194, 549
Хауг В. (Haug W.F.) 26, 552
Хачатурян В.М. 262, 539
Хевеши М.А. 245, 542
Хемингуэй Э. 529
Хессин Н.В. 5, 14, 122, 130, 218, 298, 549
Хикмет Н. 483, 484
Хиршлейфер Дж. (Hirshleifer J.) 355, 552
Хлыстова Н. 25
Хомский Н. (Чомски Н.) 247, 283, 549
Хоркхаймер М. (Horkheimer M.) 238, 552
Хромов Д.Е. 13
Хубиев К. 21

Худокормов А.Г. 352, 550

Хэй Дж. 322

Цаголов Г.Н. 18, 550

Цаголов Н.А. 12, 38, 45, 92, 115, 146, 186, 218, 541

Цымбурский В.Л. 263, 276, 538, 550

Чавес У. 314

Чайковский П.И. 103, 479

Че Гевара Э. 436

Черковец В.Н. – 23, 218, 349, 391, 536, 539, 550

Черняховский С.Ф. 22, 550

Чураков Д.О. 22, 550

Шаститко А. 360, 550

Шатунова Т.М. 161, 168, 183, 184, 548

Шафф А. 211, 241, 439, 477

Шачин С.В. 240, 550

Шварц Е.Л. 106, 550

Шевченко В.Н. 22, 220, 267, 550

Шекспир В. 35, 280, 284, 306, 314, 488

Шендрик А.И. 22

Шерман Г. (Sherman H.J.) 433, 554

Шкредов В.П. 129, 130–131, 550

Шолохов М.А. 479, 529

Шостакович Д.Д. 525, 529

Шоу Б. 529

Шпенглер О. 131, 232, 253, 262, 550

Штырбул А. 25

Шубин А.В. 20, 21, 239, 550

Шухов А.С. 391, 550

Шухтин А. 92, 535

Эванс М. 352

Эйзенштейн С.М. 529

Эйхнер А. (Eichner A.) 49, 551

Экзюпери А. 280

Энгельс Ф. 6, 8, 18, 24, 33, 35, 36, 39, 40, 51, 55, 62, 63, 69, 70, 90, 94,
123, 125, 138, 146, 150, 151, 216, 240, 241, 242, 250, 260, 286, 359, 361,
424, 433, 434, 447, 462, 495, 510, 541, 542, 543, 550

Этциони А. (Etzioni A.) 379, 551

Яблоков И.Н. 277, 550.

Яковлев А.Н. 25, 537
Якшич М. (Jaksic M.) 219, 553
Яновский К.Э. 418, 420, 426, 551
Янченко С.Е. 92, 551
Ярошевский Т. 442, 551
Ярцев Б.К. 25, 532
Ясенский Б. 470, 551

Предметный указатель¹

- абстрактное – см. *метод восхождения от абстрактного к конкретному*
- абстракция 53, 116, 126², 194, 372
- исходная («клеточка») 108, 122, 125, 115, 188, 173, 298, 368
- предельная 46, 99, 125, 149, 152, 246, 307, 367
- основания для выделения 125; 129
- в «Капитале» К. Маркса 125
- как средство распознавания морока 270
- [не]плодотворность абстракции «рыночная экономика» 224
- «периодическая система» элементов экономических систем как абстракция 320, 329
- революции как «абстракции будущего» 499, 500
- см. также: *метод восхождения от абстрактного к конкретному*
- азиатская деспотия 218, 219, 221, 227, 242, 243, 301, 328, 401, 428
- [не]возможность проведения параллели между ней и строем СССР 219
- см. также: *способ производства / азиатский «азиатский способ производства»* – см. *способ производства*
- Азия 13, 144, 215, 223, 224, 226, 273, 275, 281, 402, 431
- активизм 72, 194, 444, 447, 451, 452, 472, 474, 475, 476, 488, 508, 509
- разочарование в нем интеллектуалов-постмодернистов 182
- активность социальных движений и НПО 38–39, 52, 171, 236, 206, 272, 462, 476, 482, 526
- см. также: *альтерглобализм, неправительственные организации (НПО), новые социальные движения (НСД)*
- актор (-ы) экономики 39, 82, 105, 151, 185, 191, 238, 247, 252, 268, 350, 365, 366, 383, 425, 429, 430
- различия в их понимании в марксизме и есономіс 368–374
- вытеснение человека «актором» в постмодернизме 458
- акционерные общества (акционерные предприятия) 40, 57
- см. также: *капитал / акционерный капитал*
- Алжир 269
- аллокация ресурсов 335, 396, 401, 409
- см. также: *распределение / ресурсов*

¹ Составлен О.В. Барашковой под руководством А.В. Бузгалина и А.И. Колганова.

² Курсивом в указателе обозначены страницы, на которых упоминание о единице указателя встречается в подстрочных сносках.

альтерглобализм 11, 60, 205, 267, 283, 461, 462, 463, 494, 514
см. также: *активность социальных движений и НПО*

альтернативы
движение и журнал «Альтернативы» 11, 12, 13, 17, 24, 214, 530
гегемонии капитала 148, 268, 273
глобализации 107
мультикультурализму 513–530
отношениям отчуждения 91, 196, 308, 513
[прото]империи 192, 199, 204–207
рынку 46, 279
экономическому империализму 354, 432

Америка 13, 144, 215, 223, 248, 305, 428, 525
см. также: *Латинская Америка, США*

анархия общественного производства
замена ее планомерной организацией 62

Англия 42, 231, 251, 402, 511
см. также: *Великобритания*

антимонопольное регулирование (антимонопольная политика)
50, 134, 411

античный способ производства – см. *способы производства*

аристократия
и отношения неэкономической зависимости 244
и понятие свободы для либерала кон. XVIII в. 438
уход интеллигенции от подчинения ей при переходе
к капитализму 503
«новая» (в странах СНГ в постсоветский период) 403

ассоциации граждан – см. *ассоциированное социальное творчество, освобождение, социальное творчество*

ассоциированное социальное творчество
его определение 468–469
свободная ассоциация (ассоциация граждан) как его субъект –
457, 462, 462–469, 484, 495, 509–510
см. также: *освобождение, социальное творчество*

Афганистан 272

Африка 144, 273, 281, 302, 402, 431

базис и надстройка 68–69
в добуржуазных обществах (при азиатском способе
производства) 223, 227, 234
«опережающая мутация» 56
взаимодействие производительных сил, производственных
отношений и «надстройки» 68, 212–218
воздействие на них революции 300, 501–502
прямая и обратная детерминация 216, 222, 433

сходство и различия марксизма и неоклассики в понимании базисной детерминации 368

реверсивное движение в случае создания общества на неадекватном базисе (пример постсоветской России) 74

базис 126, 264, 331, 363, 401, 529

особенности России 300, 301, 306

надстройка 221, 223

тезис постсоветского марксизма о возрастании роли факторов, составляющих «надстройку», в периоды радикальных трансформаций и на стадии «заката» экономической общественной формации 69, 216

см. также: *трансформации, трансформационные процессы*

банки 383, 425

беднейшие страны

как объект гегемонии глобального капитала 69

сохранение в них значимости до-рыночных отношений и переходных форм 403

см. также: *периферия, страны «второго» и «третьего» мира*

бедность 340

безработица 158, 351, 412, 468

Бельгия 402

беспольный (превратный) сектор

в условиях позднего капитализма 58–60, 165, 166, 170, 378, 381, 457, 480, 482, 515

в условиях позднего феодализма 58

биосфера 66, 141

см. также: *природа, человек, общество и природа, экология, экосоциализм*

биполярное развитие и де[ре]колонизация 192

см. также: *колониализм*

биржа 425

благо 46, 213, 228, 249, 408, 441

всеобщее универсальное 478

материальное 224, 459, 467, 490, 511

общественное 35, 45, 52, 354, 371, 407, 408, 411, 412, 413, 414, 415, 428

фиктивное 165, 166

частное 371, 411

богатство 152, 340, 353, 357, 363, 401, 432, 443, 509

вещное 43, 213

всеобщее 467

общественное 213, 225, 244, 246, 450, 491

его увеличение 38, 39, 398, 440, 441, 478, 485, 490, 509

товар как элементарная форма богатства в капиталистическом обществе 125

Боливия 270

«большие нарративы» 162, 165, 188, 189, 192, 193, 194, 195, 520
их отрицание (отказ от них, их «закат») в эпоху постмодерна
67, 79, 87, 90, 110, 148, 180, 181, 192, 196, 197, 198, 233, 298, 518
их постмодернистская деконструкция 82
концепты вместо «нарративов» 177–182
парадигмы, продолжающие оставаться «большими
нарративами» 180, 181
причины их отрицания интеллектуалами из критически-левой
среды 181–182
глобальные проблемы как основание для их поиска 186
см. также: *концепт*

буржуазия 51, 139, 241, 454

как революционная сила в XVI–XIX вв. 502
конформизм мелких буржуа 505
стремление познать объективный процесс и занять активную
позицию как характеристика буржуа-предпринимателя 448
и приоритетное исследование в esopomics различных форм
«орыночничивания» человека 370–371
см. также: *капиталист (-ы), классовая борьба, пролетариат*
буржуазный способ производства – см. *способ производства*

валовой внутренний продукт (ВВП), валовой национальный про-
дукт (ВНП) 41, 50, 414, 428–429

Великобритания 230, 382

см. также: *Англия*

Венгрия 65, 269, 525

Венесуэла 270, 314

верификация 67, 210, 275, 419

в esopomics 366, 376, 426, 427

и диалектика 112, 137

дополнение ее как критерия истинности исторически
изменяющейся практикой в материалистической
диалектике 139

как критерий истины в метафизическом марксизме 140

отрицание верифицируемости прогресса как «большого
нарратива» сторонниками цивилизационного подхода 233

см. также: *фальсификация*

вещи 245, 362, 423

вытеснение вещами человеческих отношений и ценностей 239,
244, 362

деньги как вещь, подчиняющая человека 241

сведение человека к роли и функции вещи 218, 441, 453

см. также: *овещенение, отчуждение, фетишизм*

вещная зависимость 70, 247, 325, 327, 369, 442
понятие 218
см. также: *зависимость, капитализм, личная зависимость, овещение, отчуждение, фетишизм*

видимость 46, 69, 75, 97, 104, 139, 144, 150, 151, 152, 153, 154, 156, 159, 162, 164, 169, 170, 172, 210, 240, 243, 244, 268, 275, 311, 366, 371, 373, 400, 403, 459, 460, 519, 520
в «Логике» Гегеля 243
как диалектическая категория 108, 119, 272, 366
неслучайность объективной видимости (ее действительность) 244
см. также: *превратные формы*

викиномика (wikinomics) 308, 407, 414, 428

виртуальные (-ая, -ый)
деньги – см. *деньги*
реальность 161, 164, 197
финансовый капитал – см. *капитал*
финансовый рынок 164
экономика – см. *экономика*

власть 27, 29, 89, 96, 102, 179, 193, 197, 202, 203, 204, 215, 227, 253, 293, 301, 302, 310, 311, 323, 354, 382, 442, 449, 450, 458, 478, 480, 490, 499, 501, 503
бюрократии 144, 450, 452, 476, 494, 508, 521
капитала 27, 35, 60, 144, 148, 205, 206, 207, 326, 382–383, 386, 414, 447, 457, 459, 476, 484, 508, 521
новой «аристократии» 403–404
рыночная власть [ТНК] 47, 270, 405, 407, 447, 514, 517
тотального рынка 164, 191, 414, 476

внеэкономическое принуждение 27, 70, 143, 220, 227, 244, 247, 279, 281, 282, 326, 327, 328, 367, 401, 403, 404, 428, 438, 454

возможность и действительность – см. *диалектика*

Возрождение 199, 264
см. также: *итальянские города-государства, Просвещение, Ренессанс*

война за независимость в США (война между Севером и Югом в США) 42, 72, 128, 248, 382, 462, 473, 508

войны 32, 110, 164, 222, 225, 228, 307, 468, 508
асимметричные 475
за сохранение колониального господства 269
империи против «множества» (согласно концепции Хардта и Негри) 203
информационные 203
как средство международного обмена (перераспределения ресурсов) в дорыночную эпоху 279, 306, 307, 401

- локальные 91, 194, 307, 520
- по экономическим причинам 295
- сопровождающие процессы трансформаций (в т.ч. при переходе к капитализму) 42, 225, 269, 332, 382, 399, 495
- негативное снятие войн капитализмом (заинтересованность класса капиталистов в ведении войн) 307–308
- см. также: *мировые войны*
- воспитание 479
 - и обучение как слагаемые образования 395, 423
 - и обучение как часть креатосферы 457, 479, 513
 - как слагаемое «первого подразделения» общественной деятельности 491
 - см. также: *образование*
- воспроизводство 9, 10, 44, 78, 115, 156, 158, 226, 384, 412, 441
 - в добуржуазных социально-экономических системах 222, 226, 333, 401–402
 - в постклассической политической экономии 365
 - в пострыночной экономике 405, 415
 - капитала 126, 295
 - конформизма 458
 - креатосферы 490
 - населения 340
 - отчуждения 242, 490
 - превратных форм 158, 159
 - социального неравенства 225
 - фиктивных благ и симулякров 165, 179
 - «центра» и «периферии» 230
 - его государственное регулирование 372, 413
 - как параметр структурирования экономических систем 322, 323, 324, 325, 327, 328, 329, 330, 331, 338, 340
 - см. также: *накопление капитала, производство, товарное производство*
- «Восток» 263, 302
 - см. также: *цивилизации / восточные*
- восхождение от абстрактного к конкретному –
 - см. *метод восхождения от абстрактного к конкретному*
- время
 - досуга 165, 271, 408
 - рабочее 46, 202, 408
 - рекреации 408
 - свободное 14, 28, 87, 164, 202, 248, 252, 271, 456, 480, 483, 511
 - понятие 252
 - его подмена временем досуга 165, 271

соотношение свободного и рабочего времени как критерий прогресса 408
см. также: *история / ее социовременное измерение*
всеобщее
понятие 141–142
генетически-всеобщее 64, 67, 298
конкретно-всеобщее 16, 107, 125, 141, 142, 222, 253, 255, 300, 313, 343, 346, 429
см. также: *метод восхождения от абстрактного к конкретному*
всеобщий [творческий] труд – см. *труд*
Вторая мировая война – см. *мировые войны*
вывоз капитала – см. *капитал*
высокие технологии – см. *технологии*
Вьетнам 269, 270, 446

гегемония 8, 64, 165, 166, 207, 268, 272, 273, 283, 459, 461, 483, 503
глобального капитала – см. *глобальная гегемония капитала*
капитала 176, 203, 204, 272, 273, 456, 479
корпоративного капитала 234, 384, 385, 424, 459, 526

генезис
глобальной экономики 394
информационного общества 68, 187, 378, 393, 394
капитала 55, 133
капитализма 231, 281, 299, 337, 454
коммунистического общества 27
креатосферы – см. *креатосфера*
мутантных форм социализма в СССР 157
национальных рынков 325, 327
«общества знаний» 68, 97, 100, 457
постиндустриального общества 19, 30, 68, 326, 327, 378
посткапиталистических (пострыночных) отношений –
см. *развитие / посткапиталистических (пострыночных, постэкономических) отношений*
см. также: *посткапиталистическое общество, пострыночные отношения*
постэкономического общества 30
«царства свободы» – см. *«царство свободы»*
элементов планомерности 92
мультиценарность развития новой системы в условиях ее революционного генезиса 94

генезис, развитие и «закат» социально-экономических систем 47, 110, 116, 117, 128, 155, 214, 264, 290, 335, 375
диалектическое противоречие как ключ к пониманию 118–120
параметры, определяющие особенности 70

воспроизведение ставшим целым основных компонентов своего генезиса как критерий «отсечения» исторических случайностей («зигзагов») 130
см. также: *история / зигзаги истории*
и превратные формы 156–157
см. также: *генезис, диалектика / «заката» и генезиса социальных систем, «закат»*
генетически-всеобщее – см. *всеобщее*
Германия (ФРГ, ГДР) 42, 65, 269, 280, 290, 299, 412, 471, 488, 502, 525
герменевтика 169, 179, 184
гиперреальность 166–167, 168
гипотеза мутаций экономических систем – см. *гипотеза «периодической системы» параметров (элементов) экономических систем, мутации*
гипотеза «периодической системы» параметров (элементов) экономических систем 319–321, 324–330, 334, 338–339, 341–342, 345–347
основные элементы (параметры) экономических систем 321–324, 338–340
«периодический закон» развития экономических систем 330–331
прогностическая функция «периодической системы» элементов экономических систем 332–334
классы и виды экономических систем 335–338
гипотеза мутаций экономических систем 331–332, 333, 338
см. также: *мутации*
гипотезы, описывающие свойства n-мерного социально-экономического пространства-времени 343–345
см. также: *экономические системы*
глобализация 8, 10, 60, 76, 81, 107, 132, 204, 206, 230, 268, 283, 313, 351, 393, 514
ее противоречия 73, 120, 149, 403, 456, 461, 511
см. также: *альтерглобализм, мир-системный подход, страны «Второго» и «Третьего» мира, «центр» и «периферия»*
глобальная гегемония капитала 60, 69, 71, 88, 89, 106, 191, 195–196, 203, 217, 244, 268, 270, 271, 272, 371, 399, 424, 456, 458, 459, 461, 472, 475, 476, 485, 486, 487, 492, 517, 526, 528
корпоративного капитала 87, 89, 214, 230, 243, 441, 442, 481
см. также: *гегемония, капитал*
глобальный (-ое, -ая, -ые)
капитал – см. *капитал, глобальная гегемония капитала*
корпоративный капитал – см. *капитал, глобальная гегемония капитала*
неравенство – см. *неравенство, «центр» и «периферия»*

- проблемы 26, 32, 43, 61, 64, 66, 71, 85, 186, 269, 374, 386, 393, 406, 456, 457, 472
- протоимперия – см. *протоимперия*
- трансформации – см. *трансформации*
- экономика – см. *экономика*
- Голландия – см. *Нидерланды*
- государственное регулирование 52, 92–93, 202, 270, 352, 372–373, 377, 406–407, 409–415
- цен 127, 411
- см. также: *государство*
- государство 27, 47, 71, 218, 220, 221, 224, 225, 230, 242, 243, 251, 293, 295, 308, 309, 311, 362, 366, 386, 393, 431, 450, 456, 471, 499, 504, 507, 523
- «всеобщего благоденствия» 272
- демократическое 468
- наднациональное 309
- правовое 28
- социальное 429
- как одна из сфер генезиса пострыночных отношений – см. *пострыночные отношения*
- марксистская теория государства 285–286
- и esopotіcs 372–374
- экономические функции государства в современной рыночной экономике 409–415
- см. также: *государственное регулирование, демократия, диктатура пролетариата, базис и надстройка / надстройка, политика, провалы государства*
- гражданское общество 29, 39, 282, 295, 308, 408, 422
- см. также: *активность социальных движений и НПО, неправительственные организации (НПО), новые социальные движения*
- гуманизация 19, 66
- дегуманизация 288
- гуманизм 247, 286, 433, 439, 504, 525, 526
- «реальный» 27, 30
- акцент на нем в работах сторонников цивилизационного подхода 289
- взаимопересечения с социализмом 65–66
- отказ от него в постмодернизме 195, 197
- проблема гуманизма и свободы 65
- деконструкция 67, 82, 85, 89, 90, 97, 106, 163, 170, 173, 174, 176, 179, 181, 182, 184, 185, 188, 190, 192, 195, 199, 210, 233, 288, 298, 518, 520, 528

определение 182–183
альтернативы 161–163
причины возникновения и широкого распространения 193–195
снятие ее 187
см. также: *постмодернизм*
демократия 17, 42, 164, 228, 263, 285–286, 295, 296, 301, 311, 332, 359,
391, 400, 422, 439, 440, 441, 442, 443, 446, 460, 463, 468, 473, 478,
482, 492, 502, 514, 520
базисная (низовая) 21, 29, 206, 285, 464, 468
«множества» 206
«налогоплательщика» 426
парламентская 270, 518
участия 29, 206
«демократизаторы» 287
демократизация отношений собственности и управления 412
см. также: *социал-демократы*
деньги 36, 44, 75, 126, 144, 176, 187, 365, 397, 402, 428
их сущность и функции 9, 10, 46, 76, 78, 79, 130, 132, 134, 152, 167,
366, 393
их господство в мире отчуждения 35, 36, 102, 152, 216, 241, 244,
247, 270, 271, 280, 281, 296, 310, 362, 367–368, 370, 392, 398,
402, 406, 440, 441, 443, 449, 450, 452, 458, 480, 484, 494, 499,
504, 520, 521, 522
виртуальные 9, 79, 167, 168, 393
формула количества денег в обращении 37, 123, 124
см. также: *золото, монетаризм, фетишизм / товарный
и денежный*
де[ре]колонизация – см. *биполярное развитие и де[ре]колонизация*
десубъективация 67, 90, 163, 178, 190
см. также: *постмодернизм*
десять заповедей 251, 315
необоснованность использования в качестве критерия
для выделения цивилизационной специфики страны 293–294
детерриализация 90, 163, 172–173, 233, 528
детерриализованные «номады» 90, 163, 170
см. также: *постмодернизм*
деформации 28, 145, 214, 269
см. также: *мутации*
децентрация 67, 90, 107, 172, 174–175, 177.
см. также: *постмодернизм*
деятельность 36, 89, 101, 139, 146, 147, 156, 157, 159, 178, 179, 203,
206, 207, 215, 225, 237, 242, 247, 252, 277, 357, 359, 363, 366, 378,
379, 401, 444, 450, 453, 460, 471, 473, 486, 513

общественных организаций – см. *активность социальных движений и НПО, ассоциированная деятельность*
по рекреации социальной и природной среды – см. *рекреация*
«родового человека» 140, 453, 484
псевдодеятельность 168, 176
деятельностный подход в философии социального развития 99,
249, 250, 443, 464, 477, 521
см. также: *диалог / творческая деятельность-диалог,*
креативная деятельность, опредмечивание, разотчуждение,
распредмечивание, социально-творческое преобразование,
творческая деятельность, труд, ценности и мотивы
диалектика 10, 30, 73, 86, 149, 160, 186, 188, 189, 190, 192, 193, 197,
200, 206, 222, 243, 298, 300, 319, 396, 447, 466, 476, 477
ее применение для изучения креатосферы – см. *креатосфера*
ее применение для исследования превратных форм –
см. *диалектический метод*
«заката» и генезиса социальных систем 61, 79, 88, 91–97, 99, 193
«обратимости» 448–449
перехода от одной социально-экономической системы к другой
54–55, 96–97
регресса 95
созидания и разрушения 493–497, 502
со-творчества 79, 98–104, 106
социальных сетевых структур 79, 104–109
гипотеза исторической ограниченности применения
классической диалектики как адекватной *par excellence*
для исследования эпохи отчуждения 98–104
классическая материалистическая диалектика 91, 104, 108, 135,
136, 149, 187, 192, 193
ее отношение к проблеме теории и практики 134–135, 138–140,
137–147
критика ее со стороны позитивизма и прагматизма 110–112
причины отказа от нее (ее отторжения) 65, 84, 86, 87–90, 97,
137–138
«аксиомы диалектики» 111, 113– 114
«теоремы» диалектики 115–126, 127–135, 137–147
законы диалектики 113, 191
возможность и действительность (превращение возможности
в действительность) 54, 176, 388, 400, 448–449, 455
диалектическое противоречие – см. *противоречие*
ее ориентированность на выявление причинно-следственных
связей (причин и следствий) 69, 122, 149, 170, 216, 220, 221,
254, 270, 273, 277, 368

проблема «методологической гордыни» («гносеологической гордыни») диалектиков 137, 144, 148–149

проблемы, принципиально «закрытые» для не-диалектического исследования 135–136

как альтернатива тотальному контролю и тотальному безразличию 186

см. также: *диалектический метод, диалектический подход, диалог / диалектика диалога*

диалектическая логика 64, 88, 99, 100, 103, 108, 111, 113, 115, 126, 127, 137, 141, 152, 155, 174, 189, 253

взаимодействие с математическим моделированием 124–125

критерии отличия закономерных процессов от случайных 132–133

см. также: *диалектика, диалектический метод, метод восхождения от абстрактного к конкретному*

диалектический метод 48, 112, 120, 123, 128, 137, 307

его значение и актуальность 91, 98, 99, 149–150, 193

выведение категорий и раскрытие механизма перехода от одной категории к другой 142–143

его критерии истины 113

понимание системности и относительности истины в диалектике 134

использование его для исследования законов рождения, развития и заката «больших» систем 110–111

использование его для исследования превратных форм 150–151, 170–171

как «телескоп» социальных наук 127, 131

необходимость его ре-актуализации 99, 103, 147

и «болезнь» пренебрежения исследованием практики 148

его критика с точки зрения позитивизма 111–113, 137, 147

см. также: *диалектика, диалектический подход*

диалектический подход 16, 89, 135, 189, 298

см. также: *диалектика, диалектический метод*

диалектическое единство

исторического и логического 128–129, 437

производительных сил и производственных отношений 42–50, 52, 291

диалог 32, 99, 100, 139, 194, 308, 422, 500, 516, 529

его субъект 102–103, 108, 173, 315, 389, 440

культура 150, 234, 267, 305, 316, 514

теоретических школ 389–391, 419

творческая деятельность-диалог 99, 104, 175, 176, 179, 245, 284, 440, 457, 465, 468, 469, 479, 482, 489, 490, 511, 512, 521–527, 528, 529

цивилизаций – см. *цивилизации*

в исследовании сетевой реальности 104–105, 108

диалектика диалога (логика диалога, диа-логика) 100–105
проблема диалога логик разных систем как метод
исследования мультисистемных процессов 103–104
см. также: *опредмечивание, распредмечивание, со-творчество, субъект / субъект-субъектное отношение, homo креатор*
диктатура пролетариата 509, 516
см. также: *государство, демократия, социализм*
диктатуры 191, 480, 497, 503
полуфашистские 269
фашистские 269, 413
дискурсы 114, 138, 148, 162, 165, 166, 168, 169, 177, 180, 181, 183, 184, 195, 246, 265, 273, 283, 459
дифференциация социальная – см. *социальная дифференциация*
добуржуазные (-ый)
общества 215, 243, 245, 277, 284, 291
отношения 69, 75, 230, 231, 234, 280, 281, 291, 305, 316, 370, 401, 438, 454, 517, 529
системы 70, 81, 231, 242, 247, 248, 276, 327, 333, 336, 337, 369, 472
способ (-ы) производства – см. *способ производства*
догоняющее развитие – см. *развитие*
дорыночные экономические отношения – см. *экономические отношения / дорыночные*
духовное производство 215, 218, 222, 224, 231, 255, 259, 271, 282, 458, 478, 506, 516
отличие от культуры 284–285
трансформация в него культуры 252
особенности в Китае 276
особенности в России 311–312
особенности в США 276
см. также: *массовая культура*
духовность 179, 211, 273, 301, 310, 311, 312
евразийство 99, 231, 234, 235, 273, 288
Европа (Европейский союз) 13, 44, 56, 86, 144, 161, 164, 215, 221, 222, 223, 224, 226, 231, 237, 248, 251, 263, 270, 273, 274, 278, 280, 281, 286, 288, 297, 307, 322, 331, 337, 348, 350, 402, 411, 412, 428–429, 431, 462, 474, 514, 526, 527
единство и борьба противоположностей – см. *диалектика / законы диалектики*

зависимость

неэкономическая (личная) – см. *личная зависимость*
экономическая (вещная) – см. *вещная зависимость*

«закат»

социально-экономических систем 52, 54, 56, 57, 58, 61, 69, 91–92, 96, 108, 109, 116, 140, 155, 157, 170, 190, 193, 236, 331, 335, 346, 363, 433, 508

буржуазного способа производства 9

капитализма 9, 11, 52, 66, 67, 80, 79, 97, 230, 287, 290, 400, 415

«царства необходимости» – см. *«царство необходимости»*

цивилизаций 232

см. также: *цивилизационный подход*

возрастание роли факторов, составляющих «надстройку»,

в периоды радикальных трансформаций и на стадии «заката»

экономической общественной формации 69, 94, 216

закономерности, типичные для этой стадии генезиса

социально-экономических систем 52, 93

мультивариантность (мультиценарность) процессов заката

и рождения систем, их взаимоперехода 95

см. также: *генезис, развитие и «закат» социально-экономических систем, диалектика / «заката» и генезиса социальных систем,*

капитализм / поздний

закон-тенденция

возвышения свободы 510

нормы прибыли к понижению 51

относительной инерционности «цивилизационных»

параметров 292

относительного обнищания пролетариата (наемных

работников) 33, 38, 49

противодействие ему 38, 51, 158

уточнение для XX–XXI вв. 145–146

см. также: *класс наемных работников, наемные работники, пролетариат*

закон стоимости – см. *стоимость*

занятость 398, 412

«Запад» 251, 263, 267, 275, 302

см. также: *«Север», цивилизации / западная*

западная цивилизация – см. *цивилизации (-я)*

западничество 267, 276, 287, 288, 313

см. также: *цивилизационный подход*

заработная плата 37, 44, 46, 49, 152, 154, 156, 364

минимальная 126, 158, 249, 412

увеличение богатства капитала за счет заработной платы

наемных работников 38

и закон капиталистического накопления факторов 39

см. также: *закон-тенденция / относительного обнищания пролетариата (наемных работников)*

застой 58, 72, 258, 359, 448, 451, 474, 475, 481, 485, 487, 499, 501, 507, 513
здравоохранение 31, 52, 93, 146, 279, 414, 469, 512
здоровый смысл 141, 194, 254, 265, 355, 362, 363, 441
земля 71, 173, 412
знак (-и)
 в «информационной» реальности 104–106, 164, 166, 167, 169,
 172–173, 175, 187–188, 198
 как тени культуры 106
 см. также: *номады, симулякр (-ы)*
знания
 «общество знаний» 19, 90, 97, 100, 104, 404, 457
 см. также: *генезис / общества знаний*
 «революция знаний» 491
 экономика знаний (основанная на знаниях) 394, 411
 знаниентенсивная экономика 68, 379
золото 35, 167
 см. также: *деньги*
«золотой миллиард» 29, 202, 526
 см. также: *страны «Первого» мира, «центр» и «периферия»*
идеализм 246, 275
 исторический идеализм 263–264, 272
 философский идеализм 275
 см. также: *материализм*
идейный плюрализм – см. *плюрализм*
издержки 44, 271, 367, 378–379
 производства 48
 их распределение 379
 транзакционные – см. *транзакционные издержки*
 трансформационные – см. *трансформационные / издержки*
изменения
 качественные (интенсивные, революционные) 10, 30, 44, 51–52,
 87, 90, 99, 116, 120, 147, 186, 257, 286, 287, 321, 387
 без изменения качества (экстенсивные, эволюционные) 120,
 286, 357, 377
 некоторые важнейшие качественные изменения в экономике
 с середины XX в. 378–379, 382–383
 технологические – см. *прогресс / технологический,*
 технологические (-ое) / развитие, революция /
 технологическая
империализм 52, 73, 165, 202, 328, 332
 как стадия позднего капитализма 55, 92, 94
 его характеристики 307
 см. также: *капитализм / поздний, экономический империализм*

империя 32, 91, 192, 199, 202–204, 204–208, 291, 292, 295, 299, 307, 308, 311
см. также: *глобализация, протоимперия*

инволюция 79, 234, 300, 377, 415, 474
см. также: *реверсивное движение, регресс*

индекс человеческого развития (индекс развития человеческого потенциала, ИРЧП) – см. *развитие*

индивид 17, 94, 114, 135, 156, 190, 219, 234, 245, 259, 264, 266, 293, 295, 310, 366, 381, 433, 452, 489, 511
и рынок 280, 354, 357, 365, 370, 371, 378, 384, 421, 423, 427, 430
и [само]отчуждение 155, 242, 443, 453, 458
в диалоге 102, 176, 255, 308, 428, 443, 460, 468
ассоциации индивидов 101, 272, 308, 385, 408, 429, 445, 450, 464–466, 467, 468, 469, 486, 490
см. также: *активность социальных движений и НПО, ассоциированное социальное творчество*

высвобождение его от личной зависимости 126, 247, 279, 369
его ответственность как участника процесса исторического творчества 448–449, 470, 484
объяснение его пассивности (конформизма) марксистской теорией культуры 259
объяснение единства («общности») индивидов в марксизме через понятие «всеобщего» 142
понимание его свободы 437, 438, 439–443, 445, 448
различное понимание его в экономике и социологии 421
см. также: *хомо креатор, хомо советикус, хомо экономикус, человек*

Индия 86, 176, 297, 302, 525

индустриализация 327, 333
см. также: *реиндустриализация*

индустриальное (-ая, -ые, -ый)
общество 70, 322
производство 105, 126, 441, 448
технологии – см. *технологии*
технологический уклад – см. *технологические уклады*
труд 56, 132, 203, 205, 248, 335, 339, 379, 450, 511
экономика 277, 326, 328, 335, 339, 381
капитализм – см. *капитализм*

индустрия 43, 58, 305, 335, 424, 454

институты
социальные 29, 48, 68, 72, 75, 171, 202, 205, 213, 234, 240, 243, 249, 251, 270, 281, 282, 286, 287, 322, 323, 328, 329, 333, 340, 350, 370, 373, 387, 404, 411, 413, 423, 453, 476, 493, 494, 500, 505, 516, 529
экономические 164, 192, 202, 207, 230, 383, 494

гражданского общества – см. *гражданское общество, неправительственные организации (НПО)*

институционализм 21, 394

классический 323, 353, 361, 373, 393, 396

новый 323, 352, 360, 370, 371, 373, 382, 385, 393, 396, 401, 407, 421, 493

интеллектуальный капитал – см. *капитал*

интеллигенция (интеллигент) 64, 297, 503, 504, 505, 507, 519

«диссидентская» 150, 501

консервативная 97

прогрессивная 97

творческая 459, 496, 505

«элитарная» (элитная) 459, 489, 490, 495, 506, 520

этапы изменения установок творческой интеллигенции в России в 1980–2000-х гг. 296–297

интеллигентски-безразличный скептицизм 110

ее отношение к «теориям» и «парадигмам» (частные примеры) 207–208, 310, 448

ее отношения с трудящимися 457, 463, 476, 489, 502

ее задачи в диалоге развития креатосферы 490

ее культурная ответственность 521–527

интересы

групповые 464, 465, 468

классовые 286, 303, 429, 454

общественные (социальные, общенародные) 29, 368, 372, 429

общенациональные (государственные) 268, 270, 308, 372, 411, 429

капитала 37, 88, 147, 159, 248, 308, 362, 426

наемных работников (труда) 37, 147, 158, 205, 248, 454, 514

правящего класса 215, 252, 308, 354, 363, 373, 374, 445, 447

противоречивость интересов различных социальных групп 37, 120, 206, 248, 311, 359, 373, 375, 425, 430

влияние производственных (социально-экономических) отношений на интересы индивида 369, 370

обратное влияние социальных интересов и политики на экономику 215

проявления приоритета интересов социума над интересами индивида как характеристика некоторых социумов 215, 293

интернационализация 132

информационное (-ая, -ые)

общество 70, 89, 104, 161, 203, 323, 378, 507

его генезис 68, 187, 378, 393, 394

экономика 68

продукты 379

технологии – см. *технологии*

революция 47, 50, 51, 76

информация 104, 175, 176, 271, 355, 383, 409, 411
и знаки 105
как товар 378, 379
Ирак 69, 110, 272
Иран 69, 251
искусство 27, 106, 196, 221, 251, 281, 310, 438, 469, 478, 480, 487, 488,
524, 529
 подлинное 173, 279, 443, 479, 524–525, 528
 постмодернистское 168, 185
 советское 315, 489–490, 491
 его «орыночничество» 176, 423
 в мире отчуждения 483, 485, 522
Испания 269, 299, 302
истина 112, 118, 119, 121, 132, 137, 257, 264, 271, 311, 314, 362, 374, 391,
398, 419, 421, 425, 445, 464
 ее критерии 113, 137–150, 366, 520, 522
 при исследовании диалектических систем 133–135, 138, 140–141,
 142–147
 и практика 137, 140, 143–147, 366, 522
 отказ от ее поиска в постмодернизме 67, 177–182, 185, 198, 520
истина, добро и красота 67, 70, 161, 173, 471, 509, 515, 519, 520, 522,
523, 524, 525
историзм 130, 178, 250
 конкретный историзм – см. *историческое и логическое*
историко-генетический подход 78, 130, 220–221, 298, 326, 334, 338,
346
историко-преобразовательная деятельность –
 см. *социально-творческое образование*
исторически-конкретные социально-экономические системы 43,
45, 52, 134, 240, 252, 259, 319, 365, 396, 476, 498
 периоды их возникновения и отмирания 72, 375, 476
исторический идеализм – см. *идеализм*
исторический материализм – см. *материализм*
исторический процесс 143, 252, 262, 266, 425, 432
 выделение его «красной нити» («красной нити» истории) 57,
 112, 127–136, 137, 472, 473
 выявление его закономерностей 131, 137, 138, 210, 218, 234, 292, 304
 его аспекты 212
 его «зигзаги» (зигзаги истории) 55, 56, 57, 58, 68, 112, 130, 290,
 381, 464, 470, 473, 474
 критерий «отсечения» исторических случайностей
 (зигзагов) 130, 144
 его фундаментальное противоречие 70, 471
 и реверсивное течение исторического времени 72, 473

- «цивилизационные основания» его философского осмысления
274–290
см. также: *историко-генетический подход, исторически-
конкретные системы, историческое и логическое, история*
историческое и логическое 127–136, 141, 154, 437, 473
развитие системы 123–124, 331
метод конкретного историзма 130
см. также: *метод восхождения от абстрактного к конкретному*
история
ее социовременное измерение 190, 223, 228, 284, 312, 343, 447
ее социопространственное измерение 81, 190, 223, 228–235, 255,
284, 289, 321, 343
особенности России 304–309, 312–313
историко-пространственные модели социумов 271, 275, 278,
284, 293
познание ее закономерностей 42, 130, 137, 265, 277–278, 402, 444,
445, 446, 447, 448, 452, 464, 470, 509
«красная нить» истории – см. *исторический процесс / выделение
его «красной нити»*
критерий «отсечения» исторических случайностей (зигзагов) –
см. *исторический процесс*
см. также: *историзм, историко-генетический подход,
исторический идеализм, исторический материализм,
исторический процесс, исторически-конкретные социально-
экономические системы, историческое и логическое, конец
истории», социальное творчество (историческое творчество),
философия истории*
Италия 269
см. также: *Ренессанс / в Италии*
итальянские города-государства 55
см. также: *Ренессанс*
капитал 6, 9, 10, 27, 35, 36, 37, 38, 39, 44, 48, 49, 52, 57, 64, 70, 75, 76,
78, 79, 117, 126, 128, 130, 132, 134, 144, 147, 148, 159, 176, 179, 202,
203, 214, 220, 225, 242, 251, 271, 272, 280, 297, 307, 308, 323, 328,
329, 333, 335, 342, 362, 364, 366, 373, 383, 385, 386, 388, 393, 397,
400, 402, 403, 405, 406, 440, 441, 442, 443, 448, 449, 456, 471, 480,
483, 503, 515, 522, 526, 528
акционерный 159, 404
виртуальный 9, 164, 165, 272
глобальный 9, 26, 60, 69, 204, 205, 206, 268, 371
см. также: *глобальная гегемония капитала*
интеллектуальный 271
корпоративный – см. *гегемония / корпоративного капитала*

переменный 51, 153
постоянный 51
социальный 47, 87, 271, 393, 417, 423, 428
ссудный 159
торговый 159
физический 48
фиктивный 9, 164, 393
финансовый 94, 165, 272, 307, 327
человеческий 47, 87, 271, 355, 367, 368, 393, 424, 428
его генезис 55, 132, 133
его строение 51
«капитал-функция» 357, 384
капитал-сеть 373
капитал-собственность 384
общенациональный капитал как самокритика капитализма 449
общественный социально-регулируемый (на социал-реформистском этапе эволюции капитализма) 92, 93, 145, 309, 326
см. также: *капитализм / модели позднего капитализма / социал-демократическая (социал-реформистская)*
вывоз его 297, 307
воспроизводство его 126, 295
концентрация его – см. *Концентрация*
накопление его 39, 50, 75, 228, 308, 371
первоначальное накопление его 281, 327
перенакопление его 7, 9, 93
развитие капитала от простой кооперации к мануфактуре и фабрике – см. *кооперация*
сращивание капитала с интересами протоимперских государств 204
см. также: *протоимперия*
противоречие капитала и наемного труда 123, 145–146, 156, 203–204
см. также: *прибавочная стоимость*
подчинение капиталу личностных качеств человека – см. *личность*
дискуссия о проблемах природы капитала и экономического роста (дискуссия «Кэмбридж–Кэмбридж») 49
см. также: *власть / капитала, гегемония, глобальная гегемония капитала, интересы / капитала, капитализм, подчинение труда капиталу, отношения / наемного труда и капитала, политическая экономия / капитала, фетишизм, эксплуатация*
«Капитал» К. Маркса 6, 10, 31, 74, 81, 87, 122, 158, 217, 222, 348, 349, 399, 420

его метод 46, 122–123, 125, 129–131
его предмет 9, 10, 129
«Капитал XX века» 6, 53
«Капитал XXI века» 9, 10, 19, 146, 181
его значение для понимания анатомии современной
русской экономики 75
логика и содержание его как методолого-теоретическая
«подсказка» для анализа современных производственных
отношений «рыночной экономики» 44–46
«противоречие» между I и III томами 48
займствование учебниками «Economic» ряда тезисов 36–37
связь с economic 348, 349
актуальность выявленных закономерностей индустриального
классического капитализма 34–42
актуальность трудовой теории стоимости 46–48, 50
анализ капитала как системы отношений отчуждения
и присвоения 48–49
категория «отчуждение» 237, 240, 241
обнищание пролетариата 38–39
объяснение роли классовой и социальной борьбы
в повышении благосостояния рабочего класса 39
о фирме, внутрифирменной плановости 373
превратные формы 152, 364
представление о внутренних законах становления и развития
капиталистического способа производства 132–133
проблема человека 367
снятие частной собственности 40–42
тезис Грамши о том, что революция 1917 года произошла «не по
“Капиталу”» 73–74
теория классовой борьбы 39
капитализм 8, 10, 34, 40, 42, 43, 44, 52, 56, 57, 61, 64, 65, 73, 74, 108,
123, 125, 132, 133, 134, 156, 158, 159, 213, 214, 218, 223, 224, 227, 231,
239, 281, 284, 327, 375, 396, 417, 454, 485, 502, 505, 527
его генезис 129, 231, 281, 299, 337, 454
его «закат» – см. «закат» / капитализма
его снятие 27, 28, 30, 52, 63, 67, 70, 91, 92, 158, 159, 162, 191, 236,
272, 456, 511
его первичное хозяйственное звено на разных стадиях
развития 373, 417
см. также: кооперация, фабрика
его развитие – см. развитие / капитализма
глобальный 6, 43, 207, 447
см. также: гегемония глобального капитала
индустриальный 34, 38, 40, 50, 51, 53, 54, 163, 216, 326, 373, 457

классический 19, 34, 40, 50, 52, 53, 54, 61, 65, 222, 328, 331, 337,
342, 441, 450, 453, 454, 455, 511
периферийный 229, 231, 321, 527
см. также: *периферия*
поздний 7, 8–9, 11, 12, 39, 53, 58, 65, 67, 73, 76, 78, 79, 80, 81, 82,
90, 93, 145, 168, 170, 171, 174, 198, 222, 227, 228, 236, 238, 241,
277, 282, 291, 292, 321, 334, 336, 342, 371, 376, 382, 386, 403, 406,
414, 421, 423, 425, 441, 449, 506, 510, 517, 527, 529
империализм как стадия позднего капитализма 55, 92, 94, 307, 455
модели позднего капитализма
неолиберальная (североамериканская) 39, 92, 150, 174, 195, 268,
282, 283, 296, 313, 436, 437, 440, 447, 455, 514
социал-демократическая (социал-реформистская,
скандинавская, шведская) 41, 158, 159, 180, 227, 277, 286–287,
288, 296, 342, 392, 428–429, 456
превратный сектор в условиях позднего капитализма –
см. *беспольный (превратный) сектор*
ранний 56, 71, 220, 337, 373, 471, 489, 503
российский 8, 133, 281, 299, 313, 497
«народный» 57, 455
негативное снятие войн капитализмом 307–308
переход от мутантного социализма к мутантному капитализму –
см. *мутантный социализм*
эпоха «манипулятивного» (по Д. Лукачу) капитализма 456
см. также: *гипотеза «периодической системы» параметров
(элементов) экономических систем / классы и виды
экономических систем, посткапиталистическое общество,
рынок, рыночная экономика, «царство необходимости»*
«капитализм юрского периода» 75, 316
капиталистическая система производственных отношений –
см. *системы / производственных отношений*
капиталистический способ производства –
см. *способ производства*
капиталист (-ы) 37, 250
см. также: *буржуазия*
каста корпоративных служащих (в «фирме-семье») 383
качественные изменения – см. *изменения*
кейнсианство 352, 360, 396
неокейнсианство 352
новое кейнсианство 352
посткейнсианство 25, 352
Китай 231, 302
отличия с точки зрения цивилизационного подхода 250, 251,
253, 261, 275, 276, 280, 284, 290, 291, 297, 301, 303

китайская модель экономики 22, 133
кланово-корпоративные структуры 386, 387, 404
класс наемных работников (наемных рабочих) 37, 39, 48, 51, 53,
54, 126, 453, 454, 455, 456, 457, 490
см. также: *закон-тенденция / относительного обнищания
пролетариата (наемных работников), наемные работники,
пролетариат*
классовая борьба – см. *социально-классовая борьба*
классовый подход 68, 179
«клеточка» – см. *абстракция / исходная*
клиент 384, 405, 458
см. также: *потребитель*
количественные изменения – см. *изменения*
коллективные предприятия 40, 407, 408, 412, 462, 465
см. также: *кооперативы*
колониализм 42, 128, 228, 230, 231, 269, 307, 389, 399
борьба с ним 71, 453, 462, 469, 471
неоколониализм 282, 475
экс-колониальные и полуколониальные страны 230, 231
см. также: *биполярное развитие и де[ре]колонизация*
коммунизм 28, 55, 252, 306, 332, 333, 401, 404, 433, 439, 447, 452, 488
антикоммунизм 23, 144
еврокоммунизм 21
как синоним «царства свободы» 28, 61, 240, 490–491, 512
«Моральный кодекс строителя коммунизма» 315
«научный коммунизм» 250
неолиберальная трактовка 511
коммунистические партии 37, 66, 286, 484, 528
см. также: *посткапиталистическое общество, социализм,
«царство свободы»*
конвейер 38, 105
«Конгресс работников образования, науки и культуры» 13
см. также: *«образование для всех»*
«Конец истории» 32, 91, 98, 180, 266, 268, 288, 447
конец предыстории 19, 433, 509, 511
см. также: *предыстория*
конец экономического человека – см. *экономический человек*
конкретно-всеобщее – см. *всеобщее / конкретно-всеобщее*
конкретное 122, 125, 129, 130, 142, 307, 366
понятие 253–254
см. также: *метод восхождения от абстрактного к конкретному*
конкретный историзм – см. *историческое и логическое*
конкуренция 121, 310, 408, 412, 428, 441
совершенная (свободная) 51, 163, 280, 325, 328, 377, 441

несовершенная 323, 325, 327, 377, 383, 384, 386
на научном рынке 419
на рынке труда 514
трансформация духовной жизни человека
 в «интериоризированную» конкуренцию с самим собой
 в условиях тотального рынка 423–424
контрреволюция 29, 54, 72, 95, 96, 216, 258, 269, 309, 497, 499
 см. также: *развитие / его нелинейность, реверсивное движение*
контрреформы 29, 72, 216, 258
 см. также: *развитие / его нелинейность, реверсивное движение*
конформизм 89, 258, 260, 261, 451, 458, 459, 460, 471, 515, 517
 его определение 259
 конформист 148, 194, 200, 233, 249, 259, 452, 480, 505, 506
 ответственность конформиста за застой и регресс 72
 «прогрессор» и конформист 250–261
 как характеристика «закатного» типа личности 58
 мера конформизма общества 485
 мультикультурализм как конформизм 517–521
 объяснение конформизма (пассивности индивида)
 марксистской теорией культуры 259
 религия как форма духовного конформизма 260
 трансформация социального творчества в конформизм
 в пост-преобразовательный период 278
 см. также: *омещивание, отчуждение*
концентрация
 власти 202, 204
 капитала 449
 производства 33, 403
 и специализация 40, 75
 см. также: *капитал / накопление капитала*
концепты 90, 97, 173, 198, 211, 233, 267, 268, 286
 вместо «больших нарративов» 177–182
 понятие 177
 см. также: *постмодернизм*
кооперативы 40, 407, 414, 476
 см. также: *коллективные предприятия*
кооперация 203, 221, 465
 простая капиталистическая кооперация как первичное
 хозяйственное звено раннего капитализма 373
 развитие капитала от простой кооперации к мануфактуре
 и фабрике 43, 55
 формы добровольной кооперации как одно из проявлений
 пострыночных отношений 407
координация 45, 377, 399, 403

ее формы, альтернативные рынку (до- и пострыночные формы) 46, 205, 279, 333–334, 377, 383, 401, 405, 409, 415, 428
характеристика периода, в котором господствующим способом координации является рынок 128, 278
функции государства в области отношений экономической координации 373, 410–411
способ координации как один из главных параметров социально-экономической жизни (в «периодической системе» элементов экономических систем) 320, 322, 323, 328, 330, 331, 333, 338
шкала его возможных «значений» 325, 327
его характеристики 340
копилефт (copyleft) 407, 414, 428
корпорации 50, 52, 89, 133, 171, 384, 404, 407, 442
адаптивные 379
венчурные 383
транснациональные 81, 164, 192, 202, 270, 373, 405
как профессиональная группа 89, 107, 458, 465
см. также: *капитал / корпоративный*
краудсорсинг (crowdsourcing) 407, 414
краудфандинг (crowdfunding) 407, 414
креативная деятельность 41, 378
социальная а-креативность индивида 259
см. также: *креатосфера, творческая деятельность, хомо креатор*
креативный класс 41, 57, 515
см. также: *хомо креатор*
креатор – см. *хомо креатор, человек / креатор*
креатосфера 28, 105, 333, 457, 469, 486, 509, 511, 516
как понятие 99, 100, 102, 477
особенности применения диалектики для ее изучения 100–104
ее субъект 457, 480, 487, 489, 490, 509
ее развитие (прогресс) 380, 478, 479, 481, 483, 484, 485, 487, 490, 498, 500, 501, 502, 509, 510 511, 512
мера ее развития 487
«средства производства» в ней 467
закономерности взаимодействия креатосферы и мира отчуждения 477–485, 486, 490
и «царство свободы» 388
см. также: *со-творчества сфера, творческая деятельность, «царство свободы», хомо креатор*
критерий прогресса – см. *прогресс*
критика Маркса – см. *марксизм / критический марксизм*
критический марксизм – см. *марксизм*

Куба 270, 309, 507, 525
культура 20, 22, 25, 27, 28, 29, 31, 41, 52, 64, 70, 74, 106, 148, 160, 179,
212, 222, 223, 246, 250, 264, 301, 313, 509, 527–529
в мире превратных форм (в эпоху постмодернизма) 105, 164, 165,
166, 168, 171, 175, 176, 177, 193, 195, 196, 381, 459, 515–516, 520
как пространство-время свободы и как рефлексия отчуждения
250–261
как процесс, результат и исходный пункт творческой
деятельности общественного человека 102
марксистская теория культуры (снятие «цивилизационного
подхода») 251–256, 281, 282, 289–290, 291
массовая культура как ее превратная форма – см. *массовая
культура*
отличие ее от духовного производства 252, 284–285
подлинная 44, 234, 259, 285, 302, 308, 314, 466, 488, 501
открытость России подлинной культуре 306
советская 24, 191, 264–265, 300, 306, 315, 466, 488, 489, 491, 501, 516
феномены культуры 100, 102, 104, 175, 180, 527
взаимообогащение прогресса культуры и социального
освобождения – см. *освобождение*
диалог культур – см. *диалог*
знаки как тени культуры 106
и субъект социального освобождения 450, 451, 456, 460, 461, 489
культурная ответственность интеллигента – см. *интеллигенция*
культурное отступление левых 528–529
культурный прогресс – см. *прогресс*
отличия классики от консерватизма 516–517
превращение культуры в товар 280, 380, 422
революция как «праздник культуры» – см. *революция*
социализм как пространство культуры – см. *социализм*
см. также: *креатосфера, культурные ценности,
мультикультурализм, опредмечивание, разотчуждение,
распредмечивание, творческая деятельность*
культурные ценности 103, 175, 477
как ресурс 41, 378, 412, 414, 467

Лаос 269

Латинская Америка 12, 86, 267
попытки рождения альтернатив капиталистической системе
отчуждения 91, 297, 314, 431
крестьянское движение 205
диктатуры 269, 474
экс-колониальные страны 302
левые 13, 22, 65, 66, 237, 269, 359, 444, 463, 527, 529

партии (организации) 38, 236, 277, 447, 456, 457, 461, 463, 475, 525, 527

постмодернисты 26, 89–90, 95, 162, 192, 194, 196, 199, 200, 233, 528

сторонники цивилизационного подхода 234–235

теоретики (интеллектуалы) 20, 21, 23, 67, 182, 468

«новые левые» 66, 462

культурное отступление левых 528–529

см. также: *альтерглобализм, коммунизм / коммунистические партии, социализм / социалистические партии, социальные движения*

либерализм 19, 24, 127, 181, 194, 214, 283, 405, 406, 413, 414, 460

социал-либерализм 18, 181

критика практики либерализма 438–443

критика теории либерализма 444–453

см. также: *неолиберализм, неолиберальная модель [этап] позднего капитализма*

Ливия 272

личная (неэкономическая) зависимость 27, 70, 223, 225, 228, 234, 325, 327, 329, 331, 402, 428

как одна из форм отчуждения 27, 242, 442, 471, 485, 517

и частная собственность 45

проявление ее пережитков в современной России и странах СНГ 45, 403

в добуржуазных (дорыночных) системах 221, 225, 247, 281, 335, 369, 401

более высокое влияние религии на различия социумов в эпоху личной зависимости 251, 277

высвобождение индивида из-под власти различных ее форм и превращение в частное экономическое лицо 278

влияние ее на формирование стереотипов «русского характера» 301, 313

переход от нее к вещной зависимости 70

как содержание основного производственного отношения дорыночного способа производства 227

см. также: *вещная зависимость, зависимость, отчуждение*

личность 71, 245, 248, 249, 250, 252, 256, 258, 275, 292, 395, 439, 440, 467, 480

в добуржуазных системах 215, 227, 230, 242

во время революций 487, 488, 490, 493, 502–503, 504, 506

и информационные технологии 164

как участник диалога 65, 102–103, 104, 440, 460, 491, 522, 527

как цель развития 66, 247, 250, 369

см. также: *прогресс / его критерии; развитие / человеческих качеств (человека, личности, личностных качеств)*

особый тип личности в условиях рынка 46, 58, 105, 121, 127, 135, 228, 241, 242, 247, 249, 279, 280, 291
см. также: *хомо экономикус, экономический человек*

подчинение капиталу личностных качеств человека 9, 48, 89, 164, 175, 176, 207, 423, 424, 441, 483
см. также: *отчуждение*

социально-творческая (прогрессор) – см. *прогрессор*
см. также: *освобождение, человек*

логическое – см. *историческое и логическое*

«луддиты нового века» 272

люмпены 242

макрэкономика 88, 340, 349, 352, 357, 360, 375, 382, 385, 386, 388, 390, 394

манипулирование 166, 193, 204, 382, 422, 442, 457, 483, 517, 526
масс-медийное манипулирование 69, 164, 165, 270, 271, 272, 276
потребителями 88, 407, 524
эпоха «манипулятивного» (по Д. Лукачу) капитализма 456

мануфактура 43, 55, 213

маржинализм 46, 352

маркетинг 88
как создатель симулякров полезных благ и действительных потребностей 166, 423, 524

марксизм 6, 8, 10, 15, 16, 19, 20, 22, 31, 43, 72, 119, 133, 134, 162, 169, 170, 181, 191, 192, 199, 200, 321, 323, 326, 360, 397, 400, 406, 425, 428, 431, 437, 440, 445, 446, 449, 452, 476, 477, 492, 496, 500, 512, 526
аналитический 26, 130
догматический (сталинско-сусловский, ортодоксальный) 33, 39, 63, 73, 119, 144, 250
западный 6, 7, 12, 47, 129, 203, 241, 286, 433, 477
классический 43, 50, 53, 63, 64, 70, 120, 136, 228, 295, 444, 467, 469, 494, 512
критический 7, 8, 11, 20, 21, 521
постсоветская школа критического марксизма 7, 11, 12, 13, 16, 17, 22, 23–30, 69, 71, 73, 78, 86, 145, 146, 223, 472, 473
отличие ее от классического марксизма 70, 75–76

марксизм-ленинизм 18, 189, 389

метафизический 140

социал-демократическое течение в нем 18–19, 22, 23

творческий 16, 39, 87, 100, 118, 143, 186, 359, 445, 455, 499, 510, 511

«цаголовская» школа (университетская школа, школа Н.А. Цаголова) 12, 45, 55, 70, 115, 146, 218–219, 407

его актуальность для исследования постсоветских социумов 73–75

его реактуализация 17–83
«белые пятна» марксизма 218–228, 228–235
«провалы» марксизма 15, 61–67, 224, 267, 289–290
и мир-системный подход 229
и проблема человека 80, 245–261, 366–375
как критика одностороннего экономического детерминизма
212–218
категория «сущность» в методологии марксизма (в диалектике) –
см. *сущность*
категория «явление» в методологии марксизма (в диалектике)
– см. *явление*
марксистская теория отчуждения 236–245
снятие «цивилизационного подхода» социальной философией
марксизма 262–290
см. также: «*Праксис*» (*школа марксизма*), *политическая
экономика / труда (марксистская политэкономика),
социальная философия марксизма*
массовая культура (масс-культура) 58, 71, 89, 105, 106, 148, 288,
306, 451, 466
как канал манипулирования 69, 164, 483
см. также: *манипулирование / масс-медийное*
как превратная форма культуры 164, 165, 170–171, 175–177, 276,
282, 381, 458, 459, 472, 476, 479, 480, 485, 515, 529
рынок масс-культурных продуктов и услуг 423
шоу-бизнес как противоположность подлинной культуре 44,
271, 478–479
см. также: *духовное производство*
масс-медийное манипулирование – см. *манипулирование*
математика 48, 116, 118, 123, 138, 140, 350, 419, 421, 497
математическое моделирование 48, 50, 110, 112, 115–117, 118, 138,
154, 210, 318, 351, 353, 354, 356, 366, 376, 380–381, 387, 420, 426,
427, 429, 430–431
его взаимодействие с диалектической логикой (с методом
восхождения от абстрактного к конкретному) 117, 118, 122–124,
149, 366, 420
материализм 16, 191, 192, 275
исторический материализм 13, 79–80, 210, 211, 229, 422, 433
материалистическое исследование практики 142–143
материалистическое понимание истории 18, 20, 79, 254, 369
соотношение материалистического и идеалистического
взглядов на историю 264
см. также: *идеализм*
материалистическая диалектика – см. *диалектика / классическая
материалистическая диалектика*

материалистическое понимание истории – см. *материализм*
материальное производство 31, 61, 66, 214, 217, 226, 244, 251, 254,
436, 457, 466, 487, 509, 511, 512
см. также: *переход «по ту сторону» материального производства*
медицина 44, 410
менеджеры 179, 357, 394
топ-менеджеры 290
разница в уровне доходов в сравнении с рабочими 392
см. также: *профессионалы, управляющие*
меновая стоимость – см. *стоимость*
«мертвый» (овещенный) труд – см. *труд*
метод восхождения от абстрактного к конкретному 9, 78, 88, 126,
132, 151, 152, 189, 325, 363
предпосылки его использования 124–125
сочетание с методами математического моделирования 118,
122–124
сочетание с принципом диалектического единства
исторического и логического 127–130
сходство с «критическим реализмом» 115
альтернатива ему в исследовании сложных социальных систем
124
его конструктивность 115–127
модель постоянной взаимной коррекции-развития теории
и практики 137, 139, 140–141, 147, 149
см. также: *абстракция, всеобщее, диалектика, историческое
и логическое, историко-генетический подход, конкретное,
конкретный историзм, снятие*
методологический обскурантизм 91, 136
методология
марксизм как методология 16, 73, 74, 192, 253, 319
см. также: *диалектика, диалектический подход, историзм,
материализм*
политической экономии – см. *политическая экономия*
постмодернистская – см. *постмодернизм*
позитивные стороны прагматизма как методологии 148–149
см. также: *прагматизм*
проблема «методологической гордыни» («гносеологической
гордыни») диалектиков – см. *диалектика*
микроэкономика 47, 88, 340, 349, 352, 357, 363, 382, 385, 386, 387,
388, 390, 394, 419
«мир – не товар!» («world is not for sale!»)
как лозунг анти-гегемонистского движения 272
«мировая социалистическая система» («мировая система
социализма») 65, 75, 85, 144, 180, 210, 219, 266, 332, 404

- мировой финансовый и экономический кризис 17, 44, 50, 93, 97, 166, 272, 296, 392, 415, 417, 418
см. также: *экономические кризисы*
- мировые войны 307, 475
Первая Мировая война 42, 59, 158, 307, 406, 502
Вторая Мировая война 42
см. также: *войны*
- мир-системный подход (мир-системный анализ) 229
см. также: *глобализация, развитие / догоняющее, «центр» и «периферия»*
- монетаризм 352, 365, 418
- монополия 50, 94, 148, 307, 377, 411, 449
см. также: *олигополия*
- «мультикультурализм» 164, 282, 288, 289, 513, 514, 515, 521
как конформизм 517
- мутантный социализм (мутантно-социалистические отношения) 75, 157, 268, 311, 327, 331, 332, 337, 342, 452, 490, 497, 505, 510
определение понятия 332
переход от мутантного социализма к мутантному капитализму 183, 321, 327, 336
см. также: *«реальный социализм», социализм, эосоциализм*
- мутации 10, 28, 75, 144, 183, 191, 309, 321, 327, 335, 448, 457, 497
прогрессивные (опережающие) 28, 56, 59, 328, 330, 331, 333, 337, 339, 497
регрессивные (отстающие) 29, 95, 330, 331, 332, 333, 337, 338, 449, 463, 497
гипотеза мутаций экономических систем – см. *гипотеза «периодической системы» параметров (элементов) экономических систем*
см. также: *деформации, мутантный социализм, «реальный социализм»*
- надстройка – см. *базис и надстройка*
- наемные работники 37, 38, 39, 41, 49, 67, 117, 146, 152, 153, 158, 163, 205, 236, 241, 249, 311, 344, 357, 383, 398, 442, 454, 503
см. также: *закон-тенденция / относительного обнищания пролетариата (наемных работников), класс наемных работников, пролетариат*
- наемный труд – см. *труд*
- накопление капитала – см. *капитал*
- налоги 410, 428
прогрессивный подоходный налог 37, 41, 51, 145, 158, 249, 282, 413, 429

см. также: *демократия* / «налогоплательщика», *социальная справедливость*

насилие 29, 45, 59, 96, 164, 227, 442, 449

и постмодернизм 184–185, 193

в добуржуазных экономиках (в дорыночных системах) 228, 327, 335, 401

как способ перераспределения ресурсов 225, 306, 307, 308

его использование там, где не хватает энергии социального творчества 450, 452, 464, 470, 475, 488, 508

натуральное хозяйство 42, 47, 121, 122, 126, 151, 220, 225, 279, 300, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 333, 335, 398, 401, 402, 403, 410, 424, 428

наука 28, 30, 41, 101, 175, 176, 177, 179, 193, 196, 212, 221, 251, 310, 315, 377, 378, 380, 381, 398, 421, 422, 438, 444, 469, 478, 481, 482, 483, 487, 488, 491, 519, 522, 524

фундаментальная 41, 44, 74, 279, 308, 358, 406, 410, 414, 479

«Наука логики» (Г.В.Ф. Гегель) 106, 107, 119, 141, 155, 158, 188, 329, 447

научно-технический прогресс (НТП) – см. *прогресс*

Национализация – см. *собственность*

нелинейность

прогресса – см. *прогресс*

развития – см. *развитие*

трансформаций – см. *трансформации*

необходимость и случайность – см. *диалектика, диалектический метод*

неоклассика (неоклассическая экономическая теория) 20, 21, 46, 47, 49, 71, 117, 128, 135, 174, 212, 245, 318, 348, 349, 350, 352, 354, 360, 367, 380, 396, 414, 417, 418, 420, 421, 422, 425, 472

и классическая политэкономия 366–376

см. также: *основное течение (mainstream), экономикс (economics), экономическая теория, экономический империализм*

неоколониализм – см. *колониализм*

неолиберализм 66, 73, 79, 98, 122, 195, 199, 268, 282, 356, 381, 437, 440, 458

см. также: *либерализм*

неолиберальная модель [этап] позднего капитализма – см. *капитализм / модели позднего капитализма*

неоприватизация – см. *приватизация*

неправительственные организации (НПО) 36, 39, 49, 52, 60, 282, 374, 385, 408, 414, 462

см. также: *активность социальных движений и НПО, гражданское общество, новые социальные движения*

неравенство 91, 225, 281, 351, 428

сословное 42, 144, 251, 382, 473, 494

сохранение его в Европе и после победы капиталистических отношений 231, 281
его рост вне условий социального противодействия наемных работников 49
как один из параметров классификации экономических систем 340
осмысление его марксизмом как политической экономией труда 359
параллели теоретических обоснований его «естественности» в период феодализма и обоснований «естественности» рынка в эпоху капитализма 215–216, 364
см. также: *социальная дифференциация, социальная справедливость*
нерыночные формы общественной жизни 41, 372, 381, 397, 407, 408, 409, 424, 428
см. также: *посткапиталистическое общество, пострыночные отношения, постэкономическое общество*
неэкономические средства и методы гегемонии капитала – см. *глобальная гегемония капитала*
Нидерланды (Голландия) 55, 74, 230, 402, 488, 525
Никарагуа 446
«новая» политическая экономия (политическая экономика, political economics) 354
см. также: *экономический империализм*
новые социальные движения (НСД) 11, 60, 91, 100, 107, 108, 200, 205, 270, 297, 374, 385, 408, 431, 456, 508
основные характеристики 463–464
см. также: *активность социальных движений и НПО, альтерглобализм, неправительственные организации*
«номады» 104, 105, 106, 163, 170, 198
см. также: *детерриализация / детерриализованные номады, знак (-и)*
номенклатура
глобального капитала 371, 383
корпоративно-государственная 204, 403, 450, 484, 499
номенклатурно-олигархические структуры – 387, 404
см. также: *олигархи (-я)*
норма прибавочной стоимости – см. *прибавочная стоимость*
ноосфера 66, 386, 523
ноосферный тип воспроизводства 327
ноу-хау (know how) 378

обеспечение доступа к культурным ценностям – см. *культурные ценности*

обнищание пролетариата – см. *закон-тенденция / относительного обнищания пролетариата*

обобществление производства 40, 51, 93

обособление 69, 176, 228, 239, 367, 516

обособленность производителей 34, 47, 75, 120, 121, 122, 340, 367, 373

образование 28, 30, 44, 52, 74, 93, 146, 175, 176, 177, 179, 196, 221, 249, 270, 279, 281, 297, 308, 315, 355, 377, 378, 381, 394–395, 406, 410, 412, 414, 422, 469, 470, 475, 479, 481, 483

экономическое 351, 355, 357, 377, 389

вопрос о стимулах к нему для «рядовых» граждан 469, 491

см. также: *воспитание*, «*Конгресс работников образования, науки и культуры*», «*образование для всех*», *обучение «образование для всех»* 13, 36

обучение – см. *воспитание / и обучение*

общественное (-ая, -ый)

 благо – см. *благо*

 богатство – см. *богатство*

 практика – см. *практика*

 разделение труда 34, 74, 101, 120, 121, 126, 223, 224, 242, 453, 486, 503

 субъект – см. *субъект*

 человек (человек общественный) – см. *человек*

общественно-экономическая формация – см. *экономическая общественная формация*

 см. также: *пострыночные отношения*

общественный социально-регулируемый капитал – см. *капитал, капитализм / модели позднего капитализма / социал-демократическая (социал-реформистская)*

общество

 знаний (основанное на знаниях) – см. *знания*

 информационное – см. *информационное общество*

 доиндустриальное 221, 224, 277, 305, 327, 329, 331, 373, 512

 индустриальное – см. *индустриальное общество*

 постиндустриальное – см. *постиндустриальное общество*

 посткапиталистическое – см. *посткапиталистическое общество*

 постэкономическое – см. *постэкономическое общество*

 «потребления» – см. *потребление*

 «пресыщения» 29, 57, 59, 71, 105, 166, 168, 472

 «профессионалов» – см. *профессионалы*

община 151, 220, 223, 230, 231, 243, 279, 281, 297, 300, 301, 310, 330, 373, 398, 401, 403, 439, 440, 458

овещнение 241, 464

 человеческих отношений 70, 280, 439, 441, 454, 477

 понятие 239

см. также: *вещи, вещьная зависимость, отчуждение, труд / овещенный, фетишизм*

олигархи (-я) 33, 35, 120, 299, 307, 311, 405, 517
см. также: *номенклатурно-олигархические структуры*

олигополия 383, 422

омещанивание 258, 451

опережающее развитие – см. *развитие*

опредмечивание 105, 239, 284, 433, 469
см. также: *распредмечивание*

органическое строение капитала – см. *капитал / его строение*

ортодоксальный марксизм – см. *марксизм*

орыночничество 176, 371, 381
см. также: *очастничество*

освобождение

социальное 24, 59, 65, 68, 78, 80, 82, 128, 196, 208, 234, 240, 245, 249, 252, 256, 257, 261, 269, 428, 436, 437, 438, 439, 442, 443, 444, 446, 447, 452, 453, 495, 498, 502, 503, 508, 509, 510, 511, 512, 520

мера социального освобождения 486

основы (предпосылки) для социального освобождения 509

культурная ответственность интеллигента как условие социального освобождения 521

труда – см. *труд*

ассоциированное социальное творчество как сущность процесса социального освобождения 462–485
см. также: *ассоциированное социальное творчество*

взаимообогащение прогресса культуры и социального освобождения 477–485, 486–493, 500

как снятие отчуждения 453–461
см. также: *развитие / общественных сил социального освобождения, свобода, социальное творчество, социально-классовая борьба / за освобождение человека; эксплуатация / борьба за освобождение от нее*

основное производственное отношение 217–218, 226–227
см. также: *производственные отношения*

основное течение (mainstream)

в экономике 37, 47, 128, 210, 318, 323, 348, 355, 365, 374, 375, 378, 388, 389, 390, 397, 415, 420, 427, 428, 430

его «провал» 418

в общественных науках 67, 200, 267
см. также: *неоклассика (неоклассическая экономическая теория), экономикс, экономическая теория, экономический империализм*

открытое программное обеспечение (open source) 407, 414

относительная прибавочная стоимость –
см. *прибавочная стоимость*

отношения

- наемного труда и капитала 280, 340, 342, 384, 404, 412, 454
см. также: *подчинение труда капиталу*
присвоения/отчуждения – см. *отчуждение / экономическое (отношения присвоения/отчуждения)*
работника и собственника средств производства 70, 217, 323
см. также: *основное производственное отношение*
см. также: *производственные отношения, способ производства*
отрицание отрицания – см. *диалектика / законы диалектики «оттепель» в СССР (хрущевская оттепель)* 72, 258, 259, 473
отчуждение 14, 27, 28, 64, 65, 70, 80, 98, 100, 135, 155, 193, 195, 217, 236, 260, 361, 363, 449, 458, 486, 503
его определение 361
его мера 485, 487
его формы 29, 64, 104, 152, 154, 156, 195, 197, 207, 214, 255, 259, 260, 371, 428, 439, 449, 450, 452, 456, 457, 459, 464, 478, 480, 482, 485, 516, 523, 524, 527, 529
см. также: *глобальная гегемония капитала*
его снятие (преодоление) 7, 11, 27, 28, 29, 61, 63, 64, 70, 72, 82, 102, 171, 176, 197, 234, 236, 243, 245, 250, 252, 257, 273, 282, 290, 334, 408, 409, 436, 437, 442, 450, 451, 452, 456, 460–461, 463, 467, 472, 475, 476, 481, 487, 489, 490, 493, 509, 510, 511, 512, 517, 519, 522, 525, 528, 529
см. также: *альтернативы / отношениям отчуждения, освобождение, разотчуждение*
и креатосфера – см. *креатосфера*
культура как рефлексия отчуждения – см. *культура*
особенности его исследования в марксизме в XX в. 236–250, 368
самоотчуждение 206, 242, 433
человека 101, 102, 106, 195, 203, 439, 441, 443, 453, 499
см. также: *конформизм, омещанивание*
духовное 89, 194, 242, 249, 252, 282, 284, 458
см. также: *духовное производство*
экономическое (отношения присвоения/отчуждения) 44, 45, 48, 75, 156, 217, 225, 227, 228, 322, 325, 327, 329, 330, 335, 338, 340, 401, 403, 428
см. также: *вещизм, вещьная зависимость, глобальная гегемония капитала, овещнение, рыночничество, очастнивание, подчинение труда капиталу, превратные формы, фетишизм, «царство необходимости»*
«очастнивание» 175, 176
см. также: *овещнение, рыночничество, отчуждение*

Парижская коммуна 158, 474, 513, 532

Парижский май 1968 г. 180, 182, 238
патернализм 45, 75, 282, 288, 301, 311
Первая мировая война – см. *мировые войны*
первобытно-общинный способ производства –
 см. *способ производства*
первоначальное накопление капитала – см. *капитал*
переменный капитал – см. *капитал*
перенакопление капитала – см. *капитал*
перераспределение 127, 145, 225
 прибавочной стоимости (прибыли) 37, 158, 414
 дохода (-ов) 45, 51, 52, 340, 413, 428
 ресурсов 307, 401, 410, 428
 ВНП 406
 см. также: *распределение*
переход количества в качество – см. *диалектика / законы*
 диалектики
переход «по ту сторону» материального производства 62, 63, 66,
 69, 70, 99, 216–217, 382, 388, 424, 436, 509, 510
 см. также: *переход от «царства необходимости» к «царству*
 свободы»
переход от формального к реальному подчинению труда капиталу
 43, 48, 55
 см. также: *вещная зависимость, капитал, подчинение труда*
 капиталу
переход от «царства необходимости» к «царству свободы» 19, 61,
 63, 144, 437, 446, 466–467, 473, 484, 508, 510
 социализм как процесс нелинейной трансформации «царства
 необходимости» в «царство свободы» – см. *социализм*
 см. также: *«царство необходимости», «царство свободы»*
переходные отношения и формы 29, 54, 55, 57, 59, 72, 75, 92, 96, 214,
 234, 256, 279, 325, 326, 327, 330, 331, 332, 334, 335, 336, 337, 342, 397,
 402, 403, 404, 408, 409, 410, 415, 416, 467, 468, 476, 508, 509, 510
«периодическая система» элементов экономических систем – см.
 гипотеза «периодической системы» параметров (элементов)
 экономических систем
периоды возникновения и отмирания исторически-конкретных
 систем – см. *исторически-конкретные системы*
 производственных отношений
периферия 10, 192, 221, 231, 273, 280, 282, 292, 302, 311, 526
 полупериферия – 302
 см. также: *беднейшие страны, глобализация, капитализм /*
 периферийный, мир-системный подход, страны «второго»
 и «третьего» мира, «центр» и «периферия»
персонификация 16, 259, 260, 466

- плюрализм
идейный 164, 175, 270, 459, 526, 527
в экономической теории 350, 351, 389–395, 420–421
- подлинное (-ая)
искусство – см. *искусство*
культура – см. *культура*
- подчинение труда капиталу 60, 80, 158, 428
его эволюция 48
реальное 51, 325, 327
формальное 55, 325, 327, 513
формальное и реальное 48, 55, 61, 74, 213
его смягчение 158
см. также: *переход от формального к реальному подчинению труда капиталу*
- подчинение человека процессу материального производства –
см. *человек*
- поздний капитализм – см. *капитализм*
- позитивизм 30, 66, 67, 69, 71, 79, 82, 83, 85, 109, 138, 139, 141, 142,
144, 146, 147, 148, 150, 161, 162, 165, 174, 176, 181, 188, 198, 222, 232,
233, 236, 253, 254, 265, 266, 292, 418, 419, 421, 427, 458, 472, 517, 518
критика позитивизма и прагматизма 110–136
альтернативы ему 184–185
положительные стороны его методологии с точки зрения
диалектики 148–149
см. также: *постмодернизм, прагматизм, экономический империализм*
- политическая экономика – см. *экономическая теория / политическая экономика (political economics, «новая» политическая экономия)*
- политическая экономия
капитала 159, 353, 356, 358
труда (марксизм, марксистская политэкономия) 353, 356, 358,
359, 360, 361
см. также: *марксизм*
постклассическая 432
товара-симулякра 7
возможности синтеза с *economics* – см. *экономикс (economics)*
ее взаимодействие с математическим моделированием –
см. *математическое моделирование*
ее методология 317–434
см. также: *методология / марксизм как методология*
см. также: *марксизм, экономическая теория / политическая экономика («новая» политическая экономия), трудовая теория стоимости*

Польша 42, 65
Португалия 269, 302
постбуржуазный способ производства – см. *Способы производства*
постиндустриальное (-ая, -ый)
 общество 19, 30, 70, 89, 99, 133, 322, 361, 378, 408, 414, 492
 см. также: *генезис / постиндустриального общества*
 революция 50, 374
 тенденции 26, 73, 424
 технологии – см. *технологии*
 технологический уклад – см. *технологические уклады*
 экономика 41, 44, 56, 69, 277, 328, 335, 337, 373
посткапиталистическое (-ие)
 общество 60, 61, 67, 74, 91, 327, 333, 336, 337
 отношения 28, 93, 325, 330, 379, 410
 см. также: *пострыночные отношения, постэкономическое общество, развитие / посткапиталистических (пострыночных, постэкономических) отношений*
постмодернизм 20, 30, 85, 87, 95, 97, 99, 107, 109, 114, 135, 136, 148, 233, 267–268, 288, 292, 299, 319, 376, 421, 423, 427, 471, 485, 514, 515, 516, 517, 518, 524, 525, 528, 529
 апология пассивности 71, 472
 безразличие к проблеме прогресса 71, 121, 472
 исходный пункт 165–172
 как теория деконструкции 67
 отказ от истины 67, 138, 177–182
 постмодернистские конструкторы «империи» и «множества» 199–208
 причины отхода от диалектики 87–91
 причины распространения 163–165
 его критика 453–461
 его снятие 186–199
 см. также: «*большие нарративы*», *деконструкция, десубъективация, детерриализация, детерриализованные «номады», децентрация, концепты, насилие / в постмодернизме, номады, «щель» в постмодернизме*
пострыночные
 отношения 406–407
 социально-экономическая деятельность государства как одна из сфер их генезиса 409–416
 ценности и мотивы – см. *ценности и мотивы*
 см. также: *посткапиталистическое общество, постэкономическое общество, развитие / посткапиталистических (пострыночных, постэкономических) отношений*
постсоветская (-ое, -ие)

школа критического марксизма – см. *марксизм социумы* 73–76
трансформации 72, 219, 300, 302, 328, 473, 476
пространство – см. 13, 17, 73, 266, 528, 530
постэкономическое (-ая)
общество 28, 30, 217, 327, 336, 400, 424
формация 217, 346
см. также: *знания / общество знаний, информационное общество, постиндустриальное общество, пострыночные отношения, развитие / посткапиталистических (пострыночных, постэкономических) отношений, «царство свободы»*
потребитель 105, 357, 363, 374, 375, 384, 399, 401, 407, 423, 441, 442, 458, 459, 515
информационного продукта 379
см. также: *клиент, манипулирование / потребителями, производитель / способ связи производителей и потребителей*
потребительная стоимость 176–177, 363
см. также: *стоимость*
потребление 43, 102, 126, 142, 166, 213, 225, 340, 378, 399, 422, 459, 466, 477, 511, 526, 528
«общество потребления» 57, 71, 74, 120, 151, 170, 171, 213, 239, 458, 476
перепотребление (пресыщение) 166, 168, 526
см. также: *общество / «пресыщения»*
нерыночное 398–399, 400, 401, 407
см. также: *пострыночные отношения*
превращение процесса потребления в символический товар 167
потребности 62, 92, 120, 166, 167, 177, 340, 378, 379, 407, 423, 429, 469, 478, 491
почвенники 97, 98, 259
прагматизм 71, 144, 145, 148, 154, 177
его критика 67, 110–111, 146, 148, 165
критика диалектики с позиций прагматизма 111–113
снятие его диалектикой 139–140
его позитивные стороны как методологии 148–149
как «большой нарратив» в сфере общественных наук 181
«империализм прагматики» 88
см. также: *позитивизм, экономический империализм*
Пражская весна 1968 г. 182, 238
«Праксис» (школа марксизма) 26, 64, 451
практика (общественная практика) 131, 138, 140, 145, 147, 152, 154, 155, 169, 266, 271, 359–360, 366, 374, 450–451, 494, 523
ее определение 114
ее отличие от набора фактов 78, 143–144, 425
см. также: *факты*

превратные (превращенные) формы
 понятие 150–152
 гипотеза о причинах возникновения 154–159
 диалектика как метод снятия наваждений в мире превратных форм 137–160
 их развитие – см. *развитие / превратного сектора (превратных форм, мира симулякров)*
 отличие превратных форм от сущностных процессов 155, 158, 159, 167, 177, 179, 244, 362, 458
 см. также: *беспольный (превратный) сектор, видимость, культура / в мире превратных форм (в эпоху постмодернизма), массовая культура / как превратная форма культуры, фетишизм*
 превратный сектор – см. *развитие / превратного сектора, беспольный (превратный) сектор*
 превращение частного работника в человека-креатора 38
 см. также: *хомо креатор (homo creator), человек / креатор*
 предельная абстракция – см. *абстракция*
 предельная полезность 46, 323, 353
 см. также: *неоклассика, теория / предельной полезности, экономикс*
 предыстория 43, 63, 64, 80, 85, 217, 236, 240, 242, 253, 256, 260, 261, 338, 477, 480, 508
 отчуждение как ее видимостная характеристика 243
 человек в мире предыстории 245–250
 см. также: *конец предыстории, «царство необходимости»*
 переходение 9, 80, 94, 175, 318, 388
 см. также: *генезис, развитие и «закат» социально-экономических систем, развитие*
 прибавочная стоимость 38, 48, 51, 152, 156, 158, 159, 364
 добавочная (избыточная) 213
 относительная 37, 213
 теория 18, 50
 закон прибавочной стоимости 51, 158
 норма прибавочной стоимости 123
 см. также: *стоимость, трудовая теория стоимости*
 прибавочный продукт 218, 221, 224, 225, 227
 прибавочный труд – см. *труд*
 прибыль 37, 46, 51, 125, 152, 156, 283, 297, 323, 330, 357, 364, 379, 397, 407
 монополистическая 307
 средняя 37, 46, 48, 158
 ее максимизация 120, 159, 297, 373, 398, 401, 423
 ее перераспределение 37, 41, 44, 45, 51, 414
 ее присвоение 48, 428

норма прибыли 48, 123, 159
приватизация 45, 133, 176, 258, 322, 328, 381, 408
природа 31, 36, 41, 44, 62, 66, 102, 221
 см. также: *человек, общество и природа, экология, экосоциализм*
присвоение 45, 48, 158, 159, 221, 225, 226, 227, 320, 325, 329, 330, 325,
329, 330, 361, 401, 402, 405, 407, 411, 428, 433, 491
 см. также: *отчуждение / экономическое (отношения
 присвоения/отчуждения)*
причина и следствие – см. *диалектика*
провалы государства 82
провалы рынка 82, 279, 373, 375, 386, 396, 406, 409, 410, 411, 414, 416
 критика термина 407
 см. также: *регулирование экономики*
«провалы» марксизма 15, 61–67, 224, 267, 289–290
прогресс
 креатосферы – см. *креатосфера*
 культурный 28, 71, 175, 256, 378, 454, 477, 485, 487, 501, 502
 человеческих качеств – см. *развитие / человеческих качеств*
 научно-технический (НТП) 37, 258, 381, 474, 478, 479, 508
 социальный 59, 157, 255, 275, 282, 285, 289, 375, 381, 448, 474, 508
 технологический 58, 74, 277, 338, 379
 его критерии 71, 121, 157, 247, 250, 255, 282, 288, 289, 366, 369,
 464, 470, 475, 484, 517–520
 его нелинейность 42, 94, 98, 290
 взаимообогащение прогресса культуры и социального
 освобождения – см. *освобождение*
 см. также: *развитие, технологические (-ое) / уклады, развитие,
 эволюция*
прогрессивный подоходный налог – см. *налоги*
«прогрессор» 257, 260, 464
 и конформист 250–261
 потенциал и пределы прогрессорства 469–477
 см. также: *субъект / социально-творческий*
производитель (-и)
 обособленность производителей 34, 47, 75, 120, 121, 122, 340, 367, 373
 способ связи производителей и потребителей 176, 322, 409
 см. также: *координация*
 ассоциированные производители 35, 62
производительность труда – см. *труд*
производительные силы 30, 132, 217, 223, 224, 226, 248, 256, 304,
322–324, 326, 370, 380, 433, 495, 496, 500, 501
 их прогресс (развитие) – см. *развитие / производительных сил*
 взаимодействие производительных сил, производственных
 отношений и «надстройки» – см. *базис и надстройка*

- см. также: *диалектическое единство / производительных сил и производственных отношений, производственные отношения, способ производства, человек*
- производственные отношения 55, 68, 69, 73, 75, 122, 220, 221, 223, 224, 225, 226, 228, 248, 249, 254, 323, 324, 334, 365, 370, 371, 376, 419, 455, 494, 500
- капиталистические 8, 9, 74, 78, 80, 81, 92, 291, 307, 375, 383
- взаимодействие производительных сил, производственных отношений и «надстройки» – см. *базис и надстройка*
- см. также: *диалектическое единство / производительных сил и производственных отношений, основное производственное отношение, способ производства*
- производство
- духовное – см. *духовное производство*
- материальное – см. *материальное производство*
- нематериальное 206
- индустриальное 105, 126, 441, 448
- см. также: *воспроизводство, обобществление производства, переход «по ту сторону» материального производства, производительные силы, производственные отношения, товарное производство*
- пролетариат 21, 33, 64, 96, 139, 250, 516
- тезис классического марксизма о революционной роли индустриального пролетариата 57
- развитие социальных сил освобождения, стоящих «по ту сторону» классического пролетариата 59
- как субъект-творец истории 450, 502, 505
- и классовая борьба 38, 454, 455
- условия становления его как универсального класса 456
- см. также: *закон-тенденция / относительного обнищания пролетариата (наемных работников), класс наемных работников, люмпены, наемные работники*
- Просвещение 143, 247, 264, 300, 315, 445, 472, 473, 503
- см. также: *Возрождение, Ренессанс*
- пространство
- географическое 263, 304, 305, 344
- информационное 203
- социальное 29, 255, 256, 294, 273, 476
- его мозаичность, расколотость 476
- пространство-время 222, 422, 480
- социально-экономическое 81, 132, 300, 320, 388, 405
- отличия его от географического пространства 344
- пространство-время 244, 324, 325, 326, 329, 330, 338, 340, 344, 345

гипотезы, описывающие свойства n-мерного социально-экономического пространства-времени 343–345
невоенные методы решения пространственных проблем 308
революция как пространство и время высвобождения – см. *революция*
социализм как пространство культуры – см. *социализм*
см. также: *история / ее соцiovременное и соционпространственное измерение*
противоречие (-я)
понятие диалектического противоречия 118–119
как источник развития 121
глобализации – см. *глобализация*
капитала и наемного труда – см. *капитал*
стоимости и потребительной стоимости – см. *стоимость*
творческой деятельности – см. *творческая деятельность*
товара – см. *товар*
фундаментальное противоречие исторического процесса – см. *исторический процесс*
см. также: *диалектика, метод восхождения от абстрактного к конкретному*
протоимперия 270, 475
глобальная 29, 71, 472
отличия авторской трактовки понятия от трактовки М. Хардта и А. Негри 192
зарождение 76, 92, 192, 204
как вызов постмодернистскому безразличию 192
как результат трансформации глобальной неолиберальной практики 195
подчинение человека 71
сращивание капитала с интересами протоимперских государств 204
см. также: *империализм, империя, глобальная гегемония капитала*
профессионалы 89, 148, 175, 302, 383, 431, 441, 442, 457, 466, 470, 483, 494, 505, 529
и творцы 105, 146, 175–177, 271
«общество профессионалов» 89, 151, 441
см. также: *менеджеры, управляющие*
профсоюзы 36, 49, 205, 297, 374, 385, 414, 462, 474, 476
Пруссия 302
публичные университеты – см. *университеты*
работник
наемный – см. *наемные работники*

его эксплуатация – см. *эксплуатация*
рабочий день
борьба рабочих за его сокращение 37, 38, 249, 469, 470, 474
развитие
догоняющее 302, 304
опережающее 74, 104, 166, 316
саморазвитие 102, 159, 214, 477, 482, 484
технологическое – см. *технологические(-ое) / развитие*
устойчивое 213, 301, 327
в условиях генезиса постиндустриального общества 19, 29, 73,
104, 106, 109, 132, 161, 457
капитализма (капитала) 55, 75, 88, 92, 93, 126, 132, 133, 148, 159,
166, 221, 268, 331, 424, 455
креатосферы – см. *креатосфера*
общества 31, 39, 41, 42, 54, 57, 59, 61, 68, 71, 98, 99, 114, 127, 212,
251, 265, 276, 303, 355, 432
общественных сил социального освобождения (социальных
движений) 11, 52, 59, 457, 482, 485, 488, 500, 510
отношений товарного производства 121, 126, 132, 133, 134, 279, 454
по социалистической траектории 27, 29, 59, 61, 71, 85
посткапиталистических (пострыночных, постэкономических)
отношений 28, 30, 93, 127, 279, 325, 336, 388, 407, 408, 409,
413, 415, 457, 472, 481, 487, 491, 509, 513
превратного сектора (превратных форм, мира симулякров) 58,
59, 106, 159, 165, 166, 168, 170, 175, 381, 457, 480
производительных сил 42, 43, 58, 62, 68, 73, 80, 155, 158, 212, 213,
214, 221, 223, 305, 326, 329, 333, 410, 454, 473, 478
«родовой сущности Человека» (человека как родового
существа) 255–256, 290, 501, 509
рынка 37, 47, 117, 121, 127, 133, 225, 280, 331, 333, 413, 424
человеческих качеств (человека, личности, личностных
качеств) 44, 57, 62, 71, 72, 85, 103, 145, 155, 157, 158, 165, 175, 196,
247, 250, 286, 289, 314, 334, 369, 407, 408, 409, 440, 457, 460,
470, 472, 473, 479, 480, 481, 486, 501, 510
его законы и закономерности 134, 135, 137, 138, 232, 233, 234, 241,
289, 318, 345, 450, 456, 476
его мультисценарность 94, 95, 103
его нелинейность (неравномерность) 72, 91, 92, 93, 99, 292, 332,
473, 476, 501
его пределы (границы) 76, 121, 135, 188, 190, 197, 252, 253, 318, 447
его отличие от функционирования 118
как единство противоположностей 118–119, 121, 122, 190, 300
«свободное развитие каждого как условие свободного развития
всех» 32, 247, 250, 440, 443, 460, 462

индекс человеческого развития (индекс развития человеческого потенциала – ИРЧП) как его мера 41, 408, 429
см. также: *генезис, генезис, развитие и «закат» социально-экономических систем, «закат», гипотеза «периодической системы» параметров (элементов) экономических систем, прехождение, прогресс, трансформации, эволюция*
разделение труда – см. *общественное разделение труда*
разотчуждение 256, 289, 469, 519, 522, 523, 529
определение 245
см. также: *социальное творчество*
распределение 75, 213, 223, 225, 330, 375, 384, 399, 401, 402, 405, 408, 422, 508
дохода (-ов) 44, 45, 323, 329, 330, 333, 338, 340, 373, 384, 386, 415, 428
ресурсов 384, 386, 399, 400, 401, 402, 403, 409, 428
общественных благ 412, 414
см. также: *аллокация ресурсов, перераспределение*
распредмечивание 103, 105, 251, 284, 469, 477, 489, 516, 521, 526, 529
см. также: *диалог, опредмечивание, субъект / субъект-субъектные отношения, труд / творческий*
рациональный экономический человек –
см. *экономический человек*
реальное подчинение труда капиталу – см. *подчинение труда капиталу, переход от формального к реальному подчинению труда капиталу*
«реальный социализм» 24, 36, 238, 244, 271, 358, 374, 410, 439
обсуждение вопроса о его природе и о его кризисе после социалистических революций XX в. 27–30, 53–60, 66, 73
опыт СССР 144–145, 404
опыт стран, подтверждающий формирование пострыночных ценностей и мотивов в неотчужденных отношениях сотворчества и солидарности 28, 36
авторское определение его как опережающей мутации посткапиталистической (постэкономической) системы 28, 333–334, 336, 436
см. также: *«мутантный социализм», социализм, эосоциализм*
реверсивное движение 72, 74, 75, 93, 95, 97, 122, 234, 257, 258, 276, 281, 300, 381, 403, 415, 473, 476
его диалектика 79, 81, 95
см. также: *инволюция, регресс*
ревизионизм 19, 67
революция
«знаний» 491
информационная – см. *информационное общество*
постиндустриальная – см. *постиндустриальное общество*

и реформы 71, 72, 91, 95, 216, 249, 257, 260, 375, 377, 425, 438, 471, 475, 476, 481, 492, 493, 507–510, 523, 525
ее субъект 54, 496, 503, 507
как временное торжество «царства свободы» 498–503
как локомотив истории 507–510
как «праздник культуры» 493–502
как творчество трудящихся 503–507
см. также: *контрреволюция*
революция 1917 года ([Великая] Октябрьская революция) 59, 73, 268, 269, 272, 300, 332, 497, 508, 510, 529
регресс 56, 71, 72, 79, 80, 93, 95, 96, 97, 155, 157, 256, 265, 282, 300, 302, 306, 332, 360, 364, 375, 377, 408, 472, 473, 474, 476, 508, 516, 519, 525
см. также: *инволюция, реверсивное движение, регрессивные мутации*
регрессивные мутации – см. *мутации*
регулирование экономики
антимонопольное – см. *антимонопольное регулирование*
общественное 35, 40, 92, 328, 407, 428, 468
см. также: *государственное регулирование, общественный социально-регулируемый капитал, провалы рынка*
реиндустриализация 378
см. также: *индустриализация*
реколонизация – см. *биполярное развитие и де[ре]колонизация*
рекреация
природы 31, 44, 279, 372
общества (социальная рекреация) 31, 44, 279, 408
религиозный фундаментализм 27, 234, 253, 282
религия 69, 83, 97, 138, 164, 194, 217, 221, 222, 223, 226, 227, 230, 232, 234, 242, 246, 291, 306, 310, 312, 315, 398, 406, 438, 471, 519, 523, 524, 527, 528, 529
как форма духовного производства 284, 288, 301, 439, 458, 515, 522, 523
как форма духовного конформизма 260
ее понимание в марксистской теории культуры 250–255, 259–260, 277–278
ее понимание в цивилизационном подходе 250, 263, 264, 280–281, 283, 284, 288, 291, 293, 295, 297, 403
как основа философии истории в цивилизационном подходе 275–277
культурно-религиозные типы общества (личности) 250, 254
ее снятие 523
необоснованность использования религиозных заповедей в качестве критерия для выделения цивилизационной специфики страны 293–294

- см. также: *духовность, религиозный фундаментализм, соборность*
- Ренессанс 143, 247, 264–265, 300, 315, 332, 363, 472, 488, 489, 501, 503, 516, 528
- в Италии 328, 331, 332, 337, 452, 488, 498
- см. также: *Возрождение, итальянские города-государства, Просвещение*
- репродуктивный труд – см. *труд*
- реформы 29, 54, 75, 120, 158, 248, 258, 269, 309, 311, 322, 388, 403, 485, 493
- и революции 71, 72, 91, 95, 216, 249, 257, 260, 375, 377, 425, 438, 471, 475, 476, 481, 492, 493, 507–510, 523, 525.
- см. также: *контрреформы*
- «ризом» 174, 198
- ризомное представление нового знания 175
- ризомные структуры 189
- капитал как ризоматический монстр-вампир 164
- Россия
- ее специфика с точки зрения социальной философии марксизма 293–317
- ручной труд – см. *труд*
- рынок
- тотальный 9, 81, 164, 424
- см. также: *глобальная гегемония капитала; рыночный фундаментализм*
- его субъект – см. *субъект / рынка*
- его пределы 388
- см. также: *пострыночные отношения*
- его регулирование – см. *регулирование экономики*
- см. также: *провалы рынка, посткапиталистическое общество, товар, товарное производство*
- рыночная экономика 37, 43, 44, 117, 126, 127, 134, 147, 174, 224, 247, 322, 332, 344, 353, 364, 373, 375, 376, 380, 390, 392, 396, 399, 410
- см. также: *капитализм, товарное производство*
- «рыночноцентричная» экономическая теория – см. *экономическая теория*
- см. также: *неоклассическая экономическая теория, экономикс*
- рыночный фундаментализм 46, 100, 128, 227, 234, 270, 399, 403, 422, 425, 442, 475, 505, 529
- его превращение в «экономический империализм» 422
- см. также: *рынок, «экономический империализм»*
- саморазвитие – см. *развитие*
- свобода 32, 62, 368, 438, 441, 442, 443, 445

культура как пространство-время свободы – см. *культура*
негативная 367, 438–443
«позитивная» 444–452
и социальное творчество 435–461
см. также: *индивид / понимание его свободы, освобождение,*
«царство свободы»
свободная ассоциация – см. *ассоциированное социальное*
творчество
свободная индивидуальность – см. *индивид / понимание*
его свободы
свободная конкуренция – см. *конкуренция*
«Север» 268, 270, 302, 386, 527
см. также: «*Запад, цивилизации / западная*
сетевые структуры (социальные сетевые структуры) 104
диалектический подход к их исследованию 79, 104–109
сети 80, 85, 108, 174, 192, 205, 407, 422
их системное качество 106–107
новых социальных движений и неправительственных организа-
ций 60
см. также: *активность социальных движений и НПО*
симулякр (-ы) 9, 90, 97, 104, 105, 106, 107, 162, 238, 268, 282, 298,
376, 381, 423, 425, 515, 516, 517, 520, 524, 525, 526
как исходный пункт постмодернизма 165–171, 172–177, 178, 179,
181, 183, 185, 187, 188, 191, 195, 196, 198, 233, 298
постмодернистские конструкты «империи» и «множества» как
симулякры противоречий новой эпохи 199–208
«по ту сторону» симулякров культурного протеста 527–529
воспроизводство фиктивных благ и симулякров 165, 179
маркетинг как создатель симулякров полезных благ и
действительных потребностей 166, 423, 524
«удвоение» фетишизма вследствие развития мира симулякров
79, 167
см. также: *фетишизм*
экономика симулякров 238
см. также: *знак (-и), превратные формы, развитие /*
превратного сектора (превратных форм, мира симулякров),
товар / симулякр
симулятивное бытие 166, 169, 310, 515
системное качество 80, 119, 124, 141, 154, 189, 197, 205, 213, 240, 329,
377, 386, 508
понятие 114, 188
рыночной экономики 125
сетевых структур 106–108
направления его поиска применительно к России 297, 298–304

см. также: *абстракция / исходная («клеточка»), абстракция / предельная, системный подход*

системный подход 16, 114, 319

системность 107, 163

критика и отказ от системности в постмодернизме 107, 172–177, 189, 298

см. также: *истина / ее критерии при исследовании диалектических систем, мир-системный подход, системное качество*

системы

экономические (социально-экономические) – см. *экономические системы*

производственных отношений 43, 44, 69, 122, 217, 501

капиталистическая 9, 45, 74, 80

скандинавская модель – см. *капитализм / модели позднего капитализма / социал-демократическая (социал-реформистская, скандинавская, шведская)*

славянофильство 21, 127, 231, 276, 298, 300, 313, 314

СМИ – см. *средства массовой информации*

СНГ 67, 349, 403, 404, 431

снятие

как понятие диалектики 27, 40, 88, 112, 115, 119, 122, 143, 190, 192

см. также: *метод восхождения от абстрактного к конкретному*

капитализма – см. *капитализм*

отчуждения – см. *отчуждение*

«царства необходимости» (предыстории) – см. «царство необходимости»

частной собственности 33, 40–42, 145, 190, 433

диалектика как снятие наваждений в мире превратных форм 89, 90, 137

«классической диалектики» в социальной теории марксизма 10, 99, 109

марксизма 23, 388

негативное снятие войн капитализмом – см. *войны*

постмодернизма – см. *постмодернизм*

«снятие» цивилизационного подхода социальной философией марксизма – см. *цивилизационный подход*

футуризм как снятие консерватизма – см. *футуризм*

соборность 273, 293, 295, 301, 303, 310, 311–312

собственность 37, 45, 57, 70, 73, 131, 218, 242, 294, 323, 325, 327, 328, 331, 333, 340, 344, 345, 359, 384, 393, 407, 411, 412, 415, 508

всеобщая («собственность каждого на все») 408, 411, 428, 467

государственная 225, 322, 408, 411, 412

коллективная – см. *коллективные предприятия*

общественная 41, 414, 467, 468
частная 42, 45, 71, 93, 117, 225, 227, 267, 271, 286, 315, 322, 408, 411,
441, 443, 449, 472, 479
снятие частной собственности 33, 40–42, 145, 190, 433
защита и распределение прав собственности 88, 295, 307, 323,
340, 360, 411, 413, 414, 426, 479, 518, 520
ассоциирование собственности 40, 51
см. также: *коллективные предприятия, кооперативы*
демократизация отношений собственности и управления 412
капитал-собственность 384
национализация 45, 121
связь меры развития творческой деятельности со
спецификацией прав собственности 479
см. также: *отчуждение / экономическое (отношения
присвоения/отчуждения), приватизация, присвоение*
современный марксизм – см. *марксизм*
содержание 9, 10, 37, 45, 47, 56, 65, 75, 85, 97, 99, 104, 105, 135, 140,
143, 145, 150–160, 169, 170, 171, 172, 174, 178, 185, 187, 197, 198, 203,
207, 215, 226, 239, 244, 254, 255, 268, 271, 272, 311, 319, 339, 362,
363, 364, 395, 409, 410, 419, 428, 431, 454, 459, 482, 487, 511, 512
см. также: *форма*
со-творчества сфера 28, 99, 333
см. также: *диалог, креатосфера, со-творчество, субъект /
субъект-субъектные отношения*
со-творчество 105, 106, 109, 176, 251, 255, 284, 440, 464, 465, 468,
482, 492, 522, 526
его диалектика 98–104
его субъект 108, 196, 460, 522, 524
см. также: *диалог, креатосфера, распремечивание, субъект /
субъект-субъектные отношения*
социал-демократическая (-ое, -ие)
политика 145, 374, 387, 502
модель капитализма – см. *капитализм / модели позднего
капитализма*
течение в марксизме – см. *марксизм*
версии интеграции марксизма и цивилизационного подхода
283–290
социал-демократы 26, 37, 158, 288, 438
социал-реформизм – см. *капитализм / модели позднего
капитализма*
социализация 45
капитала 325, 326, 327
экономики 41, 57, 145, 328
десоциализация 39

социализм 7, 11, 19, 20, 22, 24, 27, 29, 54, 56, 59, 60, 61, 62, 64, 67, 74, 75, 92, 133, 181, 191, 218, 245, 260, 269, 270, 275, 309, 310, 314, 333, 359, 382, 399, 406, 449, 451, 453, 457, 466–467, 485, 491, 492, 497
как пространство культуры 28, 30, 467
как процесс нелинейной трансформации «царства
необходимости» в «царство свободы 491, 510–512
социалистические партии 456
см. также: «мутантный социализм», «реальный социализм»,
экосоциализм

социалистическая революция – см. *революция*

социальная дифференциация 37, 49, 145, 245, 300, 441
зависимость ее от трудового вклада в социал-демократической
модели 429
и закон относительного обнищания пролетариата 51
см. также: *неравенство*

социальная справедливость 19, 248, 313, 357, 359, 370, 428, 504
и экономическая эффективность 41, 429
см. также: *налоги / прогрессивный подоходный налог*

социальная философия марксизма 18, 19, 68–73, 80, 81, 210, 232,
235, 237, 262–292, 293–316, 366, 517–519

социально-классовая борьба (классовая борьба) 38, 39, 61–67, 240,
269, 285, 299, 301, 302
за освобождение человека (за социальное освобождение) 487,
489, 498, 509–510, 521
за освобождение как снятие отчуждения (к критике
постмодернизма) 453–461

социально-творческий субъект – см. *субъект*

социально-творческое преобразование 72, 148, 155, 171, 177, 201,
246, 255, 257, 258, 259, 260, 282, 290, 309, 446, 450, 451, 452, 455,
459, 460, 461, 462, 464, 469, 474, 475, 476, 489, 490, 495–496, 499,
500, 501, 502, 503, 509
см. также: *освобождение / социальное*

социально-экономические системы – см. *системы*

социально-экономическое пространство – см. *пространство*

социальное освобождение – см. *освобождение*

социальное партнерство 48, 57, 285, 286, 288, 342

социальное творчество (историческое творчество) 243, 455, 458,
462–486
отказ от него 458–459
превращение в анти-творчество в мире отчуждения 482, 484, 500
«стрела Аримана» (И. Ефремов) 479, 482, 484
и революция 503–507
см. также: *ассоциированное социальное творчество,
освобождение, разотчуждение, свобода / и социальное*

творчество, социально-творческое преобразование, «царство свободы»

социальные движения – см. *активность социальных движений и НПО, альтерглобализм, новые социальные движения (НСД)*

социальные трансферты 38, 50, 145, 373, 410, 412

социальный капитал – см. *капитал*

спорт 41, 355

«способ координации» – см. *координация*

способ производства 211–212, 228, 334, 346, 433, 481

буржуазный 74, 228

добуржуазный (-ые) 218–228, 231, 248

постбуржуазный 326

азиатский 218, 219, 223, 327, 401, 433

античный 217, 433

капиталистический 125, 132, 231, 236, 280, 307

первобытно-общинный 217

посткапиталистический 61

феодальный 433

западный 219

см. также: *цивилизации (-я) / западная*

см. также: *производительные силы, производственные отношения, экономическая формация, экономические системы*

средства массовой информации (СМИ, масс-медиа) 58, 168, 170, 383

см. также: *манипулирование / масс-медийное*

СССР 7, 17, 20, 28, 33, 36, 38, 44, 45, 53, 63, 65, 67, 72, 74, 75, 87, 114, 133, 144, 157, 182, 191, 238, 258, 267, 269, 270, 294, 296, 299, 300, 306, 309, 310, 311, 314, 315, 319, 332, 333, 336, 361, 404, 431, 436, 452, 457, 463, 465, 473, 480, 488, 49, 494, 497, 499, 517, 521, 522, 525

см. также: *«мутантный социализм», «реальный социализм», «Оттепель» в СССР*

сталинизм 21, 23, 28, 44, 53, 113, 140, 194, 286, 299, 437, 444, 449, 451, 455, 466, 476, 488, 491, 500, 505, 521

и постмодернизм как его alter ego 186, 190–192

как «практический постмодернизм» 191

стоимостное строение капитала – см. *капитал*

стоимость 46, 48, 50, 122, 123, 126, 130, 152, 156, 167, 176, 323, 357, 363

закон стоимости 46, 51

и меновая стоимость 167

простая форма стоимости 122, 126, 134

противоречие стоимости и потребительной стоимости 363

см. также: *потребительная стоимость, прибавочная стоимость, товар, трудовая теория стоимости, цена*

страны «второго» и «третьего» мира 53, 69, 248, 337, 403, 450, 526

см. также: *беднейшие страны, глобализация, мир-системный подход, периферия*

страны «первого» мира 446

строение капитала – см. *капитал*

субъект 90, 114, 155, 163, 171, 178, 191, 206, 251, 368, 440, 477

ассоциированного социального творчества –
см. *ассоциированное социальное творчество*

диалога – см. *диалог*

креатосферы – см. *креативная деятельность*

пролетариат как субъект-творец истории – см. *пролетариат*

революции – см. *революция*

со-творчества – см. *со-творчество*

творческой деятельности – см. *творческая деятельность*

труда – см. *труд*

не-субъект («профессионал-не-субъект», не-субъект не-истории)
89, 192, 259, 260

общественный (социальный, общественных отношений) 16, 72,
94, 102, 137, 138, 141, 143, 147, 156, 192, 239, 453, 454

рынка 46, 48, 69, 249, 357, 373, 383, 398, 448, 451

социально-творческий 59, 138, 140, 147, 245, 246, 260, 265, 456,
469, 474–475, 478, 489, 490, 503, 506, 529

социальных преобразований (общественного обновления,
исторических действий) 57, 59, 139, 155, 158, 196, 197, 249, 308,
431–432, 449–452, 455, 457, 460–461, 469, 490, 516

и пострыночные отношения 44, 57, 60, 207

субъект-субъектные отношения 100, 102, 245, 440, 522

см. также: *актор (-ы) экономики, десубъективация, «прогрессор»*

сущность

и явление 69, 113, 115, 119, 243, 272, 364, 366, 420

в методологии марксизма (в диалектике) 92, 108, 120, 149, 254,
255, 285–286, 366, 391, 421

отличие превратных форм от сущностных процессов 155, 158,
159, 167, 177, 179, 244, 362, 458

различных социально-экономических явлений 9, 10, 44, 47, 69,
70, 104, 123, 130, 134, 204, 227, 277, 371, 404, 449, 462, 464

родовая сущность человека – см. *человек*

см. также: *явление*

сфера услуг 30, 58, 202, 379, 381

см. также: *услуги*

США 13, 32, 33, 38, 42, 72, 86, 97, 114, 117, 128, 192, 204, 221, 224, 227,
230, 237, 263, 270, 276, 280, 281, 282, 297, 301, 308, 309, 337, 348,
349, 387, 399, 408, 412, 413, 418, 420, 421, 428–429, 431, 445, 446,
473, 474, 518, 523, 527

см. также: *Америка*

творческая деятельность 28, 30–31, 47, 51, 57, 59, 70, 72, 98, 99, 105, 175, 180, 198, 252, 256, 291, 333, 370, 374, 394, 408, 436, 442, 457, 463, 464, 467, 468, 469, 474, 477, 478, 482, 483, 494
ее субъект 101, 102, 175, 179, 248, 250, 480, 482, 511, 515
см. также: *субъект / социально-творческий*
ее противоречия 100–104, 464
как главный «ресурс» и ценность развития 85
в «царстве необходимости» 483–485
связь меры развития творческой деятельности
со спецификацией прав собственности 479
см. также: *развитие / человеческих качеств*
см. также: *диалог / творческая деятельность-диалог, креативная деятельность, креатосфера / ее развитие, распределение, со-творчество, социально-творческое преобразование, социальное творчество, творчество, труд / творческий*
творчество – см.: *распределение, со-творчество, социальное творчество, субъект / субъект-субъектные отношения, творческая деятельность, homo креатор, человек / креатор*
теория
экономическая – см. *экономическая теория*
и практика – см. *практика*
предельной полезности 46, 47, 353, 358, 360, 362, 363, 393
предельной производительности 454
прибавочной стоимости – см. *прибавочная стоимость*
терроризм 100, 452, 475, 495
технологический и социальный прогресс – см. *прогресс*
технологии 27, 29, 41, 51, 57, 148, 175, 226, 425, 516
высокие 38, 69, 313, 378, 380, 481
индустриальные 56, 74, 305, 335, 342, 379, 466
информационные 164, 379, 381
политические 422, 442, 456, 483
постиндустриальные 43, 305, 314, 326
см. также: *экономика / знаниеинтенсивная*
технологические (-ий, -ое)
предпосылки (базис) системы производственных отношений
54–56, 58, 74, 85, 214, 221, 225, 231, 252, 301, 331, 338, 339, 365, 373, 403
прогресс – см. *прогресс / технологический*
процессы 40, 105, 212, 393
развитие 59, 69, 73, 74, 133, 174, 230, 263, 314, 328, 378, 379, 382, 405, 433
уклады 45, 275, 323, 324, 325, 327, 335, 339, 377
индустриальный 29, 212, 325, 327
постиндустриальный 31, 74, 212, 325, 327, 333

товар 6, 9, 10, 44, 47, 75, 78, 79, 108, 120, 121, 123, 125, 126, 127, 129, 132, 152, 154, 166, 218, 228, 244, 271, 272, 340, 342, 362, 363, 367, 393, 400, 402, 423, 441, 443, 454, 518, 520
превращение культуры в товар 280, 380, 422
превращение процесса потребления в символический товар 167
см. также: *рынок, потребительная стоимость, стоимость, товарное производство, фетишизм / товарный*

товарное производство 34, 44, 45, 47, 62, 92, 117, 120, 122, 129, 132, 133, 134, 144, 167, 239, 278, 280, 367

товарный и денежный фетишизм – см. *фетишизм*

топ-менеджеры – см. *менеджеры*

транзакции 43, 128, 278, 279, 323, 381, 382, 386, 399, 422, 423

транзакционные
издержки 360, 378, 381
см. также: *трансформационные издержки*

транснациональные корпорации (ТНК) – см. *корпорации*

трансформации (-ия) 9, 79, 115, 118, 144, 146, 165, 169, 225, 234, 256, 257, 269, 271, 280, 289, 299, 301, 303, 305, 306, 311, 322, 335, 336, 376, 379, 394, 396, 416, 425, 472, 473, 476

глобальные 63, 81, 83, 86–110

«царства необходимости» в «царство свободы» –
см. *переход от «царства необходимости» к «царству свободы»*

см. также: *развитие, трансформационные экономики, эволюция*

трансформационные
издержки 360

процессы
как предмет изучения современным марксизмом 73
особое значение влияния социальных интересов и политики на экономические процессы в трансформационных состояниях (обратное воздействие «надстройки» на базис) 216
как фактор, задающий специфику России 302

экономики 218, 284, 387, 405
востребованность марксистской методологии для их изучения 73
их место в классификации экономических систем 337
принципы их исследования с точки зрения *economics* 387–388
см. также: *трансформации*

труд
абстрактный 48
всеобщий 19, 35, 132, 146, 176, 212, 252
живой 212
индустриальный 56, 132, 203, 205, 248, 335, 339, 379, 450, 511
коллективный 47

машинный 212
«мертвый» (овещенный) 48, 51, 212
наемный 42, 45, 48, 75, 117, 123, 133, 134, 145, 146, 156, 203, 248,
280, 325, 327, 330, 331, 333, 335, 340, 342, 404, 454, 473, 478, 518
прибавочный 37, 158–159
репродуктивный 31, 99, 102, 105, 175, 379, 436, 453, 465, 469, 490,
512
ручной 55, 56, 212, 213, 224, 328, 331, 335, 339, 424
свободный 44, 57, 158, 327, 335
творческий 19, 35, 146, 176, 212, 252, 335
умственный 224
его двойственный характер 46–47
изменение его содержания 85, 454
мотивы, мотивация 102, 301, 302, 384, 415
освобождение труда 57, 512
 формальное 59, 74, 327, 491, 512
 реальное 327, 512
предмет труда 66
его субъект 453
продукт труда 35, 243, 361
производительность труда 31, 43, 58, 59, 72, 157, 212, 213, 320,
473, 476, 478, 485
см. также: *деятельность, общественное разделение труда,
переход от формального к реальному подчинению труда
капиталу, подчинение труда капиталу, политическая
экономия / труда, трудовая теория стоимости*
трудовая теория стоимости 18, 20, 34, 361, 364, 366, 378, 393
и теория предельной полезности 46–47, 363
см. также: *прибавочная стоимость, стоимость,
теория предельной полезности*

университеты
 публичные (общественные) 41
 их превращение в супермаркеты по продаже симулирующих
 творческие результаты «информационных продуктов» 175,
 178–179
 как среда, в которой сохранились исследователи, занятые
 «большими нарративами» 180, 420
 экспансия в них и через них «экономического империализма» 421
управляющие 384
 см. также: *менеджеры, профессионалы*
услуги 167, 379, 384, 395, 411, 423
 см. также: *сфера услуг*
устойчивое развитие – см. *развитие*

утилитарное потребление – см. *потребление*
участие работников в управлении 158, 412
см. также: *коллективные предприятия*

фабрика

как этап в генезисе капитала 55, 177
как первичное хозяйственное звено в эпоху развитого
индустриального капитализма 373
крепостные фабрики в России XIX века 56

фаkты 85, 112, 126, 127, 150, 151, 152, 201, 204, 254, 255, 292, 333, 350,
381, 425, 426, 446

их отличие от эмпирических данных 366
и конкретное в диалектической логике 253
и практика 78, 137–149

см. также: *практика (общественная практика)*

фальсификация 362, 426, 427

см. также: *верификация*

фашистские диктатуры – см. *диктатуры*

феминизм 66

феодализм 55, 58, 234, 290, 295, 299, 336, 364, 373, 485, 488, 518, 527

феодальный способ производства – см. *способ производства*

фетишизм 82, 237, 244, 376, 398, 425

денежный 35–36, 167, 228, 242, 454

товарный 27, 152, 156, 167, 280, 367

товарный и денежный 35, 46, 152, 240, 247, 362, 363, 369, 441, 443
правовой 288

фетишизация 105, 156, 459

его «удвоение» вследствие развития мира симулякров 79, 167

как предпосылка возникновения превратных форм 156

см. также: *вещизм, вещная зависимость, овещнение,*
отчуждение, превратные формы

фиктивные (-ый)

блага 165

капитал – см. *капитал*

философия истории – см. *исторический идеализм, исторический*
материализм, история

финансиализация 378

финансовый капитал – см. *капитал*

Финляндия 41, 392

формальное и реальное подчинение труда капиталу –

см. *подчинение труда капиталу, переход от формального*
к реальному подчинению труда капиталу

формальное освобождение труда – см. *труд*

- форма 37, 45, 47, 75, 104, 105, 135, 140, 143, 150–160, 169, 170, 171, 172, 174, 187, 197, 198, 244, 254, 255, 271, 272, 311, 362, 363, 364, 409, 431, 487, 512
см. также: *содержание*
- формации – см. *экономическая общественная формация*
- формационный подход 68–73, 211, 283–290
критика его с позиций исследования добуржуазных способов производства 218–228
критика его с позиций цивилизационного подхода 274–283
«пятичленка» 68, 69, 80, 222
см. также: *экономическая общественная формация*
- Франция 42, 258, 269, 280, 295, 299, 302, 402, 418, 517, 526
см. также: *Парижский май 1968 г., Парижская коммуна*
- фундаментализм – см. *религиозный фундаментализм, рыночный фундаментализм*
- фундаментальная наука – см. *наука*
- фундаментальное противоречие исторического процесса – см. *исторический процесс*
- футуризм
как снятие консерватизма 513–529
не-футуристичность постмодернизма 197
- хомо креатор (*homo creator*) 47
см. также: *креативный класс*
- хомо советикус (*homo soveticus*) 114, 258, 300
- хомо экономикус (*homo economicus*) 114, 135, 228, 378, 381
внутренняя конкуренция с самим собой 424
несводимость индивида к нему 385
- «Цаголовская школа» в марксизме – см. *марксизм*
- «царство необходимости» 27, 43, 64, 70, 80, 90, 106, 134, 214, 217, 236, 242, 244, 246, 249, 256, 259, 260, 338, 462, 468, 471, 476, 478, 480, 483, 484, 485, 486, 490, 492, 493, 498, 499, 501, 503, 507, 508, 510
его «закат» 9, 11, 61, 76, 78, 80, 97
его снятие 27, 64, 70, 82, 191, 214, 236, 437, 486
см. также: *отчуждение, переход от «царства необходимости» к «царству свободы», предыстория*
- «царство свободы» 7, 11, 27, 28, 43, 52, 61, 62, 76, 78, 82, 217, 240, 388, 400, 436, 446, 453, 455, 466, 467, 473, 480, 481, 484, 490, 492, 493, 498, 508, 510, 511, 512
его генезис 28, 30, 66, 99, 144, 491, 492
его предпосылки 457
как снятие предыстории 511

- см. также: *коммунизм, переход от «царства необходимости» к «царству свободы», посткапиталистическое общество, свобода, социальное творчество*
- цена 46–47, 121, 159, 364, 379, 407, 412
как денежное выражение стоимости 48
как рыночный сигнал 357
производства 48
рабочей силы 127, 362
трансфертные цены 383
государственное регулирование цен 127, 411
см. также: *стоимость*
- ценности и мотивы
их детерминация социально-экономическими структурами (производственными отношениями, общественными системами) 46, 214, 247, 248, 280, 302, 369, 397, 429, 478, 484, 499, 479
их большая инерционность по сравнению с экономико-политическими отношениями – 256
нерыночные (пострыночные) 136, 300, 401, 402, 445, 478, 491
см. также: *фетишизм*
- «центр» и «периферия» 66, 227, 229–231, 234, 293, 507, 526, 527
см. также: *глобализация, мир-системный подход, периферия, «Север», «Юг»*
- цивилизации (-я)
восточные 218, 221, 231, 523
см. также: *«Восток»*
западная (европейская) 69, 98, 227, 231, 235, 247, 253, 263, 266, 267, 273, 276, 282, 287, 288, 291, 313, 426, 523, 525, 530
см. также: *«Запад»*
диалог цивилизаций 267, 272
«столкновение» цивилизаций 68–69, 98, 150, 234, 262, 267, 282
- цивилизационный подход
его «снятие» социальной философией марксизма 261, 262–292, 517–521
понимание им религии – см. *религия / ее понимание в цивилизационном подходе*
см. также: *западничество, славянофильство*
- частная собственность – см. *собственность*
- «челноки» 442
- человек
его родовая сущность 102, 106, 140, 239, 242, 246, 255, 256, 257, 288, 290, 361, 433, 439, 440, 453, 455, 482, 488, 489, 504, 509, 515, 516, 522

его сведение к роли и функции вещи – см. *вещи*
как функция рынка – см. *вещная зависимость*
креатор (креативный работник) 7, 47
см. также: *креативный класс, креатосфера, хомо креатор*
общественный 72, 146
трактовка проблемы человека как актора экономики
в политической экономии и в esopotomics –
см. *политическая экономия*
см. также: *личность, освобождение, отчуждение,*
хомо советикус, хомо экономикус
человек, общество и природа 65, 66, 67, 99, 212, 223, 224, 231, 241,
246, 260, 263, 264–265, 271, 274, 279, 290–291, 293, 304–305, 320, 327,
355, 386, 398, 406, 412, 432, 433, 438, 453, 456, 462, 483, 487, 525
см. также: *природа*
человеческие качества 258, 445, 488
время развития их (свободное время) в соотношении
с рабочим временем как критерий эффективности 408
их как бы присвоение внешними социальными силами
в процессе отчуждения 242
степень развития их как мера прогресса 472
подчинение власти товаров и денег в условиях господства
рынка и капитала 35
превращение в капитал в условиях глобальной гегемонии
корпоративного капитала 87
присвоение их фирмой (рынком) как проявление новой формы
реального подчинения уже не труда, но человека капиталу 423
прогресс (развитие) их 32, 58, 72, 156, 476
регресс их 472
рост их значения 51
слабая степень развития их в эпоху «предыстории» 256
см. также: *диалог / как способ обеспечения прогресса*
человеческих качеств, личность, развитие / человеческих
качеств, хомо креатор, человек
человеческие отношения – см. *диалог, личность, субъект,*
хомо креатор, человек
человеческий капитал – см. *капитал*
Чили 270, 446

Швеция 120, 277, 392
школы экономической теории – см. *экономическая теория*
«шоковая терапия» 50, 53, 71, 75, 258, 334

«щель» (в постмодернизме) 172–173
см. также: *постмодернизм*

- эволюция 58, 93, 94, 95, 102, 108, 111, 112, 120, 123, 124, 146, 158, 186, 190, 207, 215, 251, 260, 264, 265, 276, 287, 288, 289, 302, 303, 305, 308, 313, 316, 320, 321, 324, 346, 373, 374, 387, 394, 486, 494
см. также: *изменения / эволюционные, развитие*
- эквивалентный обмен 379
- экология 29, 36, 58, 66, 67, 196, 212, 297, 360, 379, 381, 393, 406, 407, 408, 414, 433, 467, 468, 474, 476
см. также: *биогеосфера, природа, человек, общество и природа, экосоциализм*
- экономика
- глобальная 227, 232, 324, 330, 343, 386, 387, 388, 390, 391, 392, 394, 395, 402
- знанияинтенсивная – см. *знания*
- знаний – см. *знания*
- информационная – см. *информационное общество*
- современная капиталистическая – см. *капитализм*
- дориночная 401
- рыночная – см. *рыночная экономика*
- пострыночная – см. *пострыночные отношения*
- симулякров 238
см. также: *производственные отношения, способ производства, экономические системы*
- экономикс (economics)
- трактовки предмета и метода 117, 128, 159, 174, 366, 372–375, 390, 413
- возможности интеграции с политической экономией и другими экономическими школами 37, 351–356, 360–365, 365–366, 389–391, 394
- его доминирование в науке и преподавании причины и последствия 351, 356–360, 417, 421–422, 424, 426–427
- его критика и описание проблем, которые он не охватывает 43, 81, 319, 348, 349, 350, 365–366, 375–376, 376–389, 391, 410
- его рыночноцентричность 396–401, 406, 413
см. также: *основное течение (mainstream), неоклассика, «новая» политическая экономия (политическая экономика, political economics), человек / трактовка проблемы человека, экономическая теория, «экономический империализм»*
- экономическая общественная формация (общественно-экономическая формация) 9, 39, 42, 43, 68, 69, 129, 130, 211, 212, 214, 216, 217, 219, 220, 222, 228, 248, 249, 255, 256, 259, 274, 280, 281, 283, 329, 330, 338, 345, 346, 368, 369, 370, 388, 397, 433, 480, 498
см. также: *способы производства, формационный подход*

- экономическая политика см. *государственное регулирование, капитализм / модели позднего капитализма, провалы рынка, регулирование экономики*
- экономическая теория
- ее рыночноцентричность – см. *экономикс / его рыночноцентричность*
 - рассмотрение экономических систем различными школами экономической теории (результаты сравнительного анализа) 322–324
 - политическая экономика (political economics, «новая» политическая экономия) 354, 417, 427, 429, 430
 - «экономика школьной доски» («black board economu») 356, 395
 - эко-социо-гуманитарно-ориентированная теория
 - как противоположность узко-экономическим (рыночным) подходам (постклассическая экономическая теория) 388, 432
 - см. также: *институционализм, кейнсианство, маржинализм, монетаризм, неоклассика, основное течение (mainstream), плюрализм / в экономической теории, политическая экономия, теория / предельной полезности, трудовая теория стоимости, экономический империализм*
 - экономические кризисы 21, 75, 375, 415, 425
 - см. также: *мировой финансовый и экономический кризис*
 - экономические отношения 53, 70, 132, 212, 248, 277, 278, 318, 366, 368, 370, 379, 384, 385, 387, 411, 414, 455
 - до-рыночные 401–405, 452
 - рыночные – см. *рынок, рыночная экономика*
 - пострыночные 82, 405–409, 409–415
 - см. также: *способ производства*
 - экономические системы (социально-экономические системы) 43, 54, 70, 81, 222, 223, 247, 274, 318, 319, 320, 323, 326, 369, 370, 387, 394, 415
 - см. также: *гипотеза «периодической системы» параметров (элементов) экономических систем, способ производства «экономический империализм»* 79, 81–82, 111, 128, 236, 397, 441
 - его критика 348–396
 - и «политическая экономика»: причины и пределы экспансии 417–434
 - альтернативы ему 354, 432
 - см. также: *рыночный фундаментализм, экономикс (economics)*
 - экономический человек 121, 144, 279
 - см. также: *хомо экономикс (homo economicus)*
 - экономическое образование – см. *образование*
 - экоциализм 26, 66
 - см. также: *биогеосфера*

эксплуатация 7, 10, 29, 37, 70, 158, 203, 205, 206, 207, 240, 241, 242,
243, 282, 307, 353, 359, 429, 454, 485, 490
борьба за освобождение от нее 236, 498, 516, 528
мера 454
норма 485, 487
способ 218, 219
эффективность 17, 28, 42, 44, 57, 95, 140, 278, 305, 340, 365, 366, 367,
372, 373, 384, 396, 406, 408, 419, 427, 429, 446, 483

ЮАР 269
Юг 268, 270, 386, 527
Югославия 69, 110, 272, 446

явление 85, 174, 422
в методологии марксизма (в диалектике) 40, 94, 114, 125, 126,
129, 142, 143, 151, 171, 175, 353, 366, 425, 428, 432
и сущность 69, 113, 115, 119, 364, 420
трактовка различных социально-экономических явлений 55,
81, 95, 200, 206–207, 227, 258, 354–355, 364, 414, 418, 427, 465,
497, 498
см. также: *сущность*
Япония 13, 86, 253, 263, 269, 281, 350, 421

подробное оглавление

6	<i>предисловие к третьему изданию</i>	
15	<i>прелюдия Социальная теория марксизма: в чем были правы и в чем ошибались Карл Маркс и его последователи</i>	
	<i>глава 1 Реактуализация марксизма: российские дискуссии</i>	17
	МАРКСИЗМ: ДЕБАТЫ В РОССИИ 2000-х	17
	ПОСТСОВЕТСКАЯ ШКОЛА КРИТИЧЕСКОГО МАРКСИЗМА	23
	<i>глава 2 Реактуализация марксизма: старые вопросы и старые ответы остаются в определенной мере актуальными</i>	32
	<i>Маркс исследовал законы классического индустриального капитализма. Не так ли?</i>	34
	<i>Рынок «доказал» свою эффективность: тезис о диалектическом единстве производительных сил и производственных отношений устарел?</i>	42
	<i>Многие открытые Марксом общественные законы сегодня не действуют. Почему?</i>	50
	СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ XX ВЕКА ПРОИЗОШЛИ В СЛАБОРАЗВИТЫХ СТРАНАХ И ЗАКОНЧИЛИСЬ КРИЗИСОМ «РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА». ERGO?	53
	<i>глава 3 Реактуализация марксизма: новые ответы на новые вопросы</i>	61
	ГЛАВНЫМИ СЕГОДНЯ СТАНОВЯТСЯ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, А НЕ КЛАССОВАЯ БОРЬБА: «ПРОВАЛ» МАРКСИЗМА?	61
	ФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД НЕ ОБЪЯСНЯЕТ «СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» И ЗИГЗАГОВ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: МАРКСИСТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ УСТАРЕЛА?	68
	В РОССИИ ВОССТАНАВЛИВАЕТСЯ КАПИТАЛИЗМ. СЛЕДОВАТЕЛЬНО... МАРКСИЗМ ПОКАЗАЛ СВОЮ АКТУАЛЬНОСТЬ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОСТСОВЕТСКИХ СОЦИУМОВ?	73

77	Возрождение методологии <i>предисловие к 1-му тому</i>	
84	<i>часть I</i> Обновление диалектики: альтернативы позитивизму и постмодернизму в методологии XXI века	
	<i>глава 1</i> Диалектика: в поисках ответов на вызовы глобальных трансформаций XXI века	86
	О некоторых причинах «забвения» диалектики	87
	НОВЫЕ ОТВЕТЫ НА ВЫЗОВЫ НОВЫХ ПРОБЛЕМ: диалектика «ЗАКАТА» и ГЕНЕЗИСА СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ	91
	Диалектика со-творчества	98
	Диалектика в мире сетевых структур	104
	<i>глава 2</i> Диалектика как адекватный метод исследования сложных социальных систем: к критике позитивизма и прагматизма	110
	Диалектика как адекватный метод исследования сложных общественных систем: «АКСИОМЫ ДИАЛЕКТИКИ»	111
	КОНСТРУКТИВНОСТЬ МЕТОДА ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ: ПЕРВАЯ ТЕОРЕМА ДИАЛЕКТИКИ	115
	Историческое и логическое: возможность выделения «КРАСНОЙ НИТИ» истории. Вторая теорема диалектики	127
	<i>глава 3</i> Практика и Истина: диалектика как метод снятия наваждений в мире превратных форм	137
	Критерий истины: практика versus факты	137
	Диалектика: как увидеть содержание в мире мороков и превратных форм	150
	<i>p.s.</i> Альтернативы деконструкции: блеск и нищета постмодернизма	161
	Неслучайность постмодернизма	163
	Исходный пункт постмодернизма. Страх перед реальностью: симулякр, или Как бы методология как бы исследований	165
	Бегство от системности. Детерриализация и децентрация: как бы методология вынуждена отказаться от позиционирования и структурирования и искать щели не-бытия	172

Отказ от поиска Истины. КОНЦЕПТЫ ВМЕСТО «БОЛЬШИХ НАРРАТИВОВ»	177
Тотальная капитуляция постмодернизма. Деконструкция как сущность как бы методологии не-существенного	182
СНЯТИЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА: ПОЗИТИВНОСТЬ ДИАЛЕКТИКИ КАК АЛЬТЕРНАТИВЫ ТОТАЛЬНОМУ КОНТРОЛЮ И ТОТАЛЬНОМУ БЕЗРАЗЛИЧИЮ.....	186
<i>Постмодернизм как Alter Ego сталинизма.....</i>	<i>186</i>
<i>Диалектика: критика как основание для альтернатив.....</i>	<i>193</i>
<i>Диалектика: альтернативы как снятие критики.....</i>	<i>197</i>
ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ КОНСТРУКТЫ «ИМПЕРИИ» И «МНОЖЕСТВА» КАК СИМУЛЯКРЫ ПРОТИВОРЕЧИЙ НОВОЙ ЭПОХИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ К ТЕКСТУ О ПОСТМОДЕРНИЗМЕ).....	199
<i>Новое слово в марксизме? (Несколько слов о методологии)...</i>	<i>200</i>
<i>Империя. Модное слово или реальность? И если реальность, то какая?.....</i>	<i>202</i>
<i>«Множество»: есть ли альтернатива империи, и если да, то какая?</i>	<i>204</i>
<i>Почему «Империя» и «Множество» оказались столь популярны.....</i>	<i>207</i>

209 часть 2 Социальная философия марксизма: перезагрузка

<i>глава 1 Теория способа производства: классика и не только.....</i>	<i>211</i>
МАРКСИЗМ КАК КРИТИКА ОДНОСТОРОННЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА: ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ, ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И «НАДСТРОЙКИ»	212
«БЕЛЫЕ ПЯТНА» МАРКСИЗМА: ДОБУРЖУАЗНЫЕ СПОСОБЫ ПРОИЗВОДСТВА	218
«БЕЛЫЕ ПЯТНА» МАРКСИЗМА: СОЦИОПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИИ	228
<i>глава 2 Инварианты всемирной истории:</i>	
<i>Отчуждение. Человек. Культура</i>	<i>236</i>
РЕАКТУАЛИЗИРУЯ НАСЛЕДИЕ «ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ»: СОЦИАЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ	236
ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ПРЕДЫСТОРИИ	245

<i>Культура как пространство-время свободы и как рефлексия отчуждения: прогрессор и конформист</i>	250
глава 3 Социальная философия марксизма:	
снятие «цивилизационного подхода»?	262
О СПЕЦИФИКЕ И ПРИЧИНАХ НЫНЕШНЕГО ГОСПОДСТВА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА	262
«ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ» ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: К ВОПРОСУ О «СВОЕОБЫЧНОСТИ» РЕЛИГИЙ И «УНИВЕРСАЛИЗМЕ» РЫНКА	274
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ ИНТЕГРАЦИИ МАРКСИЗМА И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА	283
«ЧТО РУССКОМУ ХОРОШО, ТО НЕМЦУ СМЕРТЬ», или ЕЩЕ РАЗ О Т.Н. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ РАЗЛИЧИЯХ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ К ГЛАВЕ 3)	290
p.s. Социальная философия марксизма: понять Россию умом ...	293
Как нельзя искать специфику России.....	293
Как можно искать специфику российского социума.....	298
<i>Особенности социально-исторической эволюции России</i>	298
<i>Особенности социально-пространственного бытия России ...</i>	304
<i>Особенности «субъективного фактора»</i>	309
ПРЕВРАТНЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ, или ЕЩЕ РАЗ О СОБОРНОСТИ, ДУХОВНОСТИ И Т.Д. РОССИЯН.....	310
«ПРОЕКТ РОССИЯ»: ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА КАК ФАКТОР ВЫРАБОТКИ СТРАТЕГИИ БУДУЩЕГО (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ К ПОСТСКРИПТУМУ)	313
317 часть 3 Методология политической экономии: реактуализация классики	
глава 1 Экономика как развитие исторически-конкретных экономических систем: структура и «периодическая система» элементов (к вопросу о структуризации и типологизации экономических систем).....	319
ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ.....	321
«ПЕРИОДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА» ПАРАМЕТРОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА. «ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЗАКОН».....	325
К ПРОБЛЕМЕ ФОРМАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ «ПЕРИОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ»	335

Гипотеза «периодической системы параметров»: некоторые свойства n-мерного социально-экономического пространства-времени	343
<i>глава 2 Economics как прошлое:</i>	
к критике «экономического империализма»	348
Политическая экономия и economics:	
к постановке проблемы	351
Причины доминирования economics в науке и преподавании	356
Возможен ли синтез economics и политической экономии?	360
Проблемы, которые нельзя решить, оставаясь в русле economics	365
Отступление. Проблема Человека в марксистской социально-экономической теории. Прологомены	366
Экономика XXI века: адекватен ли economics для исследования ее специфики?	376
К проблеме плюрализма экономических теорий.....	389
<i>глава 3 «Рыночноцентрическая»</i>	
экономическая теория устарела	396
Практические и методологические причины «рыночноцентризма»	397
Дорыночные экономические отношения как феномены практики и предмет теории	401
Существуют ли пострыночные экономические отношения?	405
Социально-экономическая деятельность государства как одна из сфер генезиса пострыночных отношений	409
<i>p.s. «Экономический империализм» и «политическая экономика»:</i>	
причины и пределы экспансии	417
435 По ту сторону отчуждения: социальное творчество и свобода <i>послесловие к 1-му тому</i>	
<i>глава 1</i> В поисках «формулы» свободы	438
Потенциал и пределы «негативной» свободы: к критике практики либерализма.....	438

«Позитивная свобода»: от познания необходимости к социальному творчеству (к критике теории либерализма).....	444
Классовая борьба: освобождение как снятие отчуждения (к критике постмодернизма)	453
<i>глава 2</i> Ассоциированное социальное творчество как сущность процесса социального освобождения	462
Субъект и процесс социального творчества: свободная ассоциация	462
Социальное освобождение: потенциал и пределы прогрессорства	469
Мир отчуждения и креатосфера: закон взаимообогащения прогресса культуры и социального освобождения	477
<i>глава 3</i> Социальные революции: контрапункты социального освобождения, культуры и отчуждения.....	486
Еще раз к проблеме взаимообогащения культуры и социального освобождения. Некоторые комментарии...	486
Революция как праздник: диалектика созидания и разрушения	493
Социальная революция как временное торжество «царства свободы»: противоречия социальных революций. Революции как «праздник культуры».....	498
Революция как творчество трудящихся.....	503
Революции как локомотивы истории, революции и реформы.....	507
Социализм как процесс нелинейной трансформации «царства необходимости» в «царство свободы»: эскизы к портрету	510
<i>p.s.</i> Футуризм как снятие консерватизма: в поисках альтернатив мультикультурализму	513
Хиджабы на Елисейских полях	513
Мультикультурализм как конформизм, или Еще раз о цивилизационном подходе и критериях прогресса.....	517
Маркс, Бахтин и культурная ответственность интеллигента как условие социального освобождения: проблема диалога	521
«По ту сторону» симулякров культурного протеста	527

531 *библиография*

556 *указатель имен*

569 *предметный указатель*

633 *подробное оглавление*

Бузгалин А.В., Колганов А.И.

Глобальный капитал

В 2-х тт.

Т. 1.

Методология:

по ту сторону позитивизма, постмодернизма

и экономического империализма

(Маркс re-loaded)

Оформление И. Бернштейн

Вёрстка Т. Волохова, Е. Кудрявцев

Подписано в печать 29.09.2014. Формат 60×90/16

Гарнитура CharterС.

Печ. л. 40. Тираж 1200 экз. Зак. №

ООО «ЛЕНАНД».

117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 11А, стр. 11.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография».

Филиал «Чеховский печатный двор».

142300, Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.